ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В 24 ТОМАХ

ТОМ 14

ПЕРИОД АНГЛИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ИНДИИ

МИНСК
СОВРЕМЕННЫЙ
ЛИТЕРАТОР
1999

УДК 950(03)
ББК 63.3(0)51
В 84

Авторы:
А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек, О. А. Воротникова, А. Глобус, А. С. Кишкин, Е. Ф. Конев, П. В. Кочеткова, В. Е. Кудряшов, Д. М. Нехай, А. А. Островцов, Т. И. Ревяко, Г. И. Рябцев, Н. В. Трус, А. И. Трушко, С. А. Харевский, М. Шайбак

Редакционная коллегия:
И. А. Алябьева, Т. Р. Джум, С. М. Зайцев, В. Н. Цветков, Е. В. Шиш

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В 84 **Всемирная история:** В 24 т. Т. 14. Период английского завоевания Индии / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. — Мн.: Современ. литератор, 1999. — 512 с.
ISBN 985-456-282-4.

Четырнадцатый том «Всемирной истории» рассматривает вопросы распада Османской империи, империи Великого Могола, завоевание Индии англичанами, освоение Австралии, торговые войны колониальных империй.

УДК 950(03)
ББК 63.3(0)51

ISBN 985-456-282-4 (т. 14)
ISBN 985-456-135-6

© Современный литератор, 1999

ГЛАВА 1

НАЧАЛО РАСПАДА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. БАЛКАНСКИЕ И АРАБСКИЕ НАРОДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII В.

РАСЦВЕТ МОГУЩЕСТВА ТУРЦИИ В XVI—XVII ВВ.

К началу XVI в. Османская империя прочно обосновалась на Балканском полуострове, который был превращен в огромный плацдарм для дальнейшего движения турок на Европу. Река Дунай не могла служить вечной границей между Турцией и Европой. Турок манили плодородные европейские территории — Венгрия, Австрия, Польша. Они считали себя также законными наследниками появившихся после распада Золотой Орды ханств — Астраханского, Казанского и Крымского. Одновременно турецкая экспансия распространялась и на плодородные территории Азии и Африки. Турки ведут бесконечную борьбу с возникшей в самом начале XVI в. в Иране монархией Сефевидов из-за Закавказья и Месопотамии, а с египетскими мамелюками — из-за Сирии и самого Египта. Против турок создаются сложные коалиции,

в которых далеко не последнюю роль играет Венеция, тщетно мечтавшая вернуть себе былое торговое значение на Востоке. Если борьба европейских держав с турками в XVI в. носила оборонительный характер, то Венеция пробовала наступать. Послы республики прилагали в 1473—1475 гг. все усилия к тому, чтобы побудить могущественного туркменского повелителя Узун-Хасана выступить против турок. Венецианский дож Николо Троно отправил в 1472 г. через Москву своего посла Вана Батист-Тревизана к золотоордынскому хану Ахмету, чтобы склонить его к войне с турками Когда попытки военной коалиции против Турции не увенчались успехом, венецианцы заключили в 1479 г., после шестнадцатилетней войны (1463—1479 гг.), мирный договор и приступили к поискам новых путей на Восток, через территории, лежавшие к северу от Турции.

В эти поиски включилась также и Генуя. В 1520 г. для отыскания сухопутного пути в Индию приезжал в Москву генуэзец Паоло Центурион, а в 1537 г. венецианец Марко Фоскарини. С аналогичными целями приезжали неоднократно венецианские купцы из Таны в Астрахань. Но, как известно, только англичанину Дженкинсону в середине XVI в. удалось через Московское государство установить торговую связь с Востоком, да и то не с Индией, а с Ираном. Турки оставались далеко не равнодушными зрителями этих попыток подорвать значение транзитных путей на Восток, которые они держали в своих руках. На протяжении всего XVI в. они не только противодействовали проискам венецианцев и генуэзцев, но и вели борьбу с португальцами, пользовавшимися открытым в 1498 г. морским путем в Индию. Захват в конце XV в. (1475 г.) Крыма и Таны (Азов), походы XVI в. на Астрахань и упорная борьба с Ираном — звенья одной и той же политической линии, которая, по мнению турок, могла вернуть им выгоды, утраченные в связи с морскими открытиями португальцев. Уже в 1509 г. турки сделали первую неудачную попытку прорыть Суэцкий перешеек. В 1524 г. они ее повторили.

В царствование султана Селима (1512—1520 гг.) турки перешли к широко задуманным сухопутным операциям, имевшим все ту же цель овладения Египтом.

В 1516 г. Селим I разбил войска египетских мамелюков в Сирии и уже в 1517 г. захватил Египет. Фактически эта победа отдала в руки султана не только Египет, но и находившиеся от него в зависимости Сирию, Палестину и Аравию. Захват Египта принес турецкому султану не только громадные экономические, но и политические выгоды. В столице Египта, Каире, проживали потомки арабских халифов (Аббасидов), обосновавшиеся здесь, как гласит арабская легенда, после разгрома Аббасидского халифата монголами в 1258 г.

Селим I узурпировал в свою пользу права египетского халифа и, таким образом, к своему титулу султана присоединил еще титул халифа, «наместника аллаха», или «тени бога на земле». Это значительно увеличило авторитет султана в глазах всех мусульман Став главой ислама, султан подчинил себе духовенство и заставил его служить государственной власти. В течение 1514—1518 гг. турки овладели в Азии Курдистаном, частью Закавказья и Дагестаном. Но борьба с Ираном оказалась тяжелее, чем предполагал султан. Даже после разгрома иранских войск турками в 1514 г. при Чальдиране последним не удалось подчинить себе Иран. Наконец, в 1538 г. турки сделали попытку отправить свой военный флот из Красного моря в Индию. Но португальцы оказали решительное противодействие и не допустили турецкий флот в Индию.

СУЛЕЙМАН II

Царствование султана Сулеймана II (1520—1566 гг.) может считаться наивысшим этапом развития турецкого могущества. В 1526 г. турки заняли Белград, а затем, в битве при Могаче, разбили чешско-венгерскую армию и с этого времени превратили Венгерское королевство в свою провинцию. Спустя три года они были уже у ворот Вены. В 1529 г. турки сожгли предместье австрийской столицы, но взять ее с налета не могли. Вена так и осталась самым крайним пунктом в Центральной Европе, куда доходили турки. В 1534 г. Сулейман отвоевал у Ирана Месопотамию с Багдадом. Если принять во внимание турецкие захваты, сделанные в Триполи и Алжире, получится полное представление о размерах Османской империи при Сулеймане, раскинувшейся на трех материках.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА. ЯНЫЧАРЫ

Но царствование Сулеймана отмечено не только территориальными захватами. За свою административную деятель-

ность он получил в Турции прозвище Кануни, т. е. Законодатель. При нем Османская империя получила строгое административное устройство и была разбита на 21 вилайет (провинцию) с подразделением провинций на 250 санджаков (районов). Заботами ближайших советников султана — шейх-ул-ислама Абу-с-сууда, дефтедара Мухаммеда-Челеби и великого визиря Ибрагим-паши — была проведена реорганизация армии и турецкой военно-ленной системы. Турецкая армия состояла из двух частей: регулярной пехоты — янычар, количество которых доходило до 12 тысяч человек, и ополчения, выставляемого феодалами, наместниками провинций, князьями покоренных государств и, наконец, кочевниками (юрюки). Кроме того, турецкие мелкие феодалы, «спахи», составляли шесть отборных конных полков общей численностью в 12 тысяч человек.

Сипахи.
Турецкая миниатюра XVII в.

При Сулеймане был издан специальный регламент, или устав, янычарских войск. Количество янычар было доведено до 20 тысяч, причем они были разбиты независимо от своих полков (орта) на три категории. К первой и самой многочисленной принадлежали янычары, состоявшие на действительной военной службе, им было положено жалованье от 3 до 7 акче (или аспры) в день. Акче (аспра) — около 7 коп. серебром. Вторая категория состояла из заслуженных ветеранов, которые получали от 9 до 12 акче в день. Третья категория состояла из инвалидов, как солдат, так и офицеров, получивших ранения в боях. Попасть в эту категорию было чрезвычайно трудно. Ежедневное жалованье здесь колебалось от 30 до 20 акче. Янычарам второй и третьей категорий, а затем и первой, было разрешено вступать в брак и в свободное от военных обязанностей время заниматься различными ремеслами. До Сулеймана янычары, как принадлежавшие к религиозному братству «бекташи», соблюдали обет безбрачия.

Улучшение положения янычар чрезвычайно подняло их значение среди населения. Теперь всякому было лестно попасть

в эту привилегированную, хорошо оплачиваемую корпорацию или же с ней породниться. Янычар, занимавшихся ремеслами, освобождали от налогов. Они могли не бояться притеснений и вымогательств со стороны городской администрации, потому что за их спиной стояла вся их организация, «орта». С другой стороны, янычары, занимаясь мирным трудом, теряли вкус к войне и, что было крайне важно, к военной учебе. Данное обстоятельство сыграло немаловажную роль в потере боеспособности турецких войск, так ярко обнаружившейся в следующем веке. Произведя реформу ополчения, Сулейман добился того, что его вооруженные силы без янычар доходили до 250 тысяч воинов. Турецкая артиллерия насчитывала 300 пушек, турецкий флот имел более 300 военных кораблей.

ВОЕННО-ЛЕННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Следующие законы относились к военно-ленному землевладению. Еще до Сулеймана были проведены некоторые мероприятия, установившие принципы раздачи турецким феодалам земельных наделов. При султане Мураде I (1359—1389) было установлено три разряда феодальных владений: тимар, приносивший доход от 3 тысяч до 20 тысяч акче, зиамет с доходом от 20 тысяч до 100 тысяч акче и хас с доходом свыше 100 тысяч акче. Владельцы этих ленов соответственно назывались: тимариот, заим и бей. Султан Мухаммед II (1451—1481) издал специальный закон относительно порядка наследования ленов, а также ввел особые книги, в которые заносились как лены, так и имена их владельцев.

В царствование султана Сулеймана вопрос о ленах был вновь пересмотрен и уточнен. Кроме того, впервые в законодательном порядке был разрешен вопрос о положении крестьян, живущих в ленных владениях. Согласно новому закону, тимариоты и заимы были обязаны проживать в своих имениях и по первому призыву правительства выступить в поход, имея с собой положенное количество вооруженных крестьян. Тимариот выставлял на каждые 3 тысячи акче дохода одного вооруженного крестьянина, заим и бей — на каждые 5 тысяч одного вооруженного крестьянина. Начальник района (санджака), санджак-бей являлся командиром полка феодального ополчения. В целях упорядочения дела на-

следования ленов Сулейман отнял от губернаторов (вали) провинций право раздавать феодалам крупные лены и утверждать в правах новых наследников. Отныне все эти вопросы были сосредоточены в руках центрального правительства.

В результате этой реформы крупные лены стали переходить в руки придворных фаворитов, иной раз ничего общего не имевших с турецкой родовой феодальной аристократией. Положение крестьян, проживавших на ленных землях, было необеспеченным, так как феодалы стремились лишить их земельных участков, «тапу», и превратить в арендаторов-издольщиков. Земли, оставшиеся после бездетных или бежавших со своего участка крестьян, переходили к феодалу. Правда, феодал имел право вернуть бежавшего крестьянина, но это далеко не всегда удавалось, а кроме того, существовал и определенный срок для розысков, по истечении которого крестьянин уже не подлежал принудительному возврату. Согласно законам Сулеймана крестьянин мог переменить место жительства только с разрешения своего феодала.

Султан определил в своих законах феодальные повинности и платежи крестьян помимо государственных налогов. В число этих платежей входили: налог на недвижимость, на пастбища, на скот, на мельницу, на воду, а также индивидуальные налоги — с холостых, с обручившихся, с курильщиков табака, с имеющих в услужении рабов. В 1566 г., в год смерти Сулеймана, все изданные им законы были собраны в один сборник и изданы государственным казначеем, «дефтедаром» Мухаммедом-Челеби, под названием «Канун-наме-и-Сулеймани», т. е. книга законов Сулеймана. Это был своеобразный кодекс военно-феодального турецкого режима. Основное его назначение было укрепить феодальный строй, установить порядок, сдерживающий классовую борьбу крестьянства и вообще трудовых масс против феодальной власти и произвола отдельных феодалов.

Децентрализация власти, полнейший произвол больших и малых феодалов, выполнявших государственную службу и вместо жалования получавших поместья «на кормление», взяточничество и продажность государственных чиновников — таковы были отличительные особенности турецкой феодальной системы. Кодекс Сулеймана не делал никаких попыток изменить это положение.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В царствование Сулеймана определилась и основная линия внешней политики Турции. Могущественная в военном отношении Турция сблизилась с Францией на почве борьбы с общим врагом — Габсбургской монархией Карла V. Это сближение было одинаково выгодно обеим сторонам. Но французы сумели извлечь из него гораздо больше выгод, потому что помимо военных целей преследовали и цели экономические. В XVI в. Францию интересовала громадная Османская империя, ее природные богатства, возможность захвата турецкого рынка. Франция первая разрешила задачу экономического проникновения в Турцию и с успехом сделала то, чего не смогли добиться военные противники Турции в течение нескольких веков. Экономическое завоевание Турции, начатое ею в XVI в., продвигалось много успешнее военной борьбы европейских держав.

Начало сближения Франции с Турцией относится еще к 1508 г., когда султан Баязид II выдал фирман французскому консулу Жан-Пьеру Бенету о свободной торговле французских купцов в Турции. Селим I в 1517 г. и Сулейман в 1528 г. полностью подтвердили льготы, предоставленные французским купцам прежними султанами. В 1535 г. между Францией и Турцией был заключен первый договор, который послужил образцом для последующих договоров, заключенных между Турцией и европейскими странами. Турцию интересовала секретная часть этого договора, которая должна была обеспечить французскую помощь в борьбе с Австрией и Венецией. Франция сама была крайне заинтересована в турецком наступлении на Австрию, которое оттягивало силы Австрии и Испании от самой Франции.

Договор 1535 г. содержит чрезвычайно выгодные для французов экономические статьи, которые позволили им монополизировать всю торговлю Турции с европейскими странами. Значение этого договора, или первой «капитуляции», определяется не только особым режимом, созданным в Турции для иностранных купцов, но и заложенной в нем идеей протектората иностранного государства, сначала над своими подданными, проживающими в Турции, а затем и вообще над всеми христианами, подданными самой Турции.

НАЧАЛО УПАДКА ТУРЦИИ

При султане Селиме II (1566—1574 гг.) Турция вступила в полосу военных неудач и внутренних затруднений. Главным противником Турции в это время была Австрия, которая упорно добивалась Венгрии вопреки желанию венгерской аристократии, боявшейся потерять свою относительную независимость. В 1568 г. между Австрией и Турцией был заключен мир, согласно которому значительная часть Венгрии была уступлена Австрии в качестве «подарка» взамен ежегодной контрибуции в 30 тысяч дукатов. Австрия признала за Турцией в качестве вассальных земель Трансильванию, Молдавию и Валахию. С середины XVI в. турецкое наступление устремляется все более на восток, в сторону Польши, Украины и территорий, расположенных в бассейне Азовского и Каспийского морей. В этом направлении Турция столкнулась с интересами Ирана и Московского государства.

Уже не в первый раз турецкие султаны пытались разгромить Иран и овладеть его богатейшими землями. В 1568 г. Селим II решил поразить Иран с той стороны, откуда он мог менее всего ожидать удара, — со стороны Каспийского моря. Для этого Селим пытался использовать свой морской флот и провести его через Азовское море, реки Дон и Волгу в Каспийское море. Его не остановило естественное препятствие — отсутствие сообщения между Доном и Волгой. Своему азовскому паше султан приказал согнать к месту наибольшего сближения двух рек военнопленных и прорыть канал.

Со всех концов Турции потянулись в Азов морские и сухопутные караваны с пленными рабами и насильно уведенными крестьянами. Вся эта многотысячная армия, вооруженная лопатами и мотыгами, должна была прорыть Волго-Донской канал. Опасаясь возможного противодействия со стороны московских войск, а также в целях охраны строителей от набегов, султан приказал крымскому хану с его конным корпусом расположиться к северу от места работ. Однако это грандиозное предприятие туркам не удалось. Отчасти вследствие нападений русских, особенно казаков с Дона, отчасти по причине наступивших проливных дождей и недостатка в продовольствии работы пришлось прекратить. Но и независимо от этого все предприятие было заранее обречено на неудачу. Турецкие строители не сумели бы разрешить вопрос о шлюзовании канала, а при значительном различии уровня Волги и Дона без шлюзов канал построить было невозможно.

ТУРЦИЯ И МОСКВА

Неудача с каналом не обескуражила султана. Он приказал своим войскам из Азова двинуться прямо в Астрахань, которая была осаждена в 1569 г. Из этого предприятия также ничего не вышло. Русский комендант Астрахани боярин Серебряный, имея несколько тысяч человек, сумел отразить все турецкие атаки. Его выручила холодная осень и ранняя зима. Из-за распутиц турецкая армия оказалась оторванной от своей базы в Азове. Среди солдат, а также бывшего при армии скота начались инфекционные болезни. Солдаты стали роптать, и турецкий паша вынужден был отступить к Азову. Так окончилась попытка Турции подчинить себе Астрахань и превратить ее в опорную базу для борьбы с Ираном.

Столкновение с русскими в Астрахани в 1529 г. было первой серьезной военной встречей двух государств. Дипломатические отношения между Турцией и московскими князьями начались еще в конце XV в. при посредстве крымского хана Менгли-Гирея, турецкого вассала, но союзника Москвы. Пока турки воевали с Польшей и Литвой, этими врагами московских князей, последние старались проводить доброжелательную политику по отношению к Турции. Основным вопросом дипломатических переговоров в XV в. являлся вопрос о посещении русскими купцами Азова и Каффы. Первое русское посольство в Стамбул во главе со стольником Михаилом Плещеевым было снаряжено в 1497 г.; результатом переговоров было урегулирование вопросов о торговле, охране личности и имущества русских купцов. В течение XVI в. отношения между двумя странами продолжали оставаться дружественными, хотя турецкие султаны частенько жаловались на набеги донских казаков.

БОРЬБА С ВЕНЕЦИЕЙ

В то время как турки вели борьбу на Востоке, Венеция, создав могущественный флот, начала захватывать отдельные острова Архипелага и прекратила уплату Турции дани за обладание Кипром. Рассматривая борьбу за Кипр как дело чести всех христиан, поскольку этот остров играл роль важной промежуточной станции на пути в Палестину, к «святым местам», Венеция обратилась за помощью

к Папе Римскому, к государям Австрии, Испании и Франции. В 1570 г., когда Венеция еще помощи не имела, турки высадились на Кипре и приступили к осаде города Никозии К концу года почти весь остров оказался в руках турок, которые чрезвычайно жестоко обошлись при захвате с местным населением. Падение Кипра ускорило заключение священного союза против Турции.

Осенью 1571 г. под командованием Хана Австрийского собралась сильная эскадра Испании, Венеции и папы. В Лепантском заливе, где стоял турецкий флот под командованием Капудан-паши (адмирала), 7 октября 1571 г. произошло морское сражение, которое по своему кровопролитию и военным результатам превосходило самые большие морские битвы того времени Турецкий флот был полностью уничтожен. Лишь 40 судам удалось спастись бегством. Капудан-паша вместе со своим адмиральским кораблем был взят в плен и казнен. В числе раненых в Лепантском сражении был испанский писатель Сервантес, автор «Дон Кихота». Лепантский разгром не был использован союзниками. Он вовсе не означал конца турецкого военного могущества, как думали вначале современники. Турки очень быстро оправились и уже в 1596 г. нанесли Австрии чувствительное поражение в Молдавии и Валахии и взяли Эрвау. В то же время турецкий флот вытеснил венецианцев с берегов Мореи. Венеция вынуждена была заключить с Турцией мир, уступить ей Кипр и заплатить контрибуцию в 300 тысяч дукатов. Однако поражение 1571 г. явилось первым серьезным признаком ослабления Турции.

УХУДШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ТУРЦИИ

В 70-х годах Турция переживала острый экономический кризис. Война, особенно морская, требовавшая огромных затрат на постройку военных судов, закупку снаряжения и вооружения, стоила очень дорого. Турецкое правительство ввело новые налоги, начало сдавать на откуп право сбора налогов, стало торговать должностями, ленами, чинами. Полнейший произвол местных провинциальных чиновников, вздорожание продуктов первой необходимости, повальное бегство крестьян с казенных и помещичьих земель — все это подготовляло почву для народных восстаний.

Как непосредственный результат ухудшения положения народных масс в период с 1591 г. по 1628 г. в Турции прокатилась волна восстаний, охвативших крестьянство и городских ремесленников. В 1591 г. 19 провинций отказались признать над собой султанскую власть. В то же время вышли из повиновения султану мелкие феодалы (спахи). С одной стороны, их интересы задевал всеобщий кризис, дороговизна жизни, грабеж крупнейших феодалов, с другой — они были взволнованы новым порядком раздачи ленов, введенным в 1582 г., когда лены начали переходить в руки всевозможных спекулянтов, придворных фаворитов и ростовщиков.

Турецкие летописи сообщают о том, что в царствование султана Мухаммеда III (1595—1603 гг.) спахи вышли из повиновения, начали чинить насилия над государственными сановниками, требовали смещения беглербеев и добились их казни. Они причиняли обиды и насилия жителям, но Ешемчи-паша сумел усмирить этот бунт. Сговорившись с янычарами, он неожиданно приказал запереть все стамбульские ворота и изрубил бунтовщиков. Однако за эту расправу он поплатился жизнью. Против него был составлен заговор, и он был убит. Многочисленные восстания народных масс, а также бунты янычар, происходившие, главным образом, по причине недовольства каким-либо мероприятием султанской власти, в котором они усматривали покушение на их привилегии, в лучшем случае приводили к казням отдельных высших чиновников или к смене султанов. Так, например, султан Мурад III был в 1595 г. смещен с престола, а султан Осман II в 1622 г. удавлен за попытку ограничить вольности янычар.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В XVII В.

Тяжелое внутреннее положение Турции к началу XVII в. несколько компенсировалось сравнительно благоприятной для нее внешнеполитической обстановкой. Еще в конце XVI в. у Турции появился открытый доброжелатель в лице Англии. Стремление Англии пробиться к восточным рынкам, захваченным португальцами, толкало ее на поиски сухопутных путей в Индию и на поиски новых колониальных рынков Огромная Османская империя, естественно, привлекала внимание английских купцов, но они вынуждены были прибегать к покровительству французов, имевших специальный договор 1535 г.

Только в 1578 г. английскому купцу Гербону удалось вступить в переговоры с турецким правительством относительно торговых льгот. Гербона считают первым послом английского правительства в Турции, хотя он был всего лишь купцом, долгое время жившим в Стамбуле. Англичане сумели получить у турок право на организацию в 1581 г. Левантийской, или Турецкой торговой компании, которая довольно успешно развивала торговые связи с Турцией. Однако эта компания неизменно наталкивалась на противодействие со стороны Франции. На этой почве между Францией и Англией завязалась ожесточенная борьба с явным перевесом в пользу Англии. В XVII в. Турция при содействии своего вассала — крымского хана — продолжала свою традиционную наступательную политику на востоке Европы, видя в ней единственное спасение от всех внутренних неурядиц.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII В.

Турецкая дипломатия хотела привлечь на свою сторону Московское государство для совместной борьбы против Польши. Однако московские цари упорно отклоняли всякие попытки военного сближения, довольствуясь укреплением с Турцией мирных отношений. Это, конечно, не означало, что у Москвы не было спорных вопросов с турками, претендовавшими на господство в приазовских и причерноморских землях. В качестве застрельщиков в борьбе с турками здесь выступали донские казаки. Донское казачество, сложившееся во второй половине XVI в , в XVII в. представляло еще полусамостоятельную организацию со своим выборным управлением. Казаки — вольные добытчики — жили разными промыслами, особенно рыбной ловлей, привлекавшей их к берегам Азовского моря, торговлей, а также военными набегами на Крым и на турецкие владения. Московское правительство использовало военную силу казачества для защиты своей степной окраины от крымских татар и посылало им жалованье, денежное и хлебное, оружие и порох.

Важнейшим объектом для нападения казаков в XVII в. был турецкий город Азов, игравший большую торговую и военную роль. Азов был оплотом турецкого могущества в юго-восточной Европе. Через него шла торговля не только всей Юго-восточной Европы, но и России и Средней

Азии. Это был богатый, хорошо укрепленный город со значительным янычарским гарнизоном. Но казаки не ограничивались Азовом. Они производили нападения и на собственно турецкие владения, расположенные в Малой Азии и Крыму. Казаки были неплохими моряками. Об этом свидетельствуют их смелые налеты в 1621 и 1624 гг. на северное побережье Малой Азии и даже на берега Босфорского пролива. Казаки появлялись на своих «чайках» в непосредственной близости султанской столицы — Стамбула, жгли султанские загородные дворцы, наводили страх на жителей столицы. Несмотря на жестокие казни попавших в плен, казаки упорно продолжали свои набеги. Московские цари через своих послов при турецком дворе (Оттоманской Порте) всячески отрицали свое влияние на казаков.

В 1637 г., после того как на Дон пришло около 4 тысяч запорожцев, не желавших жить под польским гнетом, казаки предприняли смелую операцию против Азова, который в том же году был ими взят. Это событие, а также убийство казаками турецкого посла, грека Фомы Кантакузина, направлявшегося через Азов в Москву, изумило турок. Султан Мурад IV (1623—1640 гг.) сказал, что если казаков не унять, то они доберутся и до его сераля (дворца). Они приказал готовить большой поход на Азов. Но в 1637 г. Турция вела войну с Ираном. Вот почему султан в качестве предварительной меры велел крымскому хану вторгнуться в Московскую Украину, желая этим показать, что он считает московское правительство ответственным за Азов. В 1641 г. турки двинули против казаков огромную армию, которая, однако, несмотря на свое численное превосходство и хорошее вооружение, не сумела взять Азов, обороняемый всего только 5 тысячами казаков.

Под Азовом турки продемонстрировали военную доблесть. Хотя Азов и представлял большой интерес для России, но внутренние противоречия и обострившийся финансовый кризис не позволили московскому правительству придти на помощь казакам, просившим прислать в Азов московский гарнизон. Специально созванный в 1642 г. земский собор не принял определенного решения. По приказу царя Михаила казаки вынуждены были в 1643 г. оставить Азов, предварительно подвергнув его полному разорению. Борьба казаков с Крымом и Турцией продолжалась.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К АВСТРИИ, ПОЛЬШЕ И ВЕНЕЦИИ В XVII В.

Азовский фронт был для Турции все же второстепенным. Основное ее внимание было направлено на борьбу с Австрией, Польшей и Венецией. Но положение турок осложнилось тем, что верный их союзник, Франция при Людовике XIII открыто помогала Венеции в борьбе за Крит, а при Людовике XIV открыто поддержала Австрию, послав ей солидные денежные суммы с мыслью изгнания турок из Европы, мстя таким путем Турции за ее сближение с англичанами и голландцами.

Венеция сопротивлялась туркам на Крите чуть ли не 24 года, но все же вынуждена была в 1669 г. уступить его. Борьба Австрии была более удачной. Турки в 1664 г. потерпели поражение при Сан-Готарде и вынуждены были просить мира. В том же году был заключен мир сроком на 24 года. После мира с Австрией Турция немедленно ввязалась в борьбу за Украину. Неудача турецкого султана Османа II в 1621 г. под Хотином нисколько не остановила турок. Претендуя на Украину, они всячески подбивали на борьбу с Польшей московских царей, видимо, не понимая того, что Украина интересовала Москву гораздо больше, чем саму Турцию.

В 1667 г. по Андрусовскому перемирию последовал раздел Украины между Москвой и Польшей по Днепру. Чигиринский гетман Дорошенко, не желая подчиниться полякам, перешел вместе со своими казаками под покровительство Турции. Последняя решила использовать этот случай, чтобы захватить подвластную Польше Правобережную Украину. Тогда на Украину были двинуты польские войска. Так как не все казаки одобряли решение гетмана, на Правобережье началась смута. В 1672 г. здесь появились турецкие войска, которые разгромили поляков под Хотином и Каменец-Подольском и осадили Львов, откупившийся, правда, солидной контрибуцией. Польский король Михаил Вишневецкий поспешил заключить с турками позорный мирный договор (1672 г.). На основе этого договора к туркам отходила вся Подолия и Каменец-Подольск.

Польша вынуждена была отказаться и от южной части Украины и платить Турции 2 тысячи червонцев контрибуции в год Польский сейм не утвердил этого договора, и война возобновилась. На этот раз польскими войсками командовал великий гетман Ян Собеский, который в 1673 г. разгромил турок под Хотином. Однако свою победу он не использовал, потому что в том же году в Польше началась очередная кампания выбора нового короля. В то время когда Ян Собеский боролся со своими конкурентами и, победив их, получил в 1674 г. польскую корону, турки отобрали у поляков Хотин, заставили снять осаду Каменец-Подольска и успешно начали теснить польские войска в Подолии. В 1676 г. Польша вынуждена была прекратить войну и заключить мир. Турция удержала на собой Подолию.

Одновременно и чигиринский гетман Дорошенко продолжал считаться вассалом Турции. Но с усилением Турции на Украине не могло примириться Московское государство, под власть которого уже перешли Левобережье и Киев. В 1676 — 1681 гг. шла борьба между Москвой и Турцией за Правобережную Украину. Под давлением народных требований Дорошенко в 1677 г. признал власть Москвы, и вся украинская территория объединилась под управлением гетмана Самойловича. Но турецкие войска вновь заняли Чигирин и провозгласили гетманом Юрия Хмельницкого. В итоге войны московская граница осталась по Днепру, территория между Киевом и Чигирином подверглась полному опустошению, а украинское население этих земель переселилось на московскую сторону. Это был последний успех турок.

1. УПАДОК ТУРЕЦКОГО ГОСУДАРСТВА

К середине XVII в. ясно обозначился упадок Османской империи. Турция все еще владела обширными территориями в Азии, Европе и Африке, располагала важными тоговыми путями и стратегическими позициями, имела в своем подчинении множество народов и племен. Турецкий султан по-прежнему считался одним из самых могущественных государей. Грозной казалась и военная мощь турок. Но в действительности корни былого могущества султанской империи были уже подточены.

Внутреннего единства Османская империя не имела. Ее отдельные части резко отличались друг от друга по этническому составу, языку и религии населения, по уровню социального, экономического и культурного развития, по

степени зависимости от центральной власти Сами турки составляли в империи меньшинство Только в Малой Азии и в части Румелии (Европейская Турция), прилегающей к Стамбулу, они проживали большими компактными массами. В остальных провинциях они были рассеяны среди коренного населения, которое им так и не удалось ассимилировать.

Турецкое господство над угнетенными народами империи основывалось почти исключительно на одном только военном насилии. Так могло продолжаться лишь при наличии достаточных средств для осуществления этого насилия. Между тем военная мощь Османской империи неуклонно снижалась Военно-ленная система земледелия, унаследованная османами еще от сельджуков и в свое время явившаяся одной из важнейших причин успехов турецкого оружия, утратила прежнее значение. Формально, юридически она продолжала существовать. Но ее действительное содержание настолько изменилось, что из фактора укрепления и обогащения турецких феодалов класса она превратилась в источник его все возрастающей слабости

Военно-феодальный характер Османской империи определял всю ее внутреннюю и внешнюю политику Видный турецкий политический деятель и писатель XVII в. Кочибей Гемюрджинский отмечал в своем «рисале» (трактате), что османское государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано». Получение военной добычи, рабов и дани с завоеванных земель было в течение нескольких столетий главным средством обогащения турецких феодалов, а прямое военное насилие над покоренными народами и турецкими трудящимися массами — главной функцией государственной власти. Поэтому с момента возникновения османского государства турецкий правящий класс всю свою энергию и внимание направлял на создание и поддержание боеспособной армии.

Решающую роль в этом отношении играла военно-ленная система землевладения. Она предусматривала формирование и снабжение феодального войска самими военными ленниками — сипахи, которые для этого получали из государственного земельного фонда на правах условного владения большие и малые поместья (зеаметы и тимары) с правом взимания определенной части ренты-налога в свою пользу. Хотя эта система распространялась не на все территории, захваченные турками, ее значение было решающим для турецкого военно-феодального государства в целом.

Сначала военно-ленная система действовала четко. Она непосредственно вытекала из заинтересованности турецких феодалов в активной завоевательной политике и в свою очередь стимулировала эту заинтересованность. Многочисленные военные ленники - заимы (владельцы зеаметов) и тимариоты (владельцы тимаров) — были не только военной, но и главной политической силой Османской империи, они составляли, по выражению турецкого источника, «настоящую рать за веру и государство». Военно-ленная система освобождала государственный бюджет от основной части расходов на содержание армии и обеспечивала быструю мобилизацию феодального войска.

Турецкая пехота — янычары, а также некоторые другие корпуса правительственных войск состояли на денежном жаловании, но военно-ленная система землевладения косвенно влияла и на них, открывая перед командирами и даже рядовыми воинами заманчивую перспективу получения военных ленов и тем самым превращения в сипахи. Военно-ленная система в первое время не отражалась губительно на крестьянском хозяйстве. Райя (раайя, реайя) — общее название податного населения в Османской империи, «подданные», впоследствии (не ранее конца XVIII в.) райей стали называть только не мусульман. Конечно, крестьянская райя, лишенная каких бы то ни было политических прав, состояла в феодальной зависимости от сипахи и подвергалась феодальной эксплуатации. Но эта эксплуатация вначале носила преимущественно фискальный и более или менее патриархальный характер.

До тех пор пока сипахи обогащался главным образом за счет военной добычи, он рассматривал землевладение не как основной, а как вспомогательный источник дохода. Он обычно ограничивался взиманием ренты-налога и ролью политического сюзерена и не вмешивался в хозяйственную деятельность крестьян, которые пользовались своими земельными участками на правах наследственного держания. При натуральных формах хозяйства такая система предоставляла крестьянам возможность сносного существования.

В своем первоначальном виде военно-ленная система действовала в Турции недолго. Заложенные в ней внутренние противоречия стали проявляться уже вскоре после первых больших турецких завоеваний. Система требовала непрерывного или почти непрерывного ведения агрессивных войн, служивших основным источником обогащения гос-

подствующего класса Но источник этот не был неиссякаемым Турецкие завоевания сопровождались огромными разрушениями, а извлекаемые из завоеванных стран материальные ценности быстро растрачивались. С другой стороны, завоевания, расширяя феодальное землевладение и создавая для феодалов известную гарантию беспрепятственной эксплуатации полученных поместий, поднимали в их глазах значение земельной собственности, увеличивали ее притягательную силу.

В конце XVI в. перестал соблюдаться установленный прежними законами запрет сосредоточения нескольких ленов в одних руках. В XVII в., в особенности со второй его половины, процесс концентрации земельной собственности усилился. Начали создаваться обширные поместья, владельцы которых резко увеличивали феодальные повинности, вводили произвольные поборы, а в некоторых случаях, правда, в то время еще редких, создавали барскую запашку в собственных имениях, так называемых чифтликах. Чифтлик (от турецкого «чифт» — пара, подразумевается пара волов, с помощью которых обрабатывается земельный участок) в рассматриваемый период — образованное на государственной земле частное феодальное имение.

Чифтликская система получила наибольшее распространение позднее, в конце XVIII — начале XIX в., когда помещики — чифтликчи стали в массовом порядке захватывать крестьянские земли; в Сербии, где этот процесс проходил в особенно насильственных формах, он получил славянизированное название почитлученья. Способ производства от этого не изменился, но изменилось отношение феодала к крестьянам, к землевладению, к своим обязанностям перед государством.

На смену старому эксплуататору — сипахи, у которого на первом плане стояла война и которого интересовала больше всего военная добыча, пришел новый, гораздо более жадный до денег феодальный землевладелец, главной целью которого было получение максимального дохода от эксплуатации крестьянского труда.

Новые землевладельцы, в отличие от старых, фактически освобождались от военных обязательств перед государством. Тем самым за счет государственно-феодального земельного фонда росла крупная частно-феодальная собственность. Этому способствовали и султаны, раздавая сановникам, пашам провинций, придворным фаворитам обширные поместья в безусловное владение Прежним во-

енным ленникам иногда тоже удавалось превратиться в помещиков нового типа, но чаще всего тимариоты и заимы разорялись, и их земли переходили к новым феодальным владельцам.

Прямо или косвенно приобщался к земельной собственности и ростовщический капитал. Но, содействуя разложению военно-ленной системы, он не создавал нового, более прогрессивного способа производства. Кризис военно-ленной системы землевладения повлек за собой кризис турецкого военно-феодального государства в целом. Это не был кризис способа производства. Турецкий феодализм тогда еще был далек от той стадии, на которой возникает капиталистический уклад, вступающий в борьбу со старыми формами производства и старой политической надстройкой. Элементы капиталистических отношений, наблюдавшиеся в рассматриваемый период в экономике городов, особенно в Стамбуле и вообще в европейских провинциях империи, — появление некоторых мануфактур, частичное применение наемного труда на государственных предприятиях и пр. — были очень слабыми и непрочными.

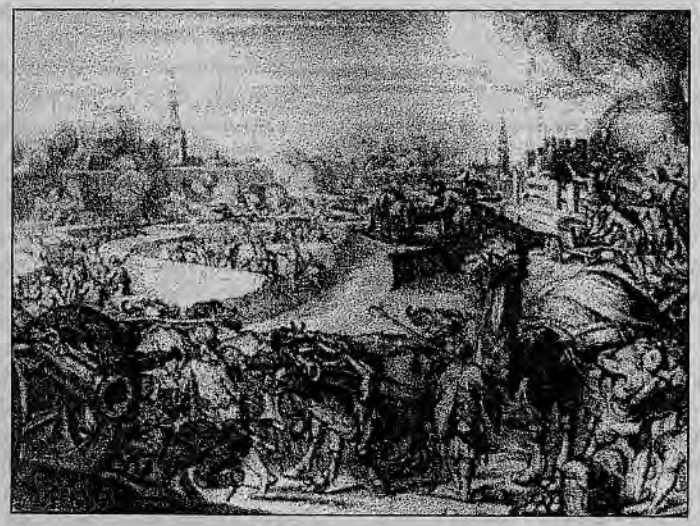
В сельском хозяйстве отсутствовали даже слабые ростки новых форм производства. Разложение турецкой военно-ленной системы вытекало не столько из перемен в способе производства, сколько из тех противоречий, которые коренились в ней самой и развивались, не выходя за рамки феодальных отношений. Но благодаря этому процессу произошли существенные изменения в аграрном строе Турции и сдвиги внутри класса феодалов. В конечном счете именно разложение военно-ленной системы вызвало упадок турецкой военной мощи, что в силу специфически военного характера османского государства имело решающее значение для всего его дальнейшего развития.

СНИЖЕНИЕ ВОЕННОЙ МОЩИ. ПОРАЖЕНИЕ ПОД ВЕНОЙ

Кризис военно-ленной системы землевладения к середине XVII в. зашел далеко. Это проявилось и в усилении феодального гнета (о чем свидетельствовали многочисленные случаи крестьянских восстаний, а также массовое бегство крестьян в города и даже за пределы империи), и в сокращении численности сипахийского войска (при Сулеймане Великолепном оно насчитывало 200 тыс. человек, а

к концу XVII в. — всего 20 тыс.), и в разложении как этого войска, так и янычар, и в дальнейшем развале правительственного аппарата, и даже в росте финансовых затруднений.

Некоторые турецкие государственные деятели пытались задержать этот процесс. Наиболее видными среди них были великие везиры из семьи Кепрюлю, осуществившие



Турецкая армия, осаждающая Вену в 1683 г.
Гравюра Р. де Хоха.

во второй половине XVII в. ряд мероприятий, имевших целью упорядочить управление, укрепить дисциплину в государственном аппарате и армии, урегулировать налоговую систему. Однако все эти меры приводили лишь к частичным и кратковременным улучшениям. Турция слабела также и относительно — по сравнению со своими главными военными противниками, странами Восточной и Центральной Европы. В большинстве этих стран, хотя в них еще господствовал феодализм, постепенно росли новые производительные силы, развивался капиталистический уклад. В Турции не было предпосылок для этого. Уже после великих географических открытий, когда в передовых европейских странах происходил процесс первоначального накопления, Турция оказалась в стороне от экономического

развития Европы. Далее, в Европе складывались нации и национальные государства, либо единонациональные, либо многонациональные, но во главе с какой-нибудь сильной складывающейся нацией.

Между тем турки не только не могли сплотить народы Османской империи в некую единую «османскую» нацию, но они сами все больше отставали в социально-экономическом, а стало быть, и в национальном развитии от многих подвластных им народностей, в особенности балканских. Неудачно для Турции в середине XVII в. сложилась и международная обстановка в Европе. Вестфальский мир поднял значение Франции и уменьшил ее заинтересованность в получении помощи от турецкого султана против Габсбургов. В своей антигабсбургской политике Франция стала больше ориентироваться на Польшу, а также на мелкие немецкие государства.

С другой стороны, после Тридцатилетней войны, подорвавшей позиции императора в Германии, Габсбурги сосредоточили все усилия на борьбе с турками, стремясь отобрать у них Восточную Венгрию. Наконец, важное изменение в расстановке сил в Восточной Европе произошло в результате воссоединения Украины с Россией. Турецкая агрессия встретила теперь на Украине гораздо более мощное сопротивление. Углубились также польско-турецкие противоречия. Военные действия Турции в Европе терпели неудачи. В 1664 г. большая турецкая армия потерпела при Сен-Готарде (Западная Венгрия) тяжелое поражение от австрийцев и венгров, к которым на этот раз присоединился и отряд французов. Правда, это поражение еще не остановило турецкую агрессию.

В начале 70-х годов войска турецкого султана и его вассала — крымского хана несколько раз вторгались в Польшу и на Украину, доходя до самого Днепра, а в 1683 г. Турция, воспользовавшись борьбой части венгерских феодалов во главе с Эмериком Текели против Габсбургов, предприняла новую попытку разгромить Австрию. Однако именно эта попытка и привела к катастрофе под Веной. Сначала поход развивался успешно для турок. Более чем стотысячная армия во главе с великим везиром Кара Мустафой разбила австрийцев на территории Венгрии, затем вторглась в Австрию и 14 июля 1683 г. подошла к Вене. Осада австрийской столицы продолжалась два месяца.

Положение австрийцев было очень тяжелым. Император Леопольд, его двор и министры бежали из Вены. За ни-

ми стали спасаться бегством богачи и знать, пока турки не замкнули кольцо осады. Остались оборонять столицу главным образом ремесленники, студенты и пришедшие из сожженных турками пригородов крестьяне. Войска гарнизона насчитывали всего 10 тыс. человек и располагали ничтожным количеством орудий и боеприпасов. Защитники города слабели с каждым днем, вскоре начался голод. Турецкая артиллерия разрушила значительную часть укреплений Перелом наступил в ночь на 12 сентября 1683 г., когда к Вене подошел польский король Ян Собеский с немногочисленным (25 тыс. человек), но свежим и хорошо вооруженным войском, состоявшим из поляков и украинских казаков. Под Веной к Яну Собескому присоединились также саксонские отряды.

Наутро произошло сражение, завершившееся полным разгромом турок. Турецкие войска оставили на поле 20 тыс. убитых, всю артиллерию и обоз. Уцелевшие турецкие части откатились к Буде и Пешту, потеряв еще 10 тыс. человек при переправе через Дунай. Преследуя турок, Ян Собеский нанес им новое поражение, после чего Кара Мустафа-паша бежал в Белград, где был умерщвлен по приказу султана. Разгром турецких вооруженных сил под стенами Вены был неизбежным результатом задолго до этого начавшегося упадка турецкого военно-феодального государства. Поражение под Веной положило конец продвижению в Европу. С этого времени Османская империя начинает постепенно терять одну за другой завоеванные ею прежде территории.

В 1684 г. для борьбы с Турцией сформировалась «Священная лига» в составе Австрии, Польши, Венеции, а с 1686 г. — и России. Военные действия Польши были неудачными, но австрийский войска в 1687—1688 гг. заняли Восточную Венгрию, Славонию, Банат, овладели Белградом и начали продвигаться вглубь Сербии. Действия сербского добровольческого войска, выступавшего против турок, а также восстание болгар, вспыхнувшее в 1688 г. в Чипровце, создали серьезную угрозу турецким коммуникациям. Ряд поражений нанесла туркам Венеция, овладевшая Мореей и Афинами.

В сложной международной обстановке 90-х годов XVII в., когда австрийские силы были отвлечены войной с Францией (война Аугсбургской лиги), военные действия «Священной лиги» против турок приняли затяжной характер. Тем не менее Турция продолжала терпеть неудачи. Важную роль в военных событиях этого периода сыграли Азовские походы Петра I в 1695—1696 гг., облегчившие задачу австрийского командования на Балканах. В 1697 г. австрийцы наголову разбили большую турецкую армию у города Зенты (Сента) на Тиссе и вторглись в Боснию. Большую помощь Турции оказала английская и голландская дипломатия, при посредничестве которой в октябре 1698 г. в Карловицах (в Среме) открылись мирные переговоры.

Международная обстановка в общем благоприятствовала Турции: Австрия вступила с ней в сепаратные переговоры, чтобы, обеспечив свои интересы, уклониться от поддержки русских требований относительно Азова и Керчи; Польша и Венеция также были готовы сговориться с турками за счет России; державы-посредницы (Англия и Голландия) выступали открыто против России и вообще больше помогали туркам, нежели союзникам. Однако внутреннее ослабление Турции зашло настолько далеко, что султан готов был окончить войну любой ценой. Поэтому итоги Карловицкого конгресса оказались для Турции весьма неблагоприятными.

В январе 1699 г. были подписаны договоры между Турцией и каждым из союзников в отдельности. Австрия получила Восточную Венгрию, Трансильванию, Хорватию и почти всю Славонию; только Банат (провинция Темешвар) с крепостями возвращался султану. Мирный договор с Польшей лишил султана последней оставшейся у него части Правобережной Украины и Подолии с Каменецкой крепостью. Венеции турки уступили часть Далмации и Морею. Россия, покинутая своими союзниками, была вынуждена подписать с турками в Карловицах не мирный договор, а лишь перемирие сроком на два года, оставившие в ее руках Азов. Впоследствии, в 1700 г., в развитие условий этого перемирия в Стамбуле был заключен русско-турецкий мирный договор, закрепивший за Россией Азов с окружающими землями и отменивший уплату Россией ежегодной «дачи» крымскому хану.

ВОССТАНИЕ ПАТРОНА-ХАЛИЛА

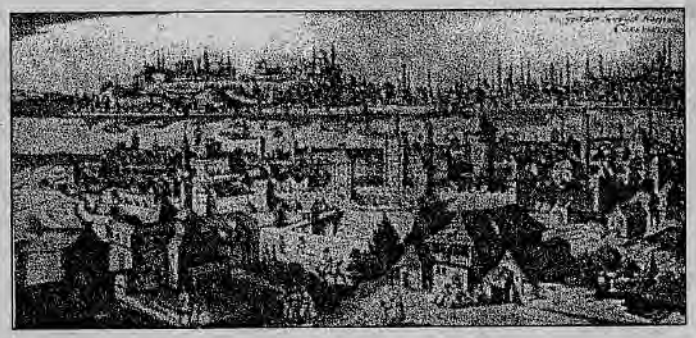
В начале XVIII в. Турция имела некоторые военные успехи: окружение армии Петра I на Пруте в 1711 г., повлекшее за собой временную утрату Азова Россией; захват Мореи и ряда эгейских островов у венецианцев в войне 1715—1718 гг. и пр. Но эти удачи, объяснявшиеся конъюнктурными

изменениями в международной обстановке и ожесточенной борьбой между европейскими державами (Северная война, война за Испанское наследство), были скоропреходящими. Война 1716 – 1718 гг. с Австрией принесла Турции новые территориальные потери на Балканах, фиксированные в Пожаревацком (Пассаровицком) договоре.

По договору 1724 г. с Россией Турция была вынуждена отказаться от претензий на прикаспийские области Ирана и Закавказья. В конце 20-х годов в Иране поднялось мощное народное движение против турецких (и афганских) завоевателей. В 1730 г. Назар-хан отобрал у турок ряд провинций и городов. В связи с этим началась ирано-турецкая война, но еще до ее официального объявления неудачи в Иране послужили толчком к крупному восстанию, вспыхнувшему осенью 1730 г. в Стамбуле. Коренные причины этого восстания были связаны не столько с внешней, сколько с внутренней политикой турецкого правительства. Несмотря на то, что в восстании активно участвовали янычары, его основной движущей силой были ремесленники, мелкие торговцы, городская беднота. Стамбул уже тогда представлял собою огромный, разноязычный и разноплеменный город. Численность его населения, вероятно, превышала 600 тыс. человек. В первой трети XVIII в. оно еще значительно увеличилось за счет массового притока крестьян.

Отчасти это было вызвано происходившим тогда в Стамбуле, в балканских городах, а также в главных центрах левантийской торговли (Салоники, Измир, Бейрут, Каир, Александрия) известным ростом ремесленного и зарождением мануфактурного производства. В турецких источниках этого периода имеются сведения о создании в Стамбуле бумажной, суконной и некоторых других мануфактур; предпринимались попытки построить фаянсовую мануфактуру при султанском дворце; расширялись старые и возникали новые предприятия для обслуживания армии и флота.

Внутренний рынок был крайне узок; производство обслуживало главным образом внешнюю торговлю и нужды феодалов, государства и армии. Тем не менее мелкотоварная городская промышленность Стамбула имела для пришлого трудового населения притягательную силу, тем более что столичные ремесленники пользовались многими привилегиями и налоговыми льготами. Однако подавляющее большинство крестьян, бежавших в Стамбул из своих деревень, не находило здесь постоянной работы и пополняло ряды поденщиков и бездомных нищих. Правительство, пользуясь притоком пришельцев, стало увеличивать налоги, вводить новые пошлины на ремесленные изделия. Цены на продукты питания настолько возросли, что власти, опасаясь волнений, были даже вынуждены несколько раз производить бесплатную раздачу хлеба в мечетях. Тяжело отзывалась на трудящихся массах столицы усилившаяся активность ростовщического капитала, все более подчинявшего своему кон-



Стамбул.
Гравюра XVII в.

тролю ремесленное и мелкотоварное производство.

С XVIII в. в Турции процветает европейская мода. Султан и вельможи соперничали в придумывании увеселений, устройстве празднеств и пиров, строительстве дворцов и парков. В окрестностях Стамбула, на берегах небольшой речки, известной у европейцев под названием «Сладкие воды Европы», были сооружены роскошный султанский дворец Саад-абад и около 200 кешков («киоски», небольшие дворцы) придворной знати. Турецкие вельможи особенно изощрялись в разведении тюльпанов, украшая ими свои сады и парки. Увлечение тюльпанами проявилось и в архитектуре, и в живописи. Возник особый «стиль тюльпанов». Это время вошло в турецкую историю под названием «периода тюльпанов» («ляле деври»).

Жизнь феодальной знати резко контрастировала с растущей нищетой народных масс, усиливая их недовольство. Фактическим правителем государства был великий везир Ибрахим-паша Невшехирли, носивший титул дамада (зять султана). Это был крупный государственный деятель. Заняв пост великого везира в 1718 г., после подписания невыгодного договора с Австрией, он предпринял ряд шагов

к улучшению внутреннего и международного положения империи. Однако государственную казну дамад Ибрахим-паша пополнял путем жестокого усиления налогового бремени. Он поощрял хищничество и расточительство знати, да и сам был не чужд коррупции. Недовольство народа турецкой столицы достигло высшей точки летом и осенью 1730 г., когда ко всему прочему добавилось недовольство янычар явной неспособностью правительства отстоять турецкие завоевания в Иране.

В начале августа 1730 г. султан и великий везир выступили во главе армии из столицы якобы в поход против иранцев, но, переправившись на азиатский берег Босфора, они дальше не двинулись и завязали тайные переговоры с иранскими представителями. Узнав об этом, столичные янычары призвали население Стамбула к восстанию. Оно началось 28 сентября 1730 г. Среди его руководителей были и янычары, и ремесленники, и представители мусульманского духовенства.

Наиболее видную роль играл выходец из народных низов, бывший мелкий торговец, позднее матрос и янычар Патрона-Халил, по происхождению албанец, своей отвагой и бескорыстием приобретший большую популярность в народных массах. События 1730 г. вошли поэтому в историческую литературу под названием «восстания Патрона-Халила». Восставшие разгромили дворцы и кешки придворной знати и потребовали от султана выдачи им великого везира и еще четырех высших сановников. Надеясь спасти свой трон и жизнь, Ахмед III приказал умертвить Ибрахима-пашу и выдать его труп. Тем не менее на следующий же день Ахмеду III по требованию восставших пришлось отречься от престола в пользу своего племянника Махмуда. Около двух месяцев власть в столице фактически находилась в руках восставших.

Султан Махмуд I (1730—1754) вначале проявлял полное согласие с Патрона-Халилом. Султан приказал разрушить Саадабадский дворец, отменил ряд налогов, введенных при его предшественнике, и произвел по указанию Патрона-Халила некоторые перемены в правительстве и администрации. Патрона-Халил не занял правительственного поста. Он не воспользовался своим положением и для обогащения. Ни у Патрона-Халила, ни у его соратников не было положительной программы. Султан и его окружение составили тайный план расправы над вождями восстания.

25 ноября 1730 г. Патрона-Халил и его ближайшие помощники были приглашены в султанский дворец якобы для

переговоров и предательски убиты. Султанское правительство вернулось целиком к старым методам управления. Это вызвало в марте 1731 г. новое восстание. Оно было менее сильным, чем предыдущее, и в нем народные массы играли меньшую роль. Правительство сравнительно быстро подавило его, но волнения продолжались до конца апреля. Только после многочисленных казней, арестов и высылки из столицы нескольких тысяч янычар правительство овладело положением.

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ НА ТУРЦИЮ. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Главными военными противниками Турции в это время были Австрия, Венеция и Россия. В XVII и в начале XVIII в. наиболее острыми были австро-турецкие противоречия, позднее — русско-турецкие. Русско-турецкий антагонизм углублялся по мере продвижения России к побережью Черного моря, а также вследствие роста национально-освободительных движений угнетенных народов Османской империи, видевших в русском народе своего союзника. Турецкие правящие круги занимали особенно враждебную позицию по отношению к России, которую они считали главной виновницей волнений балканских христиан и вообще чуть ли не всех затруднений Блистательной Порты. Поэтому противоречия между Россией и Турцией во второй половине XVIII в. все чаще приводили к вооруженным конфликтам.

Всем этим пользовались Франция и Англия, усилившие в это время свое влияние на султанское правительство. Из всех европейских держав они имели наиболее серьезные торговые интересы в Турции. Французам принадлежали богатые фактории в портах Леванта. На набережных Бейрута или Измира чаще можно было услышать французскую речь, чем турецкую.

К концу XVIII в. торговый оборот Франции с Османской империей достигал 50—70 млн. ливров в год, что превышало оборот всех прочих европейских держав, вместе взятых. Англичане также располагали значительными экономическими позициями в Турции, в особенности на турецком побережье Персидского залива. Британская фактория в Басре, связанная с Ост-Индской компанией, стала монополистом по скупке сырья. Франция и Англия, занятые колониальными войнами в Америке и Индии, еще

не ставили перед собой в качестве непосредственной задачи захват территорий Османской империи. Они предпочитали временно поддерживать слабую власть турецкого султана, наиболее для них выгодную с точки зрения их коммерческой экспансии. Никакая другая держава и никакое другое правительство, которые заменили бы турецкое господство, не создали бы для иностранных купцов таких широких возможностей беспрепятственной торговли, не поставили бы их в столь благоприятные условия по сравнению с собственными подданными.

Отсюда проистекало открыто враждебное отношение Франции и Англии к освободительным движениям угнетенных народов Османской империи; этим же в значительной степени объяснялось их противодействие продвижению России на берега Черного моря и на Балканы. Франция и Англия поощряли турецкое правительство к выступлениям против России, хотя каждая новая русско-турецкая война неизменно приносила Турции новые поражения и новые территориальные потери. Западные державы были далеки от того, чтобы оказывать Турции какую-либо действенную помощь. Они даже извлекали дополнительные выгоды из поражений Турции в войнах в Россией, заставляя турецкое правительство предоставлять им новые торговые льготы. Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг., возникшей в значительной мере по причине происков французской дипломатии, турецкая армия потерпела жестокое поражение под Ставучанами.

Несмотря на это, после заключения Австрией сепаратного мира с Турцией, Россия по Белградскому мирному договору 1739 г. вынуждена была удовлетвориться присоединением Запорожья и Азова. Франция же за оказанные Турции дипломатические услуги получила в 1740 г. новую капитуляцию, подтвердившую и расширившую привилегии французских подданных в Турции: низкие таможенные пошлины, освобождение от налогов и сборов, неподсудность турецкому суду и т.д. При этом в отличие от предыдущих капитуляционных грамот капитуляция 1740 г. была выдана султаном не только от собственного имени, но и как обязательство за всех своих будущих преемников. Тем самым капитуляционные привилегии (вскоре распространившиеся и на подданных других европейских держав) были закреплены надолго как международное обязательство Турции.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг., поводом к которой послужил вопрос о замещении польского престола, также

была во многом обязана домогательствам французской дипломатии. Эта война, ознаменовавшаяся блестящими победами русских войск под командованием П. А. Румянцева и А. В. Суворова и разгромом турецкого флота в Чесменском сражении, имела для Турции особенно тяжелые последствия. Австрия всячески подстрекала турок продолжать неудачно для них протекавшую войну и обязалась оказать им экономическую и военную помощь. За это турки при подписании соглашения в Австрией в 1771 г. уплатили австрийцам в виде аванса 3 млн. пиастров.

Однако Австрия не выполнила своих обязательств, уклонившись даже от дипломатической поддержки Турции. Тем не менее она не только оставила у себя полученные от Турции деньги, но еще и забрала у нее в 1775 г. под видом «остатка» компенсации Буковину. Завершивший русско-турецкую войну Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. ознаменовал новый этап в развитии взаимоотношений Османской империи с европейскими державами. Крым был объявлен независимым от Турции (в 1783 г. он был присоединен к России); русская граница продвинулась от Днепра до Буга; Черное море и проливы были открыты для русского торгового мореплавания; Россия приборела право покровительства молдавскому и валашскому господарям, а также православной церкви в Турции; на русских подданных в Турции были распространены капитуляционные привилегии; Турция должна была уплатить России большую контрибуцию.

Но значение Кючук-Кайнарджийского мира состояло не только в том, что турки понесли территориальные потери. Это было для них не ново, да и потери оказались не такими большими, так как Екатерина II в связи с разделом Польши и особенно в связи с восстанием Пугачева торопилась закончить турецкую войну. Гораздо более важным для Турции было то, что после Кючку-Кайнарджийского мира коренным образом изменилось соотношение сил в Черноморском бассейне: резкое усиление России и столь же резкое ослабление Османской империи поставили в порядок дня проблему выхода России к Средиземному морю и полной ликвидации турецкого господства в Европе.

Решение этой проблемы, поскольку внешняя политика Турции все больше утрачивала самостоятельность, приобретало международный характер. Россия в своем дальнейшем продвижении к Черному морю, к Балканам, Стамбулу и проливам сталкивалась теперь не столько с самой Тур-

2 Зак. 1368

цией, сколько с главными европейскими державами, также выдвигавшими свои притязания на «османское наследство» и открыто вмешивавшимися как в русско-турецкие отношения, так и в отношения между султаном и его христианскими подданными. Отсюда ведет свое существование так называемый Восточный вопрос, хотя сам термин стал применяться несколько позднее.

Составными частями Восточного вопроса были, с одной стороны, внутренний распад Османской империи, связанный с освободительной борьбой угнетенных народов, а с другой стороны — борьба между великими европейскими державами за раздел отпадающих от Турции территорий, в первую очередь европейских. В 1787 г. началась новая русско-турецкая война. Россия открыто готовилась к ней, выдвигая план полного изгнания турок из Европы. Но инициатива разрыва и на этот раз принадлежала Турции, которая действовала под влиянием английской дипломатии, хлопотавшей о создании турецко-шведско-прусской коалиции против России. Русские войска под командованием Суворова разгромили турок при Фокшанах, Рымнике и Измаиле.

На стороне России выступила Австрия. Только благодаря тому, что внимание Австрии, а затем и России было отвлечено событиями в Европе, с связи с образованием контрреволюционной коалиции против Франции, Турция смогла закончить войну с сравнительно небольшими потерями. Систовский мир 1791 г. с Австрией был заключен на основе статус-кво (положения, существовавшего до войны), а по Ясскому миру с Россией 1792 г. (по старому стилю 1791 г.) Турция признала новую русскую границу по Днестру, с включением Крыма и Кубани в состав России, отказалась от претензий на Грузию, подтвердила русский протекторат над Молдавией и Валахией и прочие условия Кючук-Кайнарджийского трактата.

Французская революция, вызвав международные осложнения в Европе, создала благоприятную для Турции ситуацию, способствовавшую отсрочке ликвидации турецкого господства на Балканах. Но вопрос распада Османской империи продолжался. Восточный вопрос еще более обострился вследствие роста национального самосознания балканских народов. Углубились и противоречия между европейскими державами, выдвинувшими новые претензии на «османское наследство»: одни из этих держав действовали открыто, другие — под прикрытием «защиты» Османской империи от посягательства своих соперников, но во всех случаях эта политика вела

к дальнейшему ослаблению Турции и превращению ее в зависимую от европейских держав страну.

2. СТОЛКНОВЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ. РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ

Внешняя политика России в конце XVII и в первой черверти XVIII в. имела целью приобретение морских берегов: сначала Черного и Азовского морей, затем Балтийского моря. В 80-х годах XVII в., в правление царевны Софьи, Россия вела войну с Турцией и Крымом в союзе с Польшей, Австрийской империей и Венецией. Война должна была дать доступ к Черному морю. Но крымские походы под начальством В.В.Голицына окончились полной неудачей.

С тех пор тянулись долгие дипломатические переговоры с Польшей и отчасти с Австрией, обе державы были не прочь заключить мир с Турцией, но при этом нисколько не заботились о русских интересах. С Польшей у русского правительства шли длительные переговоры. Россия пыталась самостоятельно договориться с Крымом и Турцией, но эти попытки также кончались неудачей, и нападения татар на границы Украины продолжались. В конце XVII в., в петровское царствование, возобновилась вооруженная борьба за выход к Черному морю. Были учтены уроки прежних неудачных кампаний, когда армия не сумела преодолеть безводные и безлюдные южные степи.

Дворянская конница старинного строя в 120 тыс. человек была послана под начальством Б.П.Шереметева в крымском направлении, к низовьям реки Днепра, где стояли турецкие укрепления. Но главное направление для удара было иным. Другая армия направлялась к устью Дона, против крупнейшей турецкой крепости Азов, запиравшей выход к Азовскому морю. При этом один отряд под начальством генерала Гордона, численностью свыше 9 тыс. человек, с артиллерией и снарядами, пошел сухим путем на юг от Москвы через Коломну и Тамбов. Но главное войско в 10 тыс. человек во главе с генералами Лефортом и Головиным отправилось к Азову водой. На Москве-реке у Каменного моста было приготовлено множество «стругов» для перевозки войск, артиллерии и припасов.

Отплыли 28 апреля 1695 г. Караван судов двигался медленно. У Коломны Москва-река впадает в реку Оку, и здесь суда задержались на два дня из-за сильного ветра. 6 мая прошли Рязань и только 16 мая пришли к Нижнему, где Ока впадает в Волгу. В этом войске находился Петр I. Под Царицыном Волга всего ближе подходит к Дону. Здесь войска должны были высадиться и идти сушей к Дону. Переход через степь к Дону был очень тяжел. Обозных лошадей не хватало, пушки и снаряды перетаскивались людьми. Достигнув Дона у городка Паншина, стояли четыре дня, так как снова грузились на суда, чтобы плыть Доном.

25 июня приплыли к центру донских казаков, к городу Черкасску, где остались на три дня. Наконец, 29 июня пристали к берегу близ Азова. Отряд генерала Гордона, прибывший прежде, приветствовал подошедшие войска и Петра салютом из всех пушек и мушкетов. В тот же день состоялся военный совет. Весь путь от Москвы до Азова занял два месяца, с 28 апреля до 29 июня.

Турецкая крепость Азов была расположена в устье Дона, в 15 километрах от Азовского моря. Она была обнесена каменными стенами, земляным валом и рвом. В трех километрах от крепости вверх по Дону на обоих его берегах стояли «каланчи» — две каменные башни, укрепленные пушками. Русские войска приступили к осаде Азова.

В русском войске не было единого руководства: генералы спорили между собой, а Петр, которому было только 23 года, еще не брал на себя общего командования. Голландский матрос, состоявший на русской службе, перебежал к туркам и сообщил им, что русские во время зноя беспечно спят. Турки сделали вылазку в это время дня, перебили много спящих и увезли 6 орудий. В середине июля русские полки захватили обе каланчи, построенные турками выше Азова. После этого туркам было предложено сдать крепость на выгодных условиях. Но те ответили отказом. Тогда 5 августа был произведен штурм Азова. Три отряда, по 1500 человек в каждом, с разных сторон бросились на крепость. Казаки на 20 лодках спустились по Дону в море и сделали попытку полностью окружить крепость. Но русские отряды действовали во время штурма несогласованно, а турки упорно сопротивлялись, и штурм закончился ничем. После этого были усилены осадные работы, стали рыть траншеи и вести подкоп под крепость.

Неопытный минер неудачно заложил мину в подкоп, и от взрыва пострадали не турки, а русские, было много раненых и убитых. На 25 сентября был назначен второй штурм Азова. Взрывом была пробита брешь в крепостных укреплениях Азова, но турки отбили все атаки, и второй штурм также окончился неудачей. Осенняя непогода не позволила продолжать осаду, и командование решило прекратить затянувшиеся военные действия.

1 октября 1695 г. осада была снята и начался отход войск на север, только у каланчей были оставлены русские отряды. Обратно шли сушей по степи, где трудно было найти воду и корм, к тому же наступили морозы. Австрийский посол, сопровождавший русскую армию, писал об отходе русских войск: «По дороге я видел, какие большие потери понесла армия во время своего марша, хотя и не будучи преследуема никаким неприятелем; нельзя было без слез видеть, как по всей степи на протяжении 800 верст лежали трупы людей и лошадей, наполовину объеденные волками». Удачнее были операции другого войска, действовавшего под началом Б.П.Шереметева вместе с украинскими казаками в низовьях Днепра. Ему удалось захватить четыре небольшие турецкие крепости. Однако неудача под Азовом заставила отказаться от широких замыслов.

По возвращении в Москву обсуждался план нового похода. Причинами неудачи были признаны: отсутствие русского флота, недостаток инженеров, опытных в осадных работах, и отсутствие единства командования. Решено было выписать инженеров из-за границы. Новым главнокомандующим сухопутных сил был назначен боярин А. С. Шеин, а Петр взял на себя общее руководство походом.

Главные усилия были направлены на строительство флота, который позволил бы отрезать Азов с моря и лишить его подкреплений. Было решено строить суда двух видов: морские галеры, которые могли ходить под парусами и на веслах и вмещали 120—170 человек, и речные струги для перевозки войск по рекам. Лефорт был назначен адмиралом будущего флота. Из Голландии выписали в Архангельск в качестве образца небольшую галеру, которую затем доставили в Москву. Под Москвой были построены 23 галеры и 4 брандера, затем их на санях перевезли на юг, в Воронеж. Судостроительные верфи были устроены в Воронеже, Козлове и в других пунктах на реке Воронеж, откуда суда спускались на Дон. Было приказано к весне построить 1300 речных стругов, 300 морских лодок и 100 плотов.

Для работ по сооружению флота было предписано собрать около 28 тыс. человек. Но часть рабочих совсем не яви-

лась, а многие бежали с мест работы. Условия работы были крайне тяжелы, жалованье было определено по 1 копейке в день, что было совершенно недостаточно. Все же работы велись столь энергично, что флот был выстроен с удивительной быстротой — в течение одной зимы 1695—96 г.

Второй Азовский поход начался весной 1696 г. Флотилия из нескольких судов во главе с Петром отправилась вперед из Воронежа и далее Доном. Отплыли 3 мая. К Азову подошли в ночь на 19 мая и остановились у каланчей. На взморье стояли 13 турецких кораблей и галер и 24 мелких судна. Им противостояли 9 русских галер, на которых разместился полк пехоты, и 40 стругов с казаками. Казаки под началом донского атамана Фрола Миняева смело напали на турецкий флот. Им удалось сжечь турецкий корабль и 9 мелких судов и захватить в плен одно судно с продовольствием и сукном.

Уцелевшие турецкие суда спешно ушли в море. После этой победы русский флот из 22 галер собрался в устье Дона, и здесь на обоих берегах реки были сооружены форты, снабженные артиллерией. Вскоре к Азову приблизился турецкий флот из 23 кораблей, пытавшийся высадить десант, но при виде русских галер турки отступили. Таким образом, Азов был осажден с моря и суши На предложение сдаться турки ответили стрельбой.

Началась осада крепости. Солдаты предложили насыпать высокий вал под крепостью. Земляные работы шли успешно, вал сравнялся высотой со стенами крепости, ров перед ней был засыпан, и казаки захватили одно из турецких укреплений.

Среди турецкого гарнизона Азова произошел раскол: одна часть стояла за продолжение борьбы, другая настаивала на сдаче города русским, так как в крепости был недостаток припасов и снарядов и находилось много раненых и больных. Однако на новое предложение о сдаче турки опять ответили отказом. Тогда на военном совете 18 июля было решено через три дня приступить к общему штурму крепости. Но в этот же день турки стали махать из Азова шапками и преклонять знамена в знак желания начать переговоры. Они согласились сдать крепость на предложенных им условиях, с правом уйти из нее «безопасно и с имуществом».

19 июля 1696 г. турецкие войска покинули Азов. Они шли между двумя рядами русских войск. Турецкий комендант и другие начальники преклонили свои знамена к ногам главнокомандующего боярина Шеина. Азов в тот же день был занят русскими войсками. Победа над турками была отпразднована в Москве. Были сооружены триумфальные ворота для торжественной встречи возвращающейся армии. Триумфальную арку украсили колоннами и статуями. Здесь были изображены азовский паша и два скованных турка; надпись гласила: «Ах! Азов мы потеряли и тем бедство себе достали». По сторонам ворот были помещены картины, написанные на полотне. На одной из них был изображен древнеримский бог морей Нептун с надписью: «Се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь». Войска проходили через всю Москву. У триумфальной арки трубач произносил приветствие, составленное в стихах и прославлявшее подвиги армии и ее руководителей. За войсками волокли по земле турецкие знамена и вели пленных. Шествие продолжалось с утра до вечера, никогда Москва не видела такой великолепной церемонии.

Взятие Азова было крупным событием, оно явилось началом превращения России в морскую державу. Но присоединения одного Азова было недостаточно, надо было добиться доступа к Черному морю. Для успешного продолжения войны нужны были новые средства и прежде всего необходим был большой морской флот. По предложению Петра Боярская дума приняла решение о сооружении флота из 52 крупных кораблей. Постановление это от 20 октября 1696 г начиналось словами: «Морским судам быть...» Этот день можно считать «днем рождения» русского военно-морского флота.

Для строительства кораблей и оплаты работ дворянство и монастыри, т. е. крупные светские и духовные землевладельцы, должны были образовать «кумпанства», и каждое кумпанство обязывалось выстроить по одному кораблю. Кумпанство состояло из дворян, имения которых насчитывали вместе 10000 крестьянских дворов. Монастыри составляли кумпанства по 8000 дворов в каждом. Таким образом, строительство военно-морского флота легло на деле на крестьянское население в виде новых денежных и натуральных сборов.

В Азовском море строилась гавань Таганрог и крепость Троицкая. В расчете на будущее морское судоходство было решено прорыть канал, который соединил бы Волгу с Доном. Канал намечался в том месте, где реки подходят друг к другу ближе всего. Постройка канала дала бы возможность создать единый водный путь от Москвы до Азовского и

Черного морей. Для этих работ был приглашен иностранный инженер и согнано 20 тыс. рабочих, но позднее работы были прекращены. Будущему русскому военно-морскому флоту недоставало подготовленных людей. Решено было отправить за границу знатную дворянскую молодежь для обучения морским наукам. Это был совсем новый род дворянской службы.

В заграничную учебную командировку был отправлен 61 человек, из них 39 поехали в Италию, 22 — в Голландию и Англию. Они должны были научиться кораблестроению, управлению кораблем в мирных условиях и в боевой обстановке, уметь обращаться с компасом, знать морские карты и т.п. Каждый из них должен был нанять за границей для службы в России по два искусных корабельных мастера. Вместе с тем было послано за границу с дипломатической целью «великое посольство». Оно должно было вести переговоры с иностранными правительствами, чтобы побудить союзников к активным совместным действиям против Турции и получить средства для продолжения войны. Петр сам ехал в составе этого посольства, чтобы руководить переговорами, а также для того, чтобы наряду с «волонтерами» самому научиться морскому делу. «Великое посольство», отправлявшееся за границу, возглавлялось тремя лицами: талантливым и опытным дипломатом Федором Головиным, живым и общительным человеком, успешно заключившим договор с Китаем; Прокофием Возницыным, пожилым дипломатом, его долгая служба в посольствах дала ему отличную подготовку, он успел побывать в Турции, Польше, Австрии и Венеции; первым послом числился Франц Лефорт, не принимавший, однако, серьезного участия в работе посольства: он был полезен главным образом своими знакомствами и личными связями в Западной Европе.

К посольству был присоединен отряд волонтеров из знатной молодежи, которые должны были за границей обучаться морской науке и иностранным языкам. Всего было 35 волонтеров, разделенных на десятки; в одном из них состоял Петр под именем десятника Петра Михайлова. Ни внутри страны, ни за границей официально не сообщали, что царь находится в составе посольства. Тем временем союз против Турции распадался, султан сделал мирные предложения австрийскому правительству и Венеции, и те предпочли заключить мир. Не оставляя надежды на продолжение войны с Турцией, Петр пытался отклонить австрийское правительство от поспешного заключения мира.

С этой целью в середине июня 1698 г. русское посольство прибыло в столицу Австрии Вену. Австрийское правительство известило русских о начавшихся переговорах с Турцией. Австрия соглашалась на заключение мира на условии сохранения за ней и за союзниками того, что они успели занять силой оружия. Однако русские послы правильно считали, что сохранения за Россией лишь завоеванного Азова недостаточно, так как выход из Азовского моря в Черное через Керченский пролив оставался бы в руках турок. Послы настаивали на передаче России одной из гаваней на Черном море, именно Керчи, и в этих целях считали необходимым продолжение войны. Эти настояния остались безуспешными. Русское посольство собиралось отправиться из Вены в Венецию. В то время Венеция была сильной морской державой на Средиземном море и к тому же являлась союзником Австрии и России в их войне с Турцией.

Венецианское правительство тщательно готовилось к встрече царя и русских послов. Предполагалось показать им строящиеся суда, отлить в их присутствии пушки, показать стекольный завод, была также разработана обширная программа празднеств и увеселений. Однако в назначенный для отъезда день, 15 июля 1698 г., из Москвы пришла почта с известием о новом стрелецком бунте. Необходимо было торопиться в Москву, и поездка в Венецию была отменена.

Во второй четверти XVIII в. Россия вела три войны. Все они в той или иной степени отражали традиционные направления внешней политики России. Война за польское наследство хотя и не была непосредственно связана с воссоединением с Украиной и Белоруссией, но в известной мере готовила почву для него.

Русско-турецкая война 1736—1739 гг. была направлена против татаро-турецкой агрессии, и вместе с тем ее успешное завершение могло обеспечить выход России к Черному морю. Наконец, Русско-шведская война 1742 г. явилась продолжением спора за прибалтийские земли — Швеция попыталась пересмотреть условия Ништадтского мирного договора и вернуть земли, потерянные в годы Северной войны. В разгар войны за польское наследство французский посол в Константинополе Вильнев энергично действовал за выступление Турции на стороне Станислава. Однако Порта, занятая в это время войной с Ираном, вынуждена была ограничить свое участие в польских делах лишь моральной поддержкой Лещинского.

Турки в войне с Ираном терпели одно поражение за другим, что дало основание русскому послу Неплюеву донести двору: «Здешнее государство в сильном расслаблении и совсем увязло в Азию, так что давно в таком состоянии не было». Поэтому Неплюев рекомендовал русскому правительству начать в 1735 г. войну с Турцией, «не дожидаясь, когда персияне, утомясь, склонятся к миру с ними, ибо слабость персидская видима». Неплюев убеждал правительство, что в случае заключения мира с Ираном турки получат возможность бросить освободившиеся войска против России. В сложившейся обстановке Россия была заинтересована в продолжении ирано-турецкой войны. С этой целью в Иран был отправлен чрезвычайным посланником князь С.Д.Голицын, но он прибыл в Исфагань с опозданием, когда истощенный хотя и победоносной, но изнурительной войной Иран готов был пойти на мир с турками. Впрочем, мирный договор не был подписан, и Голицыну удалось некоторое время поддерживать состояние войны.

Важное значение в дипломатической подготовке русско-турецкой войны отводилось союзному договору, заключенному между Ираном и Россией. Ценою уступки Ирану провинций, присоединенных к России во время персидского похода Петра I, Иран дал обещание продолжать войну с Турцией. Кроме того, Иран взамен полученных провинций обязался «вечно с Российскою империею пребыть в союзной дружбе и крепко содержать российских приятелей за приятелей, а неприятелей российских за неприятелей иметь». Возвращаемые провинции Иран обязался «никаким образом и ни под каким видом в руки других держав, а паче общих неприятелей не отдавать, но всячески иметь старание, дабы оные в державстве Иранского государства содержать» Под «другой державой» в данном случае подразумевалась Турция.

Дальнейшее развитие внешнеполитических событий показало, что русская дипломатия и военные руководители при подготовке войны с Турцией допустили крупный просчет. Во-первых, не оправдались надежды, возлагавшиеся на русско-иранский союз. Иран хотя и не заключал мира с Турцией до 1737 г., но занял выжидательную позицию и крупных военных действий не проводил. В то же время Россия лишилась важных для нее территорий в Закавказье. Во-вторых, оказались ложными представления о слабости Турции и расчеты на то, что война будет непродолжительной и завершится легкой победой. Самонадеянный Миних составил легкомысленный план, согласно которому для разгрома Турции и овладения Константинополем понадобится 4 года войны: в 1736 г. намечалось овладеть Азовом, в 1737 г. — Крымом и Кубанью, в следующем году — Молдавией и Валахией, а в 1739 г. русские штандарты намечалось водрузить в Константинополе.

Военные действия начали крымские татары, направленные турками на завоевание уступленных Россией Ирану прикаспийских провинций. На пути в Закавказье татары вторглись в земли, принадлежавшие России. В ответ на грабежи и насилия над местным населением русское правительство осенью 1735 г снарядило в Крым экспедицию во главе с генералом Леонтьевым. Главнокомандующий русской армией Миних настолько был уверен в успехе этой экспедиции, что запрашивал императрицу, как поступить с 20 тыс. пленных семейств, которых должен был освободить из татарской неволи корпус Леонтьева. Но корпус Леонтьева был далек от решения этой задачи. Начавшаяся осенняя распутица, затем ранние морозы вынудили Леонтьева возвратиться из похода, потеряв при этом около 9 тыс. человек.

В марте следующего, 1736 г. началась осада Азова, а в апреле 54-тысячная армия под командованием Миниха направилась в Крым. После разорения Бахчисарая русская армия вернулась к Перекопу. Миних не стремился дать генеральное сражение крымчанам. Его тактика была рассчитана на измор. Не одержав ни одной существенной победы над татарами, Миних вернулся в Перекоп. Возвращение туда Миних объяснял стремлением предоставить армии отдых и тем, «чтобы свободную с своими границами коммуникацию иметь и вашему величеству как можно чаще о здешних обращениях доносить». Кроме того, Миних, находясь в Перекопе, намеревался осуществлять голодную блокаду татар. От этого плана Миних тоже отказался, и в конце августа войска были отведены в украинские города на зимние квартиры. Вся эта операция бездарного командования стоила потери половины русских войск. Характерно, что во время столкновений с неприятелем было потеряно не более двух тысяч человек, а остальные — жертвы нераспорядительности главнокомандующего Миниха. Неудачу кампании 1736 г. не могло смягчить даже овладение Азовом, произведенное без потерь и принесшее русским войскам значительные трофеи.

1737 г. начался двумя важными событиями: в январе татары совершили дерзкий налет на украинскую линию, про-

демонстрировав ее уязвимость. В том же январе было достигнуто соглашение между Россией и Австрией о совместных действиях против Турции. Австрия обязалась в наступающем году двинуть 80-тысячную армию с тем, чтобы достичь обоюдными усилиями «безопасного и славного мира». Цель кампании 1737 г. состояла в овладении Очаковым. Штурм Очакова начался без предварительной разведки системы укреплений и сосредоточения осадной артиллерии, находившейся еще в пути. Наличие глубокого рва перед крепостными стенами было обнаружено лишь в момент штурма, когда скопления солдат оказались под губительным огнем неприятеля. Турки бросали в штурмовавших камни, кирки, топоры. Взятие Очакова облегчил вспыхнувший в крепости пожар. Вызванный им взрыв порохового погреба уничтожил около шести тысяч турок.

Русская армия, оставшаяся после взятия Очакова лишь в половинном составе, не могла развить успеха. Правда, Миних, оставив в Очакове небольшой отряд, двинулся к Бугу, но вследствие бескормицы и болезней вернулся на Украину. На втором направлении, где велись военные действия — на Крымском, — была повторена операция 1736 г. Проникнув летом в Крым в обход Перекопа, войска разорили ряд опорных пунктов крымцев, но навязать им генерального сражения не удалось. Недостаток воды вынудил русские войска оставить полуостров и вернуться к исходным позициям на берегах Дона и Донца. В связи с вступлением в войну Австрии возникло еще несколько операционных направлений, но на них не происходило сколько-нибудь существенных военных действий. Австрия вступила в войну, имея в виду не допустить Россию к Черноморскому побережью и в то же время опираясь на успехи русского оружия, самой овладеть Молдавией и Валахией.

В августе 1737 г. в г. Немирове начались мирные переговоры. Русские представители изложили территориальные претензии, далеко превосходящие военные успехи, — они первоначально потребовали присоединения Крыма и Кубани, а также прав протектора на Молдавию и Валахию. Австрийские уполномоченные тоже претендовали на Молдавию и Валахию. Турки тянули время на конгрессе и пытались еще более разжечь русско-австрийские противоречия, чтобы окончательно поссорить союзников. Кроме того, турки считали свои потери не столь существенными, чтобы они могли лишить армию боеспособности. Попытка достичь мира на Немировском конгрессе окончилась безрезультатно.

В декабре 1737 г. конгресс прекратил работу. Кампания 1738 г. была самой неудачной в ходе этой войны. Миних совершил очередную безуспешную акцию — армия двинулась к Днестру, но там не встретила неприятеля и из-за бескормицы должна была вернуться на исходные позиции. Неудача этого похода усугублялась необходимостью оставить две крепости — Очаков и Кинбурн, гарнизоны которых опустошались вспыхнувшей эпидемией чумы. В Крыму дело ограничилось разрушением укреплений Перекопа. Завершающий год войны принес русским войскам знаменательную победу под Ставучанами, одержанную в августе 1739 г. Турецкий главнокомандующий намеревался повторить с русской армией, двигавшейся к крепости Хотин, прутскую операцию 1711 г., а именно, окружив ее, взять в плен. Вели-паше удалось окружить русскую армию. Ложным маневрированием Миних обманул турок относительно места, по которому русские войска намечали нанести главный удар. Передвижение в русском лагере турецкий главнокомандующий принял за отступление и уже поспешил донести о своей победе, но контратака на уязвимый участок турецкой линии вызвала паническое бегство неприятеля. Турки бежали из-под Ставучан настолько поспешно, что увлекли за собой гарнизон хорошо укрепленного Хотина. В итоге Ставучанская победа была одержана при минимальных потерях, а Хотин занят был без единого выстрела. Русская армия после этого двинулась в Яссы, где молдавская депутация заключила договор о переходе Молдавии в подданство России. В то время как кампания 1739 г. принесла русским войскам крупный успех, союзница России Австрия терпела от турок одно поражение за другим и в конечном счете лишилась большей части своей армии.

Ослабленная Австрия запросила у турок мира, нарушив, таким образом, свое союзническое обязательство. Так как у России назревал конфликт с северным соседом, то для нее мир с Турцией стал необходимостью. В сентябре 1739 г. Россия заключила с Турцией мирный договор в Белграде. По условиям Белградского мира Россия получила Азов без права держать в нем гарнизон и возводить укрепления. России запрещалось иметь флот на Азовском и Черном морях, торговля с Турцией могла осуществляться только на турецких кораблях. Хотин и Молдавия оставались за Турцией. Большая и Малая Кабарда на Северном Кавказе объявлялись нейтральным барьером между Россией и Турцией. Таким образом, основное значение Белградского до-

говора состояло в ликвидации пагубных для России последствий Прутского похода Петра I.

Несмотря на огромные потери, понесенные русскими войсками в результате нераспорядительности военачальников, Россия не приобрела выхода к Черному морю. Решение черноморской проблемы было перенесено на три с половиной десятилетия. Перед внешней политикой России во второй половине XVIII в. стояли две основные задачи, которые необходимо было разрешить: во-первых, задача обеспечения безопасности южных границ и выхода к Черному морю, связанная прежде всего с отношениями России с Турцией, и, во-вторых, задача возвращения украинских и белорусских земель, затрагивавшая главным образом отношения с Польшей.

Крымские татары, находившиеся в вассальной зависимости от Турции, издавна, на протяжении столетий, совершали свои разбойничьи набеги на южные русские и украинские земли. Грабя и разрушая города и села, угоняя в неволю население, они тем самым тормозили и задерживали развитие пограничных областей, мешая осваивать территории, прилегающие к южной границе. Общее экономическое развитие страны также требовало выхода к Черному морю для участия в морской торговле со странами Ближнего Востока и Средиземного моря. Кроме того, перед Россией стояла задача по укреплению позиций на берегах Балтики, поскольку Швеция не отказалась от попыток вернуть себе то, что было утрачено ею в результате Северной войны. Обстановка для решения этих задач сложилась для России довольно благоприятная.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1763—1774 ГГ.

Несмотря на успехи, достигнутые Россией в ходе Семилетней войны, основные внешнеполитические задачи, стоявшие перед ней, не были решены. На пути к достижению этих целей стояли не только Турция и Польша, но и некоторые другие европейские государства, опасавшиеся усиления России, и в первую очередь Франция, которую поддерживала Австрия. Франция боялась, что утверждение России на Черном море будет угрожать ее позиции на Ближнем Востоке, и потому всячески препятствовала в этом России, стремясь низвести ее на положение второстепенной державы.

В борьбе с возраставшим влиянием России Франция использовала прежде всего Турцию, Польшу и Швецию, стремясь создать из них «непроницаемый барьер между Россией и остальной Европой от полюса до Архипелага». С Францией все более сближалась ее бывшая соперница Австрия. В ходе борьбы с Турцией Россия устанавливала тесные связи с балканскими народами, находившимися под турецким игом, и особенно со славянами. Это возбуждало недовольство Австрии, потому что в составе самой Австрийской империи также находилось славянское население. Не могло Австрии нравиться и усиление русского влияния в Польше. Русское правительство все же надеялось, что в случае русско-турецкого конфликта Австрия останется нейтральной. Сложными были отношения России с Англией. Ожесточенная борьба с Францией и нужда в русском хлебе и сырье (лесе, смоле, пеньке и др.) заставляли Англию искать сближения с Россией. Но в то же время стремление России овладеть берегами Черного моря и выйти к Средиземному морю вызывало противодействие Англии.

Наиболее естественным союзником России в тех условиях могла стать Пруссия, которая не имела непосредственных интересов в Турции и Швеции и поэтому не противодействовала русской политике в этих странах. Взгляды Фридриха II обращены были в это время прежде всего на Польшу. Особенно стремился он овладеть Польским поморьем, которое разделяло Бранденбург и Восточную Пруссию. Однако осуществить эти планы можно было лишь при поддержке России, и поэтому Фридрих II настойчиво ищет союза с ней. Русское правительство, конечно, не одобряло притязаний Пруссии, но, чтобы не оказаться в одиночестве и не толкнуть Фридриха II на союз с Францией, вынуждено было считаться с ними. Помимо этого, Пруссия была противником Австрии, что при неустойчивой и двойственной политике последней также имело большое значение. Наметившееся сближение между Россией и Пруссией привело к заключению между ними 31 марта 1764 г. оборонительного союза. В случае войны России с Турцией Пруссия обязалась оказывать России денежную помощь в размере 400 тыс. руб. в год. Была намечена также общая внешнеполитическая линия в отношении Швеции с целью противодействия там французскому влиянию.

Заинтересованные в поддержании политической слабости Польши, Россия и Пруссия договорились о совместных мерах по сохранению польской конституции с ее «либерум вето».

Ни о каких территориальных требованиях к Речи Посполитой в договоре не было речи. Русское правительство сознательно пошло на это, чтобы не дать повода и Пруссии предъявить какие-либо претензии на этот счет.

Заключение союза с Пруссией было крупным успехом русской дипломатии и явилось началом нового курса во внешней политике России, связанного прежде всего с именем Н. И. Панина, руководившего внешней политикой страны с начала воцарения Екатерины II. Панин считал, что необходимо создать свою мощную коалицию держав под названием «Северная система» («Северный аккорд»), которая бы противостояла Франции и Австрии. Помимо России и Пруссии, в нее должны были войти также Англия, Дания, Швеция и Польша. Из-за противодействия английских и прусских дипломатов полностью такую коалицию создать не удалось.

Англия, в частности, не хотела давать обязательств о помощи России в случае ее войны с Турцией, а Пруссия не желала иметь в качестве союзника Польшу и брать на себя какие-то новые связывающие ее обязательства. Однако определенное улучшение отношений со странами предполагаемой «системы» было достигнуто. Помимо союза с Пруссией, в 1765 г. был заключен договор с Данией, по которому она, в обмен на уступки ей голштинских владений великого князя Павла Петровича, обязывалась поддерживать русскую политику в Швеции, а также должна была оказать России помощь в случае ее войны с Турцией.

В следующем, 1766 г., был заключен торговый договор с Англией. Все эти соглашения улучшали международное положение России и создавали благоприятные условия для осуществления ее основных внешнеполитических задач. В эти же годы заметно усилилось влияние России в Польше. В связи со смертью короля Августа III Екатерина II потребовала от своих польских сторонников избрания короля, «интересам империи полезного, который бы, кроме нас, ниоткуда никакой надежды в достижении сего достоинства иметь не мог».

Домогательства русской императрицы были небезуспешны, и в сентябре 1764 г. на польский престол был избран ее ставленник Станислав Понятовский. Внешнеполитические успехи России были весьма ревниво встречены ее противниками и союзниками. Стараясь ослабить их, Франция и Австрия натравливают на Россию Турцию, обещая ей помощь и поддержку. В свою очередь турки, стремившиеся

к новым территориальным захватам, только ждали повода, чтобы напасть на Россию. Воспользовавшись небольшим пограничным инцидентом, Турция в октябре 1768 г. объявила России войну. И в экономическом, и в военном отношении Турция была слабее России, и поэтому ее войска с самого начала войны начали терпеть поражения.

В сентябре 1769 г. русская армия заняла крепость Хотин на Днепре и вступила в Молдавию. Затем русские войска овладели столицей Молдавии Яссами и заняли столицу Валахии Бухарест. Местное население радостно встречало русские войска, которые несли им освобождение от турецкого ига. Успешно развертывались военные действия на Северном Кавказе и в Закавказье. Русские войска заняли считавшийся нейтральным Азов и вышли к реке Кубани, в результате чего зависимые от крымского хана ногаи стали переходить на сторону России. Вслед за этим при поддержке местного населения была занята Кабарда. Экспедиционный корпус Тотлебена помощью грузинских войск освободил Имеретию.

Кампания 1770 г. была для России еще более успешной. Русские войска под командованием П. А. Румянцева в боях у Рябой Могилы и Ларги, а также на реке Кагул наголову разгромили превосходящие силы турецко-татарской армии и прочно закрепились в Молдавии и Валахии. Русская эскадра под командованием адмирала Г.А.Спиридова, пришедшая с Балтики в Средиземное море, 26 июня 1770 г. в Чесменской бухте в ожесточенном бою уничтожила турецкую эскадру. Победа русского флота имела огромное влияние на ход войны.

Русские войска высадились на побережье Греции и на островах Эгейского архипелага. Пролив Дарданеллы, через который Турция могла получить помощь, был блокирован. В 1771 г. русская армия заняла Крым и ряд крепостей на Дунае. Используя благоприятную обстановку, сложившуюся на фронтах, русское правительство уже в 1770 г. предложило Турции вступить в мирные переговоры. Но, несмотря на жестокие поражения, Турция отклонила мирные предложения. Она надеялась на помощь не только Франции и Австрии, но и некоторых других стран. Блестящие победы, одержанные русской армией и флотом, не только усилили враждебную деятельность открытых противников, но и повлияли на позицию союзников России.

Франция усилила свои происки в Польше и Швеции и предложила Турции взамен потерянного флота купить фран-

цузские суда. Все более явственно стала поддерживать Порту и Австрия. Морские победы России встревожили Англию, которая решила отозвать из русского флота служивших в нем английских офицеров. Не обрадовалась успехам России и Пруссия, которая боялась, что, усилившись, русские уже не будут больше нуждаться в ней. Поэтому политика Фридриха II с этого времени стала определяться стремлением создать для России как можно больше трудностей и тем самым заставить ее согласиться на удовлетворение прусскихпритязаний насчет Польши. На этой почве между Пруссией и Австрией наметилось сближение.

В ходе переговоров, состоявшихся в августе 1769 г., обе стороны дали обязательства соблюдать строгий взаимный нейтралитет, причем Фридрих II заверил наследника австрийского престола Иосифа II, что он не будет трогать австрийских владений, если Австрия окажет русскому продвижению в районе Дуная серьезное сопротивление. Об этих решениях немедленно была осведомлена Турция, и при этом султану дано было понять, что ему не нужно особенно торопиться с началом мирных переговоров, особенно без посредничества Австрии и Пруссии. Новые победы русских войск еще более усилили сближение Пруссии и Австрии.

В августе 1770 г., т. е. через год, в Нейштадте состоялось второе свидание Фридриха II и Иосифа II. В результате переговоров было заключено соглашение, по которому каждая страна обязалась не чинить препятствий выгоде другой, если это не будет наносить ущерба ее собственным интересам. Во время переговоров Турция официально предложила Пруссии и Австрии стать посредниками при заключении ею мира с Россией. Турецкое предложение с радостью было принято, и прусский король в письме к Екатерине II официально предложил посредничество. Русское правительство отклонило иностранное посредничество, а турки, используя сложившуюся ситуацию, не согласились начать переговоры без посредников. Так, из-за вмешательства иностранной дипломатии, мирные переговоры в 1770 г. не смогли начаться.

В 1771 г. Австрия еще более усилила свою враждебную деятельность против России. В середине этого года она заключила с Турцией так называемую «тугутову» (от имени австрийского представителя в Константинополе Тугута), или «субсидную», конвенцию, по которой обязалась добиваться любыми средствами, в том числе и военными, возвращения Турции всей территории, занятой русской армией. За эту помощь Турция должна была уплатить Австрии 11,25 млн. флоринов, отдать ей Малую Валахию и предоставить австрийским подданым особые права и привилегии в торговле. Вслед за подписанием конвенции Австрия начала производить враждебные военные демонстрации на границах Молдавии и Валахии. Опасность сближения Австрии с Пруссией, а также возможность вступления Австрии в войну на стороне Турции заставили Россию пойти на уступки.

Из проекта мирного договора были исключены требования, особенно нежелательные для Австрии, и в частности пункт о предоставлении Молдавии и Валахии независимости. Россия согласилась на раздел Польши, на чем уже давно настаивали Пруссия и Австрия. Все это дало свои результаты, и Австрия не ратифицировала «тугутову» конвенцию. Оставшись без поддержки, Турция заключила в мае 1772 г. с Россией перемирие, а в июле в Фокшанах начались мирные переговоры. Турция во время фокшанских переговоров отказалась удовлетворить основное требование России — признание независимости Крыма, и мирные переговоры были прекращены.

В октябре 1772 г. переговоры возобновились в Бухаресте. Международное положение России к этому времени ухудшилось, появилась угроза реваншистской войны со стороны Швеции, где в результате государственного переворота к власти пришел воинственно настроенный Густав III. Французские представители заявили султану, что Густав III скоро начнет войну против России и в помощь ему будет послана французская эскадра. Антирусские замыслы Франции и других стран поддерживались Англией. Осложнилось и внутреннее положение России.

В сентябре 1771 г. в Москве вспыхнул «чумной» бунт. Начались волнения среди яицкого и донского казачества. Все эти события усилили несговорчивость Турции во время переговоров в Бухаресте. В марте 1773 г они были вновь прерваны, и война возобновилась. В конце 1773 г. внутренние затруднения России еще более увеличились. Началась крестьянская война под предводительством Е.Пугачева. Поэтому царское правительство решило как можно скорее окончить войну, чтобы высвободить войска для подавления восстания.

Командующему русской армией на Дунае П.А.Румянцеву не только были предоставлены неограниченные права на ведение военных действий, он получил также широкие полномочия и в отношении выработки условий мира

В июне 1774 г. русские войска перешли Дунай, а дивизия, которой командовал А.В.Суворов, в бою при Козлудже нанесла туркам крупное поражение. Преследуя разгромленного противника, русская армия осадила сильную крепость Шумлу, а некоторые части действовали уже за Балканами. Положение Турции стало безнадежным, и султан запросил мира.

10 июля 1774 г. в болгарском селении Кючук-Кайнарджи между Россией и Турцией был подписан мирный договор. По нему Россия получила земли между Днепром и Южным Бугом, крепости в Крыму — Керчь, Еникале и Кинбурн, Азов и все земли до Кубани, а также Кабарду. Турция признавала независимость Крымского ханства. Русский торговый флот получил право свободного прохода по Черному морю и через проливы Босфор и Дарданеллы. Помимо того, Турция уплачивала России большую контрибуцию В мирном договоре имелись также статьи, которые облегчали положение угнетенных Турцией народов Кавказа и Балканского полуострова и тем самым расшатывали турецкое владычество.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1787—1791 ГГ.

Международное положение России накануне новой войны с Турцией было довольно сложным, так как почти все крупные европейские державы были ее явными или тайными противниками. Турция не могла примириться с потерей Крыма и Северного Причерноморья и почти открыто вела подготовку к нападению на Россию. О реванше мечтала и Швеция. Эти намерения активно поддерживались Англией и Пруссией. Англия всячески препятствовала стремлению России укрепиться на берегах Черного моря.

Превращение России в сильную морскую державу не только грозило лишить Англию тех позиций, которые она занимала в русском морском экспорте, но и могло также помешать осуществлению ее планов об установлении на Ближнем Востоке своего господства. Поэтому она рассчитывала, что война с Турцией ослабит Россию, а может, и вообще лишит ее всех завоеваний на Черном море. Поддерживала Турцию и Пруссия, надеясь тем самым создать для себя более благоприятную обстановку для новых захватов в Польше. Между Францией и Россией в середине 80-х годов наметилось некоторое сближение, которое привело в 1786 г. к заключению между ними торгового договора. Но затем антирусские тенденции во внешней политике Франции вновь возобладали, и Франция опять стала толкать Турцию к войне против России. Нельзя было особо положиться и на Австрию. Несмотря на такую довольно сложную и неблагоприятную внешнеполитическую обстановку, русское правительство не думало отказываться от своих планов. Давая понять, что Россия вполне готова к тому, чтобы бороться за свои позиции на Черном море, Екатерина II совершила летом 1787 г. поездку в Крым, во время которой на всем пути ее следования устраивались пышные парады и маневры войск и флота.

26 июля 1787 г. Турция предъявила России ультиматум с требованием признания ее верховных прав над Грузией. Затем, не дожидаясь ответа на свой ультиматум, турецкое правительство потребовало возвращения Крыма, а 21 августа турецкий флот начал военные действия. План турецкого командования состоял в том, чтобы главными силами, насчитывающими около 150 тыс. человек, вторгнуться из Молдавии на Правобережную Украину, а в Крыму и Анапе высадить крупные десанты. Турецким силам противостояли две русские армии. Одна из них, Екатеринославская (70 тыс. человек), которой командовал Г.А.Потемкин, должна была действовать в Крыму и на Балканах, а вторая, Украинская (30 тыс. человек), под командованием фельдмаршала П.А.Румянцева предназначалась для защиты Украины.

Несмотря на значительный численный перевес, турецкая армия по существу не могла обеспечить победы над Россией. Отсталая военная организация, устаревшее вооружение и несовершенная тактика делали ее несравненно более слабой, чем противостоявшая ей русская армия. Первый удар турки направили на крепость Кинбурн, которая, находясь против сильной турецкой крепости Очаков и прикрывая подступы к западному берегу Крыма, имела важное стратегическое значение. Обороной Кинбурна и всего Черноморского побережья от Херсона до Крыма руководил А.В.Суворов, в распоряжении которого имелось около 30 тыс. войск.

1 октября под прикрытием артиллерийского огня турецкая эскадра высадила на Кинбурнской косе десант в 5 тыс. человек. Однако почти вдвое меньший гарнизон Кинбурна под командованием Суворова разгромил его: на корабли из всего десанта возвратилось лишь около 500 человек. Суворов лично руководил боем, был дважды ра-

нен, но не покинул ряды сражавшихся. В один из моментов на него напало сразу несколько янычар, и только самоотверженность гренадера Новикова, бросившегося на помощь своему полководцу, спасла его жизнь. Победа под Кинбурном сорвала планы турок по внезапному овладению Крымом и главной базой Черноморского флота Севастополем. На этом кампания 1787 г. по существу закончилась. С началом войны враждебная деятельность Англии и Пруссии против России резко усилилась.

В августе 1788 г. между ними и Голландией был заключен Тройственный союз, направленный прежде всего на то, чтобы ослабить позиции России на Ближнем Востоке и в Прибалтике. Англия предпринимает все, чтобы помешать намечавшемуся походу русской эскадры из Балтийского в Средиземное море: запретила в своих портах закупать продовольствие, нанимать транспортные суда и т. д. Англия и Пруссия толкнули против России Швецию.

В июне 1788 г. без объявления войны шведские войска перешли границу России, а шведский флот напал на русские корабли. Боевые действия на этом театре войны развернулись в основном на море. Русская эскадра под командованием адмирала С. К. Грейга в бою у острова Гогланда нанесла шведскому флоту серьезное поражение. На суше шведские войска также не добились успеха, и вынуждены были снять осаду с русских крепостей. План Густава III по овладению Петербургом потерпел полный провал. Выполняя свой союзнический долг по отношению к России, против Швеции выступила Дания и осадила порт Гетеборг. Однако вскоре под давлением Англии и Пруссии, которые пригрозили ей войной, Дания принуждена была заключить со Швецией перемирие. На этом подрывная деятельность соперников России не прекратилась. Воспользовавшись затруднительным положением противника, Пруссия усилила свои происки в Польше. Прусский министр Герцберг предложил план обмена территориями между Россией, Австрией, Польшей и Турцией, по которому Польша должна была отдать Пруссии свои исконные города Гданьск, Торунь, Калиш и Познань. Россия, не заинтересованная в одностороннем усилении Пруссии, не поддержала этот план. Активизировалась деятельность прусской агентуры в самой Польше. По требованию польского сейма русские войска вынуждены были уйти из Польши.

Военные действия в 1788 г. развернулись главным образом в районе турецкой крепости Очаков и на Черном море.

Перед Екатеринославской армией, которой командовал Потемкин, и Черноморским флотом была поставлена задача овладеть Очаковым. Войска, осаждавшие Очаков, прикрывались Украинской армией Румянцева.

В июне 1788 г. армия Потемкина подошла к Очакову и осадила его. К этому времени турки с помощью французских инженеров успели сильно укрепить его. Кроме того, на помощь гарнизону пришли основные силы турецкого флота и встали в гавани Очаков. В ряде морских сражений в июне — июле 1788 г. Черноморский флот, несмотря на то что он уступал турецкому по своей численности, нанес ему ряд серьезных поражений и заставил уйти из Очакова. Без поддержки флота Очаков не мог долго противостоять русской армии. Решительным штурмом 6 декабря эта сильнейшая турецкая крепость и военно-морская база на побережье Черного моря была взята. Войска Румянцева в это же время перешли Днепр, вступили в Бессарабию и захватили крупную турецкую крепость Хотин.

В начале 1788 г. приступили к военным действиям и австрийские войска. Однако расчеты на их помощь по существу не оправдались. Австрия преследовала в этой войне свои собственные цели и поэтому главные силы направила на захват Адриатического побережья Сербии, выделив на помощь русской армии всего лишь несколько батальонов. Это значительно осложнило военно-политическое положение России. В кампанию 1789 г. русская армия одержала ряд блестящих побед, которые поставили Турцию и Швецию на грань поражения. 30-тысячная турецкая армия, переправившись в июле 1784 г. через Дунай, повела наступление на Фокшаны. Противостоявшие им австрийские войска начали отступление и обратились за помощью к А.В.Суворову, который с 70-тысячным отрядом стоял в Бырладе. Суворов тут же выступил им на помощь и, пройдя 60 км, которые отделяли Бырлад от Фокшан, за 28 часов, сразу атаковал турецкие войска. Бой длился 9 часов, и, несмотря на ожесточенное сопротивление, турки были разбиты и в беспорядке бежали. Русские войска захватили военные трофеи.

Победа при Фокшанах имела важное значение, так как передавала инициативу в руки русского командования. Суворов предложил использовать сложившуюся обстановку и перейти в наступление главными силами. Однако его предложение не было принято. В сентябре турецкая армия, насчитывающая на этот раз уже 100 тыс. человек, вновь на-

чала наступление. Им противостояло лишь 7 тыс. русских войск под командованием Суворова и 18 тыс. австрийцев под командованием Кобурга. Несмотря на четырехкратное превосходство сил противника, Суворов решил атаковать его первым. Турецкие войска были сосредоточены между реками Рымником и Рымной тремя группами: у деревни Тырго-Кукули, у леса Крынгу-Мейлора и у деревни Мартинешти.

Рано утром 11 сентября 1789 г. Суворов перешел в решительное наступление и разбил вначале первую группировку, затем вторую и, наконец, нанес поражение главным турецким силам, стоявшим в Мартинешти. Турки потеряли более 17 тыс. убитыми и утонувшими, 80 орудий, 100 знамен и много военного имущества. Замечательная победа на реке Рымнике позволила русской армии осенью этого года занять крепости Гаджибей, Аккерман и Бендеры и продвинуться вперед вплоть до устья Дуная. Однако имевшаяся возможность нанести Турции решительное поражение и тем самым закончить войну в этом году снова не была использована Потемкиным. Несмотря на серьезные поражения, Турция, пользуясь поддержкой Англии и Пруссии, продолжала войну. Крупные силы турецких войск и флота, сосредоточенные весной 1790 г. в портах анатолийского побережья (в Синопе, Самсуне и др.), готовились нанести удар по Севастополю и Крыму. Однако планы турецкого командования были сорваны. Черноморский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова в мае 1790 г. разгромил десантные войска, сосредоточенные на турецких базах.

8 июля в Керченском проливе русский флот нанес новое крупное поражение турецкому флоту. Еще более блестящую победу Ушаков одержал 28—29 августа в сражении у острова Тендра, в котором несколько крупных турецких кораблей, в том числе флагманский корабль «Капитания», были потоплены, несколько кораблей взято в плен, а остатки бежали в устье Дуная. Эта победа позволила русскому командованию перебросить свою гребную флотилию из Днепровско-Бугского лимана в устье Дуная, где она вместе с сухопутными войсками участвовала во взятии крепости Измаил, Тульчи, Браилова и др. Наряду с успехами на черноморском театре военных действий был нанесен ряд ударов и по шведским войскам. Будучи не в силах продолжать войну, Швеция вынуждена была отказаться от своих захватнических устремлений и согласиться на мирные переговоры.

3 августа 1790 г. в финской деревне Вереле Швеция и Россия заключили мир. Это было крупной победой России и намного облегчило ее положение. Однако в первой половине 1790 г. имели место и другие события, не столь благоприятные для нее. В марте Пруссия заключила с Польшей союз, направленный главным образом против России.

Под давлением Англии и Пруссии вышла из войны Австрия, заключив с Турцией перемирие и обязавшись не оказывать России помощи. Особенно воинственную позицию заняла Англия. Ее правительство, возглавляемое У. Питтом, готово было даже начать войну с Россией, чтобы заставить ее отказаться от всех своих черноморских приобретений. Но широкие общественные круги внутри самой Англии резко выступили против такой политики Питта. Важную роль в этом выступлении сыграла господствовавшая в Европе уверенность в непобедимости русской армии. Не удалось Питту создать коалицию против России, а воевать одна английская буржуазия не хотела. В итоге Питту пришлось отказаться от войны. На пути дальнейшего продвижения русской армии на Дунае встала самая мощная турецкая крепость Измаил. Гарнизон крепости имел 35 тыс. человек, при 265 артиллерийских орудиях. Первоначальные попытки взять Измаил потерпели неудачу. И лишь когда во главе осаждавших войск встал прославленный Суворов, то положение изменилось. Прибыв 2 декабря под Измаил, он сразу же начал подготовку штурма. В специальном лагере, где был вырыт ров и насыпан в натуральную величину вал, войска обучались штурмовым приемам. Были заготовлены штурмовые лестницы, фашины и другое снаряжение.

Штурм начался рано утром 11 декабря 1790 г. Девять штурмовых колонн, одной из которых командовал М.И. Кутузов, по сигналу пошли на приступ Измаила. К 8 часам утра русские войска ворвались в крепость. Но гарнизон продолжал упорно сопротивляться. Каждый дом и каждый квартал приходилось брать боем. Рукопашный бой внутри крепости продолжался до середины дня. Почти весь гарнизон был уничтожен, и крепость взята. Взятие Измаила не только решило кампанию 1790 г., но и оказало большое влияние на ход всей войны. Однако потребовалось нанести Турции еще ряд ударов, чтобы принудить ее к окончанию войны. В 1791 г. у мыса Калиакрии Черноморский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова вновь разгромил турецкий флот. На суше были разбиты крупные группи-

ровки турецких войск у Бабадага и в Мачине. И только после этого Турция прекратила борьбу.

31 июля 1791 г. в Галаце были подписаны предварительные, а 29 декабря 1791 г. в Яссах окончательные условия мира. По Ясскому договору Турция подтверждала Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., признавала присоединение к России Крыма и отдавала ей Очаков, а граница России и Турции была перенесена с Буга на Днестр. Бессарабия, Молдавия и Валахия возвращались Турции. Ясский договор еще более укрепил положение России на Черном море и в Северном Причерноморье, а также облегчил положение Грузии и других народов Кавказа. Новые успехи России вдохновили балканские народы на еще более самоотверженную борьбу за свое освобождение от турецкого ига. Блестящие победы русского оружия во многом предопределили успешное осуществление задач русской внешней политики во второй половине XVIII в.

В результате войн русская армия не только приобрела огромный боевой опыт, повысила свое боевое мастерство и усовершенствовала свою организацию и тактику. На новую высоту было поднято все русское военное искусство, занявшее ведущее место среди военных школ и направлений Западной Европы. Русские военачальники П.С.Салтыков, П.А.Румянцев, З.Б.Чернышев стали разрабатывать и успешно осуществлять новые формы и способы ведения войны. В стратегии все большее значение приобретают вопросы о соотношении сил, выбора направления главного удара, умения координировать действия сухопутных войск с действиями флота. Русское командование в основном правильно решило все эти вопросы. Большие успехи были достигнуты в развитии тактики. Наряду с линейными боевыми порядками появляются такие порядки, как рассыпной строй и колонны, а также каре. При этом боевой порядок русских войск определялся не только характером противника, но и условиями местности, на которой происходили боевые действия.

Крупную роль в развитии русского военного искусства в этот период сыграл П.А.Румянцев. Он решительно отбросил так называемую кордонную стратегию ведения войны, которой придерживалось большинство военных деятелей Западной Европы и которая считала главным способом ведения войны выход на коммуникации противника и вытеснение его с занимаемой территории путем маневрирования. Он считал, что для достижения победы над противником необходимо решительное наступление с целью уничтожения его живой силы, и своей боевой практикой доказал это. Его блестящие победы у Рябой Могилы, на реках Ларге и Кагул, одержанные в течение июня — июля 1770 г., особенно убедительно доказали правильность его взглядов.

Большой заслугой Румянцева нужно считать разработку и новой тактики борьбы с турецкой конницей. Если на Западе для отражения ее атак выстраивали всю армию в одно огромное четырехугольное каре, обрекая тем самым ее на пассивную оборону, то Румянцев стал применять построение войск в несколько каре разных размеров и величины, чем создавал возможности не только для обороны, но и для перехода в решительное наступление. Румянцев высоко ценил моральный дух войск русских. Обращаясь к войскам после сражения на реке Кагул, он говорил: «Я прошел все пространство степей от берегов Дуная, сбивая перед собой в превосходном числе стоявшего неприятеля, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю вашу во всяком месте за непреоборимую стену».

С середины 70-х годов и до конца XVIII в. во главе передового русского военного искусства стоял А. В. Суворов, который был не только великим полководцем, но и выдающимся военным теоретиком. Он пошел дальше Румянцева, обосновав, усовершенствовав и развив дальше многие его положения и высказывания. Основная особенность стратегии Суворова — ее решительный характер. Он считал, что война должна решаться в боях и сражениях и поэтому всегда искал встречи с врагом для его уничтожения. Суворов говорил: «Оттеснен противник — неудача; уничтожен — победа». Выдающимся образцом решительной наступательной стратегии Суворова являются его замечательные победы в сражениях при Фокшанах и Рымнике и знаменитый штурм Измаила. Результатом этих побед был не только разгром турецкой армии, но и коренное изменение стратегической обстановки в пользу русских армий. А.В.Суворов был также блестящим тактиком. Именно он положил начало применению колонн в сочетании с рассыпным строем и каре, еще больше расчленив боевой порядок не только по фронту, но, что особенно важно, и в глубину. Применение расчлененных боевых порядков создавало возможности взаимодействия различных войск и т. д. При этом применение той или иной тактики и построения определенного боевого порядка было не шаблонным, а зависело от сил и средств противника и условий местности. Для завершения разгрома противника

Суворов требовал самого энергичного преследования: «Ничего не щадить, не взирать на труды, преследовать неприятеля денно и нощно до тех пор, пока истреблен не будет». Суворов придавал особо большое значение фактору времени и говорил, что «деньги дороги; жизнь человеческая еще дороже; а время — дороже всего». Суворов широко использовал для достижения победы тактические резервы, развил методы и способы применения артиллерии, был непревзойденным мастером боевой подготовки и воспитания войск.

В 1795—1796 гг. Суворов написал знаменитую «Науку побеждать», где обобщил не только свой многолетний военный опыт, но и боевой опыт всей русской армии того времени

3.ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII В.

К концу XVIII в. Османская империя вступила в полосу острого кризиса, охватившего все отрасли ее хозяйства, вооруженные силы, государственный аппарат. Крестьяне изнемогали под гнетом феодальной эксплуатации.

По приблизительным подсчетам, в Османской империи в это время существовало около сотни различных налогов, поборов и повинностей. Тяжесть налогового бремени усугублялась откупной системой. На правительственных торгах выступали высшие сановники, с которыми никто не осмеливался конкурировать. Потому они получали откуп за низкую плату Иногда откуп предоставлялся в пожизненное пользование. Первоначальный откупщик обычно продавал откуп с большой надбавкой ростовщику, тот снова перепродавал его, пока право на откуп не попадало в руки непосредственного сборщика налогов, который возмещал и перекрывал свои издержки беззастенчивым ограблением крестьян. Десятина взималась натурой со всех видов хлебов, садовых культур, с улова рыбы и пр. Фактически она достигала трети и даже половины урожая. У крестьянина отбирали продукты лучшего качества, оставляя ему худшие. Феодалы сверх того требовали от крестьян

выполнения различных повинностей: по строительству дорог, поставок дров, продуктов, а иногда и барщинных работ. Жаловаться было бесполезно, так как вали (генерал-губернаторы) и другие высшие должностные лица сами были крупнейшими помещиками. Если же жалобы иногда достигали столицы и оттуда присылали чиновника для расследования, то паши и беи отделывались взяткой, а крестьяне несли дополнительные тяготы по прокормлению и содержанию ревизора.

Личный налог на немусульман — джилья, называвшийся теперь также хараджем, резко увеличился в размере и взимался поголовно со всех, даже с младенцев. К этому добавлялся религиозный гнет. Любой янычар мог безнаказанно совершить насилие над немусульманином. Немусульманам не разрешалось иметь оружие, носить такую же одежду и обувь, как мусульманам; мусульманский суд не признавал свидетельских показаний «неверных»; даже в официальных документах применялись по отношению к немусульманам презрительные и бранные клички. Султанский указ в 1781 г. признавал, что «бедные подданные разбегаются, что является одной из причин опустошения моей высочайшей империи». Французский писатель Вольней, совершивший поездку в Османскую империю в 1783—1785 гг., отмечал в своей книге, что усилившаяся примерно за 40 лет до этого деградация земледелия привела к запустению целых деревень. У земледельца нет стимула к расширению производства: «он сеет ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить», — сообщал этот автор.

По Анатолии и Румелии бродили толпы обездоленных, бездомных крестьян. Иногда они составляли вооруженные отряды, нападали на поместья феодалов. Происходили волнения и в городах. В 1767 г. был убит карсский паша. Для усмирения населения были присланы войска из Вана. Тогда же произошло восстание в Айдыне, где жители убили откупщика налогов. В 1782 г. русский посол доносил в Петербург, что «замешательства в разных анатолийских областях день ото дня все более приводят духовенство и министерство в заботу и уныние».

Попытки отдельных крестьян — как немусульман, так и мусульман — бросить занятие земледелием пресекались законодательными и административными мерами Был введен особый налог за отказ от земледелия, усиливший прикрепление крестьян к земле. Помимо того, феодал и ростовщик держали крестьян в неоплатном долгу. Феодал имел право

насильно вернуть ушедшего крестьянина и заставить его уплатить налоги за все время отсутствия.

В интересах собственной безопасности городские власти, а в столице само правительство старались обеспечить горожан продовольствием. Они забирали у крестьян зерно по твердой цене, вводили хлебные монополии, запрещали вывоз хлеба из городов. Турецкое ремесло в этот период не было еще подавлено конкуренцией европейской промышленности. Все еще славились внутри страны и за границей атлас и бархат Брусы, шали Анкары, длинношерстные ткани Измира, мыло и розовое масло Эдирне, анатолийские ковры, а в особенности произведения стамбульских ремесленников: крашеные и вышитые ткани, перламутровые инкрустации, изделия из серебра и слоновой кости, резное оружие и т. д. Неудачные войны, территориальные потери империи снизили и без того ограниченный спрос на изделия турецкого ремесла и мануфактур. Средневековые цехи (эснафы) тормозили развитие товарного производства.

На развитии ремесел сказывалось также разлагающее влияние торгово-ростовщического капитала. В 20-х годах XVIII в. правительство ввело систему гедиков (патентов) для ремесленников и торговцев. Без гедика нельзя было заняться даже профессией лодочника, коробейника, уличного певца. Ссужая ремесленников деньгами на приобретение гедиков, ростовщики ставили цехи в кабальную зависимость от себя. Развитию ремесла и торговли препятствовали также внутренние таможни, наличие разных мер длины и веса в каждой провинции, произвол властей и местных феодалов, разбой на торговых путях. Необеспеченность собственности убивала у ремесленников и купцов всякое желание расширять свою деятельность. Катастрофические последствия имела порча монеты правительством. Состоявший на службе у турок в качестве военного эксперта венгерский барон де Тотт писал в своих мемуарах: «Монета испорчена до такой степени, что фальшивомонетчики работают ныне в Турции к выгоде населения: каков бы ни был применяемый ими сплав, все равно монета чеканки Великого сеньора еще ниже по стоимости». Частые стихийные бедствия вроде землетрясений и наводнений довершали разорение народа. Правительство восстанавливало мечети, дворцы, янычарские казармы, но населению не оказывало помощи. Многие переходили на положение домашних рабов или пополняли вместе с бежавшими из деревни крестьянами ряды люмпен-пролетариев. На содержание султанского двора затрачивались огромные суммы. Титулованных особ, жен и наложниц султана, слуг, пашей, евнухов, стражи насчитывалось в общей сложности более 12 тыс. человек. Дворец, в особенности его женская половина (гарем), был средоточием интриг и тайных заговоров.

Придворные фавориты, султанши и среди них самая влиятельная — султанша-мать (валиде-султан) получали взятки от сановников, добивавшихся прибыльной должности, от провинциальных пашей, стремившихся утаить полученные налоги, от иностранных послов. Одно из высших мест в дворцовой иерархии занимал начальник черных евнухов — кызлар-агасы (буквально — начальник девушек). Он имел в своем ведении не только гарем, но также личную охрану султана, вакуфы Мекки и Медины и ряд других источников дохода и пользовался большой фактической властью. Кызлар-агасы Бешир в течение 30 лет, до середины XVIII в., оказывал решающее влияние на государственные дела. В прошлом раб, купленный в Абиссинии за 30 пиастров, он оставил после себя 29 млн. пиастров деньгами, 160 роскошных доспехов и 800 часов, украшенных драгоценными каменьями. Его преемник, тоже по имени Бешир, пользовался такой же властью, но не поладил с высшим духовенством, был смещен и потом задушен. После этого начальники черных евнухов стали осторожнее и старались не вмешиваться открыто в правительственные дела. Тем не менее тайное свое влияние они сохранили.

Бархатный коврик. Бруса. Конец XVII в.

Султаны давно перестали быть полководцами. Они не имели и опыта государственного управления, так как до восшествия на престол жили долгие годы в строгой изоляции во внутренних покоях дворца. К моменту воцарения (что могло случиться очень нескоро, так как престолонаследие шло в Турции не по прямой линии, а по старшинству в династии) наследный принц по большей части являлся морально и физически выродившейся личностью. Таким был, например, султан Абдул-Хамид I (1774-1789), который до вступления на престол провел 38 лет в заключении во дворце. Великие везиры (садразамы), как правило, тоже были ничтожными и невежественными людьми, получавшими назначения при посредстве подкупов и взяток. В прошлом эту должность нередко занимали способные государственные деятели. Такими были, например, в XVI в. знаменитый Мехмед Соколлу, в XVII в. — семья Кепрюлю, в начале XVIII в. — дамад Ибрахим-паша. Даже в середине XVIII в. пост садразама занимал крупный государственный деятель Рагиб-паша. Но после смерти Рагиба-паши в 1763 г. феодальная клика уже не допускала к власти сколько-нибудь сильную и самостоятельную личность. В редких случаях великие везири оставались на посту два-три года; большей частью они сменялись по нескольку раз в год. Почти всегда за отставкой немедленно следовала казнь. Поэтому великие везири спешили использовать считанные дни своей жизни и своей власти, чтобы награбить возможно больше и столь же быстро расточить награбленное.

Взятка настолько прочно вошла в привычки турецкой администрации, что в XVII в. при министерстве финансов даже существовала специальная «бухгалтерия взяток», имевшая своей функцией учет взяток, полученных должностными лицами, с отчислением определенной доли в казну. Должности кадиев (судей) тоже продавались. В возмещение уплаченных денег кадии пользовались правом взимать с суммы иска определенный процент (до 10 %), причем уплачивал эту сумму не проигравший, а выигравший тяжбу, что поощряло предъявление заведомо несправедливых исков.

В уголовных делах подкуп судей практиковался открыто. Особенно страдало от судей крестьянство. Современники отмечали, что «первейшей заботой жителей деревни является сокрытие факта преступления от ведома судей, пребывание которых более опасно, чем пребывание воров». Янычары сделались главным оплотом реакции. Они противились каким бы то ни было реформам.

Янычарские мятежи стали обычным явлением, и так как у султана не было, кроме янычар, никакой другой военной опоры, то он старался всячески их задобрить. При вступлении на престол султан платил им традиционное вознаграждение — «джулус бахшиши» («подарок восшествия»). Размер вознаграждения увеличивался в случае участия янычар в перевороте, приведшем к смене султана. Для янычар устраивались развлечения и театральные зрелища. Задержка в выдаче жалованья янычарам могла стоить жизни министру. Однажды в день байрама (мусульманский праздник) церемониймейстер двора по ошибке допустил к целованию султанской мантии начальников артиллерийских и кавалерийских корпусов раньше, чем янычарского агу; султан тут же приказал казнить церемониймейстера. Янычары часто сами занимались торговлей, пользуясь тем, что они не платили никаких налогов и были подсудны только своим начальникам. В списках янычар числилось множество людей, не занимавшихся военным делом. Так как жалованье янычарам выдавалось по предъявлении особых билетов (эсаме), то эти билеты стали предметом купли и продажи; большое количество их находилось в руках ростовщиков и придворных фаворитов. Численность сипахийской кавалерии за 100 лет, с конца XVII по конец XVIII в., уменьшилось в 10 раз: на войну с Россией в 1787 г. удалось с трудом собрать 2 тыс всадников.

Феодалы-сипахи всегда первыми бежали с поля сражения. В среде военного командования царило казнокрадство. Деньги, предназначенные для действующей армии или для крепостных гарнизонов, наполовину расхищались еще в столице, а львиную долю остального присваивали командиры на местах. Военная техника застыла в том виде, в каком она существовала в XVI в. Все еще употреблялись, как во времена Сумеймана Великолепного, мраморные ядра. Литье пушек, изготовление ружей и мечей — все производство военного снаряжения к концу XVIII в. отстало от Европы по крайней мере на полтора столетия.

Солдаты носили тяжелую и неудобную одежду, пользовались разнокалиберным оружием. Европейские армии были обучены искусству маневрирования, а турецкая армия действовала на поле битвы сплошной и беспорядочной массой. Турецкий флот, некогда господствовавший во всем Средиземноморском бассейне, после чесменского разгрома в 1770 г. утратил прежнее значение. Борьба против турецкого господства непрестанно велась на Балканах, в араб-

3 Зак 1368

ских странах, на Кавказе и в других землях империи. К концу XVIII в. огромные размеры приобрели также сепаратистские движения самих турецких феодалов. Иногда это были родовитые феодалы из старинных семей военных ленников, иногда — представители новой феодальной знати, иногда — просто удачливые авантюристы, сумевшие награбить богатства и набрать собственную наемную армию. Они выходили из подчинения султану и превращались фактически в самостоятельных царьков. Султанское правительство было бессильно бороться с ними и считало себя удовлетворенным, когда добивалось получения хотя бы части налогов и сохранения видимости султанского суверенитета.

В Эпире и в Южной Албании возвысился Али-паша из Тепелены, впоследствии получивший большую известность под именем Али-паши Янинского. На Дунае, в Видине, боснийский феодал Омер Пазванд-оглу набрал целую армию и стал фактическим хозяином Видинского округа. Правительству удалось схватить его и казнить, но вскоре его сын Осман Пазванд-оглу еще более решительно выступил против центрального правительства. Даже в Анатолии, где феодалы еще не восставали открыто против султана, сложились настоящие феодальные княжества: феодальный род Караосман-оглу владел землями на юго-западе и западе, между Большим Мендересом и Мраморным морем; род Чапан-оглу — в центре, в районе Анкары и Йозгада; род Баттала-паши — на северо-востоке, в районе Самсуна и Трабзона (Трапезунта). Эти феодалы имели свои войска, раздавали земельные пожалования, взимали налоги. Султанские чиновники не смели вмешиваться в их действия.

Сепаратистские тенденции проявляли также паши, назначенные самим же султаном. Правительство пыталось бороться с сепаратизмом пашей путем частого перемещения их, по два-три раза в год, из одной провинции в другую. Но если приказ и выполнялся, то результатом было только резкое увеличение поборов с населения, так как паша стремился в более короткий срок возместить свои издержки на покупку должности, на взятки и на переезды. Впрочем, с течением времени и этот способ перестал давать результаты, поскольку паши стали заводить собственные наемные армии.

УПАДОК КУЛЬТУРЫ

Турецкая культура, достигшая своего расцвета в XV — XVI вв., уже с конца XVI в. постепенно клонится к упадку. Погоня поэтов за чрезмерной изысканностью и вычурностью формы приводит к оскудению содержания произведений. Техника стихосложения, игра слов начинают цениться выше, чем выраженные в стихе мысль и чувство. Одним из последних представителей вырождающейся дворцовой поэзии был Ахмед Недим (1681 — 1730), талантливый и яркий выразитель «эпохи тюльпанов» Творчество Недима ограничивалось узким кругом дворцовых тем — воспеванием султана, придворных пиршеств, увеселительных прогулок, «бесед за халвой» в Саадабадском дворце и кешках аристократов, но его произведения отличались большой выразительностью, непосредственностью, сравнительной простотой языка. Кроме дивана (собрание стихов), Недим оставил после себя перевод на турецкий язык сборника «Страницы известий» («Сахаиф-уль-ахбар»), более известный под названием «История главного астролога» («Мюнеджим-баши тарихи»).

Дидактическая литература Турции этого периода представлена прежде всего творчеством Юсуфа Наби (ум. 1712 г.), автора поэмы моралистического содержания «Хайрие», которая в отдельных своих частях содержала резкую критику современных нравов.

Видное место в турецкой литературе заняла также символическая поэма шейха Галиба (1757 — 1798) «Красота и любовь» («Хюсн-ю Ашк»). Турецкая историография развивалась по-прежнему в форме придворных исторических хроник. Наима, Мехмед Решид, Челеби-заде Асым, Ахмед Ресми и другие придворные историографы, следуя давней традиции, описывали в апологетическом духе жизнь и деятельность султанов, военные походы и т. п. Сведения о зарубежных странах содержались в отчетах о турецких посольствах, направлявшихся за границу (сефарет-наме). Наряду с некоторыми верными наблюдениями в них было много наивного и просто выдуманного.

В 1727 г. в Стамбуле открылась первая в Турции типография. Ее основателем был Ибрахим-ага Мютеферрика (1674 — 1744), выходец из бедной венгерской семьи, попавший мальчиком в плен к туркам, затем принявший мусульманство и оставшийся в Турции. Среди первых книг, напечатанных в типографии, были арабско-турецкий словарь Ванкули, исторические труды Кятиба Челеби (Хаджи Ха-

лифе), Омера эфенди. После смерти Ибрахима-аги типография почти 40 лет бездействовала.

В 1784 г. она возобновила свою работу, но и тогда она

Мечеть Нур-и Османие в Стамбуле. 1755—1757 гг.

выпускала очень ограниченное количество книг. Печатание корана было воспрещено. Произведения светского содержания тоже переписывались большей частью от руки.

Развитию науки, литературы и искусства в Турции особенно препятствовало засилье мусульманской схоластики. Высшее духовенство не допускало светского образования. Муллы и многочисленные дервишские ордена опутывали народ густой паутиной суеверий и предрассудков. Признаки застоя обнаруживались во всех областях турецкой культуры. Попытки возродить старые культурные традиции обрекались на провал, освоение новых, шедших с Запада, сводилось к слепому заимствованию. Так обстояло, например, с архитектурой, которая пошла по пути подражания Европе. Французские декораторы ввели в Стамбуле искаженный барокко, а турецкие строители перемешивали все стили и сооружали уродливые здания. Ничего примечательного не было создано и в живописи, где были нарушены строгие пропорции геометрического орнамента, замененного теперь, под влиянием европейской моды, растительным орнаментом с преобладанием изображения тюльпанов.

Большой любовью масс пользовались народные поэты и певцы, отражавшие в своих песнях и стихах вольнолюбивые мечты и чаяния народа, ненависть к угнетателям. Широкую популярность приобретают народные рассказчики (хикяеджилер или меддахи), а также народный театр теней «карагез», представления которого отличались острой злободневностью и освещали происходившие в стране события с точки зрения простого народа, соответственно его пониманию и интересам.

ТУРЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII век представляет собой в литературе Турции переходный период от Средневековья к Новому времени. Поэзия представлена панегириками, любовной лирикой, философскими и романтическими поэмами, дестанами, сочинениями этического, религиозного (суфийского и ортодоксально-мусульманского) характера, хронограммами, парафразами (назире) и другими видами классических произведений.

Придворно-аристократическая элитарная поэзия становилась в XVIII в. все более эпигонской. Популярной в этих кругах была поэзия «индийского стиля» — философская лирика, в сложной символике которой порой отражались гуманистические идеи и философское свободомыслие. Время

и запросы читателя, прежде всего городского, порождали в литературе перемены. Расширялась ее социальная сфера, многообразнее становились темы и сюжеты, возрастала роль героя из демократических низов общества, появилась тенденция к ослаблению жесткой нормативности. Поэты чаще обращались к сюжетам из турецкой жизни, описывали местные нравы, быт и пейзаж. Язык поэзии, отягощенный сложными арабскими и персидскими заимствованиями, все чаще обогащался за счет городского и крестьянского говора, в некоторых случаях даже арготивных элементов.

Взаимовлияние устной и письменной литературы стало в XVIII в. сказываться с новой силой. Помимо тюркю (вид народной песни), популярной еще в XVII в., стали создаваться шаркы (в стиле другой народной песенной формы), также основанные на тюркской системе стихосложения (хедже).

Новые веяния ярко проявились в творчестве Недима (ум. 1730), талантливого придворного поэта. Его жизнерадостные остроумные газели и касыды воспевали любовь, вино, красавиц и жизнь как радость и наслаждение, что вполне отвечало вкусам двора и духу «эпохи тюльпанов» — так обычно называют историки культуры первую треть XVIII в. в Турции. Недиму стали подражать. Его примеру последовали писатели следующего поколения. Среди них был и такой во многом отличный от Недима поэт, как Шейх Галиб (1757—1799), последний крупный поэт-суфий, который прославился своей аллегорической поэмой «Хюсн ве Ашк» («Красота и Любовь»). В отличие от многих суфийских поэтов, слагавших поэмы на этот сюжет, Шейх Галиб большее внимание уделил так называемому «земному» плану в традиционном для суфийской поэзии сюжете.

Взаимодействие письменной литературы и фольклора сказалось также в литературной обработке дестанов. Проявилось оно и в стихах поэтов саза (как принято называть поэтов, сопровождавших исполнение стихов игрой на музыкальном инструменте). Среди народных поэтов выделялся Эрджишли Эмрах (ум. в начале века), продолжатель лучших традиций знаменитого ашуга XVII в. Караджооглана.

В XVIII в. дестаны, которые в Турции были преимущественно поэтическими, значительно обогатились в стилевом и тематическом отношениях за счет бытовых сюжетов, отражающих реальную жизнь общества с его заботами и нуждами: «Дестан о несчастном бедняке» Савни, «Дестан о лекарствах» Тахири и др. Помимо новых дестанов, были

по-прежнему популярны в народе героико-эпический «Кероглу» и романтический «Керем и Аслы». Существовали в XVIII в. и религиозные дестаны, иногда проникнутые идеями суфизма. В некоторых дестанах можно отметить юмористические и сатирические черты в обрисовке национальных типов, характеров, ситуаций. В высокий политический стиль проникали народные выражения и даже вульгаризмы.

Сатира и юмор были свойственны также многим произведениям городской литературы с ее новым героем. Так, поэмы Белига (ум. 1758) «Книга о сапожнике», «Книга о банщике», «Книга о портном» и «Книга о цирюльнике» написаны в стиле средневековых шуточных поэм, воспевающих юношей-мастеровых, пленяющих своей красотой сердца всего города (в отличие от предшественников, у Белига это всегда Стамбул). Сюда же в известном смысле можно отнести и поэмы придворного стихотворца Фазыла Эндерунлу (ум. 1810) «Тетрадь любви», «Книга женщин», «Книга красавцев» и др., в которых откровенная эротика сочетается с почти натуралистическим, порой шутливым описанием быта, местных нравов и типов. По традиции создавалось множество пародий и эпиграмм. Юмористические народные рассказы и анекдоты объединялись в циклы вокруг Ходжи Насреддина и новых героев: бывалого вояки Инджили Чавуша, дервиша Бекташи и др. Профессиональные рассказчики (меддахи) охотно включали их в свой репертуар. С успехом они исполняли также разнообразные сказки, народные рассказы, притчи, имеющие давние устные традиции, а иногда — письменные источники (турецкие или заимствованные).

В XVIII в. к уже известным и популярным формам народного театра — теневого (Карагез), театра марионеток (кукла оюну) — добавляется еще одна — площадной театр (орта оюну). Представление орта оюну, в отличие от других форм народного театра, разыгрывается актерами (только мужчинами), но так же, как и в теневом и кукольном театре, строится на традиционных типах и ситуациях. При низкой грамотности народа эти зрелища имели большое значение как средство массовой злободневной информации, подчас преподносившейся в форме политической сатиры. Проза была представлена в письменной литературе авторскими рассказами, часто созданными на фольклорной основе (оригинальной, турецкой или заимствованной), а также сочинениями делового, исторического, этического и религиозного характера.

В XVIII в. были распространены рукописные книги рассказов, известных в устной передаче меддахов. Примером авторских рассказов, вобравших в себя образцы народной повествовательной литературы, может служить книга «Фантазии» (полное название «Чудеса божественного откровения») Али Азиза (ум. 1798), образованного чиновника, который посетил ряд европейских стран и в качестве турецкого посла два года провел в Берлине. В обрамленную композицию он поместил собственные рассказы из стамбульской жизни того времени и рассказы по мотивам широко известных циклов «Тысяча и одна ночь», «Тысяча и один день» и др.

Уличный продавец кофе.
Гравюра К. Скотэна.

Историки также включали в свои повествования рассказы, навеянные фольклором, народные легенды и притчи. Так, в сочинении Супхи (ум. 1769) реальные события турецкой истории переплетаются с фантастическими приключениями вымышленных героев. Историческая литература сыграла значительную роль в формировании новой турецкой прозы. Одаренным прозаиком был, например, Наима (1655 – 1716). Его «Цветник Хюсейна в изложении событий Востока и Запада» (1702) представляет собой оригинальное произведение, в котором сухое и точное изложение исторических событий жизни Османской империи (1591 – 1659), с подробным описанием дворцовых заговоров, народных восстаний и пр., перемежается стихами различных авторов и беллетризованными историческими рассказами, написанными часто в форме ярких жанровых сценок и живых диалогов.

Среди сочинений, входивших в круг чтения образованных людей и оказавших большое воздействие на общественное сознание эпохи, особый интерес представляют посольские книги (сефаретнаме). Эта своеобразная жанровая форма получила у турок большое распространение именно в XVIII в. В ней соединяются особенности деловой прозы и публицистики, мемуаров и дневниковых записей путешественников, иногда очевидна ее близость к повествовательной литературе. Выдающееся сочинение XVIII в. – «Парижское сефаретнаме» Мехмеда Челеби (или Йирмисекиз Челеби, умер 1732), турецкого посла в Париже (1720 – 1721). Автор этой книги, написанной сравнительно простым языком, проявил острую наблюдательность и достаточную критичность в восприятии увиденного. Воодушевленный идеей принести пользу отечеству, способствуя развитию наук и просвещению, Мехмед Челеби создал сочинение большой познавательной ценности. Он первым обрисовал многие стороны хозяйственной и культурной жизни французов, познакомил соотечественников с европейским театром, столь несходным с народным турецким. Связи с Европой способствовали пробуждению у турок интереса к европейскому театру и драматургии, осознанию их роли для просвещения людей. Но в ту пору можно говорить только о первых попытках создания пьес европейского типа на турецкой фольклорной основе. Подготовленные всем ходом развития реформаторские тенденции овладевали умонастроением определенных кругов общества, и прежде всего тех, кто повидал мир за пределами своей родины. Огромным сдвигом в их сознании была мысль о возможности и даже необходимости использовать европейский опыт.

Расширение и укрепление связей турок с Западом в различных областях, в том числе и культурной, что само по себе было новым, имело большие исторические последствия. Эти контакты в сфере идей обнаруживаются в ряде сочинений. Наиболее полно они отразились в трактате «Основы мудрости в устройстве народов» (изд. 1732) выдающегося деятеля культуры Ибрагима Мутеферрика (1674 – 1745). Выходец из Трансильвании (венгр или еврей по национальности), он в юности получил прекрасное общее и теологическое образование. Поселившись затем в Турции, Ибрагим Мутеферрика освоил турецкий и арабский языки, овладел мусульманской культурой и принял ислам. В силу своего служебного положения при дворе и благодаря общению с образованными людьми своего времени он хорошо знал положение дел в Османской империи. Личность Ибрагима Мутеферрика, олицетворявшая собой синтез восточной и западной культур, его сочинения и деятельность в каче-

стве первопечатника (1729—1745) оставили глубокий след в культуре страны.

4. БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ТУРЦИИ

Упадок Османской империи, разложение военно-ленной системы, ослабление власти султанского правительства — все это тяжело отражалось на жизни находившихся под турецкой властью южнославянских народов, греков, албанцев, молдаван и валахов. Образование ифтликов, стремление турецких феодалов увеличить доходность своих земель все более ухудшали положение крестьянства. Раздача в горных и лесных районах Балкан в частное владение земель, принадлежавших ранее государству, вела к закрепощению общинного крестьянства. Власть помещиков над крестьянами расширилась, установились более суровые, чем раньше, формы феодальной зависимости. Заводя собственное хозяйство и не довольствуясь натуральными и денежными поборами, спахии (сипахи) заставляли крестьян выполнять барщину. Большое распространение получила передача спахилуков (турецкое — сипахилик, владение сипахи) на откуп ростовщикам, которые беспощадно грабили крестьян. Произвол, взяточничество и самоуправство местных властей, судей-кадиев, сборщиков налогов росли по мере ослабления центральной власти.

Янычарские войска превратились в один из главных источников мятежей и неурядиц в европейских владениях Турции. Ограбление турецким войском и особенно янычарами мирного населения превратилось в систему.

В дунайских княжествах в XVII в. продолжался процесс укрупнения боярских хозяйств и захвата крестьянских земель, сопровождавшийся ростом крепостнической зависимости основной массы крестьянства; лишь немногие зажиточные крестьяне имели возможность получить личную свободу за большой денежный выкуп. Рост ненависти к турецкому господству со стороны балканских народов и стремление турецкого правительства выжать больше налогов побуждали последнее проводить в XVII в. политику полного подчинения турецким властям и феодалам ряда горных районов и окраинных областей империи, ранее управлявшихся местными христианскими властями. В частности, права сельских и городских общин в Греции и Сербии, пользовавшихся значительной самостоятельностью, неуклонно урезывались.

Усиливался нажим турецких властей на черногорские племена с целью принудить их к полной покорности и к регулярному платежу харача (хараджа). Дунайские княжества Порта стремилась превратить в обычные пашалыки, управляемые турецкими чиновниками. Сопротивление сильного молдавского и валашского боярства не позволило осуществить это мероприятие, однако вмешательство во внутренние дела Молдавии и Валахии и фискальная эксплуатация княжеств значительно усилились.

Используя постоянную борьбу боярских группировок в княжествах, Порта назначала молдавскими и валашскими господарями своих ставленников, смещая их через каждые два-три года. В начале XVIII в., опасаясь сближения дунайских княжеств с Россией, турецкое правительство стало назначать господарями стамбульских греков — фанариотов, тесно связанных с турецким феодальным классом и правящими кругами Усилились проявления мусульманского религиозного фанатизма и дискриминационная политика Порты по отношению к христианским подданным, участились попытки насильственного обращения в ислам болгарских сел, целых черногорских и албанских племен. Православное духовенство сербов, черногорцев и болгар, пользовавшееся большим политическим влиянием среди своих народов, нередко активно участвовало в антитурецких движениях. Поэтому Порта с крайним недоверием относилась к южнославянскому духовенству, стремилась умалить его политическую роль, воспрепятствовать его связям с Россией и другими христианскими государствами. Зато фанариотское духовенство пользовалось поддержкой турок.

Порта попустительствовала эллинизации южнославянских народов, молдаван и валахов, которую пыталась проводить греческая иерархия и стоявшие за ее спиной фанариоты. Константинопольское патриаршество назначало на высшие церковные должности только греков, которые сжигали церковно-славянские книги, не допускали церковной службы на другом языке, кроме греческого, и т.д. Эллинизация особенно активно проводилась в Болгарии и дунайских княжествах, но она встречала сильное сопротивление народных масс.

В Сербии в XVIII в. высшие церковные должности также захватывались греками, что привело к быстрому расстройству всей церковной организации, игравшей ранее большую роль в поддержании национального самосознания и народных традиций. В 1766 г. Константинопольское патриаршество добилось от Порты издания фирманов (султанские указы), подчинивших автокефальное Печское патриаршество и Охридское архиепископство власти греческого патриарха Несмотря на неблагоприятные условия, в ряде районов европейской части Турции в XVII – XVIII вв. наблюдались заметные сдвиги в экономике. Развитие производительных сил и товарно-денежных отношений происходило, однако, неравномерно: в первую очередь оно обнаружилось в некоторых приморских областях, в районах, расположенных по течению больших рек и на международных торговых магистралях. Так, в приморских частях Греции и на островах выросла судостроительная промышленность.

В Болгарии значительно развивались текстильные ремесла, обслуживавшие нужды турецкой армии и городского населения. В дунайских княжествах возникли предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья, текстильные, бумажные и стекольные мануфактуры, основанные на крепостном труде. В предгорьях Балкан, в Болгарии, в удаленных от турецких центров районах возник ряд торговых и ремесленных болгарских поселений, обслуживавших местный рынок (Котел, Сливен, Габрово и др.). Внутренний рынок в балканских владениях Турции был развит слабо: хозяйство областей, удаленных от крупных городских центров и торговых путей, носило еще в основном натуральный характер, однако рост торговли постепенно разрушал их замкнутость

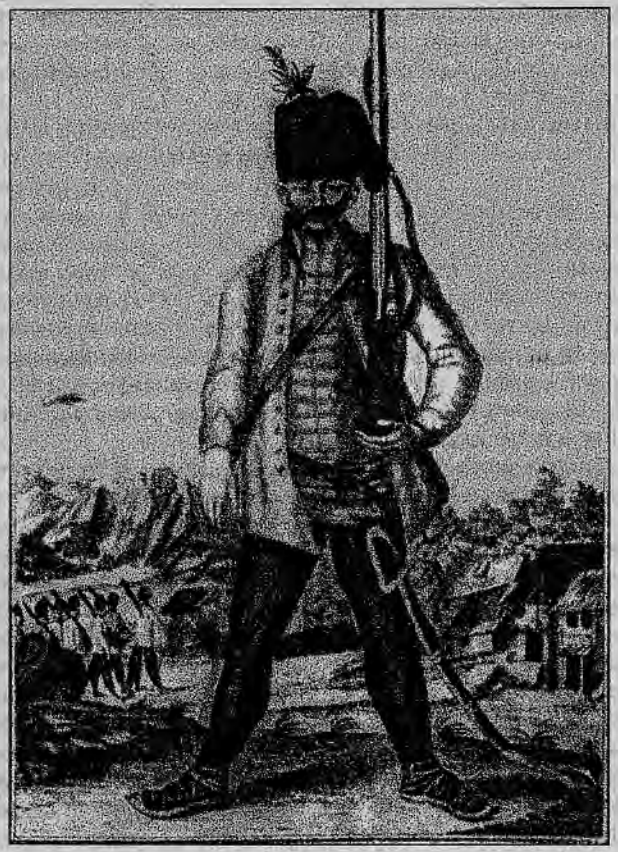
Первостепенное значение в экономике стран Балканского полуострова издавна имела внешняя и транзитная торговля, находившаяся в руках иностранного купечества. Впрочем, в XVII в. в связи с упадком Дубровника и итальянских городов местные купцы начинают занимать в торговле более прочные позиции. Особенно большую экономическую силу приобрела в Турции греческая торгово-ростовщическая буржуазия, подчинившая своему влиянию более слабое южнославянское купечество Развитие торговли и торгово-ростовщического капитала, при общей отсталости общественных отношений у балканских народов, еще не создало условий для возникновения капиталистического способа производства. Но чем дальше, тем становилось очевиднее, что экономика балканских народов, находившихся под гнетом Турции, развивается самостоятельным путем, что они, живя в самых неблагоприятных условиях, все же обгоняют в своем общественном развитии господствующую в государстве народность. Все это делало неизбежной борьбу балканских народов за свое национально-политическое освобождение.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ ПРОТИВ ТУРЕЦКОГО ИГА

На протяжении XVII – XVIII вв. в различных частях Балканского полуострова не раз вспыхивали восстания против турецкого господства. Эти движения имели обычно локальный характер, возникали неодновременно, не были достаточно подготовлены. Они беспощадно подавлялись турецкими войсками. Но проходило время, неудачи забывались, надежды на освобождение возрождались с новой силой, а вместе с ними поднимались и новые восстания. Основной движущей силой в восстаниях выступало крестьянство. Нередко в них принимало участие и городское население, духовенство, даже сохранившиеся в некоторых областях феодалы-христиане, а в Сербии и Черногории – местные христианские власти (кнезы, воеводы и племенные вожди). В дунайских княжествах борьба с Турцией обычно возглавлялась боярами, надеявшимися с помощью соседних государств освободиться от турецкой зависимости. Освободительное движение балканских народов приняло особенно широкие размеры во время войны Священной лиги с Турцией. Успехи венецианских и австрийских войск, присоединение к антитурецкой коалиции России, с которой балканские народы были связаны единством вероисповедания, – все это воодушевляло порабощенные балканские народы на борьбу за свое освобождение. В первые годы войны восстание против турок начало подготавливаться в Валахии. Господарь Щербан Кантакузино вел тайные переговоры о союзе с Австрией Он набрал даже армию, скрытую в лесах и горах Валахии, чтобы двинуть ее по первому сигналу Священной лиги Кантакузино предполагал объединить и возглавить восстания и других народов Балканского полуострова. Но этим планам не суждено было осуществиться.

Стремление Габсбургов и польского короля Яна Собеского захватить в свои руки дунайские княжества заставило

валашского господаря отказаться от мысли о восстании. Когда в 1688 г. австрийские войска подошли к Дунаю, а затем взяли Белград и начали продвигаться на юг, в Сербии, Западной Болгарии, Македонии началось сильное антиту-



Воин-хорват на австро-турецкой границе («граничар»). Рисунок середины XVIII в.

рецкое движение. К наступавшим австрийским войскам присоединялось местное население, стали стихийно образовываться добровольческие четы (отряды партизан), которые успешно вели самостоятельные военные действия. В конце 1688 г. восстание против турок поднялось в центре рудных разработок в северо-западной части Болгарии — городе

Чипровце. Участниками его было ремесленное и торговое население города, а также жители окрестных сел.

Вожди движения рассчитывали,что приближавшиеся к Болгарии австрийцы помогут им изгнать турок. Но австрийская армия не подоспела на помощь восставшим. Чипровчане были разгромлены, и город Чипровец сметен с лица земли. Политика Габсбургов в то время имела своей главной целью овладение землями в Дунайском бассейне, а также Адриатическим побережьем. Не располагая достаточными военными силами для осуществления столь широких планов, император рассчитывал вести войну с Турцией силами местных повстанцев. Австрийские эмиссары призывали сербов, болгар, македонцев, черногорцев к восстанию, пытались склонить на свою сторону местные христианские власти (кнезов и воевод), племенных вождей, печского патриарха Арсения Черноевича. Орудием этой политики Габсбурги пытались сделать Георгия Бранковича, сербского феодала, проживавшего в Трансильвании. Бранкович выдавал себя за потомка сербских государей и лелеял план возрождения самостоятельного государства, включающего все южнославянские земли.

Проект создания такого государства, находящегося под австрийским протекторатом, Бранкович представил императору. Этот проект не соответствовал интересам Габсбургов, да он и не был реальным. Все же австрийский двор приблизил к себе Бранковича, даровав ему как потомку сербских деспотов титул графа. В 1688 г. Георгий Бранкович был послан в распоряжение австрийского командования, чтобы подготовить выступление населения Сербии против турок. Однако Бранкович вышел из подчинения австрийцам и попытался самостоятельно организовать восстание сербов. Тогда австрийцы арестовали его и держали в тюрьме вплоть до самой смерти. После успешного рейда в глубь Сербии и Македонии, осуществленного главным образом силами сербского добровольческого войска при содействии местного населения и гайдуков, австрийцы в конце 1689 г. начали терпеть поражения от турецких войск. Спасаясь от мести турок, уничтожавших все на своем пути, местное население уходило вслед за отступавшими австрийскими войсками. Это «великое переселение» приняло массовый характер.

Из Сербии в это время, главным образом из южных и юго-западных ее районов, бежало в австрийские владения около 60—70 тыс. человек. В последующие годы войны сербские добровольческие отряды, под командованием своего

подвоеводы, сражались против турок в составе австрийских войск. Во время войны венецианцев против турок в середине 80— начале 90-х годов XVII в. сильное антитурецкое движение поднялось среди черногорских и албанских племен. Это движение усиленно поощрялось Венецией, которая все свои военные силы сосредоточила в Морее, а в Далмации и Черногории рассчитывала вести войну с помощью местного населения. Шкодрский паша Сулейман Бушатлы неоднократно предпринимал карательные экспедиции против черногорских племен. В 1685 и 1692 гг. турецкие войска дважды овладевали резиденцией черногорских митрополитов Цетинье. Но турки так и не смогли удержать свои позиции в этой маленькой горной области, которая вела упорную борьбу за полную независимость от Порты. Примечательным был период правления талантливого государственного деятеля митрополита Данилы Петровича Негоша (1697—1735). Данила Петрович упорно боролся за полное освобождение Черногории от власти Порты, которая не оставляла попыток восстановить свои позиции в этой стратегически важной области. С целью подорвать влияние турок он истребил или изгнал из страны всех черногорцев, перешедших в мусульманство (потурченцев). Данила провел также некоторые реформы, способствовавшие централизации управления и ослаблению родо-племенной вражды.

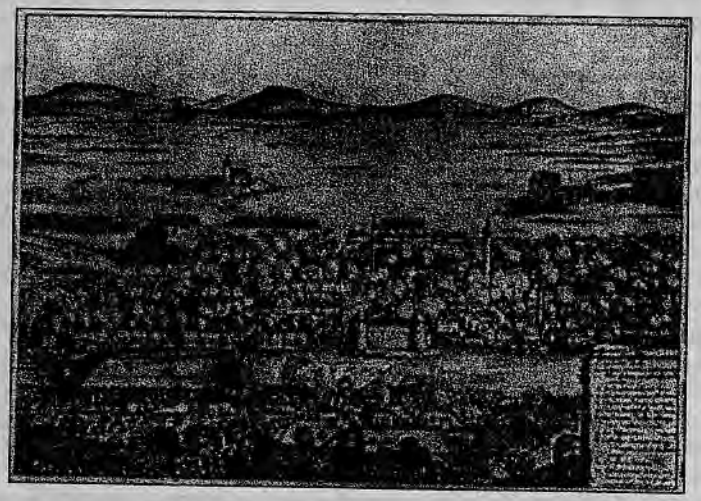
С конца XVII в. расширяются и укрепляются политические и культурные связи южных славян, греков, молдаван и валахов с Россией. Царское правительство стремилось расширить свое политическое влияние среди подвластных Турции народов, которые в дальнейшем могли стать важным фактором в решении судьбы турецких владений в Европе. С конца XVII в. балканские народы стали привлекать к себе все большее внимание русской дипломатии. Угнетенные народы Балканского полуострова со своей стороны издавна видели в единоверной России свою покровительницу и надеялись, что победы русского оружия принесут им освобождение от турецкого ига. Вступление России в Священную лигу побудило представителей балканских народов установить непосредственный контакт с русскими.

В 1686 г. валашский господарь Щербан Кантакузино, бывший константинопольский патриарх Дионисий и сербский патриах Арсений Черноевич послали русским царям Ивану и Петру грамоты, в которых описывали страдания православных народов в Турции и просили, чтоб Россия двинула на Балканы свои войска для освобождения христианских народов. Хотя операции русских войск в войне 1686—1699 гг. развивались вдали от Балкан, что не позволило русским установить непосредственные контакты с балканскими народами, царское правительство в это время начинает выдвигать в качестве причины войны с Турцией свое желание освободить от ее ига балканские народы и выступает на международной арене в роли защитницы интересов вообще всех православных подданных Порты. Этой позиции русское самодержавие придерживалось в ходе всей дальнейшей борьбы с Турцией в XVIII и XIX вв.

Петр I рассчитывал на помощь со стороны балканских народов. В 1709 г. он заключил тайный союз с валашским господарем Константином Бранкованом, обещавшим в случае войны перейти на сторону России, выставить отряд в 30 тыс. человек, а также снабжать русские войска продовольствием. Молдавский господарь Димитрий Кантемир также обязался оказать Петру военную помощь и заключил с ним договор о переходе молдаван в русское подданство при условии предоставления Молдавии полной внутренней самостоятельности. Кроме того, свое содействие обещали австрийские сербы, большой отряд которых должен был соединиться с русскими войсками. Начиная в 1711 г. Прутский поход, русское правительство издало грамоту, призывавшую к оружию все порабощенные Турцией народы. Но неудача Прутского похода остановила антитурецкое движение балканских народов в самом начале. Лишь черногорцы и герцеговинцы, получив грамоту Петра I, стали предпринимать военные диверсии против турок. Это обстоятельство послужило началом установления тесных связей между Россией и Черногорией.

Митрополит Данила в 1715 г. посетил Россию, после чего Петр I установил периодическую выдачу черногорцам денежных пособий. В результате новой войны между Турцией и Австрией в 1716—1718 гг., в которой на стороне австрийцев также сражалось население Сербии, под властью Габсбургов оказались Банат, северная часть Сербии и Малая Валахия. Однако население этих земель, освободившись от власти турок, попало в не менее тяжелую зависимость от австрийцев. Налоги были повышены. Австрийцы заставляли своих новых подданных принимать католичество или униатство, а православное население терпело жестокие религиозные притеснения. Все это вызывало недовольство и бегство многих сербов и валахов в Россию или даже в турецкие владения. Вместе с тем австрийская оккупация Северной Сербии

способствовала некоторому развитию товарно-денежных отношений в этой области, что в дальнейшем привело к формированию слоя сельской буржуазии. Следующая война между Турцией и Австрией, которую последняя вела в союзе с Россией, закончилась потерей Габсбургами по Белградскому миру 1739 г. Малой Валахии и Северной Сербии, однако в составе Австрийской монархии остались серб-



Битва хорватов с турками при Дубице в 1685 г.
Современная гравюра.

ские земли — Банат, Бачка, Баранья, Срем.

В ходе этой войны в Юго-Западной Сербии снова вспыхнуло восстание против турок, которое, однако, не приняло широкого характера и было быстро подавлено. Эта неудачная война приостановила австрийскую экспансию на Балканах и привела к дальнейшему падению политического влияния Габсбургов среди балканских народов. С середины XVIII в. ведущая роль в борьбе с Турцией переходит к России. В 1768 г. Екатерина II вступила в войну с Турцией и, следуя политике Петра, обратилась к балканским народам с призывом подняться против турецкого господства. Успешные военные действия России всколыхнули балканские народы.

Появление русского флота у берегов Греции вызвало в 1770 г. восстание в Морее и на островах Эгейского моря.

На средства греческих купцов был создан флот, который под водительством Ламброса Катзониса одно время вел успешную войну с турками на море. Вступление русских войск в Молдавию и Валахию было восторженно встречено населением. Из Бухареста и Ясс направились в Петербург делегации бояр и духовенства, просившие принять княжества под русское покровительство. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. имел большое значение для балканских народов. Ряд статей этого договора был посвящен подвластным Турции христианским народам и представлял России право защищать их интересы. Возвращение Турции дунайских княжеств было обставлено рядом условий, имевших целью улучшить положение их населения. Объективно эти статьи договора облегчали балканским народам задачи борьбы за свое освобождение. Дальнейшая политика Екатерины II в восточном вопросе, независимо от захватнических целей царизма, также способствовала оживлению национально-освободительного движения балканских народов и дальнейшему расширению их политических и культурных связей с Россией.

НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

Несколько веков турецкого господства не привели к денационализации балканских народов. Южные славяне, греки, албанцы, молдаване и валахи сохранили свои национальные языки, культуру, народные традиции; в условиях иноземного ига хотя и медленно, но неуклонно развивались элементы экономической общности. Первые признаки национального возрождения балканских народов проявились в XVIII в. Они выражались в культурно-просветительском движении, в оживлении интереса к своему историческому прошлому, в усилившемся стремлении поднять народное просвещение, улучшить систему обучения в школах, ввести элементы светского образования. Культурно-просветительское движение началось сперва у греков, наиболее развитого в общественно-экономическом отношении народа, а затем у сербов и болгар, молдаван и валахов.

Просветительское движение имело у каждого балканского народа свои особенности и развивалось не одновременно. Но социальной базой его во всех случаях являлось национальное торгово-ремесленное сословие. Тяжелые условия

формирования национальной буржуазии у балканских народов определили сложность и противоречивость содержания национальных движений. В Греции, например, где торгово-ростовщический капитал был наиболее силен и тесно связан со всем турецким режимом и с деятельностью Константинопольского патриаршества, начало национального движения сопровождалось появлением великодержавных идей, планов возрождения на развалинах Турции великой Греческой империи и подчинения грекам остальных народов Балканского полуострова. Эти идеи нашли практическое выражение в эллинизаторских усилиях Константинопольского патриаршества и фанариотов. В то же время идеология греческих просветителей, развитие греками народного образования, школьного дела оказали положительное влияние на другие балканские народы и ускорили возникновение аналогичных движений у сербов и болгар. Во главе просветительского движения греков в XVIII в. стояли ученые, писатели и педагоги Евгеннос Вулгарис (умер в 1806 г.) и Никифорос Теотокис (умер в 1800 г), а позднее выдающийся общественный деятель, ученый и публицист Адамантиос Кораис (1748—1833). Его произведения, проникнутые свободолюбием и патриотизмом, внушали соотечественникам любовь к родине, свободе, к греческому языку, в котором Кораис видел первое и важнейшее орудие национального возрождения.

Среди южных славян национально-просветительское движение в первую очередь началось в сербских землях, подвластных Габсбургам. При активной поддержке окрепшего здесь сербского торгово-ремесленного сословия во второй четверти XVIII в. в Банате, Бачке, Баранье, Среме начинает развиваться школьное дело, сербская письменность, светская литература, книгопечатание. Развитие просвещения у австрийских сербов в это время происходило при сильном русском влиянии. По просьбе сербского митрополита в 1726 г. в Карловицы прибыл для организации школьного дела русский учитель Максим Суворов. Во главе основанной в 1733 г. в Карловицах «Латинской школы» стоял выходец из Киева Эмануил Козачинский. Немало русских и украинцев преподавало в других сербских школах. Из России сербы получали также книги и учебники. Последствием русского культурного влияния на австрийских сербов явился переход от употреблявшегося ранее в письменности сербского церковно-славянского языка к русскому церковно-славянскому языку.

Главным представителем этого направления был выдающийся сербский писатель и историк Иован Раич (1726—1801). Под сильным русским влиянием развивалась и деятельность другого известного сербского писателя Захария Орфелина (1726—1785), написавшего капитальный труд «Житие и славные дела государя императора Петра Великого». Культурно-просветительское движение среди австрийских сербов получило новый толчок во второй половине XVIII в., когда начал свою деятельность выдающийся писатель, ученый и философ Досифей Обрадович (1742—1811). Обрадович был сторонником просвещенного абсолютизма. Его идеология сформировалась в известной мере под влиянием философии европейских просветителей. В то же время она имела чисто национальную основу. Взгляды Обрадовича впоследствии получили широкое признание среди торгово-ремесленного сословия и формирующейся буржуазной интеллигенции не только у сербов, но и у болгар.

В 1762 г. монахом Паисием Хилендарским (1722—1798) была закончена «История славяно-болгарская» — публицистический, опирающийся на исторические данные трактат, направленный прежде всего против греческого засилья и грозящей денационализации болгар. Паисий призывал к возрождению болгарского языка и общественной мысли. Талантливым последователем идей Паисия Хилендарского был врачанский епископ Софроний (Стойко Владиславов) (1739—1814). Выдающийся молдавский просветитель господарь Димитрий Кантемир (1673—1723) написал сатирический роман «Иероглифическая история», философско-дидактическое стихотворение «Спор мудреца с небом, или тяжба души с телом» и ряд исторических сочинений На развитие культуры молдавского народа большое влияние оказал также видный историк и лингвист Енакиц Векереску (ок. 1740—ок. 1800). Национальное возрождение балканских народов приобрело более широкий размах в начале следующего века.

ЛИТЕРАТУРА МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ

Начало XVIII в. отмечено решительной попыткой Дунайских княжеств освободиться от османской зависимости. Господарь Молдавии Димитрий Кантемир заключил с императором России Петром I военный союз. К нему был при-

влечен и господарь Валахии Константин Брынковяну, впоследствии изменивший союзникам. Прутский поход Петра (1711) окончился неудачей. Д. Кантемир вынужден был переехать в Россию. Оттоманская империя, чтобы усилить контроль над княжествами, приняла решение назначать господарей из фанариотов (греческих семей, находившихся на службе у султана и проживавших в Константинополе в квартале Фанари, откуда и пошло название). Началась так называемая эпоха фанариотов, длившаяся более столетия.

Общественная жизнь Дунайских княжеств на протяжении всего XVIII в. полна противоречий С одной стороны, правление фанариотов ослабило и без того шаткую самостоятельность княжеств. С другой — начавшаяся с 1711 г. серия русско-турецких войн (1739, 1769 —1774, 1787—1791) укрепляла надежду на обретение национальной независимости. Расширяющиеся торговые связи, растущий сельскохозяйственный экспорт стимулировали экономическое развитие княжеств, но одновременно усиливали эксплуатацию крестьян. Господство фанариотов способствовало распространению греческого языка, который стал вторым государственным языком, даже потеснив церковнославянский в богослужении, и занял первое место в светском образовании. Это тормозило развитие национальной культуры. Вместе с тем происходило приобщение к культуре западноевропейской, особенно к научным знаниям, что способствовало превращению национальной культуры из религиозной в светскую и пробуждению национального самосознания Общее развитие национальной культуры и в Дунайских княжествах, и в Трансильвании, преодолевшее на протяжении XVIII в. сильнейшее иноземное засилье, шло под знаком просветительства, главной и общей задачей которого было национальное самопознание и самоутверждение.

Начало такому направлению было положено деятельностью Димитрия Кантемира (1673—1723) Сын господаря Константина Кантемира, он мальчиком и юношей провел несколько лет в Турции как заложник (1687—1691). Жизнь в Константинополе и обучение в находившейся там Греческой академии позволили ему глубоко познакомиться с историей, нравами, обычаями, политикой Турции, а также приобщиться к античной и европейской культуре. В ранних трудах, главным из которых надо считать «Диван, или Спор разума с миром, или Распря души с телом» (1698), Кантемир выступает как философ, обсуждающий характерную для этого времени проблему: борение между телом и духом, грехом и праведностью. Не отвергая религиозных догм, Кантемир, однако, утверждал те человеческие добродетели, которые проповедовали античные мыслители (Сократ, Плутарх, Цицерон, Сенека), а именно: трудолюбие, человечность, непримиримость к несправедливости, сдержанность, скромность. Таким образом, в литературе впервые появился моральный портрет человека-гражданина своего времени.

В 1705 г. Д.Кантемир создает «Иероглифическую историю, на двенадцать частей разделенную и семьюстами шестидесятью изречениями красиво украшенную». Основой для нее послужила борьба семейства Кантемиров против валашского господаря Константина Брынковяну, который вмешивался в государственные дела Молдавского княжества. Однако реальные перипетии ее Кантемир облек в аллегорическую форму, изобразив Молдавию в виде Орла, а молдавских бояр в виде птиц, представив Валахию Львом, а валашских бояр — различными зверями, вплоть до самых фантастических, вроде Верблюдопарда, Страусоверблюда.

Эта форма «Истории» вряд ли была продиктована желанием Кантемира зашифровать свое отношение к конкретным историческим лицам, к политическим и родовым распрям, борьбе за трон. Аллегорическую форму надо понимать как сознательно поставленную художественную задачу: автор переводил «частные» распри между боярами, конкретные козни и интриги, связанные с борьбой за трон, междоусобную вражду, которую поддерживала и разжигала Порта, торговавшая фирманами на правление в княжествах, на обобщенный язык иносказания. Реальные события в княжествах превращались в художественное воплощение просветительских идей, за осуществление которых ратовал и боролся Кантемир, — идеи просвещенной монархии и идеи освобождения от турецкого ига. «Иероглифическая история», которую можно назвать сатирическим романом-памфлетом, считается первым произведением художественной литературы в Молдавии и Валахии. Кроме общей аллегорической формы, художественность «Иероглифической истории» придают многочисленные почерпнутые из фольклора и других источников и придуманные самим Кантемиром афоризмы, изречения, а также сочиненные им стихи. Это произведение нужно оценивать и как первую попытку художественного и философского мышления. Именно этим объясняется значительное число неологизмов (автор приложил даже небольшой словарь философских терминов). Следующий этап

творческой деятельности Кантемира начинается уже в России. Когда планы Д. Кантемира установить в Молдавии просвещенную монархию потерпели крах, он развертывает широкую просветительскую деятельность как автор сочинений, главным образом исторических.

В 1716 г. он создает на латинском языке «Описание древности и современности государства Молдавии». В том же году — «Возвышение и упадок Оттоманской империи», которое стараниями его сына Антиоха в 1734 г. переводится в Лондоне (второе изда ие — 1735 г., два издания в Париже — 1743, в Гамбурге — 1745 г.) и известно по сокращенному английскому названию как «История Оттоманской империи». В 1717 — 1718 гг. он пишет на русском языке «Дивныя революции праведного божия отмщения на фамилию Кантакузиных в Валахии славных и Бранковинова», в 1719 г. по-латыни — «Систему магометанской религии», которая по повелению Петра I в 1722 г. выходит на русском языке («Книга систима, или Состояние мухаммеданския религии»). В конце жизни Кантемир работает над «Хроникой стародавности романо-молдо-валахов». Сочинения Кантемира были яркими образцами просветительского мышления и по своему значению выходили за рамки местных интересов. Прибегая в ряде случаев к латыни и русскому языку, Кантемир обращался как бы ко всему ученому и цивилизованному миру, привлекая его внимание к проблеме Турции и Балкан. Столь различные на первый взгляд сочинения Д. Кантемира пронизаны одной сквозной идеей — исторической неизбежности падения власти Османской империи в Дунайских княжествах и — шире — на Балканах. Эта идея воплощалась и прямо, когда анализировался имперский строй и говорилось о повальной продажности на всех ступенях иерархической лестницы, и косвенно, когда Д.Кантемир обосновывал историческую закономерность заселения территории бывшей Дакии этнической общностью молдо-влахо-ардялыцев (трансильванцев).

Сочинения Кантемира стали компетентными источниками, откуда и Россия, и Западная Европа черпали сведения о Турции и Дунайских княжествах, строя свою политику по отношению к Порте. Вся деятельность Д.Кантемира была взлетом национального самосознания.

Непосредственным продолжателем Кантемира как поборника независимости выступает Ион Некулче (1672—1745). Некулче был гетманом молдавского войска во время Прутского похода Петра I и вместе со своим господарем поселился в России

после проигранного сражения под Стэнилешть. Прожив в России два года, Некулче решает вернуться на родину. Переехав в Польшу, он спустя семь лет добивается амнистии, возвращается в Молдавию и с 1733 по 1744 г. работает над «Летописью страны Молдавии от Дабижи-Водэ до второго пребывания господаря Константина Маврокордата». В «Летописи» с гневом и болью он пишет о турецкой тирании, о произволе фанариотов в стране. «Летопись» стала для многих писателей XIX и даже XX в. не только источником исторических фактов, но и образцом исторического повествования Идея романского происхождения румынского народа и его языка, а в связи с этим их права на собственное национальное развитие получает в конце XVIII в. дальнейшее развитие в работах представителей так называемой Трансильванской (Ардяльской), или Латинской, школы.

Задача развития литературного языка требовала и теоретического осмысления. В связи с этим появляются различные грамматики. Одной из первых была грамматика Димитрия Евстатьевича, взявшего за образец грамматику Мелеция Смотрицкого. Эта же грамматика была и первым трактатом о стихосложении. Попытки версификаторства, встречающиеся в «Иероглифической истории» Д. Кантемира, получили свое развитие в рифмованных хрониках.

Стихотворные хроники были посвящены, как правило, лишь одному событию. Мечта об освобождении от турецкого ига отражалась в стихотворных произведениях о русско-турецких войнах и русских полководцах.

Стихотворная хроника утверждала и субъективное отношение к личности. Тем самым она подводила к лирической поэзии, зачинатели которой — Енэкицэ Вэкэреску (1740—1797) и его сын, Алеку Вэкэреску (1767—1799).

На протяжении XVIII в. идет упорный процесс становления национального самосознания, который заключается прежде всего в том, что деятели культуры освобождаются от религиозных догм и преодолевают давление иноземной культуры. Этот период является и началом становления современного национального литературного языка.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Османская империя и в XVIII в. вела неудачные войны с Австрией, Россией, Персией и другими государствами.

Подвластные ей народы — в том числе и болгары — несли тяжелое бремя военных расходов. В Болгарии все более росло влияние России, получившей право покровительства всему христианскому населению Порты. Восходящие еще к XVI в. связи ряда болгарских монастырей с Россией продолжали развиваться как в XVII, так и в XVIII в. На русскую землю монахи шли за помощью и милостыней. Возвращаясь, они приносили все больше печатных книг канонического и светского содержания, были проводниками идеи братства с русским народом. Центрами просветительской деятельности продолжали оставаться прежде всего монастыри, среди которых особенно выделяются Рильский, Драгалевский, Плаковский, Преображенский, Зографский и Хилендарский на Афоне — Святой горе и др. Рос уровень грамотности как в селах, так и в городах. Умножалось число переписчиков, переводчиков, грамматиков, из среды которых выходили «дамаскинари» — знатоки дамаскинской книжности, авторы-составители как дамаскинов, так и других сборников. Такая литературная форма, как сборники смешанного содержания и дамаскины, продолжала процветать и в болгарской литературе первой половины XVIII в. Дамаскины (первоначально переводы сборника проповедей «Сокровище» греческого писателя XVI в. Дамаскина Студита, дополненные затем другими авторами) были своеобразным, очень распространенным на болгарской территории явлением, имевшим двухвековую традицию. Они не только многократно и в различном объеме переводились и переписывались, но с течением времени все больше и больше обновляли свое содержание. В XVII в. состав дамаскинов претерпел такие изменения, что они почти перестали отличаться от появлявшихся в течение этого столетия сборников смешанного содержания. К XVIII в. относятся Врачанский дамаскин, Свиштовский, Эленский, дамаскины Теофана, иерея Пунчо, Романский и др. История не сохранила имена многих дамаскинарей, но некоторые из них, жившие в XVIII в., известны науке. Это Иосиф Брадатый, работавший в Ильском монастыре между 1740—1757 гг., священники Пунчо, Тодор Врачанский, Никифор из Арбанаси, Теофан Рильский, иеромонах Роман. Яркой и самобытной личностью среди этих деятелей болгарской книжности был Иосиф Брадатый, автор-составитель ряда сборников, где болгарские сюжеты занимают значительное по сравнению с другими дамаскинами место. Он смело перерабатывал поучения Дамаскина, включая в них

мотивы, связанные с народной жизнью, идеи и образы, созвучные литературе болгарского Возрождения.

В поучениях и словах Брадатый проявляет беспокойство и глубокую заинтересованность в будущем народа, в его духовном прозрении. Он говорит, что церкви должны «иметь книги поучительные на простом языке, и люди простые, бескнижные их понимать не могут».

Сборники, принадлежащие перу Иосифа Брадатого, а их насчитывается более шести, имели очень широкое распространение и неоднократно переписывались.

Деятельность Паисия Хилендарского (1722—1773) открыла новый этап в развитии болгарской литературы, которая все заметнее сближалась с народными интересами и чаяниями. В известном сочинении «История славеноболгарская» (1762) Паисий Хилендарский призывал к борьбе против османского ига, против засилья греческого духовенства, к борьбе за родной язык и национальное просвещение, независимую церковь. Он призывал добиваться политической свободы. Книга Паисия проникнута пафосом гражданского служения родине и народу

Талантливым продолжателем Паисия и его почитателем был Софроний Врачанский (1739—1813). Он обратил внимание в основном на народное просвещение. Софроний и его продолжатели — Иоаким Кырчовский, Кирил Пейчинович и др. — считали образование, просвещение самых широких масс важнейшим делом, которое поможет народу в его борьбе за самостоятельность, возродит его к духовной жизни. Их идеи нашли благодарную почву в Болгарии, и демократическая система просвещения в дальнейшем получила широкую поддержку. Софроний создал немало оригинальных произведений. Важное место среди них занимает его автобиография — «Житие и страдания грешного Софрония» (1805), где он нарисовал широкую и правдивую картину жизни болгарского народа, его страданий и рабского положения. «Житие» Софрония было одним из наиболее самобытных произведений болгарской литературы переходного периода.К концу XVIII в. болгарская словесность, восприняв идеи национального возрождения, утвердила новоболгарский народный язык, стала носительницей нового, светского мировоззрения. Наметился ее переход в самостоятельную национальную литературу.

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В XVIII в. сербский народ продолжает жить в условиях территориального и политического разъединения. Большая часть сербов отстается под властью османских завоевателей. Сербы,бежавшие от врагов и переселившиеся в конце XVII в. на земли севернее Дуная, находились под юрисдикцией Габсбургской монархии. Эта область, получившая позже название Воеводина, и становится в XVIII в. центром развития сербской культуры и литературы. Основная направленность развития сербской литературы XVIII в. связана с преодолением ею синкретического состояния и включением ее в общеевропейский литературный процесс. Сосуществование нового со старым представляет специфику развития сербской литературы в XVIII в. Главными очагами сербской словесности в первой половине столетия оставались монастыри. Продолжается рукописная традиция многовековой средневековой литературы, в развитии которой проявляется новый аспект, связанный с отпором народа ассимиляторским тенденциям поработителей и пробуждением национального самосознания. Среди последних значительных представителей рукописной традиции были монастырские переписчики и писатели Киприан и Еротей Рачане. «Путешествие к граду Иерусалиму» (1727) Еротея продолжало жанр хождений, известный в литературе православных славян с XI в и способствовавший становлению важных для сербской прозы XVIII в. жанров путешествий и мемуаров. К 30—40 годам относится творчество Гаврилы Стефановича Венцловича (ок. 1680—1749?). Здесь с достаточной наглядностью проявляются сособенности литературы XVIII в.: наряду с перепиской часослова, житий, псалмов, поучений писатель занимается вольными переводами и компиляциями (в том числе проповедей украинского писателя Л.Барановича), в которых заметны барочные элементы. Венцлович первым обратился к народному языку и в зависимости от жанра произведения использовал книжный, основу которого составлял церковнославянский. Развитию новых тенденций в литературе способствовало проникновение в сербскую среду просветительских и рационалистических идей. Особенность их восприятия здесь носила утилитарно-практический характер, т.е. приобщение соотечественников к знаниям, расширение их культурного и общественного кругозора, как необходимых условий активизации освободительных сил народа и возрождения национальной культуры. Важную роль

сыграло в этом школьное образование, становление которого связано с деятельностью в первой трети XVIII в. русских и украинских учителей, присланных по просьбе церковных властей Воеводины из России. Расширению связей с русской и украинской культурой и литературой XVIII в. способствовала и учеба сербов в России, в частности в Киево-Могилянской академии, а также переселение сербов в XVIII в. на южные земли России и Украины.

Расширяются контакты между деятелями сербской и европейской культуры. Открываются типографии, увеличивается число печатных книг, выходят газеты и журналы. Знаменательным событием в культурной жизни сербов стало первое периодическое издание — «Славено-сербский магазин» (Венеция, 1768), основанное выдающимся сербским писателем и деятелем культуры Захарием Орфелином (1726—1785).

Обращаясь к истории, писатели стремились, с одной стороны, поднять патриотический дух народа, выявить и укрепить связь между современностью и героическим прошлым, с другой — привлечь внимание народов других стран к трагической судьбе сербов.

Одной из наиболее трудных проблем в развитии сербской литературы XVIII в. (особенно его второй половины) была проблема языка. Литература этого времени создавалась на нескольких языках. Одним из них был так называемый «русско-славянский», т. е. русская редакция церковнославянского языка, — высокого и среднего «штиля» (в зависимости от жанра произведения). Связанное с усилением сербо-русских контактов и возраставшим интересом к русской книге — источнику новых идей и литературно-эстетических концепций, — обращение к русско-славянскому языку определялось рядом внутринациональных обстоятельств жизни порабощенного народа, решающим среди которых было его сопротивление ассимиляторской политике Габсбургов. В этих условиях обращение к русско-славянскому поддерживало в сербах сознание причастности к славянскому миру. На русско-славянском языке было написано немало значительных произведений, прежде всего исторических сочинений Орфелина, И. Раича, С. Пишчевича и др. Со временем этот язык, по признанию исследователей, менялся, и к концу XVIII в. утвердился так называемый «славяно-сербский» язык — своеобразное смешение русских и сербских элементов. Одновременно на протяжении всего XVIII в. предпринимаются попытки ввести в литературу народный язык, к которому авторы нередко прибегали в своем творчест-

ве параллельно с русско-славянским и славяно-сербским — в зависимости от жанров произведений. С развитием образования и печати вопрос о языке, доступном широкому кругу читателей, обострился. И хотя битва за становление литературного сербского языка на народно-разговорной основе произойдет в первой половине XIX столетия, начало этого процесса относится к концу XVIII в.

Поиски сербской литературой новых путей развития с наибольшей полнотой выразились в творчестве Досифея Обрадовича (1739—1811) — центральной фигуры сербской культуры XVIII в., выдающегося деятеля национального просвещения. Его жизнь — яркое отражение своего времени. Он начинал обучаться грамоте по русским учебникам и церковным книгам. Вдохновленный примером героев житийной литературы, он постригся в монахи. Однако реальный монастырский быт, неодолимая жажда жизни и знаний изменили его судьбу. Он покинул монастырь и стал учителем. Долгие годы странствований по городам Европы и Средиземноморья, хорошее знание языков, позволившее ему слушать лекции в европейских учебных заведениях, знакомство с деятелями культуры и науки, с прогрессивной мыслью европейских просветителей — все это сделало его одним из самых образованных людей XVIII в. у южных славян. Выходец из народа, Обрадович всей своей деятельностью стремился к его просвещению, усматривая в этом важное средство пробуждения национального самосознания и развития сербской культуры.

Борьба с невежеством и критика монастырей конца XVIII в. как главных его очагов, требование создавать школы, в том числе и для женщин, переводить произведения, способные приобщить сербов к более развитой культуре других народов, писать на языке, в основу которого была бы положена народно-разговорная речь и который бы, таким образом, стал доступным не только узкой прослойке образованных людей, но и всему народу, наконец, забота о высокой нравственности своих соотечественников — вот круг идей творчества Обрадовича, начиная с его первого, программного сочинения «Письмо Харалампию» (1783). Весь этот комплекс вопросов сопрягался у него с остро развитым чувством национального самосознания и патриотизма. На склоне лет Обрадович принял активное участие в освободительном движении сербов против османских завоевателей, начавшемся восстанием 1804—1813 гг. В образовавшемся сербском правительстве он был первым министром просвещения. С именем Обрадовича связано открытие в Белграде учебного заведения «Велика школа» (1808), на основе которого был создан впоследствии университет. Творчество Обрадовича разнообразно. Он писал прозу и стихи, был переводчиком, публицистом, баснописцем, автором ученых трактатов. Его главное произведение — автобиографическое сочинение «Жизнь и приключения Дмитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем» (1—2 ч., Лейпциг, 1783, 1788). С творчеством Обрадовича в истории сербской письменности осуществляется тот решительный перелом в сторону развития литературы на просветительской основе, к которому предшественники писателя только подходили.

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII век в Греции падает на середину того черного 150-летия (1669—1821), когда большая часть страны входила в состав Оттоманской империи. Феодальное чужеземное иго — инокультурное, иноверное — тормозило развитие национальной экономики и всей национальной культуры. В литературе с византийского периода сохранялись две линии развития, долгое время не пересекавшиеся, не взаимодействовавшие. Первая — это фольклор, преимущественно крестьянский (в XVIII в. 97 % населения Греции было сельским). Вторая — ученая, богословская и назидательная, агиографическая и гимнографическая — продолжала такие же традиции византийской литературы. В фольклоре бытовали прежде всего византийские народные песни (акритские, т. е. богатырские), которые определяли характер и вновь создаваемых. Существенным для всей жизни Греции того времени было клефтское движение. Крестьяне, недовольные притеснениями турецких властей и выслуживавшихся перед ними греческих богачей, бросали хозяйство и с оружием в руках уходили в горы. Этих бунтарей называли клефтами (букв. — ворами). Число клефтов в течение XVIII в. неуклонно возрастало. Они основывали целые села. К концу века многие районы полностью контролировались клефтами (Мани на Пелопоннесе, Сули в Эпире). Высокая Порта организовывала против них кровавые экспедиции, но не могла справиться с этим народным движением. Район Мани даже добился официальной автономии. Жизнь клефтов, их под-

виги и героическая гибель составляют содержание клефтских песен, основного жанра греческого фольклора XVIII в.

Как национальный мученик до сих пор почитается в Греции Козма Этолийский (1714—1779). Этот странствующий монах и учитель основал множество школ, проповедовал борьбу за освобождение от оттоманского ига и был казнен турецкими властями. Из Афона вышел и самый значительный поэт середины века — Кесарий Дапонте (1714—1784), автор многочисленных гимнов, назидательных книг, путевых заметок в стихах, шутовских исповедей.

Кроме полемики с Константинопольской патриархией, в XVIII в. известны и литературные сочинения светского характера. Примечательно, что почти все они издавались (и создавались) за рубежом.

Прибежищем ученой литературы в порабощенной Греции был почти исключительно Константинополь, точнее, один его квартал — Фанари, населенный греческими купцами. По имени квартала греческие историки называют XVIII век веком фанариотов, имея в виду прежде всего особенности греческого просветительства. Фанари поставлял купцов в греческие торговые колонии России и Западной Европы. Эти купцы были достаточно богаты, чтобы дать своим детям европейское образование. Из их среды выходили переводчики, члены дипломатического корпуса, даже министры иностранных дел Высокой Порты. Литературные вкусы фанариотов обусловлены веяниями из Франции. По замечанию одного путешественника, французский язык знали в Фанари во второй половине XVIII в. не хуже греческого. Основное место в фанариотской поэзии занимали анакреонтические мотивы. Самый яркий их выразитель, Атанасиос Христопулос (1772—1847), прозванный «Новым Анакреонтом», писал, например: «Не дожить бы, боже милый, мне до трезвости постылой...». Но идейная позиция фанариотов определялась их служебным статусом. Они приспособились к Порте. С ее соизволения они неограниченно обирали подопечных, создавая себе огромные состояния. Поэтому к революционному и национально-освободительному движению в Греции они относились с откровенной враждебностью. Эта идейно-литературная двойственность — заигрывание с вольномыслием при сотрудничестве с Портой — выражалась во временном перевесе то одной, то другой линии. Но к концу XVIII — началу XIX в., когда общенародная борьба за освобождение стала реально грозить их благосостоянию, фанариоты заняли откровенно реакционную позицию.

На примере творчества Ригаса видно, что литературный процесс в Греции к концу века резко ускоряется. Важнейшей предпосылкой этого были экономические сдвиги в результате Кючук-Кайнарджийского мира (1774), когда Россия получила официальное право опеки христиан в Оттоманской империи, были уменьшены налоги, улучшены условия торговли и мореплавания, что потребовало и улучшения образования. Именно в это время разгорается спор вокруг проблемы языка.

Сторонники демократических преобразований, в том числе Ригас, опираются на живой народный язык, «димотику». Главой этого направления был уже упомянутый Димитриос Катардзис (1725—1807) из Константинополя. В Модо-Валахии он ведал финансами, имел большое влияние в официальных кругах, но главным делом его жизни было просветительство. Он провозгласил и яростно отстаивал право народного разговорного языка стать основой языка литературного. Кроме этого воззвания, он оставил трактат «Познай самого себя» (речь идет о национальном самосознании), «Руководство к написанию стихотворений на новогреческом языке», «Грамматику древнегреческого языка» (написанную на новогреческом) и «Грамматику новогреческого языка». К сожалению, большая часть его произведений оставалась неизданной, и его идеи только косвенно могли влиять на споры вокруг языкового вопроса в Греции. К концу жизни он отошел от активной общественной деятельности и умер преуспевающим царедворцем, сторонником просвещенного абсолютизма. Видным участником споров был также Атанасиос Псалидас (1767—1820) из купеческой семьи г.Янины. Некоторое время он жил в России, возлагая большие надежды на помощь России в деле освобождения Греции и посвятив свою первую книгу Екатерине II. Возвратившись на родину, он преподавал в Янине и более или менее последовательно пропагандировал народный язык. Консервативные же фанариоты, в первую очередь П. Кодрикас, и патриархия требовали возвращения к древнегреческому языку.

Литературное движение XVIII в. в Греции, составляя часть движения общекультурного, носило во многом как бы подготовительный характер. Это значит, что литературный язык находился еще в процессе становления, а литература только начинала опробовать новые для нее направления, жанры, стили, распространенные в Западной Европе. Особую «литературообразующую» роль в культурном процессе, как

4 Зак. 1368

вообще в литературах Юго-Восточной Европы, здесь играл фольклор, питаемый непрекращающейся народной борьбой за освобождение от оттоманского ига. Эта борьба вплоть до обретения независимости составляла основное содержание внутренней жизни страны. XVIII век дал греческой литературе высокие идеи, героические темы, прекрасные образцы поэтического языка.

5. АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПОД ТУРЕЦКИМ ГОСПОДСТВОМ

Упадок Османской империи отразился и на положении арабских стран, входивших в ее состав. В рассматриваемый период власть турецкого султана в Северной Африке, включая Египет, была в значительной мере номинальной. В Сирии, Ливане и Ираке она была резко ослаблена народными восстаниями и мятежами местных феодалов. В Аравии возникло широкое религиозно-политическое движение — ваххабизм, поставившее своей целью полное вытеснение турок с Аравийского полуострова.

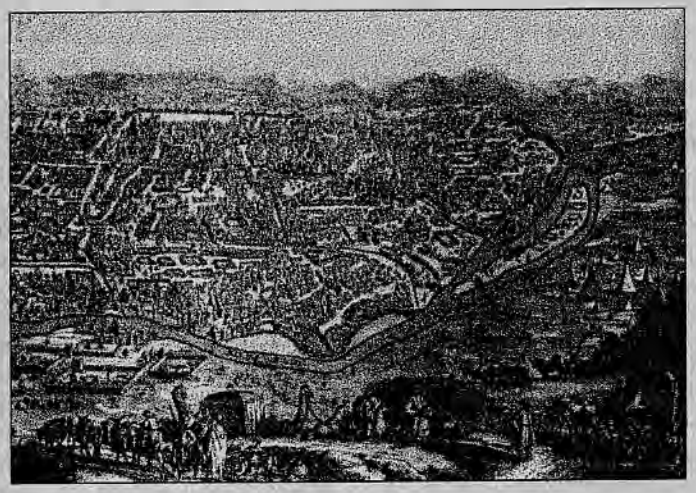
ЕГИПЕТ

В XVII—XVIII вв. в экономическом развитии Египта наблюдаются некоторые новые явления. Крестьянское хозяйство все более втягивается в рыночные связи. В ряде районов, особенно в Нильской дельте, рента-налог принимает денежную форму. Иностранные путешественники конца XVIII в. описывают оживленную торговлю на городских рынках Египта, куда крестьяне доставляли зерно, овощи, скот, шерсть, сыр, масло, домашнюю пряжу и покупали взамен ткани, одежду, утварь, металлические изделия. Торговля велась и непосредственно на деревенских рынках.

Значительного развития достигли торговые связи между различными районами страны. По свидетельству современников, в середине XVIII в. из южных районов Египта вниз по Нилу, к Каиру и в область дельты шли корабли с зерном,

сахаром, бобами, льняными тканями и льняным маслом; в обратном направлении шли грузы сукна, мыла, риса, железа, меди, свинца, соли. В XVII—XVIII вв. Египет вывозил в страны Европы хлопчатобумажные и льняные ткани, кожи, сахар, нашатырь, а также рис и пшеницу.

Оживленная торговля велась с соседними странами — Сирией, Аравией, Магрибом (Алжир, Тунис, Марокко), Су-



Каир.
Гравюра конца XVII в.

даном, Дарфуром.Через Египет проходила значительная часть транзитной торговли с Индией. В конце XVIII в. в одном только Каире 5 тыс. купцов занимались внешней торговлей. В XVIII в. в ряде отраслей промышленности, особенно в отраслях, работающих на экспорт, начался переход к мануфактуре. В Каире, Махалла-Кубре, Розетте, Кусе, Кине и в других городах были основаны мануфактурные предприятия, изготовлявшие шелковые, хлопчатобумажные и льняные ткани. На каждой из этих мануфактур работали сотни наемных рабочих; на крупнейшей из них — в Махалла-Кубре было постоянно занято от 800 до 1000 человек. Наемный труд применялся на маслобойных, сахарных и других заводах. Иногда феодалы в компании с сахарозаводчиками основывали предприятия в своих поместьях. Часто владельцами мануфактур, крупных ремесленных мастерских

и лавок были представители высшего духовенства, управители вакуфов. Техника производства была еще примитивной, но разделение труда внутри мануфактур способствовало повышению его производительности и значительному росту продукции. К концу XVIII в. в Каире насчитывалось 15 тыс. наемных рабочих и 25 тыс. ремесленников.

Наемный труд начинал применяться и в сельском хозяйстве: тысячи крестьян нанимались на полевые работы в соседних крупных поместьях. Как и в остальных частях Османской империи, собственность купцов, владельцев мануфактур и мастерских не была ограждена от посягательств пашей и беев. Чрезмерные налоги, поборы, контрибуции, вымогательства разоряли торговцев и ремесленников Режим капитуляций вытеснял местных купцов из более прибыльных отраслей торговли, обеспечивая монополию европейских купцов и их агентуры. Кроме того, вследствие систематического ограбления крестьянства внутренний рынок был крайне неустойчив и узок. Вместе с развитием торговли неуклонно росла феодальная эксплуатация крестьянства.

К старым повинностям и налогам постоянно добавлялись новые. Мультазимы (помещики) взимали с феллахов (крестьян) налоги для уплаты дани Порте, налоги на содержание армии провинциальных властей, деревенской администрации и религиозных учреждений, поборы на свои собственные нужды, а также множество других поборов, иногда взимаемых безо всякого основания. Список налогов, собираемых с крестьян одной из египетских деревень, опубликованный французским исследователем XVIII в. Эстевом, содержал свыше 70 названий.

Помимо налогов, установленных законом, широко применялись всевозможные дополнительные поборы, основанные на обычае. «Достаточно, чтобы сумма была собрана 2—3 года подряд, — писал Эстев, — чтобы ее затем требовали на основе обычного права» Феодальный гнет все чаще вызывал восстания против мамлюкского господства. В середине XVIII в. мамлюкские феодалы были изгнаны из Верхнего Египта бедуинами, восстание которых было подавлено лишь к 1769 г. Вскоре в округе Танта вспыхнуло восстание феллахов (1778 г.), также подавленное мамлюками. Мамлюки еще твердо удерживали власть в своих руках. Хотя формально они и являлись вассалами Порты, власть турецких пашей, присылаемых из Стамбула, была призрачной. В 1769 г., во время русско-турецкой войны, мамлюкский правитель Али-бей провозгласил независимость Египта. Получив

некоторую поддержку от командующего русским флотом в Эгейском море А. Орлова, он вначале успешно сопротивлялся турецким войскам, но затем восстание было подавлено, а сам он убит. Тем не менее власть мамлюкских феодалов не слабела; место погибшего Али-бея заняли руководители другой, враждебной ему мамлюкской группировки. Только в начале XIX в. власть мамлюков была свергнута.

СИРИЯ И ЛИВАН

Источники XVII—XVIII вв. содержат скудные сведения об экономическом развитии Сирии и Ливана. Отсутствуют данные о внутренней торговле, о мануфактурах, о применении наемного туда. Более или менее точные сведения имеются о росте в рассматриваемый период внешней торговли, появлении новых торговых и ремесленных центров, усилении специализации районов. Несомненно также, что в Сирии и Ливане, как и в Египте, увеличивались размеры феодальной эксплуатации, обострялась борьба внутри класса феодалов, росла освободительная борьба народных масс против чужеземного гнета.

Во второй половине XVII и в начале XVIII в. большое значение имела борьба между двумя группировками арабских феодалов — кайситами (или «красными», как они себя называли) и йеменитами (или «белыми»). Первая из этих группировок, возглавленная эмирами из рода Маан, выступала против турецкого господства и пользовалась поэтому поддержкой ливанских крестьян; в этом заключалась ее сила. Вторая группировка, возглавленная эмирами из рода Алям-ад-дин, служила турецким властям и с их помощью вела борьбу против своих соперников. После подавления восстания Фахр-ад-дина II и его казни (1635 г.) Порта вручила султанский фирман на управление Ливаном предводителю йеменитов эмиру Алям-ад-дину, но вскоре турецкий ставленник был свергнут новым народным восстанием. Правителем Ливана восставшие избрали племянника Фахр-ад-дина II — эмира Мельхема Маана, и Порта была вынуждена утвердить этот выбор. Однако она не отказалась от попыток устранить от власти кайситов и поставить во главе Ливанского княжества своих сторонников.

В 1660 г. войска дамасского паши Ахмеда Кепрюлю (сына великого везира) вторглись в Ливан. Как сообщает арабская

хроника, предлогом для этой военной экспедиции послужило то обстоятельство, что вассалы и союзники Маанов — эмиры Шихабы «подстрекали дамаскинцев против паши». Действуя вместе с йеменитскими ополчениями, турецкие войска заняли и сожгли ряд горных селений Ливана, в том числе столицу Маанов — Дайр-аль-Камар и резиденции Шихабов — Рашею (Рашайю) и Хасбею (Хасбайю). Кайситские эмиры были вынуждены отступить вместе со своими дружинами в горы. Но народная поддержка в конце концов обеспечила им победу над турками и йеменитами. В 1667 г. кайситская группировка вернулась к власти.

В 1671 г. новое столкновение кайситов с войсками дамасского паши привело к занятию и разграблению Рашайи турками. Но в конечном счете победа опять осталась за ливанцами. Так же неудачны были и другие попытки турецких властей поставить во главе Ливана эмиров из рода Алям-ад-дин, предпринятые в последней четверти XVII в. В 1710 г. турки совместно с йеменитами опять напали на Ливан. Свергнув кайситского эмира Хайдара из рода Шихаб (к этому роду эмирский престол перешел в 1697 г., после смерти последнего эмира из рода Маан), они превратили Ливан в обычный турецкий пашалык. Однако уже в следующем 1711 г. в битве при Айн-Даре войска турок и йеменитов были разгромлены кайситами. Большинство йеменитов, включая весь род эмиров Алям-ад-дин, погибло в этом бою. Победа кайситов была настолько внушительной, что турецким властям пришлось отказаться от устройства Ливанского пашалыка; в течение долгого времени они воздерживались от вмешательства во внутренние дела Ливана. Победу при Айн-Даже одержали ливанские крестьяне, но это не привело к улучшению их положения. Эмир Хайдар ограничился тем, что отобрал уделы (мукатаа) у йеменитских феодалов и распределил их между своими сторонниками.

С середины XVIII в. центром борьбы против турецкой власти сделалось феодальное княжество Сафад в Северной Палестине. Правитель его — сын одного из кайситов шейх Дагир, постепенно округляя владения, полученные его отцом от ливанского эмира, распространил свою власть на всю Северную Палестину и ряд районов Ливана. Около 1750 г. он приобрел небольшое приморское селение — Акку. По свидетельству русского офицера Плещеева, посетившего Акку в 1772 г., она стала к этому времени крупным центром морской торговли и ремесленного производства. В Акке поселилось много купцов и ремесленников из Сирии, Ливана,

Кипра и других частей Османской империи. Хотя Дагир облагал их значительными налогами и применял обычную в Османской империи систему монополий и откупов, условия для развития торговли и ремесла были здесь, видимо, несколько лучше, чем в других городах: феодальные поборы строго фиксировались, а жизнь и имущество купца и ремесленника ограждались от произвола. В Акке находились развалины крепости, построенной еще крестоносцами. Дагир восстановил эту крепость, создал собственную армию и флот. Фактическая независимость и растущее богатство нового арабского княжества возбуждали недовольство и алчность соседних турецких властей. С 1765 г. Дагиру пришлось обороняться от трех турецких пашей — дамасского, триполийского и сайдского.

Сирийский муфтий и кадии. Гравюра начала XVIII в.

Сначала борьба сводилась к эпизодическим столкновениям, но в 1769 г., после начала русско-турецкой войны, Дагир возглавил арабское народное восстание против турецкого гнета. Он вступил в союз с мамлюкским правителем Египта Алибеем. Союзники взяли Дамаск, Бейрут, Сайду (Сидон), осадили Яффу. Значительную помощь восставшим арабам оказала Россия. Русские военные корабли крейсировали вдоль ливанского побережья, обстреливали Бейрут во время штурма его крепости арабами, доставляли арабским повстанцам пушки, снаряды и другое вооружение.

В 1775 г., спустя год по окончании русско-турецкой войны, Дагир был осажден в Акке и вскоре убит, а его княжество распалось. Акка стала резиденцией турецкого паши Ахмеда, по прозвищу Джаззар («Мясник»). Но борьба народных масс Сирии и Ливана против турецкого гнета продолжалась. В течение последней четверти XVIII в. Джаззар непрерывно повышал дань с подвластных ему арабских областей. Так дань, взимаемая с Ливана, увеличилась со 150 тыс. пиастров в 1776 г. до 600 тыс. пиастров в 1790 г.

Для ее выплаты был введен ряд новых, ранее неизвестных Ливану поборов — подушный налог, налоги на шелководство, на мельницы и т. п. Турецкие власти опять стали открыто вмешиваться во внутренние дела Ливана, их войска, посылаемые для сбора дани, грабили и жгли селения, истребляли жителей. Все это вызывало непрерывные восстания, ослаблявшие власть Турции над арабскими землями.

ИРАК

По уровню экономического развития Ирак отставал от Египта и Сирии. Из многочисленных прежде городов Ирака лишь Багдад и Басра в известной мере сохранили значение крупных ремесленных центров; здесь изготовлялись шерстяные ткани, ковры, изделия из кожи. Но через страну шла транзитная торговля между Европой и Азией, приносившая значительные доходы, и это обстоятельство, а также борьба за расположенные в Ираке священные шиитские города Кербелу и Неджеф делали Ирак объектом острой турецко-иранской борьбы.

Транзитная торговля привлекла в страну и английских купцов, которые в XVII в. основали факторию Ост-Индской компании в Басре, а в XVIII в — в Багдаде. Турецкие завоеватели разделили Ирак на два пашалыка (эялета): Мосульский и Багдадский. В Мосульском пашалыке, населенном преимущественно курдами, существовала военно-ленная система. У курдов — как кочевников, так и оседлых земледельцев — еще сохранились черты родо-племенного быта, деление на аширеты (кланы). Но их общинные земли и большая часть скота уже давно стали достоянием вождей, а сами вожди — ханы, беки и шейхи — превратились в феодалов, закрепощавших своих соплеменников. Однако власть Порты над курдскими феодалами была весьма непрочной, что объяснялось кризисом военно-ленной системы, наблюдавшимся в XVII—XVIII вв. во всей Османской империи. Используя турецко-иранское соперничество, курдские феодалы часто уклонялись от выполнения своих воинских обязанностей, а иногда и открыто становились на сторону иранского шаха против турецкого султана или лавировали между султаном и шахом, чтобы добиться большей самостоятельности.

В свою очередь, турецкие паши, стремясь укрепить свою власть, разжигали вражду между курдами и их соседями —

арабами и христианскими меньшинствами и поощряли усобицы среди курдских феодалов. В багдадском пашалыке, населенном арабами, в 1651 г. вспыхнуло восстание племен, возглавленное феодальным родом Сийяб. Оно привело к изгнанию турок из округа Басры. Лишь в 1669 г., после неоднократных военных экспедиций, туркам удалось вновь водворить в Басру своего пашу. Но уже в 1690 г. восстали

Багдад.
Гравюра конца XVII—начала XVIII в.

осевшие в долине Евфрата арабские племена, объединенные в союз Мунтафик. Повстанцы заняли Басру и в течение ряда лет вели успешную войну с турками. Назначенный в начале XVIII в. правителем Багдада Хасан-паша 20 лет воевал с арабскими земледельческими и бедуинскими племенами Южного Ирака. Он сосредоточил в своих руках власть над всем Ираком, включая Курдистан, и закрепил ее за своей «династией».

В течение всего XVIII в. страной правили паши из числа его потомков или его кюлеменов. Хасан-паша создал в Багдаде правительство и двор по стамбульскому образцу, обзавелся собственной армией, сформированной из янычар и кюлеменов. Он роднился с арабскими шейхами, давал им чины и подарки, отнимал земли у одних племен и наделял ими другие, разжигал вражду и медоусобицы. Но даже этими маневрами ему не удалось сделать свою власть прочной: ее ослабляли почти непрерывные восстания арабских племен,

особенно мунтафиков, наиболее энергично отстаивавших свою свободу. Новая большая волна народных восстаний поднялась в Южном Ираке в конце XVIII в. в связи с усилением феодальной эксплуатации и резким увеличением размера дани. Восстания были подавлены багдадским пашой Сулейманом, но они нанесли серьезный удар турецкому господству в Ираке.

АРАВИЯ

На Аравийском полуострове власть турецких завоевателей никогда не была прочной. В 1633 г. в результате народных восстаний турки были принуждены покинуть Йемен, ставший независимым феодальным государством. Но они упорно держались в Хиджазе: турецкие султаны придавали исключительное значение своему номинальному господству над священными городами ислама — Меккой и Мединой, которое служило им основанием для притязаний на духовную власть над всеми «правоверными» мусульманами. Кроме того, эти города в сезон хаджа (паломничества мусульман) превращались в грандиозные ярмарки, центры оживленной торговли, приносившей значительные доходы султанской казне. Поэтому Порта не только не налагала дани на Хиджаз, но, напротив, обязывала пашей соседних арабских стран — Египта и Сирии — ежегодно отправлять в Мекку дары для местной духовной знати и наделять щедрыми субсидиями вождей хиджазских племен, через территорию которых проходили караваны паломников. По этой же причине реальная власть внутри Хаджаза была оставлена мекканским духовным феодалам — шерифам, издавна пользовавшимся влиянием на горожан и кочевые племена.

Турецкий паша Хиджаза по существу был не правителем страны, а предствителем султана при шерифе. В Восточной Аравии в XVII в., после изгнания оттуда португальцев, возникло независимое государство в Омане. Арабские купцы Омана обладали значительным флотом и, подобно европейским купцам, занимались наряду с торговлей пиратством. В конце XVII в. они отняли у португальцев остров Занзибаре и прилегающее к нему африканское побережье, а в начале XVIII в. изгнали иранцев с Бахрейнских островов (позднее, в 1753 г., иранцы вернули себе Бахрейн). В 1737 г., при Надир-шахе, иранцы попытались захватить

Оман, но вспыхнувшее там в 1741 г. народное восстание завершилось их изгнанием.

Руководитель восстания маскатский купец Ахмед ибн Саид был провозглашен наследственным имамом Омана. Его столицами были Растак — крепость во внутренней горной части страны, и Маскат — торговый центр на морском побережье. В этот период Оман проводил независимую политику, успешно сопротивляясь проникновению европейских купцов — англичан и французов, тщетно пытавшихся получить разрешение на устройство своих факторий в Маскате.

Побережье Персидского залива к северо-западу от Омана было заселено независимыми арабскими племенами — джавасым, атбан и др., которые занимались морскими промыслами, главным образом ловлей жемчуга, а также торговлей и пиратством. В XVIII в. атбаны построили крепость Кувейт, ставшую значительным торговым центром и столицей одноименного княжества. В 1783 г. одно из подразделений этого племени заняло Бахрейнские острова, которые после этого также стали самостоятельным арабским княжеством. Мелкие княжества были основаны, кроме того, на полуострове Катар и в различных пунктах так называемого Пиратского побережья (нынешний Договорный Оман). Внутренняя часть Аравийского полуострова — Неджд — была в XVII—XVIII вв. почти полностью изолирована от внешнего мира. Даже арабские хроники того времени, составленные в соседних странах, хранят молчание о событиях, происходивших в Неджде и, видимо, оставшихся неизвестными их авторам. Между тем именно в Неджде возникло в середине XVIII в. движение, сыгравшее впоследствии крупную роль в истории всего Арабского Востока.

Реальной политической целью этого движения было объединение разрозненных мелких феодальных княжеств и независимых племен Аравии в единое государство. Постоянные раздоры между племенами из-за пастбищ, набеги кочевников на оседлое население оазисов и на купеческие караваны, феодальные усобицы сопровождались разрушением оросительных сооружений, уничтожением садов и рощ, угоном стад, разорением крестьян, купцов и значительной части бедуинов. Только объединение Аравии могло прекратить эти бесконечные войны и обеспечить подъем земледелия и торговли. Призыв к единству Аравии был облечен в форму религиозного учения, получившего по имени его основа-

теля Мухаммеда ибн-аль-Ваххаба название ваххабизма. Это учение, сохраняя целиком догматику ислама, подчеркивало принцип единобожия, сурово осуждало местные и племенные культы святых, пережитки фетишизма, порчу нравов и требовало возврата ислама к его «первоначальной чистоте». В значительной мере оно было направлено против «отступников от ислама» — турецких завоевателей, захвативших Хиджаз, Сирию, Иран и другие арабские страны.

Аналогичные религиозные учения возникали среди мусульман и раньше. В самом Неджде Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб имел предшественников Однако его деятельность вышла далеко за рамки религиозной проповеди. С середины XVIII в. ваххабизм был признан официальной религией княжества Дарейя, эмиры которого Мухаммед ибн Сауд (1747—1765) и его сын Абд-аль-Азиз (1765—1803), опираясь на союз ваххабитских племен, требовали от других племен и княжеств Неджда под угрозой «священной войны» и смерти принятия ваххабитского вероучения и присоединения к Саудовскому государству.

В течение 40 лет в стране шли непрерывные войны. Княжества и племена, насильно присоединенные ваххабитами, не раз поднимали восстания и отрекались от новой веры, но эти восстания сурово подавлялись. Борьба за объединение Аравии вытекала не только из объективных потребностей экономического развития. Присоединение новых территорий увеличивало доходы и власть династии Саудов, а военная добыча обогащала «бойцов на правое дело», причем на долю эмира приходилась одна пятая ее часть. К концу 80-х годов XVIII в. весь Неджд был объединен под властью ваххабитской феодальной знати, возглавляемой эмиром Абд-аль-Азизом ибн Саудом. Однако управление в этом государстве не было централизованным. Власть над отдельными племенами сохранялась в руках прежних феодальных вождей при условии, что они признавали себя вассалами эмира и принимали у себя ваххабитских проповедников.

Впоследствии ваххабиты вышли за пределы Внутренней Аравии, чтобы распространить свою власть и веру в других арабских странах. В самом конце XVIII в. они предприняли первые набеги на Хиджаз и Ирак, открывшие путь к дальнейшему возвышению ваххабитского государства.

АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА В XVII—XVIII ВВ.

Турецкое завоевание повлекло за собой упадок арабской культуры, продолжавшийся в течение XVII—XVIII вв. Наука в этот период развивалась очень слабо. Философы, историки, юристы, географы, в основном, излагали и переписывали труды средневековых авторов. На уровне средних веков застыли медицина, астрономия, математика. Экспериментальные методы изучения природы не были известны. В поэзии преобладали религиозные мотивы. Широко распространялась мистическая дервишская литература. В западной историографии упадок арабской культуры обычно приписывается засилию ислама. В действительности главной причиной упадка были чрезвычайно медленные темпы общественно-экономического развития и турецкий гнет. Что же касается исламской догматики, несомненно игравшей отрицательную роль, то не менее реакционное воздействие оказывали христианские догмы, исповедуемые в ряде арабских стран. Религиозная разобщенность арабов, разделенных на ряд вероисповедных группировок — особенно в Сирии и Ливане, вела к культурной разобщенности. Каждое культурное движение неизбежно принимало религиозный отпечаток.

В XVII в. в Риме был основан колледж для ливанских арабов, но он находился целиком в руках маронитского духовенства (марониты — араб-христиане, признающие духовную власть папы) и его влияние ограничивалось узким кругом маронитской интеллигенции. Такой же религиозный характер, ограниченный рамками маронитской пропаганды, носила просветительская деятельность маронитского епископа Германа Фархата, основавшего в начале XVIII в. библиотеку в Алеппо (Халеб); такими же чертами отличались маронитская школа, учрежденная в XVIII в. при монастыре Айн-Барка (Ливан), и арабская типография, основанная при этом монастыре. Главным предметом изучения в школе было богословие; в типографии печатались исключительно книги религиозного содержания.

В XVII в. антиохийский патриарх Макарий и его сын Павел Алеппский совершили поездку в Россию и в Грузию. Описания этого путешествия, составленные Павлом Алеппским, могут сравниться по яркости наблюдений и по художественности стиля с лучшими памятниками классической арабской географической литературы. Но эти произведения были известны только в узком кругу православных арабов, преимущественно среди духовенства. В

начале XVIII в. была основана первая типография в Стамбуле. На арабском языке она печатала только мусульманские религиозные книги — Коран, хадисы, комментарии и др. Культурным центром арабов-мусульман по-прежнему был богословский университет аль-Азхар в Каире. Однако даже в этот период появлялись исторические и географические труды, содержавшие оригинальный материал.

В XVII в. историк аль-Маккари создал интересный труд по истории Андалусии; дамасский судья Ибн Халликан составил обширный свод биографий; в XVIII в. была написана хроника Шибахов — важнейший источник по истории Ливана в этот период. Были созданы и другие хроники по истоии арабских стран в XVII—XVIII вв., а также описания путешествий в Мекку, Стамбул и другие места. Многовековое искусство арабских народных мастеров по-прежнему проявлялось в замечательных архитектурных памятниках и в художественно-кустарных изделиях. Об этом свидетельствует дворец Азма в Дамаске, построенный в XVIII в., замечательные архитектурные ансамбли марокканской столицы Мекнеса, воздвигнутой на рубеже XVII и XVIII вв., многие памятники Каира, Туниса, Тлемсена, Алеппо и других арабских культурных центров.

ЛИТЕРАТУРА ЕГИПТА, СИРИИ И ИРАКА

В Египте на протяжении XVIII в. появляется ряд значительных фигур. Фактические правители Египта, мамлюкские эмиры, несмотря на постоянную междоусобицу, старались покровительствовать наукам и литературе, приближали к себе мусульманских ученых (улемов), поэтов и всячески одаривали их. Богатые горожане имели большие частные библиотеки и по традиции покровительствовали ученым и литераторам. Мусульманские улемы преподавали в куттабах (начальные школы, где изучался Коран) и в медресе (школы более высокого уровня).

Главным очагом просвещения в Египте был богословский университет аль-Азхар, расположенный в Каире в помещении одноименной мечети. В аль-Азхаре преподавались богословские науки и мусульманское право, отчасти мусульманская историография и арабская филология. Некогда в аль-Азхаре, как и в других учебных заведениях Арабского Востока, изучались математика, астрономия, медицина, точные и естественные науки, но к XVIII в. эта традиция была почти полностью утрачена. Даже в сфере традиционной схоластики азхарские улемы редко создавали что-либо оригинальное и обычно ограничивались составлением разнообразных комментариев (шурух), глосс (хаваши) или объяснительных примечаний (тааликат) к трудам теологов предшествующих столетий.

Дамаск.
Гравюра начала XVIII в.

Несмотря на общий упадок преподавания, среди шейхов аль-Азхара и связанных с аль-Азхаром ученых были и выдающиеся люди. Заслуживает упоминания аль-Мартада аз-Забиди (1732—1791), йеменец по происхождению, проживший большую часть жизни в Каире и умерший здесь от чумы. Его перу принадлежит множество сочинений, главное из которых «Венчальная корона в истолковании аль-Камуса» — комментарии и дополнения к знаменитому словарю арабского языка средневекового лексикографа аль-Фирузабади (1329—1414), а также комментарии к сочинениям средневекового богослова и философа-мистика аль-Газали (1059—1111).

Во второй половине XVIII в. в Каире трудился другой выдающийся ученый, аль-Джабарти (1754—1826), ис-

торик, автор хроники, в которой добросовестно описаны события времени правления мамлюков и турков, французской экспедиции Бонапарта и первых двух десятилетий правления Мухаммада Али Для историков культуры и литературы Египта эта хроника представляет огромную ценность, ибо содержит уникальные биографические материалы, а также отрывки из официальных документов, частной переписки и произведений египетских поэтов.

Как и в предшествующие столетия, во всех слоях общества большой популярностью пользовались произведения народной литературы, культура публичного чтения которых сохранились в арабских провинциях на протяжении всего XVIII в. Как и в старину, специальные декламаторы в кофейнях, на рынках и в других общественных местах читали «с выражением» романы-эпопеи типа «Антар», «Повести о подвигах племени бану хиляль» и другие, а также новеллы (бытовые, фантастические, дидактические и т. п.), часть которых ранее вошла в собрание «Тысячи и одной ночи». Участник похода генерала Бонапарта в Египет (1798—1801) Денон отмечает поразительную способность египтян слушать исполнение одной и той же знакомой повести по многу раз, ибо каждый рассказчик умеет по-своему оттенить ту или иную сторону повествования.

В XVIII в. популярны были произведения народной литературы — романы, новеллы, имеющие не только устную (фольклорную), но и письменную традицию, о чем свидетельствуют сохранившиеся записи произведений народной литературы, сделанные в то время. Некоторые из этих произведений напоминают фаблио и шванки, а порой и европейские плутовские новеллы. Часто они восходят к средневековому фольклору различных народов Востока, а иногда имеют параллель в произведениях крупных средневековых арабских прозаиков (аль-Джахиза и др.). Большой популярностью в Египте в XVIII в. пользуются всевозможные рассказы о ловких жуликах, хитрецах и мошенниках, известные там еще в глубокой древности. Сохранились записи рассказов о животных, близких по содержанию к «Калиле и Димне», рассказов о скупых людях, о возлюбленных, которым судьба мешает соединиться, рассказов фантастического и дидактического содержания. Особое место занимают собрания басен и пословиц.

Произведения народной литературы, как и в предшествующее столетие, собирались рассказчиками и переписчиками в сборники, предназначенные для публичных выступлений. Состав таких сборников носил обычно случайный характер. До нас дошли также записи небольших стихотворений любовного содержания, стихотворные жалобы на разлуку с друзьями, на несправедливость властей, на бедность и трудную жизнь. Герой этой литературы почти всегда горожанин-ремесленник, мелкий торговец, бывший солдат, а иногда и сельский житель, образ которого все чаще встречается городской новеллистике по мере того, как в городах появляются разорившиеся и бежавшие из деревень египетские феллахи. Если в героических эпопеях и волшебных сказках герою приходится сражаться с иноплеменниками, то в стихотворениях и новеллах бытового жанра ему противостоят знатные и богатые вельможи, чиновники и неправедные судьи. Авторов (рассказчиков) этих новелл занимают не великие события, подвиги и чудеса природы, а повседневная жизнь горожан, реальный быт, нравы и ситуации.

Арабское словесное искусство в Египте было представлено главным образом поэзией. Арабские поэты XVIII в., как правило, придерживались традиционных поэтических форм и жанров, круг их идей, представлений и сюжетов был примерно тот же, что и у их предшественников, поэтов классического периода Египетские, иракские и сирийские поэты XVIII в., если они жили в резиденциях провинциальных правителей, как некогда придворные панегиристы багдадских халифов VIII—IX вв., слагали в честь своих покровителей по традиционной схеме торжественные панегирики, поздравления в связи со знаменательными датами, элегии по случаю смерти. Сочиняли они также послания в стихах, застольные и любовные песни, религиозные панегирики.

Поэты состязались в сочинении экспромтов, хронограмм и поэтических загадок, проделывали всевозможные графические фокусы, придававшие стихам зрительную выразительность. Так, используя особенности арабской графики, они сочинаяли стихи, содержащие в каждом слове или, наоборот, не содержащие ни в одном слове буквы с определенным начертанием, или каждая вторая буква которых имела в своем начертании надстрочную или подстрочную точку, или все буквы каждого второго слова содержали точки, или каждое слово начиналось с буквы, которой оканчивалось предшествующее слово, и т. д. Аль-Джабарти в хронике сообщает биографические данные более чем о двух десятках египетских поэтов, и хотя ни один из них не мог сравниться с прославленными мастерами классического пе-

риода, в их числе были и такие, чье творчество, несомненно было отмечено печатью таланта.

Весьма лестно аль-Джабарти отзывается о поэте конца XVII и начала XVIII в. Хасане аль-Бадре аль-Хиджази (ум. 1718), сочинявшем стихи на простонародном языке в отличие от его современников, творцов послеклассической эпигонской поэзии. Аль-Хиджази, воспитанник аль-Азхара, большое внимание уделял логике и грамматике и написал по этим дисциплинам ряд трудов. Уже в зрелом возрасте он начал проявлять интерес к суфийской философии, ей аль-Хиджази посвятил большую урджузу (поэму в размере раджаз) в полторы тысячи строк. Наибольший историко-литературный интерес представляют его стихотворения «на тему дня», в которых он выражал сочувствие египетскому бедному люду, одновременно сожалея о его невежестве и отсутствии моральных принципов. Аль-Хиджази изображал характерную для Египта фигуру сборщика налогов и отношение к нему жителей, описывал политическую ситуацию в Египте и произвол мамлюкских правителей. При этом он давал исторически точные характеристики своим современникам — мамлюкским эмирам, в частности жестокому эмиру Али, так притеснявшему жителей, что те открыто радовались его смерти в 1711 г. Тем не менее сам аль-Хиджази писал о нем с уважением, ибо считал, что египтяне нуждаются в строгом правителе.

Совершенно иной тип поэта являл собой Адбаллах аш-Шубрави (ум. 1757). Выходец из уважаемой семьи азхарских улемов, аш-Шубрави получил широкое богословское образование, быстро выдвинулся в качестве преподавателя исламских наук, а в 1724 г. стал главным шейхом аль-Азхара, причем в его времена престиж мусульманского университета оставался высоким. В поэзии, в отличие от аль-Хиджази с его простонародными стихами, он был традиционалистом, сочинял панегирики высокопоставленным лицам и любовные стихи, которые с успехом исполнялись певцами. Как и другие поэты Позднего Средневековья, аш-Шубрави отдал дань и строфической поэзии на народном языке (заджаль и мавалия), формы которой он использовал главным образом в любовных песнях.

Подражая знатным меценатам эпохи расцвета при Аббасидах, некоторые мамлюкские эмиры привлекали к себе в дом поэтов и щедро одаривали их. Такой литературный кружок образовался при эмире Ридване. Среди входивших в него поэтов были ас-Суйюти (ум. 1766), Касим аль-Мисри

(ум. 1789), аль-Идкави (ум. 1770) и многие другие. Мухаммад ас-Салахи ас-Суйюти был выходцем из знатного рода, образование получил в аль-Азхаре. Однако очень рано он проявил интерес не только к традиционным мусульманским наукам, но и к поэтическому творчеству, а также прославился как замечательный каллиграф. Поэзия его была своеобразным сочетанием характерного для Позднего Средневековья усложненного стиля с традициями поэтов классического времени, в первую очередь Абу Нуваса, которому он подражал в своих стихах, посвященных застольным радостям. Сочинял он также традиционные панегирики и газели.

Весьма популярен в Египте был также поэт Касим аль-Мисри, также член кружка Ридвана, воспитанник аль-Азхара. При дворе Ридвана в соответствии с традицией аббасидского двора устраивались литературные собрания, на которых происходили поэтические состязания. Особенно прославился во время этих состязаний шейх аль-Анбути (ум. 1766), острого языка его талантливых пародий и метких эпиграмм боялись все. Одним из участников кружка Ридвана был также шейх Абдаллах аль-Идкави, которого вполне можно отнести к числу профессиональных поэтов.

Совершенно особое место в поэзии XVIII в. занимал Исмаил аз-Захури (ум. 1796). Почти все сколько-нибудь выдающиеся поэты его времени были питомцами религиозных школ или шейхами аль-Азхара; аз-Захури в отличие от них не получил систематического мусульманского образования. Средства к существованию он добывал продажей кофе, переписыванием Корана, изготовлением амулетов с цитатами из Корана, которые пользовались в Египте большой популярностью. Он частенько проводил время в окрестностях Каира и на острове Рауда, куда собирались любители веселых пирушек, во время которых он с большим мастерством распевал застольные песни собственного сочинения, аккомпанируя себе на лютне. Как и его предшественник, андалусский поэт Ибн Кузман, аз-Захури пользовался репутацией превосходного певца, музыканта и прекрасно справлялся с задачей сочинения панегириков во вкусе своего времени. Так, в 1765 г. он адресовал выспренный панегирик руководителю хаджа по случаю возвращения каравана с паломниками из святых мест, причем закончил панегирик хронограммой, содержащей дату возвращения в Каир эмира. Однако большинство стихов аз-Захури — застольные песни, в которых он, подражая классическим мастерам этого жанра Абу Нувасу и Лисан ад-Дину Ибн аль-Хатибу, вос-

производил нравы каирских любителей веселого времяпрепровождения, в деталях изображая красоты каирских окрестностей.

По-прежнему большой популярностью у арабов пользовалась в XVIII в. суфийская лирика — может быть, наиболее живое явление в поэзии Позднего Средневековья. Поэзия мистико-аскетического характера имела в Египте и в тесно связанной с ним в культурном отношении Сирии длительную традицию, со временем подвергшуюся существенным изменениями. На протяжении XVII и XVIII вв. количество суфийских писателей в Сирии и Египте достигало многих десятков. Во второй половине XVII и в первой трети XVIII в. Сирия выдвинула крупного теоретика суфизма и поэта Абд аль-Гани ан-Набулуси. Мистик, теолог, поэт, путешественник и плодовитый писатель (ему принадлежит свыше 250 сочинений), ан-Набулуси был, несомненно, ведущей фигурой в религиозной и литературной жизни арабов XVIII в. Рано проявив интерес к мистическим учениям, ан-Набулуси примкнул к суфийским теоретикам и поэтам: Ибн аль-Араби, а также ат-Таласани, Ибн аль-Фарид, аль-Джили. Причем в своих комментариях, в отличие от современных ему комментаторов и компиляторов, он не ограничивался объяснением лексики и толкованием суфийской символики, а высказывал и свои собственные мистические идеи. Независимо от жанра (ан-Набулуси писал панегирики высокопоставленным лицам, восхваления пророку, стихотворные послания и любовные стихи) поэтические произведения ан-Набулуси всегда имели мистический подтекст.

Последние годы XVIII в. ознаменовались важнейшим событием в истории Египта — вторжением армии генерала Бонапарта. Вне зависимости от целей Директории, организовавшей экспедицию, почти трехлетнее пребывание французов в стране не могло не оказать влияния на ее культурное развитие. Полторы сотни ученых и технических специалистов, прибывших вместе с армией, наладили первую в стране типографию с арабским шрифтом, создали библиотеку, астрономическую обсерваторию и химическую лабораторию, драматический театр, построили тексильную и бумажную фабрику, начали издавать газету.

В ходе войны Египет оказался втянутым в водоворот европейской политики, что повлекло за собой усиление европейского влияния во всех сферах жизни и в известной мере предопределило характер культурного развития Египта в XIX в.

Одной из наиболее ярких фигур в египетской литературе конца XVIII и первых десятилетий XIX в. был Хасан аль-Аттар (1766—1835), творчество котрого носило еще в основном традиционный средневековой характер, и в то же время он много сделал для распространения просвещения среди арабов. Сын торговца ароматическими специями, Хасан аль-Аттар оставил торговлю, учился в аль-Азхаре, стал одним из его преподавателей, а позднее даже главным шейхом университета. В период французской экспедиции 1798—1801 гг. он находился в дружеских отношениях с французскими учеными и даже обучал их арабскому языку. При Мухаммаде Али он входил в число его приближенных и был главным редактором первой египетской газеты — «Египетские ведомости». Знаток многих традиционных арабских наук, он оставил после себя сочинения по мусульманскому праву, арабской грамматике, логике, математике и медицине. Образцом эпистолярного творчества XVIII в. могут служить его послания высокопоставленным чиновникам в Турции, кади, улемам и другим лицам. Сохранились его путевые заметки с красочным описанием Дамаска, Константинополя и Босфора. Эти произведения написаны свободной прозой, без характерного для Позднего Средневековья саджа (рифмованная проза). Продолжая традицию средневековых поэтов, аль-Аттар посвящал панегирики египетскому правителю Мухаммаду Али, своим друзьям — азхарским шейхам (например, был популярен его панегирик шейху аль-Магриби, сочиненный по случаю избрания шейха старшиной магрибинского ривака — землячества — в азхарском университете). Аль-Аттар писал также элегии на смерть друзей (например элегия на смерть шейха ад-Дасуки), сочинял застольные песни. Наиболее яркие стихи его дивана относятся к жанру фасф. В них содержатся красочные описания городов Египта (например Асьюта), каирских достопримечательностей (например знаменитого азбакийского пруда в центре Каира с прекрасными дворцами, его обрамляющими) и т. д.

В меньшей мере, чем в Сирии и Египте, приближение Нового времени ощущалось в Ираке — одной из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении областей Османской империи. Литература Ирака, в основном представленная поэзией, носила в XVIII в. еще строго традиционный характер. Иракские поэты не выходили за пределы средневековых жанров, и, может быть, единственной отличительной чертой их творчества было обилие

произведений религиозного (в основном шиитского) содержания: различных од в честь пророка Мухаммада, грустных элегий о загубленных душах шиитских святых Али и его сына Хусейна, убитых политическими и религиозными противниками еще в VII в., в них поэты в традиционных шиитских выражениях обычно горестно сетовали на жестокую судьбу. При провинциальных иракских правителях, как некогда при могущественных багдадских халифах, были свои панегиристы, в поэзии которых почти не находили отражения социальные проблемы Ирака — экономический гнет и политическое бесправие. Может быть, некоторое исключение представляет Мустафа аль-Гулами аль-Маусили, который в стихах критиковал османские власти. Обычно же поэты сочиняли верноподданические оды за вознаграждение. Например, поэт аль-Умари в середине XVIII в. посвящал панегирики-поздравления багдадскому паше Ибн Хасану в связи с «победами» паши над бедуинами Южного Ирака. Другой поэт, Казим аль-Узри, прославлял в панегириках правителя Багдада Сулеймана, а поэт аль-Ашри воспевал багдадского правителя Омара, выходца из кюлеменов (иракских мамлюков). Тот же аль-Ашри, поэт с ярко выраженными шиитскими симпатиями, во время посещения шиитских святынь в Неджефе писал грустные элегии в память шиитских мучеников Али и его сына Хусейна.

ГЛАВА 2

ИРАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII В.

Во второй половине XVII в. вторжения афганских и турецких завоевателей привели к опустошению ряда районов Ирана. Завоевательные войны самих иранских феодалов в 30—40-х годах XVIII в. и феодальные усобицы второй половины XVIII в. еще больше ослабили Иран. Это создавало условия, облегчившие в дальнейшем проникновение в Иран европейских капиталистических торговых компаний и укрепление их позиций.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Формально крестьяне (райяты) считались лично свободными наследственными держателями земли, фактически же, будучи обязаны выполнять различные феодальные повинности и платить налоги по месту жительства и не имея права покинуть его без разрешения, находились на положении крепостных.

Кочевники (иляты) жили несколько свободнее, чем оседлое крестьянское население. У них продолжали сохраняться

патриархальные порядки и обычаи, которые в известной степени ограничивали власть ханов. Кочевники платили незначительные налоги или, при условии несения военной службы, были совершенно освобождены от них.

В Иране такие города, как Исфахан, Шираз, Тебриз, Керман, Хамадан, и некоторые другие сохраняли значение торгово-ремесленных центров и специализацию по производству определенных видов ремесленных изделий. Мелкие города почти ничем не отличались от больших деревень; население их занималось преимущественно сельским хозяйством. Ремесленников в них было немного; занятие одним лишь ремеслом не обеспечивало их существования, вследствие чего они вынуждены были заниматься садоводством и огородничеством. В крупных городах ремесленники, как правило, были объединены в цехи (эснафы, хамкари) по роду занятий; в небольших городах они составляли одно общество, в которое входили ремесленники разных специальностей.

Главной фигурой ремесленного производства был мастер (устад). Монополизации ремесла в Иране не было, но, чтобы ограничить конкуренцию, мастеру предписывалось работать и продавать свой товар в строго определенном месте, ему запрещалось переманивать заказчиков. Мастера были полноправными членами цеха и могли иметь учеников. Подмастерьев в Иране не было. В некоторых производствах — у кожевников, каменщиков и др. — мастера нанимали для подсобных работ каргаров, своего рода чернорабочих.

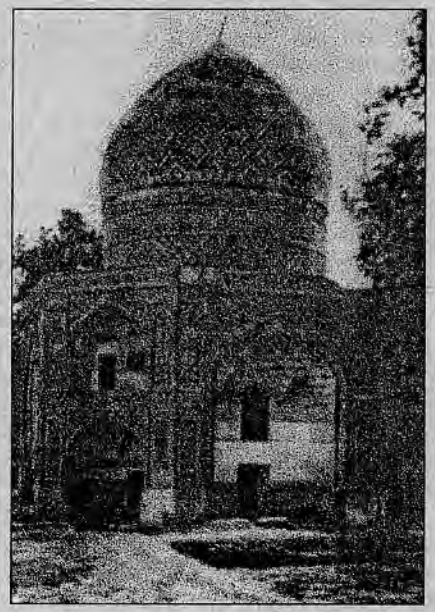
Женский труд был широко распространен. Ткачество, производство ковров было занятием по преимуществу женским.

Кроме основного налога, немесленники и купцы платили арендную плату за наем лавок, торговых рядов на базаре, караван-сараев, высокий сбор за продажу изделий, налог на содержание базарного смотрителя, сторожей, полиции и т. д. Ремесленники и купцы должны были содержать проезжающих послов. Очень обременительными были бесплатные поставки для армии и подарки правителям, а также работы по благоустройству города, строительству.

Политика сефевидских шахов, направленная на укрепление центральной власти и на борьбу против феодальных усобиц, имела особенно большой успех при шахе Аббасе I. Беспощадная расправа Аббаса с вольницей могущественной военно-феодальной знати кызылбашских и некоторых других племен, прекращение частых мятежей феодалов создавали относительно благоприятные условия для развития экономики.

При Аббасе I улучшилось состояние сельского хозяйства и ремесла, в особенности в центральных областях государства (персидский Ирак, столица Исфахан и ее область), население которых эпизодически освобождали от всех или части налогов.

Дальнейшему подъему производительных сил в сельском хозяйстве, росту городов, развитию внутренней и внешней торговли в значительной степени способствовал длительный мир между державой Сефевидов и Турцией (1639—1722).



Гробница Кадамгах. Нишапур. 1680 г.

В экономически наиболее развитых областях сефевидской державы, в местностях, находившихся на больших караванных путях и близлежащих к городам, все более нарушалась замкнутость натурального хозяйства. Знаменательным явлением стало некоторое повышение товарности мелкого крестьянского хозяйства и подъем его производительности.

На северных окраинах сефевидского государства еще в конце XVI в. возник ряд торговых сел вдоль левого берега реки Аракса: Шахверт, Цгна, Дастак, Акулис, Ордубад, Мегри и др. Среди них особенно славилась Старая Джуга (Джульфа).

Однако экономический подъем, начавшийся в конце XVI в., был непродолжительным.

В последней четверти XVII в. появились признаки хозяйственного упадка сефевидской державы. Причиной этого было разорение мелкого крестьянского хозяйства — экономической основы феодального государства. Крестьянское хозяйство в связи с прекращением внутренних войн и освобождением от некоторых налогов (последовавшим, правда, лишь в отдельных районах и местностях) в конце XVI —

первой трети XVII в. было объективно поставлено в более благоприятные условия и имело возможность за непродолжительный срок несколько увеличить свою производительность. Но для шахских правителей и чиновников фиска это явилось лишь стимулом для усиления феодальной эксплуатации. Сухопутные караванные пути, пролегавшие через страны Передней Азии, в частности через страны Закавказья, утратили теперь прежнее значение, посредническая торговля закавказских городов сократилась.

Вследствие упадка внешней торговли и сокращения поступлений от военной добычи из-за того, что сефевидские шахи с конца 30-х годов XVIII в. не вели завоевательных войн, непомерно увеличился налоговый гнет.

Развитие внешней и внутренней торговли в период хозяйственного подъема XVII в. порождало у феодалов, связанных с торговлей, стремление получать некоторые налоги, ранее взимавшиеся натурой, в денежной форме. Однако в сефевидском государстве, в условиях господства натуральных форм хозяйства, перевод части налогов в денежную форму был обусловлен в основном стремлением феодалов к роскоши. Это вызвало расширение сферы деятельности ростовщического капитала. Ростовщичество, лишь подтачивая существовавшие формы производства и эксплуатации и не создавая нового способа производства, умножало тяжесть феодальной эксплуатации и способствовало разорению крестьянского хозяйства.

О прогрессировавшем упадке крестьянского хозяйства в конце XVII — первой четверти XVIII в. свидетельствует резкое сокращение доходов, поступавших феодалам.

Разорение крестьянского хозяйства, повлекшее упадок городов и торговли, привело к обеднению народных масс, которые все чаще стали выступать против непосильной эксплуатации. Обострение классовых противоречий и классовая борьба явились одной из основных причин распада государства Сефевидов.

Значительную роль в этом сыграло также развитие феодального землевладения независимо от центра. Этот процесс выразился не только в более широком распространении частного феодального землевладения (мульк, арбари), но и в усилении власти и самостоятельности тиулдаров. Экономическая самостоятельность владельцев крупных тиулов стимулировала их стремление и к политической самостоятельности. Тенденция децентрализации усилилась в период начавшегося упадка и ослабления и без того непрочных связей между отдельными областями государства. Частые мятежи, отторжение тех или иных областей обычны для сефевидской державы конца XVII — начала XVIII в.

Падение династии Сефевидов было тесно связано и с усилившимися противоречиями внутри класса феодалов, отходом некоторых из них от сефевидских шахов.

Следует отметить недовольство военно-феодальной знати кызылбашских и других племен централистическими устремлениями сефевидских шахов, сокращением доходов с земель (вследствие разорения крестьянского хозяйства) и поступлений от военной добычи (в связи с тем, что сефевидские шахи после 1639 г. были вынуждены отказаться от завоевательных войн).

Против Сефевидов выступала также местная знать завоеванных и вассальных территорий — Армении, Азербайджана, Грузии.

Иранские шахи и турецкие султаны проводили традиционную политику покровительства армянской и грузинской церкви для привлечения высшего христианского духовенства на свою сторону. Во время многочисленных ирано-турецких войн до 1639 г. поддержка церкви способствовала успеху той или другой стороны. Кроме того, христианское духовенство, особенно армянское, пользовалось большим влиянием на широкие круги населения.

В XVII в. христианские монастыри превратились в крупнейших феодальных собственников. Крупнейшим мулькдаром в Армении являлся Эчмиадзинский монастырь. Кроме значительных земельных массивов, в руках церкви была также сосредоточена всяческая недвижимость в виде мельниц, маслобоен, рисорушек; в городах монастырям принадлежали лавки, магазины, бани, караван-сараи, сдаваемые в аренду дома и т. п.

Сокращение доходов государства в конце XVII — начале XVIII в. заставило шаха усилить экономические нажим не только на трудящиеся массы, но также и на некоторые слои господствующего класса, в частности на христианское духовенство. Новая система налогового обложения, введенная в начале XVIII в., лишала монастыри всех иммунитетных привилегий. В то же время в связи с уменьшением производительности крестьянского хозяйства и сокращением торговли упали доходы монастырей с земельных владений и торговли. Все это, а также лишение христиан юридических прав, предоставленных им шахом Аббасом I, религиозная нетерпимость, ставшая основным направлением государст-

венной политики, способствовало превращению высшего христианского духовенства в противников Сефевидов. В освободительном движении армянского народа против чужеземного ига в конце XVII — начале XVIII в. духовенство играло весьма важную роль.

В оппозиции к Сефевидам находилось также суннитское духовенство (высшее и низшее) Азербайджана, Афганистана и пр. Гонения и преследования суннитов вызывали крайнее недовольство. Например, когда в Ширване были казнены суннитские муллы, а мечети поруганы, там начались массовые волнения. Жители обратились к турецкому султану с просьбой принять их под свое покровительство. Многие бежали в Турцию.

Феодалы Дагестана, Армении, Грузии, Карабаха, Ширвана, Афганистана в обстановке усиления экономического, политического и религиозного гнета, с одной стороны, ослабления и разложения государства, с другой — нередко присоединялись к народной борьбе за независимость.

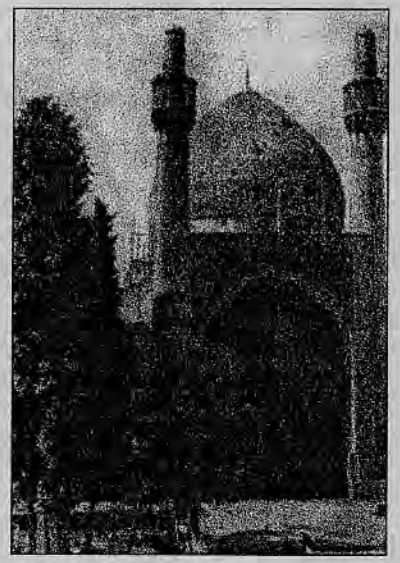
В конце XVII — начале XVIII в. в Грузии, Азербайджане, Армении, Дагестане и Афганистане поднимаются освободительные движения, которые различаются по размаху и социальному составу участников в зависимости от развития каждой страны. Так, Армения, Грузия, Азербайджан (Ширван, Карабах, Тебризская область) являлись наиболее развитыми в социальном и экономическом отношениях областями, входившими в состав сефевидского государства, а в Дагестане и Афганистане лишь происходил процесс становления феодальных отношений.

Однако все эти движения были направлены против иранского владычества и являлись реакцией на усиление религиозных преследований и экономического, социального гнета, связанных с общим упадком и разложением сефевидского государства.

УПАДОК ГОСУДАРСТВА

Сефевидское государство было еще достаточно сильным и при Сефи (1629—1642) и Аббасе II (1642—1666). В этот период Сефевиды еще вели активную внешнюю политику. Но уже появились признаки упадка их державы. Историк середины XIX в. так характеризует развитие Сефевидского государства после Аббаса Великого: «Хотя до

шахов Сефи и Аббаса II включительно признаки дряхлости были не очень заметны, в действительности государство шло к упадку, и его больной организм поддерживался лишь возбуждающими средствами и искусными мероприятиями...» Устои государства расшатывались главным образом восстаниями в собственно иранских областях и освободительными движениями покоренных Сефевидами народов. Большое значение имели уменьшение размеров шахского домена в связи с передачей значительной части его в руки тиулдаров, рост сепаратистских тенденций окраинных феодалов, произвол шахских чиновников. Шахское правительство, постоянно нуждаясь в денежных средствах, увеличило поборы с купечества; это явилось одной из причин сокращения торговли в Иране и переселения иранских, главным образом армянских, купцов.



Медресе Мадар-ешах. Исфахан. 1714 г.

В годы правления шаха Султан-Хусейна (1694—1722) упадок Сефиевидской державы зашел уже очень далеко. Подлинная власть принадлежала феодальной клике, возведшей его на престол. Дворцовые интриги, коррупция, борьба различных феодальных группировок способствовали дальнейшему ослаблению государства.

Шахская казна опустела, в ней не оставалось средств даже на выплату жалованья войску.

В 1701 г. были повышены старые и введены новые налоги, было также предписано вновь собрать налоги за три предшествовших года. Однако эти крайние меры только усилили обнищание масс, не увеличив сколько-нибудь значительно поступления в казну.

Монархия потеряла поддержку военно-феодальной знати племен, так как ханы племен, владевшие на правах тиула — временного и обусловленного службой держания —

обширными земельными массивами, целыми округами и областями, пользуясь ослаблением центральной власти, стремились теперь превратить свои владения в полную собственность. Мятежи феодалов, отпадение отдельных провинций — обычная картина политической жизни Ирана в конце XVII — начале XVIII в.

Доходы купечества уменьшались вследствие сокращения как внешней, так и внутренней торговли. Христианское духовенство Армении и Грузии и суннитское духовенство Азербайджана, Дагестана и Афганистана перешло в оппозицию к шахской власти, проводившей политику религиозной нетерпимости по отношению к христианам и к мусульманам-нешиитам. Но и духовенство было недовольно, так как доходы храмов и метечей упали в результате нового налогового законодательства.

Однако главной причиной ослабления Сефевидской державы были многочисленные народные восстания, вызванные невыносимой эксплуатацией трудовых масс, произволом и жестокостью шахского правительства и местных властей. Волынский пишет по этому поводу в своем дневнике: «И так ослабели народ своими поступками, что редкие остались места, где бы не было ребелей (восстаний. — Ред.)». Русское посольство в 1715—1717 гг. отмечало наличие повстанцев и недовольных почти в каждом городе и области, через которые оно проезжало.

В апреле 1717 г. в Исфахане начались волнения, вызванные тем, что хлеб в городе продавался по вздутым ценам. Восставшая городская беднота, лоти (деклассированные элементы в городах) числом до 3 тыс. человек, вооруженные дубинками и камнями, направились к дворцу и выломали дворцовые ворота. Шах был вынужден временно покинуть столицу.

С конца XVII в. в Грузии, Азербайджане, Армении, Дагестане, Афганистане развертываются освободительные движения, направленные против господства иранских феодалов и являвшиеся ответом на усиление экономического, политического и национального гнета. В них было два основных течения: к первому принадлежали крестьяне, трудовые слои городского населения и рядовые кочевники, боровшиеся за освобождение от угнетения; ко второму — местные светские и духовные феодалы и купцы, защищавшие свои классовые привилегии. Освободительное движение народов тесно переплеталось с сепаратистскими выступлениями феодалов.

Роковым для Сефевидского государства стало восстание афганского племени гильзаев. В 1709 г. гильзаи Кандагара, которых возглавил глава этого племени и кандагарский калантар (градоначальник) Мир-Вейс, истребили иранский гарнизон, убили шахского наместника и овладели областью. Попытки Султан-Хусейна подавить восстание не увенчались успехом. Восстание завершилось отпадением Кандагара от Сефевидского государства.

Сын Мир-Вейса Мир-Махмуд во главе войска афганских всадников, ядром которого были гильзаи, в январе 1722 г. захватил Керман. Потерпев неудачу при попытке взять город Йезд, афганцы направились к сефевидской столице и в марте того же года осадили ее. Осада Исфахана длилась несколько месяцев. В октябре город сдался, и Мир-Махмуд, вступив в него победителем, провозгласил себя шахом Ирана. После этого ему сдались Кашан, Кум и другие города.

ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ АФГАНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Шах Султан-Хусейн был свергнут. Его сын Тахмасп бежал в прикаспийские области Ирана, где его признали законным государем. Когда турки весной 1723 г. вторглись в Грузию и заняли Тбилиси, Тахмасп обратился за помощью к русскому царю Петру I. По Петербургскому трактату 1723 г. Тахмасп II согласился уступить России ранее занятые ею Дербент и Баку, а также Гилян, Мазандеран и Астрабад. Правительство России со своей стороны обязалось помочь Тахмаспу в борьбе против его противников. Русские войска заняли Решт, но не оказали шаху обещанной помощи. Турция в 1724 г. признала русско-иранское соглашение 1723 г. Россия же, в свою очередь, признала власть Турции над Арменией, Южным Азербайджаном и Курдистаном. В 1725 г. турки, преодолевая сопротивление местного населения, захватили также Казвин, Ардебиль, Хамадан и некоторые другие города.

Среди афганских феодалов в Иране шла борьба разных группировок, завершившаяся в 1725 г. провозглашением Ашрафа, племянника Мир-Вейса, шахом Ирана. Он сумел привлечь на свою сторону часть иранской знати, кое-что сделал для оживления торговли и хозяйства страны. В 1726 г. Ашраф выступил против турок; несмотря на отдельные успехи, он был вынужден признать договором 1727 г.

власть Турции над Азербайджаном, Курдистаном, Хузистаном и над частью Центрального Ирана.

Господство афганских ханов в Иране сопровождалось кровавыми расправами и ограблением населения. Крестьяне и городская беднота оказывали захватчикам, как афганским, так и турецким, упорное сопротивление и не прекращали борьбы в течение всего периода их владычества. В некоторых городах восставшее население истребляло афганские и турецкие гарнизоны. Народная борьба приняла особенно острые формы во второй половине 20-х годов XVIII в. В разных частях Ирана появились самозванцы, выдававшие себя за сыновей и других родственников шаха Султан-Хусейна.

В результате упорной борьбы иранского народа войска афганских завоевателей покинули города Кашан, Кум, Казвин, Тегеран, Йезд и бежали в Исфахан.

НАДИР-ШАХ

На гребне освободительной борьбы выдвинулся Надир, происходивший из клана кырклу кызыл-башского племени афшар. Действуя в начале 20-х годов XVIII в. в Хорасане в качестве атамана разбойничьей шайки, нанимавшейся на военную службу к различным феодалам, Надир вскоре превратился в одного из феодальных владетелей Хорасана. Поступив в 1725 г. на службу к Тахмаспу II, Надир с помощью шаха одолел могущественного хорасанского феодала Малек-Махмуда Кияни и взял его столицу — Мешхед. Вскоре Надир сумел подчинить своему влиянию туркменские и некоторые другие племена Хорасана. В результате успешных походов на Астрабад и Мазандеран он фактически объединил под своей властью все северо-восточные области Ирана.

Надир в 1730 г. начал войну с турками. Войско Надира заняло Хамадан, Керманшах, города Азербайджана. Однако все эти территории были вскоре потеряны в результате неудачного продолжения войны шахом Тахмаспом II. Надир, возвратясь после подавления восстания афганцев из Хорасана, низложил Тахмаспа и возвел на престол его годовалого сына, при котором стал регентом.

В течение 1732—1733 гг. Надир отобрал все оккупированные турками территории. По ирано-русскому договору

1732 г., Ирану были возвращены Астрабад, Гилян, Мазандеран, а в 1735 г. Ширванское побережье с городами Баку и Дербентом. К началу 1736 г. Надир установил свою власть на всей территории, ранее входившей в состав Сефевидского государства.

В 1736 г. Надир короновался в Муганской степи шахом Ирана. Этим событием завершается период деятельности Надира, связанный с освободительной борьбой иранского народа против афганских и турецких завоевателей.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ НАДИРА

Надир-шах проводил политику ограничения влияния могущественных феодалов, особенно тех из них, которые не входили в состав хорасанской кочевой группировки, являвшейся основной его опорой. Надир урезал или вовсе отобрал в казну земли, находившиеся в наследственном владении знати каджарских племен Гянджи и Мерва.

Если Надир-шаху в какой-то степени и удалось ликвидировать в ряде областей наследственных правителей и превратить последних в государственных чиновников, назначаемых и смещаемых по приказу шаха, то в систему управления более мелких округов не было внесено никаких изменений, и они оставались по-прежнему в наследственном владении местных феодалов.

Расширение и укрепление государственной собственности на землю осуществлялось шахом путем конфискации не только тиулов, но и передачей в шахскую казну частных феодальных владений, а также земель духовных и благотворительных учреждений. Надир-шах ограничивал влияние высшего шиитского духовенства на государственные дела.

Надир-шах в первые годы своего правления проявлял заботу об улучшении экономического состояния государства, о восстановлении городов и разрушенных ирригационных сооружений, об оживлении торговли и заселении пустующих земель Хорасана. Однако эти мероприятия, совершенно недостаточные по своим масштабам, осуществлялись за счет опустошения и разорения других иранских и неиранских областей.

Период правления Надир-шаха (1736—1747) отмечен непрерывными захватническими войнами. В 1737 г. вой-

5 Зак 1368

сками шаха был осажден Кандагар. Город, взятый только после длительной осады, был разграблен и разрушен победителями. Такая же участь постигла ряд других афганских городов, в том числе и те, которые входили тогда в состав Могольского государства.

В ноябре 1738 г. Надир захватил Пешавар и овладел территорией Пенджаба. В феврале 1739 г. в Карнале (северо-западнее Дели) Надир-шах одержал над войсками Мухаммед-шаха победу, открывшую ему дорогу на Дели. Вступление завоевателей в могольскую столицу ознаменовалось грабежами и насилиями. Надир-шах огнем и мечом расправился с восставшим населением города. Захватив огромную добычу, Надир покинул пределы Индии. По условиям заключенного в 1739 г. с могольским шахом договора, земли к западу от Инда были уступлены Надир-шаху, а могольский правитель Лахора должен был выплачивать ему ежегодную дань.

Надир-шах.
Гравюра 1770 г.

В 1740 г. войска Надира захватили Бухарское и Хивинское ханства. Упорное сопротивление Надир встретил со стороны правителя Хивы — Ильбарс-хана, впоследствии казненного по приказу завоевателя.

В горах Дагестана шах пытался свирепыми мерами, а также с помощью подкупов сломить сопротивление местных племен. Шахское войско, потрепанное в многочисленных стычках с горцами, в 1743 г. вынуждено было начать отступление из Дагестана.

В результате завоевательных войн Надир-шах создал огромную феодальную империю, в состав которой были включены многие племена и народы, чуждые друг другу по языку и культуре, стоявшие на различных ступенях общественного развития. В состав этой империи, кроме Ирана, входили части Армении, Грузии, Дагестана, Азербайджана, Хивинское и Бухарское ханства, Афганистан, Белуджистан и области к западу от Инда. Некоторые земли были превращены в провинции державы Надира, другие существовали на правах вассальных территорий.

В целях укрепления империи Надир пытался провести религиозную реформу. Он стремился ввести такой культ, который объединил бы мусульман (суннитов и шиитов), христиан и евреев. Однако эта попытка потерпела полную неудачу.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НАДИР-ШАХА

Одним из звеньев внутренней политики Надира, направленной на усиление центральной власти, была аграрная политика. Она обеспечивала укрепление и увеличение фонда государственных земель, земель домена и ослабление экономических и политических позиций отдельных феодалов.

Был составлен земельный кадастр, впоследствии утерянный. Известно, что этот кадастр отражал проводившуюся в те годы политику увеличения фонда государственных земель.

Период непрерывных войн, восстаний и карательных экспедиций 30—40-х годов был связан с массовым истреблением сельского и городского населения, колоссальными разрушениями городов, оросительных сооружений, опустошением целых округов.

После вступления на престол Надир-шах, занявшись рассмотрением экономического состояния иранских городов и деревень, издавал, в частности, указы о возделывании и благоустройстве земель, о приведении в порядок разрушенных оросительных систем и пр. Крестьяне из различных местностей переселялись на заброшенные земли и обрабатывали их. По приказу Надира эти земли приписывались к государственным землям или землям домена.

Однако не освоение нови являлось при Надире источником увеличения фонда земель государства (казны). Современники отмечали многочисленные случаи конфискации владений некоторых представителей господствующего класса в пользу шаха.

В последние годы правления Надира в Кермане по его приказу был казнен богатый местный шейх Хусейн, имущество которого было конфисковано в пользу казны.

Государственное землевладение было расширено и за счет улька некоторых племен. Одним из способов изъятия земель у племен был перевод кочевого населения в ра'ийяты. Это осуществлялось или путем принудительного прикрепления кочевников к данному месту поселения, причем они обязывались заниматься земледелием, которое рассматривалось как государственная повинность, или путем конфискации племенных земель в пользу казны. При этом население, проживающее там, фактически превращалось в арендаторов этих земель.

Фонд государственных земель пополнялся также за счет покупки частновладельческих земель.

Надир скупал частновладельческие земли, заброшенные и необработанные в результате экономического упадка и многолетних междоусобиц, включал их в фонд государственных земель и поселял там ра'ийятов из других областей страны, заставляя их заниматься земледелием.

Многие вакфные земли, составлявшие в период правления шаха Султан-Хусейна значительную часть земельного фонда, передавались в управление, ведавшее государственными землями. Доходы с них должны были расходоваться на содержание войска.

Самой значительной из всех мер шаха в области аграрной политики была попытка внести коррективы в систему оплаты войск и видных должностных лиц.

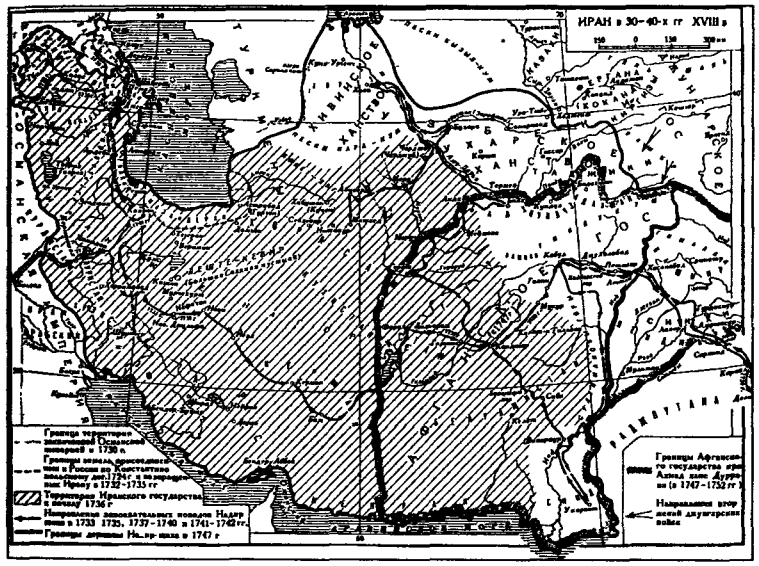
Хакимы — правители областей, и забиты — уполномоченые по ведению финансовых дел, получали свое жалованье от чиновников фиска данной области.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ

В марте 1739 г., после захвата в Индии грандиозной добычи, шах объявил об освобождении населения своего государства от налогов сроком на три года. Однако указ этот остался неосуществленным. Надир-шах содержал свое войско, не прикасаясь к награбленным в Индии сокровищам; таким образом, население, на которое падало все бремя содержания огромного войска и разветвленного аппарата центрального и местного управления, продолжало страдать от многообразных и тяжелых налогов. В 1743 г. в связи с возобновившейся ирано-турецкой войной было введено новое обложение, предусматривавшее значительное повышение на-

логовых ставок и сбор недоимок. Чиновники фиска получили приказ взимать налоги, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Кроме того, были введены налоги на илятов. Отныне каджары, афшары, луры, бахтияры и другие кочевые племена должны были платить налоги наравне со всем податным населением.

Неплательщиков налогов подвергали пыткам, ослепляли,



обезображивали. «У всякого, кто не доставлял установленной суммы, — пишет Мухаммед Казим, — сборщики продавали жену и детей европейским и индийским купцам».

В 1743—1744 гг. в Ардебиле появился самозванец под именем Сам-мирзы, человек незнатного происхождения, выдававший себя за сына Султан-Хусейна Сефевида. Вокруг самозванца объединилось несколько тысяч крестьян Ширвана, а также дагестанские племена. В восстании приняла участие даже ширванская знать. Центром восстания стала крепость Аксу (Новая шемаха). По свидетельству историка Мухаммеда Казима, каждый день туда являлись крестьяне. Русский дипломат Братищев сообщал: «Многие из разных мест, а именно из Ардебиля, Тевриза и других азербайджанских городов и деревень, оставляя свои жилища,

спешно и все охотно, исправляясь по возможности к содержанию своему лошадьми, ружьями, саблями и иными военными действиями... прибегают к нему, Сам-мирзе». В донесении того же Братищева от 21 ноября 1743 г. сообщается, что Сам-мирза «довольно о насильственном правлении шаха распространялся, напоминая при том, коль от него пограбительными непрестанным побором генерально все персицкое государство истощено и жалостному опустошению подвержено...» Лишь в феврале 1744 г. Надиру удалось задушить восстание и зверски расправиться с его участниками.

В начале 1744 г. произошли большие волнения в области Фарс. Основной силой этого движения были кочевники, недовольные налогами. Они убили сборщиков налогов и других шахских чиновников. Под их нажимом правитель области Таги-хан стал во главе восстания. В течение нескольких месяцев власть в области находилась в руках восставших кочевников.

Аналогичный характер носило восстание арабских племен Маската, курдского племени думбули в районах Хоя и Салмаса. Серьезные крестьянские волнения происходили в Мазандеране и Хорасане.

Все эти движения были стихийными, слабо организованными, разрозненными и нередко переплетались с мятежами феодалов; значение их для Ирана было чрезвычайно велико. Подавление восстаний требовало от феодального государства колоссального напряжения и подрывало его силы. Это в свою очередь создавало благоприятные условия для освободительной борьбы народов, угнетаемых шахскими властями.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вследствие завоевательных войн Надир-шаху удалось образовать огромную державу. В ее состав насильственно были включены Армения, Грузия, Азербайджан, Дагестан, Хивинское, Бухарское и другие среднеазиатские ханства, Афганистан, Белуджистан и северо-западные области могольской Индии. Часть этих земель была превращена в провинции государства Надир-шаха, остальные существовали на правах вассальных территорий.

Государство Надир-шаха представляло неустойчивое военно-феодальное объединение, в которое страны и народы, не связанные общностью экономической жизни, различные по культуре и историческому прошлому, были включены насильственно.

Искусственое объединение различных стран в рамках одного феодального государства, связанное с суровым чужеземным гнетом, жестокой феодальной эксплуатацией, религиозными преследованиями и кровавым подавлением освободительной и классовой борьбы народов, сказывалось крайне отрицательно на состоянии производительных сил покоренных стран, тормозило их экономический и культурный прогресс.

Народные массы были непримиримы к чужеземному игу. В 40-х годах XVIII в. все страны, насильственно включенные в состав государства Надира, были охвачены глубоким брожением: в Грузии в течение 10 лет (1735-1744) происходили серьезные восстания, в результате которых Надир вынужден был отказаться от превращения Грузии в свою провинцию; в Афганистане вспыхивали непрерывные восстания афганских племен.

Дагестан в первой трети XVIII в. представлял ряд мелких, обособленных феодальных владений. Крупными из них были: шахмальство Тарковское, княжество Тюменское, усмийство Кайтаганское, майсульство Табасаранское, ханства Аварское и Казикумухское, владение Цахурское и др.

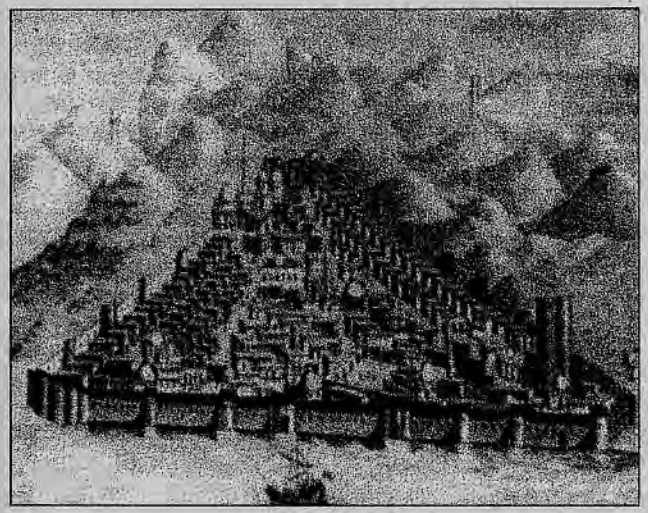
В годы правления Надир-шаха одним из значительных владетелей в Дагестане, который объединил под своей властью Ширванское и Казикумухское ханства, был Сурхай-хан. По его приказу гонцы Надира, прибывшие в 1734 г. в Шемаху к Сурхай-хану с требованием покорности, были схвачены и убиты. В ноябре 1734 г. близ Шемахи произошла встреча войск шемахинского и казикумухского правителя с силами Надира. Сурхай-хан был разбит. Вскоре после ряда побед над турками, поддерживавшими Сурхай-хана, войска Надира заняли весь Ширван; Шемаха была опустошена и разрушена.

Племена Аварии, Ахты и многих селений Дагестана поднялись на борьбу с завоевателями. К ним присоединились табасаранцы и кайтагцы. После ряда безуспешных попыток проникнуть в глубь территории, населенной свободолюбивыми горцами, и подчинить их Надир вынужден был отступить в Ширван.

В 1736-1737 гг. происходили волнения, охватившие Ширван и Дагестан. Бывший ширванский владетель Султан-Му-

рад заключил союз с Сурхай-ханом для совместной борьбы против Надир-шаха. Сурхай-хан и Султан-Мурат во главе большого войска подошли к стенам Дербента,где была резиденция Мехди Кули-хана. Дербентская крепость пала, Мехди Кули-хан был убит, а гарнизон города уничтожен. Султан-Мурад стал правителем Ширвана.

После подавления восстания в Дербенте 100 дворов были



Баку.
Гравюра 1774 г.

переселены в Хамадан. Владения дагестанских феодалов, которые признали себя шахскими подданными, были обложены тяжелой данью.

Летом 1737 г. Ибрагим-хан, брат Надир-шаха, нанес дагестанцам, занявшим Кахетию, несколько поражений, после чего его войско направилось в Дагестан. Некоторые феодалы прекратили сопротивление. Только усмий и сын Сурхай-хана Муртаза Али отказались признать власть Надира и призывали народ к борьбе.

В 1738 г. во главе 32-тысячного войска Ибрагим-хан направился во владения усмия, где было задумано соорудить военное укрепление. Горцы близлежащих аулов стали деятельно готовиться к отпору. Им на помощь пришли 20 тыс. каракайтагцев. Ибрагим-Дивана и Халил (главы джарских племен), командовавшие объединенными силами да-

гестанских горцев, построили свои отряды в Дефиле, через которые должны были пройти войска Ибрагим-хана. В сражении, происшедшем недалеко от г. Джаника, Ибрагим-хан и Угурлу-хан ганджинский были убиты. Их войско потерпело поражение.

Многотысячное карательное войско во главе с Ганиханом абдали, командующим афганскими наемниками, Фатх Али-ханом и другими военачальниками по приказу шаха было направлено на подавление освободительного движения. В течение нескольких месяцев отряды разрушали селения джаров и талийцев. Однако путь их лежал через местности, лишенные фуража и продовольствия; животные гибли от голода и во время трудных горных переходов. Дагестанцы утомляли противника частыми и неожиданными нападениями. Шахское войско было сильно истощено и обессилено.

Даже те дагестанские феодалы, которые прежде признали себя подданными шаха, отказались ему повиноваться, другие же обратились за поддержкой к турецкому султану и объявили себя его приверженцами.

Весной 1741 г. по окончании похода в Среднюю Азию Надир-шах снова предпринял поход в Дагестан.

Шахское войско разрушало все попадавшиеся ему селения. К июлю 1741 г. все деревни на подступах к Казикумуху оказались разоренными. Тем не менее население не сдавалось. «Кровью потекли реки, алой кровью окрасились горы, черные ущелья стелились трупами. Славные города и аулы превратились в развалины, в которых вили себе гнезда вороны. Цветущий край опустошен», — передает лакский эпос.

Осенью 1741 г. Надир выступил в поход в Аварию. Дагестанская компания вообще, и поход в Аварию в частности, были страшно непопулярны среди воинов шаха.

Курьеры, прибывавшие в Дербент в течение сентября 1741 г., рассказывали, что аварийский усмий хорошо укрепился и оказывает Надиру упорное противодействие, «и от такого сопротивления его величество впервые податься [вперед] никак не может». Шахское войско несло значительные потери. По приказу Надира в Аварию стягивались войска из других местностей Дагестана, в частности двенадцатитысячный отряд, стоявший в Табасаране, под командованием Хайдар-хана.

Во время боя в горных теснинах у Хайдар-хана из 4 тыс. человек осталось всего 500. Другой отряд также был почти полностью истреблен в местности Джалал-бек: из 6 тыс. вои-

нов уцелело лишь 600 На помощь аварцам стекались лакцы, даргинцы, акушинцы, кубачинцы, джар-талийцы,кюринцы, кумаки, кайтагцы и др.

Стойкое сопротивление аварцев заставляло шаха все чаще прибегать к подкупам и всевозможным обещаниям В горах выпал снег. Шахское войско с большими потерями начало отступление из суровой Аварии. Жители деревень, встречавшихся на его пути, покидали жилища и уходили в горы.

Отступавшее войско подвергалось непрерывным атакам аварцев. Аварцы сбрасывали с гор камни на проходившие внизу отряды. Из-за дождей персидские фитильные ружья не действовали; воины были фактически безоружны и служили мишенью для горцев, пользовавшихся кремневыми ружьями.

По следам отступающего войска шли небольшие отряды горцев, которые отбивали своих пленных земляков, подбирали брошенное оружие и поклажу.

Упорная борьба аварцев надломила силы шахского войска. В Дагестане Надир имел 52 тыс. воинов, а после окончания похода в Аварию — не более 27 тыс.

В 1743—1744 гг. широким народным волнением был охвачен Азербайджан, и главным образом Ширван.

Это движение было связано с самозванцем, который именовал себя сефевидским принцем Сам-мирзой. В Азербайджане в конце 30-х годов и в 1743—1744 гг. действовали два самозванца, каждый из них выдавал себя за сына шаха Султан Хусейна. Первый самозванец появился в Дагестане, по всей вероятности, в конце 30-х годов XVIII в. Здесь к нему присоединились 2—3 тыс. человек из племен Дагестана. Однако это волнение было довольно быстро ликвидировано Нусрулла-мирзой, сыном Надир-шаха. Самозванец был убит. В 1743 г. под тем же именем появился второй самозванец в Азербайджане в Ардебиле. По данным Мухаммеда Казима, он был человеком незнатного происхождения. Сам-мирза распространял слух о том, что первый самозванец, пойманный и убитый Несрулла-мирзой, был его сбежавшим рабом. Но агитация Сам-мирзы не нашла отклика и поддержки среди населения Азербайджана и Дагестана.

Сам-мирза был схвачен и отправлен к правителю Азербайджана Ибрагим-хану, племяннику Надира, сыну убитого в Дагестане Ибрагим-хана Закир ад-доуле. На допросе «мирза» был разоблачен, ему отрезали нос и отпустили.

Но спустя некоторое время Сам-мирза вновь появился, но уже в Дагестане.

Народное движение, возникшее в конце 1743 года—начале 1744 г. в Азербайджане, и участие в нем дагестанских племен связано именно с этим появлением самозванца, получившего прозвище «Бенибуриде» («Отрезанный нос»). Направившись из Тебриза в Дагестан,Сам-мирза всюду утверждал,что он и есть подлинный наследник сефевидского шаха Султан-Хусейна.

Вокруг самозванца объединились дагестанские племена, в частности племена Бабасарана, Казикумуха Мухаммед, сын Сурхай-хана казикумухского, стал одним из руководителей восстания. Он призывал к борьбе с Надиром не только дагестанцев, но и ширванских крестьян и знать.На этот раз агитация Сам-мирзы среди охваченных брожением крестьян Ширвана имела большой успех. Восстание постепенно стало приобретать все более широкие размеры. Число участников достигло 20 тыс. человек. Центром стала крепость Ак-су, где укрепились восставшие. Каждый день в эту крепость приходили жители окрестных местностей—крестьяне и присоединялись к восстанию.

В то время, когда восстание охватывало новые округа и деревни Ширвана и Дагестана,вспыхнуло восстание горожан Дербента и части гарнизона, находившейся в крепости Кыз под Дербентом и состоявшей из ополчений муганских племен. Оно возникло под влиянием движения, возглавляемого Сам-мирзой и Мухаммед-Сурхаем. Афшарский гарнизон был перебит восставшими.

Рядовые воины в войске Хайдар-хана также восстали. Хан был убит, голова его отправлена к шаху, а имущество разграблено и разделено между воинами. Восставшие примкнули к Сам-мирзе. На сторону последнего перешли также несколько военачальников.

Влияние восстания распространялось далеко за пределы Азербайджана и Дагестана. 300 домов «обывателей хамаданских» бежали в Ширван к Сам-мирзе, но их поймали и возвратили в Хамадан.

Благодаря успеху восстания Сам-мирзы была низложена власть Надира в ряде азербайджанских и дагестанских владений; население получило возможность выйти из убежищ в горах и вновь заняться полевыми работами.

В Шекинском ханстве пришла к власти династия местных потомственных владетелей.

Восстание Сам-мирзы происходило в период ирано-турецкой войны. В отличие от некоторых народных выступлений, когда руководители движений пытались сыграть

на ирано-турецких противоречиях и искали поддержки султанской Турции, Сам-мирза не только отвергал союз с Турцией, но и предпринял попытки организовать оборону против нее. Так он обратился к шахскому правителю в Тавризе Ашур-хану по поводу организации неотложной защиты азербайджанской границы от турок.

Первая встреча шахского войска с восставшими произошла на р.Куре, когда отряд под командованием Ашур-хана был разбит и потерял 300—400 человек.

Шахские отряды были расставлены во всех проходах из Азербайджана в соседние страны. Из войска, посланного в Тавриз под командованием Насрулла-мирзы, воины разбегались и переходили на сторону восставших.

Это было второе поражение шахского войска, понесенное в борьбе против народного движения.

В Ереване было сосредоточено огромное войско для подавления восстания Сам-мирзы. Сердаром Азербайджана был назначен Ашур-хан папалу афшар, к которому присоединились с войсками Фатх Али-хан, Хаджи-хан курд — беглербег Ганджи,Керим-хан афшар— правитель Урмии и др. У подножья горы Баги-шах произошло сражение карательного войска с отрядами Мухаммеда, сына Сурхая, и Сам-мирзы, продолжавшееся целый день. Оно окончилось разгромом восставших. После этого началась расправа с населением Ширвана. Каждый, участвовавший в восстании или помогавший ему, жестоко наказывался. Ширванских крестьян убивали, ослеплями, их имущество и жилища подвергались разрушению и разграблению, жен и детей продавали в рабство.

Повсюду были назначены новые правители. После разгрома при Баги-шах войска восставших, Мухаммед бежал в горы Дагестана, а Сам-мирза — в Грузию. Здесь он был схвачен Теймураз-ханом, по приказу Надира лишен одного глаза и отправлен вместе с несколькими турецкими пленными к Ахмед-паше в Карс.

Восстание Сам-мирзы было широким народным движением, развернувшимся вследствие глубокого недовольства трудящихся масс системой экономического и национального гнета, осуществлявшегося в Азербайджане шахом и его ставленниками. Борьба народа против тяжелой феодальной эксплуатации сочеталась с освободительным движением.

Основной движущей силой восстания были народные массы Ширвана и некоторых дагестанских племен. Кроме того, в нем принимали участие и местные феодалы — потомственная ширванская знать, которая стремилась к вос-

становлению утраченной государственности. Однако большой роли ширванская знать не играла. Восстанием были охвачены и шахские войска, стоявшие в Ширване и Дагестане. Вол-

Иранский ковер.
XVIII в.

нение, происшедшее в ширванском войске, находившемся под командованием беглеббега Хайдар-хана, было не просто мятежом, проявлением недисциплинированности, а классовым

выступлением. Современник свидетельствует о том, что ширванские воины не были едины в своих действиях. Большинство военачальников выступали против убийства Хайдар-хана. Эти военачальники не только непринимали участия в убийстве беглеббега или в разграблении его имущества, но написали письмо Надир-шаху, в котором сообщали о том, что ширванское войско восстало, воины рассеялись и присоединились к войску «мятежников».

Таким образом, именно рядовой состав войска Хайдар-хана, набиравшийся из илятов, присоединился к восставшим, в то время как военачальники, феодальная, племенная знать заняли противоположную позицию. Причина восстания ширванского войска, состоявшего из ополчений различных племен Ирана, заключалась в недовольстве рядовой массы этих племен невиданным усилением налогового гнета и феодальной эксплуатации кочевников. Это же вызывало и другие многочисленные выступления кочевых и полукочевых племен в период правления Надира.

Восстание Сам-мирзы было стихийным: восставшие не имели политической программы, ясного представления о целях и перспективах своей борьбы. Их лозунгом было лишь провозглашение справедливого и законного шаха.

Успешно развертывалось освободительное движение в Шекинском ханстве. Признанным руководителем движения, заслужившим славу смелого и неподкупного врага захватчиков, был Хаджи Челеби, потомок старинных феодальных владетелей Шеки.

Движение возникло здесь еще в период восстания Сам-мирзы. Неоднократные попытки Надира вновь утвердить в Шеки свое владычество не увенчались успехом.

Напуганные приближением шахского войска, несколько шекинских старшин явились в шахский лагерь с повинной, обязуясь впредь быть верными подданными Надира. За предательство старшины получили почетные халаты и были отпущены в свои владения. Видя это, Надир решил «сильною рукою и оружием преступников наказать». С пятнадцатитысячным войском он пробирался через леса и горы в село, пишет Братищев, где жили не более 200 шекинцев.

К шекинцам на помощь подходил отряд дагестанцев («лезгинцев»), и Надир счел более благоразумным начать отступление. Шекинцы атаковали отходившее шахское войско. Отряд афганцев, который находился позади и служил заслоном, подвергся стремительной атаке; воины Надира, как замечает В.Братищев, не могли думать о сопротивлении и

должны были спасать только свою жизнь. Пули пролетали возле самого Надира; из шахской свиты несколько человек были убиты, «от чего его величество в вящем страхе находился». Несмотря на строгий запрет, войско разбегалось, «кто куда дорогу сыскал». Во время этого происшествия шах потерял 500 человек, не считая раненых. Причем, «служивые в побеге сами вьюки для ускорения по дороге бросали, храня токмо свою жизнь; тако его величество с горшим посрамлением от подданых своих шекинцев возвратился» и 1 декабря 1744 г. прибыл в Алфавут. 19 февраля 1745 г. Надир выступил в новый поход против шекинцев.

Главная крепость шекинцев получила название «Гелесен ва гересен» (т.е. «Придешь и увидишь!»). Еще несколько старшин из Малой Шеки явились в шахский лагерь с изъявлением покорности. Надир наградил их халатами и поручил им склонить «главнейшего шекинского старшину Хаджи Челебея на приезд к персидскому двору». Однако Хаджи Челеби прочно укрепился, имея достаточно провианта и других припасов.

Шекинское ханство отпало от империи Надира и в течение всей второй половины XVIII в. оставалось независимым феодальным владением.

Несмотря на тяжелые уроки дагестанского похода, иранские феодалы не оставляли захватнических планов в отношении Дагестана.

В 1745 г. в Дербенте начались серьезные волнения. Войско Ахмед-хана усмия подступило к стенам Дербента для оказания помощи дербентцам. Гани-хан, правитель Дербента, чувствуя всю непрочность своего положения, вместе с войском вышел за городскую стену и расположился в окрестностях Шаберана. Ахмед-хан усмий разбил силы шахского ставленника; войско Гани-хана рассеялось. Для подавления этого восстания Надир вновь направился в Дагестан. На своем пути он безжалостно расправлялся с мирным населением. Однако горцы и на этот раз оказывали упорное сопротивление и не раз наносили шахскому войску жестокие поражения. Во время этой последней карательной экспедиции в Дагестан Надир потерял около половины своего войска.

Однако кровавая расправа с горцами не означала покорения Дагестана; шахская власть была бессильна подчинить свободолюбивый народ, зависимость которого от Ирана, вплоть до конца правления Надира, оставалась чисто формальной.

По свидетельству английского купца Джона Хэнвея, области, в которых в течение 1744 г. были подавлены народные восстания, представляли собой страшное зрелище разрушения и нищеты. Города и деревни вдоль турецкой границы были разорены, а население их сократилось в несколько раз. Совершая поездку из Хамадана в Астрабад, Хэнвей видел по дороге разрушенные города и заброшенные деревни, ставшие приютом для разбойников и диких зверей. На протяжении нескольких дней пути ему не встретилась ни одна обитаемая деревня.

Народные движения и феодальные мятежи, вспыхнувшие снова в 1746 г., заставили Надир-шаха спешно заключить мир с Турцией, повторявший условия договора 1639 г.

Летом 1746 г. вспыхнуло крупное восстание в Систане Племянник Надира Али-Кули-хан, которому было поручено подавить мятеж, присоединился к восставшим. Тогда Надир сам двинулся в Систан. Его путь был отмечен кровавыми расправами и вымогательствами. Историограф Надира передает: «Направляясь из одной местности в другую, он повсюду убивал виновных и невинных, знатных и бедных, везде сооружал пирамиды из человеческих голов; не было ни одной деревни, жители которой не испытали бы на себе гнева Надир-шаха».

Прибыв в Хорасан, шах узнал о восстании курдов Хабушана (Кучана), которые совершали набеги даже на шахский лагерь, угоняли табуны лошадей и задерживали гонцов. Находясь в лагере близ Хабушана, Надир раскрыл заговор афшарской военной знати и знати других племен. Он намеревался перебить этих афганских и узбекских наемников. Однако заговорщики опередили Надира. Ворвавшись ночью в шахскую палатку, они убили его, а голову отправили его племяннику Али-Кули-хану(1747 г.) Отряд афганских всадников вступил в бой с войсками иранских ханов, но перевес сил был на стороне последних. Поэтому Ахмед-хан и другие афганские военачальники, захватив часть сокровищ и артиллерии Надира, ушли в Кандагар. Здесь в том же 1747 г. было основано независимое афганское государство.

РАСПАД ДЕРЖАВЫ НАДИР-ШАХА

После убийства Надир-шаха в Иране возобновились междоусобицы. Иранское государство распалось на ряд самостоятельных владений, правители которых вели между собой ожесточенную борьбу. Эта борьба продолжалась с некоторыми перерывами до самого конца XVIII в.

По стране бродили сотни мелких отрядов и разбойничьих шаек, которые нападали на деревни, грабили крестьян, уводили их в плен и продавали в рабство. «Мужчины, женщины, мальчики и девочки продаются подобно ослам, овцам и лошадям...», — писал в 1754 г. один из католических миссионеров, находившихся тогда в Иране. Ирригационные сооружения разрушились. Посевная площадь сократилась. Неурожайные годы следовали один за другим. По свидетельству современников, в некоторых местах даже по высокой цене невозможно было купить кусок хлеба. Сократилось поголовье скота. Население вымирало от голода, и многие районы совершенно обезлюдели.

Пострадало и городское торгово-ремесленное население. В последние годы правления Надир-шаха городские ремесленники обязаны были снабжать огромную шахскую армию оружием, обувью, одеждой. Нередко у ремесленников и торговцев отбирался весь наличный запас товаров.

С сокращением сельскохозяйственного производства ремесленники лишились некоторых видов сырья — невыделанных шкур, хлопка, шелка-сырца. Ввозить необходимые материалы из соседних стран — Турции, Индии, Средней Азии — также стало невозможно.

В середине XVIII в., в период феодальной борьбы бахтиаров, зендов, каджаров и афганцев за власть, на городское население обрушились тяжелые контрибуции и чрезвычайные налоги. Так, в 1753 г. население Исфахана и Джульфы было обложено чрезвычайным налогом в 60 тыс. туманов; вскоре афганцы, временно захватив Джульфу, заставили жителей уплатить еще 1800 туманов. Поборы следовали один за другим. Жители городов покидали свои жилища и переселялись в Турцию, Индию и Россию. В 1772 г. в Исфахане, который при Сефевидах численностью населения соперничал с Константинополем, оставалось не более 40—50 тыс жителей. Численность населения уменьшалась и в других городах. Особенно сильно пострадали армянские купцы и торговцы. Почти все они лишились имущества. Многие из тех, кому не удалось своевременно бежать из Ирана, были убиты или проданы в рабство. В Хамадане, где раньше было несколько тысяч армян, в 60-х годах их насчитывалось не более 300. В Казвине из 12 тыс. домов неразрушенными осталось не более тысячи.

Сразу после смерти Надира на престол был возведен Али-Кули-хан (Адиль-шах). Он издал указ об освобождении населения от государственных налогов — обычных на один год и чрезвычайных на два года; сбор недоимок за прошлые годы был прекращен. Кроме того, новый шах приказал возвратить земли прежним владельцам. Однако Адиль-шах продержался на престоле всего один год, а затем был свергнут и убит своим братом Ибрагим-ханом.

Художник Реза Аббаси. Миниатюра Муссавера 1673 г.

За иранский престол боролось несколько претендентов. Северными провинциями Ирана (за исключением ставших независимыми закавказских ханств и Грузии) овладели каджарские ханы во главе с Мухаммед-Хасан ханом, в Южном Иране после длительной борьбы власть захватил вождь курдского племени зендов Керим-хан Зенд. Последовавшая затем длительная борьба Керим-хана с Мухаммед-Хасан-ханом Каджаром за господство над всем Ираном закончилась в 1758 г. разгромом каджаров. Керим-хан подчинил себе также Гилян и Южный Азербайджан, к началу 60-х годов почти весь Иран признал его власть.

Керим-хан Зенд правил Ираном в течение двадцати лет. Умный и дальновидный политик, он понимал, что удержать шахский престол в Иране ему будет трудно. Поэтому он принял титул «векиля» (правителя, или регента) при малолетнем Исмаиле III, отпрыске Сефевидов. Вскоре после смерти Исмаила Керим -хан Занд стал править страной самостоятельно.

В этот период в стране наступило относительное спокойствие. Победа Керим-хана над каджарами положила конец

междоусобной борьбе. Его полководцы вели борьбу лишь с внешними врагами. Наиболее крупным военным событием был успех в войне против Турции, когда в 1776 г. после 13-месячной осады была взята Басра.

Подобно Адиль-шаху, Керим-хан издал указ о сокращении государственных налогов и уменьшении размера феодальных сборов с крестьян. Сельское хозяйство понемногу начало восстанавливаться: крестьяне возвращались в покинутые деревни, возводили новые ирригационные сооружения, исправляли разрушенные; несколько расширилась посевная площадь. Поднялись также после глубокого упадка ремесло и торговля. В Ширазе, ставшем при Керим-хане столицей, были выстроены стекольные заводы, продукция которых вскоре прославилась даже за пределами Ирана; здесь по приказу Керим-хана были собраны лучшими ремесленными мастерами дворцы, базар, мавзолеи над могилами Саади и Хафиза.

Керим-хан пытался расширить внешнюю торговлю Ирана предоставлением некоторых льгот иностранцам. По свидетельству современников, Керим-хан не любил европейцев, но в интересах развития внешней торговли все-таки пошел на уступки англичанам, заключив с ними в 1763 г. торговый договор.

Сразу после смерти (1779 г.) Керим-хана, в стране вновь разгорелась борьба за власть, из которой победителем вышел его племянник Али-Мурад-хан, объявивший себя в Исфахане в 1782 г. шахом. Но он недолго удержался на престоле. Правители сменялись один за другим. Снова усилившиеся к этому времени каджары во главе с Ага-Мухаммедом-ханом успели захватить северные области Ирана. В 1790 г. Ага-Мухаммед осадил Шираз,но не смог взять его. В следующем году,завоевав Азербайджан, Ага-Мухаммед вновь направился к Ширазу. Измена правителя Шираза решила в этот раз судьбу города и Зенадской династии. В 1794 г. Ага-Мухаммед взял последний город, поддерживавший династию Зендов, — Керман — и свирепо наказал его жителей за сопротивление. В 1795 г. после похода в Грузию Ага-Мухаммед-хан провозгласил себя шахом. Так утвердилась в Иране династия Каджаров, правившая страной в течение всего XIX и в первые десятилетия XX века.

ИРАН К КОНЦУ XVIII В.

Разорение крестьянского хозяйства в Иране, начавшееся во второй половине XVII в., привело к общему упадку экономики, явившемуся причиной обострения противоречий — как классовых, так и внутри класса феодалов.

Вожди афганских племен в 1721 г. организовали и предприняли поход в Иран. В 1722 г. Исфахан был взят, а сефевидский шах Хусейн передал свою корону Мир-Махмуду. Турция захватила пограничные провинции распавшейся сефевидской державы. В условиях господства афганских и турецких завоевателей происходило дальнейшее разрушение производительных сил страны. Хищническая налоговая эксплуатация, прямой грабеж, грубый произвол и религиозные преследования вызвали подъем широкого освободительного движения народных масс против чужеземного ига.

Надир Кули афшар, предводитель одной из феодальных группировок в Хорасане, явился в лагерь к сыну шаха Хусейна Тахмаспу, бежавшему из Исфахана в Астерабад. Подчинив и сплотив воинственные хорасанские племена, Надир выступил против афганцев и к 1730 г. изгнал их из Ирана. Военные действия его против турок также были весьма успешны: к 1731 г. он уже занял Керманшах, Хамадан и Тавриз.

Факт изгнания чужеземных завоевателей привел к росту престижа и влияния Надира в различных кругах населения, что и помогло ему в 1736 г. инспирировать свое «избрание» шахом Ирана.

Феодалы поддерживали Надира. Они были кровно заинтересованы в обуздании народных масс, активность которых внушала серьезные опасения. Для этого феодальный класс нуждался в сильном аппарате принуждения. Вдохновителем и организатором этих завоевательных походов выступал Надир. Его войска одержали победы в Индии и Средней Азии.

Индия в эти годы переживала экономический и политический упадок, а Бухара и Хорезм, представлявшие собой отдельные феодальные ханства, были истощены постоянными междоусобицами. В войнах с более сильными противниками Надир потерпел поражение (например, походы в Дагестан и война с Турцией 1743—1746 гг.).

В результате своих завоеваний Надир захватил огромные богатства, которые он сосредоточил в сокровищницах крепости Келат и не расходовал. Огромные же средства, необходимые на ведение войн, содержание войска и чиновничьего аппарата, он стремился получить за счет усиления эксплуатации податного населения страны.

Власть не проявляла заботы об укреплении крестьянского хозяйства, повышении его производительности. Мероприятия по ремонту оросительных сооружений, возделыванию заброшенных земель были весьма ограничены и предпринимались в политических и военно-стратегических целях.

Содержание аппарата управления и многочисленного войска ложилось на плечи податного населения страны. Обременительными были поставки на войско продовольствия, фуража, обмундирования и вооружения. Налоговые ставки неоднократно и во много раз повышались. Сверх установленных податей назначались также и чрезвычайные сборы на войско.

Для ведения походов, уплаты жалованья воинам и должностным лицам требовались колоссальные денежные средства. Чтобы покрыть эти расходы, доля ренты-налога, ранее взимавшаяся натурой, по приказу Надира была частично заменена деньгами.

При слаборазвитых товарно-денежных отношениях и бедственном положении крестьянства подобные мероприятия вели к дальнейшему его разорению.

Ра'ийяты и иляты платили подоходные и подушные подати и различные поборы, взимаемые по обычаю, а также сборы в пользу чиновников государственного аппарата, выполняли всевозможные повинности.

Характерной чертой данного периода являлось широкое привлечение ра'ийятов к военной службе.

С разорением крестьянских хозяйств ремесленники лишались сырья, а купцы — многих товаров для торговли. На ремесленников и торговцев также налагались большие денежные штрафы; кроме внесения этих штрафов, они были обязаны поставлять товары для шахского войска по низким ценам. Мятежи и восстания в самом государстве Надира, а также постоянные войны с соседними странами сокращали возможности внутренней и внешней торговли. Жизнь многих городов замерла. Цены на продовольствие возросли в несколько раз, в ряде областей страны начался сильный голод, сопровождавшийся эпидемиями.

Экономический упадок в государстве отразился на состоянии войска. Воины Надир-шаха не получали жалованья полностью и в срок, часто отстранялись от дележа добычи, наказывались и штрафовались. Они испытывали

большой недостаток в продовольствии, обмундировании и вооружении. Это вызывало недовольство в войске, проявлявшееся в дезертирстве, бунтах, присоединении к восставшему населению.

Укрепляя шахскую власть, Надир ограничил права местных правителей и военачальников, увеличил фонд государственных и шахских земель. Он провел также ряд мер, направленных на ослабление экономического положения и политического влияния высшего чиновничества и военачальников и усиление их зависимости от центра; было сильно подорвано и положение высшего шиитского духовенства. Недовольная политикой Надира значительная часть господствующего класса перешла в оппозицию шахской власти.

Завоевательная политика Надира привела к дальнейшему усилению эксплуатации со стороны государства, бесконечным поборам и реквизициям, вызвала резкое обострение классовой борьбы. Если в 30-е годы были широко распространены более пассивные методы борьбы народных масс — уход с мест жительства, отказ от уплаты налогов, присоединение масс к мятежам феодалов, то в 40-е годы основной формой борьбы стали народные восстания против шахской власти.

Наряду с освободительными движениями в областях с неперсидским населением, которые происходили и при Сефевидах, в исследуемый период в связи с резким усилением феодальной эксплуатации народные движения широко распространились и в самом Иране. В Астерабаде, в Гиляне, Систане вспыхивали народные восстания. Основная и непосредственная причина восстаний и волнений, когда бы они ни возникали и в каких бы рамках ни происходили, заключалась в усилении налогового гнета.

Наиболее крупные восстания начались после введения нового налогового обложения в 1743 г. В течение 1743—1747 гг. непрерывно происходили восстания в Фарсе, Хузистане, Гиляне, Астерабаде, Мазандеране, Систане, на побережье Персидского залива.

В течение 30-х и 40-х годов Надир образовал огромную державу. В ее состав насильственно были включены Армения, Грузия, Азербайджан, Афганистан, часть Дагестана, Хивинское и Бухарское ханства и северо-западные области Индии. Одна часть завоеванных земель была превращена в провинции государства Надир-шаха, другая — существовала на правах вассальных территорий.

Насильственное подчинение различных народов и стран и объединение их в рамках одного государства было связано

с жестокой эксплуатацией, кровавым подавлением освободительной и классовой борьбы народов. Это крайне отрицательно сказывалось на состоянии производительных сил покоренных стран и тормозило экономический и культурный прогресс этих народов.

В 40-х годах XVIII в. области государства с неперсидским населением были охвачены освободительными движениями: в Грузии в течение 10 лет (1735—1744) происходили серьезные восстания против шаха, результатом которых был отказ Надира от попытки превратить Грузию в провинцию, управляемую шахским чиновником; Афганистан стал ареной непрерывных восстаний племен. Мощное освободительное движение развернулось в Дагестане, Азербайджане и в Средней Азии.

Наиболее активными участниками освободительной борьбы были крестьяне, трудящиеся слои городского населения, рядовые кочевники. В этих движениях принимали участие и феодалы. Освободительные движения против шахского ига сыграли положительную роль в исторических судьбах этих народов.

Безуспешные попытки Надира подавить освободительную борьбу и народные движения способствовали разложению шахского войска, падению его боеспособности.

Силы иранского феодального государства были исчерпаны.

Народные восстания в Иране, освободительные движения покоренных народов, переход в оппозицию шахской власти большой части господствующего класса привели к изоляции Надира. В июне 1747 г. он был убит в результате заговора некогда верных ему военачальников. После смерти Надира держава его распалась и в Иране началась полоса междоусобиц, длившаяся с некоторым перерывом до конца XVIII в.

КУЛЬТУРА

Наука, литература, живопись, архитектура, прикладное искусство в Иране в рассматриваемое время переживали глубокий упадок. Оригинальных, имеющих какую-либо ценность работ в области астрономии, математики, химии, медицины не появилось. В географических и исторических сочинениях большей частью пересказывались труды более ранних авторов. Так, Хасан-Муртаза-аль-Хуссейн составил

трехтомную «Тарих-е Султани» («Султанскую историю») и преподнес ее шаху Султан-Хусейну. Первые два тома этого исторического труда были основаны на материалах Табари, Мирхонда, в третий том, посвященный истории династии Сефевидов и доведенный до1642 г., вошли материалы Хондемира и других хронистов — современников Исмаила, Такмаспа, Аббаса I и других сефевидских шахов. В начале XVIII в. Мирза-Мухаммедом была составлена хронология мусульманских династий, доведенная до 1714 г., в которой также использованы труды предшествовавших историков При Надир-шахе Мостоуфи Муксин написал всеобщую историю «Зубдат-ат-таварих» («Сливки истории») и «Ахсан-ас-сийар» («Лучшее из жизнеописаний») —историю пророков, халифов и имамов (до 1702 г.).

Мирза-Мехди-хан, который постоянно находился при Надир-шахе, сопровождая его во всех походах, написал «Тарих-е джехангуша-йе Надири» («Надирова история завоевания мира»), где подробно изложил историю царствования Надира. В трехтомном труде другого современника Надира — Мухаммед-Казима «Тарих-е апамара-йе Надири» («Мир украшающая Надирова история»), кроме описания военных походов Надира,имеется большой материал по внутренней истории Ирана XVIII в. Очень живо написал историю Зендов—«Тарих-е Зендийе» — Али-Реза Ширази, современник Керим-хана Зенда. В воспоминаниях Али-Хазина описаны тяжелые условия жизни того времени.

ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII столетие — важный этап в литературном развитии Ирана. В это время намечаются некоторые черты перехода от литературы средневековой к литературе Нового времени. Процесс накопления новых тенденций, однако, происходит медленно и неравномерно В Иране XVIII в. отмечен непрерывными политическими смутами, опустошительными нашествиями афганских и турецких завоевателей, разгулом феодальной анархии. Поэты часто в поисках средств к существованию овладевали каким-либо ремеслом или скитались по городам в поисках прибежища и ценителя своего искусства; многие отправлялись в Индию, в государство Великих Моголов, где и в XVIII в. еще были живы традиции персоязычной литературы.

Основная масса литературных произведений этого времени создавалась в традиционном духе, следуя непререкаемому авторитету канона многовековой давности. Большинство поэтов перепевали любовно-мистические мотивы прошлого, писали бессодержательные панегирики представителям сменявшихся на иранском престоле династий, гимны в честь пророка и шиитских имамов или оплакивали их мученическую смерть. Отсутствие новых идей,тем, сюжетов порождало необычайную искусственность поэзии,подчеркнутое внимание к внешней стороне стиха, вычурность языка и стиля.

Философская лирика так называемого «индийского стиля», распространившаяся в Иране еще с XVI в., бурно расцветшая в Индии, хотя и породила в Иране локальную формальную школу, оформившуюся еще в конце XVII в., в XVIII столетии уже не дала ничего нового и значительного. Орнаментальной была и проза того времени, в частности исторические хроники, содержание которых за немногим исключением сводилось к возвеличиванию правителей.

В XVIII в. заметно активизируется городская литература,далекая от официальных придворных кругов и базирующаяся на устном творчестве. Получают широкое распространение прозаические народные романы (или дастаны) историко-героического или авантюрно-рыцарского содержания, сборники фантастических повестей, новелл и сказок, народные версии любовно-романтических сюжетов, известных по многочисленным поэмам и пятерицам высокой литературы.

В это время в основном сложился персидский мистериальный театр — та'зие, получивший к концу столетия законченную драматическую форму. Сюжетами та'зие служили трагические события в Кербеле, гибель мучеников за веру Хусейна и Хасана, а также другие истории из жизни шиитских святых. Представления, исполнявшиеся чаще всего большим количеством актеров, разыгрывались обычно в начале месяца мохаррема — в дни траура по мученикам у шиитов.

Сдвиги, происходившие в духовной жизни Ирана, охватывают его культуру в целом, сказываясь даже в таком консервативном виде искусства, как восточная живопись. Правда, изобразительное искусство, как и другие сферы иранской художественной культуры XVIII в., изучено еще недостаточно. Но данные ряда исследований свидетельствуют о том, что после резкого спада всей художественной культуры, особенно во времена афганских правителей-суннитов, ревностно относившихся к мусульманским запретам на изобра-

жение человека, к 40-м годам наблюдается возврат многих художников к традициям исфаганской школы XVI—XVII вв. Но, в отличие от художников этой школы, к иллюстрированию рукописей они обращаются редко, оттесняя традиционную миниатюру на второй план Зато немало нового и интересного дают работы тех мастеров, которые следуют так называемому «европеизирующему» направлению, возникшему под влиянием знакомства с западноевропейским изобразительным искусством.

Иранские художники подолжают осваивать технику и приемы масляного письма, применяя светотеневую моделировку фигур, объемность изображения, перспективное построение пейзажного фона, их миниатюры и стенные росписи приобретают черты монументальности, свойственные станковой живописи. Изменяются характер и содержание их работ. Процесс приобщения иранской живописи к европейскому изобразительному искусству, обогащения многовековых национальных традиций новыми принципами изображения продолжается и во второй половине XVIII столетия, способствуя становлению нового художественно о видения мира и человека.

Появление нового в иранской литературе также относится к 40-м годам XVIII в. Это прежде всего организация первого литературного общества «Возвращение», связанного с появлением оппозиционного критического начала в развитии общественной мысли Ирана. Общество имело хотя и не зафиксированную письменно, но вполне определенную эстетическую программу. Ее создатели и вдохновители — поэты Шуле (ум. 1747) и Муштак (ум. 1757) — вместе с небольшой вначале группой своих учеников и единомышленников задумали и провели своего рода литературную реформу. Внешне она сводилась к замене господствовавшего в поэзии «темного» стиля ясностью языка литературы так называемого «домогольского периода» (X в. — начало XIII в.). Общество было создано в Исфагане, куда вскоре стали стекаться как сторонники движения за реформу, так и его противники.

В произведениях ряда поэтов того времени отражены бурные дискуссии и споры, в которых деятелям «Возвращения» приходилось отстаивать свои позиции. Несомненно, что сторонниками реформ руководило стремление приблизить литературу к жизни, ориентировать ее на более широкие круги читателей. Не случайно, защищая перед своими противниками «великих поэтов прошлого», они доказывали,

что их творения были близки «и простым людям и благородным, и молодым и старым». В практическом осуществлении этого стремления лозунг возвращения к литературной традиции прошлого принимал, однако, более широкое значение. Поэты «Возвращения» обращались к традициям X—XII в., ко времени освобождения иранцев от арабского ига. Они рассматривали «домогольскую» литературу как образец истинно иранского творчества. Поэзия того времени, а также творчество Саади и Хафиза, ставших вскоре кумирами поэтов «Возвращения», привлекала деятелей новой школы не только тем, что их творчество сохраняло простоту и ясность народной поэзии, но и богатством содержания, созвучием передовым тенденциям развития общества, своим ярким вольнодумием. Творчество поэтов «Возвращения» в целом сыграло значительную роль в освобождении литературы из замкнутого круга далеких от жизни мотивов и образов орнаментальной поэзии и в обращении ее к современности.

Наиболее ярко эти тенденции выражены в произведениях Хатефа Исфахани (ум. 1783) — одного из наиболее известных поэтов своего времени. Хатеф Исфахани родился в начале XVIII в. в Исфахане. С ранней юности он был преданным сторонником и последователем Муштака. Под его руководством он совершенствовал свои знания в области истории, теории литературы и стихосложения, создавал первые самостоятельные поэтические опыты.

Наибольшее развитие во второй половине XVIII в. получила лирика, представленная в традиционных формах касыды, газели, отрывка (кыта) и рубаи. Эпическая поэзия и жанры повествовательной прозы почти не развивались. Литературное наследие Хатефа Исфахани также составляет лирический диван, в котором главное место занимают газели.

ГЛАВА 3

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Самыми крупными феодальными государствами Средней Азии в середине XVII в. были Бухарское и Хивинское (иначе Хорезмское) ханства. Население Бухарского ханства составляли узбеки и таджики, другие народности были представлены незначительными группами. Наиболее многочисленную часть жителей Хивинского ханства составляли узбеки и туркмены, Хорезмский оазис был населен преимущественно узбеками По нижнему течению Сыр-Дарьи жили каракалпаки, сохранявшие в то время известную самостоятельность, но постоянно вынужденные отстаивать ее от посягательств правителей Хивы и казахских ханов

Казахи, населявшие огромные пространства от Урала до Тянь-Шаня и от Сибири до Каспийского моря, делились на три жуза (орды — в русских источниках) — Старший, Средний и Младший. Жузы представляли собою исторически сложившиеся объединения казахских племен Основной областью расселения киргизов в XVII—XVIII вв были горы Тянь-Шаня

На восточных окраинах Средней Азии существовали многочисленные мелкие самостоятельные и полусамостоятельные феодальные владения. Благодаря недоступности своих гор пользовались известной независимостью таджикские княжества Памира и Припамирья, самым крупным из которых был Бадахшан

В первой половине XVIII в. в Фергане сложилось и окрепло самостоятельное феодальное государство под властью узбекских правителей племени минг В этом государстве, населенном в основном узбеками и родственными им тюркскими племенами, насчитывалось также немало таджиков и киргизов. В дальнейшем это государство стало известно под именем Кокандского ханства.

ХОЗЯЙСТВО

У казахов, киргизов, туркмен, отчасти узбеков и каракалпаков по-прежнему преобладало кочевое скотоводство, а в бассейнах Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана и других рек, в районах, искусственно орошаемых их водами, главной отраслью хозяйственной деятельности населения было интенсивное поливное земледелие. Относительно более высокого уровня развития достигло земледелие в Фергане и Бухарском ханстве. Хлопководство занимало значительное место в сельском хозяйстве; продукты огородничества, бахчеводства и садоводства, в частности виноград и дыни, пользовались заслуженной славой.

Однако в результате междоусобных войн и нового притока кочевников в конце XVII и в первой половине XVIII в. в Бухарском ханстве хозяйство пришло в упадок. Значительно сократились посевные площади, многие из них были превращены в пастбища. Такая судьба постигла, в частности, плодородную Миянкальскую долину. В ханстве стало не хватать хлеба. В Хиве только некоторые отрасли сельского хозяйства избежали общего упадка. Такими отраслями были, в особенности, садоводство, бахчеводство и культура шелковицы. В XVII в бухарские купцы приезжали в Хиву за шелком. В XVIII в. появляются упоминания о хивинском табаководстве. Весьма неблагоприятно сказались на состоянии земледелия в Хорезмском оазисе изменения водного режима в дельте Аму-Дарьи, вследствие чего Ургенч и Вазир, являвшиеся важными политическими центрами Хивинского ханства, остались без воды. К середине XVII в. они были покинуты жителями, переселившимися в Новый Ургенч и в другие места, где было достаточно воды для поливного земледелия.

Ремесло и торговля более всего были развиты в Бухарском ханстве. Особенно высокого уровня в нем достигло текстильное производство и изготовление бумаги. Писчая бумага, выработанная в Самарканде и Бухаре, еще во второй половине XVII в. считалась лучшей в мире по своему качеству и вывозилась в Китай и европейские страны. В Бухарском ханстве было развито также кожевенное производство, изготовление холодного оружия, сосудов из бронзы и меди, производство ковров и керамических изделий. Городское ремесло Бухары отличалось значительной специализацией. Бухарское ханство вело оживленную торговлю с Ираном, Россией, Индией и Китаем. В Бухаре образовался индийский квартал, в котором проживали купцы и ростовщики из Пенджаба и Раджпутаны. Упадок хозяйства Бухары в конце XVII и первой половине XVIII в. отразился и на положении городов. Значительно сократилась их торговля с соседними восточными странами.

Во второй половине XVIII в. постепенно стали возвращаться к жизни некоторые города (Самарканд и города по Сыр-Дарье), что связано с ростом их торговли с Россией. Русское правительство, поощряя укрепление торговых связей со Средней Азией, предоставляло большие льготы бухарским и хивинским купцам, приезжавшим на Яик, в Оренбург и в города Сибири. Из Бухары в Россию вывозились преимущественно ткани, более всего — хлопчатобумажные, меньше — шелковые. Из Росии поступали выделанная кожа, меха, сукна, металлические изделия. В Хиве городская жизнь и ремесленное производство были развиты слабее. Внешняя торговля осуществлялась преимущественно с казахскими жузами и с Россией. Объем ее был сравнительно незначителен. У казахов, киргизов, туркмен и у других народов, в хозяйстве которых большую роль играло скотоводство, ремесло, как и раньше, было связано преимущественно с переработкой продуктов животноводства (выделка войлоков из овечьей шерсти, выработка грубых шерстяных тканей из верблюжьей шерсти, изготовление кожаной обуви и конской сбруи). Имелись у этих народов и свои мастера по производству изделий из металлов (кузнечное, оружейное и ювелирное дело). Из дерева изготовлялись остовы юрт, седла, посуда и т п. Обработкой кожи, дерева и металла занимались мужчины, домашним ткачеством и валянием войлока — женщины. У туркмен в руках женщин находилось изготовление ковров, издавна пользовавшихся широкой известностью далеко за пределами Средней Азии.

Хозяйство скотоводческих народов Средней Азии и Казахстана продолжало носить в основном натуральный характер, внутренний обмен играл небольшую роль. Вместе с тем развивалась торговля у казахов с Россией, Бухарой и Хивой, у киргизов — с Ферганой, а во второй половине XVIII в. и с Китаем. До конца XVIII в. казахская и киргизская торговля оставалась в основном меновой. Туркмены же в XVIII в. были больше вовлечены в денежную торговлю, хотя и у них в это время еще преобладало натуральное хозяйство. В полосе предгорий Копет-дага часто встречаются русские монеты XVIII в. Среди туркмен имелись богатые купцы. В середине XVIII в. русский исследователь Рычков отмечал, что туркмены торгуют с Хивой, Бухарой, Балхом и Бадахшаном, «и находятся среди них купцы гораздо неубогие». Туркмены настолько нуждались в торговле, что запрещение посещать базары было в руках соседних феодальных правителей одним из средств давления на непокорные туркменские племена, которым эти правители неоднократно пользовались.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В XVII—XVIII вв. в Средней Азии и Казахстане происходит заметное повышение роли феодально-родовой знати. В Бухарском и Хивинском ханствах это было одной из причин ослабления центральной власти и хозяйственного упадка. Внутри этих государств десятилетиями тянулись феодальные усобицы. Между обоими государствами также происходили постоянные войны. Политическая обстановка в Бухарском и Хивинском государствах была кратко и метко охарактеризована послом Петра I Флорио Беневени: «Все дженерально между собою драки имеют». Возрастало могущество ишанов — руководителей дервишских братств. Завладев обширными земельными угодьями, накопив большие богатства и используя авторитет религии, они добились возможности беспрепятственно развивать свои хозяйства. Богатство и политический вес руководителей братств настолько возросли, что они могли оказывать влияние на политику ханов, а иногда и прямо устанавливали свою власть. Так, например, это удалось сделать в Фергане в начале XVIII в. ходжам, завладевшим там несколькими крупными городами.

У казахов усиление экономических и политических позиций феодалов отразилось в законодательстве хана Тауке

(1680—1718). У киргизов это проявилось в появлении манапов, феодально-родовых вождей, пользовавшихся большей властью над своими сородичами, чем обычные главы родов и племен — бии. Знать туркменских племен, подвластных Хиве, стала привилегированным военнослужилым сословием в ханстве, что было четко оформлено установлением системы нукерства (вассалитета). Значительно укрепились позиции знати и у туркмен, живших в Бухарском ханстве. В Западной и Южной Туркмении также усилилось влияние знати, от которой, несмотря на сохранение форм родоплеменной организации и пережитки общинного самоуправления,фактически зависело решение важнейших вопросов. У кочевых народов по-прежнему сохранялась племенная разобщенность. Ни Тауке, ни последующим казахским ханам не удалось добиться установления единой центральной власти над тремя жузами.

У туркмен своего государства не было. Киргизские родоплеменные группировки политически объединены не были. Разобщенные и раздробленные народы Средней Азии и Казахстана страдали от нападений извне. В казахские и киргизские земли, в Ферганскую долину и на Ташкент совершали походы джунгарские феодалы, которые сами подвергались атакам со стороны маньчжуров, установивших свое господство в Китае и Монголии. Южная часть Туркмении долгое время находилась под властью иранских шахов, а в начале 40-х годов в Среднюю Азию вторглись войска Надир-шаха.

БУХАРА И ХИВА. КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Страны Востока, начиная с XVI—XVII вв., не могли поспеть за теми темпами, в каких шло развитие Запада. Причины замедленного развития Востока не исчерпываются только фактом изменения путей мировой торговли. Не меньшую роль играли особенности внутреннего социально-экономического развития.

Вторая половина XVIII в. в Средней Азии характеризуется некоторыми сдвигами в сторону общего подъема хозяйственной жизни. Процесс феодализации, усиленно развивавшийся в Бухарском ханстве на всем протяжении XVII в., завершается в первых десятилетиях следующего века полной децентрализацией политической власти и созданием крупного поместного землевладения, сосредоточенного в руках феодальной знати. В период правления последнего из аштарханидов, хана Абуль-Фейза (1711—1747), Бухарское ханство складывается из ряда независимых друг от друга владений, во главе которых стоят вожди узбекских племен. От Бухары отходят ее прежние владения по левому берегу Аму-Дарьи, с центром в Балхе, обособляется также Фергана, распавшаяся, как и область Балха, на целый ряд самостоятельных или полусамостоятельных владений.

Уже во втором десятилетии XVIII в. в Фергане видную роль начинают играть представители (бии) узбекского племени минг, ставшие впоследствии родоначальниками особой ферганской (кокандской) династии.

Значительное место в истории Ферганы XVIII в. принадлежит киргизам, занимавшим в этот период восточные и северо-восточные окраины Ферганской долины. В западной и северной частях Ферганы крупную роль играли казахские ханы Старшей Орды. В 20-х годах отходит навсегда из-под власти Бухары Ташкент, завоеванный в это время чжунгарами. Вассалом-наместником чжунгарского хун-тайчжи был один из казахских ханов Старшей Орды, которому было подчинено местное кочевое и оседлое население. Власть бухарского хана фактически не простиралась за пределы столицы, будучи и здесь ограничена постоянным контролем и вмешательством главного ханского сановника — ата ыка, назначавшегося из числа узбекских феодалов. В Хиве, за небольшой сравнительно промежуток времени, от смерти хана Ануши (1687 г.) до вступления на престол Ширгази (1716 г.), сменилось около десяти ханов, большинство которых было свергнуто или даже убито представителями местной узбекской знати — аталыками и инаками, стремившимися укрепить свое влияние за счет ослабления ханской власти.

Наиболее продолжительным было правление хана Ширгази (1715—1728), которому, впрочем, также пришлось вести упорную борьбу с узбекской феодальной аристократией, представитель которой, бий Ширдали, из племени мангыт, вывел из Бухары одного из потомков прежних хивинских ханов Шах Тимура и возвел его на ханство в северной части хивинских владений, в так называемом Арале.

Довольно заметную роль в политических событиях в Хиве в первых десятилетиях XVIII в. играют также каракалпаки, частично занимавшие в это же время северо-восточные окраины Хивинского ханства. Выступив из Арала, Ширдали начал борьбу с войсками хана Ширгази, но, по-

6 Зак 1368

терпев поражение, был вынужден искать спасения у каракалпаков, участвовавших в этой борьбе на стороне Ширдали. Выступления Ширдали продолжались и после смерти хана Ширгази, когда хивинский престол занял Ильбарс, правивший с 1728 по 1740 г.

Условия политической жизни среднеазиатских ханств отражались неблагоприятно на хозяйственной деятельности населения. Враждуя друг с другом на почве раздела власти, узбекские феодалы подвергали разорению города и селения своих противников, следствием чего был упадок сельского хозяйства, ремесла, торговли и значительное ослабление экономической жизни страны в целом. В Бухарском ханстве жители наиболее значительных городских центров — Бухары и Самарканда — уходили на окраины, где политическая обстановка была более спокойной. Некоторыми из окраинных владетелей в XVIII в. производилось строительство новых городов, как это наблюдалось, например, на юге Бухарского ханства (Ширабад), а также в Фергане. В правление Абуль-Фейза с особым ожесточением велась борьба между вождями двух влиятельных узбекских племен, мангытов и кенегесов, из которых первые занимали район Карши, а вторые — Шахрисябза. Каждый из противников стремился утвердить свое влияние на хана с целью использовать еще сохранившийся по традиции авторитет ханской власти для укрепления собственного могущества. После одной из понесенных неудач глава племени кенегесов, аталык Ибрахим, отправился со своими приближенными в Самарканд, где возвел в ханы некоего султана Раджаба, «из рода Чингиса», выдвинув его таким образом в качестве конкурента Абуль-Фейза. Ибрагим собрал вокруг себя довольно значительные силы из соплеменников, а также из казахов и каракалпаков и в течение нескольких лет (1723—1725) производил грабежи в окрестностях Бухары, пытаясь овладеть столицей ханства.

Значительная часть населения Самарканда бежала в это время в Фергану, где междоусобная борьба не сказывалась с такой силой, как в центре Бухарского ханства. Другая часть жителей бежала из Самарканда и Бухары в Гиссар. Вскоре Раджаб-хан умер, однако грабежи и набеги на центральные районы Бухарского ханства не прекращались в течение семи лет и вызвали полное разорение столицы и ее окрестностей. Появившаяся в это время саранча еще более усилила бедствие. Наступил голод, сопровождавшийся даже случаями людоедства. В Бухаре население оставалось только

в двух кварталах, город стал превращаться в развалины.

Подобная же участь постигла и Самарканд, где к 1735 г. почти совсем не осталось жителей.

ХИВА

В Хиве в 1728 г. хана Ширгази сменил Ильбарс, вынужденный продолжать борьбу своего предшественника с мангытским бием Ширдали и его ставленником Шах Тимуром, а также другими враждебными ему узбекскими феодалами. В 1736 г. Ширдали и Шах Тимур были убиты, вследствие чего власть хана Ильбарса значительно окрепла.

В 1740 г. Средняя Азия была завоевана Надир-шахом, выходцем из среды туркменского племени афшаров, кочевавшего в районе Келата. Как и Средняя Азия, Иран переживал в первой четверти XVIII в. период тяжелых смут, особенно усилившихся после захвата страны афганцами в 1722 г. Выступая сначала в качестве наемника на службе у отдельных боровшихся между собою иранских феодалов, Надир постепенно собрал вокруг себя небольшую дружину из соплеменников, афшаров и хорасанских курдов, и овладел главной крепостью своего района Келатом. В 1726 г. он поступил на службу к шаху Тахмаспу II и по его приказу был назначен наместником Хорасана. Еще более усилившись, Надир вступил в борьбу с афганцами и постепенно вытеснил их из Ирана.

В 1732 г. к Надиру переходит фактически власть в Иране, а в 1736 г. он уже избирается шахом. После нескольких успешных войн с Турцией Надир подчинил себе Закавказье, Афганистан и северо-западную Индию, откуда он вывез огромные сокровища (1738—1739 гг.).

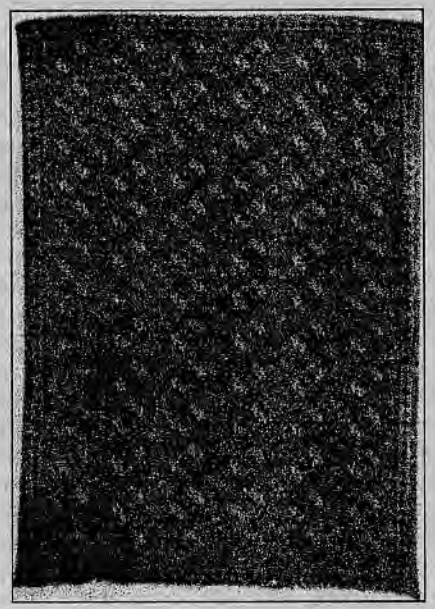
Поводом к походу Надира на среднеазиатские ханства послужили набеги хивинского хана Ильбарса на северные окраины иранских владений В этих набегах принимали участие также туркмены, вследствие чего туркменские районы разорялись иранскими войсками еще задолго до похода Надира на Среднюю Азию. Воспользовавшись враждой между туркменами и их соседями — курдами и каджарскими племенами, Надир в 30-х годах XVIII в. подчинил себе Мерв, превратив его затем в главную стратегическую базу для развертывания операций в туркменских районах. Частые войны с Надиром вынудили некоторые туркменские пле-

мена переместиться в другие, более отдаленные районы. Бухарское ханство, политически совершенно бессильное, подчинилось Надиру почти безо всякого сопротивления. Абуль-Фейз признал себя вассалом иранского шаха и выполнил все предъявленные ему требования. В Хиве иранским войскам было оказано упорное сопротивление узбеками и туркменами, не давшее, однако, положительных результатов.

После завоевания Хивинского ханства Надир приказал казнить хана Ильбарса и посадил на его место одного из местных царевичей. Надир увел из Хивы много годных к военному делу людей, включив их в состав своей армии, как это делалось им при завоевании и других стран. Приказано было также освободить всех находившихся в Хивинском ханстве рабов, в большинстве иранцев. В иранскую армию был взят также сын бухарского аталыка Мухаммед Рахим, из мангытов, явившийся впоследствии основателем мангытской династии в Бухаре.

В 1746 г. против Абуль-Фейза выступил с довольно значительными силами предводитель узбекского племени китай (хытай) Ибадулла, владевший районом между Самаркандом и Бухарой. Потерпев ряд неудач в борьбе с восставшими, Абуль-Фейз обратился за помощью к Надиру. Высланный Надиром большой карательный отряд с артиллерией нанес поражение восставшим и преследовал их до Ферганы. В Хиве после ухода иранских войск возобновилась прежняя борьба между главарями узбекских племен и ханской властью, что повело в конце концов к полной ликвидации центральной власти в стране.

Частая смена ханов, получившая впоследствии у одного из среднеазиатских историков название «игры в ханы», закончилась в 60-х годах XVIII в. переходом политической власти к предводителям туркменского племени йомутов. Население начало покидать родные места и расходиться в разные страны, особенно в Бухару. В стране начался голод и появились массовые эпидемии; города и селения опустели, пашни заростали тростником. В столице ханства Хиве оставалось не более 40 или даже 15 семейств. Никто не чувствовал себя в безопасности. Борьбу за восстановление Хивинского ханства возглавлял инак Мухаммед кунграт. Опираясь на наиболее активные элементы из своих соплеменников, купечества и духовенства и используя существовавшую вражду между отдельными туркменскими племенами, Мухаммед Эмин сумел к концу своей жизни (1790) обеспечить в стране относительное спокойствие, жестоко подавляя всякое сопротивление враждебных феодальных групп. Рассеявшееся во время смут население постепенно возвращалось на свои места. Хозяйственная жизнь страны стала возрождаться. Все мероприятия Мухаммед Эмин осуществлял как бы от имени ханов, являвшихся в действительности подставными лицами, назначавшимися по воле инака. Таких ханов Мухаммед Эмин во время своего правления переменил несколько. Политические соперники Мухаммед Эмина обратились за помощью к бухарскому правителю (аталыку) Даньялу и с помощью бухарских войск пытались овладеть властью, но безуспешно.



Туркменский шерстяной ковер. Конец XVIII в.

После смерти Мухаммед Эмина фактическая власть в Хиве перешла к его сыну Эвезу (1790 – 1804), так же, как и его отец, управлявшему страной от имени подставных ханов. Сын Эвеза Эльтузер (1804 – 1806) отказался от обычая возводить подставных ханов и принял ханский титул сам. Таким образом, инак Мухаммед Эмин явился родоначальником новой хивинской династии, получившей название кунградской, управлявшей ханством до 1920 г. Бухарское ханство после гибели Надира в 1747 г. также вернуло себе независимость. Во главе стал уже упоминавшийся выше Мухаммед Рахим из мангытов (1747 – 1758), состоявший после 1740 г. в войсках Надира и незадолго до его смерти присланный в Бухару в качестве «главного аталыка». Убив в 1747 г. Абуль-Фейза, а в следующем 1748 г. также его сына Абуль-Мумина, Мухаммед Рахим, подчиняясь местной традиции, все же продолжал возводить на престол подставных ханов и при поддержке своих сановников-мангытов, духовенства и купечества

вступил в борьбу с местными феодалами. В течение 50-х годов им были подчинены Шахрисябз, Ургут, Джизак, Ура-тюбе, Гиссар и ряд других более мелких владений, считавшихся во время правления Абуль-Фейза независимыми.

Наиболее упорное сопротивление Мухаммед Рахим встретил в Гиссаре, которым владела знать узбекского племени юз. В течение 1756—1757 гг. Мухаммед Рахим совершил в Гиссар два похода. Овладев во время первого похода Байсуном, бухарцы заняли затем крепость Денау, откуда и начали совершать свои набеги на Гиссар, пока не завоевали его окончательно. Мухаммед Эмин-бий бежал в Балх. Еще в период постепенного завоевания отдельных районов Мухаммед Рахим переселил враждебные ему узбекские племена в центральную часть Бухарского ханства, облегчив себе таким образом окончательное подчинение края.

С прекращением военных действий хан приказал всем жителям, переселившимся в Гиссар из Бухары, Самарканда и других центральных городов и районов ханства, возвратиться на свои прежние места. Оставшиеся на месте жители должны были выставить в ханские войска 4 тыс. человек и, кроме того, уплатить в виде контрибуции 20 тыс. золотых, не считая поставки 3 тыс. лошадей и 500 верблюдов. Успеху Мухаммед Рахима отчасти способствовала усвоенная им на службе у Надира военная техника и огранизация, стоявшие у местных феодалов на чрезвычайно низком уровне. В своей борьбе против феодальной раздробленности хан встретил поддержку со стороны той части населения, интересы которой нарушались почти непрерывными феодальными войнами между правителями мелких отдельных владений.

В 1756 г. Мухаммед Рахим, по инициативе бухарского духовенства, принял на себя ханский титул, породнившись предварительно с «домом Чингис-хана» путем женитьбы на дочери Абуль-Фейза. По древнему тюркскому обычаю избрание на ханство сопровождалось церемонией поднятия вновь избранного на белом войлоке. В выполнении этой церемонии участвовали не только представители наиболее влиятельных узбекских племен, как это наблюдалось при аштарханидах, но также представители духовенства. Укрепившись на престоле, Мухаммед Рахим «согласно древним обычаям туранских царей» распределил все важнейшие государственные должности, в том числе и должности правителей отдельных областей и районов, между представителями преданной ему узбекской знати «32-х родов», а также

высшего бухарского духовенства. Были утверждены все ранее существовавшие придворные звания и должности, на которые были назначены родственники и соплеменники хана — мангыты, а также представители китай-кипчаков и других узбекских племен.

Многие из видных военачальников получили пожалования (союргаль) в виде отдельных городов, селений или районов, доходы с которых поступали в их пользу. К высшим духовным должностям были отнесены должности ходжакаляна, шейх-уль-ислама, накыба и главного казия (казиуль-куззат, или кази-кален), а также военного казия (кази-аскер) и реиса Бухарского вилайета. На должности ходжакаляна и шейх-уль-ислама были назначены представители джуйбарских ходжей, предки которых, как уже отмечалось выше, играли весьма видную роль в Бухаре еще в XVI в. Большое значение приобретала должность главного бухарского казия, получавшего право принимать всякого рода просьбы и жалобы со стороны «всех ученых, законоведов, богословов, хатибов, имамов всей Бухары» и докладывать о них непосредственно хану.

Даньял-бий (1758—1785), наследовавший власть после смерти своего племянника, уже не носил ханского титула, довольствуясь званием аталыка. На престол был возведен подставной хан, от имени которого аталык управлял государством. При нем положение центральной власти было непрочным. Государством фактически управляли кушбеги Давлет-бий, иранец, раб по происхождению, и главный бухарский казий, заботившиеся в основном только о своем обогащении и по существу ничего не делавшие для улучшения жизни населения. В ответ на предложение русского правительства о заключении торгового договора в 1781 г. Даньял писал, что он запросит по этому поводу мнение беков «всех 92-х родов» и что «в узбекском народе такое обыкновение, что всякое дело и совет делается по согласию друг друга».

При таких условиях ни о дальнейшей централизации государственной власти, ни о продолжении завоевательной политики, начатой при Мухаммед Рахиме, не могло быть и речи. Некоторые подчиненные Мухаммед Рахимом феодальные владения (Ура-тюбе, Шахрисябз, Самарканд и др.) снова возвратили или пытались возвратить себе независимость. Попытка Даньяла вмешаться в дела Хивинского ханства окончилась крахом. В такой же мере неудачной была попытка завоевания Мерва. Главную военную опору

аталыка составлял отряд из невольников — гулямов. Один из бухарских историков первой четверти XIX в. Абдул-Керим отмечает, что при Даньяле в Бухаре была дешевизна и страна отличалась благоустройством. Однако из сообщений бухарского историка того же периода Мухаммед Якуба можно установить, что положение массы городского и сельского населения в рассматриваемое время заметно ухудшилось. Этому способствовало не только обострение общей политической обстановки в ханстве, но и введение ряда новых налогов, считавшихся даже в условиях того времени незаконными, т. е. несогласными с шариатом (ясак, салык, яргу и др.).

Особенно острое недовольство населения вызвали злоупотребления уже упоминавшихся выше кушбеги Давлетбия и главного казия, бесконтрольно распоряжавшихся финансовыми делами государства, в том числе сбором налогов. Массовые насилия и злоупотребления налоговых сборщиков стали настолько распространенным явлением, что вызывали оппозиционные настроения даже в среде бухарского духовенства, называвшего иногда аталыка «тираном» (залим) На стороне оппозиции выступил также один из сыновей Даньяла, Шах Мурад, воспользовавшийся создавшейся обстановкой для овладения престолом, на который претендовали также другие братья. Для создания себе популярности Шах Мурад вступил в число муридов (учеников) популярного в Бухаре шейха Сафара и как бы «в знак покаяния и разрыва с обычаями своих родственников» стал публично исполнять различного рода унизительные обязанности, предписанные ему шейхом. Резко осуждая отца за его «беззаконные», с точки зрения шариата, действия, Шах Мурад хитростью заманил к себе в дом ушбеги Давлета и приказал его убить. То же самое он сделал вскоре и с главным казием. Этими действиями Шах Мураду удалось до некоторой степени сгладить нараставшее недовольство в народе и отдалить назревавший кризис. Имущество кушбеги было разграблено..

Видя все возрастающую популярность Шах Мурада, Даньял вынужден был назначить его своим наследником. Вступив на престол, Шах Мурад (1785—1800) по-прежнему продолжал внешне исполнять все обязанности дервиша, собирая вокруг себя большие толпы учеников и слушателей. Чтобы еще более укрепить свою популярность, Шах Мурад отменил все налоги, считавшиеся незаконными, а также закрыл игорные дома и запретил всякого рода зрелища и развлечения. Шах Мурад присоединил к Бухаре области по ле-

вую сторону Аму-Дарьи (Балх и др.), отошедшие от Бухарского ханства со времени завоевания их Надиром в 30-х годах XVIII в. В состав Бухарского ханства была включена также значительная часть современной Туркмении с центром в Мерве. Мерв, оставшийся после смерти Надира под властью каджарских предводителей, был завоеван Шах Мурадом в 1785 г., причем большинство жителей города, как каджаров, так и иранцев, было переселено в Бухару, где потомки их, известные под названием «ирани», живут и в настоящее время. Из прочих мероприятий Шах Мурада следует отметить произведенные по его распоряжению обширные оросительные работы на Зеравшане и в других районах Бухарского ханства.

Правление Шах Мурада характеризуется как период расцвета религиозного «просвещения» в Бухарском ханстве, когда число учащихся в высших богословских школах (медресе) доходило, по некоторым сведениям, до 30 тыс. человек. Шах Мурад сам подавал пример «благочестия» и вел аскетический образ жизни, что не мешало ему, однако, грабить мирное население соседних стран и обращать их жителей в рабство.

ФЕРГАНА

Ко второй половине XVIII в. относится обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу, получившую уже в конце царствования Шах Мурада название Кокандского ханства В XVIII в. в качестве претендентов на власть в Фергане выступают предводители узбекского племени минг, владевшие сначала только районом Коканда, но уже во второй половине того же XVIII в. распространившие свое господство на большую часть долины, а также на Ходжент с его районом. Чжунгары, завоевав в конце первой четверти XVIII в. Ташкент и прилегающие к нему районы, вскоре вторглись в Фергану, разъединявшуюся в это время на ряд независимых мелких владений.

Господство чжунгаров над Ферганой было крайне непродолжительно и не имело серьезных последствий. В конце 50-х годов XVIII в. китайцы после разгрома ими Чжунгарского кочевого государства вошли в Фергану и включили ее жителей в число подданных китайского императора. Стоявший во главе местных беков Ирдана-бий, из узбекско-

го рода минг, отправил посольство в Пекин с выражением своей покорности и с просьбой о принятии в подданство. То же сделали и другие ферганские беки.

Господство китайцев имело скорее формальное значение и не внесло каких-либо существенных изменений в общественно-политический строй Ферганы. Один из китайских географов, сопровождавший китайские войска в их походах против чжунгаров, сообщает, что Фергана в 1759—1760 гг. разделялась на четыре владения (бекства): Андижанское, Наманганское, Маргеланское и Кокандское. Преобладающую роль играл Коканд, во главе которого стоял названный выше Ирдана-бий.

С именем Ирдана-бия связано также окончательное обособление Ферганы от Бухарского ханства. Обычно это событие датируется 1754 г., когда правители Бухары и Ферганы, выступая как равноправные союзники, совершили уже упоминавшийся выше совместный поход на Ура-тюбе. Поссорившись вследствие интриг гиссарского бека друг с другом во время похода, Мухаммед Рахим, и Ирдана-бий прекратили всякие дальнейшие сношения. Политическая деятельность Ирдана-бия протекала до 1754 г. в тесном сотрудничестве с одним из выдающихся киргизских политических деятелей второй половины XVIII в. Кивад-бием (Кибад, или Кубад-мирза), главою киргизского племени кощи, кочевавшего в рассматриваемое время в районе Андижана.

Порвав после неудачного похода на Ура-тюбе свои взаимоотношения с Ирдана-бием, Кивад выступает в дальнейшем как самостоятельный правитель и участвует в политических событиях в Кашгарии в 50-х годах XVIII столетия, качестве союзника так называемых белогорских ходжей. Последние сведения о Киваде относятся к 1785 г., когда он по-прежнему продолжал стоять во главе своего племени.

Преемником Ирдана-бия в 1774 г. стал один из его родственников Нарбута. Почти все правление Нарбута-бия прошло в борьбе с враждебными ему местными правителями, а также в попытках подчинить себе соседние с Ходжентом районы Джизака и Ура-тюбе, находившиеся после Мухаммед Рахима в номинальной зависимости от Бухарского ханства.

Все эти попытки прочных успехов не имели. Таким образом, власть кокандских правителей до начала XIX в. ограничилась одной только Ферганской долиной. На северо-востоке долины, до Алая и Кашгарии включительно,

играли главную роль киргизы, занимавшие в это время не только северные, но и южные склоны Тянь-Шаня.

Некоторым влиянием на ферганские дела пользовались в середине XVIII в. также казахские ханы Большой (Старшей) и Средней орд, управлявшие в это время районом Ташкента в качестве вассалов калмыцких (чжунгарских) князей.

В XVIII в. в Фергане наблюдается некоторый экономический подъем, выражавшийся, в частности, в расширении городской жизни и развитии шелководства, что было связано с ростом торговли с Китаем. Завершившийся в Средней Азии к концу XVIII в. процесс формирования внутреннего рынка отразился и на Фергане, где уже наблюдалось укрепление связей между отдельными, ранее разрозненными, районами, что в свою очередь облегчило задачу объединения Ферганы под властью одного правителя.

Под влиянием социально-экономических факторов в Средней Азии к концу XVIII в. происходит процесс некоторой политической консолидации, следствием чего было образование здесь трех централизованных феодальных деспотий, известных в литературе под названием ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского.

С образованием названных ханств объединение среднеазиатской территории еще не завершилось. На окраинах ханств остались мелкие владения, упорно защищавшие свою независимость. Таков, например, Шахрисябз, вернувший себе самостоятельность вскоре после смерти Мухаммеда Рахима бухарского, Арал на севере Хивинского ханства, горные владения, входящие в состав современного Таджикистана, и некоторые другие. Слабо связана была со среднеазиатскими ханствами также кочевая периферия — туркмены на юго-западе, киргизы на северо-востоке, казахи и каракалпаки на севере.

Процесс дальнейшего формирования среднеазиатских ханств и связанная с ним взаимная борьба местных феодалов составляет основное содержание политической истории Средней Азии в первой половине XIX в. Вторая половина XVIII в. в Средней Азии характеризуется также довольно значительными экономическими сдвигами, выразившимися в развитии производительных сил. Постепенная ликвидация политической раздробленности, восстановление городской жизни, а также отход массы казахов в свои степи после разгрома чжунгарского государства китайцами в 1755—1760 гг. способствовали восстановлению нормальной хозяйственной деятельности местного населения

и укреплению экономических связей между отдельными районами.

Развитие капитализма в Европе и России и постепенное распространение его на Восток также не могло не отразиться на экономике среднеазиатских ханств, постепенно вовлекавшихся в сферу международного обмена. Международный, в частности российский, рынок уже во второй половине XVIII в. начинает предъявлять довольно усиленный спрос на среднеазиатское сырье и некоторые изделия, стимулируя таким образом местное производство и вызывая там соответствующую перестройку производственных отношений, насколько это было вообще здесь возможно в условиях господства феодализма. Наряду с феодалом на фоне местной экономики выдвигается фигура торговца-ростовщика, усиленно эксплуатирующего путем применения докапиталистических методов. Насколько велики были изъятия натурой, можно судить по сообщению одного из путешественников, который рассказывает, что четвертая часть всего производимого шелка должна была сдаваться в ханскую казну. Изымавшийся таким образом прибавочный продукт, преимущественно в виде ренты натурой, составлял главную часть того товарного фонда, на основе которого местный феодал и торговец-ростовщик развивали свои внешнеторговые операции, осуществлявшиеся посредством караванной торговли с Россией и отчасти другими окружающими странами.

Уже В.В.Бартольдом был отмечен тот факт, что «именно в смутный период XVIII в. в Персии и Средней Азии, впервые после монгольского нашествия, вновь стала чеканиться и вышла в обращение золотая монета», что можно объяснить, по-видимому, не только увеличением количества золота в Европе, но и общим оживлением в области экономической, в частности торговой жизни.

Как уже отмечалось выше, в 30-х годах XVIII в. был основан город Оренбург, превратившийся вскоре в главный центр торговли между Россией и Средней Азией и целиком занявший в торговом отношении место Астрахани.

Во второй половине XVIII в. основными предметами вывоза из Средней Азии были шелк и шелковые изделия, каракуль, сухие фрукты и хлопчатобумажные изделия. В это же время среди российских купцов появляется заметный интерес к среднеазиатскому хлопку. Однако как производство, так и вывоз хлопка были еще крайне ограничены и рыночного спроса не удовлетворяли. В Оренбурге же сосредоточилась торговля России и с казахскими степями. Одновременно со среднеазиатскими торговыми караванами в Оренбург стали прибывать также купцы из Кашгарии, Бадахшана и других районов, расположенных вне пределов Средней Азии. В свою очередь некоторые из вывозившихся из России товаров, следуя транзитом через Среднюю Азию, поступали в Герат, Балх и другие области по левому берегу Аму-Дарьи, откуда они иногда достигали Кабула и северо-западных границ Индии. Это обстоятельство послужило поводом к составлению в Оренбурге проекта об открытии торговли с Индией, для чего предполагалось создать особую компанию из состоятельных купцов. Проект был отклонен сенатом как преждевременный.

Кроме торговли с Россией, в XVIII в. продолжают развиваться также торговые сношения Средней Азии с окружающими восточными странами — Ираном, Афганистаном, Кашгарией и казахскими степями.

Основным транзитым пунктом в торговле между Средней Азией и Ираном в XVIII в., как и в более ранний период, был Мерв, не утративший в этом смысле своего значения и после опустошений, произведенных здесь Шах Мурадом. Торговые сношения с Кашгарией велись через Фергану. Главными предметами вывоза из Кашгарии служили серебро, фарфоровые изделия, чай, ввозившийся также из Индии.

В конце XVIII в. большое торгово-экономическое значение приобретает Ташкент — важнейший пункт на пути в казахские степи и Оренбург. Несмотря на довольно значительный размах внешней торговли, производство в Средней Азии продолжало оставаться на прежнем низком уровне. В таком состоянии среднеазиатские ханства вступили в XIX в.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVIII В.

В XVII веке упадок культуры был обусловлен общим нарушением хозяйственной и общественно-политической жизни во всех основных районах Средней Азии. Тот же упадок продолжается и на протяжении большей части XVIII в. и лишь постепенно начинает изживаться в первой половине следующего, XIX столетия. Упадок городской жизни был

изжит уже к концу XVIII столетия; произведенные в конце XVIII — начале XIX в. обширные оросительные работы способствовали повышению общего уровня производительных сил; значительно усиливались торговые связи Средней Азии с внешним миром, с Россией. С подъемом хозяйственной деятельности восстанавливалась культурная жизнь.

Как в области производства, так и в сфере общественных отношений и культурного творчества на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. не наблюдается тех существенных качественных изменений, какими сопровождался происходивший в это время в Европе переход от феодального способа производства к капиталистическим отношениям. В Средней Азии, как и на всем Ближнем Востоке, продолжали господствовать формы докапиталистических отношений.

ОБРАЗОВАНИЕ

В Средней Азии существовали школы двух типов: низшая — мактаб (мектеб) и средняя (или высшая) — мадраса (медресе). Мактаб представлял собою начальную конфессиональную школу, где дети в возрасте от 6 до 15 лет обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия. Каждый оканчивающий курс мактаба должен был уметь читать одну или две религиозные книги, знать основные обязанности мусульманина и иметь представление о главнейших догматах ислама. Чтение книг на непонятных для учащихся арабском или книжно-персидском языках было обычно механическим: ученик заучивал его по памяти. Школы данного типа имели широкое распространение во всех оседлых районах. В городах мактабы, как и мечети, встречались почти в каждом квартале (махалля, гузар). Учителем мактаба обычно являлся имам (настоятель) ближайшей мечети, с которой школа представляла как бы неразрывное целое. Содержались мактабы за счет средств, собиравшихся с родителей учащихся.

В городах и крупных населенных пунктах Средней Азии существовали также особого типа мактабы, с еще более низкой программой, специально для девочек, преимущественно дочерей богатых родителей. Сфера деятельности мусульманского духовенства не ограничивалась одними только оседлыми районами, она простиралась и на кочевую периферию. Наряду с мечетями в кочевых районах открывались

мактабы, помещавшиеся обычно в юртах. Их число было здесь весьма невелико. Значительную роль в казахских степях играли татарские муллы.

Высшая мусульманская школа в Средней Азии, носившая название «мадраса», также была чисто конфессиональным учебным заведением, программа которого была построена почти целиком на изучении богословской схоластики и шариата — мусульманского канонического права. Мадрасы существовали на доходы от принадлежавших им вакфных земель и прочего имущества и так им образом, как и мактабы, в материальном отношении от казны не зависели. Так как коран и большинство важнейших богословских сочинений написаны по-арабски, в программе мадрасы некоторое место уделялось арабской грамматике и языку. Из предметов, не имеющих непосредственного отношения к богословию, в мадрасах изучались первые четыре правила арифметики, а также начатки алгебры и геометрии (по Эвклиду). Срок пребывания в мадрасе, как и в мактабе, не был твердо установлен и продолжался от 8 до 15 и даже 20 лет. Отчасти в связи с этим обстоятельством возраст учащихся колебался от 15 до 40 и более лет. Учащиеся мадраса принадлежали к наиболее зажиточной и привилегированной части населения.

Основной массой учащихся были жители оседлых районов — узбеки и таджики. В незначительном числе встречались также жители кочевых районов — казахи, киргизы (Ташкент, Фергана), туркмены (Хива, Бухара) и др. Для полного курса считалось необходимым прочитать под руководством мударриса (преподавателя) установленное количество книг по различным разделам богословия и шариата; экзаменов обычно не проводилось. Окончившие полный курс обучения или прослушавшие его хотя бы частично, обычно занимали должности казиев (народных судей) или их помощников.

Одни оканчивавшие получали должности имамов (настоятелей) мечетей, другие оставались при мадрасах. В последнем случае особое предпочтение отдавалось тому, кому удалось окончить мадрасу или хотя бы немного поучиться в Бухаре, являвшейся главным источником богословских знаний во всех районах Средней Азии и отчасти в прилегающих к ней мусульманских странах. Значительный спрос на воспитанников мадрасы был в Бухарском ханстве, где духовные лица занимали множество различного рода административных и придворных должностей, закрепленных за духовенством еще со времен средневековья.

В последних десятилетиях XVIII в. число учащихся в бухарских мадрасах достигало 30 тыс. человек. В 40-х годах XIX в. количество названных учебных заведений в городе Хиве достигало 22

ИСКУССТВО

Из всех видов искусства наибольшим распространеним в Средней Азии пользовалась музыка, как вокальная, так и инструментальная. Вамбери и другие путешественники, посещавшие Среднюю Азию, отмечали «природную склонность» местного населения, оседлого и кочевого, к музыке и поэзии, что целиком подтверждается и позднейшими наблюдениями.

Исполнитель народных песен и музыкант не только является желанным гостем на всяком семейном или общественном празднике, но пользуется исключительным вниманием также в повседневной жизни, особенно среди туркменов и других недавно еще кочевых народов. Тесная связь музыки с поэзией у народов Средней Азии объясняется, по словам одного из современных исследователей, тем фактом, что «народные рассказчики на Востоке никогда не читают стихов, а всегда декламируют их нараспев, часто помогая себе в этой декламации музыкальным аккомпанементом». Таким образом для целого ряда популярных сюжетов создавались свои особые мелодии, входившие постепенно в репертуар народных певцов и музыкантов.

Значительной известностью пользовались также поэмы, исполнявшиеся в «речитативном стиле», как например поэма о Манасе у киргизов, ряд эпических произведений у казахов, «Гер-оглы» у туркменов, соответственно «Гур-гули» у таджиков, «Алпамыш-батыр» у каракалпаков, узбеков.

Наряду с общераспространенной народной музыкой среди узбеков, таджиков и туркменов существовала музыка классическая, представляющая собою плод высокой арабско-иранской культуры средних веков, в свое время оказавшей, как известно, большое влияние на развитие музыки у европейских народов. В противоположность народному творчеству, произведения («макамы») классической музыки являются произведениями индивидуального творчества, на что указывают до сих пор сохранившиеся имена авторов некоторых пьес этого рода. Центром классической музыки в Средней Азии была Бухара, куда приезжали учиться в XIX в. музыканты из Хивы и других менее отдаленных районов. Из числа разнообразных музыкальных инструментов, струнных и духовых, наибольшим распространением пользуется двуструнный мелодичный дутар.

Танцы были распространены главным образом среди оседлого — таджикского и узбекского — населения. Здесь же существовал народный театр, сведения о котором относятся почти исключительно к XIX в.

Наука и техника в среднеазиатских ханствах играла ничтожную роль, как и в большинстве стран Ближнего Востока, за исключением Турции. Промышленность, как добывающая, так и обрабатывающая, находилась на чрезвычайно низком уровне. Добыча металла производилась в небольших размерах кустарным способом, применение каменного угля для плавки руды было неизвестно. На таком же уровне находилась и техника обработки металла. Добывавшегося на месте рассыпного золота не хватало для чеканки монеты, поэтому значительная часть этого металла ввозилась из России и отчасти из Ирана и других окружающих стран. Серебро в слитках также ввозилось из Китая, главным образом через Кокандское ханство. Существовавшие в Бухаре в 1842 г. шесть чугунолитейных «заводов» (небольших кустарных предприятий) за отсутствием собственного чугуна занимались исключительно переплавкой русского лома, из которого изготовлялись наконечники для плугов . Из ввозного же металла (медь, чугун) отливались и пушки, производством которых занимались в основном пленные русские солдаты и отчасти выходцы из Ирана и Индии. Качество изготовлявшихся таким образом орудий было совершенно неудовлетворительно. В такой же мере неудовлетворительна и примитивна была техника обработки местного текстильного сырья, в частности хлопка, из которого изготовлялись только грубые кустарные ткани. В значительно лучшем положении находилась кустарная обработка шелка, из которого в Бухаре и Коканде изготовлялись превосходные сорта материй, пользовавшихся заслуженной известностью далеко за пределами Средней Азии. Славились также и туркменские ковры, отличавшиеся необычайным своеобразием и красотой орнамента, а также прочностью своих красок. Упадок художественного творчества и понижение уровня технических знаний заметно отразились на местной архитектуре, еще в XVII в. находившейся на довольно высоком уровне Мозаика начиная уже с XVIII в не применяется, ухудшается также качество майолик.

Некоторое исключение представляет Хивинское ханство, где в первой половине XIX в. сооружается ряд дворцов, мечетей и медресе, отделка которых отличается высокими художественными достоинствами, как например дворец Ала Кули-хана и ряд других зданий.

КАЗАХСКИЕ ХАНСТВА В XVI—XVII ВВ.

В XVI—XVII вв. казахские ханства не отхватывали всей территории современного Казахстана и всего казахского населения. Часть территории в XVII в. входила в состав Моголистана, Узбекского ханства, Ногайской орды; в XVII в. была занята прикочевавшими сюда ойратскими племенами торгоутов и дербетов. Границы казахских ханств часто изменялись в зависимости от военных успехов или неудач отдельных ханов или султанов.

Казахстан не представлял единого целого в политическом отношении. После смерти Касыма, пытавшегося объединить казахские ханства, феодальные усобицы усилились. Как отмечал Мухаммед Хайдар, «между султанами казахскими начались распри». Сын Касыма Мамаш был вскоре убит в одной из стычек. Касыму наследовал Тагир. Источники характеризуют хана Тагира (1523—1533) как человека жестокого и вероломного. Войны, которые он вел с Моголистаном, Ногайской ордой, правителями Ташкента, окончились поражением.

Феодальный гнет при Тагире усилился. Массовые откочевки казахских общин от Тагира, о которых сообщает Рузбехан, являлись проявлением недовольства народных масс, усиления феодального гнета Оии свидетельствовали об обострении классовой борьбы в ханстве. В результате откочевок, а также кровопролитных феодальных войн население ханства резко уменьшилось. Для деятельности Тагира характерны его отношения с ташкентским правителем Султан-Мухаммед-ханом. Когда в ханстве возникло «общее недовольство», Тагир, чувствуя неустойчивость своей власти, обратился за помощью к ташкентскому правителю. Тот помог Тагиру. Когда же власть Тагира временно несколько укрепилась, он расправился с очередным посольством из Ташкента и начал готовиться к походу на Ташкент

Султан-Мухаммед предупредил Тагира и первым вторгся в его владения. Сражение произошло у Туркестана, в нем

Тагир потерпел поражение. Часть его владений перешла в руки победителей. При этом многие из ближайшего окружения Султан-Мухаммеда за участие в походе получили право на сбор налогов с населения.

Феодальные войны продолжались и при преемнике Тагира — хане Буйдаше (1533—1534). Эти войны из-за территории для кочевий, из-за господства над центрами оседлой культуры по Сыр-Дарье оказались также неудачными для казахских феодалов. Характерно, что 30-е годы XVI века наряду с Буйдашем известны и другие казахские ханы, например, Ахмед-хан — в западных районах Казахстана, Тугум-хан — в Семиречье. Экономическая и политическая история казахских ханств тесно связана с историей оседлых районов Средней Азии. Особенно большое значение имело продолжавшееся в течение долгого времени и резко усилившееся в начале XVI в. передвижение кочевников из Дешт-и-Кипчака в Среднюю Азию.

Проникшие в начале XVI в. из Дешт-и-Кипчака в оседлые районы Средней Азии кочевники в своем большинстве под влиянием местной, более высокой земледельческой культуры переходили к оседлости и земледелию. Различие в системе хозяйства у казахского кочевого населения и оседлого населения Средней Азии вело к развитию экономических (в первую очередь торговых) связей между ними. Первые остро нуждались в продуктах земледелия и ремесла, вторые — в продуктах скотоводческого хозяйства Несмотря на феодальные войны, существовало мирное экономическое и культурное общение близких в этническом отношении народов, в котором они были кровно заинтересованы

В южных районах Казахстана, на Сыр-Дарье росли города — посредники в торговле между кочевниками и земледельцами. «Михман-намэ-и-Бухара» («Книга бухарского гостя») сообщает, что Сыр-Дарья «протекает среди туркестанских городов, которые, как высокие деревья на берегу Дарьи, тянутся к небу». Одним из крупных сырдарьинских городов этого времени был Сыгнак. Он являлся важным торговым пунктом для всего Дешт-и-Кипчака Сюда поступали продукты скотоводческого хозяйства прилегающих районов, продукты ремесленного производства из Мавераннахра и Ашгара. В городе жило много купцов.

Аналогичные сведения сообщаются Рузбеханом и другими историками о Сайраме и Ясах (Туркестане). Эти сведения верны не только для начала XVII в., но и для более позднего времени. Представляют интерес рассказы современников

о внешнем виде этих городов. Вот что рассказал об облике Туркестана в конце XVII в. тобольский татарин Тауш Мергень: «А город Тургустан кладен необожженым кирпичом, а в иных местах и жженый кирпич; в вышину тот город сажени в три, в толщину — аршина в два и сажень (имеется в виду стена вокруг города. — Ред.), а кругом сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы; да в том же городе башня да четверты ворота проезжие, да казахов живет в том городе... человек с 1000... Да в том же городе по их закону построена мечеть, а кругом того Тургустана города прилегла степь».

Как отмечали хронисты XVI в., казахские купцы «постоянно посещали и посещают страны ислама», то есть оседлые районы Средней Азии, где влияние ислама было несравненно сильнее, чем в казахской степи. Эти купцы обменивали на продукты земледелия и ремесл не только скот или животноводческое сырье, но и продукты домашних промыслов казахов, например кафтаны из овечьей шерсти, которые, как указывал Сейфи, в Бухаре «покупают по той же цене, как атласные, до того они красивы и тонки».

Попытки Шейбани и его преемников помешать развитию торговли казахов с оседлым населением Средней Азии окончились неудачей. Жизнь оказалась сильнее указов Шейбани. Торговля в городах на Сыр-Дарье продолжалась. Продолжалась и феодальная борьба за подчинение этих городов, которая имела, таким образом, экономическую подоснову.

Район нижнего течения Сыр-Дарьи имел в то время немалое стратегическое значение. Сырдарьинские города являлись постоянным яблоком раздора между казахскими и узбекскими феодалами. Московский посол Данила Губин писал в 1536 г. из Ногайской орды: «А казахи, государь, сказывают добре сильны, а сказывают, государь, Ташкен воевали, и ташкенские царевичи с ними дважды бились, а казахи их побивали».

В 50-70-е годы XVI в. сын Касыма Хак-Назар (1538—1580) сделал попытку укрепить свою власть и расширить границы владений. В Ногайской орде в это время происходила острая борьба между двумя феодальными группами: одна из них хотела перейти в российское подданство, другая тяготела к казахским кочевым улусам. Используя междоусобицы ногайских мурэ, Хак-Назар привлек многих из них на свою сторону.

В 1557 г. крупный ногайский феодал Исмаил сообщил Ивану IV: «Да племянники ж мои от нас отстали ныне за

Яиком, а приложились к казатцкому (казахскому. — Ред.) царю». Ногайские улусы, кочевавшие по левой стороне Яика, подчинились Хак-Назару.

Борьба за преобладающее влияние над ногаями продолжалась вплоть до конца 70-х годов. Посланный Иваном IV в Ногайскую орду Семен Мальцев доносил царю в 1568 г., что «казацкие орды Акназара-царя и Шигая-царевича, и Челыма-царевича, а с ними 20 царевичей приход был в Ногай и бой был». Часть ногайских земель вошла в состав ханства Хакк-Назара. Долгую и кровопролитную войну вел Хакк-Назар и с моголитанскими ханами, но эта война в конечном счете оказалась проигранной.

В конце 50-х годов Хакк-Назар пытался закрепить за собой торгово-ремесленные центры на Сыр-Дарье и захватить один из крупнейших городов Средней Азии — Ташкент.

В 60 — начале 70-х годов военные столкновения сменились миром и дальнейшим развитием экономических связей казахов с населением Средней Азии. Хак-Назар вместе с группой султанов заключил с бухарским ханом Абдуллой II «клятвенный договор», обещая «быть друзьями и служить ему». Не случайно поэтому в 1579 г. Хакк-Назар и многие султаны поддерживали Абдуллу в его борьбе с ташкентскими владетелем Баба-султаном, пытавшимся отделиться от Бухарского ханства, за что Хакк-Назар и получил от Абдуллы несколько городов по Сыр-Дарье. В ходе феодальной борьбы за Ташкент казахские султаны не раз проявляли колебания и однажды, когда Баба-султан уступил им города Ясы и Сауран, на время изменили Абдулле. Перейдя затем вновь на сторону Бухары, Хакк-Назар и близкие к нему султаны составили заговор против ташкентского владетеля. Однако заговор был раскрыт, и Хакк-Назар вместе с несколькими близкими к нему султанами в 1580 г. был убит.

В начале 80-х годов XVI века преемники Хакк-Назара — Шигай (1580—1582), а затем Тевеккель (1586—1598) — продолжали поддерживать Абдуллу в его борьбе с Баба-султаном. В 1582 г. султан Тевеккель, находясь на службе у бухарского хана, разбил войско аба-султана и доставил его голову Абдулле, за что получил в награду богатый феодальный удел Аферикет в долине Зеравшана. Но уже в следующем, 1583 г. Тевеккель порвал «клятвенный договор» с Бухарой. Вновь возобновилась борьба между бухарскими и казахскими феодалами за сырдарьинские города. Когда в конце XVI в. в Бухарском ханстве усилилась феодальная раздробленность и отдельные крупные феодальные владетели сделали попытку

отделиться от Бухары, Тевеккелю удалось разбить бухарское войско и овладеть Туркестаном, Ташкентом и Самаркандом. Он сделал даже попытку захватить Бухару, но неудачно. В сражении под городом Тевеккель был тяжело ранен и вскоре скончался

Наследовавший ему хан Есим (1598—1628) в 1598 г. заключил с Бухарой мир. Ташкент на время был закреплен за казахским ханством Длительные войны между казахскими и бухарскими феодалами за обладание сырдарьинскими городами тормозили развитие производительных сил края, губительно сказывались на хозяйстве трудящихся земледельцев и кочевников Эти войны противоречили коренным интересам народов Средней Азии и Казахстана, стремившихся к развитию мирных хозяйственных связей, игравших столь существенную роль в экономике

Продолжая политику Хакк-Назара и Тевеккеля, хан Есим стремился закрепить за собой сырдарьинские города и Ташкент Однако осуществить своих намерений он не смог В ханстве продолжались феодальные усобицы Отдельные крупные казахские султаны стали фактически независимыми от Есима В Ташкенте правителем стал султан Турсун, не подчинившийся хану

Феодальные войны за торгово-ремесленные центры продолжались и в начале XVII в Представитель новой бухарской династии Аштарханидов Имамкули предпринял несколько нападений на Ташкент Возобновились взаимные набеги узбекских и казахских феодалов, приводившие к упадку городов, к опустошению богатых земледельческих оазисов, к гибели тысяч мирных жителей Так, в 1613 г , желая отомстить жителям Ташкента за убийство своего сына, Имамкули произвел в городе резню, которой, как отмечал источник, «не помнило время» Так же жестоко поступали и казахские феодалы

Хан Есим вел войны и с Моголистаном, под властью которого находилась часть казахского населения Есть данные, говорящие о том, что он поддерживал связи с киргизскими феодалами и часть киргизских родов ему подчинялась

КАЗАХСКИЕ ХАНСТВА В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В. ЖЕТЫ-ЖАРГЫ

В связи с дальнейшим развитием феодальных отношений в Казахстане в конце XVII—начале XVIII возросло экономическое значение биев. В 1680 г. стал ханом сын Джангира — Тауке (1680—1718) Он в целях усиления своей власти стремился опираться на биев, уже составлявших значительный слой класса феодалов, и в то же время ослабить роль султанов.

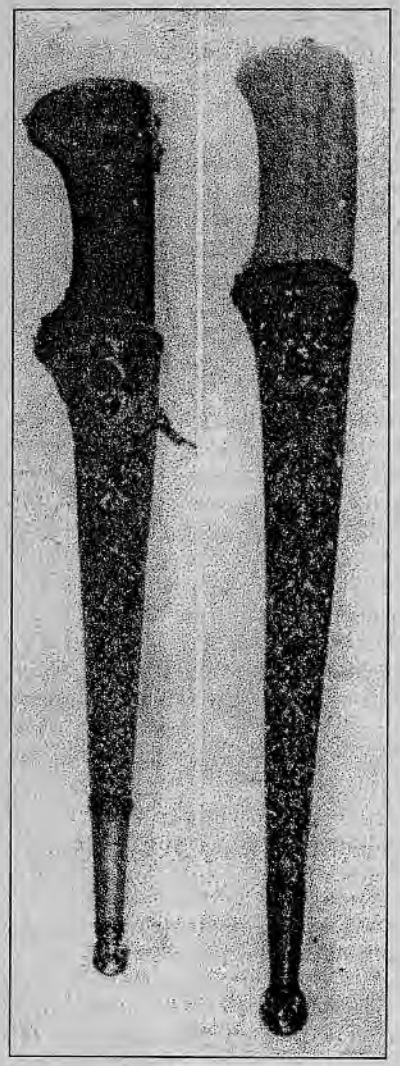
Тауке установил, что только хан и бии-родоначальники должны выполнять судебные функции. В совете при хане главная роль отводилась феодальной знати, где решались наиболее важные вопросы внутренней и внешнеполитической жизни ханства. Все крупные межфеодальные споры разрешались лишь при непосредственном участии биев тех родов, интересы которых эти усобицы задевали. Постепенно бии превращались в носителей всей полноты власти на местах.

Тауке стремился поддерживать мирные отношения с Бухарским ханством. Он предпринимал меры для укрепления авторитета ханской власти, пытался подчинить себе казахские роды всех жузов. Во время приема русских послов Скибина и Трошина в 1694 г. в ханской ставке Тауке заявил послам: «Турецкий султан или Кызылыбашский (персидский. — Ред.) шах чем его, Тауке-хана, выше? Таковы же, что и он». Но это была явная переоценка силы своей власти

При Тауке усилились отношения с Россией, частым стал обмен посольствами, расширились и торговые связи. Была также сделана попытка собрать и систематизировать нормы обычного права казахов.

Существовавшие с давних пор нормы казахского обычного права во многом устарели и не отвечали условиям экономической и социальной жизни казахского общества В начале XVIII в. были составлены законы, вошедшие в историческую литературу под названием Жеты-Жаргы. В русских источниках они называются «законами хана Тауке» Это была не только кодификация существовавших правовых норм, но и их существенное изменение и дополнение. Жеты Жаргы передавались устно и до нас в полном объеме не дошли. Сохранились лишь отрывочные записи, сделанные русскими авторами много позднее, в основном в первой половине XIX в.

Жеты-Жаргы являются своеобразным сводом норм обычного права, наиболее полно и ясно отразившим в себе основные принципы казахского феодального права. Главное внимание в этих законах уделялось охране феодальной собственности и регулированию споров о собственности. Всякому нарушителю феодальных прав угрожали жестокие репрессии.



Кинжалы.
Бухара. XVIII в.

После появления Жеты-Жаргы налоговые тяготы трудящегося населения еще больше усилились. Увеличивались старые и вводились различные новые сборы: на содержание сыновей султанов и ханов, направлявшихся в соседние государства в качестве заложников, для погашения долгов султанов, крупных биев и т.д. Жеты-Жаргы провозглашали кровную месть главным принципом всей правовой системы казахов. Одновременно с этим судьям предоставлялось право заменять смертную казнь за убийство уплатой куна. Теперь кун получил свое более ясное законодательное выражение. Размер куна, львиная доля которого доставалась феодалам, стал еще более высоким.

Ответственность за выступления против феодалов стала более четкой, наказания — более суровыми. Кун за убийство султана и ходжи был установлен в семь раз больше, чем кун, взыскивавшийся за убийство рядового казаха. Был установлен высокий штраф за обиду, нанесенную султану и ходже. В случае отказа от уплаты куна виновный подлежал выдаче потерпевшей стороне «для поступления по усмотрению».

Жеты-Жаргы закрепляли нормы шариата о неравноправном положении женщин. На суде вместо одного свидетеля- мужчины требовалось свидетельство двух женщин. На практике же женщины в качестве свидетелей на суд не вызывались.

Над рабами их владельцы имели неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не принималась. «За убийство господином слуги своего ответствует он только Всевышнему», — говорилось в законах Тауке. Жизнь раба в какой-то мере охранялась законом лишь постольку, поскольку убийство невольника, совершенное посторонним лицом, наносило имущественный ущерб его владельцу.

Жеты-Жаргы узаконивали барымту как один из главных способов принуждения виновного и его сородичей к выполнению решения суда биев. Барымта широко использовалась феодально-байской верхушкой для ограбления неугодных им лиц под предлогом получения удовлетворения за обиду. Наоборот, бедняк не имел фактической возможности прибегнуть к барымте. Барымта нередко сопровождалась кровавыми столкновениями, убийствами, насилиями, поджогами и перерастала в длительную вражду между родами, что было выгодно казахской феодально-байской верхушке.

Видя в мусульманской религии и в верхушке духовенства свою опору, Тауке ввел в Жеты-Жаргы некоторые нормы шариата, предусматривавшие уголовно-правовые меры защиты ислама. Так, например, лица, изобличенные семью свидетелями в богохульстве, должны были побиваться камнями, а за принятие христианской религии предписывалось изъятие у «виновного» всего имущества.

Законы Тауке сделали власть главы семьи еще более неограниченной, чем раньше. Муж, уличивший свою жену в прелюбодеянии, мог ее убить. Тяжелое наказание ждало сына, сопротивлявшегося произволу отца. «Родители за убийство детей своих ничем не наказываются», — говорилось в законе. Жеты-Жаргы предусматривали наследование по завещанию на словах при родственниках и муллах.

Основное содержание законов Тауке — это защита интересов казахской феодальной знати, ее собственности и политического господства, стремление к укреплению ханской власти. Но попытка хана Тауке и его феодального окружения укрепить ханскую власть успеха не имела. Для этого по-прежнему не было необходимых экономических и политических условий. Казахские ханства по-прежнему оставались раздробленными, а следовательно, слабыми государствами, не гарантированными от нападения извне, от подчинения соседним

государствам. Это положение подтверждается всей историей казахских ханств в XVII и начале XVIII в. Так, с небольшими перерывами на протяжении почти всего XVII в. на казахские земли нападали ойратские феодалы.

Ойраты составляли население Западной Монголии. Первое упоминание о них в источниках датируется 1204 г. Войны, которые вели ойратские феодалы с феодалами Восточной Монголии, были успешными для ойратов и привели к укреплению их княжеств. В конце XVI в. ойраты составляли четыре главных племенных объединения: торгоут — в раойоне Тарбагатая, дербет — в районе верхнего течеия Иртыша, хошут — в районе современного г Дихуа, чорос — в долине р. Или. В обстановке острой феодальной борьбы происходил процесс объединения ойратских племен. Часть ойратских феодалов с подчиненными им родами в ходе этой борьбы в начале XVII в. покинула земли и двинулась в северные, а затем в западные районы современной территории Казахстана и подошла к границам России.

Уже в 1606—1608 гг. сибирские воеводы отмечали появление ойратов у русских форпостов и первые столкновения с ними. Спустя несколько лет русские источники указывают на их появление на реках Эмбе и Урале. В начале 20-х годов XVII века торгоутский князь Хо-Урлюк с 40 тысячами кибиток подошел к южным границам Сибири, а в 30-х годах перешел Урал и в низовьях Волги основал Калмыцкое ханство (в источниках того времени встречаются разные обозначения ойратов термин «калмык» обычно употреблялся тюркоязычными народами и отсюда вошел в русские источники; также широко использовался с 30-х годов термин «джунгар» — обозначение «левого крыла», то есть западной части ойрато-монгольских племен, также вошедших в русские источники под названием зенгорцы, Зюнгария и др.).

Нападения ойратских феодалов на территорию современного Казахстана начались еще в XV в В конце XVI в. часть ойратов, очевидно небольшая, после неудачных набегов на казахов попала в зависимость от казахского султана Тевеккеля. В 1582 г. он предпринял успешный поход на ойратов. Казахский посол в Москве Кул-Мухаммед в 1595 г. в беседе с султаном Ураз-Мухаммедом заявил ему, что «дядя твой Тевкель-царевич учинился на Казацкой орде, а брата своего Шах-Магомета посадил на колмакех (калмыках), а кочуют се поблизку и все в соединении» Сам Тевеккель в грамотах, посланных в это время в Москву, именует себя «царем казацким и калмыцким». Такое титулование Тевеккеля подтверждается и другими источниками.

С начала XVII в. положение на восточных границах ханства меняется. В 20-х годах большие массы ойратов кочевали уже по рекам Оми, Тоболу, Ишиму, Иртышу. В 30-х годах XVII в. хунтайджи Батур (1634—1654), преодолев сопротивление соперников, подчинил своей власти ойратские племенные объединения.

В середине XVII в. в состав Джунгарии вошла большая часть территории Моголистана, уже давно находившегося в состоянии феодального распада и с 80—90-х годов XVI века фактически прекратившего свое самостоятельное существование Походы джунгарских феодалов на казахские кочевья становятся систематическими В последующие десятилетия XVII в. опасность джунгарских набегов еще более усиливается.

ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИЯ

Господствующей религией у казахов был ислам Основными центрами распространения ислама были Туркестан и города Мавераннахра — Хорезм и Бухара Среди трудового народа ислам глубоко не укоренился, народные массы еще были далеки от догматов ислама и по-прежнему выполняли обряды языческой религии, основанной на культе «тенгри» (поклонение небу) В народе еще долго существовало двоеверие: соединение ислама и веры в «тенгри» Древнее родовое божество «тенгри» еще в раннем средневековье трансформировалось в классовую религию, отражавшую идеологию патриархально-феодального общества. В XV—XVI вв. оно приобрело характер единобожия (бир тенгри), его переводят словом аллах.В это время культ «тенгри» еще соперничал с религией ислама.

Вопреки предписаниям ислама, казахи долго почитали культ предков, имели изображения своих отцов, которые они называли буттенгри. Рузбехан писал: «Среди казахов распространены некоторые обычаи неверия, у них существует образ некого идола, которого они чтут и совершают ему поклонение». Эти идолы, изображающие человека, делались из камня. Существовали идолы также из дерева, войлока и шелка, сохранившиеся от прошлого времени. Плано Карпини (XII в.) писал: «У них есть

какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческому... других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их». Древние племена верили, что почитание духа отцов принесет им счастье, обилие продуктов, поможет сохранить их жизнь и их стада. «Если умрет почитаемый человек, — писал Абулгази, — то его сын, или дочь, или братья делают по его подобию изображение и говорят: вот это образ нашего уважаемого; дотрагиваются лицом до идола, целуют его и предподносят ему начатки пищи».

Культ предков, основанный на почитании родоначальников, сохранился у казахов до более позднего времени и получил свое отражение в русских источниках По свидетельству капитана Андреева (XVIII в.), «истукана они наряжали в лучший костюм, сверху надевали панцирь или кольчугу, на голову шлем».

Преимущественно старые языческие обряды сохранились в отдаленных уголках степи, где влияние ислама было очень слабо. Проявления язычества преследовались мусульманским духовенством, разжигавшим фанатизм. Бухарские шейхи и казии, вдохновляемые Шейбани (XVI в.), составили решение, в котором утверждалось, что казахи идолопоклонники, а значит, отступники от ислама. Они рекомендовали хану объявить газават (священную войну) против казахов, уничтожить их идолов.

В мировоззрении народных масс в XV—XVII вв. господствовали анимистические представления и культ сил природы, сохранившие черты древней мифологии, в частности признание борьбы двух начал: доброго (кие) и враждебного (кесир). Сущность анимизма заключалась в одухотворении природных явлений, представлений о том, что за каждым явлением природы скрывается дух, который якобы управляет им.

Казахская мифология запрещала рвать весеннюю зеленую траву, ибо в ней люди видели непрерывность жизни. Казахи почитали дух земли (жер-ана) и воды (су-ана). Существовал культ покровителя стада овец (шопан-ата), коров (занги-баба), лошадей (камбар-ата), верблюдов (ойсыл-кара). Казахи почитали также небесные светила — луну, солнце и др., жертвоприношения небу приносили кобыльим молоком, прося о воде, о благополучии стад. Утром перед едой «казахи берут чашу с кумысом, — пишет Рузбехан, — и прежде чем выпить ее, обращают свое лицо в сторону восходящего солнца, окропляют из нее немного напитка и совершают земной поклон,

произнося хвалу (небу) за то, что оно дарует им влагу — источник жизни».

Большое значение имел культ огня . Сохранилось и древнейшее название священного огня — алас. По казахскому поверью огонь — покровитель жилища, домашнего очага. Невеста при вступлении в новую семью должна была поклониться огню в большом доме, принести жертву огню, поливая в него масло.У казахов сохранился древний обряд очищения огнем (аластау, от древнего слова «алас» — ночной свет, священный огонь). Этот обряд совершался при перекочевке с зимовки на джайляу. С древних времен у казахов сложилось поверье, что на зимних стойбищах люди часто грешат, так как в жилищах водятся «нечистые силы», приносящие вред человеку. В противоположность зимовке джайляу чист, беспорочен, и туда следует явиться очищенным. У начала кочевой дороги, ведущей на джайляу, казахи разводили два больших костра, между которыми пропускали людей и отары овец. Лошади, как «чистые животные», не подлежали очищению. Около костра обычно стояли две старухи, произносившие молитвенные слова: «алас-алас, эрпэледен халас» — священный огонь, избавь нас от всякой бед, несчастья.

АРХИТЕКТУРА И ДЕКОРАТИВНАЯ РОСПИСЬ

Упадок городов и городской культуры в XVI—XVII вв. особенно отразился на развитии зодчества. От этого времени не сохранились монументальные памятники, какие нам оставило предшествующее время. Постройки были преимущественно глинобитные, сложенные из резных сырцовых кирпичей или пахсы — больших глиняных блоков. До нас дошли оплывшие стены сооружений, построенные из глины. Встречаются постройки из белого известняка, песчаника, глинистого сланца и гранита. Это — остатки крепостных стен, мечетей, мавзолеев, башен. По остаткам этих сооружений видно, что, несмотря на разорительные войны, народные зодчие продолжали развивать свое искусство.

Архитектурные памятники XVI—XVII вв. лучше всего сохранились на Сыр-Дарье, в районе Кара-Тау, в долинах Таласа, Чу, Сары-Су и Тургайской степи. Памятники каменной архитектуры встречаются преимущественно на Мангышлаке, в бассейнах Сагиза, Эмбы, в Центральном Ка-

захстане, в Семиречье, в горах Алтая и Тарбагатая. Памятники зодчества XVI в. встречаются значительными группами в районе древних городов Сыгнака, Саурана, Дженда, Туркестана и Отрара. В историко-художественном отношении значительный интерес представляет Сауранская башня, ныне уже разрушенная. Это один из наиболее выдающихся памятников того времени, монументальное сооружение, построенное по типу бухарских башен, высотой до 16 м. Столь же значительны башня Бегим-Мунара, расположенная в низовьях Сыр-Дарьи, и комплекс Сунак-Ата, расположенный в ансамбле старинных памятников города Сыгнака.

По свидетельству письменных источников, к лучшим произведениям архитектуры XV—XVI вв. относились мавзолеи казахских ханов Джаныбека и Касыма, находившиеся в древнем некрополе в Сарайчике. Своей архитектурной выразительностью отличались также мавзолеи Есима и Джангира (XVII в.), построенные в Туркестане возле мечети Ходжи Ахмеда Ясави. Эти памятники теперь лежат в руинах. О типах постройки той эпохи ясное представление дают памятники, дошедшие до нас в сравнительно хорошем состоянии. Здесь прежде всего нужно отметить мавзолеи Кармакчи-Ата и Сараман-Ата, расположенные в низовьях Сыр-Дарьи. Первый из них имеет форму кубовидного здания с куполом в виде усеченного конуса — один из обычных типов надгробных сооружений в Казахстане.

Другие памятники низовьев Сыр-Дарьи и района Кара-Тау характеризуются обычными формами шатровых зданий. К ним относятся мавзолеи Кара-батыр, Торе-Там, Шек-Нияз, группа надгробных сооружений в предгорьях Кара-Тау. Памятники Центрального Казахстана в районе Улу-Тау, сохраняя общий принцип шатровой конструкции, отличаются многообразием планов. Здесь встречаются многогранные и эллипсоидные планы и их комбинации. Своей строгой формой выделялся мавзолей Казангапа, ныне почти полностью разрушенный. Здание в плане представляет восьмигранник, на котором возвышается высокий конический купол. Внутренние стены здания разработаны глубокими нишами стрельчатой формы и расписаны разноцветным орнаментом.

К XV—XVI вв. относится мавзолей Болган-Ана N2, находящийся в ансамбле древнего некрополя того же названия. Комплекс расположен на р. Кенгир, при впадении ее в Сары-Су. Это — портальное сооружение с прямоугольным абрисом в плане. Главный фасад здания,

обращенный на юго-запад, был украшен орнаментальными поясами, от которых ныне почти ничего не сохранилось, купол тоже давно разрушен.

Из каменных сооружений Центрального Казахстана особый интерес представляют стены Кзылкентского замка, расположенного в Кентских горах, в 40 км на юго-восток от Каркаралинска. Это остатки большого двухэтажного жилого здания, построенного из резного камня. В плане оно имеет крестообразную форму с внутренними делениями на комнаты и обширный зал. Архитектурные памятники Семиречья во многом сходны с памятниками Сыр-Дарьи и Центрального Казахстана. Отличны от них архитектурные памятники Мангышлака, бассейнов Эмбы, Сагиза, Уила и Хобды. Архитектурные памятники здесь возводились исключительно из белого известняка, материала, легко поддающегося обработке, шлифовке и орнаментации. Из этого материала построены мавзолеи, высечены надгробные камни.

Интересные архитектурные памятники сгруппированы вдоль древнего караванного пути от Сарайчика в Ургенч. Самые важные — Ушкан, Шурук, Мын-Суалмас, Сейсен-Ата, каждый из них является образцом оригинальной архитектуры. Почетное место в казахском народном искусстве XV—XVII вв. занимала стенная роспись. Росписью обычно изображались различные бытовые, охотничьи, военные сцены и эпизоды из жизни умершего. Сложившаяся в течение многих столетий декоративная живопись неразрывно связана с развитием народной архитектуры. Древнейшие элементы декоративной живописи сохранились в районе Джезказгана. Они были сделаны клеевыми красками на плоскости большой нагробной плиты, поставленной внутри мавзолея. На плите красками изображен умерший воин с его конем и доспехами. Эти рисунки, сделанные вопреки предписаниям ислама, отражают пережитки древних верований, еще сохранившихся у казахов.

Весьма интересны и своеобразны росписи на стенах мавзолея в низовьях Эмбы (Кулсары), редкие фрески в архитектурных памятниках Сыр-Дарьи; низовий Таласа и долины Чу. Композиция росписей выполнена в одной манере. Она обычно воспроизводит внутреннюю обстановку богато убранной войлочной юрты и бытовые картины из жизни казахов. Полное соответствие формы подвижного жилища (юрты) и купольноцентрических зданий позволяло художнику воссоздать росписью убранство кочевой юрты. Техника живописи очень своеобразна. Прежде чем писать краской, ху-

дожник тонким инструментом вычерчивал по сырой штукатурке контуры изображаемого объекта, а затем по этим контурам выводил рисунки, заливая их красками. Для стенной живописи применялись краски разных цветов: красные, малиновые, синие, зеленые, желтые, коричневые и черные. Сочетание этих красок хорошо передавало пейзаж.

СВЯЗИ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ С РОССИЕЙ

Первое упоминание о казахских ханствах в русских источниках относится к XVI в. В описи царского архива содержится указание на книги и «списки казатцкие», то есть документы о казахском ханстве при хане Касыме.Ликвидация в 50-х годах XVI в. Казанского и Астраханского ханств и присоединение народов Поволжья к России приблизили границы русского государства к территории Казахстана, способствовали возникновению торговых связей России с казахскими ханствами.

Московские послы в Ногайскую орду Данила Губин (1534) и Семен Мальцев (1569) сообщали в Москву о войнах казахских феодалов с ногайцами и Бухарой. Вслед за этим в 1573 г. Иван IV отправил к казахскому хану Хакк-Назару специального посла Третьяка Чебукова. Посольство Чебукова имело своей целью не только установление непосредственного контакта русского государства с казахскими ханством, но и военного союза с ним для борьбы с сибирским ханом Кучумом. Но Чебукову не удалось добраться до Хакк-Назара, он погиб в пути от руки племянника Кучума — Маметкула.

Через Казахстан проходили торговые пути из России в Среднюю Азию. Многие караваны среднеазиатских купцов, следовавшие на Волгу, а с конца XVI в. и в Сибирь, проходили через казахские степи. Торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию шел через Иртыш к верховьям Ишима, а оттуда мимо гор Улу-Тау на Сары-Су до Туркестана, затем, пересекая Сыр-Дарью, через Кызыл-Кумы — к Бухаре. Другой торговый путь из Казани вел на Каму, через башкирские земли — на Уфу, оттуда — к верховьям Урала, затем — на Иргиз, таласский Ала-Тау и далее — на Ташкент.

В приволжских городах и в Сибири среднеазиатские купцы сбывали не только продукты ремесленного производства Бухары, Самарканда, Ташкента и других городов, но и скот и продукты скотоводства. Они при этом играли роль посредников, скупая на пути у казахов скот и продавая его с выгодой для себя. Русское государство покровительствовало развитию торговли на своих восточных границах. Это подтверждается жалованной грамотой Ивана IV именитым людям — Якову и Григорию Строгановым. 30 мая 1574 г. Иван IV разрешил Строгановым укрепиться на берегах Тобола, добывать «полезныя руды», беспошлинно торговать с соседними народами, в частности с казахами. В грамоте говорилось: «Почнут с ними (Строгановыми) в те новые места приходить торговые люди, Бухарцы и Казацкие орды, и из иных земель, с лошадьми и со всякими товары, а к Москве которые не ходят, и им у них торговати беспошлинно».

70-е годы XVI века — это период временного укрепления ханства Хакк-Назара. Ведя войну с сибирским ханом Кучумом, Хакк-Назар поддерживал с русским государством мирные отношения. В 1577 г. боярский сын Борис Доможиров, ездивший в Ногайскую орду, писал в Москву о том, что казахи, бывшие у ногайцев, говорили ему: «Царь наш Хакк-Назар с царем и великим князем (имеется в виду Иван IV) в миру». О мирных отношениях русского государства с казахскими ханствами в это время говорит и наказ царя Федора Ивановича послу Новосильцеву, ездившему в 1585 г. к германскому императору Рудольфу.

Политические связи казахских ханств с Россией усиливаются в конце XVI в. Казахские ханства заняли в это время вполне определенное место во внешней политике русского государства на востоке. Оно рассматривало их как союзника в борьбе с сибирским ханом Кучумом, воевавшим против России. Вместе с тем царское правительство стремилось использовать казахские ханства для укрепления своего экономического и политического влияния в Средней Азии. Казахский хан Тевеккель, который вел войну с Бухарой и сибирским ханом Кучумом, также был заинтересован в сближении с русским государством. В этом отношении особенно показательны переговоры хана Тевеккеля с царским правительством в 90-х годах XVI в. Сложным было внешнеполитическое положение ханства Тевеккеля в эти годы. Тевеккель вел войну на два фронта: с Абдуллой, ханом бухарским, и Кучумом. В это время он отправил своего посла Кул-Мухаммеда в Москву. Формальным поводом для посольства была просьба о присылке в казахское ханство род-

7 Зак. 1368

ственника Тевеккеля султана Ураз-Мухаммеда, находившегося в Москве с 1588 г. Уже спустя два года после появления в Москве, в 1590 г., Ураз-Мухаммед состоял на русской службе, участвовал в походе русских войск на шведов. Россия в это время воевала с Кучумом, бывшим в союзе с бухарским ханом Абдуллой. Нападение Тевеккеля на Бухарское ханство помешало Абдулле оказать помощь Кучуму. Естественно, что казахское посольство в Москве, возглавляемое Кул-Мухаммедом, было встречено приветливо. Просьба Кул-Мухаммеда о «вогненном бое», то есть огнестрельном оружии, и его заверение в том, что, получив оружие, Тевеккель и его братья будут продолжать войну с Бухарским ханством, были приняты благосклонно. В ответной грамоте Тевеккелю была обещана посылка «многой рати с вогненным боем». Но переговоры не ограничились вопросами военной помощи. Они велись и по вопросу о принятии казахами российского подданства. Кул-Мухаммед просил Ураз-Мухаммеда побеседовать с царем, обещать принятие Тевеккелем подданства, прислать в Москву в качестве маната (заложника) одного из сыновей Тевеккеля, если царь отпустит Ураз-Мухаммеда.

В марте 1595 г. русским царем была подписана жалованная грамота, в которой говорилось, что послы казахского хана били ему челом и просили: «Нам бы великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу, всея Руси самодержцу тебя пожаловати, приняти под свою царскую руку». Аналогичные грамоты были посланы братьям Тевеккеля, султанам Кучуку и Шах-Мамету. В одной из них также есть упоминание о том, что Тевеккель через Кул-Мухаммеда ставил вопрос о подданстве: «А в грамотах своих (Тевеккеля и братьев. — Ред.) к нашему царскому величеству писали естя и речью послы ваши от вас били челом, что нам вас пожаловать, принять под свою царскую руку». Из Москвы к Тевеккелю был послан посол Вельямин Степанов, с ним выехал и Кул-Мухаммед. В инструкции Степанову поручалось после официальных переговоров говорить с Тевеккелем «тайно» и сказать ему, «чтоб Тевеккель царь и братья его царевичи все были под царскою рукою. А государь царь и великий князь учнет их ото всех их недругов оберегати. И стояли бы они на бухарского, и на Кучюма царя, и для своей правды Тевеккель бы царь послал к государю царю и великому князю сына своего царевича Усеина (Хуссейна), а государь царь и великий князь брата их Уразмагаметя царевича отпустить велит». Степанову было предложено в этом Тевеккеля и его братьев «накрепко уговаривати».

В мае 1595 г. Степанов прибыл к Тевеккелю. Позднее он сообщал Федору Ивановичу, что Тевеккель «добре обрадовался» государеву жалованию, бил царю челом и послал в Москву своего сына Мурата вместе с послом Кул-Мухаммедом. Содержание и результаты вторичных переговоров пока неизвестны, но несомненно, что вопрос о подданстве казахов России в конце XVI в. ставился. И хотя дальнейшие переговоры, очевидно, прервались, отчасти, возможно, из-за смерти Тевеккеля, этот факт бесспорно занимает видное место в исторических связях России и казахских ханств.

Разгром ханства Кучума и последующее закрепление Западной Сибири за Россией сыграли большую роль в развитии экономических и политических связей русского государства с казахскими ханствами, границы России приблизились к казахским ханствам не только на западе, со стороны Поволжья и Урала, но и на севере, со стороны Западной Сибири.

В конце XVI— начале XVII в. в Западной Сибири строились русские города, крепости и селения Так, в конце XVI в. были основаны Тюмень, Тобольск, Верхотуры, Тара, в начале XVII в. — Томск. Эти города становились центрами экономической жизни Западной Сибири. Через них, в частности через Тобольск, из казахских ханств и Средней Азии (транзитом через казахские степи) шли торговые караваны и посольства. Усилилась в это время колонизация русским населением территории Западного Казахстана. В 1620 г. был заложен Яицкий городок (ныне Уральск).

Однако дальнейшее развитие экономических и политических связей России с казахскими ханствами с начала XVII в было значительно затруднено, а затем на время почти прервано в связи с передвижением больших масс ойратских племен в районы Северного и Западного Казахстана Пути, по которым приходилось двигаться торговым караванам и посольствам из Средней Азии и казахских ханств в города Западной Сибири и Поволжья, были заняты кочевьями ойратов. Взаимные набеги ойратских и казахских феодалов стали обычным явлением. Тобольские воеводы доносили в Москву, что торговые люди стали бояться ездить в Сибирь из-за беспрерывных военных столкновений ойратских тайшей и казахских феодалов.

Отрицательно также сказались на развитии транзитной торговли через казахские степи и росте городов в Западной

Сибири продолжавшиеся набеги потомков Кучума — кучумовичей — на русские крепости и селения. Породнившись с некоторыми ойратскими феодалами, кучумовичи совершали грабительские набеги вместе с ними. Эти набеги, в частности, помешали основанию в конце 20-х годов XVII века Омской крепости, в районе которой предполагалось поселить крестьян и завести пашни. Царское правительство учитывало эти трудности и предпринимало меры для сохранения торговли через казахские степи. В грамоте царя Михаила Федоровича тобольскому воеводе Куракину, датируемой 1616 г., предписывалось связаться с находившимся в Сауране казахским ханом Аблаем и договориться о том, чтобы ойратов согнать с занятых ими кочевий и таким образом обеспечить безопасность проезда русских и бухарских торговых караванов. Куракину предлагалось также определить место для постройки города на р. Ишим.

Все более частыми становятся поездки сибирских казаков в глубь территории Казахстана, в частности на Ямышевское озеро за солью. В 1624—1626 гг. тарский казачий атаман Гроза Иванов и боярский сын Дмитрий Черкасов дважды посетили Ямышевское озеро и описали путь к нему и его окрестностям.

С середины XVII в. экспедициии за солью на Ямышево предпринимались ежегодно, большая часть из них заканчивалась удачно, хотя нередки были и военные столкновения. Казахстан в это время отнюдь не был «неведомой землей» для России. В известной в истории науки Книге Большому Чертежу, составленной, очевидно, в конце XVI в. и окончательно отредактированной в 20-х годах XVII в., имелось описание значительной частих территории Казахстана. Книга содержала географический обзор района на р. Урал до рек Ишима и Сары-Су и на юг до Ташкента. В книге также говорилось, но очень кратко, так как это не являлось задачей составителей, о населении — казахах, ногаях, указывалось на их кочевой образ жизни. Бесспорно, что все эти сведения были накоплены в течение длительного времени и являлись результатом непосредственного знакомства русских людей с территорией Казахстана.

Позднее сведения Книги Большому Чертежу дополнялись и уточнялись. В 1645 г. царь Михаил Федорович дал указ купцу Михаилу Гурьеву основать каменный городок в устье р. Урал. В том же году строительство началось. Так возник г. Гурьев. К концу XVII в. казахские ханы проявили большую заинтересованность в развитии торговли с Россией. Посылая

в 1687 г. посольство в Россию, хан Тауке писал: «Подданным людям надобно покой, и послы и торговые люди меж ними ездили, добрая слава меж нами хорошая будет». В другом письме, датируемом 1691 г., высказывая желание развить торговые связи с Россией, ханы Тауке и Аблай (хан Старшего жуза. — Ред.) прямо указывали на традицию в торговле казахских ханств с Россией, как на основание для ее будущего роста: «Деды и отцы ваши в те времена (прошлые времена. — Ред.) людей к нам присылали, а наши к вам присылали, богатились и в благоденствии жили... меж нами хаживали торговые люди в совете и дружбе».

Когда в 1691 г. казахскими феодалами было разграблено несколько караванов, Тауке отправил новое посольство в Тобольск. Посольству Федора Скибина и Матвея Трошина, с большими трудностями добравшемуся в 1694 г. до Туркестана, удалось, несмотря на противодействие многих казахских феодалов, вести переговоры об обмене пленными, закончившиеся, правда, безрезультатно. А спустя три года, в 1697 г., Тауке отправил в Тобольск батыра Ташыма с просьбой посылать к нему русских купцов.

Продолжал расти торг у Ямышевского озера. Как отмечала «Статистико-финансовая картина Сибири в 1698—1700 годах», к концу XVII в. на Ямышеве соль «была покупная у киргизов и калмыков», в 1698 г. в Тобольск завезено с Ямышева 30 752 пуда соли, а в 169 г. — 33 397 пудов.

Начало XVIII в. — время укрепления русского государства — характеризуется дальнейшим, гораздо более быстрым, чем ранее, развитием экономических и политических связей России с казахскими ханствами. Росли города в Западной Сибири, особенно Тобольск. Русские помещики и купцы стремились на Восток. Экономический подъем России вызвал потребность в развитии торговых связей с другими странами. Заботясь об укреплении своих позиций, росте торговли со странами Востока — среднеазиатскими ханствами, Персией, Индией, Китаем, — русское государство уделяло все большее внимание казахским ханствам. Петр I говорил, что «токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда (казахские ханства. — Ред.) ключ и врата; и тои ради причины оная де орда потребна под российскою протекциею быть, чтобы только через их во всех азиатских странах комониканцию иметь».

22 мая 1714 г. Петр издал указ об экспедиции подполковника Ивана Бухгольца в Восточный Казахстан и на Алтай. Цели экспедиции были весьма широки. Помимо поисков зо-

лота, Бухгольцу вменялось в обязанность построить крепость на Ямышевском озере, выяснить возможности роста русской торговли в этом районе, разведать пути в другие страны. Бухгольц выехал из Тобольска с громным отрядом в 3 тысячи человек летом 1715 г. В октябре он достиг Ямышевского озера и начал строительство крепости. Вскоре на русский отряд напали джунгарские феодалы. Три месяца отряд Бухгольца просидел в осаде, понес большие потери, а затем вынужден был отступить. Но хотя основные цели экспедиции не были достигнуты, она сделала немало, положив начало Иртышской укрепленной линии и усилению влияния России в этом районе. В 1716 г. была заложена Омская крепость (в месте впадения р. Оми в Иртыш), в 1717 г. — крепость Железинская, в 1718 г. в пятнадцати верстах ниже современного Семипалатинска начала строиться крепость Семипалатная. В 1719 г. в Восточном Казахстане побывала экспедиция генерал-майора Лихарева. В 1720 г. была построена крепость Усть-Каменогорская. В Семипалатной сразу же был открыт торг, назначен таможенный смотритель.

Таким образом, Сибирская пограничная линия значительно продвинулась в глубь территории Казахстана. Линия была заселена главным образом казаками и охранялась регулярными войсками. Почти одновременно с Бухгольцем была снаряжена для обследования восточных берегов Каспийского моря экспедиция Бековича-Черкасского. Экспедиция вела исследования с перерывами с 1715 по 1717 г. В феврале 1716 г. Петр I дал наказ Черкасскому добиваться договоренности с хивинским ханом о развитии русской торговли на Востоке и склонить хана к подданству. Но эта миссия закончилась трагически. В августе 1717 г. Бекович-Черкасский и его отряд погибли в результате предательского нападения хивинского хана. В это время сибирская администрация вела переговоры с казахскими ханами о мире, торговле, совместных военных выступлениях против Джунгарии. В 1716 г. в Тобольск прибыли казахские послы Бекбулат Екешев и Бадаулет (Байдавлет. — Ред.) Нурыев. Они заявили о желании хана Каипа быть с Россией «в вечном миру» и воевать с джунгарами «одними своими людьми... или с русскими воинскими людьми вместе». Сибирский губернатор М. Гагарин, сообщая Петру I об этом посольстве, писал, что «хан де их и вся Казачья орда хотят в миру быть везде с людьми его царского величества». В октябре 1716 г. Гагарин послал к Каипу боярского сына Никиту

Белоусова. Белоусову поручалось разузнать о военных силах Каипа, степени его влияния в ханстве, о других «владельцах Казачьей орды». Ему поручалось также сказать хану Каипу «и всему народу Казачьей орды», что в Сибири российские подданные получили приказ с казахами «ссор не иметь». Несколько позднее, в декабре 1716 г., Петр I, узнав о казахских посольствах, поручил казанскому губернатору Салтыкову, связавшись с Гагариным, заключить с казахскими ханами договор о «вечном мире», предлагая взамен государеву «милость и оборону». Посольство Бориса Брянцева и Якова Тарышкина (ноябрь 1717 г.), выехавшее после позвращения Белоусова, обещало казахам право беспошлинного торга в русских городах.

Несмотря на частые грабительские набеги казахских феодалов на русские селения в Сибири и ответные «воинские поиски» казаков, осложнявшие русско-казахские отношения, царское правительство и в 1719 г. выражало согласие принять казахов «в милость и сохранение». Эти набеги противоречили стремлениям народа к миру. Брянцев, побывавший в казахских степях в 1717 —1718 гг. отмечал, что «казачьего народа все люди говорят, что с людьми российского народа быть в миру всегда они желают».

Обмен посольствами, переговоры о совместных выступлениях против джунгар, о торговле имели место и в последующие годы. В сибирских городах шел торг с казахами. После успешного окончания персидского похода 1722 г. русское государство предприняло новые шаги для укрепления своего влияния в казахских ханствах. Началась подготовка к посольству в Казахстан для переговоров о подданстве. Тевкелев, который должен бы возглавить это посольство, писал: «Петр Великий изволил иметь желание для всего отечества Российской империи полезное намерение в приведение издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд в российское подданство». Давая указания посольству о принятии казахов в подданство, Петр говорил, что «буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться мне (Тевкелеву. — Ред.), несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекциею Российской империи быть обязались».

Мнение Петра отражало политику русских помещиков и купцов. В начале XVIII в. экономические и политические связи России с казахскими ханствами росли и развивались. Они сыграли важную роль в подготовке присоединения Ка-

захстана к России. Большое значение для постановки вопроса о присоединении и его разрешения имело внешнеполитическое положение казахских ханств.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ В XVIII В.

В начале XVIII в. внешнеполитическое положение казахских ханств резко ухудшилось. Продолжались непрерывные феодальные войны. Русский посол в Бухаре Флорио Беневени, пробывший там с 1721 по 1725 г., доносил, что в Средней Азии идет постоянная война, в которой участвуют афганцы, персы, хивинцы, бухарцы, казахи, киргизы, каракалпаки и калмыки — «все дженерально между собою драки имеют». Эти феодальные войны наносили огромный ущерб хозяйству трудящегося населения, были выгодны только для феодальной верхушки. Усобицы подрывали экономические связи между кочевниками и земледельцами Средней Азии, между близкими по происхождению народами, заинтересованными в мире. Приходила в упадок торговля в городах на Сыр-Дарье, сократилось количество купеческих караванов, проходивших через казахские степи.

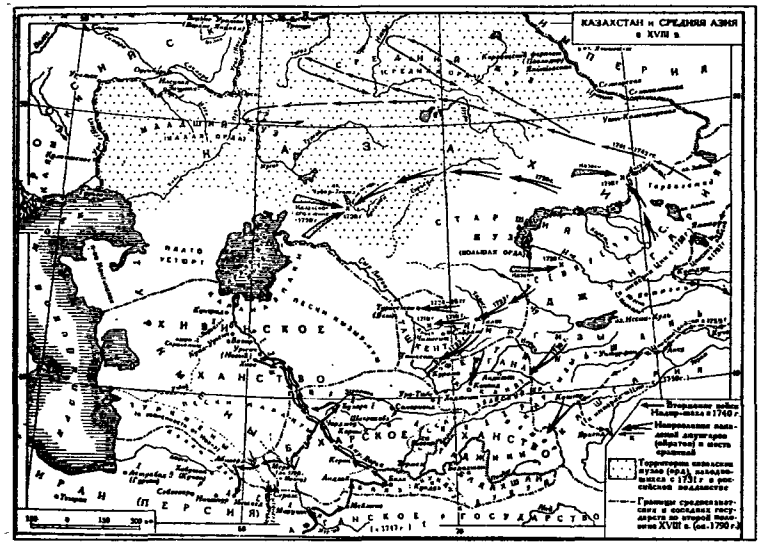
Особенно большую опасность для казахских ханств представляло возникшее на их восточных и юго-восточных границах в 30-х годах XVII в. объединенное джунгарское государство, занимавшее территорию Западной Монголии, Илийского края и часть современной территории Восточного и Юго-Восточного Казахстана.

Джунгария являлась военно-феодальным государством. Основным занятием населения было кочевое скотоводство. Во главе Джунгарии стоял хунтайджи, опиравшийся на феодальную знать — тайшей, нойонов, зайсанов. Видное место в государстве занимало духовенство — ламы. Большая часть населения была феодально зависимой.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. Джунгария была сильным в военном отношении государством. Джунгарское войско во время походов достигало 100 тыс. человек, в нем использовались рабы из пленных. В войске соблюдалась строгая дисциплина, ее нарушители жестоко наказывались.

Джунгарские феодалы вели по отношению к казахскому населению захватническую политику — грабили и разоряли

аулы, угоняли скот, разрушали города и очаги земледелия, обращали мирных жителей в рабов. Казахские феодалы также нападали на Джунгарию, грабили ее население, что вело к еще большему обострению обстановки на восточных границах казахских земель. Но лучшая военная организация, относительная централизация управления, внезапность нападений обеспечивали джунгарским феодалам



крупные военные успехи. По своим разрушительным последствиям набеги джунгарских феодалов на Казахстан можно сравнить только с монгольским нашествием XIII в.

В конце XVII — начале XVIII в. существовала вполне реальная опасность завоевания казахских земель джунгарскими феодалами. Усобицы внутри казахских ханств мешали объединению сил народа для борьбы с завоевателями. Начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов впоследствии отмечал, что казахи могли бы одолеть захватчиков, «ежели б обще согласились. А у них один хан войной пойдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмыков теряют».

К этому следует добавить, что в 1644 г. маньчжурские завоеватели захватили Пекин и положили начало своему господству в Китае. С этого времени на протяжении бо-

лее чем столетия маньчжурские феодалы вели захватнические войны за овладение всей Монголией. В конце 80-х — начале 90-х годов XVII века Цинская империя подчинила Халху (Северную Монголию). Войны Цинов с джунгарскими хунтайджи в последующих десятилетиях самым непосредственным образом сказывались на внешнеполитическом положении казахских ханств. В зависимости от успехов или неудач в военных действиях на Востоке против Цинов джунгарские феодалы усиливали или ослабляли свои нападения на казахские земли. Имело значение и непрерывное военное давление Цинов на Джунгарию, приведшее в будущем, после разгрома Джунгарии в середине XVIII в., к выходу маньчжурских войск на территорию Казахстана.

Русское государство внимательно следило за обстановкой, сложившейся в Джунгарии и на восточных границах казахских земель. Несмотря на частые нападения джунгарских феодалов на русские поселения в Сибири, попытки сбора дани у коренного сибирского населения, принявшего русское подданство, царское правительство, исходя из своих интересов, стремилось поддерживать мирные отношения с Джунгарией. Происходил обмен посольствами, велись переговоры о торговле, иногда о принятии джунгарами российского подданства. Царское правительство сочувственно относилось к борьбе Джунгарии с Цинами, ибо видело в Джунгарии заслон от их экспансии. Россия не вмешивалась активно в войну Цинов с Джунгарией, ибо она была в начале XVIII в. занята борьбой на западе за выход к Балтийскому морю и в Сибири имела недостаточно военных сил. Но своими дипломатическими акциями царская Россия неоднократно помогала Джунгарии. Так, в 1712 г., когда послы китайского богдыхана прибыли к хану волжских калмыков Аюке с предложением заключить военный союз против Джунгарии, Аюка, находившийся в русском подданстве, по указанию из Петербурга отклонил предложение Цинов.

Одновременно царское правительство, заинтересованное в укреплении своего влияния и установлении господства над новыми подданными, стремилось прекратить нападения джунгарских феодалов на казахские кочевья, заявляя при обмене посольствами, что эти нападения мешают развитию торговли через казахские степи. С казахскими ханами сибирская администрация вела переговоры о совместных военных действиях против Джунгарии в случае набегов джунгарских феодалов. Эти переговоры, о которых джунгарские хунтайджи

обычно были осведомлены, действовали сдерживающе на джунгарских феодалов, заставляя их не раз отказываться от осуществления своих захватнических планов.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КАЗАХСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ДЖУНГАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Нападения джунгарских феодалов на казахские земли участились в 40-х годах XVII века при хунтайджи Батуре. В 1643 г. Батур совершил нападение на южные районы Казахстана. Ему удалось захватить значительную часть Семиречья, подчинив кочевавших здесь казахов и киргизов. Но дальше продвинуться Батур не смог.

Казахский хан Джангир, ясно представлявший опасность джунгарского нашествия, прекратил набеги на Бухару и сумел убедить бухарского хана в необходимости военного союза для борьбы с Батуром.

С небольшим ополчением Джангир организовал сопротивление войску Батура. Решающее сражение произошло в узком горном ущелье. Вот как рассказывают сибирские летописи об этом героическом эпизоде освободительной борьбы казахского народа: Джангир приказал одной половине своего отряда «окопаться в узком проходе между горами, а с другою скрылся за гору, пока колмаки пришед обступят шанцы в узком проходе. И как он думал, так и сделалось: контайша наступал на шанцы, из которых храбро оборонялись; а между тем Янгирь султан напал на неприятеля с тылу... произвел между ними такое поражение, что с неприятельской стороны до десяти тысяч человек на месте нало». К концу сражения подошли бухарские войска (до 20 тыс. человек), и Батур вынужден был отступить, захватив, однако, с собой пленных.

В 80-х годах XVII века походы джунгарских феодалов на казахские земли возобновились в еще больших размерах. Они стремились овладеть Южным Казахстаном и торговыми городами на Сыр-Дарье, а также территорией, по которой проходили важные караванные пути. Джунгарский хунтайджи Галдан (1671—1699) в 1681—1685 гг. совершил несколько набегов на Южный Казахстан, взял и разрушил г. Сайрам. Богатые районы были опустошены.

Преемник Галдана Цеван-Рабтан (1699—1729) продолжал захватнические войны в Казахстане. В начале XVIII в. мно-

гочисленные отряды джунгаров продвинулись до р. Сары-Су, часть джунгарских войск вторглась в северо-восточные районы Среднего жуза.

Ставка хана Тауке в районе Туркестана в это время была окружена «кочевьями воинских людей». В 1710 г. в районе Кара-Кумов собрались представители всех казахских жузов для того, чтобы обсудить, как лучше организовать сопротивление. Было создано народное ополчение, которое сумело отбросить джунгарское войско на восток. Но успех оказался временным.

Вскоре джунгарские феодалы возобновили свои походы. В 1716 г. главная часть их войска начала свой поход от р. Или по направлению к Аягузу. Одновременно отряды джунгаров двинулись на Абакан и захватили территорию между реками Бией и Катунью. Происшедшее весной 1718 г. трехдневное кровопролитное сражение между казахским ополчением и джунгарскими войсками на р. Аягузе, несмотря на некоторые успехи казахов в первые два дня боя, закончилось поражением ополчения. Сражение, как рассказывает русский посол Брянцев со слов участника сражения Кутлумбия, было жестоким. К поражению казахов привела, прежде всего, несогласованность действий военачальников ополчения султанов Абулхаира и Каипа, враждовавших между собой, а также внезапный удар джунгар с тыла.

В том же, 1718 г. джунгарские войска разбили на р. Арыси другие отряды казахского ополчения.

Сведения о непрерывных набегах джунгарских феодалов на казахские земли были хорошо известны царскому правительству. Русский посол к Цеван-Рабтану капитан Иван Унковский записал в дополнении к своему дневнику: «С начала своего владения он, контайша, непрестанную войну имеет с Казачьей ордою, которые с каракалпаками заедино воюют, а он, контайша, содержит против Казачьей орды около тридцати тысяч, и много он, контайша, оных казаков повоевал».

Весной 1723 г. многочисленное джунгарское войско через горы Кара-Тау вторглось в долину р.Таласа. Казахи в это время не ждали нападения, они готовились к откочевке с зимних пастбищ. Почти все казахское население здесь было перебито, а оставшиеся в живых вынуждены были бежать, бросив скот и имущество.

В 1724—1725 гг. джунгарские феодалы захватили и разграбили Ташкент и Туркестан. Города были частично разрушены, пашни заброшены, ремесло и торговля по Сыр-Дарье замерли.

Джунгарское нашествие начала 20-х годов XVIII века вошло в историю казахского народа как «годы великого бедствия» (актабан шубрунды) С глубокой скорбью вспоминал казахский народ о тяжелых жертвах, понесенных в борьбе с этим нашествием.

Казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов отмечал, что первая четверть XVIII в. была «ужасным временем в жизни казахского народа. Джунгары, волжские калмыки с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен киргизов (казахов. — Ред.) целыми семьями». Холодные зимы, гололедица увеличивали их бедствия.

Нападения джунгарских феодалов обычно бывали внезапными, мирное население даже не успевало спастись. Так, например, казахские аулы, кочевавшие у р. Бородлай, подверглись в 1723 г. столь внезапному нападению, что в аулах не оказалось даже верховых лошадей, и почти все население аулов было уничтожено. В предании рассказывается, что успевшие спастись бегством, потеряв скот, питались кореньями трав; женщины, дети и старики попадали в плен или гибли в тяжелом, голодном пути.

Десятки тысяч казахов вынуждены были покинуть родные места и откочевали на юг. Не найдя в Средней Азии удобных и свободных пастбищ, вступив в столкновения с бухарскими и хивинскими феодалами, пытавшимися использовать их бедственное положение, значительная часть казахов повернула на запад и северо-запад к русским границам.

Тысячи казахских аулов из южных и юго-восточных районов Казахстана откочевали к рекам Эмбе, Яику и Илеку, на Орь и Уй. В сентябре 1725 г. уфимский воевода сообщил в Петербург: «Киргиз-кайсаки с женами и детьми великим собранием идут к реке Илеку, их и каракалпаков и кайсаков, разбил контайша и два города у них взяли, и из жилищ их с женами и с детьми, и многих порубили, в полон побрали». Такие же сведения поступали из районов Эмбы и Яика.

Казахский народ вел упорную и тяжелую борьбу против джунгарского нашествия. Это была справедливая война народа за свою свободу и независимость. Народные массы были главной и решающей силой освободительной борьбы.

В ходе этой борьбы в 1716—1717 гг. хан Тауке, а в 1718 г. Абулхаир обращались за военной помощью к России. Петр I, узнав в 1716 г. о приезде казахских послов с прось-

бой о помощи, предписал казанскому губернатору Салтыкову «принять их ласково» и обещать защиту в случае подписания договора о вечном мире.

В октябре 1716 г. посольству Никиты Белоусова поручалось вести переговоры о военных действиях против Джунгарии. Последующее посольство Брянцева и Тарышнина также должно было выяснить вопрос о согласованных действиях в борьбе с Джунгарией.

Строительство укрепленных линий и крепостей в Сибири, в ряде случаев дипломатическое вмешательство царской администрации в Сибири, Казани и Астрахани с целью закрепить за Россией ранее присоединенные районы препятствовали новым набегам джунгарских феодалов. При этом царское правительство заботилось лишь о своих интересах.

В 1728 г. казахское ополчение в районе оз. Чубар-Тенгиз, на берегу р. Буланты, нанесло джунгарским феодалам тяжелое поражение. Эта победа воодушевила народные массы на дальнейшую борьбу с врагом. Как рассказывают предания, собравшиеся в том же году неподалеку от Чимкента, у горы Орда-Басы, представители казахских жузов единодушно решили усилить борьбу против захватчиков. Здесь же были избраны руководители ополчения. Начальником всего ополчения стал хан Абулхаир. Видную роль в организации ополчения сыграли батыры Букенбай, Тайлак и Сайрык.

В следующем, 1729 г. (возможно, 1730 г., так как дату точно установить не удалось) к югу от оз. Балхаш произошло новое крупное сражение с джунгарским войском. Джунгарские феодалы вновь потерпели поражение, значительная часть территории Младшего и Среднего жузов была освобождена.

Однако эти победы еще не означали полной ликвидации джунгарской опасности. Борьба продолжалась. В ходе ее наиболее дальновидным представителям казахской феодальной верхушки, в частности хану Абулхаиру, стала ясна необходимость принятия российского подданства как единственного средства, могущего спасти казахов от порабощения Джунгарией.

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

Переговоры о принятии казахов в российское подданство происходили в острый и напряженный период борьбы казахского народа с Джунгарией.

Часть казахских народов в результате набегов джунгарских феодалов в это время откочевала к Эмбе. Отдельные казахские старшины, очевидно, посылали своих посланцев в Астрахань с просьбой разрешить им кочевать за Эмбой. В июле 1725 г. астраханский губернатор А. Волынский, основываясь на имевшихся у него данных, сообщал в коллегию иностранных дел: «А между тем велю смотреть, не будет ли оной народ (казахский. — Ред.) добровольно протекции ея и.[мператорского] в.[еличества] желать. И буде к тому склонность покажут, то велю их там под рукою обнадежить. Токмо чтобы они сами просить о том знатных своих прислали».

В начале 1726 г. хан Абулхаир отправил в Петербург своего посла Койбагара Кобекова. Посол от имени старшин Младшего жуза заявил о желании казахов быть «под протекциею» России. Кобеков просил разрешения кочевать в районе Яика, права свободно ездить в Россию, а также указания башкирским старшинам и яицкому казачьему войску, «чтоб они жили с ними смирно и разорения и набегов не чинили». Он просил еще обмена пленными и обещал, что казахские старшины будут «служить во всякой верности и по указам ее величества». Однако это посольство результата не имело, так как коллегия иностранных дел сомневалась в полномочиях посла. Кобеков был отпущен из Петербурга и вернулся к Абулхаиру.

В июле 1730 г. Абулхаир вновь обратился в Петербург с просьбой принять его и подвластных ему казахов в подданство России. Он писал: «Ныне желаю быть со всем моим владением вашего императорского величества в подданстве... Я, Абулхаир хан, с подданными своими старой и малой статьи, с сорока тысяч человек казахами желаю под протекцию вашего императорского величества».

Присланные для переговоров казахские послы в своей «сказке» от 21 октября 1730 г. выразили также уверенность в том, что казахи, приняв подданство, получат защиту от нападений джунгарских феодалов.

Коллегия иностранных дел в связи с приездом посольства составила докладную записку, в которой, охарактеризовав политическую обстановку в казахских степях, высказала свое положительное мнение о «кондициях», предложенных казахскими послами Сеиткулом Кундагуловым и Кутлумбетом Коштаевым для оформления подданства. Эти «кондиции» были приняты и вошли в жалованную грамоту императрицы Анны Ивановны.

Вопрос о принятии российского подданства был поставлен Абулхаиром и его окружением без давления со стороны царского правительства. И. К. Кириллов, начальник Оренбургской экспедиции, хорошо осведомленный о политической обстановке в казахских степях, впоследствии отмечал, что «киргиз-кайсацкий народ... безо всякого движения наших войск, но из своей воли в наше вечное подданство пришел».

Абулхаир, вопреки сопротивлению части казахских феодалов, ориентировавшихся на Джунгарию, добивался принятия российского подданства. При всех своих колебаниях в последующие годы Абулхаир все же в конечном счете держался ориентации на Россию.

При этом, конечно, нужно иметь в виду, что Абулхаир и его феодальное окружение, добиваясь присоединения к России, стремилось с помощью царизма укрепить свои позиции, сломить сопротивление соперников в борьбе за ханский престол, сохранить свою власть, укрепить феодальные права и привилегии, усилить эксплуатацию феодально зависимого крестьянства. Хорошо подметил это А. Тевкелев, возглавивший русское посольство к Абулхаиру для приведения его к присяге. В своих заметках он писал, что Абулхаир «просил протекции ея императорского величества, через которую намерен был в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников из роду своего на оном ханстве утвердить».

ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА МЛАДШИМ ЖУЗОМ

19 февраля 1731 г. императрица Анна Ивановна подписала жалованную грамоту о принятии Младшего жуза в подданство России. В грамоте отмечалось, что казахи приняты в подданство по их просьбе. В конце апреля 1731 г. из Петербурга выехало русское посольство во главе с А.Тевкелевым, участником персидского похода 1722 г., образованным человеком, владевшим восточными языками, и опытным дипломатом. Посольство состояло из 60 человек, в него входило несколько дворян, геодезисты для съемки местности и другие лица. Посольство сопровождали казахские послы Кутлумбет Коштаев и Сеиткул Кундагулов, а также несколько башкирских старшин.

В первых числах октября 1731 г. посольство Тевкелева прибыло к Абулхаиру. В чрезвычайно трудной обстановке пришлось Тевкелеву приводить казахских старшин к присяге. Часть казахских феодалов, в частности султаны Батыр и Барак, поддерживавшие связи с Джунгарией, резко выступали против принятия подданства. Эта, как ее называют источники, «противная партия» пыталась даже убить Тевкелева. В течение нескольких дней продолжалось обсуждение вопроса о принятии присяги на подданство. К расправе с Тевкелевым и отказе от подданства призывали казахских старшин также посланцы калмыцких тайшей с Волги, прибывшие в это время в ставку Абулхаира. Особенно возмущало некоторых казахских феодалов то, что Абулхаир обратился в Петербург, не посоветовавшись с ними, в чем они видели превышение прерогатив ханской власти. Но Абулхаира решительно поддержали знатные и влиятельные старшины Букенбай, Есет, Худай-Назар-мурза и другие.

10 октября 1731 г. большинство старшин Младшего жуза от имени управлявшихся ими родов высказалось за принятие российского подданства. Вслед за Абулхаиром и Букенбаем присягнули 30 старшин, представлявших большую часть родов Младшего жуза. Хан Абулхаир и старшины в принесенной ими присяге обязались «содержать себя всегда в постоянной верности» России, совместно с другими российскими подданными охранять земли от врагов, жить в мире со всеми подданными России — башкирами, калмыками, яицкими казаками, обеспечить безопасность караванов, проходящих через казахские степи, вернуть всех пленных и «вперед отнюдь не брать».

Решение собрания старшин 10 октября 1731 г. о принятии российского подданства соответствовало интересам казахского народа, оно положило начало присоединению Казахстана к России. В декабре 1732 г. из Младшего жуза в Петербург было отправлено казахское посольство во главе с султаном Ералы. Посольство добралось до столицы только год спустя. Оно было торжественно встречено и в феврале 1734 г. получило аудиенцию у императрицы. Ералы обещал соблюдать присягу и просил о постройке города в устье реки Ори. Эта просьба была принята. Вслед за приемом обер-секретарь сената И.К.Кириллов, очевидно по поручению коллегии иностранных дел, представил в апреле 1734 г. проект мероприятий для «удержания в русском подданстве киргизов (казахов. — Ред.) и способа управления ими».

В 1734 г. последовал царский указ об организации Оренбургской экспедиции и основании г.Оренбурга, «дабы в покое орды содержать», «коммерцию безопасную в пользу нашего интереса и наших подданных иметь» и для «закрытия за собой Башкирии», то есть закрепления башкирских земель за Россией. Строительство нового города должно было также привести к развитию торговых связей России с странами Востока — с Бухарским ханством, Бадахшаном, Балхом и Индией. В этом проекте ясно проявились колонизаторские планы царизма.

Экспедицию быстро укомплектовали, в ее состав вошли горные мастера, ботаники, даже чины морского ведомства, чтобы, как говорил Кириллов, «на Аральском море российский флаг объявить». Стремился принять участие в экспедиции и М. В. Ломоносов, тогда еще ученик Спасских школ. 4 сентября 1734 г. он подал прошение о зачислении в состав Оренбургской экспедиции, но просьбу его отклонили. Оренбургская экспедиция должна была всесторонне изучить присоединенный к России край: собрать сведения об его экономике и географии, сделать картографические съемки, разведать месторождения полезных ископаемых.

Экспедиции поручалось также организовать отправку торговых караванов в Среднюю Азию, попытаться построить крепость в устье Сыр-Дарьи, чтобы продвинуться в глубь казахских степей.

Разрешить все эти задачи экспедиции не удалось. Восстание в Башкирии, жестоко подавленное царскими властями, задержало Кириллова в Уфе.(в апреле 1737 г. он умер). Но г. Оренбург (ныне Орск) 15 августа 1735 г. был заложен.

О том, какое большое значение царское правительство придавало Оренбургу, свидетельствуют предоставленные городу привилегии. По царскому указу в Оренбурге разрешалось селиться всем, кроме беглых крепостных, торговать со льготами в пошлинах, строить фабрики и заводы в городе и окрестностях «на 100 верст кругом». Купцам представлялась денежная трехмесячная ссуда без процентов, купцы и ремесленники освобождались от подушной подати, которую за них должна была вносить Оренбургская экспедиция. Солдатам гарнизона выдавались средства на постройку домов, отводилась земля. В городе предоставлялось также право селиться казахам и всем приходящим «из азиатских стран».

Постройка Оренбурга сыграла большую роль в укреплении влияния России в Младшем жузе. Присяга, принятая старшинами Младшего жуза в октябре 1731 г., неоднократно в последующие годы подтверждалась. Когда в 1732 г калмыцкие тайши пытались склонить старшин Младшего жуза к совместному нападению на русские селения, Абулхаир, Букенбай, Есет и другие активные поборники присоединения заявили: «Калмыцкая орда — ветр, а Российская империя — непоколебимый столп, и от Российской империи до смерти своей руки своей не отымать» и «служить верно будем». Позднее, в 1736 и 1738 гг., Букенбай дважды обращался с письмами к Тевкелеву, заверяя в верности казахов подданству России Правда, в 30—40-х годах XVIII века имели место частые набеги казахских феодалов на русские крепости и селения, их переговоры с джунгарскими хунтайджи. Они были вызваны колонизаторской политикой царизма, осуществлявшейся оренбургским губернатором И. И. Неплюевым, усобицами между казахскими феодалами, их соперничеством Но все это не исключало того, что большая часть Младшего жуза оставалась в российском подданстве.

ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА СРЕДНИМ ЖУЗОМ

Вслед за Младшим жузом принял российское подданство Средний жуз.

В 1731 г. после собрания старшин Младшего жуза Абулхаир направил своих посланцев к хану Среднего жуза Семеке с предложением принять подданство России. Послы инструктировались Тевкелевым, который велел им передать Семеке, что императрица Анна Ивановна согласна принять казахов Среднего жуза в подданство на тех же условиях, что и Младший жуз. В конце того же, 1731 г. (дата точно не установлена) Семеке от имени части родов Среднего жуза принял присягу на верность России, заявив при этом, что присягает добровольно.

Но присягой Семеке была присоединена к России только часть Среднего жуза. Присоединение населения остальных районов затянулось. Султаны Абулмамбет и Аблай, правившие в этих районах, уклонялись от присяги. Пытались помешать присоединению Старшего жуза калмыцкие тайши. Весной 1732 г., как сообщил Тевкелеву Букенбай, «кал-

мыцкие посланцы поехали для возмущения в Среднюю орду». Семеке в 1733 г. нарушил присягу и напал на башкир Уфимского уезда, являвшихся подданными России. Царское правительство направило Семеке в связи с этим специальную грамоту, требуя прекратить набеги.

В начале августа 1738 г. начальник Оренбургского края В. И. Татищев созвал в Оренбурге съезд казахской феодальной знати для переговоров о развитии торговли в казахских степях и приведения султанов и старшин к новой присяге на подданство России. Здесь вновь присягнули Абулхаир, его сыновья — султаны Нуралы и Ералы, на присяжном листе поставили свои тамги 52 старшины, из них 25 старшин Младшего жуза и 27 Среднего жуза. Но султаны Аблай и Абулмамбет не явились на съезд, мотивируя отказ отдаленностью своих кочевий. Только в 1740 г., когда уже большинство родоправителей Среднего жуза приняло подданство, Аблай и Абулмамбет приехали в Оренбург, где присягнули на подданство России. Таким образом, в 1740 г. большая часть территории Среднего жуза была присоединена к России.

Между тем набеги джунгарских феодалов на Казахстан не прекращались. Джунгарский хунтайджи Галдан-Церен, который, по выражению П.И.Рычкова, «войско свое привел в хорошую исправность и перед прежними оных (воинов) больше прибыло», в 1740 г. «немалое число войска своего до самой Орской крепости за ними (казахами) посылал». В 1741—1742 гг. джунгарские феодалы вновь вторглись в Средний и Младший жузы. Им удалось на время прорваться к рекам Ишиму, Ори, Иргизу и Илеку. В 1742 г. они заняли район среднего течения Сыр-Дарьи. Казахские султаны Абулмамбет, Барак, Батыр перешли на сторону джунгарского хунтайджи Галдан-Церена, дали ему аманатов (заложников) и обещали платить дань. Часть населения Среднего жуза оказалась на время под властью Джунгарии.

При первых сведениях о вторжении джунгарских феодалов в казахские земли крепости и форпосты Оренбургской укрепленной линии были приведены в боевую готовность. Пограничные власти потребовали от Галдан-Церена прекращения грабежей и освобождения территории, населенной подданными Российской империи.

Оренбургскому коменданту было приказано «принять меры к защите киргиз-кайсаков, а в случае прямого нападения на них зюнгорцев... вывести регулярных и нерегулярных людей потребное число и несколько пушек, и такою партией улусы их прикрыть, а между тем к зюнгорцам послать от себя и улусных людей объявить, что киргиз-кайсаки ея императорского величества подданные и для того б они, зюнгорцы, по доброму их соседству с Российской империей неприятельским образом с подданными ея императорского величества не поступали и возвратились в свое отечество». По требованию Оренбургской администрации джунгарские войска, дошедшие до Ори, повернули обратно.

В 1742 г. в Джунгарию было направлено посольство майора Миллера, которому поручалось снова заявить Галдан-Церену, что Младший и Средний жузы состоят в российском подданстве, а поэтому джунгары должны прекратить набеги. Миллер должен был также настоять на том, чтобы джунгары освободили содержавшихся в плену султана Аблая и других казахов. Эти требования оренбургской администрации, переданные Миллером, были выполнены.

Много казахских аулов откочевало под защиту русских крепостей.

Царская администрация дала указание укрепить Сибирскую линию, построить новые форпосты и редуты, направила три пехотных полка для усиления ее гарнизонов. Все эти меры, с помощью которых царизм укреплял свою власть в казахских степях, вместе с тем препятствовали новым набегам джунгарских феодалов.

В августе 1742 г. в Оренбурге большая группа казахских старшин снова присягнула на подданство России (83 старшины Младшего жуза, 68 — Среднего жуза). В связи с присягой состоялся парад войск Оренбургского гарнизона. Ссылаясь на впечатление от парада, Абулхаир заявил присутствовавшему при этом джунгарскому послу, что в «безопасности и защищении под державою ея императорского величества жить он может».

Принятие российского подданства Младшим и Средним жузами произвело впечатление в Старшем жузе, большая часть населения которого томилась под игом джунгарских феодалов. Ханом Старшего жуза в это время был Жолбарыс, но фактически его власть распространялась на очень небольшую территорию. С населения Жолбарыс и казахские феодалы собирали налоги, большая часть которых утекала в казну джунгарского хунтайджи. Узбекский купец Нур-Мухаммед сообщал в 1735 г. в Оренбурге, что хан и его «ближние люди» собирают «от хлеба пятую, а еще и десятую долю и скота — коров и овец».

Когда Жолбарыс узнал о приезде Тевкелева к Абул-

хаиру для приведения Младшего жуза в подданство, то послал к нему трех старшин с письмом. Вместе со старшинами выехали к Тевкелеву посланцы феодалов и купцов Ташкента с целью выяснения обстановки в Младшем жузе. В составе посольства султана Ералы в Петербурге находились два батыра Старшего жуза — Аралбай и Арасгельды (Рыскельди. — Ред.). Одновременно в Петербург поступило ходатайство группы старшин Старшего жуза с просьбой принять их в подданство. В ответ на эту просьбу императрицей Анной Ивановной 20 апреля 1734 г. была подписана грамота «бекам, батырям и киргизам Большой орды», в которой она писала: «соизволяем вас в подданство наше принять на таких же кондициях, на каких в подданство наше принят Абулхаир хан с войском кайсацким Младшей орды». Грамота была отправлена с И. Кирилловым. Однако Кириллову ввиду сложности обстановки в Младшем и Среднем жузах, противодействия джунгарских феодалов, хозяйничавших в Старшем жузе, а также части казахских феодалов не удалось оформить присягу старшин, обратившихся с ходатайством в Петербург.

В 1738 г. хан Жолбарыс снова обратился с просьбой о принятии казахов Старшего жуза в российское подданство. Но и эта просьба не имела реальных последствий. Только в августе 1742 г., как позволяют установить источники, четверо старшин казахских родов Старшего жуза приняли в Оренбурге присягу на подданство России. Это подтверждается записью Тевкелеву, лично занимавшегося в эти годы принятием присяги. В одной из своих позднейших записок он отмечал, что казахи Старшего жуза «кочуют от России вдали, между Туркестана и Ташкента, но токмо оной Большой орды не все в подданство приведены, однако несколько, которые близ Средней орды кочуют, те к присяге приведены». Таким образом, уже в начале XVIII века часть казахского населения Старшего жуза приняла российское подданство.

Политическая обстановка в жузе, противодействие джунгарских феодалов, непрерывные феодальные войны, занятость России укреплением своих позиций в Младшем и Среднем жузах задержали в то время присоединение Старшего жуза к России. В последующие десятилетия подчинение южных районов Казахстана кокандскими и хивинскими феодалами еще более помешало завершению присоединения казахских земель к России.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Социально-экономическое развитие Казахстана во второй половине XVIII в. происходило под воздействием экономики России.

Россия в это время являлась одним из крупнейших государств Европы. Территория ее значительно расширилась, включала Литву, Белоруссию, Правобережную и Южную Украину, Крым, достигнув, таким образом, берегов Черного моря.

Развивались производительные силы страны. Быстро росло количество промышленных предприятий. Расширялись посевные площади. Росла внутренняя и внешняя торговля. Были отменены внутренние пошлины, устанавливались протекционистские таможенные тарифы для внешней торговли. Увеличивалась роль купеческих компаний. Некоторые из них в 1751 г. получили право монопольного торга в сибирских городах и на среднеазиатских рынках.

Развитие экономики происходило за счет усиления гнета, жестокой эксплуатации народных масс, что вызывало резкое обострение классовой борьбы.

С развитием всероссийского рынка, ростом торговли влияние экономики России постепенно начинало сказываться на казахском хозяйстве, которое все более втягивалось в рыночные отношения.

Господствующие классы России были заинтересованы в расширении торговли с Казахстаном. Торговля эта носила колониальный характер. Царской администрации в Оренбурге предписывалось при посредстве русских купцов скупать скот и продукты скотоводческого хозяйства у казахов в обмен на хлеб, сукна, металлические изделия и другие товары, разумеется с большой прибылью для себя. Чтобы увеличить поступление скота и продуктов животноводства на рынок, казахам разрешалась беспошлинная торговля.

Скот (овцы, лошади), продукты скотоводства (верблюжья и овечья шерсть, козий пух, овчины, мерлушки), изделия из животноводческого сырья (кошмы, шерстяные ковры, тулупы и пр.), меха лисиц, корсаков, волков казахи обменивали на русские товары. В Казахстан из России привозились ткани (сукна, бархат, холст, бязь), кожи и кожевенные изделия, посуда, предметы домашнего обихода, красильные материалы, а также галантерейные товары.

Общие размеры торговли Казахстана с Россией по отдельным годам колебались, обнаруживая, однако, посто-

янную тенденцию к росту. Особенно выросла торговля хлебом с 1763 г., когда была отменена пошлина на хлеб.

Торговля в Оренбурге и других городах и крепостях велась не только с казахами, но и со среднеазиатскими купцами, а также с купцами из других азиатских стран. С 1745 по 1774 г. через Оренбургскую таможню прошло на восток товаров на сумму 6691 тыс. рублей, а прибыло — на 5203 тыс. рублей. Только пошлина за эти 30 лет составила сумму более миллиона рублей.

Расширение скотоводческого хозяйства стимулировало развитие скотоводства в Казахстане.

Масштабы торговли казахским скотом систематически росли. В первое время торговля на русских рынках велась главным образом частью феодально-байской верхушки, сбывавшей продукты своего хозяйства. Со временем, по мере развития торговли, в ней стало принимать участие все большее количество хозяйств. По словам капитана Н. Рычкова, проезжавшего по казахской степи в 1771 г., в селения Уйской линии казахи «приходили толпами, приводя с собой табуны овец, коров и лошадей», которых они обменивали на промышленные товары и хлеб.

Во второй половине XVIII в. потребности казахского хозяйства в промышленных изделиях, главным образом в северных и западных районах Казахстана, все в большей степени удовлетворялись за счет ввоза из России. Развитие обмена способствовало разложению натурального хозяйства, росту товарного производства и денежного обращения в Казахстане.

Торговый обмен с казахами вели не только русские купцы, но и еще немногочисленные в то время русские крестьяне-поселенцы. Купечество было серьезно обеспокоено ростом торговли между русскими крестьянами и казахами. Купцы жаловались царской администрации: «Как много убогих торгашей и крестьян наехало и цену у товаров испортили», — и просили запретить крестьянам вести торговлю. Идя навстречу этим пожеланиям, царское правительство установило ограничения крестьянского торга. Согласно указу 1755 г. русским крестьянам разрешалось продавать казахам только продукты своего хозяйства. Эти сословные ограничения были подтверждены указом 1778 г.

Возросло значение транзитной торговли через территорию Казахстана со Средней Азией. По караванным путям, соединявшим Хиву, Бухару и Ташкент через казахские степи с Орском и Оренбургом, Ургенч и Хиву — с

Астраханью и Средним Поволжьем, Семипалатинск — с Кульджой и Чугучаком, проходило большое число караванов.

В целях обеспечения безопасности транзитной торговли царское правительство принимало меры к охране караванов. Вожаками их могли быть только крупные феодалы. Царское правительство требовало аманатов (заложников) от старшин, сопровождавших караваны. В свою очередь старшины обязывались обеспечить их безопасность в пути. За благополучный провод караванов старшины получали плату и подарки.

СТРОИТЕЛЬСТВО УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЙ И ГОРОДОВ

В ходе присоединения казахских земель к России царское правительство, преследуя колонизаторские цели, создавало на присоединенной территории укрепленные линии и города. Эти укрепленные линии стали опорными пунктами колониальной политики царизма. Вместе с тем возникновение городов и поселений в районах укрепленных линий усилило приток русского населения в Казахстан и имело большое значение для развития экономических и культурных связей Казахстана с Россией.

Укрепленные линии в относительно короткий срок опоясали западные и северные границы Казахстана. Начало этим линиям было положено в XVII в. постройкой казачьих форпостов, редутов и крепостей вдоль Яика. К середине XVIII в. укрепленные линии протянулись по берегам всего нижнего течения Яика, от Уральска до Гурьева.

В связи тем, что место, на котором был заложен в 1735 г. город Оренбург (ныне Орск), оказалось неудобным для развития транспортных связей с прилегающими районами и постоянно страдало от весенних разливов Яика и Ори, в 1740 г. Оренбург перенесли вниз по реке к урочищу Красная гора (ныне с. Красногорское). Но и это место оказалось непригодным для города. В 1743 г. у устья р. Сакмары был основан г. Оренбург, а уже в следующем, 1744 г. была образована Оренбургская губерния. Оренбургскому губернатору были подчинены все построенные и строящиеся крепости с их гарнизонами а также поселенцы-крестьяне и казаки; ему было поручено также «ведать киргизский народ и тамошние пограничные дела». Линия форпостов и редутов соединила Оренбург с Уральском и Орском.

В 30 — 40-е годы XVIII в. была построена Уйская укрепленная линия от Верхнеяицка (ныне Верхнеуральск) до Звериноголовской крепости общей протяженностью в 770 км. В Уйскую линию входили крепости Карагайская, Каракульская, Крутоярская, Усть-Уйская и др. В эти же годы строилась Иртышская линия протяженностью в 930 км, соединившая Омск с Семипалатинском и Усть-Каменогорском В 1752 — 1755 гг. была построена Новая Ишимская линия протяженностью в 562 км от Звериноголовской крепости на Тоболе до Иртыша. Она сомкнула Уйскую линию с Иртышской. В районах укрепленных линий возникли и росли казачьи поселения.

Крепости строились в основном по одному плану. Представление об их устройстве может дать описание крепости св. Петра (впоследствии г.Петропавловск). Она находилась на высоком правом берегу Ишима, через который был переброшен плавучий мост. Крепость была окружена земляным валом и рвом, в ней находились казармы, магазины, цейхгауз, канцелярия и церковь. Вал был высотой в 12 футов с пятью воротами и башнями. За валом были построены форштадт и меновой двор.

Гарнизоны крепостей комплектовались служивыми казаками. Сибирское казачество пополнялось за счет «приписки» к нему крестьян и ссыльных. Эти казаки служили бессрочно, «доколе в силах», за небольшое денежное и хлебное жалованье. Они получали земельные наделы, которые в большинстве случаев являлись главным источником их доходов. Как правило, дома сибирских казаков находились в слободах у крепостей, форпостов и редутов.

Уже в 60 — 70-х годах XVIII века некоторые крепости стали центрами оживленной торговли. Особенно быстро росли форштадты — селения у крепостей, где жили торговцы, отставные солдаты, крестьяне и казаки с семьями. Так, если в Петропавловской крепости в 70-х годах насчитывалось немногим более 170 дворов, то в форштадте при ней было 200 дворов. В описании Ишимской линии, составленном в 1780 г., отмечалось, что на Петропавловский меновой двор «киргизцы приходят всегда на торг караванами... Они пригоняют больше всего лошадей, убойных быков и широкохвостых баранов, да сверх того привозят овчины, мерлушки и по несколько мехов. Все сие обменивают они на железные котлы, вертелы, сукна, шелковые материи, платки, позументы, иглы, нитки, бисер, огнива и другие сим подобные товары».

Еще большую роль в развитии экономических связей казахского и русского населения играли города. Полученные Оренбургом привилегии — разрешение селиться в нем, торговать и «всяким промыслом промышлять» русскому купечеству, мастеровым и разночинцам, а также «новоподданным нашим киргиз-кайсацким народам» и другие покровительственные меры — в очень скором времени дали положительные результаты. Оренбург стал одним из крупных городов в азиатской части России. К 1760 г. в нем было около 3 тыс. домов. Меновой двор, находившийся вне стен Оренбурга, представлял громадное по тем временам сооружение с двумя воротами, для въезда и выезда. В нем находилось 344 лавки и 148 амбаров, большей частью покрытых листовым железом. В своей «Топографии Оренбургской» П. И. Рычков с полным основанием писал: «В рассуждение пространства и хорошества сего строения можно объявить, что внутри государства для купечества столь великое здание едва где имеется ль».

Торговцы в Оренбурге конкурировали между собой. Когда в мае 1751 г. в Оренбург прибыла большая группа хивинских купцов, она начала сбивать цены на русские товары. Тогда приказчик петербургского купца и фабриканта Ширванова Иван Захаров, сговорившись с остальными оренбургскими приказчиками, закрыл все лавки, оставив для торговли только две. В результате цены на русские товары вновь поднялись.

Скот и продукты животноводства отправлялись из Оренбурга на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, в Казань, Москву, Петербург и за границу.

Крупным торговым центром во второй половине XVIII в. стал Троицк. Дома в Троицке были «выстроены правильными улицами, коих названия по углам на черных досках означены». В меновом дворе при крепости насчитывалось 600 лавок и амбаров. По словам того же П. И. Рычкова, Троицк, исключая Оренбург, «из всех новопостроенных крепостей может почесться за лучшую и людней шую», а торг в ней «ничем не хуже оренбургского».

Важную роль в экономике Казахстана играли другие города: Семипалатинск, Уральск, Гурьев, где также были учреждены меновые дворы. Для характеристики роли меновых дворов интересен следующий факт: меновой двор у Семипалатинска находился в 15 верстах от крепости; по мере развития обмена он обрастал жилыми домами, хозяйственными постройками, в то время как крепость почти не

росла. В 1776 г. город был перенесен от крепости к меновому двору.

Города в Казахстане уже в то время являлись не только торговыми центрами Через них в Казахстан начала проникать русская культура. В городах оседали искусные русские ремесленники. Русская речь, новые слова и понятия распространялись в городах Казахстана, содействуя сближению казахского и русского народов.

Особенно большое значение для экономического развития Казахстана имело открытие месторождений полезных ископаемых. Уже во второй половине XVIII в. в ходе изучения территории Казахстана русскими учеными и путешественниками были выявлены отдельные месторождения полезных ископаемых. Так, в 70 — 80-х годах XVIII в были открыты медные и свинцовые месторождения в Западном и Центральном Казахстане. Капитан Н. Рычков в 1771 г. отмечал, что он видел в горах Улу-Тау «великое множество медных руд, копанных древними обитателями той страны».

В 80-е годы XVIII века поисковые партии Шаньгина, Риддера и других открыли в Восточном Казахстане большие запасы многих полезных ископаемых, в том числе и такое известное месторождение, как Риддерское. Уже в это время в разведке недр принимали участие казахи. Так, в 1778 г. старшина Кирейской волости Куттикадамов представил коменданту Семипалатинской крепости образцы найденной его братом Алыбаем Бабыковым руды и указал пути к месторождению.

Началась в это время, правда в очень небольших размерах, разработка отдельных месторождений. с 1784 г. разрабатывался рудник Бухтарминский, с 1789 г. — Риддерский, с 1791 г. — Зыряновский, открытый слесарным учеником Герасимом Зыряновым, и др

Для добычи руд царское правительство присылало на рудники ссыльных, приписывало к ним крепостных крестьян, «работных людей» с Урала, использовался в ряде случаев и труд наемных рабочих. Рабочие на рудниках жили в исключительно тяжелых условиях. Они делились на две группы — мастеровых и урочников, то есть чернорабочих, составлявших большинство. Рабочий день длился 12 — 16 часов в сутки, без воскресного отдыха. Холод, постоянное недоедание, тяжелые подземные работы, жестокие наказания, полный произвол начальства — вот что было типичным для положения рабочих на рудниках. Поэтому

обычным явлением были побеги рабочих. Некоторые из них бежали в степи, в казахские аулы.

В это же время начинают работать на рудниках и рабочие казахи. Вместе с тем казахское население вовлекалось и в извозный промысел: казахи-бедняки подвозили к «кабинетским» заводам руду и уголь.

Гораздо большее распространение получил труд рабочих казахов на соляных промыслах в Илецке и на Коряковском форпосте (ныне г. Павлодар), на озерах Эльтон и Нижний Баскунчак. Здесь, по существу в каторжных условиях, русские и казахские рабочие добывали многие тысячи пудов соли, продававшейся затем по обширной округе.

РОСТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И РЕМЕСЛА

Большую роль в развитии экономических и культурных связей казахского и русского населения сыграл рост крестьянских поселений в пограничных с Западной Сибирью районах Казахстана, особенно по рекам Ишиму и Тоболу. Крестьяне проявляли большую инициативу в освоении земель и развитии хлебопашества. Уже в 1747 г. только при пяти крепостях — Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской — было собрано 6176 четвертей хлеба.

Попытка царского военного начальства ограничить продвижение крестьянских поселений в глубь степи установлением нежилой сорокаверстной полосы за укрепленной линией успеха не имела. В 1766 г. был разрешен вывоз на Ишимскую линию «мастеровых людей».

Сибирская администрация закупала быков и отправляла их во вновь создавшиеся поселки для расширения «казенной пашни». Такие меры царской администрации отнюдь не были вызваны заботой о народе, они объясняются нехваткой хлеба в Сибири для обеспечения гарнизонов, хлеб же из России ввозить было очень трудно и дорого.

Росло число самовольных крестьянских поселений. В 1790 г. в Ишимский округ входило 3 слободы, 8 сел, 408 деревень. К концу XVII в. в окрестностях Петропавловска насчитывалось 795 дворов крестьян, мастеровых людей и отставных солдат. Среди переселенцев было немало бежавших от феодально-крепостнического гнета помещичь-

их и монастырских крестьян и беглых «работных людей» с уральских заводов.

Тяжело было осваивать крестьянам-поселенцам целинные земли. Отсутствие сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, запасов зерна на посев, многочисленные повинности, которые обязывала выполнять крестьян царская администрация, — все это затрудняло расширение посевов. Тем более велика роль первых русских крестьян, пришедших тогда в казахские степи, в подъеме целинных земель, развитии земледелия в крае.

Началась во второй половине XVIII в. колонизация русским населением районов Восточного Казахстана и Алтая. Сюда бежали раскольники, спасаясь от гонений «за веру», рекруты и солдаты — от военной службы, приписные к заводам крестьяне. Пойманный царской администрацией в 1760 г. крестьянин Иван Дурнев на допросе показал, что сговорился с другими крестьянами «уйти для моления Господу Богу и уединенного жития в места на Убу и Ульбу реки». Здесь беглые объединялись в своеобразные общины с неписанными, но строго выполнявшимися законами, занимались хлебопашеством, охотой, рыбной ловлей, создавая небольшие деревушки в несколько дворов. Сибирские власти преследовали беглых, но без успеха. Только в 1791 г. 30 крестьянских селений в районе р. Бухтармы обратились с просьбой принять их в подданство на правах «инородцев», с чем царские власти согласились при условии, что крестьяне больше не будут принимать беглых.

В 1764 г. в Средний жуз к султану Аблаю были посланы десять русских крестьян с земледельческими орудиями для обучения казахов ведению земледельческого хозяйства. Десять казахов-кочевников были обучены ведению хлебопашества и пользованию земледельческими орудиями.

Источники указывают также на то, что в 80-х годах XVIII века появилось земледелие у казахов, живших на склонах Тарбагатая. В документах отмечалось, что казахи родов и отделений шапрашты, ак-найман и других сеют пшеницу, ячмень, просо.

Увеличилось число казахов, занимающихся земледелием в западных и северо-западных районах Казахстана, примыкавших к Оренбургской линии. Появились посевы в султанских владениях. Поручик Гавердовский в начале XIX в. отмечал, что «в средине степи около Эмбы, Тургая, Иргиза и Нуры начали возделывать землю» Данные, сообщенные Гавердовским, верны и в отношении последнего десятилетия XVIII в.

В тех районах, где появлялось земледелие, возникало тяготение казахов к оседлому образу жизни, к устройству постоянного жилья. В северных и северо-западных районах Казахстана отдельные казахские султаны начали строить на своих зимовках деревянные дома. Бедняки, оседая на зимовках, жили в землянках.

Происходили некоторые изменения в скотоводческом хозяйстве. На степной стороне Урала, на Эмбе и Иртыше строились загоны для скота. Начали, правда в незначительных размерах, заготовлять сено. Заготовка сена до некоторой степени уменьшала потери скота от бескормицы зимой. У богатых казахов появились первые примитивные хозяйственные помещения для зимнего содержания мелкого скота.

Развивалось, хотя и медленно, ремесло. С ростом товарно-денежных отношений ремесленники стали производить товары для продажи на рынке. Кузнецы изготовляли стремена, удила, мотыги, сошники и предметы домашнего обихода; серебрянщики — ручные кольца, серьги и пуговицы, седельные приборы; чеботари шили сапоги, потники, седельные подушки. Развивались деревообделочные промыслы (изготовление частей юрты, деревянной посуды, деревянных частей седел и пр.), продукцию которых ремесленники сбывали кочевникам.

Но уровень развития ремесла был еще очень низок. Производство кошм, армячины, кожи и других изделий, шедших на вывоз, не выделилось в ремесло, оно являлось подсобным домашним промыслом, которым занимались женщины.

Слабое развитие ремесленного производства выражалось и в том, что оно еще было мало дифференцировано. Наиболее искусные кузнецы, например, одновременно занимались и изготовлением разнообразных женских украшений, то есть ювелирным делом.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА

Процесс присоединения территории Казахстана к России во второй половине XVIII в. продолжался, но ряд районов Казахстана еще находился под властью феодалов, лавиро-

вавших между Россией и Джунгарией, а позднее — между Россией и Цинской империей.

Южные районы Младшего жуза, входившие во владения Батыра, в 50—60-х годах XVIII века подвергались набегам хивинских феодалов. Хивинские беки вопреки стремлениям узбекского и туркменского народов к сближению с казахским народом, нападали на мирные казахские аулы. От этих разбойничьих набегов страдало трудящееся население Младшего жуза. В 1767 г. во время одного из таких набегов было убито около тысячи казахов, 3 тысячи уведены в плен. Так же грабительски поступали в отношении узбекских и туркменских трудящихся казахские феодалы. Массовый угон скота, захват сотен людей в плен и продажа их в рабство не прекращались.

На казахов Младшего жуза в 50—60-х годах XVIII века нападали и калмыцкие феодалы, кочевавшие на территории между Уралом и Волгой. Так, зимой 1759 г. калмыцкие тайши угнали у казахов около 40 тыс. голов скота. Только в начале 70-х годов XVIII века после длительных распрей калмыцких тайшей большая часть калмыков, жившая в междуречье Урала и Волги, двинулась через казахские земли на восток, на территорию Джунгарии.

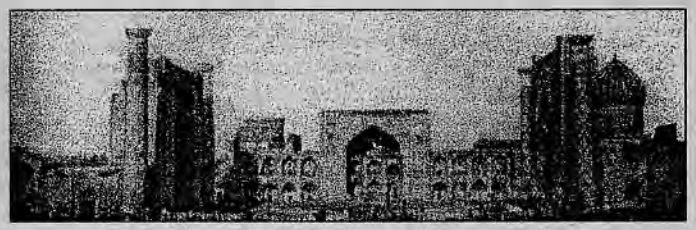
Феодальные усобицы в Младшем жузе, борьба султанских групп за власть мешали народу объединить силы для защиты своей территории и своего имущества.

Еще более трудным было внешнеполитическое положение Среднего и Старшего жузов. Несмотря на ослабление Джунгарии в начале 50-х годов XVIII века, джунгарский хунтайджи Лама-Дорджи пытался предпринять новые набеги на казахские земли.

К тому времени в самой Джунгарии началась феодальная война между хунтайджи Лама-Дорджи, с одной стороны, Даваци и Амурсаной — с другой. Потерпев неудачу, Даваци и Амурсана бежали в Средний жуз и нашли приют у Аблая. Давая им убежище, Аблай рассчитывал поддержать внутренние усобицы в Джунгарии, ослабить ее, занять богатые пастбища на Иртыше, а если удастся, поставить на престол хунтайджи Даваци, находившегося с ним в дружбе. Но предоставление убежища Даваци и Амурсане явилось удобным поводом для новых вторжений войск Лама-Дорджи в Средний жуз в 1751—1753 гг. Часть населения жуза была вынуждена покинуть на время районы своих кочевий.

Аблай и другие казахские феодалы Среднего жуза организовали ответные нападения. В 1753 г. Даваци удалось

свергнуть Лама-Дорджи и занять джунгарский престол. Как рассказывал старшина ногайской волости Курманбай, Аблай активно поддерживал Даваци, более 5 тыс. казахов послал ему на помощь, «чтобы разорить дербетов». Казахские феодалы, участвовавшие в набеге, захватили много скота и пленных, «а протчий скот весь взял к себе Дабачи». Но положение внутри Джунгарии и на восточных границах Сред-



Медресе Тилля Кари в Регистане. Самарканд. XVII в.

него жуза после захвата власти Даваци существенно не изменилось.

Прежний союзник Даваци Амурсана выступил против него. Не добившись успеха, Амурсана бежал к китайскому богдыхану. Оттуда в 1755 г. он вместе с девяностотысячным маньчжурским войском вторгся в Джунгарию. Даваци был свергнут, но и планы Амурсаны, рассчитывавшего с помощью Цинов стать хунтайджи, не осуществились.

В Халхе в это время развернулось массовое антиманьчжурское восстание, и маньчжурские феодалы боялись объединения халхасцев с джунгарами, которых мог возглавить популярный в народе Амурсана. Цинское правительство решило окончательно уничтожить Джунгарию. В 1756—1757 гг. началась жестокая расправа с джунгарским населением. Как рассказывает Иакинф Бичурин, маньчжуры «обыскали все места, куда только беззащитные старики, женщины и дети могли укрыться в сию несчастную для них годину, и до единого человека предали острию меча».

Аблай со своими тюленгутами также несколько раз вторгался в разоренную Джунгарию, грабил население. Часть оставшегося в живых джунгарского населения бежала в пределы России. Джунгария как государство в 1758 г. перестала существовать, почти все ее население было уничтожено. Войска цинского правительства вышли к границам Среднего жуза.

После первых же неудачных столкновений с маньчжурскими войсками казахи, пытавшиеся занять пастбища в Восточном Казахстане, откочевали к русским крепостям. Старшина атагайского рода Кулсары, прибывший в июне 1757 г. в Петропавловск, заявил коменданту, что «находитца» от маньчжур в «крайнем опасении» и «принужден к российской стороне теснитца». В это время сорокатысячное маньчжурское войско стояло неподалеку от Семипалатинска.

Аблай поспешил признать власть цинского правительства, войска которого вторглись на территорию Среднего жуза. Аблай со своей дружиной ездил к маньчжурскому военачальнику под Семипалатинск и дал в аманаты одного из своих сыновей. В том же году он отправил посольство к богдыхану Гао Цзуну, через которое заявил о своем согласии принять подданство Цинской империи. «Лишь теперь, — писал Аблай, — мы начали получать повеления императора, удостоившего изливать свои благодеяния на наши орды, обитавшие на крайних рубежах его империи; я и мои подданные не находят слов для выражения своей радости и ликования, мы ничему так не удивляемся, как могуществу императора... горячо желаем... стать навеки подданными Срединной империи».

В этом документе отразилась политика Аблая, думавшего путем лавирования между Россией, в подданстве которой он уже состоял, и Цинской империей сохранить свою власть. Часть территории Среднего и Старшего жузов была занята цинскими войсками. Казахам запрещалось кочевать на восток дальше р. Агузя. Они должны были ежегодно платить цинскому правительству дань, поставлять отряды для военных походов, доставлять продовольствие. Так, осенью 1762 г. Аблай по приказанию цинских властей должен был собрать для отправки маньчжурским военачальникам 10 тыс. воинов, тысячу голов крупного рогатого скота и по пуду курта с каждой кибитки. В 1768 г. богдыхан потребовал послать тысячу юношей, тысячу девушек-наложниц и тысячу коней. При сборе дани цинские власти посылали в степь военные отряды, которые грабили аулы. Особенно страдало население тех районов Старшего жуза, которыми стали управлять цинские чиновники при посредстве местных феодалов.

Такая политика цинских феодалов, конечно, не имела ничего общего с интересами и стремлениями китайского народа, также страдавшего под тяжестью феодального гнета.

Вторжение маньчжурских войск на территорию Казахстана после разгрома Джунгарии вызвало тревогу правящей

верхушки среднеазиатских ханств. Предпринимались попытки объединения войск этих ханств на случай возможного нападения. Обратились даже за помощью к афганскому эмиру Ахмеду. Ахмед в 1762 г. выслал войско, которое в течение нескольких месяцев стояло между Ташкентом и Кокандом. Но до открытого столкновения дело не дошло.

Принятие Аблаем подданства Цинской империи не дало положительных результатов для развития экономики Казахстана. Торговля казахов на рынках Кульджи и Чугучака велась с большими ограничениями, а иногда и вовсе запрещалась. Скот — основной продукт хозяйства казахов — разрешалось продавать только по очень низким ценам. Въезд казахов в укрепленные пункты, занятые маньчжурскими войсками, запрещался. Торговля здесь велась очень своеобразно: у крепостных ворот казахи сдавали приведенный на мену скот маньчжурскими чиновникам, а спустя некоторое время им выносили из ворот взамен сданного скота товары. Такая система торговли создавала почву для всевозможных злоупотреблений и прямого грабежа.

Аблай, ранее присягнувший на подданство России, продолжал укреплять свои связи с цинским правительством. Вскрывая причины такого поведения Аблая, казахский просветитель Чокан Валиханов отмечал, что, по мнению Аблая, «маньчжурские феодалы не могли быть опасными для ханской власти, между тем как в русском правительстве он видел сильную оппозицию «туземной власти».

В 1771 г. богдыхан утвердил Аблая ханом Среднего жуза. После этого Аблай отказался от утверждения его в этом звании царским правительством и от присяги ему.

В 1762 г. Аблай напал на каракалпаков, в 1770 г. вторгся в Киргизию, истребляя мирное киргизское население.

В 1781 г., когда умер Аблай, царское правительство признало ханом Среднего жуза султана Вали, а Цинская империя — Ханходжу. В действительности — оба состояли в двойном подданстве.

Внешнеполитические события оказали свое влияние и на положение казахского населения южной части Старшего жуза, непосредственно граничившего со Средней Азией.

Во второй половине XVIII в. в Средней Азии сложилось феодальное Кокандское ханство. Часть южной территории Старшего жуза, в том числе район города Чимкента, в 90-х годах XVIII века была захвачена ташкентским беком Юнус-ходжой.Таково было внешнеполитическое положение Казахстана к концу XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В литературе Средней Азии и Казахстана во второй половине XVII в. и в XVIII в. заметное место занимает эпический жанр дастан. В персоязычной литературе дастаном назывались поэмы и сказания, сложенные на пахлевийских наречиях Ирана доисламского периода, дошедшие до нас в отрывках или переложениях на фарси Известно, что большинство этих дастанов было сложено и на территории Средней Азии. Следовательно, жанр дастана для среднеазиатских народов (особенно для аборигенов Туркмении, Таджикистана, Узбекистана) не был чем-то привнесенным извне. С приходом тюркских племен на территорию Средней Азии (с VI по XVI в.), хотя этнический состав населения и изменился, тесные культурно-экономические связи с Ираном продолжались. Так, в Средней Азии и Казахстане наряду с дастанами на тюрко-огузские темы («Шасенем и Гариб», «Зохра и Тахир», «Юсуп и Ахмет», «Гороглы», «Алпамыш» и др.) создавались и дастаны, сюжеты которых заимствованы из литературы на языке фарси («Шабахрам», «Мелике Диларам», «Гуль и Санубар», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Юсуф и Зулейха», «Хюрлига и Хамра» и др.). Жанр получил широкое распространение и в Закавказье, и на Ближнем и Среднем Востоке.

Сюжеты дастанов, как правило, заимствовались из письменной эпической литературы на языке фарси, реже — арабском и индийских языках. Так возникло много прекрасных дастанов в XVII—XVIII вв. в Средней Азии и Казахстане: «Юсуф и Зулейха», «Рустам-наме», «Варка и Гюльшах», «Синдбад и Лабшакар», «Гюльджамиля», «Чахар дарвиш», «Тути-наме» и др. К этой же группе относятся переложенные в дастан поэмы великого Навои — «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин». Немало также произведений с сюжетом из истории ислама: «Абумуслим-наме», «Баба Ровшан», «Ибрахим Адхам», «Сайкал-наме», ряд кыссы о подвигах Али, зятя Мухаммеда, и др.

Романические литературные дастаны назывались также кысса или хикая (повесть, рассказ). Они приходили в устную литературу благодаря городским кыссаханам. Очень часто дастаны переписывались кыссаписцами и распространялись в рукописях; со второй половины XVIII в. рукописи размножались ксилографическим способом. Книгохранилища многих стран Ближнего, Среднего Востока и Средней

Азии сейчас располагают большим числом такого вида изданий.

Непременным условием кысса была доступность для восприятия аудиторией, которую составляли торгово-ремесленная публика и трудовая прослойка города. В XVII—XVIII вв., когда так называемая дворцовая поэзия в Средней Азии пришла в упадок, кысса обрела большую популярность и в дворцовой среде: кыссаханы своим искусством услаждали слух правителя.

Романические дастаны можно назвать повестью о разлученных влюбленных. Действующие лица этих дастанов — шахи, ханы, везири, их сыновья и дочери. Герой, как правило, ведет ожесточенную борьбу за свое право свободно любить и свободно жить. Лишь после долгих и мучительных переживаний и испытаний ему удается соединиться со своей возлюбленной.

Главное место в литературном наследии киргизского народа занимают мифы, сказки, басни, предания, поэмы, сатирические произведения.

Героический эпос киргизского народа, получивший окончательное оформление в XVII—XVIII вв., помимо монументального эпоса «Манас», представлен рядом других эпических произведений («Табылды батыр», «Джаныш и Байыш», «Курманбек», «Кедейхан», «Эр-Тештюк» и эпические поэмы «Олбжобой и Кишимджан», «Коджоджаш», «Жаныл-Мырза»). Все эти эпические памятники имеют любовные и сказочно-фантастические сюжеты.

Героический эпос «Манас» содержит свыше полумиллиона стихотворных строк и является самым объемным произведением в мире. «Манас» — это созданный веками памятник духовной культуры киргизского народа, бережно сохраненный в устной форме его сказителями, называемыми манасчы. «Манас» складывался на протяжении веков и отразил многовековую историю киргизского народа, начиная с родо-племенных отношений и установления феодальных отношений, кончая периодом упадка и разложения феодального строя, хотя по стилю изложения многовековая история киргизов как бы сжимается до нескольких десятков лет.

Основными мотивами «Манаса» являются воспевание мужества главного героя — Манаса — и его ближайших соратников, прославление их доблести и отваги, описание многочисленных битв и сражений во имя защиты Родины, а также доблестных походов с целью отвоевать занятые врагами земли.

В XVIII в. в литературу Средней Азии и Казахстана включается творчество акынов и жирау — у казахов, киргизов и каракалпаков, шаиров и бахши — у туркмен и узбеков, хашаиров и бахши — у туркмен и узбеков, хафизов — у таджиков. Эти певцы-импровизаторы были профессионалами, находились на службе биев (баев) и ханов, а некоторые из них служили в отряде последних батырами и одновременно ближайшими их советниками. Песенное творчество многих казахских акынов и жирау типологично творчеству поздних поэтов, служивших при дворах Бухарского, Кокандского, Ферганского, Хивинского ханств и писавших на тюркском (джагатаи) и фарси. Их творчество близко к книжной поэзии, поэтому многие жирау (XV—XVIII вв.) считаются, например, у казахов и каракалпаков зачинателями письменной литературы. Однако их произведения распространялись исключительно изустно. Исполнители обладали феноменальной памятью и из поколения в поколение передавали эти произведения в неизменной форме. Их «вмешательство» в текст своих предшественников было не более чем «вмешательство» переписчиков рукописей поэтов-классиков. Благодаря подобной школе сказительства до нас дошли имена и произведения многих поэтов-импровизаторов, в том числе XVIII в. Их творчество ныне составляет золотой фонд литературы туркмен, узбеков, казахов и каракалпаков.

ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Таджикская литература XVIII в. развивалась в основном на территории двух ханств Средней Азии — Бухарского и Кокандского.

Часть поэтов первой половины века вышла из ремесленной городской среды (Сафаи был кожевником, Саид-ходжа Насафи — садовником, Ризаи — писцом), что наложило существенный отпечаток на их творчество. Так, Саид-ходжа Насафи в маснави «Багча ва бустан» («Садик и цветник»), воспевая землепашество и садоводство, расширяет диапазон поэтических тем и вызывает определенное уважение читателя к крестьянскому труду.

Начиная с середины XVIII в. на смену Аштарханидам приходит к власти Мангитская династия, при которой происходит существенная централизация правления в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве, что в определенной степени

стабилизирует экономическую и культурную жизнь этих районов. С этого времени, особенно с 60-х годов XVIII в., произведения на таджикском языке, несмотря на то что они по-прежнему создаются в различных культурных центрах, сливаются в единую таджикскую литературу.

Поэзия в целом продолжает развиваться в русле традиций. Однако для данной эпохи характерно большее сближение литературы с реальной действительностью и более отчетливо выраженное личностное начало. Характерным также является преобладание лирических жанров (газель, рубаи, кыта, мухаммас). Торжественная хвалебная касыда к этому времени потеряла свое значение как жанр. Возможно, одной из причин ее упадка является нарушение института меценатства: поэт, как правило, перестал получать материальную и духовную поддержку правителя, а значит, стал свободен от обязательного восхваления благодетеля.

В 80-е годы Кокандское ханство превращается в самостоятельное государство, укрепляется и Бухарский эмират, литературная жизнь страны сосредоточивается в основном в этих двух политических центрах.

В это же время писали поэты, не связанные с двором. Они критически воспринимали действительность, в их творчестве были заметны демократические тенденции. В этом они солидаризировались с наиболее передовыми литературными кругами Бухары, культурная ситуация в которой отличалась от обстановки, сложившейся в Коканде.

Эмиры Мангитской династии были равнодушны к поэзии, поэтам и мало привлекали их ко двору. На территории Бухары литература большей частью развивалась вне двора, а в различных городах и провинциях. Она стала преимущественно выражением чаяний народа, примером чему могут служить маснави «Дахма и Шохон» («Усыпальница царей») Садика, «Зарбулмасал» («Пословицы») Галхани, «Рубаяти-ирсалулмасал» («Рубаи, завершающиеся пословицей») Назила. Постановка проблем, художественная композиция и решение конфликтов в этих произведениях полностью соответствуют духу времени, миропониманию и литературно-эстетическим вкусам простого народа.

Другим заметным литературным явлением XVIII в. стало создание стихотворных произведений на двух языках: таджикском и узбекском. В XIV—XV вв. поэты тюркского происхождения писали, кроме родного языка, еще и на фарси, а в XVIII в. таджикские поэты (Садик, Хазик, Шавки, Мадан, Назил, Надим и др.) создавали стихи как на

таджикском, так и на узбекском языках, обогащая одновременно сокровищницу узбекской литературы. Это литературное явление характерно для всех поэтов кокандской школы, но в меньшей мере — для творчества бухарских поэтов.

В XVII в. в таджикской поэзии определенное значение получает «индийский стиль». В XVIII в. оно возрастает благодаря влиянию персоязычного поэта Индии — Бедиля, в творчестве которого этот стиль нашел свое классическое выражение. Часть тадкских поэтов (Садик, Шавки, Хазпк, Хасрат) развивала «индийский стиль» творчески, используя его возможности для отражения современной им действительности, другие лишь слепо подражали формальной стороне этой сложной орнаментальной поэзии.

Мирза Мухаммед Садик Мунши (1753/58—1819) родился в одном из районов Бухарского эмирата; по окончании медресе, в пору расцвета своего таланта, он был приглашен ко двору мангитских эмиров на должность секретаря (отсюда и звание мунши — писец). Садик Мунши был жизнерадостным, доброжелательным, остроумным человеком Возех, автор тазкире XIX в., скажет о нем: «Он мыслит, как Бедиль, и пишет подобно Саибу» (т. е. так же ясно, как иранский поэт XVII в. Саиб Табризи).

По сведениям источников, наследие Садика составляет 15 000 бейтов (до нашего времени дошло лишь 4670) и маснави. Садик был одним из наиболее значительных лириков своей эпохи.

Абдурахманходжа ибн Марзападшах Насех родился в середине XVIII в. в Кулябе (область Хатлан), после начальной школы учился в бухарских медресе и за короткое время стал известным поэтом бухарского круга. Насех умер приблизительно в начале XIX в., оставив диван газелей и три маснави: «Хайратангез» («Вызывающие удивление»), «Маджлисафруз» («Озаряющие собрания») и «Хадикат-ар расул» («Сад пророка»).

Диван газелей Насеха, подобно стихам Мирзы Ата Бухори, Махзуна Самарканди, Фарига Хисари, — это повесть о бедствиях XVIII в. Наряду с традиционными лирическими мотивами мы находим в диване Насеха картины тяжелой жизни низших слоев общества, воспринятых поэтом под углом зрения угнетенных и попираемых.

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

К XVIII в. относится бурное развитие узбекского народного творчества. В районе Нурата, нынешней Самаркандской области, жили замечательные народные сказители, творцы и исполнители эпических циклов «Алпамыш», «Гуруглы» и ряда других произведений. В этих сказах отражена история узбекского народа, его героическая борьба против иноземных захватчиков, воспета искренняя любовь, дружба и патриотизм.

Основными центрами литературы становятся города Ферганской долины, в которых жили такие поэты, как Хувейда, Низами, Хуканди, Акмал и др. В Хорезме творили поэты-лирики Равнак, Роким, Нишати, классик узбекской и туркменской литератур Андалиб. Характерно, что в это время появляется много двуязычных поэтов, например, Абдулла Мулкам из Бухары писал как на родном таджикском, так и на узбекском языках.

В период экономического упадка в Хивинском ханстве выдвинулся поэт и историк Равнак Пахлаванкули. Его творчество противоречиво: он писал и пышные касыды в адрес правителей, вельмож и обличал власть имущих.

Если в предыдущие века поэты заимствовали сюжет для поэмы у классиков, то теперь чаще всего они обращаются к произведениям народного творчества. Так, широко известная в народе легенда о трогательной и трагической любви сына ханского воина Тахира и ханской дочери Зухры легла в основу поэмы «Тахир и Зухра» поэта конца XVII—XVIII вв. Саяди, история счастливой любви — в основу поэмы «Бахрам и Гуландам» Сайкали. Сохранился также ряд его поэм на религиозные и светские темы: «Ахтам-наме», «Вамсул Каран», «Зейналараб» Большой интерес представляет поэма Сайкали «Хамрах и Хурлика», получившая широкое распространение среди туркмен под названием «Хурлюкга-Хемра».

Наиболее видное место в литературе XVIII в занимает Мухаммед Нияз Нишати. Он родился в Хорезме, жил в Хорезме и Бухаре. В 1777 г. он написал аллегорическую поэму «Хусн и Диль» на известный суфийский сюжет о противоборстве разума и чувства, разработанный персидским поэтом Фаттахи Нишапури (XVI в).

В поэму «Хусн и Диль» включены народные стихотворные рассказы-былины «Соловей и аист», «Флейта и кипарис», «Чаша и нарцисс» и др. В этих рассказах, построенных в

виде диалога-спора (форме, хорошо известной узбекскому фольклору), поэт излагает свои гуманистические воззрения, восхваляет разум, мысль, благородство и человечность.

ТУРКМЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Первые страницы туркменской литературы XVIII в. по праву открывает Довлетмаммед Азади (1700—1760), автор поэтического трактата «Проповедь Азади» (1735), утопической поэмы «Повествование о рае» (1757), сатирических стихотворений и др. «Народа родного певцом», «высокого духа творцом», «опорой гокленов, бойцом» назвал Азади его знаменитый сын Махтумкули. Азади впервые отразил в поэзии полную превратностей и трагических событий жизнь туркменских племен своего времени. Род поэта принадлежал к той среде туркмен, которые в XVIII в. перешли от кочевого к оседлому образу жизни. Поэтому один из ведущих мотивов поэзии Азади — необходимость создания сильного, централизованного государства, объединившего враждующие между собой племена, с гуманным правителем во главе. Этой теме посвящены его сатирические стихи, утопия «Повествование о рае» — о благоденствующем, процветающем государстве, где правитель и народ уважают и понимают друг друга, а также дидактическая поэма-трактат «Проповедь Азади», в которой поэт наставляет народ и правителя в духе высокой морали.

ДАСТАНЫ

Одна из характерных черт туркменской литературы XVIII в. — стремительное развитие дастана — своеобразного эпического жанра, представляющего собой литературную обработку различных сказочных сюжетов, народных легенд и преданий любовного или героического содержания. Иногда основой дастана служил какой-либо известный литературный источник.

В XVIII в., после нескольких столетий устного бытования, дастаны начали записывать почти на все языки народов Ближнего и Среднего Востока, входивших в мир исламской культуры. Этот жанр, как о том свидетельствует литература последующих эпох, стал своеобразной

предтечей художественной прозы. Особенность туркменского дастана — сочетание стихов и прозы, перемежающихся между собой (дастан на других языках был, как правило, или только прозаическим, или только поэтическим).

Видное место среди туркменских авторов дастанов занимает Нурмухаммед Андалиб (ок. 1712-1780). Наиболее известные его дастаны — «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун». Последний пользуется особой популярностью. Первоисточниками Андалибу служили сюжеты восточных легенд и народных преданий. Следуя традициям восточной литературы, в частности используя литературную форму назира (парафраз), поэт создал самобытное туркменское произведение, в котором в отличие от дастанов прежних веков заметны черты индивидуального творчества. Андалиб внес некоторые изменения в сюжет традиционных романических историй, по-своему трактовал отдельные образы. С большим мастерством создает поэт образы Лейли и Меджнуна, погибающих в условиях вражды, царившей в полуфеодальном туркменском обществе. Популярная на Востоке история трагической любви давала поэту возможность ярко и наглядно показать пагубность раздоров между племенными вождями. Высокая художественность поэзии Андалиба, яркая, простая по языку и выразительная проза, многочисленные бытовые реалии, сцены из современной поэту жизни способствовали широкой популярности его дастанов.

Современники Андалиба — поэты Адбылла Шабенде (ок. 1700—1800), Шейдан, Гурбанали Магрупи также создавали самобытные дастаны о мужественных людях, совершающих часто в условно-сказочной обстановке подвиги во имя отчизны или возлюбленной. Эти поэты также нередко обращались к известным на Востоке легендам и сюжетам, образам, переосмысляя их по-своему. Таковы прекрасная Метхалджамал и смелый Сейпелмелек из дастана Магрупи «Сейпедмелек и Метхалджамал», красавица Гюль и отважный Санубар из дастана Шейдан «Гюлб и Санубар». Первоисточником первого была одноименная арабская сказка из сборника «Тысяча и одна ночь». Главный герой дастана Шабенде «Шабахрам» — сасанидский шах Бахрам Гур (Варахран V), образ которого был воссоздан в литературе еще Фирдоуси, Низами, Навои и др. В дастане Шабенде описаны не только охота и любовные приключения Бахрама, но и дворцовые интриги. Шабенде принадлежит и дастан «Гюль и Бильбиль», в основе которого лежит история любви молодого Бильбиля, сына туркменского шаха,

к красавице Гюль — иранской царевне. Бильбиль со своими друзьями отправляется в долгое и опасное странствие в далекий Иран на поиски любимой. В пути им приходится вступать в сражения, преодолевать многие трудности. Особое место в дастане занимает мотив дружеской взаимопомощи как единственного залога успеха. С особой симпатией описан умный и мужественный Зелили.

В дастане «Хаджамберды-хан» Шабенде переносит читателя из условно-сказочного мира в современную ему действительность. Здесь сделана попытка изобразить жизнь туркменских племен XVIII в. Однако дружеские отношения автора с прототипом персонажа произведения — Ходжамберды-ханом — помешали поэту правильно оценить политику туркменского хана, который, став послушным орудием иранского шаха, участвовал вместе с ним в завоевательных походах против соседних народов.

Однако следует отметить, что в туркменской литературе, как в персидской и турецкой, появлялись дастаны, в основу которых положены реальные исторические события.

Андалиб, Шабенде, Тагрупи, Шейдаи писали не только дастаны. Так, Андалиб, например, принадлежит единственная в своем роде историческая поэма «Сказание об огузах», посвященная древней истории огузов и походам их предводителей, а также первая на туркменском языке биографическая поэма «Несими», в которой повествуется о последних трагических днях жизни поэта-мученика Несими (XV в.).

МАХТУМКУЛИ

Наивысшего подъема туркменская лирическая поэзия достигла в творчестве великого Махтумкули Фраги (Праги) (1733—1783). Любовь к Махтумкули туркменский народ передает из поколения в поколение.

Туркмены издавна любили и умели ценить песни бахши, но страстное внимание и любовь к Махтумкули особые. В его стихах впервые с такой живостью, полнотой и сопричастностью отразилась трагедия жизни туркменского народа, его чаяния и думы, скорби и мечты.

Литературное наследие поэта составляю в основном песни и газели.

В его поэзии завершился процесс освоения арабо-персидской поэтики туркменской словесностью. Поэт доказал, вопреки господствовавшему в то время на Востоке мнению,

что не только персидский и арабский, но и туркменский язык годен для высокой поэзии.

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В XVIII в. феодальные отношения у казахов были переплетены многочисленными патриархально-родовыми связями.

В аульной общине сохранялись патриархально-родовой быт и патриархальные традиции. Сохранялись они и в культуре. Поэтому так велика в ней роль фольклора.

Должностные лица и путешественники, побывавшие в XVIII столетии в казахской степи, свидетельствуют, что параллельно с фольклором существует устно-поэтическая традиция певцов-импровизаторов, своего рода «устная литература», во многом профессиональная. Ее представляют жырау и акыны.

Импровизированные песни жырау слагались на события, общезначимые для казахских ханств — посылку посольства, объявление военных походов, разбор тяжб и раздоров между племенами, родами и ханами, заключение мира, дипломатические отношения с соседями. Жанры у жырау были свои, отличные от фольклорных, — толгау (поэтические рассуждения), в которых размышления сочетаются с назиданиями; песни, хулительные, обличительные; прославления и величания героев; наставления отдельным людям и народу. В творчестве жырау преобладали нравоучения, дидактика. К XVIII столетию облик жырау изменил свои черты. Если в давние времена жырау был и поэтом, и музыкантом (см. «Диван» Махмуда Кашгарского), то в XVIII в. жырау — прежде всего поэт-импровизатор, он слагает свои песни без музыкального сопровождения. Поэт обособился от музыканта, индивидуальная самохарактеристика в песнопениях жырау становится заметнее, чаще звучат обличающие мотивы.

Жырау XVIII в., как правило, были «свойственниками» батыров, ближайшими советчиками ханов. Общепринятое уважение к личности жырау, взгляд на этих певцов как на одаренных редким даром прорицания избранников судьбы ставили их в привилегированное положение. Без песен жырау не принимались важные государственные решения. Их творчество было тесно связано с практикой правления.

Устная традиция обычно закрепляет их песни в составе легенд и преданий, повествующих об отношениях родов,

племен и жузов с правящей верхушкой, о различных международных событиях эпохи. Редко песни жырау передаются из уст в уста без обрамляющего повествования.

В народной памяти сохранилось немало песен жырау, и многие из них приписываются Тати-Каре, Умбетею, Бухару, жившим в XVIII в. Все три жырау, по преданиям, состояли при хане Аблае. Большая часть преданий связывает их творчество с объединительными тенденциями, которыми жило казахское общество после «Великого бедствия» — вторжения в казахские кочевья войска джунгарских хунтайджи в 1723 г. Перед выступлением в поход они воодушевляли батыров и ополчение достойно встретить врага, в походе же ехали впереди войска, призывая к стойкости и заключению мира. Известно, что Бухар осудил намерение Аблая пойти с походом на соседние народы. Он всегда был за мир и согласие среди казахских племен и жузов, за признание ими сильной ханской власти. Когда род Керей (по вариантам — Садыр) решил откочевать от Аблая, жырау ратует за прекращение распри и возмущения против хана («Керей, куда откочевываешь!»). В другой песне — «Рядом с ханом Аблаем» — он наставляет народ и знать: «Создайте единый совет! Будьте единодушны!» И еще: «Простой народ, воюя с ханом, погибнет. Если свалится хан, все погибнут». Жырау наставляет батыров и народ, идя в поход «под пестрым знаменем Аблая», объединяться, как и следует «детям мусульман». Идеи, типичные для ханской ставки.

Мораль Бухара — мораль воинской доблести. Хан и его батыры должны быть идеальными предводителями войска и правителями. Путь совершенствования — воинский подвиг. Боевая отвага — норма для всех казахов, но особо ей обязаны следовать власть имущие, военачальники.

Акыны XVIII в. — Шал, Котеш, Коблан, Жанкиси и др. — импровизаторы и сказители, исполнители фольклора. Они тесно связаны с повседневной жизнью народа и представляют собой собственный «род-племя». Они знатоки родословия и преданий, мудрости отцов, содержащейся в пословицах и поучениях.

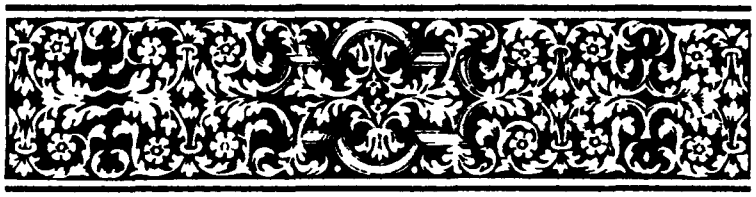
Старшины и баи привлекали акынов к разбирательству внутригородских конфликтов, поручали им представительство при разборе тяжб с другими родами. В походах акыны были в первых рядах родового ополчения.

Личное начало у акынов выражено менее четко, чем у жырау, поскольку укрепление профессионального начала в творчестве акынов во многом происходит в русле народно-поэтической традиции. Будучи «певцами по ремеслу», выступая на тоях (праздниках) и поминках, на родовых и межродовых сборищах, они поют о «временах, давно прошедших», творят эпос и обращаются к современникам, присутствующим на их выступлениях, с арнау (импровизированными посвящениями). В айтысах (поэтических спорах) акыны, представительствуя от своих родов, оценивают их прошлое и настоящее.

Певец в XVIII в, сочетался с моралистом, наставником и обличителем и в акыне, и в жырау, но в разной мере и при различии положения и общественной роли. Предания связывают акынов с народом, часто изображают бедняками, а подчас вожаками поднявшихся против хана соплеменников.

Поэтика акынов ближе к фольклору, чем поэтика жырау, и в айтысах, и в тоглау, и в назиданиях акынов заметнее повествовательное начало, интерес к быту, описания его. Если поэтические нравоучения жырау отвлеченны или довольствуются одной-двумя подробностями, акыну нужна цепь их, он препочитает конкретные описания.

Жырау и акыны создавали свои произведения устно путем непосредственной импровизации, хотя некоторые из них читали по-арабски и неплохо знали мусульманско-книжную культуру. Как гласят биографические сведения и предания, в которых сообщается о жизни и песнях жырау и акынов, им были ведомы учение ислама, догмы Корана и правила шариата, а также различные житийные, исторические, летописные и художественные сочинения мусульманских авторов, как изданные, так и рукописные. Правда, большинство жырау и акынов знало их в устной передаче мулл и ходжей. Как пишут путешественники, посетившие Казахстан в XVIII в., среди казахского населения имели хождение старинные рукописные истории о Чингисе, Тимуре. Были также известны такие произведения, как «О мудрости великого и милосердного Аллага», «Цветы мудрости», «Цвет правды», «Сказания о великом хане Темучине», «Жизнь Чингисхана и Аксак Темира». Все они использовались казахской знатью для поддержания своего авторитета. А казахский народ, по единодушному мнению всех очевидцев, воспринимал ее изустно. Поэтому воздействие захожей книжности в XVIII столетии было еще невелико.



ГЛАВА 4

РАСПАД ИМПЕРИИ ВЕЛИКОГО МОГОЛА И ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ АНГЛИЧАНАМИ

ЭКОНОМИКА ДЕРЖАВЫ МОГОЛОВ

Население Индии в середине XVII в. превышало 100 млн. человек. В стране насчитывалось более 20 различных народностей: бенгальцы, маратхи, тамилы, телугу, каннара, малайяли, ория, кашмирцы, синдцы, раджастанцы и др. Они говорили на разных языках, отличались друг от друга по уровню своего социально-экономического развития, по своим историческим традициям и культуре В Индии в XVII в. господствовал феодализм, но сохранились и пережитки рабства, связанные главным образом с существованием «неприкасаемых» каст. В некоторых частях страны «неприкасаемые» являлись собственностью частных владельцев, которые могли продавать их и вообще распоряжаться ими по своему желанию. Особенно много «неприкасаемых» было на юге страны, а также в двуречье Ганга — Джамны, в Бенгалии, Бухаре и Ориссе. На севере Индии сохранялись значительные пережитки первобытно-общинного строя.

Религию индуизма исповедовало около трех четвертей населения. Индуизм освящал и защищал характерную для индийского средневековья сословно-кастовую структуру общества. Обращение части местного населения в ислам не избавляло крестьян и ремесленников от кастового гнета. Став мусульманином, член низшей касты, в особенности «неприкасаемый», сохранял свое неполноправное положение.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РЕМЕСЛО

Индийское земледелие в середине XVII в. находилось уже на относительно высоком уровне. С орошенных земель крестьянин снимал два, а в некоторых случаях три урожая в год. Нередко применялся плодосменный севооборот, плодородие повышалось в результате применения разнообразных удобрений. Пахота была неглубокая: примитивный плуг с железным отвалом едва разрыхлял верхний слой почвы, но, как правило, пахоту повторяли по многу раз Поле обычно тщательно выравнивалось, почва дренажировалась, чтобы бурный поток тропических ливней не смыл питательного слоя. Особенно трудоемким было выращивание таких культур, как рис, хлопок, табак, индиго.

По разнообразию культур, широкому применению удобрений, довольно сложному севообороту, наличию обширного клина орошаемых земель земледелие в Индии стояло тогда на более высоком уровне, чем в большинстве европейских стран, где господствовало трехполье, а возделываемые растения ограничивались несколькими видами зерновых. Но орудия труда оставались такими же, какими они были тысячу лет назад. Достижения земледелия в Индии в первую очередь были связаны с огромным практическим опытом и производственными навыками, накопленными в течение веков трудолюбивым индийским крестьянином.

Индийские хлопчатобумажные и шелковые ткани, замечательные своей тонкостью, прочностью и расцветкой, находили сбыт в Азии, Африке и Европе; их производство получило широкое растпространение как в городе, так и в деревне. В кашмирских вышитых шерстяных шалях щеголяли модницы европейских столиц. Высоким качеством отличалась выплавлявшаяся на древесном угле сталь, вывозимая из Голконды. Мастерство индийских ремесленников и разнообразие ремесленных изделий отмечали европейские

путешественники, посещавшие Индию в XVII в. Муслины из Дакки по своей тонкости, ситцы и другие ткани с Коромандельского побережья по своим расцветкам и прочности красок были великолепны. Но вырабатывались они без применения машин и без разделения труда. Эти тончайшие ткани изготовлялись ткачами-одиночками на станке, состоящем из нескольких грубо сколоченных деревянных брусков. У станка не имелось даже приспособления для натягивания основы, и он был так громоздок, что не помещался в хижине ткача. Поэтому ткач был вынужден всю свою работу производить на открытом воздухе, прерывая ее при неблагоприятной перемене погоды. Производственные навыки индийских ремесленников в известной мере восполняли примитивность орудий труда.

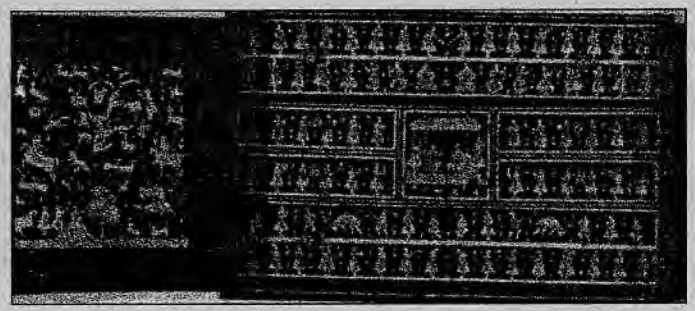
НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Общественное разделение труда в Индии выражалось в усилении роли города как торгово-ремесленного центра, в возникновении новых городов, имевших торговые связи как внутри страны, так и с зарубежными странами. Такова, например, история возвышения города Масулипатам. В середине XVI в. он представлял собой бедную рыбацкую деревушку, а через 100 лет превратился в крупный морской порт и важный центр производства хлопчатобумажных тканей. Развитие города Колар было обязано находившимся близ него алмазным приискам. Английский путешественник отмечал: «Это место настолько неплодородно, что до открытия приисков оно было мало обитаемо. Сейчас же в городе живет 100000 человек. Это рабочие приисков, купцы и все те, кто живет около такого скопления народа». Изделия городского ремесла по-прежнему шли преимущественно на удовлетворение спроса феодальных верхов и на экспорт. Но эти изделия стали также находить сбыт и в деревне. В экономически более развитых частях Индии, например в Бенгалии, значительная часть крестьянства стала покупать готовые ткани.

Ремесленник, ранее работавший на заказчика или на узкий местный рынок, постепенно начал превращаться в мелкого товаропроизводителя, сбывающего свою продукцию на более широкий и отдаленный рынок при посредстве купца или скупщика. В результате этого массы ремесленников, прежде

всего ткачей, попадали в зависимость от торговцев, обычно закабалявших их денежными авансами и расплачивавшихся с ремесленниками по ценам значительно ниже рыночных. Указанная система, фактически отрезавшая ремесленника от рынка, возникла в Индии еще до проникновения европейцев, но была в дальнейшем широко ими использована.

Стала распространяться простая и сложная кооперация. Усложняется разделение труда, особенно в горных разработках, сахароварении, судостроении, в окрашивании тканей и т. п.



Шкафчик черного дерева с инкрустацией из слоновой кости. Дели. XVII в.

Возникновение новых профессий, с одной стороны, обусловило появление новых каст, но, с другой, и в гораздо большей степени, способствовало тому, что каста стала утрачивать свою наследственно-профессиональную исключительность. Частыми были случаи, когда члены той или иной ремесленной касты отказывались от своих традиционных занятий и переходили к новым видам производственной деятельности. Развитие торговли вело к тому, что ряд торгово-ростовщических каст (марвари в Раджпутане, кхатрии в Пенджабе) все шире распространял свою деятельность, получая общеиндийское значение. Так, деятельность марвари в XVII в. охватывала, кроме Раджпутаны, еще Гуджарат и Махараштру, в также области по среднему и нижнему течению Ганга вплоть до Бенгалии. Что же касается кхатриев, то их операции распространялись на всю Северо-Западную Индию и даже за ее пределы.

В стране усиливался процесс складывания областных рынков, как на основе растущего отделения ремесла от земледелия, так и в результате специализации самого сельского

хозяйства. В XVII в. перевозкой некоторых громоздких грузов (соль, зерно, хлопок) занимались особые касты. Их огромные обозы, нередко насчитывавшие 15—20 тыс. запряженных быками груженых повозок, медленно пересекали страну из конца в конец. Но основными артериями внутренней торговли служили крупнейшие судоходные реки — Ганг и Инд.

Многие области в XVII в. уже не могли полностью обеспечить себя местным продовольствием и были вынуждены частично привозить его из других провинций.

Бенгалия экспортировала свой рис и тростниковый сахар вверх по Гангу в Индостан и на юг по морю на Коромандельское побережье. Гуджарат и Агра производили индиго. Бихарской пшеницей снабжалась по Гангу столичная область Агра — Дели и Бенгалия; зерно поступало на рынки Гуджарата из Декана и Мальвы; пешаварский рис продавался на рынках Дели и Агры. Известно также, что орисский рис морем везли в Мадрас.

Развитие товарного производства в индийском земледелии нашло свое отражение в переводе с конца XVI в. продуктовой ренты-налога в денежную форму, при этом норма налога с технических культур была в полтора-два раза выше, чем с зерновых. Так, если принять обложение пшеницы за 100, то с хлопка брали 150, а с индиго — 254.

Общего рынка в Индии еще не было. Некоторые приморские районы были больше связаны с внешним рынком, чем с внутренними областями.

РАЗЛОЖЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ ОБЩИНЫ

Господство денежной ренты-налога вело к разложению экономически самодовлеющей индийской общины, подрывало ее хозяйственную замкнутость. Выявилась тенденция к превращению общинных земель, с одной стороны, в частную феодальную собственность, а с другой, — в частное владение отдельных крестьянских хозяйств. Эксплуататорская верхушка общины начала концентрировать в своих руках значительную часть наследственных наделов рядовых общинников. Эта концентрация осуществлялась отчасти путем захвата общинной верхушкой земли выморочных крестьянских хозяйств, отчасти же путем скупки земли у обедневших общинников. Скупка земли была широко распространенной, хотя и не всегда узаконенной практикой во многих районах Индии. Такие земли, фактически перешедшие к феодалам и более зажиточным общинникам, обрабатывались либо трудом пришлых людей, либо местными бедняками, зарабатывавшими себе на пропитание батрачеством, либо, наконец, трудом общинных слуг и ремесленников из числа «неприкасаемых», которые из полурабов-полукрепостных, обслуживавших общину, все больше превращались в кабальных издольщиков и батраков.

Проникновение товарно-денежных отношений и переход к денежной ренте-налогу способствовали росту имущественного неравенства в индийской общине и развитию в ней отношений эксплуатации и различных форм кабалы. Расширение производства товарных культур требовало особых затрат, а иногда и привлечения дополнительной рабочей силы, что было доступно далеко не каждому общиннику. С другой стороны, развитие товарно-денежных отношений и в особенности переход к денежной ренте резко повысили потребность крестьян в деньгах. Это открыло широкие возможности для ростовщичества. Ростовщичеством занималась и общинная верхушка, и представители торгово-ростовщических каст, прочно обосновавшиеся в XVII в. в индийской деревне. В свою очередь ростовщическая кабала резко усиливала интенсивность феодальной эксплуатации. Традиционные формы разделения труда между земледелием и ремеслом внутри общины также оказались подорванными. Общинные ремесленники все больше соединяли работу на членов общины с работой на рынок. В дальнейшем, как это имело место в Бенгалии и Бихаре в конце XVII — начале XVIII в. (а еще раньше на юге Декана), вместо получения обычной доли урожая, ремесленники стали получать от общинников денежную плату за выполненные заказы или продавать им за деньги продукты своего труда. Традиционное разделение труда между земледелием и ремеслом в бенгальской, бихарской и южноиндийской деревне хотя и сохранилось, но оно все больше и больше приобретало форму товарно-денежных отношений между крестьянами и ремесленниками.

Рост товарно-денежных отношений в деревне разлагал общину и подрывал государственную феодальную собственность на землю. Основным процессом в аграрном строе XVII в. было превращение условного феодального владения в частную феодальную собственность и одновременно — общинного землевладения в частное крестьянское владение.

Отмеченные выше экономические сдвиги больше проявлялись у одних народов, меньше у других. Однако не подлежит сомнению, что рост общественного разделения труда, складывание областных рынков, увеличение экономической роли города, разложение деревенской общины, все более широкое превращение сельского ремесла в мелкое товарное производство и закабаление ремесленников торговым капиталом, наконец, появление крупных мастерских, представлявших зачатки мануфактуры, — все это свидетельствовало о том, что в Индии начали складываться условия, которые в дальнейшем могли привести к разложению феодализма и зарождению капитализма.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

Смена государственно-феодальной собственности на землю в державе Моголов частной феодальной собственностью происходила в сложных условиях. Прослойка феодалов, наиболее заинтересованная в существовании государственно-феодальной собственности, стремилась не только сохранить, но и расширить ее за счет дальнейшего ограничения прочих форм феодального землевладения. Эта прослойка феодалов состояла из крупнейшего феодала страны — самого Великого Могола и его ближайшего окружения, кормившегося от доходов шахского домена, который составлял 1/8 всей обрабатываемой земли; из верхушки служилой феодальной знати, ведавшей налоговым ведомством; из наиболее крупных феодальных землевладельцев, которые получали непосредственно от шаха свои условные пожалования — джагиры, охватывавшие иногда целые районы и даже области с миллионами крестьян.

Сохранялись и многочисленные категории средних и мелких феодалов, наследственно владевших землей, — заминдаров. Значительные земли по-прежнему принадлежали индусскому жречеству (брахманам). Наконец, в малодоступных районах страны продолжали существовать находящиеся в вассальной зависимости от Моголов княжества во главе с наследственными раджами, пользовавшимися известной долей самостоятельности в своих внутренних делах.

Аграрные мероприятия падишахской власти были направлены на то, чтобы не допускать превращения условных феодальных владений в наследственные.

Для того чтобы джагирдары не приобрели прочных связей и влияния в пределах отведенной им территории, джагиры жаловались обычно не сплошным земельным массивом, а чересполосно, в разных частях Индии; иногда джагирдаров переводили из одного района в другой, отбирали у них прежние джагиры и давали взамен новые.

Тенденция к безграничному повышению ренты-налога в XVII в. объясняется развитием товарно-денежных отношений, позволявших феодалу превратить полученный от крестьянина продукт в деньги. Реализация на рынке прибавочного продукта, присваиваемого феодалом в качестве ренты, осуществлялась не самим феодалом, а представителями торгово-ростовщического капитала. Потребность джагирдара в деньгах была особенно велика потому, что основные расходы он производил в денежной форме: деньгами он оплачивал наемные войска, содержавшиеся им для службы шаху; деньги были ему нужны для покупки предметов роскоши, для оплаты многочисленных слуг и прочей челяди. Звонкой монетой, подношением золота, западных диковинок, драгоценных камней и т. п. покупалась милость шаха и его фаворитов, от которых зависело пожалование или отнятие джагира. Такие подношения и подарки превратились в узаконенную систему продажи должностей и связанных с ними джагиров. Это подметил еще Франсуа Бернье, состоявший в середине XVII в. врачом при одном из придворных вельмож могольского шаха Бернье писал: «Эти огромные подарки мало чем отличаются от покупки должностей. Здесь и лежит причина того разорения, которое мы наблюдаем кругом; ибо наместник, купивший должность, стремится срочно вернуть себе те суммы, которые он занял под 20—30% годовых».

Крупный феодал, занимая деньги у индусских ростовщиков, гарантировал погашение ссуды будущими доходами или назначал заимодавца своим агентом (векилем) в джагир, где тот непосредственно присваивал значительную часть ренты-налога. В столице Моголов существовала своеобразная биржа, где негласно совершались сделки по приобретению должностей и джагиров, причем богатейшие ростовщики образовывали особые товарищества и группы с целью авансирования займов соискателям должностей и джагиров в счет их будущих доходов. В результате многие джагирдары превращались в номинальных владельцев своих джагиров, в то время как их действительными хозяевами становились ростовщики, присваивавшие себе львиную долю дохода. Рос-

товщик разорял не только крестьян, но и самих феодалов. С течением времени все больше джагирдаров оказывалось уже не в состоянии содержать положенные контингенты наемных войск. Вся военная организация Моголов стала приходить в упадок. Одновременно усилились феодально-сепаратистские тенденции в среде самих джагирдаров, стремившихся превратить свои джагиры в наследственные владения, добиться налогового иммунитета и полностью подчинить себе местный налоговый аппарат

ОСЛАБЛЕНИЕ ДЕРЖАВЫ МОГОЛОВ

Во второй половине XVII в. рента-налог, собираемая аппаратом государственного фиска, изымала около трети валового крестьянского урожая, через 100 лет доля феодального государства повысилась до 50% крестьянского урожая, не считая дополнительных поборов, непосредственно взимавшихся с крестьян самим джагирдаром. Результаты не замедлили сказаться. В конце XVII в. индийский историк Бхим Сен отмечал: «Государство опустошено, никто не может добиться справедливости, люди ввергнуты в бездну разорения. Крестьяне перестали возделывать землю, джагирдары перестали получать доходы со своих владений».

Разорение крестьянства вызвало широкие народные движения, направленные против могольского шаха и джагирдаров

Держава Моголов вступила в полосу глубокого кризиса Контроль верховной власти в сфере управления осуществлялся в основном бюрократическим налоговым аппаратом, относительно централизованный характер которого выражал верховную собственность феодального государства на землю Подрыв этой формы земельной собственности повлек за собой ослабление бюрократической централизации. В тесной связи с этим находился и наблюдавшийся в то время рост феодального сепаратизма, междоусобные войны, разрыв экономических связей между отдельными областями.

Военным и экономическим ослаблением государства Моголов и происходившей в нем внутренней борьбой воспользовались европейские колонизаторы.

РАСПАД МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

XVIII век характеризуется распадом Могольской империи и потерей ею своей независимости. Соотношение сил между индийскими государствами и укрепившимися на территории Индии европейскими торговыми компаниями, опиравшимися на мощь своих держав, все время менялось не в пользу Индии В XVII в европейцы имели в Индии опорные пункты и склады, в XVII в. — фактории и поселения, в XVIII в начали покорение индийских государств. С другой стороны, им противостояла в XVIII в. уже не Могольская империя, у которой они силой и подношениями добивались торговых привилегий, а отдельные государства, боровшиеся между собой и апеллирующие к европейцам за помощью против своих индийских противников

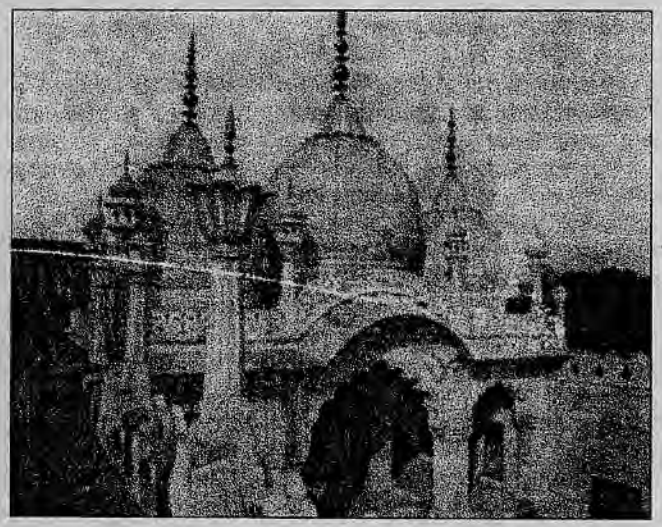
Начавшийся еще при Аурангзебе распад империи после его смерти значительно ускорился. Вспыхнувшая между тремя его сыновьями война за престолонаследие закончилась победой старшего — Муаззама, воцарившегося в 1707 г. в Дели под именем Бахадур-шаха (1707—1712 гг.). Старый и нерешительный, он водил походы лишь против сикхов, во главе которых после убийства Гобинда стал Банда. Решительный Банда привлек к себе много «озлобленных индусов из низших каст» (по словам хрониста), взял Сирхинд и с 70-тысячным войском, овладев округом Сахаранпур, осадил Лахор, но безуспешно. Бахадур-шах лично выступил против него, и в 1711 г могольские войска заняли центр сикхов Сирхинд, оттеснив их в предгорья Гималаев.

Начавшаяся после смерти Бахадур-шаха между его сыновьями междоусобная борьба за трон закончилась победой наиболее бесталанного из них — Джахандар-шаха (1712—1713 гг), за спиной которого стоял способный советник Однако через несколько месяцев Джахандар-шах был свергнут племянником Фаррух Сияром (1713—1719 гг.) и умерщвлен в тюрьме Фактически страной правили советники Фаррух Сияра — два брата-сайида из Бархи — род, еще со времен Акбара известный своими воинскими традициями.

Тем временем Банда опять перешел к активным военным действиям в Пенджабе, но взять Лахор не смог из-за отсутствия артиллерии. Фаррух Сияр послал против сикхов армию Сикхи были осаждены в крепости Гурдаспур. Голод вынудил защитников крепости сдаться. Ворвавшиеся

могольские войска перебили население крепости. Банда и его сподвижники были схвачены и преданы мучительной казни в Дели.

Фаррух Сияр стремился избавиться от опеки братьев-сайидов, но был ими низложен. После этого делийский трон непродолжительное время занимали один за другим два малолетних внука Бахадур-шаха. Наконец, на престол взо-



Жемчужная мечеть в Агре. 1648—1655 г.

шел третий внук, принявший имя Мухаммад-шах (1719—1748 гг.); он, опираясь на придворную клику, смог «убрать» обоих братьев-сийидов. Однако сам шах думал лишь об удовольствиях. Пышный двор, а также содержание армии требовали огромных средств. С крестьян брали все, что могли взыскать, не ограничиваясь, по существу, никакими налоговыми нормами. Земледельцы бросали хозяйства и убегали от налогового гнета, поступая в армию или создавая свои отряды, занимавшиеся грабежом даже в окрестностях Дели. От империи отпадали одна за другой все новые области.

В 1713 г. наместник Аурангзеба в Бенгалии Муршид Кули-хан выгнал из пределов области своего преемника, присланного Великим Моголом, перестал посылать в Дели налоги и основал новую столицу, названную им Муршидабадом. В 1714—1718 гг. Муршид Кули-хан присоединил к своим владениям Бихар и Ориссу.

Хотя новое государство Бенгалия формально признавало суверенитет могольского правителя, фактически оно было совершенно независимым, отказываясь, например, предоставить английским купцам привилегии, гарантированные им в 1717 г. Фаррух Сияром. Могольский наместник в Декане Асаф Джах создал самостоятельное государство Хайдарабад со столицей того же названия вблизи крепости Голконда. Асаф Джах и его преемники на троне Хайдарабада, носившие титул низамов, воевали с маратхами за господство в Южной Индии. Наконец, в 1739 г. от Моголов отделился Ауд, тоже ставший независимым княжеством со столицей Лакхнау. Ауд стремился расширить свою территорию за счет рохиллов — афганских племен, расселившихся к северо-востоку от делийской области. Реально Моголы владели уже к тому времени только лишь областью Агра — Дели.

Главными претендентами на господство над всей Индией оказались маратхи. Пока в Северной Индии шла борьба за власть между различным претендентами на могольской престол, маратхи не только укрепились в Западной Индии, но и перенесли действия своих отрядов в Центральную Индию. Поскольку здесь им не противостояли организованные армии, маратхи нападали на города и местечки под предлогом взимания чаутха и сардешмукхи. В самой Махараштре шла борьба за трон между Саху, сыном Самбхаджи, освобожденным из делийского плена, и Тара Бай, вдовой Раджарама, правившей в качестве регентши во время отсутствия Саху.

Тем временем большое влияние приобрел пешва (первый министр) Баладжи Висванатх (1713—1720 гг.). Он фактически сосредоточил всю власть в своих руках, основав маратхскую династию пешв. Члены династии Шиваджи продолжали числиться раджами, но не имели права покидать место своего проживания город Колхапур. За поддержку братьев-сайидов Баладжи получил фирман о праве взимать чаутх и сардешмукхи с шести южных суба (областей) Могольской империи. Тем самым грабеж маратхов был узаконен. Они посылали своих сборщиков налогов с воинскими отрядами, отбирали все, что могли, пытали богачей, чтобы узнать, где спрятаны их сокровища. При приближении маратхов жители разбегались.

К 30-м годам XVIII в. маратхи овладели обширными областями Центральной Индии, что привело к образованию ряда княжеств: династии Бхансла с центром в Нагпуре, династии Синдхия с центром в Гвалиуре, династии Холкар с центром в Индуре, династии Гаеквар со столицей в Бароде. Все они находились в некоторой зависимости от Пуны, где правили пешвы. Этот маратхский союз княжеств представлял собой конгломерат различных племен и народов, в котором сами маратхи составляли правящее меньшинство. Такой же пестрой была и маратхская армия, где исчезли всякие идеалы и национальный дух. Положение крестьян в маратхских княжествах было очень тяжелым, вводились все новые налоги. По существу, маратхский союз княжеств превратился в феодальную империю, лишь менее централизованную, чем Могольская империя времен ее расцвета.

Баджи Рао I (1720—1740 гг.), сын Баладжи, главное внимание маратхов направил на север, будучи уверенным в том, что, захватив Дели, он овладеет всей Индией. «Ударим по стволу засыхающего дерева, — говорил он, — и ветки должны будут сами упасть». Однако, когда маратхи продвигались к Дели с юга, в Индию с севера вторглись в 1739 г. войска правителя Ирана Надир-шаха. Деморализованные воины Великого Могола Мухаммад-шаха не смогли ему противостоять. По существу, армия Надира до ее появления в окрестностях Дели не встречала сопротивления. Решающая битва произошла в Карнале, недалеко от Панипала Поскольку результат боя был неопределенным, Надир-шах отдал приказ подготовиться к возвращению в Иран. В это время к нему неожиданно прибыли посланники Мухаммад-шаха с изъявлениями покорности. Надир отправился в Дели. Здесь он пробыл два месяца, устроил массовую резню, получил фирман о передаче ему могольских владений к северу от Инда (т. е. нынешнего Афганистана) и отбыл, нагруженный могольскими драгоценностями и добычей. После его ухода опустошенный город оказался во власти грабителей. Жители разбегались, феодалы переезжали ко дворам других правителей, в основном в Лакхнау (столица княжества Ауд).

Афганцы недолго подчинялись Ирану, и после убийства Надир-шаха в 1747 г. образовалось независимое Афганское государство с Ахмад-шахом Абдали (Дуррани) во главе.

Ахмад-шах был с армией Надира в Дели. Увидев слабость Моголов, он решил завоевать всю Индию. Пять раз он вторгался в Индию: в 1748, 1750, 1752, 1756—1757 и 1758 гг. Наибольшее сопротивление оказала ему не армия Моголов, а сикхи. Они заставляли Ахмад-шаха отступать, перерезая коммуникации с Афганистаном.

Между тем маратхи под руководством пешвы Баладжи Баджи Рао (1740—1761 гг.) продвигались на север. Здесь они столкнулись с войсками Ахмад-шаха. В 1761 г. на поле Панипата произошла решающая битва между этими двумя претендентами на господство в Индии. Маратхи были разбиты наголову. Лучшие маратхские полководцы погибли на поле боя, сам пешва скончался от ран. Однако Ахмад-шаху победа тоже далась нелегко. Он вынужден был уйти в Афганистан, чтобы пополнять свое сильно поредевшее войско. Внутренние дела надолго задержали его на родине, а после его смерти в результате феодальных усобиц афганские нашествия на Индию прекратились совсем.

После ухода из Индии армии Ахмад-шаха сикхи сразу же изгнали афганские гарнизоны из Пенджаба и вскоре создали свое независимое государство. Центр экономической активности окончательно переместился из разоренного войнами района Агра — Дели в Бенгалию и Южную Индию. «Пока все воевали против всех», страна была обескровлена и не могла сопротивляться нашествию европейских колонизаторов.

Между тем в Южной Индии происходила непрерывная борьба за власть между Хайдарабадом и маратхами, независимым княжеством Мадураи и вассалом Хайдарабада княжеством Аркат (Аркот). В эту борьбу вступило также княжество Майсур, возникшее на развалинах Виджаянагара.

В конце XVII и в XVIII в. в Южной Индии происходило резкое сокращение числа крестьян — владельцев земли, которые с XVI в. стали называться мирасдарами. Вместе с тем общинные арендаторы стали также получать права владельцев-налогоплательщиков. Происходила нивелировка прав на землю различных категорий крестьян на уровне закабаленного наследственного держателя. Крестьяне владели землей лишь при условии уплаты ими высоких податей. Общинная организация, покоившаяся на сочетании ремесла с земледелием, не исчезла, но круговая порука при внесении податей появилась даже там, где ее раньше не было. Сочетание общинной организации с фактически полной властью феодала в деревне привело к возникновению в XVII—XVIII вв. переделов земли по принципу: тот, кто может больше платить, получает больший участок. Земля при не-

прерывном возрастании налогов была зачастую бременем для крестьянина, он стремился избавиться от «лишнего» участка и тем самым от дополнительных налогов. Усилился также процесс превращения в мелких и мельчайших феодалов старост и писцов, а также откупщика, приходившего в общину со стороны и получавшего права старосты. Развитие товарного хозяйства приводило в деревне не к разложению феодального строя, а к дальнейшему подчинению села феодалу, к усилению феодального гнета, консервации общинных форм землепользования.

После смерти правителя Хайдарабада Асаф Джаха в 1748 г. разгорелась борьба за престолонаследие между двумя его сыновьями — Насир Джангом и Музаффар Джангом. В этот спор вмешались европейские компании, владевшие небольшими территориями, прилегающими к их портам. Фактически на индийской земле разгорелись торговые войны самых мощных европейских держав того времени — Франции и Англии. Эти войны переросли в завоевание самой Индии.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ В ИНДИИ

Индийская торговля была для европейских купцов важным и сложным предприятием. Купцы обычно создавали компании, которые получали поддержку правительства в Европе. Борьба шла, по существу, не между отдельными торговцами, а между правительствами их стран. Португальские экспедиции в Индию снаряжались и финансировались короной, голландцы и англичане создавали компании, которые получали хартии от правительств Нидерландов и Англии. Так, английская Ост-Индская компания возникла в самом начале XVII в., постепенно получая от английского правительства все новые права. Ряд хартий, принятых английским правительством, были вехами укрепления позиций компании в Англии: хартия Кромвеля 1657 г.; хартия 1661 г., давшая Ост-Индской компании право объявлять войну и заключать мир, и хартия 1686 г., по которой компания получала права чеканки монеты, организации военно-полевых судов и содержания собственных армий и флота. В 1698 г. частные купцы объединились в другую Ост-Индскую компанию, и только в 1702 г. обе компании слились, что было узаконено актом парламента в 1708 г. С этого времени деятельность компании в Индии стала быстро развиваться.

Джахангир надеялся противопоставить англичан португальцам и потому даровал английским купцам фирман на свободную торговлю в Могольской империи. Однако, когда англичане укрепились на побережье, могольские правители неоднократно предпринимали попытки изгнать их оттуда.

Храм в Мадуре.
XVII в.

Так, Аурангзеб попытался в 1687 г. освободить от них Бенгалию. В 1690 г. большая могольская армия осадила Бомбей (остров, полученный Англией от Португалии в 1661 г. в качестве приданого Катерине Браганца, жене английского короля Карла II), ставший центром английских владений на западном побережье. Военные действия Моголов окончились неудачей.

Английская компания в XVIII в. была самой богатой компанией в Индии. Центром ее был город Мадрас на Коромандельском берегу, приобретенный англичанами в 1639—

1640 гг. у местного правителя. К середине XVIII в. англичане построили там форт Св. Георга и гавань. В результате вырос многолюдный и богатый портовый город.

В Бенгалии центром деятельности английской компании постепенно становилась Калькутта, основанная на реке Хугли (западный приток дельты Ганга) в 1690 г. Там еще в XVII в. для защиты складов была выстроена крепость, названная Форт-Вильям, в честь правившего тогда в Англии Вильгельма (Вильяма) III. В Форт-Вильяме помещалось и правление компании в Бенгалии. Компания считалась также заминдаром трех деревень около Калькутты.

В 1717 г. англичане получили от Фаррух Сияра фирман, по которому компании было передано еще 38 деревень. Ее товары освобождались от пошлин при условии ежегодной уплаты в казну Моголов 3 тыс. рупий, и, кроме того, устанавливалось, что дастак (пропуск), выданный главой фактории, освобождал английские грузы от таможенного досмотра. С того времени бенгальские товары стали занимать все большее место в английском экспорте из Индии. Доходы компании сразу возросли с 278,6 тыс. ф. ст. в 1717 г. до 364 тыс. в 1729 г.

Вокруг факторий английской Ост-Индской компании в Калькутте, Дакке, Касимбазаре и некоторых других пунктах Бенгалии возникли ткацкие поселения. В одной Калькутте на компанию работало около 8 тыс. ткачей, живших на окраине — в «Черном городе». Индийские агенты Ост-Индской компании раздавали ткачам материал и передавали заказы на те ткани, которые хорошо шли на европейских рынках. Нередко такие агенты не только представляли интересы европейской торговой компании, но и выступали от собственного имени, превращаясь тем самым в скупщиков

Рост английской торговли вызывал серьезные опасения у наваба Бенгалии, ставшего фактически независимым правителем. Он боялся, что города и укрепленные фактории со временем превратятся в опорные пункты англичан, из которых правительству будет трудно изгнать их. Наваб обвинял компанию в том, что она монополизировала всю торговлю страны, что частная торговля ее служащих превышает даже торговлю самой компании.

Основными предметами английского эспорта из Бенгалии были хлопчатобумажные и шелковые ткани, шелк-сырец, селитра, сахар, опиум, индиго, топленое и растительное масло, рис. Компания распоряжалась крупными суммами денег и стремилась закупать необходимые ей товары оптом. Операция

по закупке риса производилась, например, следующим образом: еще задолго до начала жатвы служащие компании по рекомендации крупных индийских банкиров, игравших роль посредников, раздавали различные суммы индийским купцам, которые в свою очередь раздавали авансы скупщикам, а те — крестьянам. Таким образом, урожай заранее дешево закупался

Точно так же действовали английские агенты-скупщики (гомашты) и в отношении ремесленников, закабаляя их выдачей авансов.

Наваб Бенгалии Аллахварди-хан (1740—1756 гг.) предоставил компании ряд привилегий, получив за это финансовую помощь во время войны с вторгшимися в Ориссу маратхами. Однако наваб опасался роста влияния английских купцов, имевших фактории с десятками тысяч ткачей, поддерживавших связи с индусскими ростовщиками, банкирами и торговцами и постепенно вытеснявших индийских купцов из морской торговли на Востоке.

Французская Ост-Индская компания была организована позднее других европейских компаний, в 1664 г., при поддержке Кольбера. Французской компании были предоставлены огромные права: она получила в свое безраздельное пользование завоеванные ею территории, могла вершить суд и расправу над всеми жителями своих владений, имела право объявлять войну и заключать мир. Французское правительство обещало защищать компанию от всех врагов и охранять ее корабли. Однако в течение XVII и XVIII вв. Компания носила черты феодальной регламентации: король, генеральный контролер, торговая палата, министр колоний и флота — все вмешивались в дела компании, отдавая распоряжения Это мешало ей нормально функционировать.

Во главе компании стоял Совет директоров, причем часть их назначалась правительством. Фактически делами вершили назначенные правительством генеральный контролер и его помощник — особый комиссар. Главными пайщиками были придворные фавориты, а их ставленники управляли владениями компании, командовали ее армией и флотом. Непрерывные ссоры и дрязги процветали как среди директоров, так и между правлением и вкладчиками. Дела компании велись хаотически, и взяточничество было широко распространено среди служащих как в Индии, так и во Франции.

Центром французских владений в Индии был порт Пондишери на Коромандельском берегу, приобретенный в 1683 г.

Вторым по значению городом был приобретенный в Бенгалии в 1673 г. Шандернагор (по-индийски — Чандранагар) — основное место, где складывались бенгальские ткани до прихода кораблей из Франции.

Французская компания в XVIII в. вела торговлю в значительно меньших размерах, чем английская. Основным предметом ее вывоза во Францию были хлопчатобумажные и особенно шелковые ткани, закупленные на юге Индии. Французское правительство не придавало значения своим восточным владениям и торговле. Один министр Людовика XV говорил: «Мы имеем колонии, которые я уступил бы за булавку, будь я королем Франции».

Французская компания не располагала мощным флотом, ее армия состояла из каторжников; офицерами часто были люди, не обладавшие достаточными военными знаниями, ибо чин офицера покупался за деньги.

Английская и французская компании на территории Индии были самыми влиятельными из европейских компаний. Кроме них фактории и поселения в Индии имели еще голландская компания, основанная в XVII в. на Коромандельском берегу (с центром в Негапатаме) и имевшая поселения также в Бенгалии (главные фактории в Дакке и Чинсуре), и датская компания (основана в 1676 г. с центром в Серампуре). Однако голландская и датская компании решающей роли не играли.

РУССКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В XVII в., когда морская торговля Индии прочно перешла в руки европейских компаний, индийцы стали все более налаживать караванные связи со своими северными соседями. Через Персию и Бухару индийские купцы проникли в Астрахань и в 40-х годах XVII в. уже прочно обосновались там. С 1649 г. в Астрахани возник особый индийский двор — обнесенный стеной участок, где были лавки и жилые помещения индийцев, а позднее и храм Вишну. Астраханские индийцы торговали и в Москве, и на Нижегородской (Макарьевской) ярмарке главным образом восточными (персидскими и индийскими) товарами, несмотря на все попытки их русских конкурентов запретить им выезд из Астрахани в другие русские города. В восточной торговле России индийцы занимали второе место, после армян из

Джульфы (Исфаган). Армяне вели торговлю главным образом шахскими (т. е. казенными персидскими товарами, в то время как индийцы выступали в основном как частные купцы, притом крупные (некоторые из них вели торговлю на тысячи рублей).

Царское правительство с XVII в. неоднократно пыталось установить непосредственные торговые и дипломатические связи с Индией, однако не смогло этого добиться ввиду трудностей проезда через территории нескольких восточных государств. Два русских посольства ко двору Шах Джахана — Никиты Сыроежина в 1646 г. и Родиона Пушникова и Ивана Деревенского в 1651 г. — были задержаны в пути персидскими властями Посланное через Бухару посольство бухарца Мухаммеда Юсуфа Касимова добралось до Кабула — окраины Могольской империи, но не было допущено Аурангзебом дальше, и лишь торговая миссия Семена Маленького достигла в 1695 г. Дели, Агры, Сурата и Бурханпура. Она получила от Аурангбеза фирман, написанный по-тюркски, на право свободной торговли. Семен Маленький умер на обратном пути из Персии.

В XVIII в. индийская колония в Астрахани продолжала свою торговую деятельность. Но связи с Индией были прерваны, и индийцы вели торговлю лишь с Персией, отчасти с Кавказом, а также все больше внимания стали уделять ростовщичеству, ибо царское правительство поддерживало их денежные претензии даже к высокопоставленным русским должникам. В XVIII в. индийцы, проживавшие в Астрахани, основали индийскую компанию в России, которая вела очень крупные торговые дела. Со своей стороны русские купцы при покровительстве царского правительства неоднократно создавали проекты компаний по торговле с Индией, но из-за трудностей сухопутного проезда в Индию эти проекты не осуществились.

Поскольку индийских женщин в России не было, индийцы женились на татарках. Детей их звали в Астрахани агрыжанами (вероятно, от тюркского «оглы» — сын). Постепенно индийцы ассимилировались с местным населением, и в 40-х годах XIX в. царское правительство конфисковало как выморочное последнее имущество индийской компании в России.

ПРАВЛЕНИЕ АУРАНГЗЕБА

Во время своего длительного правления (1658—1707 гг.) Аурангзеб непрерывно воевал, посылая войска то на север, то на восток, то на подавление все время вспыхивавших восстаний. Численность могольских войск возрастала, доходя до 170 тыс. конных воинов и нескольких сот тысяч обозников. Вместе с тем боевые качества могольских армий продолжали ухудшаться. Аурангзеб все чаще одерживал победы не умением воевать, а с помощью подкупа. На все это требовались огромные средства.

Доходы джагирдаров резко уменьшились, поскольку казна стала требовать с них различные дополнительные поборы; к тому же многие джагирдары были разорены военными действиями. Им трудно было содержать полагающееся число всадников. Воины не получали жалованья иногда по нескольку лет, живя в это время главным образом за счет грабежа населения. Джагиры все чаще стали передаваться по наследству, хотя вплоть до XVIII в. джагир считался владением условным, служебным. Как и прежде, по смерти джагирдара его имущество поступало в казну, которая производила окончательный расчет. Но на это могло уйти много лет. В результате джагирдары стали просить, чтобы джагиры заменили выдачей жалованья из казны. Правительство отказало им в этой просьбе.

Правительство, испытывавшее недостаток средств, джагирдары, лишившиеся большей части своих доходов, армия, подолгу не получавшая жалованья, — все стремились поправить свои дела главным образом за счет земледельцев. Если при Акбаре нормой поземельного налога считалась 1/3 урожая, то при Аурангзебе — уже половина, а в действительности тяжесть налогов возросла еще больше. Чем больше взимали с крестьян, тем труднее было собирать налоги. Крестьяне во многих местностях уже не могли вести хозяйство и уходили с насиженных мест. В хрониках того времени содержится очень много сведений о разорении и заброшенности деревень.

Недоимки старались собрать с оставшихся крестьян, все чаще применяя принцип круговой поруки. Голод постоянно поражал то одну, то другую область страны. Особенно сильным был голод в Декане в 1702—1704 гг., когда погибло больше 2 млн. человек. Поправить экономическое положение можно было, только снизив налоги и сделав труд

земледельца приносящим хоть какой-нибудь доход. Но правительство, вынужденное изыскивать средства на военных расходы, не желало уменьшать налоговое бремя. Феодальные круги, наборот, все увеличивали свои налоговые требования к крестьянству.

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

В XVII в. продолжало развиваться ремесло, в особенности ткачество (в связи с ростом спроса на индийские ткани на европейских и азиатских рынках), а также отрасли, связанные с ним, — прядение, набойка, окраска тканей и т. п. Росло ремесленное население в поселках и городах, особенно вокруг европейских факторий. Так Мадрас из небольшой деревушки превратился в торговый центр Южной Индии и центр ткацкого производства. К городу обычно тяготела округа, где жили ремесленники; их изделия скупали торговые агенты и поставляли затем в факторию. Ряд мелких городов объединялся вокруг крупного центра, образуя своего рода экономический район. Однако процесс развития ремесла и образования экономических центров шел неравномерно и в основном имел место в прибрежных округах. Между ними происходил оживленный обмен товарами с помощью каботажной торговли.

Внешняя торговля Индии имела активный баланс, но полученные от нее средства оседали в руках паразитирующей знати, превращаясь в предметы роскоши или в сокровища: они не становились источником первоначального накопления.

Значительный рост товарно-денежных отношений при господстве мелкого производства неизбежно вызывал появление скупщиков, которые подчиняли себе ремесленников. Основным методом закабаления служили денежные авансы под будущую продукцию. Услугами индийских скупщиков пользовались и европейские фактории. Власть купцов над «своими» ремесленниками была так велика, что они иногда по своему усмотрению переселяли мастеров в другую местность.

Не только феодалы использовали торговлю для увеличения своих доходов, но и купцы охотно пользовались методами феодальной эксплуатации для повышения торговых прибылей. Денежные люди иногда содержали от-

ряды и становились джагирдарами, а джагирдары владели торговыми кораблями, лавками, караван-сараями, принимали участие в торговле. На самые ценные товары, производимые в стране, порой объявлялась падишахская монополия: для их приобретения или продажи требовалось специальное разрешение.

Развитие ремесла, торговли и городов в Могольской империи свидетельствовало о сдвигах, происходивших в общественно-экономических структурах позднесредневековой Индии. Однако ко времени вступления в страну европейских торговых компаний в недрах феодального общества еще не началось становление капиталистического уклада. Ростки новых общественных отношений появились в экономике Индии позднее.

Характер индийского феодализма способствовал цикличности развития, когда государство, централизованное на основе государственной собственности на землю, постепенно переходило к частнофеодальной собственности, распадалось, затем появлялось новое государственное образование, проходившее в основных чертах тот же путь и т. д., что мешало сколько-нибудь заметному вызреванию элементов другой экономической системы. Так или иначе, но европейские торговые компании в Индии столкнулись с феодальным строем периода распада Могольской империи.

К концу XVII в. в условиях ослабления центральной власти феодальные чиновники и землевладельцы облагали торгово-ремесленное население дополнительными налогами в свою пользу и чинили ему всяческие препятствия, выступая в качестве монополистов на какой-нибудь вид товара. Поскольку большинство ремесленников и торговцев в Могольской империи были индусами, они болезненно реагировали на религиозные преследования при Аурангзебе и введение дополнительного подушного налога с них — джизии.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА

Воцарение Аурангзеба означало приход к власти наиболее реакционных кругов джагирдаров. Холодный, расчетливый политик, Аурангзеб был фанатичным приверженцем ислама, и его победа над Дара Шукохом означала утверждение политики бесправия индусов и преследования мусульман-шиитов. Стремясь регулировать жизнь согласно предписаниям ислама, Аурангзеб запретил шиитские праздники, употребление вина, музыку, живопись, танцы, посевы наркотика — бханга и т. п. В 1665—1669 гг. он приказал разрушить все индусские храмы и построить мечети из их камней. Индусам запрещались носить знаки отличия, ездить на слонах и т. п.

Однако самым тяжелым бременем было введение в 1679 г. джизии, отмененной Акбаром. Это вызвало протест населения в Дели, Гуджарате, Бурханпуре и т. п. В ответ на преследования восстали маратхи, раджпуты и джаты. Восстание подняли и мусульмане-афганцы. Это стремление к независимости, к освобождению от могольского ига свидетельствует, что у ряда индийских народов начинало пробуждаться национальное самосознание. Могольское государство они стали воспринимать как нечто чужеродное, угнетающее их, а также часто оскорбляющее их религиозные чувства. Народные выступления ослабляли Могольскую империю.

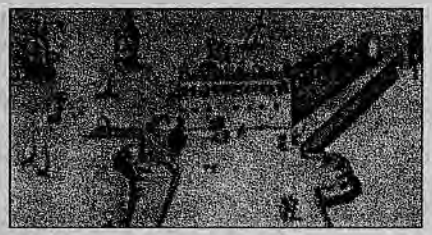
НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ МАРАТХОВ

Сплочение маратхов в борьбе за свободу и независимость было важным этапом процесса рождения маратхской нации. Давние воинские традиции, приобретенные на службе у деканских правителей, пригодились маратхам в борьбе против Моголов. Основной движущей силой борьбы был маратхский народ, веривший, что, сбросив могольский гнет, он установит царство справедливости. Проповеди маратхских поэтов-бхактов призывали к борьбе. Наставник Шиваджи — Рам Дас (1608—1681 гг.) восклицал: «Все отнято, и только родина осталась!»

Первым маратхским вождем, игравшим видную политическую роль в Декане, был Шахджи. Переходя на службу со своими воинами то к Ахмаднагару, то к Биджапуру, Шахджи получал условные пожалования и стал владельцем Пуны и Мавала. Его сын Шиваджи начал активно сколачивать отряды из маратхских воинов, нападать на небольшие форты, принадлежавшие знатным маратхским родам, и, применяя силу, а больше хитрость, овладевать ими.

Усиление Шиваджи вызвало беспокойство Биджапура, и в 1658 г. против маратхов было послано большое вой-

ско под началом старого Афзал-хана. Понимая, что в узком ущелье его армии не развернуться и маратхи тут имеют преимущества, Афзал-хан пригласил Шиваджи на личную дружескую встречу на вершине холма, куда должны были подняться только оба полководца. Афзал-хан скрыл в одежде кинжал, которым и ударил Шиваджи, сделав вид, что обнимает его. Но Шиваджи был одет в кольчугу, которая предохранила его. Затем он, обнимая Афзал-хана, вонзил в него спрятанные в рукаве железные «когти», а потом кликнул своих воинов, которые взбежали на холм и отрубили голову могольскому командиру. Оставшееся без полководца биджапурское войско было разгромлено. После этого маратхи стали совершать набеги на Биджапур, возвращаясь оттуда с богатой добычей.



Английская цитадель в Бомбее. Гравюра XVII в.

Аурангзеб решил покончить с «горными крысами», как он презрительно называл маратхов, и послал против них войско под началом Шайста-хана, занявшего Пуну. Но в результате внезапной ночной атаки, предпринятой Шиваджи, Шайста-хан был разбит и в панике бежал из лагеря. Войско его отступило. В 1664 г. Шиваджи напал на незащищенный укреплениями порт Сурат. В результате ограбления купцов, разрушения домов и складов пострадала вся гуджаратская торговля, и Могольской империи был нанесен тяжелый удар. Тогда Аурангзеб послал против Шиваджи одного из своих лучших полководцев — раджпута Джай Сингха. Шиваджи пришлось покориться. В 1665 г. он подписал Пурандхарский мирный договор, по которому отдал Моголам свои крупные крепости и поступил на могольскую службу. Джай Сингх уговорил вождя маратхов поехать на поклон в Агру, обещая ему милости падишаха. Однако прибывших в могольскую столицу Шиваджи и его сына Аурангзеб посадил под арест. Им с трудом удалось бежать. Вернувшись на родину, Шиваджи в 1670 г. возобновил свои набеги. Он вторично разграбил Сурат, подорвал экономическое значение этого порта, поскольку иностранные купцы, а также корабли боялись туда заходить.

Биджапур, Берар, Хандеш, Гуджарат, Корнатик — все эти области стали ареной набегов Шиваджи. Маратхская легкая конница славилась быстротой передвижения, она нападала на отдельные отряды могольских войск и молниеносно исчезала, увозя добычу. Как все индийские армии того времени, армия Шиваджи была наемной, но оплачивала воинов казна, а не отдельные военачальники; была введена строгая система воинской субординации. Каждому воину и военачальнику полагалась плата. Однако во время походов, т. е. восемь месяцев в году, воины и их начальники не получали жалованья, и армия существовала за счет населения. Маратхское крестьянство грабить не полагалось в отличие от населения вражеской территории. По возвращении домой, в сезон дождей, армия обязана была всю добычу сдать в казну; разграбленное распределялось среди воинов согласно установленной плате за время походов, а излишек поступал государству.

В 1674 г. Шиваджи торжественно короновался в Пуне, образовав тем самым независимое от Моголов и Биджапура маратхское государство. Это подняло национальное самосознание маратхов, избавившихся от чужеземного гнета.

В Махараштре (территория основных маратхских областей) Шиваджи установил сравнительно легкий налог с крестьянства. Казну он пополнял за счет добычи и чаутха (так назывались «отступные», выплачиваемые наместниками Аурангзеба за освобождение от маратхских набегов в размере 1/4 налогов, поступавших ранее Моголам от откупившихся областей). Шиваджи превратил чаутх в регулярно взимаемую подать. В XVIII в. к этому прибавился еще сбор сардешмукхи, составлявшей 1/10 общей суммы налога.

В 1667 г. Шиваджи заключил союз с Голкондой и напал на Карнатик. За армией шли банды мародеров и грабителей, довершавших разорение. Население, прослышав о приближении маратхов, убегало. Маратхские армии пришли сюда как захватчики.

Соратники Шиваджи боролись за идею национального и религиозного освобождения своего народа, пренебрегая материальными благами: на могольской службе они получали бы значительно больше. Однако, приобретя земли и власть, они стали превращаться в обычных феодалов. Уже сын Шиваджи — Самбхаджи проявлял заботу только о привольном житье. После смерти Шиваджи в 1680 г. правителем государства маратхов стал Самбхаджи.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В разных частях Могольской империи то и дело вспыхивали народные восстания. Но они были разными по характеру, мало связанными между собой, так же как различными были движущие силы и мотивы этих восстаний. Если, например, основной состав восставших джатов был крестьянским, то в движении сикхов большое участие принимали городские слои. Если для маратхов, раджпутов и сикхов большое значение имела борьба против притеснений, в защиту их религиозных верований, то перед афганцами, боровшимися за свою независимость, этот вопрос не стоял. Они были такими же мусульманами-суннитами, как и Аурангзеб. Эти восстания были результатом пробуждения национального самосознания отдельных народов Индии. Так, в районе Агра — Дели восстали джаты-крестьяне, протестуя против высоких налогов. Под руководством своего вождя Гокла они в 1669 г. построили форты и перерезали караванный путь из Агры в Дели. Однако джаты не смогли противостоять большой могольской армии и, несмотря не героическое сопротивление, была разбиты. Гокла был четвертован в Агре.

В 1672 г. в Нарноле (в том же районе) восстала секта сатнами (честное имя). Повстанцы-джаты хотели свергнуть Аурангзеба и установить царство справедливости. Это восстание было подавлено 10-тысячной армией. Но восстания джатов вспыхнули снова в 1685—1691 гг. и в 1704 г., на этот раз под руководством Чаурамана.

Восстания афганцев следовали одно за другим, их возглавляли то юсуфзаи, то хаттаки, то афридии. В узких горных проходах афганцам иногда удавалось уничтожить целые могольские армии. Так случилось в 1667 и 1674 гг. Однако Аурангзеб сам возглавил свои армии, стал подкупать отдельных афганских вождей и разжигать распри между афганскими военачальниками. В результате в 1676 г. афганский союз племен распался. Лишь Хушкал-хан, пламенный патриот и незаурядный поэт, не подчинился Моголам, а создал независимое государство на территории хаттаков, которое распалось в результате междоусобной борьбы вскоре после его смерти (1689 г.). Афганцы и сегодня чтят Хушхал-хана как поэта и героя.

Продолжали ожесточенную борьбу против Моголов и сикхи. К ним примыкали все новые слои пенджабского населения. Девятый гуру сикхов Тег Бахадур сплотил их и построил крепость Анандапур. Вокруг него собирались пенджабские крестьяне. Однако в конце концов он все же был схвачен Моголами и в 1675 г. четвертован в Дели. Его сын, гуру Говинд, родившийся в Патне (где теперь стоит сикхский храм) и долго скрывавшийся, военизировал всю сикхскую организацию. С этого времени сикхизм из сектантского течения среди торгово-ремесленного населения стал превращаться в антифеодальную идеологию мятежных крестьян. Говинд заявил, что власть гуру отныне передается всей сикхской общине (хальсе). Сикх должен отречься от прежних кастовых или религиозных связей и сознавать только общность с другими сикхами. Для сикхов были установлены особые правила, резко отличавшие их от индусов и мусульман. Они носили одежду особого покроя, имели особую прическу, особые религиозные символы, например должны были носить кинжал, гребень и браслет на руке. До сих пор сикхи носят браслет с брелоками в виде кинжала и гребня.

В результате этих мер гуру Говинд смог превратить сикхов в могучую организацию, ставшую серьезной угрозой власти Моголов в Пенджабе. Основой движения сикхизма стали пенджабцы, однако к сикхам мог примкнуть любой человек из другой части Индии. Говинд построил ряд фортов в Пенджабе, заключил союзы с мелкими раджами горных заминдарств, но все же не смог противостоять могольской армии; после долгого сопротивления Анандапур был взят. Говинду пришлось бежать. Он долго скитался, а в 1708 г. был убит. Однако борьба сикхов продолжалась.

Начались волнения и среди раджпутов — опоры могольского войска. В 1678 г., после смерти князя Марвара, сановника Аурангзеба, разгорелась борьба между могольским ставленником в княжестве и сторонниками маленького сына покойного князя, ставшего знаменем восстания против могольского ига. Аурангзеб двинул армию в Марвар. Деревни были разорены, города разграблены, индусские святилища разрушены Но тут восстал Радж Синтх — князь соседнего раджпутского княжества Мевар. Аурангзеб выслал против него войско своего сына Акбара; раджпуты разбили армию Акбара и начали с ним тайные переговоры, обещая поддержку, если он попытается свергнуть своего отца. Акбар поднял бунт, но Аурангзеб хитростью расстроил союз сына с раджпутами, и Акбар бежал к маратхам.

Аурангзеб заключил мир с княжеством Мевар, а Марвар продолжал борьбу с Моголами до 1709 г. Единству действий двух крупнейших раджпутских княжеств воспрепятствовала феодальная обособленность их. В какой-то мере борьба с раджпутами ослабила и Моголов: необходимость держать войска в Раджаст-хане отвлекала их от борьбы с маратхами.

ЗАВОЕВАНИЕ БИДЖАПУРА И ГОЛКОНДЫ

Борьба с народными восстаниями требовала больших средств. Аурангзеб решил пополнить казну — он напал на Биджапур. Столица была осаждена, ее окрестности разорены. Однако крепость не сдавалась полтора года, пока голод и эпидемии в 1686 г. не подорвали духа сопротивлявшихся. После сдачи весь город был разграблен и разрушен могольскими войсками, водоснабжение нарушено; на месте блестящей столицы остались одни лишь развалины, на которые наступали джунгли. Затем настал черед и Голконды. Моголы смогли взять крепость лишь путем подкупа голкондских военачальников (1686 г.). Голконда была аннексирована. Аурангзеб захватил при этом огромную добычу.

Это был период наибольшего расширения Могольской империи. Она охватывала почти всю территорию Индии, доходя на юге до рек Пеннар и Тунгабхадра, а на севере включала Кашмир и афганские земли с Кабулом и Газни. Лишь Кандагар оставался под властью Персии.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА У МАРАТХОВ

После смерти Шиваджи чрезвычайные законы, фактически ограничивавшие развитие феодализма у маратхов, перестали соблюдаться. Маратхские военачальники значительную часть военной добычи стали оставлять себе, имущественная разница между маратхским воином и военачальником все росла. Самбхаджи и его приближенные больше думали о развлечениях, чем о военных действиях. Попытка маратхов захватить в 1680—1682 гг. остров Джанджира, где правила династия эфиопов Сидди, окончилась неудачей, как и нападение на португальский порт Чаул в 1683 г. В 1689 г. могольские войска неожиданно напали на ставку Самбхаджи, и он попал в плен вместе со своим сыном Саху (Шаху). Махараштра вновь подпала под могольское иго.

После падения маратхского государства сопротивление маратхов усилилось, превратившись затем в подлинно народную войну. Поскольку младший сын Шиваджи, Раджарам, жил в Джинджи в качестве номинального правителя марахтов, это придавало действиям маратхских военачальников вид законности. Однако маратхские войска начали постепенно терять свой специфический национальный облик. Многие маратхи поступили на могольскую службу; могольские воины, не получая жалованья, порой перебегали к маратхам в надежде на добычу. Между маратхскими военачальниками начались распри, иногда кончавшиеся кровавыми столкновениями. Армия перестала быть единой боеспособной единицей.

Могольская армия продолжала воевать с отдельными отрядами маратхов, осаждая их форты. Но даже победоносное взятие маратхских крепостей приносило Моголам мало пользы: как только армия уходила, оставив небольшой гарнизон, маратхи быстро брали крепость обратно. По образному выражению современного историка, действия Аурангзеба похожи на след лодки в реке: вода смыкалась, как только лодка проплывала.

В 1707 г., когда могольские войска возвращались после окончания очередной военной кампании в Бурханпур (Аурангзеб перенес сюда свою столицу еще в 1681 г.), маратхские отряды окружили могольскую армию. В это время 89-летний Аурангзеб, который возглавлял поход, заболел и умер.

В правление преемников Аурангзеба — Бахадур-шаха (1707—1712 гг.), Мухаммад-шаха (1719—1748 гг.) и Ахмад-шаха (1748—1754 гг.) — могольские правители превратились в марионеток, бессильных ставленников разных феодальных группировок, боровшихся между собой. Все новые области отпадали от империи, образовывались независимые государства, хотя фикция могольского сюзеренитета зачастую сохранялась.

СИКХИ

Сикхизм связан с реформаторским движением бхакти. В Индии в конце XV – начале XVI в. возник ряд новых социально-религиозных учений. Они известны под общим названием «бхакти» – преданность богу. Идеологи бхакти в своем большинстве принадлежали к ремесленным и торговым кастам, они утверждали, что спасение человека заключается не только в знании высших истин и выполнении обрядов, но и в «беспредельной любви к божеству». В новой идеологии нашел отражение протест торговцев, ремесленников, крестьян против нарастания феодального гнета и социально-кастовой принадлежности.

Основными принципами бхакти были следующие: религиозное единение всех индийцев, признание единого бога, борьба против неравенства, отношение к людям в зависимости от личных заслуг.

Крупнейшим идеологом бхакти был ткач из Венареса (Варанаси) Кабир (1440 – 1518). В своих поучениях и проповедях он отвергал кастовые различия, многобожие и религиозную обрядность, провозглашал, что все люди равны перед богом.

В Пенджабе последователем Кабира и основателем секты сикхов был Нанак (1469 – 1538). Он принадлежал к касте торговцев-кхатриев. Он объявил себя гуру – духовным наставником сикхов. Нанак резко выступал против кастовой системы, провозглашал веротерпимость, осуждал многобожие, индуистскую и мусульманскую обрядность.

Учение о равенстве всех людей перед богом привлекло в ряды сикхов самые обездоленные слои населения. Их привлекала критика кастово-сословной системы, феодальных порядков.

Сикхизм – религия монотеистическая. Согласно его учению, бог – это не конкретное понятие. Он везде и всюду, един и неделим. Бог – наивысший моральный критерий. Не может быть никаких поклонений ему без совершения добрых дел. Источник всего, что есть в человеке, – бог. Идеология раннего сикхизма отвергала насильственные методы борьбы.

Нанак подчеркивал необходимость строгого подчинения последователей учения своему гуру. Это привело к созданию сильной общины с крепкой внутренней дисциплиной. Со временем у сикхов оформилась четкая организация.

Носильщики в горах.
Индийская миниатюра. Начало XVII в.

Они были разделены на территориальные округа, во главе которых стоял масанд. В его обязанности входил сбор в пользу гуру части дохода с каждого сикха.

Постепенно гуру превратились в богатых и влиятельных феодалов. Религиозным центром общины стал город Амритсар. В нем был построен «Золотой храм» – главная

сикхская святыня. Гуру Арджуна (1581–1606) составил священную книгу сикхов «Ади Грантх». В ней был провозглашен принцип божественности гуру.

При гуру Хар Говинда (1606–1645) усилился двойственный процесс. Гуру и масанды превратились в богатых феодалов. С середины XVII в. в результате хозяйственного кризиса десятки тысяч обездоленных крестьян и ремесленников пополнили ряды сикхов, которые стали объединяющим центром враждебных Моголам сил.

При императоре Акбаре Могольская держава достигла зенита своего могущества, но при его преемниках в государстве все более усиливались процессы, которые привели к экономическому и политическому упадку. Разорение крестьянства, ослабление государственной собственности на землю, являвшейся основой относительного могущества центрального правительства, рост феодального сепаратизма — таковы были основные причины упадка государства Великих Моголов.

Внутренние противоречия с особой силой проявили себя во время правления Аурангзеба (1658–1707). С целью укрепить внутреннее положение и пополнить казну, он начал проводить активную антииндусскую политику, основная тяжесть которой легла на плечи крестьян и ремесленников. Подобная политика только осложнила положение в стране. Особенно ухудшилось положение крестьян. Земельный налог с них повысился почти вдвое.

Антииндусские мероприятия Моголов затронули интересы индусских и сикхских феодалов, за счет которых делийское правительство думало усились позиции мусульманских джагирдаров.

На протяжении почти всего XVIII в. Моголы осуществляли крупные карательные экспедиции против сикхов, которые порой приобретали черты длительных и жестоких войн. Они способствовали сплочению сикхов, выработке у них военного мастерства, вскоре столь блестяще проявившегося, и, главное, продемонстрировали, что все симпатии крестьян и ремесленников Пенджаба на стороне сикхов. Крестьяне оказывали сикхам самую широкую помощь и поддержку.

Напомним, что борьба сикхов была направлена не против мусульман вообще, а конкретно против мусульманских феодалов и могольских властей.

Новая обстановка и новые задачи ведения борьбы потребовали и новых организационных форм. Инициатором

значительных преобразований внутри общины сикхов и явился гуру Говинд (1675–1708).

В 1699 г. он созвал близ Анандпура, своей резиденции, общий съезд сикхов, на который прибыло свыше 20 тыс. человек. На съезде Говинд внес изменения идеологического и организационного характера, послужившие новой вехой в истории сикхизма.

В Анандпуре Говинд провозгласил, что высшая духовная и светская власть, сосредоточенная до этого времени в руках гуру, переходит целиком к хальсе, или общине сикхов. Так было покончено с обожествлением наследственных гуру, т. е. непререкаемый авторитет одного гуру и слепое подчинение ему заменялись авторитетом и решениями общины сикхов. Вся вооруженная община с этого момента получила название «хальсы», где каждый обладал равными правами и нес равные обязанности. Общее собрание хальсы объявлялось высшим органом общины. Каждый сикх обладал одним голосом при решении всех вопросов.

Говинд подчеркнул антикастовый характер сикхизма. «Если смешать вместе брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр — все станут одинакового цвета». Каждый сикх должен был отречься от касты и племени, признавать только узы братства, связывавшие его с другими членами хальсы.

Говинд также резко выступил против обрядовых сторон индуизма и ислама. «Все индусские или мусульманские ритуалы, связанные с рождением, браком или смертью, должны быть уничтожены». Гуру Говинд резко выступал против мусульманского и индусского духовенства.

В знак полного и окончательного разрыва с верованиями, обрядами и правилами ортодоксального индуизма члены общины должны были подвергнуться особому обряду — их окропляли водой, размешанной обоюдоострым кинжалом. Кроме этого, каждый вновь принимаемый в общину должен был есть «пахаль» — священную пищу сикхов, состоящую из равных частей муки, сахара и очищенного масла. Все это смешивалось с двойной порцией воды. Пища принималась из одной посуды, что подтверждало отказ от кастовой принадлежности. Был также создан орден акали, т. е. бессмертных. Члены ордена должны были нести службу по охране золотого храма в Амритсаре и следить за соблюдением сикхских обычаев.

Был установлен ряд внешних знаков, которые отличали сикхов от остального населения Пенджаба. Все сикхи

были обязаны носить тюрбан, длинные волосы и бороду и постоянно иметь при себе три стальных предмета: меч, гребень и браслет. Кроме того, по решению съезда в Анандпуре каждому присваивался благородный титул «сингх» (лев).

Говинд Сингх обрушился на масандов, обвиняя их в лихоимстве Он считал, что они отошли от принципов учения Нанака и превратили преданность сикхов гуру в источник для личного обогащения, и запретил членам общины выплачивать им налоги и пожертвования, отныне ставшие достоянием всей хальсы. Масанды отказались признать реформы Говинда и покинули съезд. Тогда Говинд отдал приказ пытать и казнить масандов.

Часть сикхов, главным образом выходцы из высших каст, также немедленно покинула собрание. Большинство же присутствовавших, принадлежавших к низшим кастам, с восторгом приветствовали нововведения гуру Говинда.

Разрыв в общине сикхов сопровождался и другим событием. Часть индусских феодалов в горных районах Северного и Северо-Восточного Пенджаба во главе с раджей Аджмир Чандом, до этого оказывавшая некоторую поддержку сикхам, надеясь использовать их движение для укрепления собственной власти в борьбе против делийского правительства, отошла от этого движения. Дело не только в том, что они были возмущены «отменой кастовой системы», как это утверждают некоторые английские и индийские историки, а в том, что индусские феодалы боялись крестьянского антифеодального движения.

Сикхи во главе с Говинд Сингхом до 1705 г. отбивали все попытки объединенных вооруженных сил моголов и индусских раджей овладеть Анандпуром. В 1705 г. сильной могольской армии удалось наконец захватить Анандпур и другие сикхские опорные пункты.

В 1708 г. от руки подосланного убийцы погиб десятый и последний гуру Говинд Сингх, но это не приостановило роста крестьянского движения в Пенджабе. Восстание возглавил преемник Говинда крестьянин Банда, талантливый организатор и способный военачальник. При нем выступления сикхов принимают особенно отчетливо выраженный антифеодальный характер.

Однажды к Банде пришла делегация от населения округа Садхаур с жалобой на беззакония их феодала. Банда в ответ приказал открыть огонь по ходокам. Они удивились столь странному ответу на свою жалобу и спросили, что это значит.

Банда заявил, что лучшего обращения они не заслуживают. Их — тысячи, но они все еще допускают, чтобы их терроризировал феодал Почему бы хальсе не почувствовать себя достаточно сильной, чтобы восстановить справедливость? Предложение было принято, и феодалы изгнаны. Этому примеру последовали крестьяне и в других районах страны.

Пенджаб был охвачен огнем крестьянского движения Стихийно было создано множество мелких повстанческих отрядов, они жгли поместья и крепости феодалов, уничтожали мелкие карательные отряды Крестьяне беспощадно расправлялись с налоговыми чиновниками, с мусульманскими джагирдарами, а также с теми индусскими феодалами, которые, напуганные размахом антифеодального движения, активно помогали делийским властям подавлять выступления повстанцев

Ядро армии Банды составляли хорошо организованные и вооруженные сикхи Если к 1709 г. его отряд состоял из 4 тыс , то через несколько лет в нем насчитывали 40 тыс. человек Армия Банды при поддержке крестьян и ремесленников сокрушала всех и вся, кто притязал на влияние и богатство

В мае 1710 г. восставшие заняли город Сирхинд. Сикхи захватили богатую добычу и множество вооружения Следующим крупным успехом Банды было взятие Сахаранпура. После неудачной попытки захватить Джаландхар Банда с основными силами осадил Лахор, столицу Пенджаба Но овладеть Лахором ему не удалось. Это была сильная крепость, окруженная высокими и прочными стенами. Неудача объясняется не только изменой богатой городской сикхской торгово-ростовщической прослойки, которая выступала с осуждением активной борьбы против делийского правительства и пыталась договориться с ним. Эти умеренные элементы не только отказывались подчиняться Банде, но и оказывали непосредственную помощь Моголам.

Делийское правительство мобилизовало значительные силы для разгорма восставших крестьян. После ряда ожесточенных сражений повстанцы были разбиты, а Банда захвачен в плен. В 1716 г., после долгих и жестоких пыток, вождь сикхского движения и 2 тыс его сподвижников были казнены.

Сикхи как основная ударная сила крестьянского движения были объявлены вне закона. Они были вынуждены скрываться в горах и в других труднодоступных местностях. Сикхи, ушедшие в горы, продолжали небольшими

отрядами вести партизанскую борьбу. Однако многие разошлись по домам и рассеялись в общей массе крестьян

Могольские власти беспощадно расправлялись со всеми, кто оказывал поддержку сикхам Вот как описывает положение в Пенджабе в этот период один из офицеров субадара Лохан Лал· «Во время военных действий против сикхов, объявленных вне закона, очень часто преследовали индусов за то, что они снабжали сикхов пищей, скрывали их и уклонялись от выдачи их местопребывания».

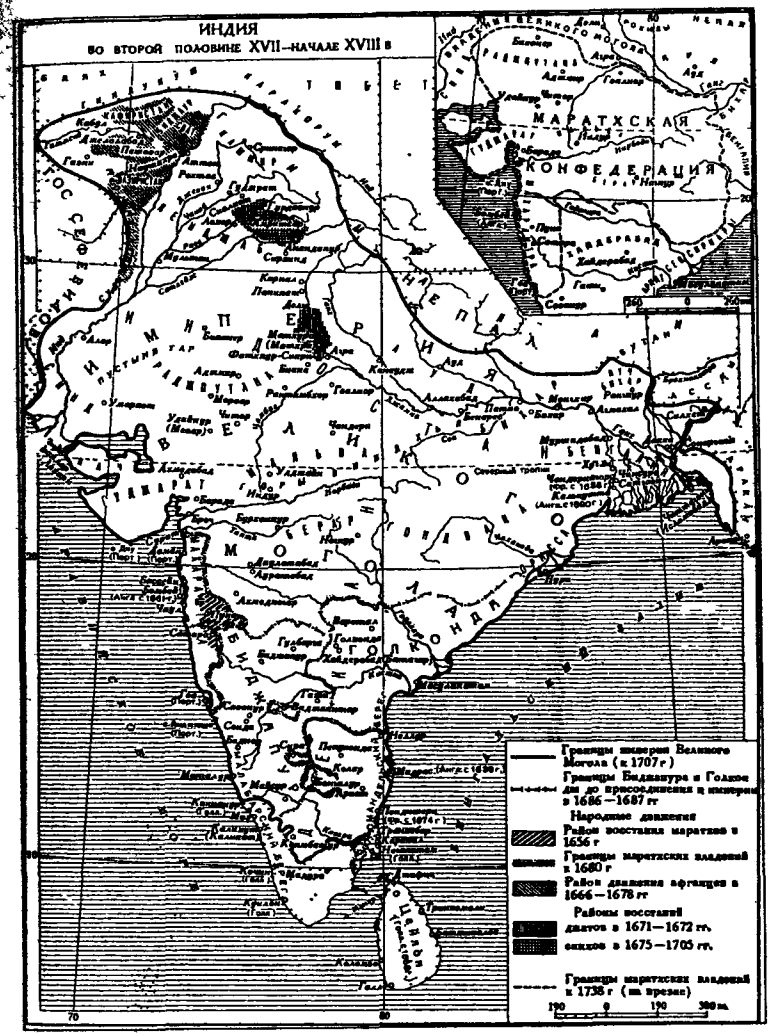
«Чистые» сикхи («тат хальса») также стали подвергаться репрессиям. В 1723 г. могольские власти объявили о всеобщей конфискации их имущества в возмещение тех убытков, которые мусульмане потерпели во время боев 1710—1715 гг

Уже в 20—30-х годах XVIII в. хальса, несмотря на жестокий террор, начала постепенно оправляться от поражения. Стали вновь возникать крупные вооруженные отряды сикхов, широко известные в истории под названием «мисалей».

Существует рассказ о возникновении первого мисаля в 20-х годах XVIII в. на территории Центрального Пенджаба Однажды джат по имени Капур, поссорившись со своими братьями, ушел из деревни Сингпур, расположенной в округе Тарн Таран, и поселился в хижине одного сикха, который сжалился над его бедностью и оставил у себя Прошло несколько дней, и сикх сказал джату: «Пора тебе принять нашу веру». Капур принял сикхизм и с тех пор стал называться Капур Сихгхом. Вскоре вокруг него объединилось 2—3 тыс сикхов, признавших его своим вождем, или сардаром. После смерти Фарук Сийара в государстве начались беспорядки, и никто не мог твердо укрепиться на престоле Капур Сингх сначала занял деревню, где родился, и убил местного ламбардара (сборщика налогов). После этого он овладел соседними деревнями Так возник первый мисаль под названием Фаджал-лапур.

Мисали начали возникать самым естественным образом. Сикхи, группируясь, выбирали вождя, учитывая его личную храбрость и опыт в ведении военных операций Социальная принадлежность вождя не играла при этом никакой роли Капур Сингх был крестьянином-бедняком из касты джатов

В первой половине XVIII в. происходит дальнейший рост общины сикхов за счет крестьян, видевших в сикхах своих защитников и активных борцов против государственной вла-



сти и феодального гнета К ним повсюду ежедневно открыто присоединялись новые люди.

В 40-х годах в Пенджабе возникло еще 11 мисалей Так, в ходе борьбы против Моголов, против мусульманских и индусских феодалов возродилась воинская организация хальсы. Постоянный вооруженный контингент каждого миса-

ля колебался от 2 до 12 тыс человек. В период образования мисалей общее число вооруженных сикхов в них составляло около 80 тыс.

В результате бесконечных походов месторасположение постоянно менялось. Но в основном мисали занимали центральные округа Пенджаба, где влияние сикхизма было более сильным, чем на окраинах.

Мисали имели следующие названия: Фаджаллапур, Рамнагари, Кахия, Бханги, Наккаи, Алувалиа, Даливали, Карора, Нишанвала, Суккарчакия, Пхулкиан, Ниханга.

Мисали являлись чисто военными организациями, основанными на добровольном союзе сикхов. Сардары, или вожди, были только военачальниками; их нередко смещали. Характерно, что основателями восьми мисалей были члены касты джатов, т. е. выходцы из крестьян. Среди основателей мисалей имелись также один плотник и один винокур.

В период возникновения и усиления мисалей высшим органом, как и в период массового антифеодального движения народов Пенджаба в начале XVIII в., являлось общее собрание сикхов, «сарбат хальса», созываемое два раза в год. Оно большинством голосов выбирало главу союзов мисалей. Вожди мисалей составляли военный совет. После смерти Капур Сингха главой хальсы стал Джасса Сингх, вождь мисаля Алувалиа. Конфедерация мисалей называлась «хальсаджи», а объединенная армия сикхов — «дал хальсаджи».

На «сарбат хальсе» каждый сикх мог свободно высказывать свое мнение, и решения принимались большинством голосов. В перерывах между общими собраниями сикхи для разрешения частных вопросов собирались на местные сходки, где обсуждались все спорные дела и решения принимались также большинством голосов.

В середине XVIII в. у сикхов в основном сохранились многие демократические черты во внутренней организации хальсы. К 1748 г. число сардаров еще не превышало 65, каждый из них входил в один из двенадцати мисалей и командовал кавалерийским отрядом сикхов.

Делийское правительство предприняло ряд походов против мисалей, проводило политику жесточайшего экономического и политического террора против крестьян Пенджаба. Однако это лишь способствовало усилению антифеодальной борьбы.

Мисали становились значительной военной силой. Сикхи были сильны своей связью с крестьянами и поддержкой

с их стороны. Сотрудничество с сикхами обещало экономические выгоды. Поэтому каждая деревня посылала в отряды сардаров пополнение из смелых юношей.

Сикхи были отличными воинами, а непрерывные походы, сражения с превосходившими силами противника приучили их к выносливости. Обычно сикхи были вооружены мушкетами, мечами, саблями, копьями, пиками, обоюдоострыми кинжалами, тесаками и луками со стрелами. Были у сикхов в небольшом количестве также и пушки, захваченные у врага. Кроме того, каждый воин имел рог с порохом, две попоны, запас продовольствия и кухонную утварь.

В период борьбы против армии Моголов, а позднее и афганских завоевателей сикхам приходилось вести военные действия в основном партизанскими методами. Поэтому пехоты у них было мало.

Партизанские методы ведения войны выработали у сикхов определенные тактические приемы. Каждый сикхский воин, как правило, имел заводную лошадь, что обеспечивало отрядам большую подвижность. Благодаря этому преимуществу сикхи могли наносить неожиданные удары и внезапно исчезать.

Излюбленный тактический прием, к которому часто прибегали сикхи, заключался в следующем: крупный отряд сикхов производил залп по противнику, втягивал его в бой, а затем начинал отходить. Неприятель, думая, что сикхи обратились в бегство, посылал отряд преследовать их. Когда преследователи достаточно отрывались от основных сил, сикхи останавливались, поворачивали своих коней и яростно контратаковали. Сикхи также широко практиковали засады.

Точно определить численность сикхской армии невозможно, так как состав мисалей постоянно менялся. В 1783 г. Форстер исчислил всю армию сикхов в 200 тыс., некоторые доводят эту цифру даже до 300 тыс. Г. Томас сообщал, что армия дал хальсы, т. е. объединенная армия всех мисалей, составляла 64 тыс. воинов и 40 полевых пушек

Постепенно принцип выборности командного состава отошел в прошлое. Сардары приобретали все большую власть и влияние. У них появились и внешние знаки различия: тяжелая золотая цепь на тюрбане и золотые браслеты на руках.

Оплата сикхских воинов была различной, но им никогда не выплачивали твердого денежного содержания Правда, некоторые сардары от случая к случаю выдавали небольшие денежные суммы, являвшиеся частью военной добычи, приобретенной в походах. Количество поступаемых денежных

средств доводилось до сведения всего собрания и делилось среди всех сардаров пропорционально числу воинов, но при этом доля вождя мисаля выделялась в первую очередь и в большем количестве. Самой распространенной в это время была система «фасландари», т. е. выплата содержания воинам натурой во время сбора урожая. Каждому члену мисаля выдавалось определенное количество зерна, фуража, сахара, хлопка и т. д.

В середине XVIII в. обстановка в Пенджабе резко изменилась. Ахмед-шах Дуррани, объединив все афганские земли, стал могущественным правителем Кандагара. На протяжении своего правления он осуществлял активную завоевательную политику. Вторжения афганских войск в Северную Индию, начавшиеся в 1748 г., привели к дальнейшему ослаблению делийского правительства и способствовали успешному завершению борьбы сикхов.

Хальса решила в это тяжелое для Пенджаба время приостановить борьбу против могольских правителей.

Мисали оказали помощь Моголам. Но судабар Лахора вел двойную игру. Он настаивал на том, чтобы крупные боевые операции против афганцев проводила хальса, мечтая в то же время ослабить сикхов — этот наиболее беспокойный элемент населения Пенджаба. Однако правительство Великих Моголов было уже не в состоянии удержать за собой Пенджаб и разгромить мисали.

В 1757 г. афганцы заняли не только Пенджаб, но и Кашмир. Результатом завоевания Ахмед-шаха явилось дальнейшее разорение индийского крестьянства.

В этот период единственной организованной силой, к которой питали доверие пенджабские крестьяне, была хальса. Во главе борьбы крестьян против афганских захватчиков и феодалов встали сикхские мисали.

В 1763 г. хальса в Амритсаре провозгласила создание независимого государства сикхов. Этот акт имел огромное политическое и моральное значение для народов Пенджаба. С этого времени сикхские сардары начинают постепенно вытеснять афганцев с территории Пенджаба.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА СИКХОВ

В конце XVIII в. мисали окончательно поделили между собой почти весь Пенджаб. Отряды сардаров мисаля Ка-

рора заняли территорию, составившую впоследствии округа севернее и южнее Сатледжа (Карнал, часть Лудхианы, Хошиарпура и др.). Сардары мисалей Канхия и Рамнагари со своими отрядами ушли в плодородную область Риарки, расположенную к северу от Амритсара (округа Амритсар, Сиалкот, Гурдаспур и др.). Сардары Наккаи заняли район Накка, расположенный к югу и юго-западу от Лахора (округа Лахор, Монтгомери, Фирозпур и др.). Сардары Бханги занимали часть Сиалкота и весь Северо-Западный Пенджаб, а также Равалпинди и Атток. Основатель мисаля Суккарчакия распространил свою власть над землями, вошедшими потом в округа Гуджранвала, Лаялпур, Джанг, Мианвали и др.

Власть общины сикхов постепенно охватила территорию от Инда до Джамны. В случае сопротивления старых и новых местных феодалов — моголо-мусульманских, индусских и афганских — их уничтожали или изгоняли, но иногда, если они подчинялись сикхам и обязывались выплачивать дань, их владения, сильно урезанные, сохраняли за ними.

Сардары строили многочисленные крепости, где размещались сильные гарнизоны. Однако Амритсар, священная столица сикхов, считался общим владением всей хальсы. В нем был расположен значительный гарнизон, в обязанность которого входило помогать любому сардару, если он подвергался нападению извне.

На первом этапе мисали были чисто военными организациями, где каждый человек «даже самого низкого происхождения имел право выбирать себе вождя, под знаменем которого он служил», постепенно картина менялась. Основа экономического благосостояния сардаров была заложена еще во время борьбы сикхов против правительства Великих Моголов и афганских захватчиков. Доля сардара из воинской добычи выделялась в первую очередь и в большем количестве. В то же время усилия сардаров добиться таких же прав, какими обладали их предшественники, наталкивались на упорное противодействие рядовой массы сикхов, поддерживаемых крестьянами — не сикхами.

Пенджаб был разорен войсками Великих Моголов и налоговыми чиновниками, афганскими ханами и отдельными сикхскими отрядами. Города и деревни обезлюдели. Обрабатываемая площадь резко сократилась. От тяжелого хозяйственного положения страдали прежде всего крестьяне. Хальса выступила в их защиту. Между хальсой и крестьянами

заключался своеобразный договор. Отдельные сардары предлагали защиту и покровительство («ракхи») деревням и даже округам, но на определенных условиях. Крестьяне покровительствуемых округов и деревень освобождались от старых налогов, но должны были поставлять своим защитникам пятую часть урожая дважды в год — после уборки в мае и октябре.

Крестьяне отдавали сикхам гораздо меньше, чем прежним правителям, и были избавлены от вымогательств различных грабителей и мародеров, а хальса получала необходимые продукты для содержания армии и создания продовольственных запасов. Крестьяне платили не налог, а дань. Защита носила случайный и временный характер. Но постепенно мисали начали превращаться из чисто военных формирований в военно-территориальные, где все большую роль играли сардары. Английский майор инженерных войск Дж. Реннел, составивший в 1788 г. карту Индии, отмечал исключительную веротерпимость сикхов. Дж. Малкольм, проезжая через Пенджаб в 1803 г., также отмечал. «Наверное, ни в одной стране не относятся к райату, или землепашцу, с большим уважением».

Положение крестьян под властью сикхов было несравненно лучше, чем в остальной Индии. Гулам Сарвар, английский секретный агент, на своем пути в Кабул доносил из Пенджаба правлению Ост-Индской компании в 1793 г.: «Райяты провинции Лахор, состоящие из сикхов и афганцев, нации солдат, платят четвертую часть продукции со своей земли. Плата деньгами встречается редко, но употребление денег в других случаях широко распространено. Итак, райаты провинции Лахор счастливы и довольны».

Крестьяне Пенджаба и прилегавших районов, несмотря на то что сикхские сардары стали выступать как завоеватели, видели в них наименьшее зло и не только не оказывали сопротивления, но и помогали им изгонять старых феодалов.

Сикхи почти никогда не ущемляли прав крестьян-общинников. Экспроприации подвергались главным образом местные феодалы, если они оказывали сопротивление. Лишь в ряде горных районов, населенных раджпутами, произошло замещение старого населения пришлым. Например, в округе Шахпур после его завоевания некоторые раджпутские общины покинули свои земли. Они и были распределены между сикхами и бывшими арендаторами этих общин. Но подобные случаи происходили редко

В походах участвовала незначительная часть сикхов. Основная их масса продолжала оставаться в наиболее плотно населенных районах Центрального Пенджаба, где они составляли значительный процент крестьян-общинников, вкрапленных в индусско-мусульманское население. Каждый сикх, являясь по традиции полноправным членом хальсы, считал себя равным любому сардару, когда принимал участие в походе последнего. Более того, все сикхи рассматривали занятую территорию как коллективную собственность хальсы. Однако отсутствие центральной государственной власти, феодальная раздробленность, стремление сардаров укрепить свое экономическое и политическое положение превращали эту идею в фикцию. И все же попытки сардаров усилить нажим на крестьян-общинников (особенно сикхов) встречали противодействие хальсы. Рядовые сикхи оказывали отпор своим военным предводителям.

Войны против чужеземных правителей и феодалов велись в условиях дальнейшей дифференциации внутри общины сикхов, усиления сардаров, в ожесточенной борьбе между ними за землю.

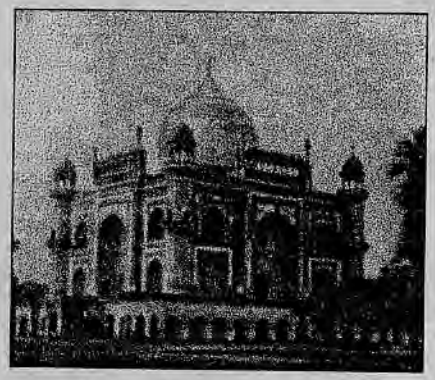
Земли, деревни и местечки распределялись между всеми участниками похода, но эти доли были неравными. Глава мисаля имел под своим командованием подчиненных сардаров, а последние — в свою очередь подчиненных, и так вплоть до рядовых воинов, преимущественно кавалеристов. Захваченная территория делилась согласно вкладу, внесенному каждым во время похода.

Сардар, оставив себе значительную долю, остальные земли распределял между командирами подчиненных воинских подразделений.

Постепенно они начали сосредоточивать в своих руках значительные земельные держания и собирать с них ренту-налог. Земли, приобретенные сардарами в результате военных походов, считались их наследственными владениями. Сардары получали также дань с местных феодалов, сохранивших свои права при сикхских правителях. Благодаря своему богатству и положению они становятся наиболее влиятельными людьми в мисале, но земля, как правило, почти во всех случаях оставалась в руках крестьян-общинников независимо от того, были это мусульмане или индусы.

Сардары, как правило, не вели собственного хозяйства. Часть своих владений они выделяли в качестве джагиров родственникам и ближайшим сподвижникам, а пустующие земли раздавали арендаторам.

О том, насколько далеко зашел в Пенджабе в последней четверти XVIII в. процесс феодализации среди сикхов, можно судить хотя бы по богатству сардаров Джаландхарского доаба. Там были такие крупные сардары, как Фатех Сингх Аллувалиа, имевшие годовой доход 6,4 лакха рупий. Он мог выставить на поле боя 7 тыс. всадников. Будх Сингх собирал ежегодно 5,6 лакха, Годх Сингх — 4,6 лакха и имел постоянную армию в 3 тыс. всадников и 2 тыс. пехоты. Диван Мокам Чанд собирал в год 6,4 лакха рупий.



Мавзолей сердара Джанга в Дели. 1754 г.

У некоторых сардаров не было ничего, кроме разрушенной крепости, нескольких квадратных миль земли и сотни рупий годового дохода.

Сардары иногда делили между собой города. Даже столица Пенджаба Лахор была поделена между тремя сардарами. Гуджар Сингх получил центр города. Южная часть была передана Собху Сингху, а восточная часть — Лахну Сингху.

Все больше снижается влияние общего собрания хальсы как высшего органа сикхской общины. Сарбат хальса собирается все реже и реже. Даже когда собрание созывалось, сардары, оказывая ему внешнее уважение и предоставляя каждому сикху возможность высказать свое мнение, принимали решения самостоятельно.

К концу XVIII в. сарбат хальса почти совсем не созывалась. Процесс феодализации среди сикхов зашел настолько далеко, что сардары абсолютно не были заинтересованы в существовании какого-либо органа, который, сохраняя демократические черты времен антифеодальных войн, мог в какой-то мере контролировать их деятельность.

Дальнейший процесс феодализации привел к обострению борьбы между отдельными сардарами. В этой борьбе начали принимать активное участие индусские и мусульманские феодалы.

Племя боролось с племенем, сардар с сардаром, а деревня с деревней. Общество жило в условиях ненадежного перемирия, нарушаемого время от времени предательскими убийствами и грабительскими набегами.

Междоусобная борьба сикхских сардаров в период мисалей сильно препятствовала развитию торговли и ремесел.

Некоторой гарантией от грабежа караванов купцов (что случалось довольно часто в период мисалей) служила передача купцами заботы о караванах представителям «нанак-путра» (сикхская секта; ее члены считали себя потомками Нанака, а он, как известно, был из касты торговцев). Эта секта пользовалась некоторыми привилегиями, и все сикхи относились к ней с уважением.

К концу XVIII в. сикхские сардары стали приобщаться к торговле, видя в этом дополнительный источник доходов. Поэтому некоторые из них начинают покровительствовать купцам и ремесленникам и даже приглашать их из других мест.

Торговые связи и ремесла в Пенджабе к началу XIX в. начинают постепенно возрождаться после того глубокого застоя, который явился результатом вторжений афганцев и бесконечных внутренних феодальных междоусобиц.

В последней четверти XVIII в. мисали превратились фактически в феодальные княжества. Сардары постепенно заменяли дань с крестьян налогом-рентой, получали большую часть добычи в военных походах, стремились закрепить за собой права на землю вновь приобретенных территорий, усилить феодальную эксплуатацию. Экономические и политические связи между мисалями ослабли, сардары в борьбе за землю начали ожесточенную борьбу между собой, объединяясь лишь изредка, в случае общей опасности извне. В то же время хальса считала землю достоянием всей общины сикхов, т. е. сохранялась своеобразная государственная феодально-теократическая собственность на землю. Рядовые сикхи, основная вооруженная сила в Пенджабе, и крестьяне — не сикхи не желали терять тех льгот, которых они добились в ходе антифеодальной борьбы. Это послужило причиной относительной экономической и политической слабости сардаров и лучшего экономического положения крестьян в Пенджабе под властью сикхов, чем в остальной Индии, способствовало быстрому распространению власти хальсы в Пенджабе. Вместе с тем феодальная раздробленность мешала развитию производительных сил, росту городов, ремесел и торговли.

ОБЬЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ

В конце XVIII в. заметно вырастает роль и значение мисаля Суккарчакия, во главе которого стоял сардар Ранджит Сингх.

Ранджит Сингх родился в ноябре 1780 г. После смерти отца в 1790 г. Ранджит Сингх стал одним из крупнейших сикхских правителей в Пенджабе. Его владения занимали округа Гуджранвала, Шахпур, юг Гуджрата, северную часть Лаялпура и ряд других районов примыкающих округов. Кроме этого, в вассальной зависимости от мисаля Суккарчакия находился раджа Джамму. У Ранджит Сингха было 18 сильных крепостей; среди них такие крупные города-крепости, как Вазир-абад, Гуджранвала, Пинд-Дадан-Хан, Чиниот и др. Все эти владения приносили Ранджит Сингху ежегодно около 30 лакхов рупий дохода.

Постоянная армия сардара, не считая отрядов вассалов, состояла из 2 тыс. человек пехоты и 1,2 тыс. кавалерии. В случае необходимости он мог выставить на поле боя 11 тыс. всадников и 6 тыс. пехотинцев.

В 1793 г. на афганский престол вступил Заман-шах, стремившийся распространить на Северную Индию власть дурранийских шахов и тем самым укрепить свое внутреннее положение.

Он начал переговоры с сикхами, послал доверенное лицо к сардарам с требованием не мешать продвижению его войск в направлении Дели. Большинство сардаров охотно выразило свою готовность разрешить ему свободный проход через Пенджаб, но при условии, если шах передаст им «значительную часть награбленного».

В 1796 г. Заман-шах обратился с письмом к Ранджит Сингху, требуя не мешать продвижению его войск и выслать ему подарки, сикхский вождь ответил, что подарки будут ожидать захватчика на поле боя. Он писал: «Благодаря милосердию гуру каждый сикх обязан быть победоносным». Население Пенджаба хорошо помнило страшный ущерб, причиненный стране афганцами в период правления Ахмед-шаха, и было готово выступить против Замана.

Ранджит Сингх понимал, что разобщенные сикхи не смогут сдержать продвижение афганской армии, но все попытки объединить сардаров против общего врага не увенчались успехом. Ранджит Сингх обратился за помощью к Даулет Рао Синдхиа, одновременно также предложив совместные действия шаху Дели, но эти переговоры ни к чему не привели.

Ранджит Сингх оставался один на один против афганцев. В 1797 г. заключил союз с правителем Афганистана. Этим он спас свой мисаль от разорения. Дальнейшие события подтвердили, что это был благоразумный шаг.

Афганская держава переживала глубокий внутренний кризис, и в 1798 г. Заман-шах был вынужден покинуть пределы Пенджаба. Это было последнее вторжение афганцев на территорию Индии. Ранджит Сингх не только помог отходу афганцев, но даже вернул им те пушки, которые Заман-шах утопил в реке во время поспешного отхода.

Ранджит Сингх стремился укрепить свои связи с мисалем Канхия, расположенным на территории округа Гурдаспур, и завязал самые тесные отношения с сардаром мисаля Алувалиа Фатех Сингхом. В этот мисаль входил округ Капуртхала и, кроме того, Тарн Таран, где был похоронен гуру Арджуна, почитаемый всеми сикхами. Ранджит Сингх посетил гробницу гуру и в присутствии многочисленной толпы поменялся с Фатех Сингхом тюрбаном в знак вечной дружбы. Вскоре после этого он вступил в брак с дочерью сардара мисаля Наккаи.

Ранджит Сингх проявил незаурядные дипломатические способности, образовав в короткий срок мощный союз против коалиции сардаров мисалей Бханги и Рамнагари. К союзу примкнул также хан Касура Низам-уд-дин. В нескольких сражениях Ранджит Сингх полностью разгромил войска своих противников и в 1800 г. окончательно овладел Лахором. Тем самым он фактически утвердил свое господство над большинством мисалей, расположенных к северу от реки Сатледж.

В 1802 г. Ранджит Сингх захватил Амритсар. Два важнейших центра Пенджаба оказались в руках Ранджит Сингха, принявшего в 1805 г. титул махараджи.

Ранджит Сингх обладал значительной армией и большими материальными ресурсами. Он легко разбил несколько раджей в предгорьях Гималаев (округ Кангра), когда те попытались в 1803—1804 гг. занять некоторые районы, принадлежавшие сикхам. Друг и союзник махараджи Фатех Сингх Алувалиа стал его вассалом. Местные сикхские и несикхские династии постепенно исчезали, уступая место объединенной державе.

Почему же Ранджит Сингху удалось так быстро объединить страну? Государство Ранджит Сингха было феодальным. В то же время окрепшие города и торгово-ростовщические элементы, стремящиеся освободиться от

феодальных пут, были кровно заинтересованы в ликвидации мисалей и раздробленности, которые являлись тормозом дальнейшего развития производительных сил и прогресса.

Так, в 1799 г. наиболее зажиточные круги Лахора, заинтересованные в развитии торговых связей и в личной безопасности, а следовательно, и в укреплении централизованной власти в Панджабе, поддержали объединительную политику Ранджит Сингха. Они обратились к нему с просьбой избавить их от своеволия феодалов, описывали свое тяжелое положение и умоляли его как можно скорее прийти и занять Лахор. В письме говорилось, что население города недовольно поведением своих правителей, которые день и ночь пируют, угнетают и грабят жителей города, что малочисленный гарнизон не в состоянии защитить город, что окрестности Лахора опустошены, дома разорены, а многие улицы и кварталы совсем обезлюдели. Эту петицию подписали сикхи, мусульмане и индусы. Заняв Лахор, Ранджит Сингх отдал приказ, который устанавливал строгое наказание для воинов за случаи грабежа или мародерства. Это распоряжение дало результаты, и через несколько дней ремесленники и торговцы открыли свои мастерские и лавки. Город принял такой же деловой вид, какой он имел в более спокойные времена. Чтобы предоставить работу ремесленникам, Ранджит Сингх приказал передать им из цитадели все неисправное оружие для приведения его в порядок и щедро оплачивал их труд

Антифеодальное движение пенджабских крестьян во главе с сикхами в первой половине XVIII в. избавило их в основном от старых феодалов. На смену им в период мисалей выросли новые феодалы — сикхские сардары, стремившиеся в полном объеме восстановить старые феодальные права Часть этих сардаров была заинтересована в укреплении сильного правителя с целью расширения своих прав. Нельзя забывать и об относительной слабости пенджабских сардаров. Это привело к тому, что они были не в состоянии оказать серьезное сопротивление Ранджит Сингху.

Крестьяне-общинники и мелкие землевладельцы видели в создании крепкой централизованной власти гарантию защиты своих прав, приобретенных ими в ходе антифеодальной борьбы.

Еще одна причина, которая в какой-то мере объединяла всех, — это английская захватническая политика. Владения Ост-Индской компании приближались к восточным границам Пенджаба.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВЛАСТИ МОГОЛОВ. СИКХИ И ДЖАТЫ

Выступления против власти Моголов различались по своему классовому составу, характеру и целям. Восстания маратхов (начиная с 1656 г.) в северо-западной части Декана и афганцев (1666—1678) на северном и южном склонах Сулейманова хребта были направлены против чужеземного господства и представляли собой освободительные движения. Целью восставших народов было освобождение от власти Моголов и образование самостоятельных государств. Народные массы принимали в этих восстаниях широкое участие, но руководство ими принадлежало мелким феодалам (у маратхов) и племенной знати (у афганцев). Пользуясь раздробленностью афганских племен, Аурангзеб сумел подавить восстание афганцев и заточил в темницу его вождя Хушкальхана Хаттака. Однако маратхского восстания Моголам подавить не удалось.

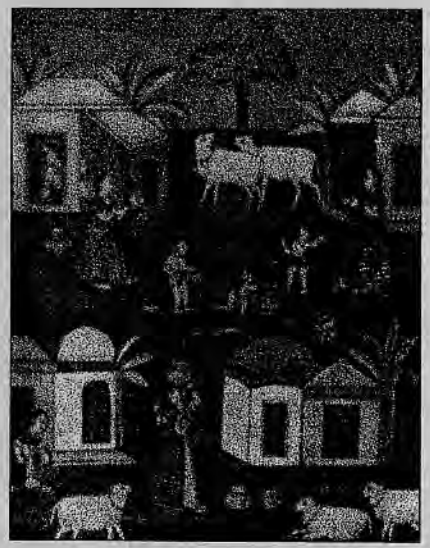
Начавшиеся в 1679 г. восстания раджпутских раджей являлись попыткой вернуть независимость Раджпутане, делившейся на ряд мелких, враждовавших между собой княжеств. Это восстание также ослабило силы Моголов, лишив Аурангзеба раджпутских контингентов, когда-то составлявших ударные конные отряды Акбара.

Иной характер носили восстания сикхов в Пенджабе и джатов в районе Дели — Матхуре.

Сикхизм (сикх — буквально ученик) возник в начале XVI в. как сектантское учение индуизма, выражавшее взгляды антифеодальной оппозиции, в основном зажиточных торгово-ростовщических слоев индийского города. Основатель секты и первый гуру (учитель) сикхов Нанак (1469—1538) происходил из кхатри, был сыном купца и сам торговал хлебом. В этот период городская оппозиция феодалам носила внутренне противоречивый характер. С одной стороны, даже зажиточные горожане жестоко страдали от феодального произвола; с другой — в качестве ростовщиков, откупщиков налогов и пайщиков различных торговых монополий они сами являлись участниками феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников. В этих условиях протест ранних сикхов против феодальных порядков и освящавшей их религии не отличался решительностью. Нанак и другие гуру провозглашали равенство людей перед богом, отвергали сословно-кастовые привилегии, обличали корыстолюбие мусульманского духовенства и индусского жрече-

10 Зак. 1368

ства, но вместе с тем они проповедовали непротивление злу и полную покорность власти могольских шахов. Бабур и Акбар даже поощряли деятельность секты, ставившей одной из своих задач сближение индусов и мусульман. Наследственные главы секты сикхов получали значительные земельные пожалования и, превратившись в своеобразных духовных феодалов, облагали рядовых сикхов ежегодным денежным побором. Религиозно-политическим центром гуру стал город Амритсар.



Индийская деревня. Миниатюра XVIII в.

Со второй половины XVII в. в ряды сикхов стали вливаться тысячи обездоленных ремесленников и крестьян. Последние принадлежали главным образом к числу джатов — основной земледельческой касте на северо-западе Индии. В результате ряда расколов секта в значительной мере очистилась от торгово-ростовщических слоев, и при десятом гуру Говинд Сингхе (1675—1708) сикхизм становится знаменем крестьянских восстаний в Пенджабе. Говинд Сингх провел в общине сикхов ряд преобразований демократического характера. Он отказался от деспотической власти и объявил, что высшим авторитетом является воля самой общины сикхов, иначе хальсы, потребовал полной отмены кастовых различий среди сикхов и призвал их к решительной вооруженной борьбе с мусульманскими и индусскими феодалами во имя завоевания «истинного царства», где сикхи будут хозяевами земли.

В 1705 г. могольские войска взяли твердыню сикхов — крепость Ананпадур и истребили ее защитников. Говинду удалось скрыться, но он погиб от кинжала подосланного убийцы. Однако движение сикхов продолжалось и после его смерти.

Наиболее крупным было восстание 1671—1672 гг., когда джаты двинулись на Дели, что вызвало панику у могольского

двора. Джаты были разбиты только под стенами самой столицы. Восставшими руководили их старшины, представители общинной верхушки, стремившиеся выбиться в феодалы. Каста объединила джатов с их эксплуататорской верхушкой, та же каста отделяла джатов от остального крестьянства. Повстанцам-джатам удалось изгнать могольских феодалов и сборщиков налогов из многих районов столичного округа и, укрепив свои деревни, превратить их в опорные пункты дальнейших выступлений. Восстания конца XVII в., и прежде всего повторные крестьянские восстания джатов и сикхов, нанесли державе Моголов тяжелый удар, от которого она уже не оправилась.

ВОССТАНИЕ МАРАТХОВ

В 1686 г. Биджапур, в 1687 г. Голконда были присоединены к державе Моголов, распространившейся теперь на всю Индию, кроме южной оконечности полуострова. Оставалось разгромить маратхов. Последние 20 лет своего царствования Аурангзеб провел в Декане, лично руководя затяжной и безуспешной войной с маратхами.

Страна маратхов — Махараштра имела большое торговое и стратегическое значение. Она господствовала над важнейшими путями из Индостана в Декан и из Декана к портам Малабарского побережья. Городов в Махараштре было немного, и население их состояло по большей части не из маратхов, а из переселенцев — гуджаратцев и телугу. Феодальные отношения у маратхов еще не получили полного развития. Мелкие маратхские феодалы выросли из должностных лиц общины, но окончательно от нее не обособились. Эти феодалы принадлежали к общей с крестьянами земледельческой касте кунби и маратхов. Характерными чертами маратхской, как и любой другой индийской общины, было, с одной стороны, наследственно-кастовое разделение земледельческого и ремесленного труда внутри общины, а с другой — наличие в ней значительных пережитков рабства. На положении полурабов в общине находились «неприкасаемые». Обычно, не имея ни земли, ни своего хозяйства, они за пищу и одежду обрабатывали земли общины (вернее, ее эксплуататорской верхушки) и выполняли различные службы и ремесленные работы на общинников.

С начала XVII в. страна маратхов стала ареной опустошительных войн между державой Моголов, с одной стороны, Ахмедпагаром, Биджапуром и Голкондой — с другой. Восстание маратхов против власти завоевателей имело освободительный характер. Основной силой восстания были так называемые мирасдары, полноправные крестьяне-общинники, привычные к военной службе, крепко державшиеся за свои земельные права и в то время наиболее тяжко придавленные налоговым гнетом. К восстанию присоединились и возглавили его маратхские светские и духовные феодалы, привилегии которых были ущемлены завоевателями и джагирдарами. В лице Шиваджи, происходящего из влиятельного рода патилей (деревенских старшин), маратхи имели выдающегося вождя в своей борьбе за независимость.

ШИВАДЖИ

Шиваджи комплектовал свое войско не из наемных воинов, а путем рекрутского набора из крестьян-мирасдаров. Единство этнического состава и освободительный характер войны за независимость придавали его армии высокую боеспособность. Обладая большой подвижностью и пользуясь сочувствием населения, легкая конница маратхов действовала в тылу врага, отрезая его от источников снабжения. В армии Шиваджи была строгая дисциплина и существовала хорошо поставленная разведка. Командиры получали денежное содержание из казны. Военные действия сочетались с искусной дипломатией. Используя противоречия между Моголами и деканскими государствами (Биджапур и Ахмеднагар), Шиваджи попеременно поддерживал то одну, то другую сторону.

В 1674 г. Шиваджи короновался как независимый государь Махараштры. К 1680 г. в результате новых завоеваний государство Шиваджи подчинило ряд областей, населенных тамилами и каннара (Северная и Южная Каннара, Карнатик и др.). Освободительная борьба маратхского народа начала превращаться в завоевательную войну маратхских феодалов.

Изгнав мусульманских джагирдаров, отстранив маратхских феодалов от сбора налогов, значительно урезав их права и владения, Шиваджи сосредоточил в своих руках обширные земельные фонды. Сбором налогов ведали его чиновники, оплачиваемые деньгами из казны. Размер поземельного налога, лежащего на крестьянстве, был снижен с 50—60% валового урожая (как это было при Моголах) до 30—40%.

Основным социальным процессом, происходившим в маратхском обществе конца XVII — начала XVIII в., было складывание крупного феодального частного землевладения. Его бурный рост явился основой той жестокой внутренней усобицы, которая разразилась после смерти Шиваджи и привела к развалу основанного им государства. В стране воцарилась феодальная анархия.

Аурангзеб, закончив завоевание Биджапура и Голконды, перебросил все силы против маратхов и, пользуясь их внутренними раздорами, занял большую часть страны. Сын и преемник Шиваджи — раджа Самбхуджи был захвачен Моголами в плен и предан мучительной казни. Сын Самбхуджи, малолетний Саху, был взят заложником и воспитан при делийском дворе. Но сломить сопротивление маратхов Аурангзебу так и не удалось. К концу его царствования маратхские отряды вторгались далеко в Гуджарат, Мальву, Берар. При условии своевременной уплаты чаута — дани, составлявшей одну четвертую часть ежегодного сбора поземельной ренты-налога, маратхи гарантировали данную область от своих дальнейших налетов. Для наблюдения за сбором чаута маратхи оставляли нескольких чиновников и небольшой гарнизон.

ВОЗВЫШЕНИЕ МАРАТХОВ

Феодальная анархия последней четверти XVII в. сменилась у маратхов в начале XVIII в. некоторой политической консолидацией. Одновременно значительно выросло частное крупное феодальное землевладение. Представителем интересов крупных феодалов выступил один из влиятельнейших сердаров (военачальников) Баладжи Вишванатх Бхат (умер в 1720 г.). В 1714 г. он стал пешвой, или главным министром, при радже Саху (отпущенном Моголами на родину после смерти Аурангзеба). Он сосредоточил власть в своих руках и стал основателем династии наследственных пешв из рода Бхат, правивших Махараштрой вплоть до английского завоевания. Что же касается номинальных маратхских государей, потомков Шиваджи, то они стали почетными пленниками пешв. В 1717 г. Баладжи Вишванатх, пользуясь

очередной усобицей при могольском дворе, заключил с Великим Моголом новый договор. По этому договору делийское правительство признавало за маратхами, кроме чаута, право на добавочный 10-процентный сбор в Декане. При следующем пешве — Баджи Рао (1721—1740) маратхские захваты распространились на значительную часть Индии. Дальнейшее ослабление державы Моголов выразилось в отпадении от нее новых областей.

Чин-Клич-хан, Могольский наместник в Декане, известный также по своему титулу как Низам-ул-Мульк, стал самостоятельным князем Хайдерабада. Субадар Ауда Саадат-хан явился основателем наследственной династии навабов Ауда. Субадар Бенгалии Муршид Кули-хан превратил в свое наследственное владение также Бихар и Ориссу. Ауд и Хайдарабад представляли собой слабые государства. Осколки Могольской державы, они унаследовали все раздиравшие ее внутренние противоречия. Пользуясь враждой между хайдерабадским Низамом и делийским двором, пешва Баджи Рао смело расширял маратхские владения и в Декане, и в Индостане. В нескольких войнах(1728—1739) маратхи разбили Низама и отняли часть его владений. На севере они овладели Гуджаратом, Мальвой, Бераром, Гондваной, подчинили Раджпутану, предприняли ряд набегов на Ауд, а в 1737 г. маратхская конница появилась под стенами Дели и разграбила столичный округ. Низам Хайдерабада примирился с делийским двором, но было поздно. Соединенные силы Дели и Хайдерабада не могли остановить маратхов.

Крупные маратхские военачальники основывали новые обширные княжества, находившиеся в слабой зависимости от правительства пешвы в городе Пуна. Так, в 30-х годах XVIII в., не считая мелких, возникли четыре больших маратхских княжества — Нагпур (правящая династия Бонсла) в центральной Индии; Гвалиор (правящая династия Синдия) и Индур (правящая династия Холькар) в Мальве; Барода (правящая династия Гаеквар) в Гуджарате. Эти четыре княжества были связаны союзом, причем главой этой расплывчатой конфедерации являлся пешва. Маратхские князья были связаны с пешвой участием в общих завоевательных предприятиях, но считались с приказами из Пуны лишь в той мере, в какой это отвечало их собственной выгоде.

В результате завоеваний маратхская конфедерация превратилась в обширный конгломерат различных индийских племен и народов, покоренных и удерживаемых в повиновении грубой силой. Сами маратхи составляли в этой конфедерации

незначительное меньшинство. Маратхские завоевания не вели к уничтожению феодальной раздробленности Индии, а воспроизводили эту раздробленность в форме разделения державы пешв на отдельные, фактически самостоятельные княжества и владения. Ослаблением Индии, непрерывными феодальными войнами, которые в начале XVIII в. охватили большую часть страны и еще больше разоряли народ, вскоре воспользовались внешние враги.

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ АНГЛИЧАНАМИ

В первой половине XVIII в. продолжался распад державы Великих Моголов. К 1738 г. в результате завоеваний маратхов и отпадения Бенгалии, Хайдерабада и Ауда держава Великих Моголов сократилась до размеров североиндийского государства, включающего области: Дели, Агра, Сирхинд, Кашмир, Пенджаб и Синд; Великому Моголу принадлежала также юго-восточная часть Афганистана — Пешавар и Кабул.

Северо-Западная Индия подверглась в 1738—1739 гг. нашествию войск иранского шаха Надира, который вторгся в Пенджаб и в феврале 1739 г. занял Дели. Сам Великий Могол и его вельможи сдались на милость Надира и открыли ему ворота столицы. Самоотверженная попытка горожан Дели оказать сопротивление была подавлена. Надир учинил над жителями столицы кровавую расправу, разграбил Дели и наложил руку на сокровища Великого Могола и его вельмож. Общая ценность добычи, захваченной в Индии иранскими завоевателями, равнялась около 700 млн. рупий. Присоединив к Ирану земли западнее от реки Инд (Синд, Пешавар, Кабул), Надир-шах в мае 1739 г. оставил Индию.

Вооруженные отряды сикхов вновь начали смело нападать на земли мусульманских феодалов и индусских раджей, захватывали города и целые районы Пенджаба. Сикхи становились значительной силой. Некоторые пенджабские феодалы вынуждены были откупаться от них данью и даже брали к себе на службу вооруженные отряды сикхов. Среди самих сикхов росла власть их военачальников — сердаров. Опираясь на дисциплинированные и фанатично преданные идеям секты вооруженные отряды, а также пользуясь под-

Чиновники Ост-Индской компании, обирающие жителей Бенгалии. Гравюра XVIII в.

держкой широких масс крестьян и ремесленников, сикхские сердары стремились основать в Пенджабе самостоятельное государство.

Джатский раджа Сурадж Мал тотчас же после ухода Надир-шаха расширил свои владения за счет могольских феодалов в северной и центральной части двуречья Джамны — Ганга.

После 1740 г. маратхи превращают Бенгалию и Ауд в своих данников, завоевывают Южную Ориссу, готовят поход на Дели и Пенджаб. На юге маратхи отняли часть владений у португальцев, но были наголову разбиты французами (1751 г.), превратившими Хайдерабад в свое вассальное княжество. Теперь пешве и маратхским князьям оставался один путь экспансии — на север, в Индостан. Но здесь им предстояло столкнуться с новыми завоевателями — афганцами.

Со смертью Надир-шаха распалась его огромная держава. На ее развалинах возникло афганское государство во главе с Ахмед-шахом Дуррани. Это было еще слабое, недостаточно объединенное феодальное государство, сохранявшее значительные остатки родо-племенных отношений. Власть в стране фактически принадлежала ханам и знати крупных афганских племен, которые мало считались с приказами шаха. Ханы афганских кочевых и полукочевых племен превращались в крупных феодальных землевладельцев, господствовавших над оседлым, главным образом неафганским, крестьянством.

Поход в Индию давал афганским ханам возможность использовать свои военные силы для обогащения. Война сулила добычу и рядовым воинам, она же могла приглушить недовольство обездоленной кочевой бедноты и таким образом смягчить нараставшие классовые противоречия. Завоевательным планам Ахмед-шаха и афганских ханов благоприятствовали междоусобицы в Индии.

Афганцы были превосходными воинами, каждое племя являлось своеобразной военной организацией. Многие афганцы участвовали в походах иранского шаха Надира и прошли здесь хорошую боевую школу. Но их объединение не было прочным. Племя оставалось обособленным от племени, клан от клана, власть шаха была ограничена могущественными ханами племен. При такой общественной организации афганцы могли одерживать отдельные победы, но были неспособны прочно закрепиться на завоеванных территориях.

В 1751 г. афганцы подчинили себе весь Пенджаб, а в 1752 г. — Кашмир. В результате похода 1757 – 1758 гг. Ахмед-шах распространил свою власть на Сирхинд, разграбил Дели и оставил за Великим Моголом только номинальную власть. Но местные феодалы оказали афганцам серьезное сопротивление. Сикхи также повели против них непримиримую борьбу. В 1758 г. сикхи на время овладели Лахо-

ром, столицей Пенджаба. В том же 1758 г. в Индостане появилось сильное маратхское войско. Маратхи взяли Дели и довершили опустошение могольской столицы; после этого они заняли весь Пенджаб и прогнали афганцев за Инд. Ахмед-шах не мог примириться с потерей индийских владений, дававших ему доходы, во много раз превышавшие налоговые поступления с областей Афганистана. В борьбе с пешвой афганский шах мог рассчитывать на поддержку мусульманских князей Индостана, опасавшихся, что маратхи завоюют и их владения.

В 1759 г. Ахмед-шах появился в Индии во главе 40 тыс. войска. С помощью мусульманских феодалов ему удалось порознь разбить силы маратхских военачальников и снова занять Дели. Своей основной базой в Индии афганцы сделали Рохилкханд. Это обеспечивало войскам Ахмед-шаха достаточное снабжение из местных ресурсов и давало им известную свободу действий; последнее было особенно важно, так как проходившая через Пенджаб главная линия их коммуникаций с Афганистаном постоянно нарушалась действиями отрядов сикхов.

В 1760 г. против афганцев выступила большая армия маратхов под командованием Садашео Бхоу, двоюродного брата пешвы. Основную массу войск Бхоу составляли разноплеменные конные отряды наемных солдат, которые выставлялись отдельными маратхскими князьями и сердарами; каждый из этих отрядов привык действовать на свой страх и риск и плохо слушался приказов командующего. Правда, у маратхов были некоторые зачатки регулярной армии, в том числе 9 пехотных батальонов сипаев, обученных на европейский лад, но эти части составляли в общем незначительное меньшинство. Потеряв прежнюю подвижность и этническое единство, маратхское войско обнаружило свои слабые стороны: недисциплинированность, громоздкость обозов и т.п. Солдатам выплачивали жалованье с перебоями, что вызывало среди них постоянный ропот. Бхоу удалось занять Дели. Отличавшийся крайней самоуверенностью маратхский командующий оказался плохим дипломатом и оттолкнул от себя ценного союзника джатского раджу Сурадж Мала, единственного дружественного маратхам князя в Индостане. С сикхами Бхоу также не удалось договориться о совместных действиях против афганцев, и в результате маратхи оказались изолированными. Садашео Бхоу допустил еще одну крупную ошибку, позволив афганцам отрезать себя от Махараштры. Маратхский укрепленный

лагерь в Панипате был блокирован неприятелем, и войска Бхоу скоро начали испытывать недостаток в фураже и продовольствии. В решающем сражении 14 января 1761 г. под Панипатом маратхские войска были наголову разбиты. Это был удар, от которого маратхи уже не оправились.

Ахмед-шаха постоянно отвлекали мятежи ханов в самом Афганистане, к тому же он был бессилен перед могучим восстанием сикхов. Вскоре последние афганские гарнизоны были изгнаны из Пенджаба; страна разделилась на 12 уделов, или мисалов (буквально — равный), между руководящими сикхскими сердарами. Крестьянство Пенджаба в процессе освободительной войны нанесло сильный удар феодальным порядкам, что сказалось в некотором уменьшении тяжести феодальной эксплуатации, в ослаблении сословно-кастовой системы и личной зависимости крестьян от феодалов. Однако личную свободу и землю получили только крестьяне-сикхи, а последние составляли меньшинство среди крестьян. Подавляющая масса земледельцев по-прежнему подвергалась эксплуатации, хотя не столь интенсивной, как раньше. Земля делилась между сикхами неравными долями: сикх, не участвовавший в вооруженной борьбе, получал меньше земли, чем сикх-воин; пеший воин имел земли меньше, чем конный; зато сикхским военачальникам, сердарам с самого начала были предоставлены обширные земельные владения и особые права на эксплуатацию несикхского крестьянства.

Джаты овладели Агрой, рохилы — Дели, между ними шла борьба, которая окончилась победой Неджиб-уд-Доуле, гибелью Сурадж Мала (1763 г.) и распадом джатского государства. В течение десятков лет в Индии происходили непрерывные войны между многочисленными феодальными государствами и княжествами, на которые к этому времени распалась страна. Сикхские сердары воевали между собой и против князей Рохилкханда. Ауд воевал против того же Рохилкханда. Продолжались столкновения Хайдерабада с маратхскими князьями и возникшим на юге государством Майсур. Границы государств были неустойчивы и непрерывно менялись. Отряды вооруженных солдат-наемников бродили по стране, опустошая села и города, предлагая свои услуги всякому, кто мог их оплатить. Что касается маратхов, то разгром под Панипатом ослабил власть пешвы над маратхскими князьями, увеличил внутренние раздоры в маратхской конфедерации и подорвал ее военную мощь. Только в 1769 г. пешвы возобновили свои походы в Индостан, пытаясь вновь подчинить

Северную Индию своей власти, но было уже поздно: к этому времени англичане прочно закрепились в Бенгалии, Бухаре, Северной Ориссе, превратили Ауд в своего вассала и стали решающей силой в Индии.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА ЗА ИНДИЮ

В то время как на равнине Панипата решались судьбы афгано-маратхского соперничества, на Коромандельском побережье все шире разгоралась борьба между английскими и французскими колонизаторами.

Феодальная раздробленность Индии, замкнутость и взаимная изолированность деревенских общин, кастовые деления индийского общества, национальная пестрота и религиозные раздоры между приверженцами индуизма и ислама дали европейским колонизаторам возможность, используя как свое экономическое и военное превосходство, так и коварную политику «разделяй и властвуй», подчинить себе Индию, большей частью руками самих же индийцев.

В XVIII в. политику территориальных захватов в Индии начала французская Ост-Индская компания, опередив на этом поприще англичан. Генерал-губернатор французских владений в Индии Дюпле (1742—1754) первым приступил к формированию частей из наемных солдат-индийцев, так называемых сипаев. Сипаи стали одним из основных орудий колониального завоевания Индии руками индийцев. В то же время непрерывные междоусобные войны князей Восточного Декана открывали широкие возможности для вмешательства европейцев. В так называемых субсидиарных договорах французы нашли удобную форму подчинения индийских княжеств. Французская Ост-Индская компания принимала на себя «защиту» того или иного княжества и посылала на территорию своего союзника вспомогательное «субсидиарное войско» из европейских и сипайских частей. Правитель данного княжества содержал это войско на свой счет («субсидировал» его), обязывался вести внешние сношения по указанию компании и подчинялся контролю назначенного ею резидента. Впоследствии англичане переняли и развили эти приемы колониальной политики своих французских соперников.

В 1774 г. во время войны за Австрийское наследство между англичанами и французами начались открытые во-

Школа.
Росписной футляр для зеркала. XVII в.

енные действия и в Индии. В 1746 г. Дюпле с помощью французского флота захватил Мадрас. Хотя по заключенному в Ахене общему миру (1748 г.) Мадрас был возвращен англичанам, но в Индии французская и английская Ост-Индские компании продолжали войну друг с другом. Они вели ее главным образом руками своих индийских союзников и за

их счет. Дюпле вмешался в начавшиеся феодальные распри в Хайдерабаде и Карнатике, где ему удалось возвести на престол своих ставленников. Англичане в противовес французам выдвинули и поддерживали своих претендентов на эти престолы.

Французская Ост-Индская компания на некоторое время стала фактическим хозяином Восточного Декана и значительной части Коромандельского побережья (Карнатик). В Хайдерабаде полновластно распоряжался маркиз де Бюсси, стоявший во главе 10 тыс. «субсидиарного войска» из французов и сипаев. Французские сборщики налогов хозяйничали в Северных Сиркарах, обширной области, доходы от которой низам Хайдерабада был вынужден отдать на содержание «субсидиарного войска».

Успехи французской Ост-Индской компании были непрочными. Французское правительство не поддержало Дюпле в достаточной мере людьми и средствами. На морских путях английский флот продолжал сохранять безусловное господство. В самой Индии англичане переняли тактику Дюпле и перешли в наступление. Боевые качества французских войск в Индии, набранных по большей части из деклассированных элементов, отбывавших военную службу в колониях взамен уголовного наказания, оказались значительно хуже английских.

В 1751 г. небольшой отряд сипаев и англичан неожиданно захватил Аркат — столицу Карнатика, считавшуюся неприступной крепостью. Через год англичане одержали серьезную победу при Тричинополи (1752 г.). Французская Ост-Индская компания вынуждена была заключить мир с англичанами (1754 г.). Французы сохранили свои позиции в Хайдерабаде, но признали Карнатик за англичанами. Исход дальнейшей борьбы за Индию решила Семилетняя война 1756—1763 гг.

Захват англичанами в 1757 г. Бенгалии значительно усилил их позиции в Индии. Огромные средства, полученные английской Ост-Индской компанией путем ограбления и разорения Бенгалии, дали ей возможность во много раз увеличить численность и размеры жалованья своих сипаев. Франция, стремясь удержаться в Индии, послала туда значительные силы под командованием графа Лалли-Толландаля. Но в Лондоне проведали о французской экспедиции, и английский флот успел доставить в Мадрас подкрепления раньше, чем Лалли высадился в Индии. Французы начали было осаду Мадраса, но она закончилась неудачей (1759 г.).

В 1760 г. английский генерал Кут в сражении под Вандевашем разбил войска французов. Лалли с остатками войска заперся в Пондишери. Главный опорный пункт французских владений в Индии был блокирован англичанами с моря и с суши. Голод вынудил французский гарнизон к сдаче. С падением Пондишери в январе 1761 г. рухнуло непрочное здание французского господства в Декане. Лалли был отозван во Францию, объявлен виновником поражения и казнен.

Феодально-абсолютистская Франция потерпела поражение в борьбе с буржуазной Англией за господство над Индией. Окончание англо-французской борьбы, совпавшее с разгромом маратхов под Панипатом, избавило англичан от наиболее опасных противников.

ЗАВОЕВАНИЕ БЕНГАЛИИ АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИЕЙ

В середине XVIII в. навабство Бенгалия насчитывало около 20—30 млн. населения и было богатейшим индийским государством, почти не пострадавшим от феодальных войн, разорявших другие области Индии. Торговля была здесь весьма развита. Бенгалия вывозила сахар, рис, селитру, индиго, опиум, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Порты Бенгалии были открыты англичанам, французам и голландцам, располагавшим, кроме своих укрепленных опорных пунктов на побережье (Калькутта, Чандернагор, Чинсура), многочисленными факториями внутри страны.

В середине XVIII в. первенствующее положение среди европейцев в Бенгалии принадлежало английской Ост-Индской компании. Кроме факторий в Дакке, Касимбазаре, Мальде, Патне, Хугли, Бурдване, Бирбуме и др., компания располагала 150 станциями-складами. Через посредников из местных торговцев-ростовщиков англичане контрактовали продукцию десятков тысяч бенгальских ткачей и, выдавая им кабальные авансы, ставили их в полную зависимость от себя. Товары английской Ост-Индской компании не подлежали обложению во внутренних таможнях. Кроме того, англичане за плату провозили под своим флагом и товары местных купцов, лишая бенгальского наваба доходов от внутренних торговых пошлин. Особенно тесные экономические и политические связи англичане поддерживали с крупными бенгальскими ростовщиками и купцами. Орудием

английских колонизаторов, в частности, являлись богатейший бенгальский купец и ростовщик Омичанд и совладельцы банкирского дома в Бенгалии, известные под именем братьев Сетх. Сетхи располагали огромными для того времени средствами (более 100 млн. рупий), пользовались большим влиянием при дворе наваба, владели монополией по чеканке монеты и, помимо торговых и ростовщических операций, широко занимались откупом налогов. Сетхи, кроме того, кредитовали английскую Ост-Индскую компанию, когда она испытывала недостаток в платежных средствах.

Государственная феодальная собственность на землю в Бенгалии, хотя и была уже глубоко подорвана, еще не уступила место частной феодальной собственности. Наваб продолжал номинально считаться верховным собственником всей земли, но фактически большая ее часть находилась в наследственном пользовании крупных феодальных землевладельцев — заминдаров, систематически расширявших свои владения путем поглощения более мелких феодальных поместий и путем захвата общинных земель. Деревенские старосты в Бенгалии выступали в качестве своеобразных приказчиков заминдара, который через них осуществлял контроль за ходом сельскохозяйственных работ, снабжал семенами и выдавал денежные ссуды крестьянам-беднякам, все более превращавшимся в издольщиков. На части своих земель заминдар вел собственное полевое хозяйство, используя труд издольщиков. Заминдары также широко практиковали обработку целины, переводя туда крестьян из других своих владений или привлекая беглых крестьян со стороны. Такие земли владельцы обычно скрывали от чиновников фиска с целью избежать уплаты поземельного налога.

В XVIII в. размер собираемой заминдаром ренты, как правило, вдвое превышал ту сумму, которую он сам был обязан вносить в казну наваба в качестве налога. Но формально заминдар продолжал считаться не собственником земли, а лишь наследственным откупщиком поземельного налога на территории, предоставленной ему навабом.

Положение заминдаров было весьма противоречивым. С одной стороны, они не пользовались налоговым иммунитетом и постоянно находились под угрозой, что наваб отнимет их земли и передаст другим феодалам. С другой стороны, фактически они являлись наследственными хозяевами своих владений, в которых бесконтрольно чинили суд и расправу над крестьянами. С расширением и укреплением заминдарского землевладения все больше хирел аппарат фиска, и заминдары, подкупая целые звенья налоговой администрации, фактически присваивали себе обширные земли. В середине XVIII в. налоги с четвертой части всех обрабатываемых земель Бенгалии вообще не поступали в казну. Значительно сократились земли домена бенгальских навабов, а равно и фонд земель, которые они еще могли раздавать в джагир. Все это вело к подрыву власти бенгальских навабов и к росту могущества заминдаров. Между навабами и заминдарами шла постоянная борьба. Самым характерным в этой борьбе было то, что она происходила на фоне нараставшего недовольства крестьян, которое вылилось в движение так называемых санияси (буквально — бездомных). Отряды санияси вели вооруженную борьбу против феодалов, временами захватывая целые районы, где они беспощадно расправлялись и с заминдарами, и с чиновниками навабского фиска.

В 1756 г. на престол Бенгалии вступил 18-летний Сурадж-уд-Доуле. Англичане в это время готовили захват страны. Они укрепили Калькутту, где нашли убежище враги молодого наваба, и поощряли их борьбу против наваба. Сурадж-уд-Доуле обратился к Ост-Индской компании с требованием прекратить вмешательство во внутренние дела Бенгалии, выдать ему заговорщиков, бежавших под защиту англичан, срыть незаконно расширенные укрепления Калькутты, привлечь к ответственности чиновников Ост-Индской компании, виновных в провозе товаров местных купцов под видом английских. Власти Ост-Индской компании ответили на эти требования отказом и нанесли оскорбление послу наваба. Тогда Сурадж-уд-Доуле начал войну против компании. Вначале военные действия бенгальцев были успешными. В 1756 г. они взяли Калькутту.

Потеря Калькутты была для англичан большим ударом. Для войны против Сурадж-уд-Доуле из Мадраса была спешно отправлена военно-морская экспедиция. Флотом командовал адмирал Ватсон, войсками десанта — Роберт Клайв. В январе 1757 г. англичане взяли обратно Калькутту, нанеся под ее стенами поражение войскам наваба, и начали переговоры о мире. Со стороны наваба переговоры вели Омичанд и Ранджит Рой, подкупленные Ост-Индской компанией. Кроме того, на Сурадж-уд-Доуле оказывали постоянное давление многие влиятельные бенгальские феодалы, тайно сговорившиеся с англичанами. В результате этого заключенный 9 февраля 1757 г. договор оказался для англичан весьма вы-

годным. Сурадж-уд-Доуле не только восстановил прежние привилегии Ост-Индской компании в Бенгалии, но и представил ей дополнительные привилегии. Сверх того, он обязывался выплатить англичанам крупную сумму в возмещение убытков. Казалось, непосредственные цели экспедиции Ватсона — Клайва были достигнуты.

Доспехи знатного раджпутского воина XVII—XVIII в.

Англичане стремились свергнуть наваба и овладеть всей Бенгалией. Клайв, несмотря на запрещение Сурадж-уд-Доуле, объявившего о своем нейтралитете в англо-французской войне, напал на французскую факторию Чандернагор и изгнал оттуда французов. Тем самым Клайв лишил бенгальцев возможного союзника в борьбе против английской Ост-Индской компании. Затем он организовал заговор против Сурадж-уд-Доуле. Участниками заговора были командующий бенгальскими войсками Мир Джафар, банкир Омичанд, братья Сетхи, раджа Нанда-Кумар и некоторые другие представители феодальной знати и торгово-ростовщической верхушки. Мир Джафару был обещан престол бенгальских навабов. В обмен на английскую помощь Мир Джафар заранее подписал кабальный договор с Ост-Индской компанией. Главным посредником между английскими властями в Калькутте и заговорщиками выступал Омичанд. За свои услуги англичанам этот предатель выговорил себе 5% будущей добычи. Но Клайв обманул Омичанда, который не получил обещанного вознаграждения.

Исход войны между англичанами и Бенгалией решила битва при Плесси (23 июня 1757 г.). Накануне этой битвы братья Сетхи предоставили Клайву крупный денежный заем. «Рупии индийского банкира помогли шпаге английского полковника свергнуть мусульманскую власть в Бенгалии», — указывал впоследствии один английский автор. Подрывная деятельность предателей-заговорщиков парализовала войска наваба, несколько залпов английской артиллерии обратили нестройные массы бенгальских войск в паническое бегство, а переход конницы Мир Джафара на сторону Клайва довершил их разгром. Потери англичан составляли всего 72 человека убитыми и ранеными. Казнив попавшего к нему в плен Сурадж-уд-Доуле, Мир Джафар короновался в качестве нового наваба, но действительным хозяином Бенгалии отныне стала Ост-Индская компания. Этими событиями решил воспользоваться соседний Ауд, стремившийся округлить свои владения за счет западных провинций Бенгалии. Наваб Ауда Шуджа-уд-Доуле вторгся в Бенгалию. Однако его войска, плохо вооруженные и еще хуже руководимые, были разгромлены сипаями под командованием английских офицеров.

РАЗГРАБЛЕНИЕ БЕНГАЛИИ

Английские колонизаторы прежде всего расхитили бенгальскую государственную казну. Это дало Ост-Индской компании и ее высшим служащим около 3 млн. ф. ст. Сам Клайв забрал себе из сокровищницы наваба денег на сумму более 200 тыс. ф. ст., не считая множества драгоценностей. Расхищение государственной казны Бенгалии в период 1757 – 1765 гг. принесло англичанам 5260 тыс. ф. ст.

Другим источником обогащения англичан в Индии стала торговля Ост-Индской компании и ее служащих. В первую очередь англичане расправились со своими конкурентами — местными купцами, которым они запретили заниматься внешней торговлей. Введение многочисленных внутренних таможен, монополизация англичанами важнейших отраслей внутрибенгальской торговли, прямое ограбление местных купцов — все это дезорганизовало торговлю Бенгалии и привело к массовому разорению купечества. «Рынки, пристани, оптовые рынки и зернохранилища полностью разрушены. В результате этих насилий тоговцы со своими людьми, ремесленники и

райяты (крестьяне) и другие бежали», — доносил навабу правитель округа Бирбум.

В 1762 г. Клайв и другие высшие служащие Ост-Индской компании образовали общество для монопольной торговли солью, бетелем и табаком в Бенгалии, Бихаре и Ориссе Заминдары и непосредственные производители были обязаны сдавать соль этому обществу по принудительно низкой цене — 75 рупий за 100 маундов (ок. 1200 кг), а продажная цена на соль была установлена в 450 рупий. Прибыли общества только за два года достигли 673 тыс. ф ст Английские купцы и их индийские агенты угрозами и насилием навязывали втридорога местному населению всякую заваль и за бесценок или даром забирали у них ценные товары для вывоза за границу. Такими методами служащие Ост-Индской компании нажили с 1757 по 1780 г. около 5 млн. ф. ст., а сама компания вывезла за эти же годы из одной Бенгалии товаров на 12 млн. ф. ст., израсходовала на их покупку деньги, выколоченные из того же бенгальского крестьянства в виде поземельного и других налогов.

Индийские агенты, компрадоры под защитой английских штыков чинили в стране, по примеру своих хозяев, грабежи и насилия. Служащий компании доносил в 1762 г. в Калькутту: «Джентльмены присылают сюда своего гомастха (агента) вести торговлю. Этот агент насильно заставляет жителей покупать его товары либо продавать свои. В случае отказа немедленно следует порка или тюрьма. Агенты компании платят за забираемые товары гроши либо не платят вовсе».

Десятки тысяч бенгальских ткачей были насильственно прикреплены к факториям Ост-Индской компании, куда они были обязаны сдавать свою продукцию по расценке на 50% ниже рыночной, но чаще всего им вообще ничего не платили. Уклонявшихся подвергали пыткам, избиению или сажали в тюрьму. Очевидец рисует положение ткачей следующим образом: «Коммерческий резидент (начальник фактории) назначает им всем определенную работу, за небольшой аванс присваивает их труд, лишает их права использовать свое искусство для собственной выгоды, устанавливает монополию и обходится с ними, как с крепостными». Многие индийские ткачи часто предпочитали увечье такой неволе и отрубали себе пальцы.

Захватив фактическую власть в стране, используя существующий фискальный аппарат, Ост-Индская компания в целях получения с крестьян максимальной ренты-налога стремилась всемерно укрепить государственную феодальную собственность на землю. Эта реакционная политика за короткий срок привела к массовому разорению бенгальского крестьянства и упадку сельского хозяйства. Вместе с тем ее неизбежным результатом было подавление тех прогрессивных ростков, которые до английского завоевания развивались как в деревенской общине, так и в заминдарском хозяйстве. Рента-налог после завоевания была повышена примерно вдвое. Если чистый доход Ост-Индской компании в 1765 г. равнялся 14946 тыс. рупий, то в 1767—1768 гг. он достиг 21177 тыс. рупий, а в 1776—1777 гг. увеличился до 30 млн. рупий Не считаясь ни с наследственно-владельческими правами крестьянства, ни с правами заминдаров, Ост-Индская компания выступила в качестве всеобщего грабителя. Сам Клайв признавал впоследствии: «Я могу сказать лишь, что такой анархии и коррупций, как в Бенгалии, я не видел ни в одной стране Служащие компании накладывали контрибуцию и вымогали деньги у каждого, кто имел какую-либо власть, начиная с наваба и кончая последним заминдаром... вмешивались в сбор налогов, смещали и назначали чиновников правительства, каждый из которых платил за оказанное ему предпочтение».

В 1760 г Клайв, составивший миллионное состояние, вернулся в Англию и был с восторгом встречен в высшем свете Он купил место в парламенте, поднес драгоценные подарки королю, стал крупным пайщиком Ост-Индской компании. Георг III сделал его лордом, присвоив титул барона Плесси.

Ост-Индская компания, которая с 1765 г. открыто взяла в свои руки финансово-налоговое управление (дивани) в Бенгалии, отдавала сбор ренты-налога на краткосрочный откуп. В качестве откупщиков выступали заминдары, крупные местные торговцы и ростовщики, а равно и английские служащие компании, обычно действовавшие через подставных лиц из числа своих индийских агентов — баньянов. Англичанин Доу в 1772 г. следующим образом характеризовал грабительскую деятельность откупщиков: «Откупщики, не будучи уверены в том, что они сохранят свои полномочия более года, не производили никаких улучшений в предоставленных им владениях. Их прибыль должна была быть реализована немедленно, чтобы удовлетворить алчность тех, кто стоял над ними. Они отбирали все до последнего фартинга у несчастных крестьян; последние, не желая покидать свои старые жилища, подчинялись требованиям, которых фактически не могли выполнить».

В помощь откупщикам для подавления крестьян в сельские местности Бенгалии были направлены 7 батальонов сипаев Ост-Индской компании. При сборе налогов применялись изощренные пытки, жертвами которых были даже женщины и дети. «Детей засекали до смерти в присутствии родителей. Отца связывали вместе с сыном лицом к лицу и подвергали порке так, что удар, если не приходился на отца, то падал на сына. Крестьяне забрасывали поля. Они бежали бы все до одного, если бы не отряды солдат на дорогах, которые хватали этих несчастных», — указывал Берк в своей речи в палате общин о деятельности администрации Ост-Индской компании в Бенгалии. Налоговый грабеж англичан вызвал массовое разорение крестьян и даже многих заминдаров Ограбление населения, крупные закупки риса для армии и спекуляция служащих Ост-Индской компании вызвали в Бенгалии страшный голод, от которого в 1769—1770 гг погибло около трети населения страны

Налоговый грабеж вел к разорению крестьян и к экспроприации заминдаров В конце концов эта политика становилась невыгодной для самой Ост-Индской компании. С 1772 г компания приступила к созданию собственного налогового аппарата и установила вместо одногодичного пятилетний срок для откупщиков. Но это были полумеры. Корнуоллис, сменивший Гастингса на посту губернатора, доносил в 1789 г в Лондон «В течение ряда лет сельское хозяйство и торговля приходили в упадок, и в настоящее время население этих провинций (Бенгалия, Бихар, Орисса), за исключением шроффов (ростовщиков) и баньянов, быстро идет навстречу всеобщей бедности и разорению». Дело, конечно, заключалось вовсе не в заботе английских колонизаторов о процветании ограбленного ими населения Бенгалии, а в том, чтобы, во-первых, поставить на более прочный фундамент налоговые поступления и, во-вторых, несколько ограничить частные грабительские аппетиты служащих компании, наживавших баснословные состояния в ущерб доходам самой компании.

ОГРАБЛЕНИЕ ВАССАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ

В индийских княжествах, формально сохранивших самостоятельное управление, но связанных «субсидиарными договорами» и превращенных в вассалов Ост-Индской компании, крупную роль в обнищании населения играла тяжелая дань, наложенная на князей, непосильные поборы на содержание «субсидиарного войска» и навязывание князьям кабальных займов. Заимодавцами выступали как сама Ост-Индская компания, так и ее служащие, за спиной которых стояли директора той же Ост-Индской компании, лорды, епископы английской церкви, королевские министры и другие представители правящих кругов Англии. Типичным примером в этом отношении может служить скандальное дело о долгах Мухаммеда-Али, наваба Карнатика. В 1763 г. он был вынужден целиком отдать налоговые поступления четырех округов княжества на содержание «субсидиарного войска», размещенного англичанами на территории Карнатика и, кроме того, обязался выплачивать непосильную дань Ост-Индской компании. При задержке выплаты дани служащие компании угрозами и прямым насилием вымогали у наваба расписки на огромные суммы, якобы одолженные ему для расплаты с компанией. К 1769 г. дутые долги наваба достигли суммы 880 тыс. ф. ст. Среди кредиторов наваба главным числился некий Бенфильд, пользовавшийся покровительством Гастингса. Бенфильд, простой архитектор компании в Мадрасе, получавший всего лишь 200 ф. ст. жалованья в год, утверждал, что он одолжил навабу 230 тыс. ф ст.

Сбор налогов с ряда округов этого княжества передавался англичанам. Они чинили неслыханные злодеяния. Крестьяне Карнатика тысячами покидали свои земли и жилища и бежали в независимые государства Индии, а прежде всего в соседний Майсур. Попытка Пигота, губернатора Ост-Индской компании в Мадрасе, урезать притязания английских кредиторов, не знавших предела в своей алчности и жестокости, вооружила против него всех служащих компании. Они самовольно заключили Пигота в тюрьму, где он и умер. Действия служащих компании остались безнаказанными, а «долги» наваба Карнатика продолжали увеличиваться еще быстрее, чем раньше

ВОССТАНИЯ ПРОТИВ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ В БЕНГАЛИИ

Действия англичан во владениях Ост-Индской компании вызвали ряд восстаний. Одно из этих восстаний связано

с именем бенгальского наваба Мир Касима, возведенного в 1761 г. высшими служащими компании на престол вместо Мир Джафара. Мир Касим оказался, однако, решительным и энергичным правителем, не захотевшим мириться с ролью марионетки. Хозяйничанье чужеземных колонизаторов вызывало в Бенгалии всеобщее недовольство. Выступление Мир Касима в защиту независимости страны встретило поэтому широкую поддержку. К войскам наваба присоединилось 5 тыс. санияси, а также многие заминдары, пришедшие со своими вооруженными отрядами. Мир Касим заручился поддержкой наваба соседнего Ауда, опасавшегося, что Ост-Индская компания скоро поглотит и его владения. Перенеся свою столицу из Муршидабада в менее доступный Монгхир, Мир Касим собирал деньги, оружие и войска, готовясь к выступлению. В 1762 г. он открыто обратился к английскому губернатору с протестом против бесчинств, творимых служащими компании. Он писал: «Каждый агент на каждой фактории считает себя не менее важным, чем сама компания, и производит всевозможные беспорядки. В каждой паргане (районе) и деревне, в каждой фактории агенты покупают и продают соль, бетель, масло, рис, сахар, табак, перец, опиум и множество других товаров, перечислить которые невозможно. Они насильно забирают имущество и скот у крестьян, торговцев и других, и за вещь, которая стоит рупию, они дают 1/4 рупии, а с другой стороны, они вымогают у почтенного человека 4 рупии за товар, который стоит не более рупии. Подданного, который платит 100 рупий налога нашему правительству, они сажают в тюрьму за (долг) 5 рупий... В моих областях построено 400 или 500 новых факторий, и нельзя описать тех притеснений и того ущерба, который наносят в каждой из этих факторий делам бедняков и крестьян».

Писец-хронист.
Миниатюра могольской школы XVII в.

Наваб Бенгалии, не добившись удовлетворения своих требований, в 1763 г. начал военные действия против английских колонизаторов. В восстании приняли участие ремесленники и крестьяне. В Патне, Дакке и многих городах Бенгалии гарнизоны Ост-Индской компании были истреблены, фактории разрушены, а их европейский персонал перебит. Однако в первых же сражениях восставших с главными силами англичан выявилось огромное военное превосходство колонизаторов. Мир Касим был вынужден бежать в Ауд. Он решил продолжать войну с англичанами при помощи наваба Ауда и подошедшего из Дели вспомогательного афганского войска. В сражении при Буксаре (22 октября 1764 г.) войска Ост-Индской компании под командованием генерала Мэнро разбили соединенные силы Мир Касима, Ауда и афганцев. Победа при Буксаре укрепила власть англичан над Бенгалией и превратила Ауд в данника и вассала Ост-Индской компании. Наваб Ауда был вынужден подписать кабальный «субсидиарный договор» с компанией.

После подавления восстания бенгальские феодалы больше не рисковали воевать с англичанами. Правда, отдельные заминдары поднимали восстания, но они носили разрозненный и локальный характер. Но беднейшие крестьяне-санияси героически продолжали борьбу. В одной только Нижней Бенгалии число повстанцев временами доходило до 50 тыс. человек. В 1774 г. Гастингсу удалось разгромить их основные силы, но действия отдельных повстанческих отрядов продолжались до 1805 г.

«ДВОЙСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

В 1765 г. Клайв, вторично назначенный губернатором Бенгалии, за небольшую плату получил от номинального «шаха Дели» (Великого Могола), не имевшего к этому времени реальной власти не только над Бенгалией, но и в самом Дели, грамоту, утверждавшую Ост-Индскую компанию в качестве «дивана», т. е. финансовой администрации Бенгалии, правомочной собирать налоги, содержать постоянное войско и осуществлять юрисдикцию по гражданским делам.

Этот документ должен был придать видимость законности грабительскому захвату Бенгалии англичанами.

В руках Наваба оставался «низамат», или юрисдикция по уголовным делам. Эта новая система, известная под названием «двойственного управления» (через компанию и через наваба), имела ряд преимуществ для англичан. Она была удобна для них тем, что в случае внешнеполитических осложнений фактические хозяева — представители администрации компании — могли использовать власть наваба как ширму. Эта система была выгодна для колонизаторов и тем, что предоставляла компании неограниченную, деспотическую власть. Наконец, при этом «двойственном положении» служащие компании по-прежнему сохраняли широкие возможности для вымогательства, грабежа и спекуляции.

В 1767 г. Клайв окончательно вернулся в Англию. В 1773 г. он предстал перед палатой общин по обвинению в хищениях и вымогательствах за время своей службы в Индии. Палата общин вынесла лицемерное решение. Она признала, что Клайв злоупотреблял властью, вымогал подарки у индийских князей. В то же время в резолюции отмечалось, что «Роберт лорд Клайв оказал великие и достойные услуги Англии». Дело против Клайва было прекращено.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ АКТ 1774 Г. УОРРЕН ГАСТИНГС

Систематическое ограбление Бенгалии все более снижало доходы компании, обогащая главным образом ее служащих. С 1767 г. компания должна была выплачивать правительству 400 тыс. ф. ст. ежегодно. В 1773 г. она не могла выполнять этого обязательства и сама просила правительство о займе.

Согласно принятому в 1774 г. закону губернатор компании в Бенгалии становился генерал-губернатором всех английских владений в Индии. Без его разрешения губернаторы в Мадрасе и Бомбее не могли объявлять войну и заключать мир. В состав генерал-губернаторского совета правительство могло назначать членов и не из числа служащих компании. Первым генерал-губернатором был назначен Уоррен Гастингс (1774). В его совете был один служащий компании и три советника, назначенные английским

правительством. Цель закона 1774 г. заключалась в том, чтобы подчинить компанию контролю правительства, несколько обуздать ее служащих и обеспечить повышение доходов пайщиков компании.

Гастингс 18-летним юношей начал работать писцом на службе компании в Индии. Он прошел все ступени колониального административного аппарата, зарекомендовав себя верным слугой Ост-Индской компании. Он не забывал в то же время и себя, обогащаясь самыми грязными средствами. Спекуляция рисом во время голода в Мадрасе и поставка негодного снаряжения армии заложили основу его огромного состояния. Будучи губернатором Бенгалии, а затем генерал-губернатором всех английских владений в Индии, Гастингс пристраивал на доходные места и предоставлял выгодные контракты родственникам, друзьям и ставленникам своего покровителя — Люренса Сюливана, директора компании. Путь легкой наживы был открыт всякому, кто, пользуясь родственными отношениями, политическими связями или попросту давая взятку заправилам Ост-Индской компании, получал назначение в Индию.

С навабом Ауда новый губернатор заключил сделку, направленную против соседнего Рохилкханда. Войска Ост-Индской компании внезапно вторглись в Рохилкханд, разграбили эту страну и подчинили ее Ауду (1774 г.).

С прибытием из Лондона новых членов Совета большинство в нем перешло к ставленникам правительства. В интересах английской торгово-промышленной буржуазии, непосредственно не связанной с Ост-Индской компанией, члены Совета, назначенные правительством, добивались обуздания служащих компании. Это вызвало разногласия, о которых вскоре стало известно за пределами Совета. Многие жертвы вымогательств Гастингса стали подавать в Совет жалобы. Гастингс поспешил расправиться со свидетелями его преступлений. Он привлек своего главного обвинителя раджу Нанда Кумара к суду по обвинению в мятеже и подделке документов: Нанда Кумар был повешен. Это судебное убийство положило конец дальнейшим жалобам и укрепило пошатнувшееся положение Гастингса. До самого конца своего губернаторства (в 1785 г.) Гастингс был полновластным правителем Индии. Самыми жестокими мерами он увеличил поступление налогов и спас компанию от банкротства, а его дипломатические способности помогли господствующим классам Англии сохранить индийские колонии в критические для них годы американской войны за независимость.

С 1774 г. Бенгалия стала не только фактически, но и формально превращаться в колонию, управляемую английской администрацией. Ост-Индская компания начала создавать собственный аппарат налогового и административного управления; с системой «двойственного управления» было покончено.

ВОЙНА ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ С МАРАТХАМИ И МАЙСУРОМ

Бомбейский губернатор и его Совет пытались навязать маратхам своего ставленника на пост пешвы в Махараштре. Но маратхи оказались серьезными противниками, они нанесли англичанам в 1775 г. поражение. Борьба приняла затяжной характер. Почти одновременно началась война с Майсуром.

В 1761 г. султаном Майсура стал Хайдер-Али. Он прекратил уплату дани союзу маратхских князей и оградил от их набегов Южную Индию. Но своим главным врагом султан с полным основанием считал Ост-Индскую компанию.

В 1767—1769 гг. Майсур успешно провел ряд операций против англичан. Готовясь к дальнейшей борьбе, Хайдер-Али искал союза с Францией. Международное положение Англии было в этот момент неблагоприятным. Почти все силы и ресурсы были брошены на борьбу против восставших североамериканских колоний, вскоре осложнившуюся войной с Францией, Испанией и Голландией. В 1780 г. французский флот под командой адмирала Сюфферана нанес у берегов Индии ряд поражений английскому флоту и высадил десант в помощь Хайдер-Али.

На собранные Гастингсом средства компания организовала крупные военные силы, которые она двинула против французов, маратхов и Майсура. Хайдер-Али, а затем его сын Типпу-Султан пытались сплотить все индийские государства в союз для борьбы против английских захватчиков. Но эти попытки разбились о сепаратизм индийских феодалов. Благодаря этому Гастингсу удалось перетянуть на свою сторону одно из сильнейших маратхских государств — Гвалиор, при посредничестве которого он в 1782 г. заключил мир с остальными. По мирному договору с маратхами Ост-Индская компания даже несколько расширила свою территорию на западном побережье Индии. Однако Гастингсу пришлось

примириться с тем, что маратхский князь Гвалиора присоединил к своим владениям области Дели и Агры.

Заключение в 1783 г. мира с Францией облегчило тяжелое положение английской армии на восточном побережье Индии, где она находилась между силами Франции и Майсура. Оставленный французским союзником, правитель Майсура Типпу-Султан в 1784 г. оказался вынужденным также заключить мир. Обе стороны сохранили территории, которыми владели до войны.

Англия упрочила свое положение в Индии в то самое время, когда ей пришлось примириться с утратой североамериканских колоний.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ АКТ 1784 Г.

Купцы и промышленники Англии, не связанные с Ост-Индской компанией, настойчиво боролись за уничтожение монополии компании и за свободу торговли с Индией, требуя реорганизации системы управления этой колонией. Но компания всячески противилась каким-либо реформам, находя в этом поддержку у короля Георга III.

В 1783 г. лидер вигов Фокс внес в палату общин билль, предусматривавший подчинение компании семи комиссарам, выбранным парламентом. Все назначения служащих в Индии должны были проходить через особую парламентскую комиссию. Билль Фокса прошел через палату общин, но был отвергнут палатой лордов вследствие личного вмешательства короля. Это обстоятельство послужило поводом для свержения вигского кабинета министров, в состав которого входил автор билля.

Проведенный в 1784 г. торийским кабинетом Питта закон носил характер компромисса. Новый закон подчинил компанию Контрольному совету из шести членов, назначенных королем (а не парламентом, как этого хотел Фокс). Председатель Контрольного совета входил в состав кабинета министров. Контрольный совет, а фактически его всемогущий председатель, решал все важнейшие политические вопросы. Но Совет директоров компании сохранял за собой право назначать всех служащих компании в Индии и осуществлять текущее управление колонией. За Ост-Индской компанией оставалась монополия торговли с Индией и Китаем. Так в результате компромисса создалась новая двойственная система

управления Индией — через Контрольный совет (правительство) и Совет директоров (компания).

ИНДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Столетие, предшествующее началу завоевания Индии англичанами, было отмечено ростом индийской культуры. При покровительстве и на средства, отпускаемые Великими Моголами и другими феодалами, создавались, преимущественно при мусульманских мечетях, новые и новые медресе, в которых, кроме богословских наук, изучались математика, астрономия, медицина и другие естественные науки. Наибольшей известностью пользовались медресе в Дели и в Агре. Особое покровительство астрономической науке оказывал джайпурский раджа Джан Сингх (умер в 1743 г.), сам являвшийся крупным знатоком астрономии.

Высокого совершенства достигла индийская архитектура. Широкую известность имеют такие выдающиеся ее образцы, как Тадж Махал и Моти Масджид в Агре, Джама Масджид в Дели, построенные в правление Джахангира, дворцовая архитектура в княжествах Раджпутаны, мечети и другие архитектурные памятники в Биджапуре и Голконде. От этого времени сохранились замечательные произведения индийской живописи в виде миниатюр, украшавших рукописные книги. Многие произведения живописи запечатлели не только сцены из жизни феодалов, но и сцены из народной жизни.

Ближайшие преемники Акбара оказывали покровительство живописцам. При Аурангзебе живопись, не получая поддержки в Дели, продолжала развиваться в удаленных от столицы областях — в Бенгалии, Хайдерабаде и т. д.

Повелители Индии Джахангир и Шах-Джахан поощряли музыку и балетное искусство, а с началом правления Аурангзеба живопись, танец и музыка нашли приют только в провинциях, у местных феодалов и в индусских храмах.

ИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Подчеркнутый герметизм индийской культуры, ее замкнутость в пределах средневековой традиции, отгороженность

от современной истории ярко сказались в бенгальской литературе. В начале XVIII в. Бенгалия стала независимым, процветающим государством, в середине века (1757) она превратилась в английскую колонию. Живая история тех дней почти не отразилась в литературе XVIII в.

Наиболее характерным для бенгальской литературы XVIII в. было творчество Бхаротчондро Рая (1713—1760), великого, как справедливо считает индийская традиция, поэта. Рай жил на рубеже двух эпох — родился на закате Могольской империи, а умер три года спустя после битвы при Плесси, символизирующей начало британского господства, т.е. Нового времени Индии. Его поэзия обычно завершает историю средневековой бенгальской литературы, она же открывает историю литературы Нового времени.

Первые бенгальские грамматики, первые бенгальские печатные книги были заполнены цитатами из Бхаротчондро. Главным трудом поэта, принесшим ему славу, была поэма «Оннодамонгол» — «Песнь во славу Онноды» (Оннода — букв. «дающая пищу» — одно из имен богини Дурги, бенгальский вариант Парвати — жены Шивы). Поэма была создана по заказу раджи Кришначандры, который поклонялся Дурге и насаждал ее культ в своих владениях.

«Песнь во славу Онноды» написана в традиционном для бенгальской литературы жанре монгол — трехчастных поэм-восхвалений, какие обычно посвящались местным богиням.

Бенгалия была той областью Индии, где уже в XVIII в., хотя и в самом его конце, был осуществлен первый опыт создания драматического спектакля европейского типа как результат взаимодействия западной и восточной культурных традиций. В 1955, 1959 г. в Калькутте происходили торжества, посвященные 160-летию премьеры комедии «Притворство» (по Джорделлу) — пьесы, форме которой, столь счастливо найденной ее адаптатором и режиссером, суждено было сыграть в Индии важную роль в становлении драмы Нового времени.

Светского драматического театра и репертуара для него не существовало ни в Бенгалии, ни в других провинциях Индии в XVIII в. Честь его создания принадлежит талантливому музыканту из Ярославля Г. С. Лебедеву, «беспристрастному созерцателю», прожившему в Индии 12 лет (1788—1800). Он не был ни миссионером, ни служащим Ост-Индской компании. «Главным для меня предметом было проникнуть там во нравы, а с тем вместе приобрести нужные сведения в их языках и учености», — писал он. Индий-

цы считают Лебедева одной из наиболее примечательных личностей в индийской культуре XVIII столетия. Характер Лебедева, его наблюдательность, позволившие отобрать темы и компоненты драматического произведения, безболезненно прививавшиеся на индийской земле, обеспечили успех начинанию, которое современники называли «планом Дон Кихота», а потомки — «революцией в бенгальской драматургии». В 1796 г. состоялась премьера. Пьеса была сыграна, как писал Лебедев, «обоего пола бенгальскими актерами и удовольствовала [...] европейских и азиатских жителей в собственном мною устроенном театре; чего прежде всего никто из европейцев в Калькутте не производил». Лебедев оказался истинным и первым европейским просветителем в Индии, его имя как зачинателя современной бенгальской драмы по праву вошло во все бенгальские хрестоматии.

В XVIII в. окончательно формируется самая молодая из новоиндийских литератур — мусульманская литература Индии, язык которой получает именно в XVIII в. название «урду». Именно в эту пору литература урду встает как равная персоязычной литературе Индии и начинает постепенно вытеснять ее с литературной арены. Персидский теряет свое влияние, хотя и остается официальным языком Могольской империи вплоть до 1835 г.

Блестящим поэтом рубежа XVII—XVIII в., завершившим ранний (деканский) период истории литературы урду, был Вали Аурангабади (годы жизни неизвестны). Творчество Вали неразрывно связано с культурой фарси, с философией суфизма и со всем тем, что составляло литературно-эстетический комплекс персоязычной традиции, однако это первый индийский поэт . Многие его стихи воспроизводят картины близкого ему Декана, а не далекого и неведомого Ирана, как того требовала персоязычная традиция, воспевают подвиги индусов — Рамы, Лакшмана и Арджуны, а не героев персидской литературы, язык его газелей прост и ясен, лексика базируется на местных диалектах, а не на арабо-персидской лексике. Разговорный «презренный» урду, этот площадной и базарный язык, звучал в его стихах настолько поэтично и музыкально, что покорил даже убежденных приверженцев персидского стиля при делийском дворе.

В течение XVIII столетия южноиндийские деканские княжества (Биджапур, Голконда) в результате непрекращающихся войн с маратхами, джатами, раджпутами окончательно

теряют свое могущество, и мусульманский культурный центр снова перемещается в Дели. Делийская школа первоначально формируется в атмосфере могольского двора — центра дряхлеющей и гибнущей империи. Подчеркнутый интерес придворных поэтов к формальной стороне искусства и литературы, увлечение орнаментальной формой способствовали развитию поэзии усложненного стиля. На языке урду возникает в эти годы поэзия стиля накх-шикх (букв. — с головы до ног). Типологически этот стиль сходен с поэзией рити на брадже или пандит-кави на маратхи. Одно из названий поэзии рити — наик наика бхед (типы героев и героинь) — по сути означает то же, что накх-шикх.

Женщины у колодца.
Миниатюра раджпутской школы XVIII в.

Содержание такого рода поэзии обычно представляет собой описание внешности какого-либо персонажа (чаще мифологического) в строгом соответствии с любовным этикетом и поэтическим каноном. Немаловажную роль, однако, в формировании делийской школы сыграла и та свежая струя, которую принесли в Дели поэты Декана (в частности Вали из Аурангабада), переселившиеся из южных княжеств в северную столицу.

Становление поэзии нового стиля начиналось с простейших поэтических форм. Излюбленным жанром поэтов делийского двора, начавших писать на урду, была лирическая и лирико-философская газель (XVIII в. в поэзии урду обычно называют веком газели). Особенную популярность приобретает так называемая «пестрая газель», в которой чередуются строки на фарси и урду.

Крупнейшим поэтом того времени был Саддриддин Мухаммад Фаиз (годы жизни неизвестны) — потомок знатного иранского рода, знаток поэтики, прекрасно владевший арузом, автор газелей и маснави. В 1714 г. Фаиз закончил свой первый диван. Его излюбленной формой стал

назм, получивший широкое распространение в поэзии наших дней. Сближение мусульманской и индусской традиции, так ощутимо сказавшееся в литературе XVIII в., — одна из самых ярких черт поэзии Фаиза и ругих поэтов делийской школы.

Влияние индусской поэзии на брадже играло здесь не последнюю роль. Образы и элементы индусской традиции (Кришна и Радха, павлин, лотос и величавый слон) органически сплелись в творчестве этого мусульманского индийского поэта с традицией арабо-персидской культуры .

Вторжение в Индию Надир-шаха привело к падению Дели, который был разграблен и сожжен в 1783 г. Культурный центр переместился в Лакнау. Литература урду лакнауского периода теряет радостные тона, отражая атмосферу гибели империи, грабительских набегов, разложения знати, разорения народа. В литературе лакнауского периода становится все более ощутимой склонность к орнаментальному, усложненному стилю.

Литература урду в XVIII в. дала много поэтов, но не все из них так известны, как «шах газели» Мир Мухаммад Таки Мир (1725—1810). Свидетель крушения Дели, страданий и бед народа, Мир всю печаль времени вобрал в свою поэзию. Развитие литературы и культуры Индии в Позднее Средневековье несет на себе, как уже несколько раз отмечалось, приметы сближения индо-мусульманских традиций, несмотря на непрекращавшуюся войну Аурангзеба и его преемников с сикхами и маратхами, не на жизнь, а на смерть боровшихся за освобождение своих земель, а в конечном счёте за независимость индуистской культуры.

Как бы сложно ни складывались индо-мусульманские отношения и в XVIII в. и позднее, включая отношения государства, отношения индуизма и ислама, контаминация двух традиций и приметы этого процесса в архитектуре, живописи, литературе Индии — факт бесспорный. В литературе контаминация индо-мусульманских традиций сказалась в содержании, форме и даже названии некоторых жанров.

Наиболее известным тамильским поэтом-мусульманином был Умару Пулавар (р. в конце XVII в.). Ему принадлежит «Пурана о пророке Мухаммаде» — произведение, в котором своеобразно сочетаются традиционная индийская литературная форма древних памятников индуистской мысли — пурана и учение Корана.

Самым ярким примером индо-мусульманского синтеза в литературе XVIII в. была поэзия на языке синдхи.

В XVIII столетии, в пору крушения Империи Великих Моголов, Синд (он входил в состав империи с момента ее образования) оставался одной из немногих областей Индии, где авторитет ислама вследствие ряда объективных исторических причин не утратил прежней силы. Муллы, шейхи, устады (толкователи Корана) и нищие дервиши еще обладали в тех землях непререкаемым авторитетом и своеобразной властью. Религиозно-философская лирика на языке синдхи в XVIII в. еще сохранила полноту эмоциональной напряженности мистического чувства и возвышенную чистоту веры.

Шал Абдулла Латиф (1689/90—1752) — великий поэт Синда — был последним истинно средневековым поэтом, отразившим своей личностью и поэзией эпоху «великой святости» восточного средневекового общества с его статикой и устремленностью внутрь. Суфийская философия и символика составляют основу поэзии Латифа, которая представляет собой своеобразную песнь страстной, мистически возвышенной любви к единственному «Возлюбленному» (стремление души к абсолюту). Большую любовь снискали его поэтические вариации на темы народных баллад о несчастных влюбленных — «Сасун и Пунхун», «Сухини и Мехар», «Момул и Рано», «Лила и Чанесар», «Марун и Умар», известные в народе задолго до прихода мусульман.

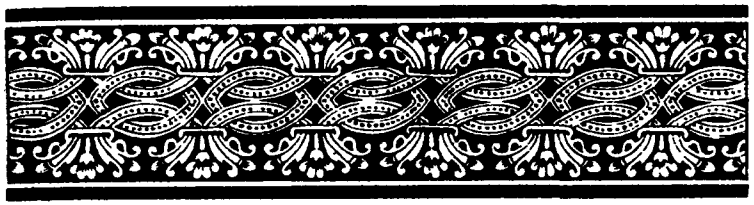
Южноиндийские литературы, развивающиеся на дравидийских языках (тамили, малаялам, телугу, каннада), наиболее древние и развитые из новоиндийских литератур, продолжают в XVIII в. традиции предшествующих веков. Штат Керала считается той областью, где возникла танцевальная драма катхакали (театрализованный рассказ), получившая мировую известность. Период расцвета катхакали — с середины XVIII в. до середины XIX в. Катхакали — особая форма искусства, где актеры языком жеста (мудра) рассказывают зрителям истории индийского эпоса. Пантомиму сопровождает певческий аккомпанемент, текст которого — аттакатха — составляет так называемый литературный сценарий.

Наиболее выдающимся произведением этого жанра считается тамильская аттакатха «Жизнь Наля», цикл из четырех драм, принадлежащих Унайиварайяру (жил во второй половине XVIII в.).

Яркой фигурой в поэзии телугу XVIII в. был Вемана — поэт-отшельник, последний из великих бхактов Юга

Стихи Веманы распевала вся Андхра, его афоризмы, пословицы и поговорки вошли в разговорный язык. Мировоззрение Веманы отвечает своему времени: его вольные мотивы соседствуют с проповедью религиозного аскетизма самоусовершенствования.

Картина развития индийских литератур в XVIII в. чрезвычайно пестра. Относительное единство литературного процесса XIV—XVI вв. нарушается уже в XVII в., в XVIII же неравномерность развития литератур на разных языках становится еще более очевидной. Своеобразная разноголосица общего литературного процесса страны — характерная особенность данного столетия. В одних литературах приметы будущего более заметны (литература телугу), в других — они почти не ощутимы (литература Синда). История индийской культуры XVIII в. — это история позднесредневековой богатой культуры в последней фазе ее существования.



ГЛАВА 5

КИТАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ

1. БОРЬБА КИТАЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ МАНЬЧЖУРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

История маньчжурской народности уходит своими корнями в глубь веков; немногочисленные маньчжурские племена, проживавшие в конце XVI в. на севере Ляодунского полуострова, вели свое начало от чжурчженей, в XII—XIII вв. осуществлявших контроль над южной частью современного Северо-Восточного Китая и над Северным Китаем.

Племенной союз «Маньчжоу» на этапе превращения в военно-феодальное государственное образование в конце правления его основателя Нурхаци и при его сыне Абахае (1599—1644 гг.) включал в себя различные чжурчжэньские племена, проживавшие на территории современного Северо-Востока КНР. После захвата Нингуты (современный г. Нинъань) в 1610 г. начинается серия военных походов, преследовавших цели увеличения численности вооруженных

сил и трудоспособного населения, а также захватов земель и имущества; маньчжуры совершали отдельные военные походы далеко за пределы округа Цзяньчжоу — основной территориальной базы маньчжурского племенного объединения.

В ходе походов против соседних северных, северо-восточных и северо-западных племен (варка, воцзи, хурха и солонов) маньчжуры угоняли тех, кому не удавалось спастись бегством от захватчиков на Юг, в округ Цзяньчжоу. Это привело к полному опустошению обширных районов Центральной и Северной Маньчжурии. Общая численность маньчжуров в 1577 г. не превышала 100 тыс. человек, а после завоевания соседних племен, проведенных Нурхаци, население их объединения уже достигло 400—500 тыс. человек.

При правлении Абахая маньчжуры в 1629, 1632, 1634, 1636 и 1638 гг. совершили успешные кавалерийские рейды в глубинные районы Северного Китая, доходя до Тяньцзиня (в 140 км от столицы — Пекина), юга Хэбэя и Шаньдуна, беспощадно грабя и убивая китайское население, предавая огню и мечу города и села. В один из таких рейдов маньчжуры угнали в рабство в Маньчжурию 260 тыс. человек и 550 тыс. голов рогатого скота и лошадей.

Маньчжурам удалось в 1644 г. вновь вторгнуться в пределы Китая и с легкостью овладеть его столицей, в первую очередь благодаря антинародной политике китайских феодалов, ряд видных представителей которых перешел на сторону маньчжуров в последние годы правления Минской династии. Например, Кун Ю-дэ, Гэн Чжун-мин и другие, командовавшие крупными войсковыми соединениями в Шаньдуне, со своим войском, флотом и современной артиллерией сдались маньчжурам, переправившись через Чжилийский залив; к маньчжурам перешли также минский генерал Шан Кэ-си, наместник пограничных областей Хун Чэн-хоу и, наконец, генерал У Сань-гуй, охранявший со своими войсками наиболее ответственный участок китайской границы с маньчжурами и открывший им проход Шаньхайгуань в Великой китайской стене для вторжения в Китай и подавления могучего крестьянского восстания, руководимого Ли Цзычэном и Чжан Сянь-чжуном. Как сообщает современник событий, когда в 1644 г. маньчжурский регент Доргунь готовился со 100-тысячной армией к очередному набегу на Китай, к нему прибыл посол от генерала У Сань-гуя, приглашавшего маньчжуров выступить на подавление восставших

крестьян. Доргунь не поверил, опасаясь западни. Восемь раз пришлось У Сань-гую упрашивать маньчжуров прислать войска. «Только после этого выступило маньчжурское войско численностью в 14 тыс. конников».

Крестьянская война 1628—1645 гг. в Китае явилась следствием тех сдвигов в экономике, которые явственно обозначились в последнее столетие правления Минской династии. В этот период чрезвычайно ускорились процессы концентрации земли в руках феодалов, обезземеления крестьян, превращения их в издольщиков, жизненный уровень которых непрерывно понижался ввиду кабальных условий аренды, роста налогов и повинностей, увеличения зависимости крестьян от ростовщического капитала. Экономическое значение городов как центров торговли, ремесла и мануфактур значительно выросло, однако этому развитию минское правительство, местные феодалы не оказывали ни малейшего содействия. Наоборот, они всячески стесняли деятельность купцов и предпринимателей — владельцев мануфактур и жестоко угнетали ремесленников и низшие слои городского населения. Этим и объясняется небывало широкое участие горожан в крестьянской войне XVII в., что составляет ее отличительную черту по сравнению с крестьянскими движениями прошлых столетий.

Крестьянская война 1628—1645 гг. поколебала устои феодализма, но китайским феодалам, поддержанным маньчжурскими завоевателями, удалось разгромить крестьян, восстановить и укрепить феодальные отношения.

В 1644 г. Маньчжурские завоеватели овладели Пекином и провозгласили императором Китая малолетнего маньчжурского князя Ши-цзу (внука Нурхаци), правившего под именем Шуньчжи, регентом при нем был его дядя Доргунь. Так пришла к власти в Китае новая династия, назвавшая себя Цин. После завоевания северных провинций цинские войска были брошены на покорение центральных и южных районов, где с новой силой разгорелась длительная кровопролитная война народных масс против своих и иноземных угнетателей.

ВОЙНА В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ЮЖНОМ КИТАЕ

В 1645—1647 гг. военные действия развернулись в долине Янцзы и на юге Китая, в районах, сильно опередивших Север в своем экономическом развитии. Города были здесь особенно

многочисленны и богаты. Именно в этих районах появлялись мануфактуры, довольно широко применялся наемный труд, а в деревне значительного развития достигли товарные отношения. Здесь-то и сложился широкий антиманьчжурский фронт, в создании которого города сыграли большую роль. Но этот фронт был лишен единства и организованности. Феодалы навязали его борцам лозунг восстановления Минской династии и стремились смягчить антифеодальную направленность движения.

Феодалы Центрального и Южного Китая, которых немало собралось во второй столице империи — Нанкине, провозгласили одного из минских князей императором. Новый император был крайне непопулярен. Положение осложнилось еще больше, когда появились другие претенденты на императорский трон. В результате возникли враждующие между собой группировки. Во главе войск были поставлены китайские генералы, которые были широко известны как жестокие усмирители крестьянской войны. Новое минское правительство в Нанкине охраняло старые порядки и не собиралось делать народу какие-либо уступки. Первейшую свою задачу оно видело в окончательном подавлении крестьянских волнений.

Выступая против маньчжурских завоевателей, минские князья и патриотически настроенные представители господствующего класса, в том числе и бывшие сторонники политической группировки Дунлинь, старались держать подальше от этой борьбы народные массы, не оказывая им ни организационной, ни материальной поддержки.

Маньчжурские восьмизнаменные войска и китайские отряды, находившиеся на службе у маньчжуров, разделились на три части: одни, во главе с У Сань-гуем, ушли на Юго-Запад преследовать повстанцев, другие были направлены на Восток для завоевания Шаньдуна, крупные силы были также сосредоточены в столичной области, в Пекине.

В 1645 г. соединенные силы маньчжурских войск, подошедших из Хэнани и Шаньдуна, осадили и взяли сильную крепость Гуйдэ, а затем двинулись к реке Хуай. Район Великого канала защищало малочисленное войско минского полководца Ши Кэ-фа, которое оказалось не в состоянии сдержать лавину вражеских полчищ. Ши Кэ-фа, принужденный отступить, укрылся за стенами Янчжоу. Все население этого крупного торгово-ремесленного города приняло участие в его обороне.

Маньчжуры, озлобленные упорным сопротивлением осажденных, устроили в городе жесточайшую резню, продолжавшуюся десять дней. Победители грабили и убивали мирное население: улицы и дворы были завалены горами трупов. Город был превращен в развалины. Героическая оборона Янчжоу овеяна легендами. Расправа победителей с горожанами стала темой широко известных в Китае записок очевидца событий Вана Сю-чу «Десять дней в Янчжоу».

Кантон.
Рисунок конца XVII в.

После падения Янчжоу цинские войска направились далее на юг, к реке Янцзы. Ночью при свете факелов они переправились через Янцзы и устремились к Нанкину. Нанкин в ту пору был не только крупнейшим центром торговли, где скрещивались водные и сухопутные дороги, но и важным ремесленным центром, славившимся искусными изделиями своих мастеров и работников мануфактур.

По численности населения Нанкин был одним из крупнейших городов мира. В Нанкине имелось оружие, были и солдаты, но феодалы не желали защищать город. Новый император не был популярен среди горожан и боялся их не менее, чем маньчжуров. При известии о приближении врага он бежал вместе со своим двором. Горожане тщетно требовали организации обороны. Большинство феодалов и богатых купцов вышли за городские ворота и встретили маньчжуров на коленях. Они предпочли подчиниться маньчжурам, но не выступать вместе с народом. 25 мая 1645 г. Нанкин сдался завоевателям без сопротивления. Это не помешало маньчжурам учинить и здесь грабежи и убийства.

Вслед за Нанкином пал большой и богатый город Ханчжоу. Крупные феодалы и минские князья предательски срывали героическую борьбу народа В области по среднему течению Янцзы и в Сычуани маньчжуры встретили длительное и упорное сопротивление. Силы обороны состояли здесь из повстанцев — крестьян и солдат. Этими войсками руководили прежние повстанческие вожди и некоторые минские военачальники, вступившие с ними в соглашение. Повстанцы из армий Ли Цзы-чэна и других отрядов соединились в Южном Хубэе с частями прежних правительственных войск, местными формированиями, отрядами ополченцев, пришедших из южных провинций, и воинами племен мань. Под знаменем Ли Го, боевого соратника Ли Цзы-чэна, здесь собралось 200-тысячное войско, которое, опираясь на поддержку местного населения, охраняло берег Янцзы на большом протяжении.

Это войско, известное под названием «Тринадцати дивизий», в течение 1646—1647 гг. успешно защищало подступы к Хунани В Сычуани, куда маньчжуры пытались вторгнуться в 1646 г., они также встретили отпор. Власть в этой провинции удерживали повстанцы во главе с соратником Ли Цзы-чэна Чжан Сянь-чжуном. Сначала попытки маньчжуров нанести удар повстанческим войскам потерпели неудачу, но вскоре им удалось ворваться на территорию Сычуани. Чжан Сянь-чжун погиб, а его войско было оттеснено превосходящими силами противника на юг. После этого отряды сычуаньских повстанцев вошли в Гуйчжоу и Юньнань, где они создали свое государство.

БОРЬБА В ЮГО-ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ ПРОВИНЦИЯХ

Маньчжурским завоевателям и их союзникам из числа китайских феодалов пришлось преодолевать упорное сопротивление китайского народа также и в юго-восточных и южных провинциях Движущей силой и организаторами сопротивления были здесь, главным образом, горожане В движении принимали также участие широкие крестьянские массы.

Состав военных отрядов был весьма неоднородным, а сами отряды зачастую не пользовались поддержкой местного населения. Никто не призывал крестьян выступить против завоевателей, и в некоторых районах они оставались как

бы в стороне от войны, активно включаясь в борьбу лишь тогда, когда завоевание становилось уже совершившимся фактом. В их тылу разгоралось антиманьчжурское народное движение. Во многих деревнях создавались отряды самообороны, которые день и ночь несли охрану своих деревень. Отряды крестьянского ополчения не ограничивались обороной родных мест. Они принимали участие в длительных походах и боях с маньчжурами, им принадлежала видная роль и в обороне городов.

Города Китая первыми испытали на себе тяжесть нового ига и усилившейся феодальной реакции, в то время как именно они сосредоточивали в себе новые, наиболее передовые формы хозяйства и являлись центрами культуры. Неудивительно, что города оказывали завоевателям отчаянное сопротивление даже в тех случаях, когда у них не было ни опытных военных руководителей, ни профессиональных солдат. Однако борьба горожан затруднялась тем, что местные власти нередко оказывались открытыми или тайными сторонниками маньчжуров и либо мешали обороне города, либо сразу сдавали его врагу.

Сохранились литературно-исторические произведения, повествующие о героической обороне многих городов от полчищ завоевателей. В одном из этих произведений говорится, что в Цзянъине горожане, возмущенные насилиями и произволом маньчжурских властей, свергли их и организовали свое управление. Когда весть о восстании в Цзянъине распространилась в соседних деревнях, на помощь восставшим пришли отряды крестьянской самообороны. Цзянъинь держался около трех месяцев. Когда маньчжуры ворвались в город, они чинили резню и грабеж, продолжавшиеся несколько дней. Современники этих событий сообщают, что в Цзянъине погибло до 100 тыс. человек, а в окрестных деревнях — еще около 75 тыс.

Более двух месяцев вел борьбу с захватчиками и город Цзядин Завоеватели встретили упорное сопротивление на всей обширной территории — от Янчжоу, на Великом канале, до южных окраин страны. В освободительной антиманьчжурской борьбе принимали участие и богатые китайские купцы юго-восточных прибрежных районов — владельцы торговых кораблей, мануфактурных предприятий и обширных имений. Организация этих крупных купцов предоставила в распоряжение антиманьчжурского лагеря около 3 тыс. хорошо оснащенных кораблей. Выборный старшина купеческого объединения Чжэн Чжи-лун, которого минское

правительство раньше преследовало как морского разбойника, а позже помиловало за выраженную им покорность и даже наградило, пожаловав ему высокое звание, стал играть видную роль в организации антиманьчжурской борьбы

В начале 1646 г народное ополчение и флот под командованием Чжэн Чжи-луна нанесли жестокое поражение маньчжурам в Чжэцзяне и отбросили их за реку Цзяньтан. Для маньчжурской власти в Нанкине создалась непосредственная угроза, но ополченцы не сумели использовать свой успех и не продолжали наступления. Во главе одного из отрядов народного ополчения в то время стоял известный ученый и художник Хуан Дао-чжоу. Его войско, вначале состоявшее из небольшой группы добровольцев и учащихся, быстро увеличило число своих бойцов и оказалось в состоянии нанести маньчжурам несколько сильных ударов. Но, несмотря на достигнутые упехи, Хуан Даочжоу не получил поддержки ни от минских императоров, ни даже от Чжэн Чжи-луна и в конце 1646 г потерпел жестокий разгром.

В течение восьми месяцев маньчжуры собирали войска и подвозили артиллерию, после чего вторично вторглись в Чжэцзян. Так как флот Чжэн Чжи-луна мешал им форсировать реку, то они, пройдя вверх по течению, переправились в истоках Цзяньтана, подступили к городу Шаосин и взяли его после шестидневной осады. Во всей провинции разгоралась война; пушки маньчжуров громили стены осажденных городов.

Покорив Чжэцзян, объединенное войско маньчжуров и китайских предателей двинулось осенью 1646 г. через горные проходы в провинцию Фуцзянь. Минский князь, провозглашенный здесь императором, бежал, а феодалы и чиновники без сопротивления покорились завоевателям. Чжэн Чжи-лун завязал тайные переговоры с маньчжурскими властями. Маньчжуры заманили его к себе как якобы почетного гостя, вероломно арестовали и отправили в Пекин. Умер он в далекой ссылке

Серьезный отпор встретили завоеватели в Цзянси. Сюда от Янцзы отступили части повстанцев из войск Ли Цзычэна. Соединившись с местным ополчением, они в течение двух месяцев защищали Ганьчжоу Когда маньчжуры взяли этот город, они вырезали до 100 тыс жителей, увели в рабство около 10 тыс. женщин, а город сожгли. Неся огромные потери, преодолевая упорное сопротивление китайского народа, завоеватели проникали все дальше на юг и

вступили в Гуандун. В этой провинции два претендента на минский императорский престол вели междоусобную войну; это облегчило успех маньчжурам

В январе 1647 г. пал Кантон; затем завоеватели вступили в провинцию Гуанси и в апреле подошли к Гуйлиню. Обороной этого города руководил ученый и писатель Цюй Ши-сы — крупный чиновник, в прошлом связанный с группой Дунлинь. В борьбу с маньчжурами он вступил под флагом одного из отпрысков Минского дома, провозглашенного на Юге императором. Цюй Ши-сы, принявший христианство, использовал свои связи с европейцами, чтобы приобрести у них пушки. В результате принятых мер оборона города была настолько укреплена, что маньчжурам пришлось снять осаду Гуйлиня.

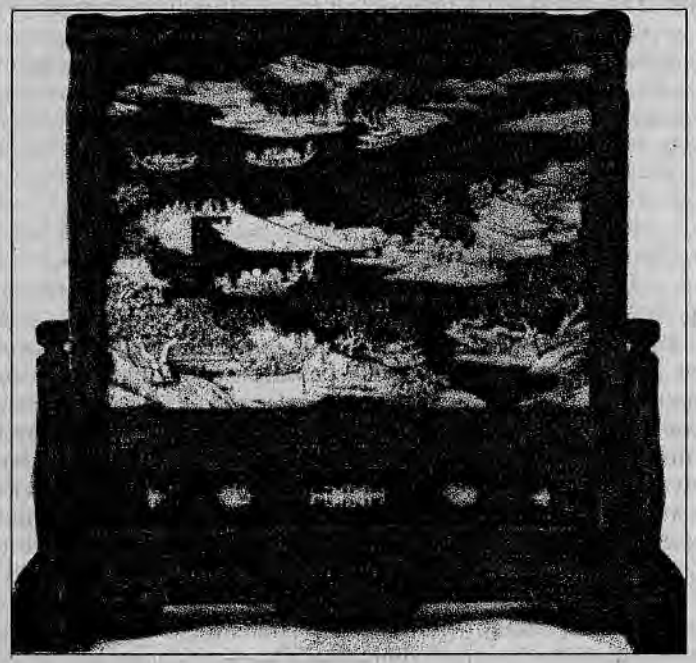
ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ 40-Х — НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ XVII В.

Цинское правительство широко проводило конфискацию земель, которые передавались новым собственникам или объявлялись государственными. Эти конфискации задевали интересы многих китайских феодалов. Одновременно принимались меры к восстанолению налогового аппарата и укреплению всей системы феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников, подорванной в годы крестьянской войны.

Политика цинского правительства вызвала в 1648—1652 гг. на покоренной территории ряд городских и крестьянских восстаний. Участие военных гарнизонов, опытных командиров из расформированных маньчжурами китайских войск, поддержка богатого купечества, а в отдельных случаях — и некоторых китайских феодалов, делали эти восстания весьма опасными для маньчжурского владычества.

В 1648 г. вспыхнуло восстание в Гуандуне, провинциальные власти в Кантоне присоединились к движению и отказались подчиняться цинскому двору. В том же году антиманьчжурское восстание охватило Цзянси. Значительную роль в этом восстании играл Ван Дэ-жен , один из бывших повстанческих вождей и соратников Ли Цзы-чэна Активно действовали здесь также даоские монахи. Восстание распространилось на Чжэцзян, где повстанцы пытались захватить столицу провинции — Ханчжоу. В Фуцзяни вос-

стание, возглавленное бывшим военным, скрывавшимся под видом буддийского монаха, одержало победу на всей территории. Вооруженные корабли китайского торгового флота блокировали юго-восточное побережье. Успехи этих восстаний пробудили новую энергию у китайских вооруженных сил, действовавших в провинциях Гуанси, Хунань, Гуйчжоу и Юньнань. Один из сподвижников Чжан Сянь-чжуна —



Настольный китайский экран. XVIII в.

Ли Дин-го освободил от маньчжуров значительную территорию в Хунани, Гуйчжоу, Цзянси и Гуанси.

В 1651 – 1652 гг. поднялись против маньчжуров провинции Сычуань, Шэньси и Ганьсу, где плечом к плечу сражались китайцы и представители других народностей. Маньчжуры были вытеснены из многих городов этих провинций. Мусульманское население Ганьсу присоединилось к восстанию. Повстанцы взяли Ланьчжоу, уничтожив представителей цинской власти. Шэньсийские повстанцы осадили

город Сиань, где заперся маньчжурский гарнизон. Однако У Сань-гуй, подошедший с крупными силами, заставил их снять блокаду Сианя. Несмотря на это, цинское правительство было вынуждено объявить амнистию участникам этого восстания: вероятно, у него не хватало военной силы, чтобы потушить пламя восстаний, вспыхивавшее в разных местах.

Особенно опасным для маньчжуров оказалось крупное восстание, вспыхнувшее в 1652 г. в провинции Шаньси, по соседству со столичной провинцией, тем более, что восставшие получили обещание поддержки от одного из влиятельных монгольских князей. Маньчжурское войско, посланное в Шаньси из столицы, потерпело поражение. После этого регент Доргунь принял решительные меры. Ему удалось оторвать монголов от союза с повстанцами и затем взять шаньсийцев измором.

Развернувшаяся по всей стране народная борьба против завоевателей побудила многих китайских генералов, ранее сражавшихся на стороне маньчжуров, вновь перейти в антиманьчжурский лагерь. В итоге к 1652 г. семь провинций Китая, главным образом, на юге страны, были, хотя и ненадолго, очищены от маньчжуров. Однако с помощью уступок и посулов цинское правительство снова привлекло часть китайских феодалов на свою сторону. Конфискация имений китайских феодалов была прекращена. Кроме того, Цинам удалось договориться с монгольскими ханами и усилить свои войска монгольской конницей, а у европейцев приобрести пушки и заручиться поддержкой их флота.

После долгой и кровопролитной борьбы маньчжуры еще раз покорили провинции Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянси. Город Наньчан упорно оборонялся, население после его падения было полностью истреблено. Осада Кантона продолжалась восемь месяцев. Маньчжуры вступили в него благодаря измене и вслед за тем устроили в городе страшную резню. Такая же судьба постигла город Гуйинь. Маньчжурским завоевателям помогало то, что очаги сопротивления были отдалены друг от друга и между ними обычно не было связи, вследствие чего восстания поднимались разновременно. К тому же маньчжурам удалось привлечь на свою сторону большинство китайских феодалов, напуганных размахом народного движения. Вооруженной силой и беспощадным террором, с одной стороны, обещаниями уступок — с другой, они подавляли движение в одном

месте, после чего перебрасывали войска в другое. Часть военных операций Цины поручали китайским военачальникам, щедро награждая их за усердную службу.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОКОРЕНИЕ КИТАЯ МАНЬЧЖУРАМИ

В 50-х годах ведущую роль в антиманьчжурской войне стало играть население юго-восточного побережья и островов, возглавленное Чжэн Чэн-гуном, сыном Чжэн Чжилуна. После пленения своего отца Чжэн Чэн-гун ушел в море и стал вербовать на островах добровольцев для борьбы. Часто нападая на побережье, он причинял немалое беспокойство маньчжурам.

В 1652 г., после того как с помощью китайских купцов, живших в юго-восточных провинциях и на островах, Чжэн Чэн-гуну удалось снарядить сильный флот, он перешел к более активным действиям. На материке он получил поддержку со стороны отрядов, еще боровшихся в тылу у маньчжуров. Это дало возможность освободить город Амой и большую часть провинции Фуцзянь.

После занятия острова Чунминдао флот Чжэн Чэн-гуна стал господствовать на Янцзы и у Великого канала. Территории маньчжурской империи угрожала опасность быть разрезанной на две части. Чжэн Чэн-гун попытался осуществить этот смелый план. В 1654 г. 800 кораблей его флота поднялись вверх по течению Янцзы и, высадив десанты конницы и пехоты, блокировали Нанкин. Но штурму помешала угроза маньчжурского военачальника поголовно истребить все китайское население города. Нанеся противнику большой ущерб, китайский флот снова ушел в море. В 1659 г. попытка овладеть Нанкином была повторена. На этот раз маньчжуры могли противопоставить морским силам Чжэн Чэн-гуна свой собственный флот. Чжэн разбил маньчжуров наголову и потопил все их корабли. Однако от намерений взять Нанкин ему и в этот раз пришлось отказаться, так как маньчжуры возвели здесь мощные укрепления.

Главной базой освободительной войны стали побережье и остров Тайвань, где китайцы нанесли жестокое поражение голландцам, захватившим Тайвань еще в 1622 г. В феврале 1662 г. голландский губернатор принужден был подписать

капитуляцию и покинуть остров. Чжэн Чэн-гун перебросил на Тайвань все свои войска, за исключением гарнизонов, оставленных в Амое и Цзиньмине. Здесь борцы за независимость Китая создали свое самостоятельное китайское государство и провели реформы, имевшие целью поднять сельское хозяйство, промыслы и торговлю. На Тайвань прибывали с континента бойцы антиманьчжурского движения. Новое государство угрожало маньчжурскому владычеству в Китае.

Несмотря на войну с голландцами из-за Тайваня, Чжэн Чэн-гун поддерживал с иностранцами торговые отношения. Между портами Тайваня, островами и континентом завязался оживленный торговый обмен. Цины к тому времени стали восстанавливать свою власть на юге страны, но они боялись мятежных провинций и поэтому предпочитали передать их во владение наиболее видным китайским полководцам-предателям — формальным наместникам императора. Так У Сань гуй получил Юньнань и часть Гуйчжоу, покоритель Гуйлиня Шан Кэ-си — Гуандун, Вэн Цзин-чжун — Фуцзянь.

У Сань-гуй приступил к завоеванию пожалованных ему провинций. Его войско вторглось в Гуйчжоу и в Юньнань и долго вело борьбу против бывших соратников Чжан Сяньчжуна и других повстанческих отрядов. Военные успехи Чжэн Чэн-гуна в прибрежных районах страны вызвали новое восстание против маньчжуров на юго-западе.

Последний из минских князей вернулся из Бирмы, куда он ранее бежал, и стал во главе местных войск. Однако повстанцы не смогли устоять против превосходящих сил противника. У Сань-гуй еще раз подавил антиманьчжурское сопротивление в Юньнани, взял в 1662 г. в плен и казнил последнего правителя из династии Мин.

В 1662 г. Чжэн Чэн-гун, властитель Тайваня, внезапно умер и во главе основанного им государства стал его сын Чжэн Цзин. Маньчжуры учитывали опасность, которую для них представляло существование самостоятельного китайского государства на юго-востоке, готовились к решительной борьбе. Цинское правительство приказало уничтожить поселения в приморской полосе между Шаньдуном и Гуандуном, ввести сильные гарнизоны в портовые города и перебросить сюда значительные военные силы. Существенную помощь им оказали голландцы. Объединенный голландский и маньчжурский флот действовал против преемников Чжэн Чэн-гуна. Цинские войска заняли Амой и

другие пункты Но островом Тайвань им удалось завладеть лишь в 1683 г., после более чем 20 лет ожесточенной войны.

Пока шла война на море, разыгрались также крупные события на суше. У Сань-гуй, получив в управление Юньнань и Гуйчжоу, приобрел большое влияние на юге Китая. Когда цинский двор вздумал ограничить власть своих крупнейших вассалов из китайцев, У Сань-гуй, сговорившись с наместниками Гуандуна и Фуцзяни, в 1673 г. выступил против власти Цинов. В то же время антиманьчжурский заговор подготовлялся в самом Пекине. В нем участвовали китайские феодалы, ранее соединившиеся с маньчжурами, в том числе сын У Сань-гуя, состоявший почетным заложником при дворе Цин. В заговор были втянуты и пленные китайцы, обращенные маньчжурами в рабство. Убийство маньчжурского императора и его виднейших вельмож должно было быть осуществлено при помощи эти рабов-китайцев, прислуживавших при дворе.

В то время как У Сань-гуй и другие два князя подняли на юге свои войска против маньчжуров, заговор в Пекине был раскрыт и участники его казнены. Но борьба с маньчжурами в южных провинциях, в Хунани и Сычуани, затянулась надолго. Цины подавили это восстание лишь в 1681 г.

Завоевание Китая маньчжурами, осуществленное в многолетней кровавой борьбе, привело к разрушению производительных сил страны, истреблению населения целых районов, уничтожению многих городов и селений. Китайский народ, ослабленный расправой господствующего класса с участниками крестьянской войны, предательством феодалов, коррупцией и междоусобной борьбой князей Минской династии, не смог дать должного отпора завоевателям.Торгово-ремесленные слои, включая и богатое купечество наиболее крупных восточных приморских городов, хотя и принимали активное участие в сопротивлении маньчжурам, оказались недостаточно объединенными и организованными в национальном масштабе, чтобы возглавить борьбу народных масс с предателями-феодалами и пришлыми завоевателями.

Китайский народ на долгое время остался под властью маньчжурских завоевателей, сыгравших отрицательную роль в истории этой великой страны.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЯ В КОНЦЕ XVII И В XVIII В.

АГРАРНЫЙ СТРОЙ

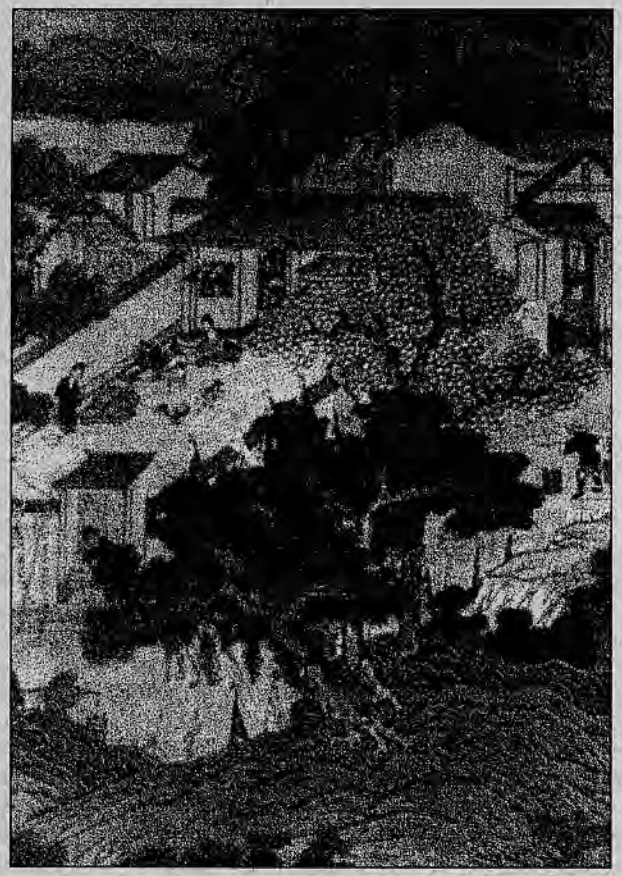
Покорение Китая маньчжурами привело к укреплению феодального строя, расшатанного великой крестьянской войной. Однако торжество реакции в империи Цин не было простой реставрацией старых общественных отношений Восстанавливая прежние порядки, Цины стремились на первых порах примирить имущие слои китайского населения со своим владычеством. Они установили новые ставки налогов, которые были на 30—50% ниже налоговых ставок периода Минской династии. Для поощрения обработки нови и запустевших во время войн земель правительство маньчжуров обещало закрепить эти земли за фактическими владельцами, приступившими к их обработке и признавшими новую маньчжурскую власть

Как и раньше, видное место занимали государственные поместья, владения императорской фамилии. К числу таких владений относилась территория Маньчжурии (Северо-Восточный Китай), ставшая доменом Цинской династии. Этот богатый край, южная часть которого издревле являлась коренной территорией Китая, стал теперь запретным для китайцев: их самовольное переселение туда было строго запрещено.

Лучшие земли были закреплены также за восьмизнаменным войском и гарнизонами, расположенными в различных городах страны. Маньчжурским воинам, а также китайцам, воевавшим на стороне Цинов, вначале нарезали по 250 му и больше, но в дальнейшем каждый воин стал получать участок в 36 му. Земли эти считались наследственными владениями военных поселенцев: их можно было закладывать, но не продавать; их собственником считалось знамя, военная часть

Что касается других категорий государственных земель, то они вообще не подлежали отчуждению. Государственными считались также земли, принадлежавшие храмам и школам, леса и горы, камышовые заросли, пастбища и пр. Часть государственных земель в окраинных районах империи была передана во владение крупным землевладельцам. Земли военных поселений были расположены главным образом вдоль границ и на завоеванных территориях

на Западе; они обрабатывались преимущественно крестьянами-солдатами, являвшимися по существу государственными крепостными.



Дворик. Фрагмент свитка «История одной карьеры». Живопись на шелку. 1669 г.

Значительную долю земельного фонда страны составляла земельная собственность частных лиц. Такие земли принадлежали феодальной знати, феодалам средним и мелким, купцам, ростовщикам и отчасти крестьянам. Ими можно было свободно распоряжаться, продавать и закладывать их. После окончательного утверждения власти Цинской династии

частная феодальная собственность на землю получила как бы негласное признание. Маньчжурские императоры отказались от вмешательства в права собственности, не делали попыток ограничивать куплю и продажу земель или регламентировать их концентрацию в руках крупных феодалов.

Размеры частных владений резко колебались: некоторые насчитывали сотни и тысячи му, другие представляли собой мелкие участки. В источниках упоминаются богачи, владевшие чуть ли не миллионом му пахотной земли.

Во время крестьянской войны XVII в. и антиманьчжурских восстаний большие массивы земли временно переходили в руки непосредственных производителей, что вело к известному подъему сельского хозяйства, продолжавшемуся несколько десятилетий. Однако с утверждением власти Цинов положение крестьян начало быстро ухудшаться. Почувствовав себя хозяевами страны, завоеватели укрепили феодальную земельную собственность, постепенно восстановили старые налоги и повинности. Государство и феодалы, эксплуатируя крестьян, оставляли им столь малую долю произведенного ими продукта, что она едва могла обеспечить простое воспроизводство. После «умиротворения» страны приступили к учету земли и населения, имея целью вновь прикрепить крестьян к земле. Императорские указы требовали приписать к какому-либо владению всех крестьян, которые еще не были прикреплены к налоговому тяглу.

Указом 1650 г. волостным управителям вменялось в обязанность «сажать» на землю людей по месту их учета независимо от того, из какой местности они происходят. В деревне было восстановлено административно-полицейское деление на «десятки», «сотни» и «тысячи» дворов; во главе их стояли старосты и волостные управления. Десять дворов составляли общину, членов которой связывала круговая порука. Прикрепление крестьян к месту их обитания затрудняло развитие наемного труда и возможность отхода на промыслы. Крестьяне были бесправны. Над ними тяготели и феодальное государство с его разветвленным аппаратом управления, и не изжитая полностью родовая организация (власть старшего в роде), и произвол феодала или его управляющих. Особенно тяжелым было положение женщины.

Основные подати, которыми были обложены крестьяне, состояли из подушного и поземельного налогов, а также из так называемых «разных» платежей и повинностей. Подушный и поземельный налоги, позже соединенные вместе,

исчислялись в серебре, но взимались частью деньгами, частью зерном и изделиями домашней промышленности, что давало чиновникам широкую возможность злоупотреблений. Налоговые ставки увеличивались под всевозможными предлогами. Практиковались также различные трудовые повинности.

Помимо прямого обложения, на крестьян ложилась тяжесть косвенных налогов, из которых самым обременительным был соляной. Затем шли налоги на чай, на водку, на различные имущественные сделки, на наследство и пр. Крестьяне, арендовавшие землю у феодалов и фактически закрепощенные, были по преимуществу издольщиками, отдававшими половину, а иногда и более значительную часть урожая собственнику земли. Кроме того, они должны были делать феодалу подарки, помогать ему в его хозяйстве, выполнять его поручения, отдавать своих дочерей в его гарем. Были и такие крестьяне, которые существовали только продажей своей рабочей силы.

Большую роль в деревне играл ростовщический капитал, тесно связанный со всей системой феодальной эксплуатации. Ростовщик был как бы неотъемлемой частью деревенской жизни, его могущество росло одновременно с возрастающей бедностью крестьянина. Присосавшись к крестьянскому хозяйству, ростовщик, как правило тот же феодал и чиновник, держал крестьянина на грани полуголодного существования.

Следствием увеличения феодальной эксплуатации крестьянства было перераспределение земельной собственности и держаний. Маньчжурская знать, крупные чиновники, богатые землевладельцы и ростовщики без всякой помехи со стороны органов власти расширяли свои владения.

История китайского общества при Цинах наполнена жестокой и подчас кровавой борьбой, вызванной захватами земли у крестьян и разорением многих мелких и средних феодалов. Такие землевладельцы, равно как крестьяне и солдаты, наделенные маньчжурскими властями участками во время войны за покорение Китая, к концу XVIII в. почти полностью потеряли свою землю. В одном из докладов императору встречается упоминание о том, что уже к началу 50-х годов XVIII в. к крупным землевладельцам перешло пять или шесть десятых обрабатываемых в стране земель. При этом от перераспределения земельной собственности пострадало не только частное, но и государственное землевладение. Хотя государственные земли не подлежали отчуждению и их продажа считалась незаконной, но это не мешало заключению сделок и на такие земли. В Китае было известны различные виды продажи земли: продажа навечно и на срок, продажа права аренды и др. Земельные владения, приписанные к частям знаменных войск, привлекали особое внимание маньчжурских властей. Владельцы этих земель закладывали и перезакладывали свои участки ростовщикам и в конце концов оказывались не в состоянии их выкупить. Цинские власти не могли допустить, чтобы знаменные земли перешли в частные руки, поэтому они издавали специальные указы об аннулировании закладов и возвращении этих земель знамени.

Крупные феодалы-землевладельцы, как правило приспособившиеся к власти завоевателей, на основе развития товарно-денежных отношений успешно расширяли свое хозяйство. Некоторые из них заставляли крестьян заниматься разведением хлопка и табака, что приносило им добавочные доходы, другие отводили значительные участки под фруктовые сады, огороды и цветники, особенно вблизи городов. Часто крупные землевладельцы занимались еще и ростовщичеством, торговлей, владели и ремесленными мастерскими.

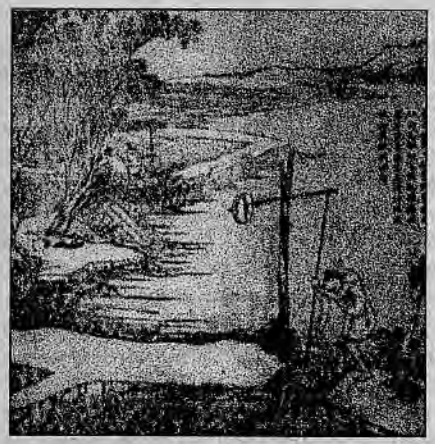
Богатству феодалов противостояла крестьянская нищета. Все большее число крестьян превратилось в издольщиков, временных держателей или совсем теряло землю. Люди работали вместо скота — как тягловая сила, для многих из них не оказывалось даже места на суше, и они принуждены были жить на воде — в джонках и на плотах.

К середине XVIII в. в большинстве провинций цены на продольствие возросли в несколько раз. В деревне свирепствовал голод, города были переполнены нищими. Во второй половине XVIII в. пауперизация крестьянства приняла еще более широкие размеры. От периодических голодовок вымирали миллионы крестьян.

ГОРОДА

Во время маньчжурского нашествия особенно пострадали города: одни превратились в развалины, другие были разграблены и обезлюдели. Правда, они сравнительно быстро возродились, но уже не только как центры ремесла и торговли; они превратились в опорные пункты господства мань-

чжуров. В городах размещались сильные гарнизоны, полиция; здесь жило многочисленное чиновничество. Новая власть позаботилась об усилении фискальных и полицейских функций не только старинных торгово-ремесленных объединений (хан), но и земляческих организаций. Она широко использовала их для учета ремесленного и торгового населения, для обложения налогами и сбора пошлин.



Ирригационная система. Рисунок конца XVII в.

Имея свои уставы, выборных старшин, денежные фонды, свои значки и знамена, празднества и патронов, эти организации были, однако, поставлены под бдительный надзор властей, который проникал во все области городской жизни, сковывал инициативу, ограничивал возможности частного предпринимательства. Жизнь и имущество торгово-ремесленного населения совершенно не были обеспечены от произвола городских властей.

Среди купцов и ростовщиков были крупные богачи; экономически крепкую прослойку составляли хозяева мастерских и мануфактур, главы ремесленных организаций. Но большая часть населения города состояла из бедноты — мелких ремесленников, бродячих торговцев, слуг, рабочих и нищих. Все они были совершенно бесправны. Особую прослойку городского населения составляли наемные квалифицированные рабочие. В описании текстильного производства в городе Сучжоу говорится: «Все мастера имеют специальность. У них есть постоянный хозяин, оплата у них поденная. В особых случаях берут мастеров, не имеющих хозяина, называя их приглашенными.

Во второй половине XVII в. оживились некоторые виды ремесла и мануфактуры, связанные главным образом с внешним рынком. Рассчитывая в своей борьбе против китайского народа на помощь западноевропейских государств, Цины долгое время не препятствовали ин странным купцам торговать в Китае. В конце XVII и особенно в начале XVIII в. в Центральном и Восточном Китае усиленно работали фарфоровые предприятия Цзиндэчженя в Цзянси, Дэхуа в Фуцзяни и Лунцюаня в Чжэцзяне.

Китайские мастера выделывали и разрисовывали фарфор, искусно приспособляясь к вкусам и запросам заморских покупателей. Другой отраслью, оживившейся благодаря вывозу на внешний рынок, было изготовление шелковых тканей. Мелкое товарное производство и мануфактуры, работавшие на внутренний рынок, долгое время находились в состоянии упадка, но понемногу и они начали оживать.

Серьезным тормозом их развития оставались придирчивый надзор властей и различные государственные монополии. Маньчжуры восстановили давние монополии на соль и металлы, отдавая разработку и торговлю этими продуктами на откуп. Первоначально разработка руд была совсем запрещена, но в 70-х годах XVII в. они этот запрет отменили. Чиновники контролировали добычу руды, отбирая около 3/5 в казну. За каждый станок уплачивался налог, держать станки более положенного количества запрещалось. Кроме того, были установлены пошлины на товары, провозимые через таможенные заставы внутри страны и в морских портах, а также специальные налоги на торговые сделки. Даже утвердив свое господство в стране, маньчжуры опасались роста активности горожан. Они с недоверием относились к инициативе купцов и предпринимателей, ограничивали и контролировали внутреннюю торговлю, установили заставы, даже разрушили некоторые гавани. Так, серьезно пострадала искусственная гавань Нанкина, которая раньше могла вместить весь торговый флот Китая.

Опасаясь, чтобы купеческие корабли вновь не стали орудием борьбы китайских патриотов, Цины запретили под страхом смертной казни строить большие многопалубные морские корабли, что явилось одной из причин существенного сокращения торговли Китая с другими странами. Цинский двор пытался ограничить также сухопутные связи Китая с заграницей; китайским купцам было, например, строго запрещено самостоятельно вывозить свои товары в Сибирь. Торговля с иностранцами разрешалась только крупным компаниям, которые состояли под надзором властей. На Севере торговлю с Россией, Монголией, Средней Азией захватили монопольные организации шаньсийских купцов и ростовщиков, получивших на откуп торговлю солью и финансировавших самих Цинов. Другим крупней-

шим объединением были кантонские гунханы (европейцы называли их кохонг), получившие право торговли с Ост-Индскими компаниями европейцев. Чтобы вступить в это общество, нужно было внести пай в 2 тыс. ланов серебром. Виднейшие представители торгового капитала были тесно связаны с государственным аппаратом.

Крупный торгово-ростовщический капитал крепко врос в феодальную систему Цинской империи.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ ЦИН

ЦЕНТРАЛЬНОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Маньчжурские завоеватели с помощью перешедших на их сторону китайских феодалов полностью использовали в своих интересах сложную систему государственного управления, веками создававшуюся в феодальном Китае. Во главе государства стоял неограниченный монарх с наследственной властью — маньчжурский император (богдыхан). Ему был подчинен разветвленный феодально-бюрократический аппарат с Государственным советом, Государственной канцелярией, шестью палатами и другими правительственными учреждениями.

Основные военные силы, на которые опирались цинская государственная власть, состояли из крупных военных соединений, так называемых Восьми знамен, сформированных главным образом из маньчжуров, но включавших в себя и некоторые монгольские и китайские войска. Кроме этого, существовали китайские войска «зеленого знамени», более многочисленные, но хуже вооруженные. Империя была разделена на провинции, объединяемые в 10 наместничеств. Провинции в свою очередь делились на области, округа, уезды, волости. Низшей административной единицей были «10 дворов».

Наместничества и провинции имели свои войска и финансовые ведомства. Наместники, губернаторы и другие значительные должностные лица, назначаемые из Пекина, были временными, но полновластными хозяевами отданной в их управление территории и обогащались за счет

ее населения всяческими законными и незаконными способами.

Провинции были изолированы друг от друга в административном и экономическом отношении, что должно было помешать китайскому народу объединиться для борьбы против угнетателей. Чиновники занимали должности соответственно ученой степени, полученной на экзаменах, но чаще должности просто продавались.

Хотя Цинская империя служила интересам крупнейших феодалов, как маньчжурских, так и китайских, маньчжурская знать занимала в ней привилегированное положение. Высшие должности были доступны преимущественно маньчжурам, китайцы занимали в бюрократическом аппарате менее важные посты Представители других народностей Китая, как правило, совсем не принимались на государственную службу; мусульманам разрешалось служить в войсках, но не в органах гражданского управления.

СОСЛОВНЫЙ СТРОЙ

В начале XVIII в. было составлено Уложение, которое юридически оформило положение различных слоев населения. Крестьяне, согласно Уложению, были совершенно лишены прав; они должны были нести тяжелые повинности, будучи в то же время связанными многочисленными ограничениями и запретами. Даже своим хозяйством крестьянин не мог распоряжаться свободно: он не мог без разрешения феодальной администрации зарезать корову или буйвола, продать мясо или купить соль. На каждом шагу крестьянину угрожали телесные наказания, конфискация имущества, ссылка на принудительные работы, смертная казнь.

В подобном же положения находились ремесленники и городской плебс. Закон регламентировал работу ремесленников, определил их государственные повинности. На положении, близком к рабству, находились актеры, низшие служители государственных учреждений (уборщики, привратники и т. д.), неполноправными оставались также женщины.

На самой низшей ступени социальной лестницы стояли рабы. Многие из них потеряли свободу при покорении Китая маньчжурами; впоследствии часть их получила ос-

вобождение, другие, например военнопленные, из временно порабощенных были превращены в вечных рабов. Но наибольшее распространение в Китае получило долговое рабство крестьян. Маньчжуры, будучи по религии преимущественно шаманистами, использовали конфуцианство в его средневековой, чжусианской форме в качестве государственной идеологии. Вся система образования при Цинах базировалась на конфуцианских сочинениях, в основе правовых взглядов и законов лежали вошедшие в конфуцианство древние патриархальные принципы — подчинение старшим, авторитарный характер власти, почитание старины и традиций. Маньчжурский богдыхан и его чиновники взяли на себя выполнение обрядов и жертвоприношений; было приказано подобрать и заново издать произведения Чжу Си.

По законам Цинской империи среди десяти тяжелейших преступлений, за которые полагалась смертная казнь без права замены другим видом наказания, числилось отцеубийство. Своим требованием полного подчинения младшего старшему, идеализацией древней монархии и возведением в принцип подражания всему прошлому, своей регламентацией всех сторон жизни каждого человека и всего народа в целом конфуцианство сыграло в период господства Цинов чрезвычайно реакционную роль. Оно явилось в Цинской империи важным подспорьем полицейской службы, средством увековечения феодальных порядков и власти маньчжурских угнетателей.

Вместе с тем Цины поставили себе на службу все церковно-религиозные организации, существовавшие в Китае: буддистскую, даоскую, мусульманскую.

Классовое деление населения было закреплено в сословиях. На верхних ступенях феодальной лестницы стояла маньчжурская знать и маньчжурское потомственное дворянство. Крупные китайские феодалы и богатейшие представители купечества хотя и не были вполне уравнены в правах с маньчжурской знатью, но входили фактически в состав господствующего класса. Средние и мелкие феодалы, из среды которых выходило большинство чиновников, лица, выдержавшие экзамены на занятие государственной должности или приобретшие чин и должность за деньги, считались личными дворянами.

Искусственные перегородки были возведены между различными группами общества и даже внутри самого господствующего класса. Условия жизни, поведение, одежда, убранство жилища, прием гостей, выезды — все было строго

регламентировано для различных рангов и чинов. Маньчжурские завоеватели требовали от китайского населения в знак покорности выбривать часть головы и носить косу. Китайские патриоты боролись против этого унизительного требования; особенно упорно сопротивлялись ему крестьяне. Маньчжурские власти приказывали рубить на месте голову всякому, сохранившему волосы; срубленные головы палачи прикрепляли к высокому шесту и водружали его для устрашения народа в центре города или деревни. «Сохранишь волосы — не сохранишь головы, сохранишь голову — не сохранишь волос», — заявляли победители.

Сами маньчжуры составляли обособленную привилегированную группу. Их положение было определено законом. Принимались меры против их ассимиляции, в этих целях были строго запрещены смешанные браки. Пользуясь всеми достижениями многовековой китайской культуры, хищнически обогащаясь за счет китайского народа, построив свое государство в значительной степени по старым китайским образцам, маньчжуры сознательно воздвигали барьер между собой и покоренным народом.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИИ

Маньчжурские завоеватели, ведя многолетнюю войну за овладение всей территорией Китая, сохранили и активно использовали в своих целях различные стороны надстройки китайского феодального общества, в том числе и государственную огранизацию Минской империи. Сохраняя почти без изменений старую государственную машину, маньчжурские правители стремились привлечь на свою сторону китайских феодалов.

Политика, направленная на установление союза с китайским господствующим классом и на раскол антиманьчжурских сил, декларировалась с первых дней вступления маньчжуров на территорию Китая. Как только восьмизнаменная армия вошла в Пекин, регент Доргунь поручил Военному приказу выпустить манифест об отношении цинской власти к чиновникам всех рангов бывшей Минской империи. В манифесте говорилось: «Все окружные, уездные чиновники подчинившихся провинций, перешедшие на нашу сторону, получат повышение в чине, военный и гражданский люд не будет переселен... Все перешедшие на нашу сторону мин-

ские князья не лишаются титулов; все столичные чиновники, а также бежавшие от разбойников и скрывающиеся должны каждый доложить о себе, и они будут зачислены на службу; воинам, желающим вернуться к сельскохозяйственному труду, разрешается сделать это».

Маньчжурские завоеватели с момента своего вторжения в Китай всячески старались представить себя в качестве избавителей китайского государства от бедствий и разорений, принесенных якобы крестьянской войной, и доказать «законность» своих прав на минский престол, т. е. на верховную политическую власть во всем Китае. Во всех указах и обращениях императоров правящей маньчжурской династии к китайскому народу делалось ударение на том, что восьмизнаменная армия вошла в Китай лишь для усмирения «разбойников», отнюдь не намереваясь захватить политическую власть в Китае.

Наряду с такого рода заявлениями маньчжурские правители начали проводить конкретные мероприятия по государственному устройству провозглашенной ими империи Дай Цин — Великих Цинов. Процесс приспособления государственной машины, унаследованной от Минской империи, продолжался довольно длительное время и в основном был завершен лишь в конце XVII в. — начале XIII в. Источник говорит об этом следующее: «В первый год Шуньчжи (1642 г.) с утверждением династии в столице во все приказы, ведомства , областные управления , присутственные места и находящиеся под их контролем ямыни назначили чиновников и распределили обязанности. Была соблюдена связность строения и формы. С течением времени, взвесив задачи и сообразуясь с потерями и пользой, создали подробную систему».

Ко времени вторжения в Китай у маньчжуров помимо военной организации восьми знамен существовал аппарат административной власти, состоявший из трех палат (сань юань), шести приказов (лю бу), Палаты внешних сношений (Лифаньюань) и Палаты цензоров. Структура этого аппарата в общих чертах повторяла структуру центрального государственного аппарата Минской империи, что, безусловно, облегчило маньчжурам приспособление государственного устройства китайской империи для своих целей. Первые шаги маньчжурских завоевателей в этой области заключались в установлении контроля над центральными государственными учреждениями свергнутого минского режима, к которым относились Государственная канцелярия, шесть приказов, Палата цензоров и суд.

В манифесте Военного приказа, выпущенном сразу же после захвата маньчжурской армией Пекина, содержалось распоряжение: «Всем чиновникам Государственной канцелярии, приказов и ведомств, служившим при Минах, решать дела вместе с маньчжурскими чиновниками». Это распоряжение положило начало проводившейся и впоследствии системе параллельного назначения маньчжуров и китайцев на высшие должности во всех центральных государственных учреждениях империи. Эта система отнюдь не приводила к действительному разделу политической власти между маньчжурскими и китайскими феодалами.

Улица китайского города. Гравюра. Конец XVIII в.

Основанная на военной силе, реальная политическая власть Цинской империи прочно находилась в руках представителей правившей маньчжурской династии и маньчжурских феодалов. Высшим государственным учреждением, куда вначале имели доступ китайские феодалы, была Государственная канцелярия. Во главе ее стояли четыре канцлера (дасюэши) «из особо назначенных помогать в управлении, служить примером в делах», два из них были маньчжурами и два китайцами. Одновременно они являлись главами приказов. Число их заместителей колебалось от одного до двух, и на каждое место назначались также поровну маньчжуры и китайцы. Однако функции Государственной канцелярии не выходили за рамки чисто исполнительских. Все наиболее важные военные и политические дела обсуждались императором с членами Совета князей и сановников, называвшегося так-же

Государственным советом. Совет состоял исключительно из представителей маньчжурской знати, китайские феодалы в него не допускались.

В годы правления Юнчжэн (1723—1736) из особо назначенных императором канцлеров, глав приказов, шиланов и других столичных чиновников, маньчжуров и китайцев был создан Военный совет (Цзюнь цзичу). Вначале он представлял собой имевшее временный характер военно-административное учреждение (цзюнь-цзифан), но впоследствии превратился в высшее государственное учреждение, занимавшееся важными военными и государственными делами и составлением императорских указов. С созданием Военного совета роль Государственного совета свелась к минимуму. Частичный допуск китайских высших чиновников в Военный совет означал, что позиции маньчжуров в Китае к этому времени укрепились настолько, что стало возможным предоставление несколько больших прав китайским феодалам.

Однако за все годы существования маньчжурского правления в Китае даже в таком чисто исполнительном органе власти, каким была Государственная канцелярия, не говоря уже о других правительственных учреждениях, положение чиновников-китайцев было ниже занимавших те же должности маньчжуров. Принцип количественного равенства не соблюдался при назначении на высшие сановные должности (не ниже канцлеров и их заместителей). Маньчжурские сановники здесь явно преобладали над китайскими. Аналогичное положение существовало в шести приказах. На должности глав приказов назначались один маньчжур и один китаец, а также по два заместителя главы приказа из маньчжур и один китаец, а также по два заместителя главы приказа из маньчжуров и китайцев поровну. В то же время имевшуюся в каждом приказе должность правителя канцелярии (тан чжуши), в чьи функции входило составление сводок документов и докладов, занимали маньчжуры в количестве от трех до пяти человек и всего лишь один китаец. Это фактическое нарушение принципа равного назначения на должности маньчжуров и китайцев имело глубокий смысл. Оно позволяло маньчжурским властям, сохраняя видимость равного участия маньчжуров и китайцев в государственном управлении, осуществлять непосредственный контроль над всеми текущими делами.

О той настороженности, с которой маньчжурские правители относились к допущенным в высшие государственные учреждения китайцам, говорят неоднократно издававшиеся

распоряжения о запрещении передавать в ведение чиновников-китайцев печати министерств, ведомств и палат. Кратковременные отступления от этого правила с 1660 по 1662 г., в период правления Шунь-чжи, и с 1671 по 1673 г., в правление Канси, сменялись старыми распоряжениями о передаче казенных печатей только в ведение маньчжуров. Для того, чтобы обеспечить маньчжурам преобладающую роль в государственном управлении, цинское правительство проводило ряд мероприятий по ограничению числа и строгому подбору китайских чиновников. Одной из таких мер было установление системы вакансий.

По этой системе для чиновников-маньчжуров, монголов и китайцев устанавливалось определенное количество вакансий на определенные места. Маньчжурам предназначались наиболее важные посты в управлении, они также имели право замещать вакансии китайцев. Китайским же чиновникам оставлялись второстепенные места и строго запрещалось занимать вакансии маньчжурских чиновников. Система вакансий была ярким проявлением политики национального угнетения, проводимой маньчжурскими завоевателями не только по отношению к трудящимся слоям китайского народа, но и по отношению к вступившей с ними в союз определенной части китайских феодалов.

Кроме того, маньчжурскими властями была введена также система «отводов» (хуэйби чжиду), сущность которой состояла в том, что при назначении китайца-чиновника на определенную должность его кандидатуру можно было отвести «по причине родственных связей или по причине происхождения». Начиная с 1657 г. неоднократно издавались распоряжения о запрещении служить в одном учреждении ближайшим родственникам, а именно дедам и внукам, дядьям и племянникам, родным братьям.

Не менее строго на протяжении всего периода господства Цинов соблюдался принцип отвода по происхождению, первое распоряжение о котором было издано маньчжурами в 1656 г. Этот принцип выражался в запрещении китайским чиновникам, назначавшимся в провинции на должности ниже императорских наместников (цунду) и военных губернаторов (сюньфу), служить в той же провинции, уроженцем которой они являлись.

При назначении начальника уезда кандидат на эту должность должен был подать прошение, в котором он «был обязан подробно указать место своего рождения и жительства, а также указать районы соседних провинций, нахо-

12 Зак. 1368

дящихся на расстоянии пятисот ли от того места, где имелась вакансия, заверив это описание печатью столичного чиновника, уроженца той же провинции». В системе отводов, основной целью которой было стремление помешать появлению устойчивых связей между провинциальной китайской администрацией и местным населением, проявлялся страх маньчжурских завоевателей перед лицом китайского народа. Если в центральных государственных учреждениях маньчжуры могли установить свой непосредственный контроль над китайскими сановниками и чиновниками, то в провинциях в силу многих причин, и прежде всего в силу своей малочисленности, они вынуждены были осуществлять «управление китайцев китайцами».

Аппарат управления провинциями был сохранен маньчжурами почти без изменений; исключение составлял лишь введенный ими институт императорских наместников и военных губернаторов, обладавших в провинциях высшей властью. В Минской империи назначение наместников имело эпизодический характер; при маньчжурах эти должности, как и должности военных губернаторов, превратились в постоянные. Назначение наместников и военных губернаторов производилось императором. В каждом отдельном случае, согласно указу 1672 г., следовало прежде «подать запрос, в котором надлежит просить указания [императора] о назначении на данный пост маньчжура, китайца-военного или китайца-штатского».

В годы Канси в течение пятидесяти лет, с 1669 по 1719 г., на должности наместников и военных губернаторов в провинциях Шаньси и Шэньси, расположенных в непосредственой близости от столичной провинции Чжили, как правило, назначали только маньчжуров.

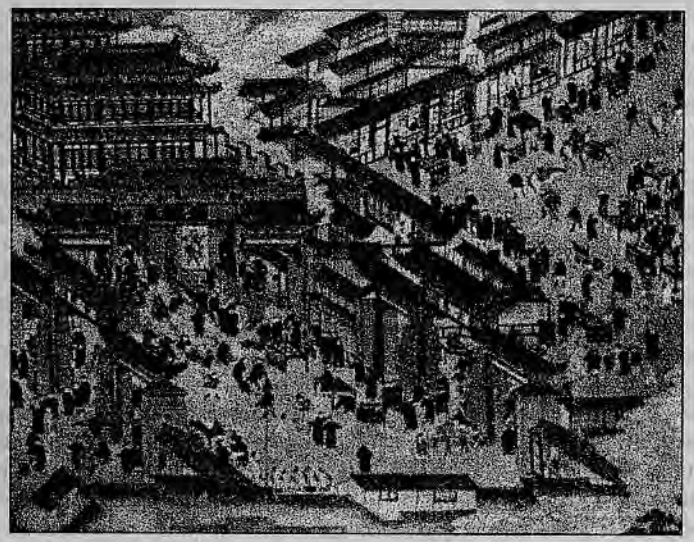
В 1719 г. было разрешено занимать эти посты и китайцам-военным, и лишь с 1732 г. монголам и китайцам-штатским. Стремление маньчжурских правителей всемерно обезопасить свое господство выразилось также во введении в государственных учреждениях системы взаимной ответственности.

Весной 1649 г. (год повсеместных антиманьчжурских выступлений на юге и севере Китая) был принят закон об ответственности высших чиновников на местах за поведение и службу подчиненных им окружных и уездных чиновников. Чиновники центральных государственных учреждений, рекомендовавшие кандидатов на посты наместников и военных губернаторов, по указу 1665 г. подлежали наказанию наравне

с выдвинутыми ими людьми, которые оказались не соответствующими своему назначению. В дополнение к вышеперечисленным мерам по государственному устройству завоеванной ими страны маньчжурские правители создали в Китае систему военного контроля над администранивной властью. Во всех наиболее крупных городах завоеванных маньчжурами провинций начиная с 1644 г. были расквартированы гарнизоны восьмизнаменных войск, в ряде мест усиленные сформированными из благонадежных китайцев войсками «зеленого знамени». Кроме столичной провинции Чжили, где «кроме монгольского гарнизона в Тяньцзине имелись еще только маньчжурские вакансии», провинций Шаньдун и Хэнань, где все вакансии принадлежали маньчжурам, в Нинся, Сычуани, Цзяннани и Хугуане на все высшие должности назначались маньчжуры, а на низшие — монголы. В Шаньси, Шэньси и Чжэцзяне львиная доля вакансий принадлежала маньчжурам, за ними шли монголы, и лишь на самые низшие должности в небольшом числе принимались китайцы из войск «зеленого знамени». Лишь в двух провинциях, Гуандуне и Фучжоу, вакансии на должности в расквартированных гарнизонах принадлежали китайцам, служившим в войсках «зеленого знамени».

Для управления окраинными территориями, вошедшими в состав Цинской империи в результате завоевательных войн, была создана особая система управления, исключившая участие в ней китайцев. Еще до захвата Пекина и провозглашения своей власти в Китае маньчжурские правители «особо учредили Палату по делам зависимых земель (Лифаньюань) для управления всеми монгольскими племенами». Она ведала выдвижением и увольнением чиновников, выдачей наград и наказаниями виновных, аудиенциями при дворе императора и подношением дани, судопроизводством, переводом документов и т. д. С расширением территории империи под управление Лифаньюаня попали районы Синьцзяна, Цинхая, Тибета, Сычуани. Интересно отметить, что в ведении Лифаньюаня находились также сношения с Россией, в то время как сношениями с другими иностранными государствами ведало Управление по приему иностранных гостей Министерства церемоний. По установленным маньчжурскими правителями законам китайцы не допускались к службе в Лифаньюане; все вакансии в этой палате делились между маньчжурами и монголами, причем без установления специального количественного соотношения мест между ними.

Цинские правители наряду со старым государственным аппаратом Минской династии сохранили в основном и законодательство Минской империи, внеся в него лишь некоторые исправления. Пересмотр старых законов был начат маньчжурами во 2-м месяце 2-го года Шуньчжи (март 1645 г.) и завершен в 4-м году Шуньчжи (1647 г.) составлением цинского кодекса.



Фрагмент свитка «История одной карьеры». Живопись на шелку. 1669 г.

Защищая право маньчжурских и китайских феодалов на эксплуатацию крестьян и классифицируя в качестве наиболее тяжких преступлений действия против императорской власти, государственного порядка и феодальной собственности, цинское законодательство имело ярко выраженный феодальный характер. Основные нововведения маньчжуров в области законодательства состояли в закреплении за маньчжурами больших прав по сравнению с китайцами. Лица маньчжурского происхождения не были подсудны обычным судам. Для них учреждались особые суды, в то время как китайцы могли быть судимы и судом, предназначавшимся для маньчжуров. Для преступников-маньчжуров создавались особые тюрьмы, где условия содержания были несколько лучше обычных. Маньчжурам разрешалась замена одного

вида наказания другим, и вообще наказания для маньчжуров устанавливались более легкие, чем для китайцев.

Законодательство, утверждавшее господствующее положение маньчжуров в Цинской империи и незыблемость прав феодальной собственности на землю, было сильным оружием в руках цинского правительства в борьбе за установление своей власти. Морально-этическое учение конфуцианства с его заповедью подчинения младшего старшему, народа — власти многие столетия служило китайским феодалам для духовного подчинения народа, для освящения своей власти и власти императора. Маньчжурские правители, стремясь использовать все средства для подчинения Китая, по достоинству оценили это, пожалуй, не менее сильное, чем принуждение силой оружия, средство воздействия на народные массы. Через несколько дней после провозглашения империи Дай Цин было объявлено о том, что «потомку Конфуция в шестьдесят пятом колене пожаловали титул продолжателя рода великого мудреца», а прежнее звание «боши пяти канонов» жалуется, как и прежде». Это означало, что маньчжурские завоеватели признавали за конфуцианством его прежнее место и значение.

Цинские правители, стремясь предстать в глазах китайского народа законными преемниками Минской династии, особое внимание обращали на соблюдение конфуцианской обрядности. В указе императора по случаю провозглашения империи Дай Цин наряду с сообщениями об отмене налогов и об амнистии имеется сообщение о сохранении старого порядка содержания императорских кладбищ. В указе говорилось о том, что «на всех кладбищах Минской империи приносятся жертвы весной и осенью. По-прежнему специальные люди и подворья охраняют и содержат в порядке кладбища. Разрушенные императорские могилы, а также могилы известных чиновников и мудрецов восстанавливаются. По-прежнему запрещается на кладбищах пасти скот и рубить дрова».

Подобными мерами, направленными на сохранение конфуцианского культа предков, цинские правители стремились укрепить в народе авторитет власти маньчжурского императора. В многочисленных указах первых маньчжурских императоров, содержавших призывы покориться цинским властям, наряду с такими средствами подкупа всех слоев населения, как временная отмена налогов, амнистия политическим преступникам, зачисление на службу чиновников и т. д., обязательно упоминалось о награждении цинским

правительством тех, кто образцово исполнял конфуцианские морально-этические заповеди: «почтительных детей, послушных внуков, добродетельных жен» и др.

Большую роль в установлении власти Цинской династии в Китае и в укреплении феодального строя сыграло восстановление маньчжурами системы налогообложения Минской империи, к которому они приступили сразу же после захвата Пекина. Налоговая политика превратилась в руках маньчжуров в довольно сильное оружие завоевания Китая, которое применялось тем чаще, чем больше неудач терпели маньчжурские войска в борьбе с патриотическими силами китайского народа, сопротивлявшимися иноземному вторжению.

В минском Китае основой налогообложения являлся строгий учет тяглых (дин) и земли. Во время крестьянской войны в районах, где минская императорская власть перестала фактически существовать, налоговые записи были уничтожены и крестьяне в течение некоторого времени не платили налогов. Маньчжурские завоеватели, объявив себя законными правительством Китая, вынуждены были простить недоимки по налогам прошлых лет из-за практической невозможности собрать их. В то же время цинские правители использовали эту вынужденную меру (наряду с частичной и временной отменой налогов) для того, чтобы ослабить крестьянское движение, переросшее в национальную борьбу против чужеземных завоевателей.

Параллельно с этими мерами, носившими временный характер, маньчжурские феодалы с самого начала вторжения в Китай старались обеспечить себе регулярное получение доходов через государственный аппарат Для этого необходимо было в завоеванных районах восстановить списки населения и земельные реестры, без которых невозможен был контроль над взиманием налогов. Поэтому, как только маньчжурские войска вошли в Пекин, был издан указ, в котором приказывалось «высшим гражданским и военным чиновникам составить описи населения, денег, зерна, солдат, лошадей и лично доставить их в столицу». Этот приказ помимо задачи учета трофеев имел более отдаленную цель — учет населения, на основе которого составлялись налоговые списки. В условиях, когда в тылу у маньчжуров постоянно вспыхивали восстания, вести строгий учет населения было немыслимо.

В 3-м году Шуньчжи (1646 г.), когда маньчжурские войска находились на территории к югу от Янцзы, был издан

императорский указ о том, чтоб «всем высшим чиновникам еще более тщательно рассмотреть и соответствующим властям составить полные книги записей налогов и повинностей» В основу первых цинских налоговых реестров была положена минская перепись времен Ваньли (1573—1620). Любопытно, что этот указ, означавший дальнейший шаг в восстановлении феодального гнета, временно ослабленного крестьянской войной, маньчжурские правители объясняли заботой об облегчении бремени, лежавшего на народе. В начале указа говорилось о том, что цинские правители «недавно отменили непосильные и обременительные налоги последних правителей Минской династии, чтобы народ отдохнул Но алчные чиновники ненавидят это как невыгодное для себя дело и уничтожают записи Поэтому добрые намерения двора не осуществляются и вредная политика Мин до конца не исправлена».

Прикрывая свои действия кратковременными и частичными отменами налогов, цинские правители с расширением территории, находившейся под их контролем, постепенно восстанавливали минскую систему налогообложения В годы Шуньчжи была проведена первая при маньчжурах перепись населения и земли, установлен порядок перемеров земли каждые пять-десять лет, принята общая для всего Китая земельная мера.

Для того чтобы установить на местах твердый финансовый и административный контроль, маньчжурские завоеватели сохранили и укрепили систему низших административных единиц «ли» и более мелких «цзя», существовавшую в минском Китае «Ли» представляло собой объединение по территориальному признаку ста или ста десяти хозяйств. Во главе «ли» стоял назначавшийся властями старшина «ли чжан», который ведал делами своего объединения и отвечал перед провинциальными властями за уплату налогов всеми членами «ли» «Ли» делилось на более мелкие объединения — «цзя», по десять дворов в каждом с «цзя чжаном» (старостой десятка) во главе Обычно старшина «ли» происходил из наиболее богатой семьи В состав «ли» не входили вдовы, вдовцы, сироты, т е. те, кто не мог платить налогов Члены «цзя» и «ли» были связаны между собой круговой порукой. «Ли» делились на городские, пригородные и сельские. Эта гибкая благодаря своей разветвленности организация широко использовалась маньчжурами для установления контроля на завоеванных территориях.

В числе первых распоряжений маньчжуров еще до провозглашения первого маньчжурского императора в Китае в 8-м месяце года Шуньчжи (сентябрь 1644 г.) был принят закон о десятидворках. Помимо фискальных целей закон преследовал также цель использования этих мельчайших административных единиц для учреждения строгого полицейского надзора над населением завоеван ых районов.

Русский посол Спафарий, побывавший в 1675 г. в Китае, писал: «Обычай у них (маньчжуров) такой, что всякий жилец должен под смертным заказом пред ворота дому своего повесить таблицу и на той таблице написано число и чин всех людей, которые живут в этом доме. И над всеми десяти домами есть десятник поставлен и именуют его «туфан», той прилежно смотрит то дело и число всегда избирает, и подает воеводам. Сие же наипаче хранится тогда, когда война бывает, потому, что буди есть какой лазутчик или иноземец тот час тем сыщут».

Полностью позаимствовав формы и методы эксплуатации крестьян и ремесленников, существовавшие в Минской империи, а также систему строгого учета и контроля в области налогообложения, нарушенную крестьянской войной, маньчжурские правители в самом начале завоевания Китая объявили о сохранении основных налогов. В указе, выпущенном по случаю провозглашения империи Дай Цин зимой, в 10-м месяце 1-го года Шуньчжи (ноябрь 1644 г.), до сведения народа доводилось, что «налоги с земли деньгами и зерном полностью соответствуют прежним минским исчислениям и записям и с 1-го числа 5-го месяца Шуньчжи (5 июня 1644 г.) взимаются и доставляются в прежнем количестве».

Одним из широко применявшихся способов подкупа китайского народа были частичные и кратковременные отмены налогов. В первом указе маньчжурского императора объявлялось, что цинское правительство полностью отменяет «все дополнительные налоги, введенные последними Мин» Эти мероприятия цинские правители в последующих указах, обращенных к населению еще не завоеванных территорий, постоянно использовали как приманку (в числе других подобного рода мер), для того чтобы склонить население к прекращению сопротивления.

Характерным в этом отношении является указ 1647 г , обращенный к народу Южного Китая, где цинские войска в это время вели безуспешную борьбу за овладение юго-западными приморскими провинциями. В указе говорилось

о том, что в местах, которые перейдут под власть цинского правительства, будет объявлена, как и на Севере, «полная амнистия всем преступникам, пожаловано прощение всех недоимок по тяжелым налогам, будет объявлено о зачислении на службу всех скрывающихся в лесах и горах... людям в возрасте старше семидесяти лет будут раздаваться шелк и рис». Однако отмена недоимок была вызвана не только политическими соображениями цинского правительства, но и простой невозможностью собрать их на территории Северного Китая, где в течение нескольких лет бушевала крестьянская война и крестьяне были освобождены повстанческими армиями от уплаты налогов. Любопытно, что это также нашло свое отражение в источниках. В императорском указе 1644 г. наряду с другими распоряжениями в области налогообложения говорится: «В провинциях под нашим управлением прощаются все налоги до 1-го числа 5-го месяца 1-го года Шуньчжи, собранные деньгами и натурой и захваченные мятежниками». Сознавая, что отмена недоимок и сохранение почти всех налогов Минской империи вряд ли вызовет у крестьян, в течение некоторого времени совсем не плативших налогов, симпатии к новому правительству, цинские правители весной 1644 г. объявили об отмене налогов за текущий год.

В местах, где проходила маньчжурская армия, налоги были снижены наполовину, а в местах, «где маньчжурская армия не проходила, но которые сами перешли на нашу (маньчжурскую) сторону», — на одну треть.

В последующие годы маньчжурское правительство неоднократно проводило частичные и кратковременные отмены налогов, которые каждый раз совпадали с моментами обострения антиманьчжурской борьбы.

В 1649 г. в тылу у маньчжуров вспыхнули многочисленные восстания, охватившие Цзянси, Хунань, Шаньси, где крестьянская армия вернула себе пятьдесят с лишним городов, провинцию Ганьсу и другие районы Положение для маньчжуров создалось настолько серьезное, что они вынуждены были пойти на большую уступку и объявили об отмене во всех подчиненных провинциях недоимок по налогам и налога за текущий год

Однако после того, как маньчжуры сумели подавить ряд восстаний и положение их несколько упрочилось, в следующем, 1650 г., было объявлено о дополнительном обложении «налогами на 2,5 млн. с лишним лян» провинций Чжили, Шаньси, Чжэцзян, Шаньдун, Цзяннань, Хэнань, Ху-

гуан, Цзянси, Шэньси, т. е. районов, которые к этому времени полностью или частично находились под контролем цинского правительства. Частые отмены налогов в последующие годы Шуньчжи вызывались уже не столько политическими соображениями цинского правительства, сколько разрушением производительных сил в сельском хозяйстве Китая. Однако в начале маньчжурского завоевания эта мера имела

Изготовление хлопчатобумажных тканей.
Рисунок 1765 г.

в основном целенаправленный характер и в сочетании с широкими обещаниями цинского правительства сыграла определенную роль в облегчении военных побед маньчжуров.

В своем стремлении предстать перед китайским народом в качестве доброго правительства, пекущегося о делах своих подданных, маньчжурские феодалы часто прибегали к прямой демагогии. Например, в императорском указе 1644 г. сурово осуждалась и запрещалась деятельность тех цензоров-маньчжуров, которые, «доверяя мелким чиновникам приказов (китайцам), под видом выявления и ареста преступников ложно обвиняют и наказывают верное нам население, совершая тем большое зло», лицемерно осуждалась деятельность «сильных домов» и местных богатеев-ростовщиков тухао, которые, предоставляя деньги под высокие проценты, доводят народ до разорения, и давалось обещание, во-первых, о том, что «отныне власти не позволят вымогать уплаты долга под угрозой наказания и, во-вторых, «тех, кто не может заплатить, в скором времени будет разрешено освободить от уплаты». Очень ярко проявилось стремление маньчжурских феодалов крайне незначительными уступками создать видимость больших перемен в вопросе о подушной подати, одной из главных форм эксплуатации трудящегося населения Китая.

В императорском указе 1644 г. наряду с перечислением многочисленных налогов особо отмечалось, что «подушная подать в серебре взимается в прежней норме». Но, чтобы создать видимость каких-то изменений в этом вопросе, далее в указе говорилось о том, что при Минах вследствие постоянного уменьшения количества учитываемого населения «сироты, бедные, старые и слабые тяжело страдали от принуждения платить налоги». Поэтому цинское правительство после «проверки соответствующими ведомствами» обещало освободить стариков, детей, больных и инвалидов от внесения подати и даже снабжать их пищей. Особая забота декларировалась в отношении стариков: «военным и гражданским, достигшим возраста старше семидесяти лет», разрешалось «оставлять одного работоспособного для прокормления, освобождая его от трудовой повинности». «Достигшим возраста свыше восьмидесяти лет должны были выдавать холст, шелк, рис, мясо». Этими и подобными обещаниями цинские правители стремились подкупить широкие народные массы, привлечь их на свою сторону.

Оценивая в целом политику маньчжуров в области государственного устройства китайской империи, можно выделить несколько основных моментов. Прежде всего маньчжурские завоеватели стремились представить себя в качестве законных преемников минской династи, получивших это право в результате борьбы против крестьянского восстания. Такая позиция, использовавшаяся как прикрытие захватнических замыслов, несомненно, находила отклик в среде китайских феодалов. Вынужденное сохранение государственного аппарата Минской империи также использовалось маньчжурскими завоевателями для установления и укрепления союза с господствующим классом китайского общества.

В то же время цинское правительство с первого дня правления в Китае проводило мероприятия, направленные на установление контроля над государственным аппаратом империи и использование его для окончательного утверждения своего господства по всей стране.

ПОЛИТИКА ЦИНОВ В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ

Маньчжурские правители, пытаясь привлечь на свою сторону целое сословие китайских феодалов, пробовали говорить с ним на его языке, выдавая себя за истинных «наследников» и последователей Конфуция. Для укрепления своей власти маньчжуры использовали теоретические положения конфуцианского канона, многие века служившего идеологическим оплотом китайского феодального режима, защищали самые строгие конфуцианские ограничения, регламентировавшие не только образ жизни, но и образ мышления.

Однако конфуцианская теория при маньчжурской династии Цин больше чем когда бы то ни было расходилась с практикой. В теории маньчжурские императоры были конфуцианцами, на практике же они постоянно нарушали конфуцианскую традицию в самых ее основах. Конфуций, как известно, был сторонником монархии, централизованного управления как гарантии стабилизации и мира в стране. Но он был противником абсолютной монархии-деспотии, которую считал олицетворением незаконной силы. Конфуцианский идеал преданного чиновника требовал, чтобы мудрый советник критиковал и увещевал заблуждающегося государя. Маньчжуры же, выдававшие себя за конфуцианских реформаторов «пришедшего в упадок» Китая, уже своими первыми указами (1652 г.) запретили местным чиновникам адресовать письма и доклады центральным властям или устно высказываться по вопросам управления страной, по военным и гражданским делам.

Политика замкнутости и изоляции, проводившаяся цинским правительством, обрекала страну на застой и отсталость. Указом 1757 г. все порты, кроме Гуанчжоу, были объявлены закрытыми для внешней торговли, причем даже в Гуанчжоу иностранцам не разрешалось селиться в пределах городской черты и запрещалось учиться китайскому языку. Известен случай, когда некий Лю Я-бянь был

обезглавлен в 1760 г. за то, что она обучал иностранцев китайскому языку. Китайским купцам запрещалось строить большие корабли, плавать на иностранных судах, общаться с иностранными гражданами, изучать иностранные языки

В этих условиях не могла идти речь о техническом прогрессе, о знакомстве с научными и техническими достижениями Запада. Цинское правительство проводило политику постоянной идеологической обработки китайского народа. Стремясь подавить дух сопротивления, столь сильный в народе, оно создало целую систему контроля над мыслями. Менее стойких китайских ученых и чиновников правительство подкупало, неподкупных репрессировало.

Одним из важнейших средств подготовки преданных трону слуг из числа представителей ученого сословия китайских феодалов была экзаменационная система, совершенно деградировавшая в эпоху Цин. Если при династии Тан, когда была изобретена эта система, от экзаменующихся требовалось знание законов, умение выносить судебные или административные решения, если еще при династии Сун темы экзаменационных сочинений в какой-то мере были связаны с практической деятельностью будущих чиновников, то уже основатель цинской династии приказал использовать в качестве отправного материала для выбора тем экзаменационных сочинений комментарии на книги конфуцианского канона.

В период царствования династии Мин государственные экзамены состояли главным образом из письменных сочинений на тему «О смысле классических канонов». Начиная же с 1757 г. при Цинах на государственных экзаменах сочинения на темы, связанные с вопросами административного управления и экономическими проблемами, окончательно заменяются схоластическими эссе, в основе которых лежат цитаты из классиков, трактуемые в духе неоконфуцианской догмы. К этому времени из космогонической теории Чжу Си и теории познания были выхолощены все элементы диалектики. Комментаторская и критическая часть его учения, программа управления страной, устанавливавшая тот феодальный образ жизни, который преобладал в Китае с эпохи Сун до установления контактов с Западом, была поднята на щит и стала официальной философией централизованного феодального государства, каким стал цинский Китай.

Включение неоконфуцианской теории в качестве краеугольного камня программы государственных экзаменов бес-

спорно этому способствовало. Основным предметом на всех ступенях официальных экзаменов при Цин становится «багу вэньчжан» — «восьмичленное сочинение» на отвлеченную тему из комментариев на конфуцианские каноны, состоящее из восьми разделов со строго регламентированным количеством иероглифов в каждом. Многолетняя подготовка к такого рода схоластическим экзаменам не давала ничего претендентам на замещение должностей в государственном и административном аппарате в смысле практических навыков. Кандидаты на административные посты были оторваны от практической жизни, ее нужд и требований. Даже побывавшие в минском Китае иностранные миссионеры-иезуиты, восторженно отзывавшиеся о китайской экзаменационной системе в целом, не могли не отметить, что изучение конфуцианского канона и тренировка в писании «восьмичленных сочинений» препятствовали в конечном счете развитию технических и естественных наук.

В области естественных наук «открытия окружались тайной; в области медицины, например, многие методы диагностики и рецептура были утеряны из-за окружавшей их тайны». Главной же причиной отсутствия интереса к естественным наукам Лян Ци-чао считает то, что «изобретения при Цин не становились достоянием общественности, не обсуждались в научных обществах, не освещались в печати». Иначе говоря, в основе традиционой системы образования лежала лишь освященная традициями конфуцианская ученость, занятия естественными науками не поощрялись.

Ученая степень, приобретенная в результате успешной сдачи официальных экзаменов, была необходима соискателю для получения чиновничьей или военной должности. Но так как должностей было гораздо меньше, чем претендентов на них, то экзаменационная система порождала ожесточенную борьбу между представителями ученого сословия китайских феодалов, выдержавших экзамены. Претенденты прибегали к взяткам, к протекции, к покупке мест. Цинские императоры сами способствовали коррупции. Без экзаменов они давали ученые степени сыновьям и внукам влиятельных сановников и лицам, жертвовавшим на нужды правительства большие денежные суммы.

Вследствие этого крупные шэньшийские феодальные кланы и богатые помещики и откупщики находились в преимущественном положении перед остальными. Продажа ученых степеней и низших чиновничьих должностей происходила

как при династии Мин, так и особенно при Цин. Указ Канси от 1677 г. разрешал продажу должностей сроком на три года. В 1691 г. была разрешена продажа ученых степеней, посмертных титулов, почетных рангов.Теоретически к экзаменам допускались лица из любых слоев общества (кроме выходцев из семей актеров, проституток, содержателей публичных домов и слуг), но на деле все преимущества оказывались на стороне людей состоятельных, имевших связи и деньги, чтобы давать взятки, или имевших возможность потратить на подготовку к экзаменам чуть ли не десятилетия. Лица, сдавшие экзамены и получившие степени, становились членами сословия шэньши (джентри) и пользовались различными привилегиями (они и члены их семей освобождались от трудовых повинностей, от телесных наказаний, могли не являться в суд на разбирательство тяжбы и т. п.).

Император Канси.
Рисунок начала XVIII в.

Многие шэньши безнаказанно, вопреки указам, уклонялись от уплаты земельного налога. В 1661 г. было установлено, что в пяти областях не уплатили налог 13517 шэньши. Собирая налоги с крестьян, шэньши сдавали правительству зерно худшего качества, а лучшее оставляли себе. Естественно, что все маломальски обеспеченные люди стремились стать членами этой привилегированной ученой прослойки феодального клана. Путь же к этому формально лежал через официальные экзамены. «Экзамены и подготовка к ним занимали всеобщее внимание; студентам только нужно было выучить сухой и подражательный язык, чтобы быть готовыми к борьбе за должности, богатство и славу. Вся страна занималась этим, и люди один за другим пренебрегали своим образованием и способностью рассуждать. Вот почему недостатки неоконфуцианства... были теми же, что у христианства в мрачную пору средневековья. В худшем случае неоконфуцианство

могло совершенно заткнуть глаза, уши, мозг и сердце человека, сделав их бесполезными, свести его независимый и созидательный дух к нулю», — писал Лян Ци-чао.

Другим способом подкупа китайских ученых и отвлечения их внимания от актуальных проблем современности было поощрение цинским правительством увлечения компиляторством, подражанием древности, абстрактными исследованиями В этих целях первые цинские императоры провели ряд мер по упорядочению и собиранию литературного наследия прошлого. Сотни китайских ученых на весьма выгодных условиях были приглашены Канси для составления различных объемных энциклопедий («Тушу цзичэн», «Юньцзянь Лэйхань») и словарей («Канси цзыдянь», «Пэйвэнь юньфу» и др.); по приказу Цяньлуна составлялись дополнения к энциклопедиям предшествующих эпох («Сюй Тунчжи», «Сюй Вэньсянь тункао», «Сюй Тундянь»), новые энциклопедии («Цин Тунчжи», «Цин Вэньсянь тункао», «Цин Тундянь») знаменитое собрание книг Императорской библиотеки («Сыку цюаньшу»).

Мероприятия маньчжурских властей по сбору и упорядочению литературного наследия прошлого сопровождались мерами по истреблению всего, что было признано крамольным. По существу производился пересмотр всего литературного наследия; из творений китайских писателей вычеркивались все места, в которых как-либо проявлялся вольнолюбивый дух или выражались неугодные маньчжурским правителям мысли. Все, что могло говорить о национальном самосознании, взывать к чувству национального достоинства, истреблялось Стремясь вытравить из сознания народа воспоминания о прошлом Китая, маньчжурский двор предавал огню старинные книги подворной переписи, уничтожил все родословные списки, доклады советников двора и многие документы, относившиеся к династиям, предшествовавшим маньчжурской.

Еще при Канси начались преследования китайских писателей. Весьма показательным является дело историка Чжуан Тин-луна. Приобретя книгу «Опыт истории Мин», принадлежащую перу умершего в 1632 г китайского историка Чжу Го-чжэня,Чжуан Тин-лун созвал группу известных ученых, чтобы пересмотреть работу Чжу и продолжить ее повествование до конца правления Мин. В результате был создан труд «Краткая история Мин» На этом основании начальник уезда написал донос на Чжуан Тин-луна, обвинив его в антиманьчжурской пропаганде. Чжуан Тин-лун не признавал законным императорский титул маньчжурских властителей, поэтому называл их в своей работе по именам, а не по девизу их правления, как минских императоров Кроме того, Чжуан Тин-лун осудил действия минских военачальников Кун Ю-дэ и Гэн Цзин-чжуна, капитулировавших перед маньчжурскими войсками.

К концу расследования Чжуан Тин-лун уже умер. Но это не помешало маньчжурскому правительству приговорить к смертной казни не только его и других составителей «Краткой истории Мин», но и членов их семей, издателей, книготоговцев и покупателей. Тело Чжуан Тин-луна было вырыто из земли и разрублено на куски, а кости сожжены. Отец Чжуан Тин-луна умер в тюрьме, младший брат был казнен, имущество семьи конфисковано Всего по этому процессу маньчжурами было казнено около 70 человек

При Канси проходил процесс литератора Дай Мин-ши, также обвиненного в нелояльности к цинскому правительству на том основании, что в собрании его сочинений упоминались названия годов правления минских императоров Дай Мин-ши был четвертован, члены его семьи и друзья, написавшие предисловия к его сочинениям, казнены

При Юнчжэне были запрещены сочинения историка Люй Лю-ляна, отказавшегося служить маньчжурам и оплакивавшего гибель династии Мин Труп его по приказу властей был вырыт из земли и разрублен на части, ученики Люй Лю-ляна и члены его семьи казнены. В 1763 г был казнен ученый Ци Чжоу-хуа, неодобрительно отозвавшийся об уничтожении трудов Люй Лю-ляна и тайно издавший посмертное собрание его сочинений.

Наибольший размах преследования литераторов приобрели в царствование Цянь-луна. Уже первые указы Цяньлуна о собирании для императорской библиотеки копий различных текстов содержали в себе упоминание о книгах, подлежащих полному или частичному уничтожению В указе Цянь-луна от декабря 1767 г. говорилось «Если в присланных книгах содержатся работы минских авторов, которые стояли в оппозиции к нашему дому, надо их отделить и предать огню»

В 1782 г. комиссия под председательством Ин Ляна представила Цянь-луну рапорт, в котором содержались правила для провинциальных чиновников, участвующих в поисках запрещенных книг, и список книг, подлежащих уничтожению По существу это был первый индекс запрещенных книг. Уничтожению (полному или частичному) подлежали работы,

в которых упоминались имена (а не названия девизов правления) цинских императоров, содержались выпады против маньчжурского двора или царствовавших на различных этапах в Китае некитайских династий, считавшихся родственными Цин (Ляо, Цзинь, Юань), затрагивался вопрос о национальной обороне или пограничной политике, упоминались политические группировки конца Мин («Фушэ», «Цзишэ», «Дунлиньская группировка»), упоминались запрещенные авторы (Цзинь-лао, Люй Лю-лян, Ван Си-хоу и многие другие), включались их предисловия, поэмы, письма, послесловия и т. д., высказывались еретические взгляды на конфуцианский канон. Так, поэта Шэнь Дэ-цяня казнили за такую фразу: «Хоть и подделываетесь под красное, но все же вы не настоящий красный цвет; ведь вы другого сорта, как же вы можете называть себя царем цветов». Эти строки были поняты как намек на то, что захватчики заняли Китай, но остались иноземцами и не им править Китаем.

В сочинениях поэта Ху Чжин-цзао император Цянь-лун нашел строку: «Со скромным сердцем берусь судить о пороке и чистоте», где иероглиф «чистота», означавший в то же время и название маньчжурской династии Цин, стоял сразу после слова «порок» (получалось — «порочные Цины»); этого оказалось достаточным, чтобы Ху Чжун-цзао обезглавили, а у его семьи отняли все имущество и земли.

По приказу Цянь-луна был казнен и поэт Сюй Шукуй, так как в одном из его стихотворений обнаружили строки: «Отодвигаю в сторону кувшин с вином, желая снова повидать вас послезавтра» и «Утром завтра расправлю крылья, одним взмахом достигну столицы Цинов», — которые были поняты как мечта о восстановлении династии Мин и свержении Цинов. Доходило до того, что упоминание в стихах о грусти, о слезах каралось ссылкой (так именно поступили с поэтом Ши Чэном и другими). Работа историографа Чэнь Юй-би была запрещена из-за того, что в ней «предвзято» упоминалась «История династии Юань» и говорилось о незаконных действиях чиновников при Мин. Любопытно, что Цянь-лун считал своим долгом выступить в роли охранителя ортодоксальной неоконфуцианской идеологии. В ряде случаев он запрещал книги, в которых содержались нападки на ортодоксию. Так, указом 1741 г.были запрещены работы Се Цзи-ши на том основании, что он издевается над конфуцианскими философами-ортодоксами, братьями Чэн и Чжу Си. «Канси сделал Чжу Си одним из десяти мудрецов и особо выделил его для почитания. Во

всем Китае нет никого, кто бы не рассматривал его как образец для подражания. Однако Се Цзи-ши и его школа держатся иного мнения», — гласил указ Цяньлуна.

Были запрещены двенадцать работ Ли Чжи, как идущие вразрез с официальной идеологией. В раздел буддийских книг собрания сочинений «Сыку цюаньшу» властями было разрешено включить только 13 названий, в раздел даосских — только 44, т. е. менее 2% известных книг буддийского и даосского канонов, занимающих большое место в истории китайской культуры. Маньчжурские правители Канси, Юнчжэн, Цянь-лун издали ряд указов,.запрещающих чиновникам посещать театральные представления, запрещающих публикацию «развратных романов» и обрекающих на уничтожение такие замечательные произведения китайской литературы, как «Речные заводи», «Цзинь, Пин, Мэй», «Западный флигель» и др.

Известный китайский историк Шан Юэ приводит следующие данные: «В 39—47-м годах правления Цянь-луна (1774—1782) сожжение книг происходило 24 раза, в костер были брошены книги 13862 названий, относящихся к 538 разделам литературы». В ряде случаев по указанию маньчжуров проводилась фальсификация текста· в книги вписывались целые абзацы, восхвалявшие маньчжуров, даже в древние произведения привносился дух покорности чужеземным поработителям. Примечательно, что и при издании конфуцианских классиков было вычеркнуто то место из сочинений Конфуция, в котором говорилось, что правитель-тиран не имеет права рассчитывать на верность подданных Всякая прогрессивная мысль, всякая просветительская идея преследовалась цинским правительством, все собрания представителей китайского ученого или чиновного сословий были запрещены, все общества были закрыты. Маньчжурское правительство всячески препятствовало развитию национальной науки и культуры в Китае, всеми способами мешало проникновению в Китай достижений европейской культуры и культуры других стран Азии Отсутствие связей с внешним миром задерживало развитие точных наук и техники в Китае

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Для внешней политики Цинской империи было характерно стремление изолировать Китай от внешнего мира Связи

Китая с Кореей и Вьетнамом базировались на отношениях сюзерена и вассалов; с Японией Китай вел назначительную торговлю. Что касается европейцев, приезжавших в Китай с торговыми, миссионерскими и другими целями, то политика по отношению к ним менялась в зависимости от ослабления или укрепления власти самих Цинов.

Несмотря не препятствия, чинившиеся маньчжурскими властями, русско-китайские отношения в конце XVII и в течение XVIII в. продолжали развиваться. Торговые связи между Россией и Китаем осуществлялись сначала через Среднюю Азию, а затем через Сибирь и Монголию. Когда русские с середины XVII в. начали освоение Забайкалья и Приамурья, цинское правительство отнеслось к этому недоброжелательно. Оно опасалось соперничества России в борьбе за влияние в этом обширном районе и укрепления ее позиций вблизи границ создавшейся Цинской империи. Этим соображением определялась политика Цинской династии по отношению к России на протяжении второй половины XVII и почти всего XVIII столетия. Цинское правительство в 1652 г. потребовало, чтобы русские покинули занятые ими земли на Амуре; в 1658 г. оно направило войска с целью разрушить Албазин — город, основанный здесь русскими. Русское правительство стояло за мирные сношения с Китаем. Такая политика диктовалась отсутствием в этом районе достаточных военных сил и нерешенностью важнейших внешнеполитических задач на западных рубежах Русского государства. Вот почему русское правительство стремилось к укреплению мирных, добрососедских отношений с Китаем и к развитию русско-китайской торговли, которая была выгода для обеих стран.

В начале 70-х годов русские купцы уже вели довольно оживленную торговлю с Китаем. В 1675—1676 гг. русское правительство направило в Пекин большую дружественную миссию во главе с ученым молдаванином Николаем Спафарием (Милеску). Спафарий получил задание установить регулярные дипломатические сношения с Китаем путем обмена посольствами, пригласить на службу в Россию китайских мастеров, узнать о более удобных сухопутных и водных путях на Дальний Восток, добиваться расширения русско-китайских торговых связей. Но Спафарию, как и его предшественнику Федору Байкову (1654 г.), не удалось достигнуть этих целей. Император Канси долго тянул с ответом на русские предложения, требовал ухода русских с Амура, выдачи перебежчиков и, наконец, отослал посольство ни с чем.

После подавления восстания на юге Китая и на Тайване Канси начал осуществление своего плана вытеснения русских с Амура. Построив в Маньчжурии цепь укреплений, богдыхан в 1684 г. направил на Амур маньчжурскую армию, оснащенную артиллерией, с целью разрушить Албазин и изгнать русских из Приамурья. Началась длительная осада Албазина. Маньчжуры, понеся значительные потери, обещали отступить от Амура, если русские в свою очередь оставят Албазин. Немногочисленный гарнизон Албазина вынужден был в конце концов покинуть этот город. Но вскоре Албазин был вновь отстроен и заселен русскими; здесь появился новый русский гарнизон. Канси прибегнул к угрозам, пытаясь запугать албазинцев. Он побуждал и монгольских ханов к активным действиям против русских.

Сосуд для вина в форме иероглифа «Фу» («Счастье»).
Роспись эмалью по глазури. Конец XVII в.

В 1868 г. к Албазину подступила многочисленная маньчжурская конница, располагавшая 40 пушками. Маньчжуры построили высокий вал, отгородив Албазин от внешнего мира, несколько раз штурмовали крепость, но взять ее им не удалось.

В 1687 г. в русский пограничный город Селенгинск, направляясь в Китай, прибыл русский посол Федор Головин, получивший наказ добиться установления нормальных дипломатических и торговых отношений с китайским государством и определить границу между обоими государствами. В это время некоторые монгольские феодалы, подстрекаемые Канси, напали на Селенгинск. Гарнизон Селенгинска выдержал осаду, отбил нападение монголов. Летом 1689 г. на русской территории, в городе Нерчинске, начались переговоры между Россией и Китаем. Послы Канси, стремясь оказать давление на русское посольство, прибыли в Нерчинск в сопровож-

дении многотысячного войска. Они несколько раз прерывали переговоры, устраивали военные демонстрации, пытаясь запугать русских послов и принудить их принять требования маньчжурской стороны, но пойти на разрыв переговоров не решились. 27 августа соглашение было заключено.

Нерчинский договор 1659 г. является первым документом в истории русско-китайских отношений; вместе с тем он был и первым международным договором, заключенным Китаем с европейской державой. Согласно договору левый берег Амура оставался за маньчжурами, Албазин был разрушен, а Аргунский острог перенесен на левый берег Аргуни. Цины со своей стороны обязались содействовать русско-китайской торговле.

В 1726 г. в Пекин прибыло новое русское посольство во главе с Саввой Владиславичем. Этому посольству было поручено договориться о размежевании границы между Россией и Монголией, ставшей частью империи маньчжуров, о перебежчиках, о торговых караванах, о торговле обеих сторон. В 1727 г. был заключен Буринский трактат, а в начале 1728 г. — Кяхтинский договор, разрешившие пограничные вопросы, вопросы о перебежчиках и о торговле. В Нерчинске и Кяхте устанавливались пункты постоянной торговли. В Пекине начала нормально функционировать Российская духовная миссия, выполнявшая отчасти дипломатические функции и функции торгового представительства. Миссия была в то же время важнейшим источником научных знаний о Китае, его языке и культуре. В этом отношении значение миссии было очень велико. Из ее состава вышли первые русские китаеведы: Илларион Россохин — один из первых переводчиков на русских язык китайских текстов, работавший позже в Академии наук в Петербурге, Алексей Леонтьев, известный своими переводами китайских и маньчжурских книг.

В первые десятилетия XVIII в. маньчжурским императорам понадобилась помощь России для борьбы против Джунгарского (иначе Ойратского) ханства, успешно отражавшего все попытки покорить его. Дважды, в 1730 и 1731 гг., из Пекина в Москву и Петербург приезжали специальные посольства с заданием заручиться русской помощью. Но эти посольства не имели успеха, ввиду отказа России поддержать маньчжурские планы завоевания Джунгарии.

Русско-китайская торговля успешно развивалась. В Кяхту из Китая везли чай, крепкие напитки, шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, тростниковый сахар, ревень, фарфор и пр. Из России в Китай ввозили меха, шерстяные ткани,

зеркальное стекло и т. п. В 1744 г. с целью укрепления непосредственных русско-китайских торговых связей был запрещен ввоз в Россию китайских товаров через Западную Европу, а в 1761 г. введен новый таможенный тариф, освободивший от пошлин ввоз в Россию китайского шелка-сырца, хлопчатобумажных изделий, красок, жемчуга, а также вывоз в Китай русского сукна, иголок и других товаров.

В период борьбы с китайским народом маньчжуры нашли среди западноевропейских купцов союзников, которые продавали им пушки и помогали своими кораблями. Поэтому Цины вначале не препятствовали основанию иностранных купеческих поселений на китайской земле, оставили открытыми морские порты и даже ослабили таможенные ограничения.

Из Англии, Голландии и Франции в китайские порты прибывали многочисленные корабли. На китайском побережье иностранцы строили дома и фактории. Часто вопреки запрещению местных властей они разъезжали по приморским городам и скупали для экспорта шелковые ткани, вышивки и другие изделия художественного ремесла, фарфор, золото, ртуть, сахар, пряности, лечебные травы, коренья. Прибыльную торговлю с Китаем монополизировал английская, голландская и французская Ост-Индские компании. В Китай приезжали, помимо купцов, и католические миссионеры.

Маньчжуры, не доверяя китайцам, нуждались в помощи европейцев. Ввиду этого Канси приблизил к себе миссионеров и разрешил им проповедь христианства. Голландцы, англичане, португальцы и французы конкурировали между собою в борьбе за китайский рынок. Особенно активно действовала английская Ост-Индская компания. Ее представители навязывали китайским купцам выгодные для англичан условия торговли. В 1715 г. в Кантоне была создана первая английская фактория.

От англичан стремились не отставать и французы. Во Франции в XVIII в. возникли одна за другой три компании для торговли с Китаем и Индией, слившиеся потом в одну французскую Ост-Индскую компанию, которая вывозила из Китая фарфор и другие изделия китайской промышленности. Французы основали свою факторию в Нинбо.

В 1784 г. из США в Китай пришел первый корабль; впоследствии число американских судов превзошло число торгующих с Китаем кораблей всех стран, вместе взятых, кроме Англии.

Укрепившись, маньчжуры изменили свое отношение к европейцам. В 1716 г. они ввели первые ограничения на въезд

иностранцев в Китай. Сын Канси — император Юнчжэн в 1724 г. приказал закрыть 300 христианских церквей и выслал почти всех миссионеров в португальскую колонию на Макао. В 1757 г. император Цянь-лун запретил иностранную торговлю во всех портах, кроме Кантона. Фактории европейцев были ликвидированы, и въезд в страну иностранцам воспрещен.

Это отсрочило колониальное проникновение европейцев, но оно вместе с тем чрезвычайно затормозило социально-экономическое и культурное развитие, искусственно изолируя Китай от стран, где быстро развивались капиталистические отношения.

ВОЙНЫ ДИНАСТИИИ ЦИН

Западный Китай находился под властью мусульманских и монгольских феодалов. Здесь в 40-х годах XVI в. сложилось обширное монгольское ханство, известное под именем Джунгарского, тесно связанное с Тибетом, другими монгольскими ханствами и народами Средней Азии. Это ханство представляло собой угрозу господству маньчжуров в Восточной Азии.

Цинское правительство стремилось подорвать мощь Джунгарского государства, отрывая от него союзников и сея рознь между его князьями. На китайско-джунгарских границах сооружались крепости с сильными гарнизонами. Давние экономические отношения, связывавшие Китай с народами этого района, были нарушены. Так, Канси запретил вывоз из Китая в Джунгарию чая, железных изделий и других товаров, находивших традиционный сбыт среди населения Джунгарии, чрезвычайно ограничивал вместе с тем ввоз в Китай товаров из Джунгарии. Военные столкновения между джунгарами (ойратами) и маньчжурами начались в 1689 г. Но только в середине XVIII в. Цины приступили к решительному наступлению на Джунгарское ханство.

В 1755 г. один из претендентов на ханский трон в Джунгарии — Амурсана бежал в Китай, где просил помощи для борьбы против соперников. Богдыхан Цянь-лун воспользовался этим и послал на запад войска, которые повел сам Амурсана; в то же время по другому пути в Джунгарию вторглось еще одно цинское войско. Джунгария была покорена, но вскоре в ней началось мощное народное восстание, подавление которого потребовало от маньчжуров огромных усилий. Только в 1758 г. Джунгария была окончательно завоевана маньчжурами, которые истребили почти все ойратское население этого края. После этого Цины приступили к организации в Джунгарии земледельческих военных поселений из китайских солдат, прикрепленных к земле.

В 1759 г. Цины завоевали Кашгарию, которая вместе с Джунгарией впоследствии составила китайскую провинцию Синьцзян. В 1765 г. Цины начали войну в Индо-Китае. Тогда же маньчжурско-китайский отряд вторгся в Бирму, но был оттуда изгнан. В 1769 г. война возобновилась; на этот раз бирманцы были принуждены признать себя вассалами Цинов и обязались раз в десять лет платить дань.

В 1788—1790 гг. цинские войска вторглись на территорию Вьетнама, который также был вынужден признать свою вассальную зависимость от Цинов. Наконец, была закреплена давняя вассальная зависимость Кореи. Таким образом, при первых Цинах границы Китая далеко раздвинулись во всех направлениях.

4. КИТАЙСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ПРОТИВ МАНЬЧЖУРСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Китайский народ не прекращал борьбы против своих новых и старых господ. Организуемая тайными религиозно-сектантскими обществами, она выступала в религиозной оболочке. Тайные секты в сравнительно короткий срок превратились в массовые, вездесущие и неуловимые организации. Они имели свои звенья в деревнях и городах; основную массу их членов составляли крестьяне, городская беднота, ремесленники, рабочие мануфактур. В них участвовали даже бродяги и нищие. Руководство в этих организациях обычно находилось в руках образованных людей из среды купцов, землевладельцев, чиновников и военных, но немалую роль в руководстве играли и крестьяне. Главной целью деятельности тайных религиозных обществ было свержение маньчжурской власти и освобождение страны.

АНТИМАНЬЧЖУРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ

Если вся вторая половина XVII в. была наполнена вооруженным сопротивлением маньчжурам, то с начала XVIII в. антиманьчжурская борьба принимает форму тайной, нелегальной деятельности. В свою очередь этот период столетнего относительно мирного господства маньчжуров подготовил и открыл новую полосу вооруженных выступлений против цинских властей, начавшуюся в 70-х годах XVIII в. После завоевания страны борьба китайского народа против маньчжуров не прекратилась, но основную роль в ней взяли на себя тайные общества. Они стали главным средоточием освободительных тенденций, носителями антиманьчжурских идей и одновременно центром притяжения всех оппозиционных элементов, видевших в этих обществах возможность продолжать борьбу против чужеземной династии.

Антиманьчжурская направленность была общей чертой различных тайных обществ того времени и определяла генеральную линию их деятельности. Горячий патриотизм, стойкое сопротивление господству чужеземных завоевателей были традиционными чертами китайских тайных обществ в средние века. Для них была характерна также связь с выступлениями народных масс, с крестьянскими движениями. Причем антифеодальная направленность, относительно слабо выраженная в «мирные» периоды, заметно усиливалась в моменты обострения классовой борьбы в стране и особенно во время восстаний. Та поддержка, которую находили у трудящихся масс Китая антиманьчжурские лозунги, выдвинутые тайными обществами в конце XVIII в., безусловно определялась в значительной степени тем, что маньчжурские феодалы и чиновники были не только врагами китайского народа, но и классовыми врагами крестьянства.

Среди тайных обществ, развернувших особенно активную деятельность в конце XVIII в., были как «старые», например «Байляньцзяо» («Учение Белого Лотоса»), так и «молодые» — «Гэлаохуй» («Общество старших братьев»), «Саньхэхуй» («Общество Триады») и др. Крупнейшим из них и самым старым было «Байляньцзяо». «Байляньцзяо» насчитывало к концу XVIII в. не одну сотню лет своей истории; его возникновение относится к первым векам нашей эры — началу проникновения буддизма в Китай. Возникнув в качестве чисто религиозной секты буддийского толка, «Байляньцзяо» с XI в. стало приобретать

некоторые черты политической организации. Заметное усиление политической активности «Бяйляньцзяо» наблюдалось в период монгольского владычества в Китае.

Постепенное расширение сферы и масштабов деятельности этого общества, рост числа его сторонников, усиление его влияния в стране в конечном итоге привели к общенародному восстанию, обусловившему падение династии Юань. Не прекращалась деятельность «Байляньцзяо» и при минской династии, приводя время от времени к открытым антиправительственным и антифеодальным выступлениям. Общество имело многочисленные отделения и ответвления.

Чайник. Кантонская росписная эмаль. XVIII в.

Цины, вполне обоснованно боявшиеся тайных обществ, уже в 1646 г. издали указ об их запрещении. Аналогичный указ последовал и в 1656 г. Однако «Байляньцзяо» продолжало существовать.

В 1718 г. в Хунани член этого общества по имени Юань публично объявил себя потомком династии Мин и поднял восстание против Цинов. Активность «Байляньцзяо» еще более усилилась в 50-е годы XVIII в. и не ослабевала до открытого вооруженного восстания в 1796 г. С ростом политической активности общества в его учении большое место заняла вера в наступление на земле счастливой, справедливой жизни, когда над миром станет царствовать Будда Грядущего — милостивый и веселый Майтрейя. Учение о пришествии Майтрейи на землю, о скором неизбежном наступлении счастливых перемен, в совершении которых ему должны были помочь люди, особенно широко проповедовалось в годы, предшествующие восстанию, членами и руководителями «Байляньцзяо» — Лю Суном, Сун Чжи-цином, Лю Чжи-е и др. Поэтому клич «Майтрейя возродился!», брошенный членам общества, по существу играл роль призыва к восстанию. Однако в кон-

кретной обстановке, сложившейся в стране накануне восстания, для того чтобы поднять массы разоренных крестьян на вооруженное антиправительственное выступление, нужны были еще лозунги, в какой-то мере отвечающие их антифеодальным устремлениям. И руководство «Байляньцзяо» выдвинуло лозунг «Чиновники притесняют — народ восстанет!»

С первых же дней восстания среди повстанцев широчайшее распространение получил общий для всех китайских тайных обществ лозунг «Свергнем Цин, восстановим Мин». В условиях экономического и политического господства маньчжуров в стране он, несомненно, отвечал интересам народных масс, особенно первая его часть, поскольку маньчжуры, представители феодалов, были прямыми классовыми врагами крестьянства. Этот лозунг имел также большой патриотический, общенациональный смысл — восстановить независимость Китая.

Подготовка восстания началась еще в 1774 г., первые открытые выступления произошли в феврале 1796 г. Восстание продолжалось в течение девяти лет и охватило провинции Хубэй, Сычуань, Шэньси, Ганьсу, Хунань и Хэнань. Все повстанческие вожди, возглавившие эти первые выступления (Ци Ван, Ван Цин-чжао, Яо Чжи-фу и др.), были членами и руководителями местных организаций «Байляньцзяо». Часть руководителей принадлежала к крестьянству, большинство же были выходцами из среды низшего местного чиновничества, мелких торговцев, представителей сельской образованной прослойки и т. д.

Чрезвычайно ярка и интересна личность Ци Ван — вдовы одного из руководителей «Байляньцзяо». Источники рисуют ее атаманшей разгульной повстанческой вольницы. Ци Ван пользовалась колоссальной популярностью среди восставших; незадолго до своей гибели она даже была избрана главнокомандующим всеми повстанческими армиями. Брат Ци Ван — Ван Цин-чжао служил учителем в уездном училище и был одним из самых страстных и энергичных пропагандистов идей «Байляньцзяо».

Среди руководителей сычуаньских повстанцев видную роль сыграли Сюй Тянь-дэ, происходивший из зажиточной крестьянской семьи, члены которой издавна придерживались учения «Байляньцзяо», и Ван Сань-хуай, бывший деревенский знахарь. Первым очагом народного восстания явилась провинция Хубэй Движение здесь сразу же достигло такого размаха, что местные гарнизоны не в силах были с ним справиться, на территорию Хубэя перебрасывались войска из других провинций. Присоединение к восстанию осенью 1796 г. крестьянства Сычуани имело огромное значение для дальнейшего развития событий, увеличив силы повстанцев, подняв престиж восстания в глазах народа. Обстановка еще больше обострилась, когда в движение влились крестьяне Шэньси, Ганьсу, Хунани и Хэнани.

Несмотря на некоторые отдельные неудачи, вплоть до 1800 г. восстание шло по восходящей линии, с неизменным успехом и явным военным преимуществом на стороне повстанцев. Это объясняется не только чрезвычайной популярностью восстания, но и полной растерянностью в правительственном лагере. Разложение государственного аппарата и прежде всего армии крайне затрудняло Цинам борьбу с повстанцами. Основным качеством большинства маньчжурских полководцев было стремление извлечь максимальную выгоду из каждой военной операции. С этой целью они раздували свои «победы», искажая действительное положение вещей Нередко они выдавали убитых мирных жителей или пленных за «уничтоженных в сражении бунтовщиков».

В конце 1799 г. — начале 1800 г в ходе восстания наступил перелом. Не сумев расправиться с повстанцами при помощи армии, Цины стали применять против них отряды ополчения, возглавляемые местными помещиками, чиновниками и шэньши. Они придерживались тактики «прочной обороны и оставления врагу опустошенной территории», заключавшейся в том, что население окрестных деревень, подозреваемое в симпатиях повстанцам, вместе со скотом, запасами продовольствия и личным имуществом сгонялось в специальные военные укрепления. Восставшие лишались возможности пополнять свои продовольственные и людские ресурсы, оказались оторванными от своей основной базы — широких масс сельского населения. Особенно большое значение правительство придавало проведению так называемой политики умиротворения, цель которой — склонить повстанцев к капитуляции, внести раскол в их ряды и путем подкупа, всевозможных обещаний и провокаций толкнуть на предательство, добиться, чтобы «бунтовщики дрались против бунтовщиков». Часть крестьянства, примкнувшая к восстанию в пору его наивысшего подъема и рассчитывавшая на быструю и легкую победу, поддавалась на обещания, бросала оружие и расходилась по домам. Сыграла свою отрицательную роль и гибель наиболее талантливых, популярных в народе и преданных делу восстания вождей.

Для Цинов разгром восстания был частично облегчен благодаря некоторой консолидации сил внутри правительственного лагеря, которая произошла после смерти старого императора Цяньлуна и последовавшей за ней отставки, а затем казни временщика Хэ Шэня. После разгрома правительственными войсками основных сил повстанцев их отдельные измученные голодом, уставшие отряды продолжали отчаянное сопротивление, укрываясь в горных лесах, расположенных на стыке провинций Сычуань, Шэньси и Хубэй, где местное население оказывало им большую поддержку.

Чтобы обезопасить себя от возможности рецидива восстания, правительство развернуло широкую карательную кампанию, построив на территории Шэньси и Сычуань цепь укреплений и разместив там большое число правительственных войск, которые производили повальное избиение уцелевших еще здесь членов повстанческих отрядов, не щадя и мирных жителей. Однако достигнутое умиротворение было крайне непрочным, поскольку сохранились все основные причины, порождавшие народное недовольство.

Последние отряды повстанцев были разбиты и уничтожены в сентябре 1804 г., а в 1810 г. здесь началось новое восстание под руководством тайного общества «Тяньлицзяо». «Байляньцзяо» жестоко пострадало в результате свирепой расправы с участниками восстания и было вынуждено временно отказаться от форм прямой борьбы.

Однако антиманьчжурская деятельность тайных обществ не прекращалась — вслед за разгромом какого-либо одного общества активизировались его ответвления или же поднималось на борьбу другое общество, в другой части страны.

Вторым после «Байляньцзяо» крупнейшим тайным обществом в Китае было «Саньхэхуй». Возникло оно, по-видимому, во второй половине XVII в. и на первых порах являлось чисто религиозным братством, декларировавшим основную цель: «Подчиняться небу и вершить справедливость». Начало его политической активности относится к 80-м годам XVIII в. Это общество действовало в основном в провинциях Южного и Восточного Китая: Гуандуне, Хунани, Гуанси, Цзянси, Чжэнцзяне и Фуцзяни, а также на о-ве Тайвань. Члены его называли себя «приверженцами Хун», очевидно, намекая, что они считают себя потомками Чжу Юаньчжана — первого минского императора, правившего под девизом Хунъу.

О происхождении «Саньхэхуй» повествует чрезвычайно пространная легенда, насыщенная всевозможными чудесами, волшебными приметами и мистикой; тем не менее она представляет известный интерес по причине своей ярко выраженной антицинской направленности. Вся легенда — это призыв к борьбе с маньчжурами, к свержению чужеземной династии. Она широко распространялась последователями общества среди городского и сельского населения страны. Согласно этой легенде, начало обществу было положено в 1631 г. ученым по имени Ин Хун-шэн, который попытался объединить своих сторонников, чтобы спасти Минскую династию. Однако его усилия остались безрезультатными Спустя примерно десять лет группа монахов Шаолиньского храма в Фуцзяни, последователей Ин Хун-шэна, тайно начала готовить заговор против власти маньчжуров. Узнав об этом, цинский император повелел сжечь их храм. От гибели удалось спастись лишь пяти монахам (называемым впоследствии «пятью старшими предками»). Однажды, рассказывает легенда, они оказались со всех сторон окружены врагами; казалось, все пути к спасению были отрезаны. Внезапно прямо из-под земли вырос волшебный меч с выгравированными на его рукоятке двумя драконами, борющимися за жемчужину, и следующим изречением: «Свергнем Цин, восстановим Мин». Два дракона символизируют китайцев и маньчжуров, а жемчужина — Китай. С помощью этого меча все цинские солдаты были немедленно разогнаны. В другой раз монахи гуляли по берегу реки и увидели, что по воде плывет фарфоровая курильница. Когда они ее выловили, чтобы хорошенько разглядеть, на ней оказалась та же надпись: «Свергнем Цин, восстановим Мин». Во время странствий монахи объединились с пятью торговцами лошадьми, которых стали впоследствии называть «пятью младшими предками».

Эту группу возглавил Чэнь Цзинь-нань, бывший министр, который был смещен императором с должности за то, что имел дерзость подать петицию, критикующую вероломное сожжение Шаолинского монастыря. Чэнь Цзинь-нань обратился с призывом ко всем доблестным и преданным приверженцем «дела Мин» организовать антиманьчжурскую армию. Среди тех, кто откликнулся на его призыв, был и молодой человек по имени Чжу Хун-чжу, объявивший, что он внук последнего минского императора. «Я терпеливо ожидал этого дня, — заявил он, — чтобы отомстить ненавистным маньчжурам за убийство моего отца». На следующий день после этого события произошло сражение армии минских патриотов с маньчжурами, закончившееся поражением пат-

риотов. После этого Чэнь Цзинь-пань собрал тайное собрание своих уцелевших собратьев, чтобы наметить план дальнейшей деятельности. Он советовал сохранять терпение, ибо еще не пришло время свергнуть маньчжуров. Было принято решение рассеяться по стране, чтобы вербовать приверженцев.

Этот легендарный рассказ очень точно передает характер общества «Саньхэхуй».

Наиболее значительным событием в истории политической деятельности общества было восстание 1787—1788 гг. на Тайване, подавление которого стоило Цинам немалого труда. В конце XVIII в. возникло еще одно крупное тайное общество, наиболее активная деятельность которого приходится на вторую половину XIX в. — начало XX в., — «Гэлаохуй». Оно действовало в Центральном и Северном Китае. Целью «Гэлаохуй» было свержение Цинов и создание идеального государства «Дахай», где люди «не будут есть цинскую пищу, не будут жить на цинских землях, не будут цинскими слугами». Идея свержения власти Цинов пронизывала повседневную деятельность различных тайных обществ и отражалась в уставах, клятвах, запретах и т. д. Вот, например, несколько отрывков из ритуальной речи главы общества «Саньхэхуй»: «Мы, разделяя радость и горе, посвятили себя восстановлению Минской династии, которая происходит от Неба и Земли и всего сущего, уничтожению бандитов-варваров (маньчжуров) и ожиданию истинного повеления Неба... Как только ваны и гуны современного режима не будут больше на самом деле ванами и гунами и генералы и премьер-министры не будут больше на самом деле генералами и премьер-министрами, а народ начнет проявлять неповиновение, — это будет знак, данный нам Небом, что Минская династия должна быть восстановлена, а бандиты-варвары — уничтожены... Все те, кто хочет восстановить династию Мин, отомстить за наши обиды, смыть наш позор и установить всеобщий мир, пусть получат титулы ванов и гунов, и их потомство пусть процветает во всех поколениях». Последнее из 36 правил устава общества гласит, что, когда придет время восстать, все братья Хун должны быть едины в своем усилии «разрушить маньчжурское правление, восстановить как можно скорее Минскую империю» и отомстить за сожжение Шаолиньского храма. Если же кто-то из братьев — членов общества проявит колебание и нерешительность, он должен погибнуть «под десятью тысячами мечей». Уставом запрещалось членам

общества прибегать к помощи маньчжурского суда в любом случае, даже выступать в нем свидетелем.

Для членов тайных обществ был характерен крайний аскетизм. Особенно это относится к «Байляньцзяо». Вероучение, которого придерживались члены этого общества, проповедовало не только уравнение имущества, но вообще отказ от богатства как такового. Вот какие соображения высказывали по этому поводу руководители общества: «Нет богатства — богат тот, кто беден, ибо он истинный сын девы седьмого неба». Во время восстания 1796—1804 гг. многие члены «Байляньцзяо», вступая в повстанческую армию, вообще сжигали свои дома вместе со всем имуществом в знак того, что они отказываются от всякой личной жизни и целиком посвящают себя борьбе за общее дело. Одними из главных черт китайских тайных обществ были их высокая степень организованности, сплоченность, взаимопомощь, солидарность. «Если человека заключали в тюрьму за принадлежность к ереси (тайному обществу), то [собратья] спасали его от смерти. Спасенному человеку еще более широкий круг людей собирал средства, чтобы он не жил в бедности». В одной из десяти заповедей «Саньхэхуй» говорится: «Если брат в опасности или арестован властями, все братья должны принять меры к его спасению; тот, кто уклонится от ответственности под любым предлогом, должен быть наказан бамбуковыми палками 108 раз». «Помогать людям в несчастье и защищать людей в опасности» — одна из добродетелей, почитаемых членами этого общества.

Крайне суровая дисциплина, которая была необходима для соблюдения строжайшей конспирации в условиях тайного, нелегального существования обществ (принадлежность к ним по уголовному кодексу Цинской династии каралась смертной казнью), в значительной степени способствовала сплочению членов тайных обществ. Строжайшее соблюдение тайны, тщательная проверка чуть ли не каждого шага члена общества начинались с момента вступления и даже раньше: после того как кто-то изъявлял желание войти в общество, о нем собирались сведения, затем он должен был представить рекомендации одного или двух членов; после этого на общем собрании обсуждался вопрос о его приеме и назначался день, когда должен состояться обряд посвящения. Самый обряд посвящения в члены общества (например, у «Триады») настолько сложен и запутан, что навряд ли простой человек способен был сам разобраться во всех символических, магических и прочих обрядах; вряд ли в состоянии был за-

13 Зак. 1368

помнить длиннейшие стихотворные изречения, которые надо было произносить при посвящении. И тот факт, что руководители общества прекрасно ориентировались в этом религиозно-мистическом тумане, не мог не внушать рядовым членам мысли, что те наделены некоей сверхъестественной силой, высшей властью. Если у общества «Саньхэхуй» обряд этот был чрезвычайно сложен, сопровождался рядом церемоний, заучиванием длиннейших стихотворных текстов, прохождением ряда последовательных ступеней посвящения и т. п., то у «байляньцзяо» все обстояло значительно проще: после прохождения соответствующей проверки и поручительства одного или двух членов общества вступающий должен был только внести определенную сумму денег или продовольствие, после чего он считался равноправным членом «братства». Собрания членов общества происходили в полной тайне, они собирались обычно в отдаленных от жилья местах, на время собрания в окрестностях расставлялся караул. Нередки бывали случаи, когда члены общества уничтожали тех из посторонних лиц, кто вольно или даже невольно становился нежелательным свидетелем их тайных собраний и планов. Атмосфера таинственности, причастности к одному общему, чрезвычайно серьезному и секретному делу укрепляла дух солидарности среди членов того или иного общества, способствовала их фанатической преданности идеям и целям общества.

Бронзовая астролябия. Конец XVII в.

Вопрос о социальном составе тайных обществ чрезвычайно сложен. Значительное распространение влияния того или иного общества, масштабы восстаний, поднимаемых этими обществами, с несомненностью свидетельствуют о связи

тайных обществ с широкими массами народа. Если же говорить о более конкретной «специализации» того или иного общества, то для описываемой эпохи можно провести довольно четкую грань между «сферами влияния» лишь двух основных организаций — «Байляньцзяо» и «Саньхэхуй». Первая — это организация крестьянская, традиционно связанная с трудящейся деревней, с ее антифеодальной борьбой. Изучение деятельности «Байляньцзяо» в описываемый период позволяет установить, что именно китайские крестьяне составляли основную массу членов и приверженцев общества, о чем можно найти прямые указания источников как частного, так и официального характера. Вторая крупнейшая организация аналогичного характера — «Саньхэхуй», напротив, действовала по преимуществу среди горожан, причем некоторые пункты в правилах и заповедях этого общества (например, призыв защищать имущество богатых) позволяют считать, что среди ее членов было немало представителей зажиточных слоев города. Что касается общества «Гэлаохуй», то, зародившись как организация крестьянства, оно в дальнейшем стало чрезвычайно популярным и в городах среди ремесленников и мелких торговцев.

Членами тайных обществ могли быть представители самых различных сословий: национальное неравенство приводило в их ряды и оппозиционные элементы китайских шэньши, чиновничества и других, которые ввиду своей грамотности нередко занимали ведущее, руководящее положение в тайных обществах.

Религиозная окраска китайских тайных обществ XVIII—XIX вв. отчасти объяснялась влиянием традиции: первые тайные секты были сугубо религиозными, и вполне вероятно, что само понятие тайного общества связывалось у китайцев с представлением об исповедывании какого-либо верования. Всякого рода религиозно-мистические обряды, пароли, заклинания, талисманы и прочее давали лицам, возглавлявшим эти общества, возможность еще крепче держать в своих руках руководство.

Несмотря на то, что антицинская борьба в рассматриваемый период была облечена в отсталую средневековую форму, деятельность тайных обществ в конце XVIII в. — XIX в. внесла свой положительный вклад в историю сопротивления китайского народа маньчжурском господству, в дело формирования национального самосознания китайцев.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В XVIII В.

Антиманьчжурские народные восстания продолжали подниматься в Китае в течение всего периода господства Цинской династии. Особенно крупные и длительные восстания происходили во второй половине XVIII в. В них участвовали главным образом племена и народности Юга и Юго-Запада и названные выше тайные общества. Движение племен возникло в связи с правительственными мерами, направленными на усиление эксплуатации коренного населения некитайского происхождения. Так, в 1704 г. по приказанию Канси среди племен мяо, населявших Хунань и Гуйчжоу и ранее управлявшихся своими родовыми и племенными старшинами, было создано два округа с обычным бюрократическим управлением и введена общекитайская система налогообложения. Следом за сборщиками налогов появились ростовщики, земли мяо стали переходить к новым хозяевам.

Мяо подняли в 1735 г. восстание, перебросившееся вскоре в Гуанси. Горные условия, отсутствие дорог и сплоченность мяо благоприятствовали их борьбе. Маньчжурские войска несли жестокие потери. Восстание то угасало, то вспыхивало вновь и продолжалось до начала XIX в. В Сычуани, где также вводились новые порядки, в 1772 г. восстали местные цзиньчуанские племена; они напали на прибывших из центра чиновников и уничтожили их. Против них были брошены войска из Юньнани, Гуйчжоу и Сычуани. Войска восстанавливали «порядок», но, едва они удалялись, восстание вспыхивало с новой силой.

В 1783 г. поднялось мусульманское население в провинции Ганьсу. Это движение также было подавлено с большим трудом. Жестокий режим, установленный для тайваньцев после уничтожения государства Чжэн Чэн-гуна, хищническая эксплуатация естественных богатств и разорение населения вызвали ряд восстаний на Тайване. В 1721 г. 30 тыс. тайваньских крестьян нанесли серьезные удары правительственным войскам и осадили крупнейшие города; их руководитель Чжу И-гуань стал главою нового правительства острова. Цинские чиновники бежали на континент, но вскоре вернулись в сопровождении крупных сил, восстановивших положение.

В 1786 г. тайваньская организация общества Триад подняла новое восстание. Повстанцы на Севере овладели рядом укрепленных городов. Восстание началось также и на юге Тайваня. Только в 1788 г. маньчжурам удалось разъединить силы повстанцев и нанести им решительное поражение.

В последней трети XVIII в. тайные религиозные общества еще более активизировались и перешли к подготовке новых вооруженных выступлений. Первое из них, организованное Белым лотосом, произошло в Шаньдуне в 1774–1775 гг. Повстанцы заняли несколько городов и овладели довольно большой территорией. После подавления восстания уцелевшие члены Белого лотоса не прекращали агитации и собирали силы для возобновления борьбы. В 1786 г. они организовали в Шаньдуне и Хэнани новое восстание, на которое правительство ответило репрессиями, массовыми казнями и ссылками. Однако окончательно разгромить это тайное общество правительству не удалось.

В результате агитации Белого лотоса в феврале 1796 г. в Хубэе восстали крестьяне, к которым примкнула и значительная часть горожан. Восставшие заняли укрепленный город Сянъян. К лету восстание охватило огромную территорию, которая включала, кроме Хубэя, также Хэнань, Шаньси, Сычуань, Ганьсу. В эти провинции были посланы крупные воинские части, но они оказались бессильными справиться с движением. Маньчжурские правители и их китайские приспешники были не на шутку встревожены, тем более что восстание южных племен еще продолжалось.

Повстанцы пытались действовать организованно. В 1797 г. в Сычуани было созвано совещание предводителей больших отрядов. Здесь было создано хорошо организованное, дисциплинированное и руководимое единым командованием войско. Повстанцы захватывали имущество богачей и делили его между бедняками. Большое участие в движении приняли женщины. Маньчжурские солдаты, которые уже давно потеряли свою былую боеспособность, боялись этого войска, воодушевленного борьбой за правое дело. Правительственные части несли крупные потери. Подавить восстание помогли отряды, набранные местными феодалами. Именно они нанесли повстанцам ряд чувствительных ударов, так как не хуже их знали местность, применяли их тактику внезапных нападений, умели обнаруживать и уничтожать их укрытия. Добившись и здесь успеха, правительство было вынуждено тем не менее пообещать амнистию повстанцам, вернувшимся к мирному труду. К 1799–1800 гг. восстание стало ослабевать. Только отдельные отряды повстанцев действовали еще некоторое время.

5. КУЛЬТУРА

Культура при Цинской династии продолжала развиваться как культура феодальная. Развитие архитектуры было связано с обширным строительством, которое проводилось маньчжурскими правителями. Представление об этой архитектуре дают пекинские дворцы, как в пределах бывшего «Запрещенного города», так и загородные, а также знаменитые императорские мавзолеи в Мукдене (ныне Шэньян) — колыбели Цинской династии. Восстанавливались и перестраивались городские стены с монументальными воротами в них. Всюду возводились правительственные здания, строились конфуцианские мавзолеи и даоские храмы. Шло, наконец, обширное строительство и жилых зданий — дворцов маньчжурской и китайской знати, высших сановников, богатых купцов, обычно тесно связанное с разбивкой садов и парков.

При всем размахе строительства архитектура оставалась в основном неизменной, продолжавшей традиции строительного искусства времен Минской империи. Китайские архитекторы в период Цинской династии с чрезвычайной полнотой развили то, что в постройках XV—XVI вв. только начало проступать: грандиозность размеров, обилие декоративности. Изогнутые линии, всевозможные завитки получили преобладание над прямыми линиями и спокойными поверхностями при сохранении, однако, общей геометрической стройности основной схемы постройки. Архитектура Китая XVII—XVIII вв. представляет как бы тип китайского барокко, т. е. стиль, характерный для эпохи позднего феодализма. Устройство и украшение дворцов, правительственных зданий и богатых домов вызвали усиление спроса на изделия прикладного искусства, в связи с чем последнее получило значительное развитие. О замечательном искусстве художественного литья свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени в пекинских дворцах, а также попавшие в музеи Европы и Америки бронзовые фигуры львов, черепах, цапель, драконов, фениксов. Среди подобных предметов особое место занимает находящийся во дворце Ваньшоушань «Бронзовый дворец» — сооружение, воспроизводящее в бронзе постройку дворцового типа.

Характерно для этой эпохи изучение сохранившихся образцов древнего литейного искусства. Это привело даже к выделению особой отрасли литейного искусства: отливке изделий, воспроизводивших образцы чжоуской и ханьской

бронзы. Развитие искусства резьбы по камню, кости, особенно слоновой, было вызвано усилением спроса, но значительную роль здесь сыграло и облегчение доступа к новому материалу, в частности к белой яшме, доставлявшейся из вновь присоединенного Восточного Туркестана. В искусстве резьбы китайские мастера достигли подлинной виртуозности и художественного совершенства. Резьбой украшались различные предметы домашнего обихода — столики, ширмы, курильницы, вазы для цветов, шандалы, кувшины, музыкальные инструменты; из яшмы и кости вырезались фигуры людей, птиц, животных. Столь же большое развитие получили изделия, покрытые лаком. Особую отрасль художественного ремесла составляли вышивки. Больше всего славились вышивки из провинции Хунань. Производство вышивок, как и парчи, поощрялось большим спросом со стороны богатой части населения, а также заграницы.

Наиболее развитый вид приняло производство фарфора. Правительственное предприятие в Цзиндэчжэне (в провинции Цзянси) было технически хорошо оснащено, производство велось на основе далеко зашедшей дифференциации труда. В нем было занято несколько тысяч наемных рабочих, получавших заработную плату гораздо более высокую, чем на других подобных предприятиях. В сущности почти все трудоспособное население городка было связано с этим производством. По описаниям того времени пламя, вырывавшееся из более тысячи печей, было видно издалека, создавая впечатление огромного зарева. Подобные же предприятия, только меньших размеров, существовали и в других местах. Одни из них принадлежали правительству, другие — частным лицам. Спрос на фарфор был огромный, причем не только внутри страны. Китайский фарфор стал вывозиться в соседние страны Азии, особенно туда, где, как например в Индо-Китае, было многочисленное китайское население; во все возрастающем количестве фарфоровые изделия стали проникать и в Европу, где они становились лучшим украшением дворцов. Желая усовершенствовать свое мастерство, китайские мастера не искали новых путей, а возвращались к старым, уже забытым приемам. Об этом свидетельствует появление описаний различных ремесел и производств в древности и в средние века Китайское прикладное искусство как бы мобилизовало весь свой многовековой опыт, с огромным размахом развило его, покорило своей высокой художественностью Запад.

Живопись также продолжала развивать традиции, сложившиеся еще во времена Минской империи. Продолжали культивироваться традиционные жанры: декоративный жанр «цветов и птиц», пейзаж «гор и воды». К ним присоединилось искусство портрета. Маньчжурские правители сохранили «Хуа юань» («Сад живописи») — придворную Академию живописи, однако сами богдыханы не особенно придерживались традиции и охотно привлекали художников из среды европейских миссионеров. Некоторые из них, например, итальянец Джузеппе Кастильоне и австриец Игнатий Зикерпарт, стали придворными живописцами. Они работали в своеобразной манере, сочетавшей приемы живописи европейской и традиционной китайской. Такова, например, картина, изображающая всадника и рядом стоящего человека: фигуры людей и лошадь на ней принадлежат Кастильоне, весь фон — китайскому художнику. Некоторые новые явления наблюдались в пейзаже, в жанре «гор и воды». Сама манера стала более индивидуальной, более свободной, но в ее существе перемены не произошло.

ФИЛОСОФИЯ

Традиционализм китайской культуры XVII—XVIII вв. в области философии выразился в стремлении уложить мысль в привычные схемы, оперировать давно сложившимися понятиями, опираться на старые письменные памятники. Но поскольку интересы маньчжурских властителей Китая и перешедшей к ним на службу значительной части китайских феодалов столкнулись на этой почве со стремлениями и чаяниями китайских ученых, мечтавших о свержении власти чужеземцев и о восстановлении национальной власти, постольку традиционная философия стала отражать две прямо противоположные тенденции: одну, направленную на охрану режима, установившегося при маньчжурах, и другую, стремившуюся к свержению этого режима.

Маньчжурские правители быстро оценили пользу, которую можно было извлечь из конфуцианской философии Сунского времени, особенно из учения Чжу Си (1130—1200), в котором эта философия получила законченное выражение. Учение Чжу Си было использовано маньчжурами в целях укрепления феодального строя. Сунская философия стала официальной доктриной режима. Император Канси опубликовал «Шэн юй» («Священный эдикт») — свод положений, определяющих государственную идеологию; этот эдикт в распространенном виде был повторен от имени императора Цянь-луна. В нем были зафиксированы феодальные начала общественных отношений, политической системы, верховной власти.

Среди оппозиционной части китайского общества образовалось течение, ярко враждебное философии сунской школы. В начале правления Цинской династии Хуан Цзун-си, один из крупнейших мыслителей Китая XVII в., принимавший самое активное участие в борьбе с маньчжурскими завоевателями, даже ездивший в Японию с целью призвать японцев против маньчжуров, подверг критике важнейший тезис сунской политической теории — о неограниченной власти правителя. Хуан Цзун-си говорил, что взаимоотношения правителя и народа не абсолютны, а условны, что «права и обязанности правителя определяются интересами народа».

Другие мыслители боролись с сунской философией, упрекая ее в абстрактности, в отходе от жизненной практики. Тезис о необходимости для всякой философии исходить из жизненной практики и на эту пратику опираться стал основным для многих оппозиционных направлений общественной мысли XVII—XVIII вв. Одним из первых, кто со всей силой этот тезис провозгласил, был упоминавшийся ученый Гу Янь-у. Гу Янь-у призывал черпать знания из двух источников: из действительности и из литературных материалов.

ФИЛОЛОГИЯ

Филология в XVII—XVIII вв. занималась главным образом критикой древних письменных памятников, установлением их подлинности. Однако задачи филологии тогда были отнюдь не чисто научными: критикуя древние памятники, ученые стремились подорвать основы сунской философии, именно на эти памятники и опиравшейся. Так, например, Ян Шо-цзюй (1636—1704), один из создателей этого направления в филологии, утверждал, что «Шу-цзин», древняя «Книга истории», одна из самых важных книг конфуцианского канона, высоко ценимая сунскими мыслителями, возникла не во времена древнего Чжоуского царства, а в IV—III вв. до н. э., т. е. представляет позднейшую подделку под якобы

древний текст. Ху Вэй (1633—1714) в свою очередь объявил, что «И-цзин» («Книга времени»),важнейшая часть конфуцианского канона, основа всей философии природы у сунцев, целиком исходит из даоских источников. В дальнейшем главными представителями филологической науки в Китае были Хуэй Дун (1697—1758) и Дай Чжэнь (1723—1777). Первый отверг подлинность всех древних памятников, кроме тех, которые возникли во время Ханьской империи. На этой почве выросла целая школа, поставившая своей целью изучение источников времен Хань.

Широкое развитие получили такие отрасли научного знания, как палеография, эпиграфика, историческая фонетика. Дай Чжэнь выдвинул утверждение, что для понимания древних памятников необходимы данные истории, исторической географии, хронологии.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Маньчжурские правители, подражая китайским династиям, образовали особый комитет для составления истории предшествовавшей династии Мин. Политической целью такой истории было доказательство исторической неизбежности падения прежней династии и замены ее новой. Оппозиция не смогла примириться с такой трактовкой истории павшей династии, олицетворявшей в глазах китайцев национальную и исторически законную власть. Поэтому появились «частные» истории Минской династии. Маньчжурские власти ответили на деятельность оппозиционных философов, филологов и историков решительными мерами: на них были обрушены репрессии — казни, заключения в тюрьмы, ссылки. Эти репрессии применялись неоднократно в XVII—XVIII вв., в правление императоров Канси, Юнчжэня и Цяньлуна. Неугодные правительству книги изымались, а виновные в их сокрытии подвергались строгим наказаниям. Так, при Цяньлуне, в промежуток между 1774 и 1782 гг., изъятия производились 34 раза. Подлежащие изъятию книги были внесены в «Список запрещенных книг».

С 1772 г. был предпринят сбор всех печатных книг, когда-либо вышедших в Китае. Сбор продолжался 200 лет. Так была образована огромная для тех времен библиотека из 172 626 томов (10 223 названия), размещенная в нескольких книгохранилищах в Пекине и в других городах. Для раз-

бора и обработки собранного материала было привлечено 360 человек. Все книги были разделены на четыре категории, отчего вся библиотека получила название «Сы ку цюаньшу», т. е. «Полное собрание книг четырех хранилищ». Через несколько лет 3457 названий были выпущены в новом издании, а остальные 6766 названий были описаны в подробно аннотированном каталоге. Большую ценность представляют составленные еще в правление Канси толковый словарь «Канси цзыдянь» и сборник цитат выражений «Пэйвэнь юньфу». Однако это мероприятие имело и свою оборотную сторону. По сути дела это была грандиозная операция по изъятию книг, могущих служить опорой для всяких «опасных мыслей», и не менее грандиозная операция по фальсификации текстов. В вышедших новых изданиях были изъяты все нежелательные места, менялись даже названия книг.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Китайская литература XVIII в. развивается в тех же жанрах, что и в предшествующий период. В поэзии и изящной бессюжетной прозе господствуют подражания некогда прославленным образцам. Однако, несмотря на определенный консерватизм мышления, все большую роль в литературе начинает играть авторская индивидуальность, все отчетливее проявляется стремление писателей выразить свой взгляд на мир, свой личный опыт, свои переживания.

Особенно ярко эти новые черты проявились в литературной теории и поэтической практике Юань Мэя, в творчестве великих романистов У Цзин-цзы и Цао Сюэ-циня, в прозе Цзи Юня и Шэнь Фу. Возросшее внимание к авторскому началу в известной мере связано с реакцией крупных писателей на официальные каноны, строго ограничивавшие и форму и содержание литературы.

Начавшиеся еще при императоре Кан-си (1662—1722) гонения на литераторов продолжались с неослабевающей жестокостью. Наступил новый этап «литературной инквизиции», достигший апогея в последней трети XVIII в., когда, вслед за выходом в 1772 г. указа императора Цянь-луна (1736—1795) о поисках подлежащих уничтожению книг, были публично сожжены 13 862 книги, а более 2000 книг были полностью или частично запрещены. К ним, как правило, относились сочинения, в которых содержались не-

почтительные отзывы о маньчжурах, рассказывалось о патриотических выступлениях китайского народа, упоминались запрещенные политические группировки, высказывались «еретические» взгляды на конфуцианский канон. Самой многочисленной была категория книг, запрещенных потому, что в них приводились имена неугодных маньчжурскому двору авторов или назывались их сочинения. Нередко запрещались и произведения повествовательной прозы, но особенно романы и драмы на любовные темы: конфуцианцы считали, что изображать любовное чувство безнравственно.

Маньчжуры поощряли фальсификацию прошлого (особенно событий предшествующей — национальной — династии Мин): в исторические сочинения вписывались целые абзацы, восхвалявшие маньчжуров; в старые, известные произведения вносится дух покорности поработителям.

Маньчжурские правители, чтобы привлечь конфуцианских ученых на службу двору, поручали им составление антологий, энциклопедий, словарей, всевозможных справочников, местных хроник. Самым обширным трудом такого рода был «Генеральный каталог сех книг, распределенных по четырем разделам» («Сыку цюаньшу цзунму», начат в 1773 г., завершен к 1783 г.). Эта работа преследовала двойную цель: сбор книг для императорской библиотеки и жесточайшую цензуру. В библиотеку входило около 36 000 томов, в течение десяти лет переписываемых 15 писцами (было изготовлено семь копий). Цинское правительство целиком опиралось на конфуцианство как средство контроля над управляемыми. Двор проявлял невиданное до тех пор внимание к идеологии. На вооружение была взята неоконфуцианская ортодоксия, причем акцентировались самые консервативные аспекты социальных и политических учений. Уже в эдиктах Юн-чжэна (1723—1735) появился термин «промывание умов и очищение мыслей» («си синь ци лю»). Писателей и ученых, заподозренных в антиманьчжурских настроениях, предавали казни, так что естественно, что интеллигенция обратилась к «чистой науке». Одни из ученых участвовали в составлении энциклопедий и антологий, заказанных двором, другие (не желавшие служить маньчжурам) занимались чисто филологическими исследованиями, отказавшись от всякого общения с властями.

В XVIII в. в Китае широкое распространение получают теоретические взгляды поэта Ван Ши-чжэня (1634—1711). Он трактовал поэзию как мистическую духовную гармонию, как тайну, которая не может быть выражена в словах и не может быть постигнута. Его взгляды развивал поэт и литературный критик Шэнь Дэ-цянь (1673—1769), который основой в поэтическом произведении считал мелодику (гэдяо). По его мнению, поэзия призвана возрождать нравственный кодекс и стиль древних. Поэтические средства должны быть традиционными, заимствованными у классиков, ибо новизна губит поэзию. Сходных взглядов придерживался прозаик Фан Бао (1668—1749), основатель поддерживаемой цинским правительством «Тунчэнской школы». Вместе со своими земляками (уроженцами города Тунчэн в провинции Аньхой) Лю Да-куем (1698—1779) и Яо Наем (1731—1815) он ратовал за древний стиль (гувэнь), за возрождение классической высокой прозы на архаическом языке. Последователь Фан Бао — писатель Яо Ной подходил к литературным произведениям с философских позиций; он выдвинул тезис о гармонической сущности словесности, слиянии в произведении противоположных сил инь и ян — тьмы и света, мягкости и твердости, расслабления и напряжения.

Крупнейший поэт XVIII в. Юань Мэй (1716—1797) резко выступал и против теории Шэнь Дэ-цяня, и против позиции, занимаемой писателями тунчэнской школы. Главным в поэзии он считал спонтанность, искренность чувства, усиливаемые моментами вдохновения, поднимающего стихи на высший эмоциональный уровень. Юань Мэй был противником подражания образцам старой поэзии. Он считал, что ценность поэтического произведения не в том, по каким образцам оно создано, а в степени способности поэта выразить свои настроения, характер и темперамент. Юань Мэй оставил более 4000 стихотворений, среди которых современники особенно ценили его любовную и пейзажную лирику. Поэт много ездил по стране (он ушел в отставку в 32 года, чтобы полностью отдаться поэтическому творчеству), посещал места, славившиеся своей красотой, и писал о своих впечатлениях от этих поездок. Теоретические взгляды Юань Мэя, его стихи, наконец, сама его необычная личность не могли оставить современников равнодушными. История китайской литературы знает не так уж много поэтов, у которых было бы такое множество друзей, учеников и почитателей, как у Юань Мэя, и которого бы так страстно ненавидели ортодоксы. Ненависть эта была вызвана независимостью поэта, его стремлением воспевать любовное чувство, что считалось неприличным с точки зрения конфуцианства, его обвиняли в «распущенности», ссылаясь на то, что у него было

много учениц, чьи стихи он публиковал вместе со своими произведениями. Среди друзей Юань Мэя были такие крупные поэты, как Чжэн Се (1693–1765), Чжао И (1727–1814), Хуан Цзин-жэнь (1749–1793), Чжан Вэнь-тао (1764–1814), поэт и драматург Цзян Ши-цюань (1725–1784). Их объединяло не только преклонение перед Юань Мэем, но и стремление следовать его заветам, выражать в стихах ре-

Карта Восточного полушария.
Составлена одним из миссионеров в Китае в 1674 г.

альные, жизненные переживания, а тем самым — и правдиво показывать жизнь современного им общества. Хотя Чжэн Се и продолжал гражданскую поэзию любимых им танских поэтов Ду Фу (VIII) и Бо Цзюй-и (VIII в.), но в его стихах

отсутствует модный в то время дух подражания классическим образцам. Человек высоких нравственных устоев, презиравший погоню за служебной карьерой и стремление к богатству, он хорошо знал жизнь народа, и его стихи пронизаны сочувствием к крестьянам, которых он считал «главными» в стране (человека,по мнению Чжэн Се, делает благородным его труд, а не происхождение. Ученые думают лишь о карьере и славе, крестьяне же кормят страну).

Чжао И был не только поэтом, но и теоретиком литературы, а также историком. Он оставил много произведений, среди которых — «Рассуждения о поэзии», «Хронология жизни Лу Ю», поэта XII в., исторические работы «Замечания к двадцати двум династийным историям» и др. Считая, что развитие литературы связано с развитием общества, Чжао И ставил современные ему произведения выше древних. Хуан Цзин-жэнь свою короткую жизнь (он умер в тридцать четыре года) прожил в бедности. Его стихи полны грусти, воспоминаний о несбывшейся любви, неудовлетворенности — он одинок, «цель туманна». Особенно лиричны стихи Хуан Цзин-жэня в жанре цы (стихи с нерегулярным метром, часто называемые исследователями «романсами»). В лучших произведениях Хуан Цзин-жэня искренно переданы переживания поэта и его необычайно острое восприятие природы (Хуан был талантливым художником и каллиграфом).

Известным драматургом был друг Юань Мэя — Ян Чао-гуань (1712–1791), автор 32 одноактных пьес, большинство из которых содержало морализующее начало. Однако в целом китайская драматургия XVIII столетия не дала таких шедевров, как в предшествующие века.

Наряду с изящной прозой, чаще всего бессюжетной, на архаичном языке, в Китае существовала и так называемая низкая проза, ведущим жанром которой был роман. Среди произведений XVIII столетия особо выделяется сатирический роман У Цзин-цзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианцев» («Жулинь вайши»; завершен около 1750 г., напечатан в конце 70-х годов XVIII в.).

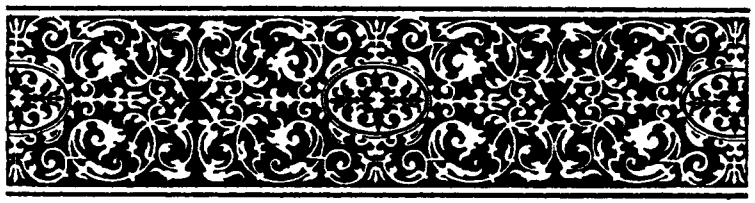
Величайшим произведением китайской прозы является роман Цао Сюэ-циня (1724–1764) «Сон в красном тереме» («Хун лоу мэн»), изданный лишь в 1792 г. и неоднократно запрещавшийся правительством как «первый в ряду развратных книг». Цаю Сюэ-цинь — потомок знатной семьи: его прадед, дед и отец занимали высокий наследственный доходный пост инспектора императорских текстильных мас-

терских. Император Кан-си благоволил к деду будущего писателя и во время своих поездок на юг четыре раза останавливался в его доме. Но после смерти Кан-си семья Цао подверглась опале, имущество ее было конфисковано, и в 50-х годах Цао Сюэ-циню пришлось переехать в горную деревушку поблизости от Пекина, где он жил в бедности и писал свой роман. Он успел написать первые 80 глав, остальные 40 дописаны Гао Э (видимо, по наметкам, которые оставил Цао Сюэ-цинь). Многие исследователи подчеркивают автобиографический характер романа: судьба рода Цзя (в двух дворцах которого протекает действие романа) сходна с судьбой семьи автора «Сна в красном тереме». Писатель прямо говорит, что ему самому пришлось пережить когда-то «период чудесных снов», поэтому он и решил «поведать миру «Историю камня», скрыв подлинные события и факты», просто рассказать о «девушках минувших дней», «излить свою душу».

«Сон в красном тереме» — многоплановое произведение с рядом сюжетных линий и множеством персонажей из разных слоев современного Цао Сюэ-циню общества. В центре романа — жизнь Бао-юя и наиболее тесно связанных с ним людей. Роман Цао Сюэ-циня представляет собой нечто вроде энциклопедии нравов традиционного китайского общества. Автор рисует картину жизни современного ему Китая. Многие страницы «Сна в красном тереме» посвящены описанию роскошных дворцов семьи Цзя, многочисленные члены которой живут за счет крестьян. В 53-й главе романа приводится список продуктов, сданных жителями деревни в качестве арендной платы. По словам старосты, урожай был плохим, и крестьяне голодали, но арендная плата была собрана своевременно и в должном (огромном) размере. Другим источником обогащения семьи Цзя является ростовщичество. Даже знатные дамы дают деньги под большие проценты. Примеры коварства, рассказы о трагической судьбе покончивших с собой женщин семьи Цзя нагляднее, чем любое морализующее рассуждение, показывают, как развращает людей возможность безнаказанно распоряжаться чужими судьбами.

В романе Цао Сюэ-циня более четырехсот действующих лиц, это представители самых разных слоев общества, общественных групп. Но сюжет организуется вокруг нескольких центральных героев. Подобная структура романа, стройная композиция, четкое развитие сюжетной линии отличают «Сон в красном тереме» от раннего китайского романа с

недостаточно прочной связью отдельных эпизодов. Несмотря на во многом символическую основу романа, автор придавал очень большое значение жизненному правдоподобию описываемых событий, стараясь как-то индивидуализировать своих героев, в ряде мест «Сна в красном тереме» содержатся критические высказывания о пресловутых «романах о красавицах и талантливых юношах», в которых «на тысячу песен лишь один мотив», «у сотни героев похожие лица».



ГЛАВА 6

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ К НАЧАЛУ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Австралия была обследована европейцами позже других земель южного полушария. Она получила свое название вследствие мнения географов второй половины XVI в., будто Новая Гвинея и открытая Магелланом Огненная Земля являются северными выступами одного громадного материка — «неведомой Южной Земли» (*«Terra australis incognita»*). Острова и архипелаги Океании стали известны европейцам в результате ряда открытий и сделанных мореплавателями описаний в течение XVI—XVIII столетий.

Океания подразделяется на три географические области, различающиеся вместе с тем в этническом и культурном отношении. Меланезия («Острова Черных») обнимает западные крупные острова материкового происхождения, наиболее значительный из которых — Новая Гвинея (Ириан). Самый южный архипелаг этой группы — Новая Зеландия — по составу населения относится, однако, ко второй области — Полинезии. Как явствует из самого названия (Полинезия — «Многочисленные острова»), эта область состоит из множества архипелагов и островов, раскинутых на громадных пространствах Тихого океана в форме

треугольника. Северную его вершину составляют Гавайские о-ва, восточную — остров Пасхи, южную — Новая Зеландия. Наконец, третью область, расположенную к северу от Меланезии, образуют архипелаги Микронезии («Мелкие острова») — Марианские, Каролинские, Маршалловы и о-ва Гилберта. Европейцы застали в Австралии и Океании различные племена, стоявшие на разных ступенях развития. Большинство из них принадлежало к большой австрало-негроидной расе.

1. НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

ХОЗЯЙСТВО АВСТРАЛИЙЦЕВ

Заселение Австралии шло из Индонезии и Западной Океании. Первые поселенцы проникли на континент Австралии с северо-запада и продвигались на юг вдоль западного, северо-восточного и восточного побережий. Освоение всего материка потребовало многих столетий. Ко времени соприкосновения с европейцами австралийцы находились еще на стадиях позднего палеолита, мезолита и, местами, неолита. Их отсталость отчасти объясняется необходимостью приспособления к новой природной среде, географической изолированностью Австралии, ее удаленностью от древнейших центров мировой культуры.

Австралийцы жили охотой и собирательством. Орудия и оружие они изготовляли из дерева и камня. Ножи и наконечники копий и дротиков обрабатывали ретушью, топоры шлифовали. На охоте (на кенгуру и более мелких животных и птиц) пользовались метательным оружием — копьем, дротиком с копьеметалкой, палицей. Остроумным изобретением австралийцев является бумеранг — деревянная плоская серповидная палица, при полете описывающая сложную кривую и поражающая дичь с неожиданной стороны. Лишь племена полуострова Йорк имели на вооружении лук и стрелы, очевидно заимствованные у соседей — меланезийцев.

Австралийское племя передвигалось по определенной местности, питаясь, в зависимости от сезона, дичью или плодами, зернами, клубнями диких растений. Мужчины охотились, женщины собирали коренья, дикие злаки и плоды, а также мелких

пресмыкающихся и насекомых, пользуясь сучковатой палкой-копалкой и корытцем из бересты; они плели корзины, сети и сумки из растительных волокон. Клубни и зерна растирали на больших плоских камнях. Присваивающее хозяйство австралийцев обеспечивало их лишь минимальными средствами к существованию; их общественный строй развивался поэтому чрезвычайно медленно.

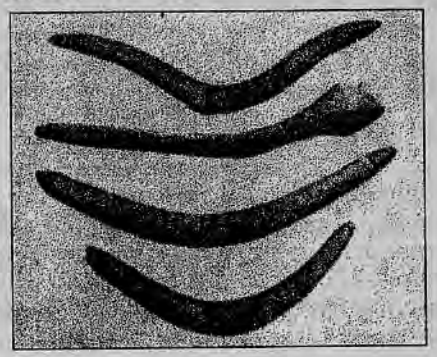
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

К началу европейской колонизации в Австралии жило до 500 племен. Земля, охотничьи и рыболовные угодья, заросли диких растений находились в общей собственности племени. Границы племенных территорий были четко установлены, нарушение их вызывало войну. Собственность на определенные более мелкие участки кормовой территории принадлежала небольшим общинам, которые и были основными производственными коллективами. Члены общины охотились и собирали плоды сообща, добыча делилась между ними в строго установленном порядке. Общину возглавляли старейшины, за ними шли взрослые мужчины — полноправные охотники и воины; женщины и подростки составляли особую категорию. У австралийцев существовали ранние формы родовой организации: у одних племен счет родства велся по материнской, у других — по отцовской линии. Роды были экзогамными и входили во фратрии — экзогамные половины племени. Экзогамия и вытекающий из нее строго установленный порядок брачных связей играли огромную роль во внутренней жизни племени, определяя взаимоотношения между группами и поколениями. Никаких общеплеменных институтов и, тем более, союзов племен у австралийцев не существовало.

Войны между племенами возникали в случае нарушения границ или причинения какого-либо другого ущерба, поводом к войне являлось также обвинение в злокозненном колдовстве. Обычно перед началом войны старейшины вели переговоры, в результате которых число бойцов ограничивалось, иногда — одним-двумя с каждой стороны. Гораздо большее значение имели мирные отношения между племенами: они обменивались продуктами охоты, собирательства, изделиями своего труда и т. п., знакомили друг друга со своими песнями и плясками.

ВЕРОВАНИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Роды австралийцев были тотемическими группами; каждый из них почитал тотем, именем которого он назывался. Слово «тотем» вошло в науку из языка североамериканских индейцев алгонкинов, но тотемизм как форма религии ярче всего представлен в Австралии. Вера в происхождение членов рода и тотемных животных или растений от общих предков, отношение к тотемам как к сородичам и запрет убивать или поедать их — во всех этих религиозных представлениях фантастически отражались кровнородственные отношения первобытной общины. Тотемические обряды, имевшие целью обеспечить размножение тотемных животных или растений (так называемые интичиума), были основаны на вере в нерасторжимую связь человеческого коллектива с мифическими предками — полулюдьми-полуживотными и носили магический характер.



Австралийские бумеранги.

Культовую окраску приобрели и обряды посвящения юношей в разряд полноправных воинов и охотников, включившие испытания мужества и выносливости. Очень важное место в жизни австралийцев занимали общественные развлечения — празднества с плясками и песнями, так называемые корробори. Австралийцы создали богатый фольклор. Кроме тотемических мифов, существовали и предания о происхождении тех или иных обычаев, а также сказки, в которых фигурировали животные, небесные светила в силы природы. Живопись австралийцев, изображавшая главным образом животных и охотничьи сцены, очень выразительна. Своеобразен прием изображения животного с просвечивающими внутренними органами и скелетом. Любовь к орнаментике нашла выражение в раскрашивании тела и надевании масок во время обрядовых церемоний и корробори.

ТАСМАНИЙЦЫ

Население острова Тасмания отличалось от австралийцев своим физическим обликом. Тасманийцы с их курчавыми круто завивающимися волосами и припухлыми губами походили больше на негроидов-меланезийцев, чем на австралийцев. По уровню развития это было одно из самых отсталых племен, известных науке. Тасманийцы имели только грубо отесанные каменные орудия и деревянные копья. Наряду с поисками дикорастущих плодов и кореньев они занимались охотой. В середине XIX в. английские колонизаторы предприняли систематическое истребление этого мирного народа. В 60-х годах XIX в. погибли последние его представители.

2. НАРОДЫ ОКЕАНИИ

ТЕХНИКА И ХОЗЯЙСТВО ЖИТЕЛЕЙ ОКЕАНИИ

Жители островов Океании не знали металлов, пользовались каменными полированными топорами, костяными ножами, кинжалами и шильями, деревянными мотыгами в виде заостренной палки, палицами и копьями, скребками из раковин. У жителей Меланезии, кроме того, существовали лук и стрелы. Жители всех областей Океании занимались земледелием, возделывали корнеплоды — ямс, таро, батат. Не менее важное место в питании занимали плоды кокосовой и саговой пальмы, хлебного дерева, банана. Разводились домашние животные и птицы — собаки, свиньи, куры; все они шли на мясо.

Хорошо развито было рыболовство с помощью сетей и удочек, крупную рыбу били также острогами и стрелами. Океанийцы были превосходными мореплавателями, достигшими значительных успехов в судостроении. Это относится особенно к полинезийцам. их сдвоенные лодки и лодки с поплавками, ходившие под парусами из циновок, способны были выдержать длительные плаванья. Повсеместно было развито плетение из растительного волокна, изготовление циновок, сетей, сумок, поясов и украшений. У меланезийцев развилось гончарство. Благодаря этим общим чертам материальной культуры европейские путешественники долгое время рассматривали жителей разных частей Океании как одну сплошную массу «дикарей». Однако по происхождению и по уровню общественного развития и культуры отдельные группы океанийцев сильно различались.

МЕЛАНЕЗИЙЦЫ

Жители Меланезии — темнокожие, курчавоволосые негроиды, что и послужило для европейцев основанием дать этой области такое название (от греческого «мелас» — черный и «несос» — остров). Меланезийцы составляют океанийскую ветвь австрало-негроидной или экваториальной большой расы, которая образовалась на стыке между Юго-Восточной Азией и Океанией. Областью ее формирования были, вероятно, восточные острова Индонезии и Новая Гвинея. Отсюда океанийские негроиды расселились по другим островам Меланезии и благодаря восточно-австралийскому течению добрались до Тасмании и Южного острова Новой Зеландии. Остатки языков древнейших обитателей Меланезии сохранились в диалектах папуасов — жителей южного побережья Новой Гвинеи и прилежащих архипелагов. Дальнейшее проникновение в Меланезию индонезийцев (малайцев) привело к образованию меланезийских языков, близких к малайскому настолько, что их включают в одну лингвистическую семью — малайско-полинезийскую, или австралийскую.

К началу европейской колонизации у меланезийцев господствовал первобытно-общинный строй; однако начался уже распад родоплеменных отношений. Примитивнее всего был общественный строй жителей Новой Гвинеи и северо-запада Меланезии: наиболее развитыми были общественные отношения на островах Новой Каледонии и Фиджи, где уже складывались союзы племен и зарождалось деление на классы. Основной общественной единицей была повсюду родовая община, чаще всего совпадающая с деревней. В северо-западной Меланезии преобладал род с материнским правом; на южных островах начался переход к отцовскому роду Общинная собственность являлась господствующей, но наряду с ней существовала и личная собственность. Земля принадлежала общине; в общинной собственности находились и большие лодки, служившие для коллективной рыбной ловли, но плодовые деревья считались личной собственностью

посадивших их. В личной собственности находилось и все движимое имущество; его наследовали по материнской линии (от дяди к племяннику — сыну сестры); в южной Меланезии — от отца к сыну. Между общинами существовали постоянные меновые связи: жители деревень глубинной части острова приносили на побережье овощи и плоды, получая взамен рыбу и раковины.

Существовало также и некоторое общественное разделение труда. в местностях с залежами хорошей глины изготовляли преимущественно горшки, в других местах — украшения, материю «тапу»; даже внутри одной деревни выделялись более искусные гончары и мастера по шлифовке каменных топоров. Начавшееся общественное разделение труда вело к обмену - межобщинному и внутриобщинному. Развивались и торгово-обменные связи между архипелагами Меланезии, а также последних с островами Индонезии.

На западном побережье Новой Гвинеи (Ириана) существовали поселения индонезийцев. В течение нескольких веков западный Ириан входил в индонезийское государство Маджапахит.

Укреплению власти выделявшейся родовой верхушки служили так называемые мужские союзы, державшие в своих руках всю деревню. Совершая устрашающие обряды и жестоко расправляясь с противостоящими им, союзы «дук дук» и «ингиет» на архипелаге Бисмарка, «сукве» на Новых Гебридах были первыми зародышами организаций господства и подчинения. На о-вах Новой Зеландии и Фиджи зародились уже классовые отношения; родовая знать захватила в свою собственность землю и держала в зависимости рядовых членов рода. Пленных здесь обращали в рабов. В религии меланезийцев отразилось расслоение общины. Представление о сверхъестественной силе — «мана» связывалось с влиянием в обществе; мана приписывалась вождям и старейшинам и особенно их предкам На могилах старейшин ставились деревянные резные изображения, иногда с черепами покойников, им приносились жертвы. Члены мужских союзов надевали маски, представляя умерших вождей, устрашая соплеменников.

Меланезийцы создали богатое орнаментальное искусство. Резьба по дереву и кости, украшающая орудия и утварь, маски и надгробные изображения поражают красотой и разнообразием Обычно орнамент представляет собой стилизованное изображение птиц, рыб, человеческой фигуры и лица. Пляски, подражающие боевым схваткам или трудовым движениям, были главным содержанием народных празднеств, которые сопровождались выразительной музыкой на барабанах, флейтах и раковинах.

ПОЛИНЕЗИЙЦЫ

В Полинезии существовало общественное разделение труда, выделились группы ремесленников, воинов и жречества; появилась частная собственность. Возникли касты и рабовладение, на некоторых архипелагах классовая дифференциация привела к образованию зачаточных форм государства.

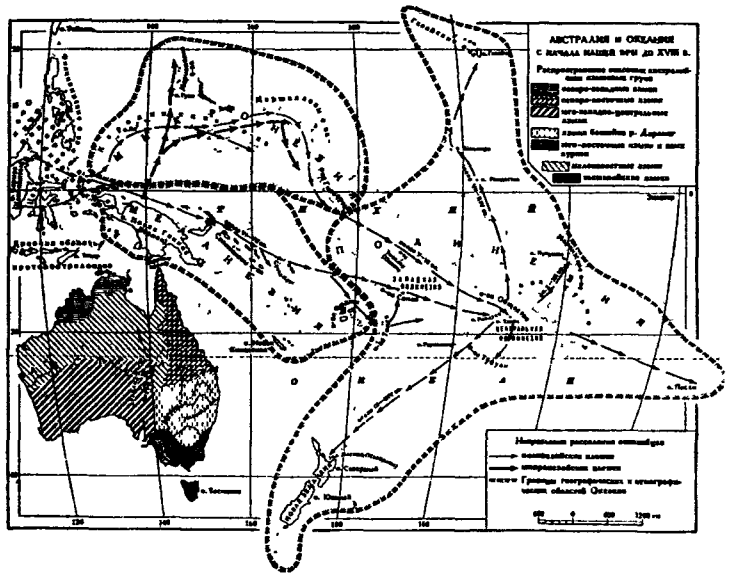
Европейские путешественники XVI—XVII вв. описывали Полинезию как страну, где пользовались дарами природы без затраты труда. Между тем, ее мелкие острова были от природы почти лишены съедобных растений, их фауна ограничивалась немногочисленными видами птиц, рептилиями и насекомыми. Полезные растения, птица и домашние животные (собака, свинья, куры) были завезены сюда за несколько веков до появления европейских путешественников.

Полинезийцы резко отличаются от меланезийцев. Они высокорослы, имеют смуглую кожу с желтоватым оттенком, волнистые волосы; их выделяют в полинезийскую малую расу, промежуточную между австрало-негроидной и монголоидной. По языку полинезийцы составляют одну группу Несмотря на отдаленные расстояния, разделяющие архипелаги, диалекты их населения различаются лишь небольшими фонетическими особенностями. Вся полинезийская группа языков родственна языкам народов Индонезии.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПОЛИНЕЗИИ

Из всех народов Океании и Австралии лишь полинезийцы сохранили память о своем прошлом Данные науки, особенно исследования новозеландского ученого Те-Ранги-Хироа (Питера Бака), дают возможность в известной мере восстановить историю этого народа. У жителей каждой группы островов имеются сказания о своих предках, называются имена, сообщается об их путешествиях Было установлено, что собственные имена в генеалогиях, пе-

редаваемых на разных архипелагах, совпадают между собой и относятся примерно к одному времени. Время исчисляется в этих преданиях поколениями. Самая длинная родословная (на о-ве Раротонга) насчитывает 92 поколения. Тщательное исследование генеалогических преданий полинезийцев, проведенное Те-Ранги-Хиров, неоспоримо доказало, что легенды эти могут служить историческим источником.



Существуют две основные теории происхождения полинезийцев: одна выводит их из Азии, другая — из Америки. В культуре народов Океании и Южной Америки действительно существует много общих элементов. Наиболее яркий пример представляет широкое распространение по всей Полинезии батата, корнеплода несомненно южноамериканского происхождения. Его название в полинезийских языках — кумара — звучит так же, как и в языке кечуа — индейцев Эквадора и Перу (кумар, кумара). Наличие общих элементов культуры неопровержимо свидетельствует о связях между полинезийцами и индейцами. Возможно, полинезийцы — искусные мореплаватели — достигали берегов Южной Америки и привезли оттуда на родину батат. Доказательств

американского происхождения полинезийцев нет. В то же время лингвистические данные, а также предания полинезийцев ведут их происхождение из Азии. Те-Ранги-Хироа считает, что предки полинезийцев происходили из Азии. Однако он полагает, что устная традиция не могла сохранить память об этом событии на протяжении более двух тысяч лет. Достоверную историю полинезийцев Те-Ранги-Хироа начинает со времени их переселения в Индонезию, на островах которой они стали народом мореходов. Близкие связи полинезийских языков с малайским говорят о длительном пребывании протополинезийцев в Индонезии.Проникновение их на острова Индонезии продолжалось, вероятно, тысячелетиями. Когда в первые века нашей эры натиск китайских переселенцев усилился, предки полинезийцев вынуждены были отправиться на поиски новых островов. Так начались великие морские походы, которые совершались многократно и растянулись на многие столетия, пока не были заселены все сколько-нибудь значительные архипелаги и острова вплоть до о-ва Пасхи на крайнем востоке. Эти плавания не были случайными: они подготовлялись заранее, в путь отправлялись большие племенные группы с запасами пищи и домашними животными. Колонизация Полинезии была в условиях примитивной техники настоящим героическим подвигом. Более высоко стоявшие в культурном отношении древние народы классического Востока и Средиземноморья не ушли дальше каботажных плаваний. Даже в XV в. португальцы в поисках морского пути в Индию долгое время не отрывались во время своих плаваний от берегов Африки.

Полинезийцы первыми в истории вышли в открытый океан с целью освоения новых земель. Техника полинезийцев, впрочем, не была примитивной. Широкое распространение получили у полинезийцев деревянные, каменные или костяные палицы. Некоторые из них представляли собой плоское оружие с острым режущим краем. Они были прекрасно отшлифованы и украшены богатой резьбой. Археологи узнают в этом оружии формы южно-азиатских железных мечей и боевых ножей, повторенные в дереве, камне и кости. На всех островах Полинезии, кроме Новой Зеландии, нет металлов ни в самородном виде, ни в руде. Очевидно полинезийцам пришлось изготовлять оружие по древним образцам, но из новых материалов; они создали совершенные по форме и обработке произведения каменной и костяной техники. Что касается лука и стрел, то уже предки полинезийцев

пользовались иным боевым оружием — копьями, палицами, пращами; охота же на бедных фауной островах потеряла значение. На островах Полинезии нет и глины, поэтому здесь не развилось гончарство. Отнюдь не примитивным было и хозяйство полинезийцев. Они привезли с собой плодовые культуры, прежде всего кокосовую пальму, которая давала им пищу (сок недозрелого ореха, ядро в сыром и жареном виде, выжатое из ядра масло), волокно для веревок и различных плетений, скорлупу для сосудов, листья для циновок, древесину. Тщательная обработка земли под плодовые деревья и корнеплоды, применение на некоторых островах искусственного орошения и удобрения свидетельствуют о длительных традициях интенсивного земледелия. Завезенные полинезийцами на острова свиньи и куры были уже давно одомашнены на их индо-малайской прародине. Таким образом, предки полинезийцев были относительно культурным народом. Располагая запасами пищи растительного и животного происхождения, они могли пускаться в дальние плавания в поисках новых земель Но главное, что дало такую возможность, — это высокое развитие судостроения и мореходства. Полинезийское судно с балансиром — одно из замечательных изобретений человеческого ума. Балансиром или противовесом служит бревно, эластично прикрепленное к судну. Оно дает возможность даже долбленому челноку выдерживать сильные океанские волнения, преодолевать громадные волны, не опрокидываясь, и легко выравниваться. Для дальних плаваний употреблялись большие сдвоенные лодки, вмещающие по нескольку сот человек. Суда строились из тесных досок, скрепляемых веревками из растительного волокна.Паруса из циновок позволяли использовать попутный ветер.Управлялось судно рулевым веслом.

У полинезийцев были жрецы-навигаторы, знавшие направление морских течений и ветров и хорошо ориентировавшиеся по звездам.Полинезийцы выезжали флотилиями в десятки судов; лодки шли веером, так что встречавшиеся на пути острова попадали в поле зрения хотя бы одной из них. В плавание они брали запасы пищи в виде сушеной мякоти кокосовых орехов или печеного таро, а также живых свиней и кур. В лодке, на песке, поддерживался огонь. Организованное таким образом путешествие могло продолжаться до месяца, и этого было достаточно, чтобы пересечь пространства между архипелагами Полинезии. Полинезийские предания сохранили имена племенных групп и их вождей,

высадившихся на том или ином острове. От них ведутся родословные. Исчисляя каждое поколение приблизительно в 25 лет и сопоставляя генеалогии населения различных частей Полинезии, можно установить, что первые плавания начались примерно в V в. н. э. По преданиям, первые переселенцы обосновались на некоем острове Гаваики, где они достигли большого благоденствия. По-видимому, этой легендарной второй родиной полинезийцев был остров Раиатеа (Гаваики) к северо-западу от Таити. Здесь в местности Опоа бразовалась школа жрецов, разработавшая богословскую систему полинезийской религии.

К VI в. Центральная Полинезия была заселена и стала действительно родиной новой полинезийской культуры. Однако на вопрос, каким путем добрались мореплаватели до Таити, предания не дают ясных указаний. Этнографические и антропологические данные оставляют простор для гипотез. По гипотезе Те-Ранги-Хироа переселенцы прошли через Микронезию; только позже с архипелага Таити они будто бы совершали плавания на о-ва Самоа, Тонга и Фиджи и в Меланезию, откуда привезли полезные растения и домашних животных.

Некоторые ученые считают мало вероятным, чтобы переселенцы попали в Меланезию только после заселения Центральной Полинезии; мало вероятно и предположение, что Западная Полинезия была колонизована гораздо позже Центральной. Скорее всего, колонизация проходила не по одному пути, и во всяком случае предки полинезийцев прошли через Меланезию, откуда и взяли с собой полезные растения и животных. Заселение Тонга и Фиджи происходило, вероятно, несколько позднее, между VI и VII вв., а колонизация Гавайского архипелага еще позже — между VII и XIV вв. Восточная Полинезия заселялась между X и XII вв. До Новой Зеландии полинезийские мореплаватели дошли между IX и XIV вв. Они встретили здесь немногочисленное негроидное население с примитивным общественным строем. Последнее было вытеснено или ассимилировано, о нем сохранилась память лишь в фольклоре. Предание относит открытие Новой Зеландии полинезийцами к X в. и связывает его с именем рыболова Купе; он впервые увидел эти острова и, возвратившись на Гаваики, рассказал о них. В XII в. некий Тои отплыл из Центральной Полинезии в поисках своего внука, которого отнесло течением. Дед с внуком оказались на Новой Зеландии и остались здесь жить, взяли себе жен из местного племени и положили начало смешанному

потомству. В XIV в. после межплеменных войн на Гаваики большая группа жителей этого острова в нескольких лодках отправилась по пути Купе с определенным намерением колонизовать южные острова. Они пристали в заливе Пленти (Изобилия). Вожди поделили между собой землю на побережье, и пришельцы расселялись группами поодаль одна от другой. Предания рассказывают и о последующих поколениях предков, называют имена вождей и ученых жрецов и даже наименования лодок с указанием, где поселились их экипажи.

За десять веков полинезийцы не только заселили острова Тихого океана, но и испытали воздействие новых условий жизни. Они стали применять дерево, камень и кость вместо железа, забыли гончарство и ткачество. Однако это не было деградацией. Они выработали новые формы техники и хозяйства, более приспособленные к условиям океанийских островов. Развивалось общественное разделение труда. Образовались наследственные касты знати — землевладельцев, военных вождей, жрецов, а на некоторых островах и каста царей; наследственным было также положение земледельцев и ремесленников. Рабы стояли вне общества, вне каст. Касты расслаивались, внутри них происходило расщепление. Так, у маори более знатные фамилии составляли группу вождей — «арики», младшие фамилии составляли средний слой — «рангатира». Религия полинезийцев фантастически отобразила формирование классов и государства.

Весь окружающий мир в представлении полинезийцев делился на две категории: моа (священный) и ноа (простой). Все, относящееся к моа, считается принадлежащим богам, царям, знати и жрецам и поэтому объявляется запретным для простых людей, то есть подлежащим табу. Полинезийское слово «табу» буквально означает «особо отмеченный». Фактически это означало запрет определенных действий или употребления тех или иных предметов;нарушение табу влечет, по представлениям верующих, неминуемое наказание со стороны сверхъестественных сил. Так, на острове Нукухива было два вида табу — одно, налагаемое жрецом, а другое — царьком. И жрецы, и царьки использовали наложение табу в своих интересах, которые совпадали и с интересами племенной знати. Культ служил целям устрашения рядовой массы и укрепления власти господствующей прослойки.

МИКРОНЕЗИЙЦЫ

Население архипелагов Микронезии по антропологическому типу и по культуре представляет собою смешанную группу. В физическом облике микронезийцев сочетаются признаки меланезийского, индонезийского и полинезийского происхождения. По языку микронезийцы входят в малайско-полинезийскую семью. Мелкие коралловые острова Микронезии так же, как и Полинезии, могли быть заселены лишь извне. Судя по всем данным, их колонизация предшествовала заселению Полинезии. Вероятно, сначала на этих островах появились меланезийцы, а позже переселенцы общего с предками полинезийцев происхождения. Согласно преданию микронезийцев архипелага Гилберта, их острова были некогда населены темнокожими низкорослыми людьми, которые питались сырой пищей и поклонялись пауку и черепахе, т. е. очевидно стояли на самом низком уровне развития. Впоследствии, по преданию, они были покорены пришельцами с Запада — с о-вов Хальмахера и Целебес; пришельцы женились на местных женщинах, и от них произошли современные жители островов Гилберта. Данные антропологии и лингвистики также показывают, что в образовании группы микронезийцев значительную роль сыграли выходцы с восточно-индонезийских островов, Филиппин и даже Тайваня.

По уровню общественного развития микронезийцы стояли между меланезийцами и полинезийцами. Общественное разделение труда зашло достаточно далеко, выделились группы ремесленников. Развился и обмен. Хотя преобладала натуральная форма обмена, на некоторых островах выделились особые виды всеобщего эквивалента товаров — низки раковин и бус. На острове Яп существовали своеобразные деньги в виде каменных дисков, иногда достигавших величины мельничных жерновов. Эти камни так и оставались лежать на месте, они только условно переходили из рук в руки.

Земля номинально принадлежала общине, но фактически была захвачена родоплеменной верхушкой, старейшинами знатных родов; на них работали рядовые земледельцы. На Каролинских островах власть и богатство находились в руках старейшин — юросей. Рядовые члены общины, обрабатывавшие землю и занимавшиеся рыбной ловлей, доставляли им большую и лучшую часть урожая и улова. Кокосовые пальмы, например, находились в полной собственности

юросей, их плоды было запрещено потреблять рядовой массе. У микронезийцев не было государства, но они стояли накануне его образования. К началу географических открытий европейцев народы всех частей Океании достигли более или менее значительного уровня развития производительных сил и создали свою культуру.

ТАИТИ, ТУАМОТУ, ГАМБЬЕ И МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ.

Ко времени появления первых европейцев коренное население островов создало сравнительно развитую самобытную культуру. Высокого уровня достигли земледелие и рыболовство. Довольно совершенной была техника некоторых ремесел, особенно судостроения. Появились зачатки знаний в области географии, астрономии, математики, медицины и техники. Своеобразно искусство Полинезии. Известны прекрасные скульптурные произведения островитян из камня и дерева, костяные и плетеные изделия. Поразителен созданный полинезийцами фольклор. Хозяйство и материальная культура жителей различных островов Полинезии в значительной мере были сходны между собой, несмотря на некоторые различия в уровне развития.

Европейские мореплаватели отмечали достижения островитян в области земледелия. Наиболее высокой была земледельческая культура таитян, на что указывали почти все путешественники, побывавшие на Таити.

Главное место в земледелии занимало разведение клубневых растений — ямса, таро, сладкого картофеля-батата, а также сахарного тростника. Важную роль играли плодовые культуры: кокосовая пальма, хлебное дерево, банан (на Таити существовало до тридцати его разновидностей). Благодаря плодородию почв и тщательной обработке земли с применением удобрений (прелые листья, ил, зола) жители собирали высокие урожаи. Островитяне издавна широко применяли искусственное, террасное орошение. С помощью каналов вода горных рек и ручьев поднималась на поля, расположенные террасами по склонам гор.

Основным земледельческим орудием островитян была землекопалка — заостренная на конце палка из твердого дерева длиной 1—2 м. Ею копали и взрыхляли землю. При посадке иногда применялась другая палка — покороче. Из

домашних животных до прихода европейцев полинезийцам были известны только свинья и собака.

Рыболовная техника была очень разнообразна. Для ловли рыбы применялись остроги, копья, луки и стрелы, неводы и сети, а также яд. Основную пищу островитян составляли таро, ямс, батат, плоды банана, кокосовой пальмы, хлебного дерева. Они ели много рыбы и птицы, сравнительно редко — свинину. Обычные способы приготовления пищи — запекание в земляной печи и поджаривание на углях ли на открытом огне. Напитков было известно мало. Наиболее распространенное питье — молоко кокосового ореха Из наркотиков в Полинезии была распространена кава. Островитяне умели консервировать пищу (печеный ямс не портится целый год), сохраняя ее в специальных глубоких ямах.

Народы Океании до европейской колонизации не знали металлов. В технике же обработки камня, кости, раковин и некоторых других материалов жители Полинезии достигли очень высокого уровня. Европейцев, впервые посетивших архипелаг Таити, поражало искусство островитян в изготовлении различных предметов быта.

Основным орудием труда был каменный топор. Им рубили деревья, обтесывали сваи и брусья. Из раковин делали скребки, резцы, сверла, рыболовные крючки, украшения и др. Из костей и зубов животных, из черепашьих щитов, перламутра искусно изготовлялись украшения.

До недавнего времени считалось, что полинезийцы вообще не знали гончарства, поскольку с момента появления там первых европейцев не было обнаружено никаких признаков знакомства с этим производством. В 50—60-х годах американские и австралийские ученые провели ряд археологических исследований в Полинезии и обнаружили керамику, сходную с новокаледонской и фиджийской, на о-вах Тонга и Самоа. Фрагменты глиняной посуды обнаружены американским ученым Сагсом и на о-ве Нукухива. Возможно, островитяне предпочитали обходиться более просто изготовляемыми сосудами из кокосового ореха, тыквы, бамбука, дерева и со временем полностью отказались от гончарного производства, которое было распространено среди их предков до переселения в Океанию.

Островитяне широко использовали изделия, плетеные из различных растительных волокон — корзины, рыболовные снасти, пояса, передники, циновки. Дж. Кук писал, что таитяне «изготовляют самые разнообразные виды циновок,

14 Зак. 1368

которые куда лучше и красивее европейских». Особое искусство проявляли островитяне в производстве материи из коры деревьев — тапы. «Лучшая материя, выбеленная на солнце, — писал Кук, — приближается по качеству к хорошей хлопчатобумажной ткани». Из тапы изготовляли одежду, коврики, покрывала, украшения и др. На Таити и Маркизских островах умели искусно наносить на тапу рисунок (набойкой, натиранием и выдавливанием).

Крючок для подвешивания рыболовных сетей и домашней утвари.

В условиях мягкого тропического климата островитяне не нуждались в сложных жилищах и одежде. Их дома обычно представляли собой легкие наземные сооружения на столбах, удлиненно-прямоугольной или овальной формы, с высокой двускатной крышей, покрытой листьями банана или пальмы. Стены делались из циновок или травы. Окон не было, имелись лишь входные отверстия. Как правило, жилища обносились изгородью высотой около 1 м.

Одежда полинезийцев была также очень простой, хотя и отличалась несколько большим многообразием, чем в Меланезии. Помимо набедренных повязок, передников и юбочек из циновок, тапы и травы они носили длинные накидки. Женщины часто обертывали вокруг бедер несколько слоев тапы, иногда носили на голове тюрбаны из тапы. Островитяне очень любили украшения, которые были более разнообразны и богаты, чем одежда: серьги, гребни, различные ожерелья, на руках — браслеты, на ногах — кольца и подвески. Украшения изготовлялись из раковин, черепашьих щитов, зубов разных животных, рыб, птичьих перьев, тесьмы и шнура, различных плодов и пр. Голову очень часто украшали цветными перьями и живыми цветами. Большое значение придавали островитяне татуировке тела, в которой достигли большого мастерства. Хотя оружие играло важную роль в жизни полинезийцев, постоянно враждовавших между собой, виды его были довольно малочисленны: палица, копье, праща, лук и стрелы. Последние применялись только в рыбной ловле и как игровое оружие. Материалом для изготовления оружия служили дерево, бамбук, кость. На Таити были распространены деревянные мечи, густо усаженные зубами акулы. Защитным оружием были щиты и латы.

К моменту первых контактов с европейцами жители островов Тихого океана достигли значительных успехов в развитии духовной культуры. У них уже появились зачатки научных знаний. Исключительное развитие мореходства у полинезийцев способствовало накоплению ими обширных сведений в области географии и астрономии (в этих отраслях знаний они во многом превзошли меланезийцев). Полинезийцы различали восемь стран света и восемь направлений ветра. В своих путешествиях по океану они пользовались примитивными географическими картами, составленными из прямых и изогнутых маленьких палочек и камешков, которые изображали курс судна, направления течений и ветров. Им были прекрасно известны названия и относительное положение различных островов Полинезии. Дж. Кук во время первого своего пребывания на Таити, в 1769 г., с помощью таитянина Тупиа составил карту Центральной Океании. Тупиа назвал Куку и помог нанести на карту около 130 островов, расположенных вокруг Таити. Уровень астрономических знаний полинезийцев был также сравнительно высок. Им были известны многие созвездия и отдельные звезды, которые имели у них свои названия. Знакомство с небесными светилами было необходимо не только для мореплавания, но в известной степени и для земледелия. О.Е.Коцебу писал о таитянах: «Их морские путешествия, порой на удивительно далекие расстояния, сделали совершенно необходимыми наблюдения за небесными светилами, тем более что у таитян не было компаса. В результате они приобрели астрономические познания. Они умели отличать планеты от неподвижных звезд, причем каждая планета имела у них особое название. В соответствии с фазами луны таитяне делили год на 13 месяцев, в каждом из которых, за исключением одного, насчитывалось 29 дней. 13-й месяц, более короткий, введен был, по-видимому, для того, чтобы уравнять лунный год с солнечным. Как день,

так и ночь таитяне делили на шесть частей, по два часа каждая, и умели точно определять их днем по солнцу, а ночью — по звездам». Французский мореплаватель Л. А. Бугенвиль, потрясенный астрономическими познаниями плывшего с ним островитянина Аотуру, писал, что последний, «не задумываясь, назвал на своем языке большую часть ярких звезд, на которые мы ему указывали; тогда же мы убедились, что ему прекрасно известны фазы Луны, различные приметы, по которым можно предсказать изменение погоды на море. Он совершенно ясно дал нам понять, что, по их твердому убеждению, и Луна, и Солнце обитаемы».

Время у полинезийцев исчислялось не днями, а ночами. Каждая ночь месяца имела свое название, характеризующее положение луны на небе. Полинезийцы умели определять время дня и ночи по положению солнца, луны и звезд, а также приливам и отливам; время года они точно устанавливали по переменному склонению солнца на юг или на север и месяцы определяли по лунным фазам. Год они делили на два основных сезона — лето и зиму. Высокое развитие ирригационного земледелия и строительной техники, в особенности судостроения, позволило островитянам сделать ряд обобщающих выводов в области техники. Им был известен механический эффект наклонной плоскости и клина. Наклонная плоскость находила применение при подъемах тяжелых предметов и грузов на значительную высоту. При различного рода технических работах полинезийцы применяли катки и рычаг с перемещающейся точкой опоры.

У полинезийцев существовали единицы измерения длины. Жители Полинезии имели некоторые познания и в области медицины. Наряду с заклинаниями жрецов и знахарей они широко применяли различные целебные травы и растения. Приемы лечения больных являлись комбинацией магических и рациональных средств. Из числа последних применялись массаж, кровопускание, прием внутрь и наружное употребление настоев из трав. О. Е. Коцебу писал о таитянах: «Их познания в хирургии высоко оценены судовыми врачами, обнаруживавшими хорошее заживление зачастую тяжелых ран». Островитяне в общих чертах знали анатомию человеческого тела. Местные хирурги лечили переломы костей с помощью наложения шин, производили даже трепанацию черепа.

Жители Полинезии, особенно в районах с развитым земледельческим хозяйством, прекрасно разбирались в местной флоре. Они умели различать десятки сортов плодовых деревьев и культурных растений.

Изобразительное искусство полинезийцев достигло также довольно высокого уровня. Блестящим его образцом является скульптура из камня и дерева. Резьба по камню была особенно развита на Маркизских островах. Огромные человеческие статуи Маркизских островов, сходные со статуями о-ва Пасхи, поразительны. Очень богата пластика, связанная с культами. Это большей частью вырезанные из дерева человеческие фигуры и головы, а также маски и наголовники, обычно в виде стилизованных человеческих голов. С давних времен островитяне любовно и искусно украшали различные предметы быта. Стиль орнамента и пластики довольно разнообразен. В основе большинства мотивов лежат предметные изображения, при этом первое место отводится человеческой фигуре, затем следуют птицы и звери. Изображения почти всегда стилизованы.

Народы Полинезии издавна очень любили музыку, пение, танцы, игры. При относительно бедном наборе инструментов (ударные и духовые) и простоте мелодий их музыкальная культура стояла довольно высоко. С музыкой тесно связаны пляски — излюбленное развлечение островитян, обычно устраивавшееся на празднествах. Полинезийцы любили устраивать драматические представления. Во время своего второго пребывания на Таити, в 1773 г., Дж. Кук посетил вождя Ту. После завтрака европейцам было показано представление, поразившее Кука и подробно им описанное. Полинезийцы создали красочный и разнообразный фольклор, состоящий из стихов, песен, поговорок, пословиц, легенд, мифов, гимнов,заклинаний и т. п. Необычайно богата и разнообразна мифология полинезийцев. Мифы разных архипелагов Полинезии были во многом сходны. По мнению специалистов, это объясняется тем, что основы мифологии полинезийцев складывались еще до расселения их по островам. Особый интерес представляют исторические предания полинезийцев, так как они служат одним из источников изучения их истории.

Таковы некоторые итоги развития самобытной культуры полинезийцев до их соприкосновения с западной цивилизацией. Несмотря на ограниченность природных ресурсов островов Полинезии, в условиях почти полной изоляции от внешнего мира, полинезийцы сумели создать яркую, сравнительно высокую своеобразную материальную и духовную культуру. Понадобилось длительное и серьезное изучение материальной культуры полинезийцев, чтобы понять, что кажущаяся ее бедность является в действительности ре-

зультатом развития в своеобразных географических условиях, что отсутствие или недоразвитость одних элементов материальной культуры, вызванные, скажем, отсутствием необходимого сырья, компенсировались высоким развитием других элементов, более соответствовавших конкретным условиям материальной среды. В самом деле, полинезийцы (кроме жителей архипелага Тонга) к моменту первого знакомства с ними европейцев не знали металлов и ткачества, не занимались гончарным ремеслом. Но если некоторые привычные для нас стороны культуры не получили в Полинезии должного развития, то это вполне объясняется особенностями географической среды: на коралловых островах нет металлических руд, мало глины, лук и стрелы были здесь не нужны, так как островитянам не на кого было охотиться, а для военных целей у них было другое оружие — палицы, пращи и пр,; мягкий тропический климат позволял обходиться почти без одежды. Полинезийцы в значительной мере сумели восполнить эти пробелы, достигнув высокого мастерства в изготовлении орудий из камня, дерева, раковин и кости, посуды из скорлупы кокосового ореха, черепашьих панцирей и т. д. Знакомство с достижениями жителей Полинезии в области земледелия и некоторых видов ремесел, с техникой судостроения, с их успехами в географии и медицине, с ярким и самобытным искусством показывает, что полинезийский народ, тысячелетиями создавая свою самобытную культуру, неуклонно двигался по пути прогресса, пока это поступательное движение не было нарушено вторжением колонизаторов.

Уровень общественного развития населения отдельных архипелагов и даже островов был не одинаков: от племенного строя с первыми признаками разложения до примитивных форм раннеклассового государства. Общим для всех островов Океании являлся процесс разложения первобытных и складывания раннеклассовых отношений, однако в разных районах были представлены различные локальные переходные формы этого процесса. В Океании разложение первобытнообщинных отношений происходило в условиях крайней изоляции, без влияния контактов с иными цивилизациями. Поэтому изучение развития народов Океании особенно наглядно убеждает в существовании единых законов общественного развития.

Исследование периода, предшествующего европейской колонизации Океании, позволяет проследить процессы, пройденные большинством народов в эпоху, от которой, как правило, дошли лишь археологические свидетельства. В нашем распоряжении имеется весьма незначительное число источников, дающих сведения для анализа общественного строя на островах Океании. Архипелаг Таити оказался в лучшем положении, он раньше и чаще других архипелагов посещался европейскими путешественниками, торговцами и миссионерами, оставившими свои иногда довольно подробные записки.

К моменту появления первых европейских колонизаторов острова Таити в своем развитии опередили большинство обществ не только в Полинезии, но и во всей Океании. Благодаря сравнительно высокому уровню развития производительных сил появились возможности для образования излишков продуктов труда, что создало условия для внутреннего расслоения таитянского общества. Важной особенностью Таити по сравнению с другими островами Океании (не только меланезийскими, но также и полинезийскими — Самоа и Новая Зеландия) была ограниченность пригодных для возделывания земель и довольно высокая плотность населения. Это ускоряло расслоение общества, так как вело к интенсификации процесса захвата общинной земли господствующими группами.

Недостаток свободных удобных земель в сочетании со сравнительно высоким уровнем развития производительных сил, изобилием и относительным разнообразием производимых продуктов труда сыграл значительную роль в ускорении общественного развития на Таити. Это нашло выражение прежде всего в отделении ремесла от сельского хозяйства, специализации ремесел, имущественном неравенстве, а также в социальном разграничении, которое на Таити было почти столь же резким, как и на Гавайских островах, дающих образец наиболее высокого общественного развития в Океании.

Население островов Таити делилось на три основные социальные группы: арии, раатира и манахуне. У. Эллис отмечал, что, хотя на Таити группы населения различались не столь резко, как на Гавайях, тем не менее они были очерчены достаточно ясно. Он писал: «Общество разделено на три четкие группы: арии — королевская семья и знать, раатира — землевладельцы, или дворянство, и земледельцы, манахуне — простой народ». Если различные источники расходятся в точном определении раатира и манахуне, то все они единодушны в трехчленном делении таитянского общества и в определении его высшего слоя — арии.

Говоря об арии, Эллис указывал, что «высший класс включал короля, или высшего вождя общества, членов его семьи и всех родственников. Этот немногочисленный класс был самым влиятельным». Арии составляли обособленную группу, принадлежность к которой определялась генеалогией. Из среды арии выходили верховные вожди, а также вожди округов (матаэинаа), составлявшие верхушку таитянского общества. Арии мог быть лишь человек, отец и мать которого были арии. Лица, принадлежавшие к этому «благородному» сословию, должны были иметь особый родовой храм (мараэ), особый дом, особое каноэ, особое копье и т. д.

Между арии и раатира находился еще один разряд населения. Это так называемые иатоаи, которые в совокупности с раатира образовывали группу хива. Ж. Моренхут относил к иатоаи низших вождей — тавана, которых он называл «феодальными баронами». Де Бови писал, что иатоаи, которых можно назвать знатью, стояли между ариями и раатира, что арии доверяли им наследственное или временное управление частями своей территории. Высший слой хива составляли близкие родственники (младшие братья, кузены, приемные братья и т. п.) арии, именовавшиеся тайо (друзья) или техоа (братья). Видимо, именно из слоя хива формировались подчиненные наследственные вожди более мелких территориальных единиц. Таким образом, вожди на Таити были связаны между собой родственными узами. Иотоаи находились в родственных отношениях и с раатира, преимущественно с наиболее влиятельными семьями своих районов.

Кроме наследственных мелких вождей к группе хива принадлежали люди, составлявшие непосредственное окружение арии — дружинники вождей, их посланцы, выполнявшие судебные и фискальные функции. Наиболее полные сведения о группе раатира оставил Эллис. Он писал: «Буэ раатира всегда были самым многочисленным и влиятельным классом и составляли во все времена большинство населения и силу народа. Они, как правило, были собственниками земли, которую обрабатывали; владели они своими землями не по пожалованию от короля, а наследовали их от своих предков». Среди раатира наблюдалось значительное расслоение: основная их масса имела по 20—100 акров земли (8—40 га), в то время как «высший слой раатира владел либо большими земельными участками, сосредоточенными в одном месте, либо несколькими участками меньших размеров, разбросанными

в разных местах. Некоторые владели, видимо, сотнями акров». Первых, т. е. мелких и средних раатира, Эллис считал самым производительным классом общества». Они работали на своих полях, строили свои дома, изготовляли одежду и циновки, а также снабжали всем необходимым вождей. Крупных раатира, земли которых обрабатывали те, кто зависел от них, Эллис называл «аристократией страны» . Надо отметить, что и другие авторы указывают на значительное расслоение среди раатира, верхний слой которых являлся наравне с иатоаи мелкими вождями и крупными земельными собственниками. Судя по источникам, раатира можно считать полноправными общинниками, наследственно владевшими своими землями, причем в описываемое время в их среде шел интенсивный процесс дифференциации.

Вопрос о следующей группе населения Таити — манахуне является одной из наиболее сложных проблем общественного устройства архипелага. Показания источников и взгляды исследователей, касающиеся принадлежности к манахуне, их численности, происхождения и занятий, весьма противоречивы. Эллис считал, что к манахуне на Таити относились: «1) теутеу — слуги и вообще челядь арии; 2) тити — рабы-военнопленные; 3) все те, кто лишен земли и не знаком с искусством плотничества, строительства и т. д.». Источники, относящиеся ко времени появления первых протестантских миссионеров на Таити (конец XVIII в.), считают манахуне людьми, лишенными земли и обрабатывавшими землю раатира и арии. Капитан Уилсон писал, что манахуне служили раатира и младшим родственникам вождей,т.е. иатоаи, изготовляя одежду, строя дома, обрабатывая землю, помогая в различных работах и «выполняя все их требования». Кук считал, что «манахуне — среднее сословие», а «тоу-тоу (теутеу.—Ред.) — наиболее многочисленная группа, к которой относится весь простой люд. Последние зависят от эри (арии. — Ред.), которые вместе с манахуне владеют большей частью (если не всей) земли». Де Бови называл манахуне простолюдинами, а раатира — мелкими вождями.

Раннеклассовое общество Таити базировалось на эксплуатации свободных общинников — раатира, труд же зависимых — манахуне — играл вспомогательную роль, особенно в исследуемый период, когда в результате междуусобных войн наблюдалась значительная нехватка рабочих рук и многие манахуне смогли перейти в разряд раатира. Собственно манахуне сидели на земле иатоаи или богатых раатира (арии не были непосредственно экономически связаны с манахуне),

являясь наследственными арендаторами, и несли повинности в пользу своих хозяев. Наследственный характер их землепользования и мягкое обращение с ними со стороны вышестоящих разрядов населения отмечается почти всеми источниками. Как правило, манахуне были земледельцами, на островах архипелага Таити ремесленники и рыбаки по социальному статусу скорее принадлежали к раатира, чем к манахуне.

Культовая деревянная скульптура меланезийцев. Новая Гвинея.

Теутеу, относившиеся к манахуне, прислуживали в домах арии; по своему положению они приближались к рабам. Как правило, они не участвовали в производительном труде. Зачастую теутеу становились фаворитами, доверенными лицами арии. К собственно рабам в таитянском обществе с уверенностью можно отнести, видимо, лишь тити — военнопленных. Эллис считал, что в эту группу входили те, кто потерял свободу в сражении или после поражения своего вождя стал собственностью победителя. «Женщины, дети, оставшиеся в районах, захваченных врагом, — писал Эллис, — считаются также собственностью победителей, среди которых распределяется земля побежденных». После установления мира пленников часто освобождали и разрешали вернуться на свою землю или остаться на добровольной службе у своего нового хозяина.

Ни о продаже рабов, ни об их использовании в производстве источники ничего не сообщают. На Таити, как

и на Гавайях, рабов приносили в жертву. Других фактов использования рабов неизвестно. Спасаясь от смерти, тити часто бежали в горы и жили там иногда целыми семьями. Ряд исследователей (Хенди, Те Ранги Хироа) считают манахуне потомками первых переселенцев, покоренных более поздними пришельцами — арии.

Таким образом, в конце XVIII в. население архипелага Таити разделялось на обособленные социальные группы. С одной стороны, здесь имелся класс крупных землевладельцев, с другой — зависимые (в различной степени) от них земледельцы, составлявшие основную массу населения. Большое значение для уяснения характера таитянского общества накануне европейской колонизации имеет определение системы землевладения. К сожалению, данные источников по этому вопросу едва ли не более скудны и противоречивы, чем по другим проблемам общественного строя архипелага. К тому же путешественники и миссионеры, оценивая формы земельной собственности на Таити, обычно неправомерно использовали различные категории буржуазного права. Вся земля на архипелаге (кроме горных джунглей) находилась в собственности отдельных семей, сохранивших ее в своих руках на протяжении многих поколений до прихода европейцев. Процесс формирования крупной земельной собственности, показателем которого было сосредоточение в руках отдельных семей сотен гектаров, по состоянию источников проследить не представляется возможным; во всяком случае к концу XVII в. крупная земельная собственность была налицо.

Символом владения землей был храм предков — мараэ. Такие храмы имели как арии, так и раатира (особенно крупные), причем главным в области считался мараэ правящего дома арии. Земля рассматривалась как атрибут храма предков. Хенди, исследовавший вопрос о связи мараэ с землевладением, сообщает, что большая часть земли в области главного мараэ была наследственной собственностью арии. Эта земля называлась туфаа арии («доля вождей»). Следующая по величине часть — туфаа матахиано («доля перворожденных» предназначалась младшим ветвям арии (видимо, иатоаи). Далее шла доля раатира — туфаа фарерии («доля малых домов») и, наконец, оставшаяся земля иато таи (у моря) и иато ута (в долине) предназначалась манахуне.

Родовая община таитян давно уже превратилась в территориальную, от прежнего племенного деления остались

лишь смутные представления об общности населения южной и восточной частей острова Таити. Жили таитяне, как правило, отдельными дворами. Границы земельных владений обозначались при помощи естественных или специальных знаков. В качестве последних служили тии — изображения духов, которые вкапывались в землю. Разрушение межевых знаков каралось как тягчайшее преступление. По-видимому, прилегающие к берегу участки моря также находились в собственности семей, преимущественно арии. Де Бови писал, что вожди обычно владели рифами, вокруг которых находились лучшие рыболовные участки. Известно, что озеро на о-ве Хуахине было разделено между несколькими вождями окружающих его районов.

В период, предшествующий колониальной экспансии, на Таити шел процесс складывания форм социальной зависимости манахуне и мелких раатира от крупных земельных собственников. Арии и крупные раатира большую часть принадлежащей им земли передавали в распоряжение мелких раатира или манахуне, которые держали ее на условии несения личной службы и передачи доли продукции собственнику земли. Формировались отношения субаренды и иерархической зависимости между представителями верхушки таитянского общества. В конце XVIII в. миссионеры сообщали, что вожди передают часть земли в своих областях иатоаи, которые используют на этих землях труд раатира и манахуне. О прочности владельческих прав основной массы населения на землю свидетельствует тот факт, что вожди не имели права лишить семью раатира земли. Самое большее, что они могли, — это согнать с земли того или иного представителя семьи за измену или другой крупный проступок, но земля тем не менее оставалась во владении семейной группы.

Пережитки древней общинной организации сохранялись «в виде обычая коллективной постройки общественных домов, служивших для приема гостей и для проведения деревенских праздников, а также в виде обычая соседской взаимопомощи». Первобытнообщинные традиции сохранялись в самом понятии собственности, главным образом на продукты человеческого труда, особенно пищу. По таитянским обычаям человек мог взять пищу в любом доме; каждый, имевший пищу, был обязан ею делиться. Подобные взгляды нашли отражение в языке таитян. Например, существовало слово таиа — «умереть, съев пищу и не поделившись ею с соседями». Именно отношением островитян к собственности

объясняются обвинения их в склонности к воровству, которыми пестрят записки путешественников и миссионеров. В то время как для таитянина взять понравившуюся ему вещь было совершенно естественным поступком, с европейской точки зрения, это была кража.

По мере укрепления центральной власти росла степень эксплуатации общинников. Часто посланцы и слуги вождей вторгались в дома общинников, резали и уводили свиней, забирали фрукты, овощи, ткани. Кроме поставок продовольствия существовали отработки в пользу верховного вождя. Одной из форм отработок было возделывание полей вождя. Эту повинность несли манахуне.

Основной формой ренты была продуктовая. Сбор ренты производился местными вождями из арии или крупных раатира. Формально весь сбор шел в пользу верховного вождя, фактически часть ренты оставалась у местных вождей. Кроме того, верховный вождь, как правило, делил поступавшую продукцию между своими приближенными и местными вождями. В данном случае мы, вероятно, сталкиваемся с обычным для Таити и других раннеклассовых обществ явлением: старая, унаследованная от родового строя форма наполняется новым содержанием. В самом деле, отсутствие четко выраженного права собственности на продукцию характерно для различных родовых обществ. Обычай делиться пищей, одеждой и т. д., видимо, восходил ко времени первобытно-общинного строя и являлся выражением все еще сохранившегося взгляда на предметы потребления как на принадлежавшие всему населению. Но в описываемый период это право трансформировалось в обычай делить подношения населения не между всеми, а лишь между приближенными вождя и нижестоящими вождями.

По мере развития таитянского общества и усиления власти вождей принуждение становилось все более заметным и приобретало определяющий характер. Первые английские миссионеры отмечали в конце XVIII в., что вождь может приказать подданному принести спелые плоды хлебного дерева, заставить подвластное население собирать дрова и т. п. В конце XVIII — начале XIX в. вожди все чаще заставляли население делать подношения, участвовать в общественных работах. К этому времени относятся свидетельства о своего рода «полюдьях», когда вожди, не удовлетворяясь прежними формами взимания поборов, обходили со своей свитой подвластные им районы, собирая регулярную дань. Хотя вожди не могли лишить полноправных общинни-

ков их земли за отказ выплачивать дань, в период создания государства на Таити существовали другие меры принуждения, дополнявшие религиозную и традиционную власть вождей.

Испанские путешественники, побывавшие на Таити в 70-х годах XVIII в., отмечали, что лица, которые отказывались давать подношения вождям или делали это с неохотой, подвергались изгнанию. Протестантские миссионеры, сведения которых относятся к началу XIX в., писали, что вожди, используя свою религиозную власть, могли отказывавшихся платить дань общинников избрать для жертвоприношений. В обстановке постоянных военных столкновений в период борьбы за объединение Таити в конце XVIII — начале XIX в власть вождей возросла, и участившиеся человеческие жертвоприношения стали могучим средством удержания рядовых островитян в повиновении. Суд в руках таитянской знати превратился в важное средство укрепления ее власти над остальной массой населения.

Характерной особенностью таитянского общества как раннеклассового образования с начинавшей оформляться государственностью была выработка установлений и закрепление норм, относившихся к взаимоотношениям между знатью и простым народом, в то время как внутри последнего действовали нормы более древние, генетически связанные с эпохой родового строя. Проступки, задевавшие власть вождей или наносившие ущерб их имуществу, вызывали самые серьезные наказания — изгнание или смерть. К числу таких проступков источники относят отказ платить дань вождю, отказ принять таниау (кокосовый лист, служивший удостоверением чрезвычайных прав посланца вождя), адюльтер с женой вождя.

Все источники сходятся во мнении, что наиболее тяжело наказывались проступки, связанные с неповиновением вождям, нанесением ущерба их собственности. Именно этих проступков касалось зарождавшееся на Таити подобие законодательства — в форме передачи ряда предписаний устным путем в правящих семьях. Эти предписания (туре) касались взаимоотношений вождей друг с другом и с членами семьи, а также обязанностей по отношению к ним низших сословий, среди которых продолжали действовать нормы талионного права по преимуществу.

На Таити, как и на Гавайях, возникло раннеклассовое государство, оформившееся, правда, окончательно уже в период колониального вторжения европейцев, но начавшееся

складываться еще до этого времени. Все источники отмечают значительную власть вождей на Таити. Одни обращают внимание на деспотизм вождей, другие подчеркивают ограничение власти верховных вождей со стороны мелких,но все они сходятся в том, что «управление (на Таити. — Ред.) существенно отличается от систем, бытующих на Маркизских островах и Новой Зеландии, где нет верховного правителя, а различные племена и роды управляются своими вождями, каждый из которых действует независимо».

Народных собраний в исследуемый период на Таити не существовало Имелись так называемые сепоо, происхождение которых восходит ко времени родо-племенного строя. На сепоо, кроме арии, присутствовали и раатира, которые могли довольно свободно выражать свое мнение. Но судя по тому, что раатира, принимашие участие в этих советах, являлись туда в сопровождении свиты и могли отказать верховному вождю в поддержке, а также объявить ему войну, ясно, что в сепоо участвовали крупные раатира, представлявшие «неблагородную» прослойку господствующего класса.

На Таити существовали сложившиеся территориальные объединения, находившиеся под властью наследственной знати. Крупные объединения, во главе которых стояли вожди из арии, назывались матааинаа. В состав этих областей входили более мелкие подразделения, именовавшиеся сеиа, или аиа тупуна, которые находились под властью мелких вождей из числа иатоаи или раатира. Начиная с XVIII в. известны случаи, когда верховный вождь распространял свою власть на несколько областей. Верховного вождя всего архипелага или даже о-ва Таити вплоть до возвышения семьи Помаре в начале XIX в. не существовало.

Положение верховного вождя отражало уровень развития классового общества на Таити. С одной стороны, вождь обожествлялся: все, что принадлежало вождю и его жене, считалось священным; все, чего касались вождь или его жена, становилось их собственностью — поэтому они не заходили в дома, которые им не принадлежали, и совершали путешествие лишь на плечах специальных носильщиков, чтобы не ступать на землю своих подданных; при приближении вождя все обнажали тело до пояса и т. д. С другой же стороны, реальная власть верховного вождя имела мало общего как с королевской властью в Европе, так и с деспотизмом восточных правителей. Верховный вождь зависел от вождей, управлявших областями,

и от более мелких вождей. Они могли отказать в поддержке, выступить против него войной и т. п. Власть верховного вождя в значительной степени была ограничена советом вождей, и недаром Форстер, наблюдая за пререканиями в совете и тем неуважением, которое вожди выказывали по отношению к «королю» в отсутствие простого народа, сравнивал верховного вождя с басилевсом гомеровской эпохи.

В результате прямого вмешательства колонизаторов власть верховных вождей усилилась. С этого времени центр тяжести в организации власти господствующего класса на Таити постепенно переносится на фигуру верховного вождя (тот же процесс происходил несколько раньше на Гавайях).

Во второй половине XVIII в. происходило образование единого государства Борьба за верховную власть на острове стала стержнем внутриполитической жизни Таити. Нельзя отрицать большого влияния, которое оказала европейская экспансия на ускорение процессов, происходивших в общественной жизни острова.

Религия соответствовала переходному периоду от первобытнообщинного строя к раннефеодальному. От религиозных представлений эпохи первобытнообщинного строя осталось немного: древние мифологические представления, колдовские обряды, пережитки тотемизма. Древние идеи табу (запреты) и мана (магические силы) изменили социальное содержание, став могучим средством воздействия вождей на основную массу населения.

Вожди на Таити стали объектами религиозного культа. Они обычно были и жрецами. Хотя на Таити существовали жрецы, выполнявшие обряды, главными жрецами были вождиарии. Наряду с семейными и местными духами на Таити сложился пантеон великих богов, из которых главную роль играли Тане, Таароа и Оро Отражением приспособления религии к потребностям зарождавшегося классового общества было распространение на Таити культа бога войны Оро, который в течение XVII – XVIII вв. вытеснил, хотя и не уничтожил окончательно, других богов полинезийского пантеона.

В верховного бога на Таити начал превращаться бог войны. Это было связано с возросшей ролью войн в эпоху перехода от родового общества к классовому. Оро стал в первую очередь богом таитянской знати, которая ввела в его честь человеческие жертвоприношения, позволившие ей держать в страхе зависимое население и рядовых общинников.

Культ Оро зародился на о-ве Раиатеа. В начале XVIII в. в области Таутира (п-ов Таити-ити) появился первый на Таити мараэ Оро. Вскоре культ Оро распространился по всей области. В середине XVIII в. изображение (тоо) бога Оро было воздвигнуто в области Атахуру. Другой мараэ Оро был построен в это же время в соперничавшей с Атахуру области Папара.

АРХИПЕЛАГ ТАИТИ

Архипелаг Таити дает образец более высокой стадии развития, чем та, которая была характерна для Полинезии (кроме Гавайев). Характерной особенностью процесса становления классового общества на Таити было слабое влияние внешних факторов. Развитие общественных отношений от первобытнообщинного строя к классовому шло, по всей видимости, путем складывания раннефеодального строя. Несмотря на существование рабов, рабство не занимало сколько-нибудь заметного места в экономике архипелага.

Большее значение приобрел процесс превращения основной массы в зависимых в различной степени от верхнего слоя — крупных землевладельцев. Складывание государства ускорило этот процесс, равно как и те изменения в жизни архипелага, которые были вызваны трасформацией институтов родового общества.

МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА, ТУАМОТУ, ГАМБЬЕ

Данные источников, относящихся к общественному строю населения Туамоту, Гамбье и Маркизских островов, незначительны и противоречивы. Общественный строй представлял собою пример стадии общественного развития, когда фактически уже сложились классовые группы: привилегированная часть общества, представленная наследственной землевладельческой знатью, и простой народ, состоящий из рядовых общинников — земледельцев и ремесленников.

Однако государство еще создано не было. Наследственная знать использовала древние, первобытно-общинные родовые институты, видоизменяя и приспосабливая их. Довольно высокое, хотя и одностороннее в силу специфи-

ки островного мира Океании, развитие производительных сил — земледелия, рыболовства, мореплавания, ремесел — создало условия для появления прибавочного продукта. Так складывались предпосылки для накопления богатства, разложения родового строя и начала классообразования. При значительном развитии ремесла, отделившегося от земледелия, обмен на островах Полинезии не получил распространения. В этом своеобразие развития полинезийских обществ и их отличие, в частности, от общества меланезийцев.

Основной ячейкой общества на рассматриваемых островах Полинезии была семейная община, являвшаяся самостоятельной общественной единицей, центром экономической жизни и первичным пунктом всех социальных связей. На большинстве островов семейная община еще считалась собственником земли. Принадлежавшая общине земля обрабатывалась либо коллективно, либо отдельными брачными парами, получившими в пользование небольшие участки, которые переходили по наследству по мужской линии.

Номинальным распорядителем земли являлся глава общины, но фактически он не мог распоряжаться землей без согласия всех взрослых членов общины. Семейные общины не были равноправными. В каждой области выделялась одна привилегированная, возвышавшаяся над всеми остальными. Господствующее положение одной привилегированной большой семьи переходило из поколения в поколение. Существовали длиннейшие тщательно разработанные генеалогии, призванные оправдывать право членов этой семьи на замещение высших племенных должностей.

Несколько больших семей (10—12), живших по соседству, образовывали деревню, или сельскую территориальную общину, насчитывавшую 300—500 человек. Деревни были разбросаны по берегам островов. Две-три деревни образовывали область. Территориальная община имела свой орган управления — общинный совет, на котором присутствовали как главы больших семей, так и взрослые члены общины, однако решения выносили только вожди. Совет ведал всеми общинными делами. Вопросы были весьма разнообразны и касались споров между большими семьями, общинной рыбной ловли, постройки дома вождя и т. п.

Рабство в Полинезии не получило большого развития. Труд рабов не составлял на рассматриваемых островах основы производства. Рабы по происхождению были военнопленными и обычно предназначались для жертвоприношений, однако нередки были случаи адаптации их в племя.

Отдельные большие семьи обособлялись из числа остальных в качестве знатных, привилегированных. Они выделялись по праву генеалогического старшинства, но в то же время обычно это были самые богатые семейные общины, в руках которых сосредоточивалась большая часть земли.

Имущественное расслоение сочеталось с различиями в старшинстве и знатности. Экономической основой расслоения общества являлся прежде всего захват знатными семьями земли как главного богатства, затем довольно далеко зашедшее здесь разделение труда.

Ремесло считалось на рассматриваемых островах занятием почетным и уважаемым. Наиболее почитаемыми были строители различных профилей. Ремесленники объединялись в особые группы во главе со своим вождем. Каждая такая группа имела свои секреты производства, важнейшие их которых хранились в строгой тайне и передавались только по наследству. Внутри отдельных профессий существовала специализация по выполнению отдельных операций. Строители лодок входили в привилегированную прослойку общества и были чрезвычайно уважаемы. Спуск на воду новых лодок сопровождался торжественными церемониями. Ремесленники менее уважаемых профессий занимали место наравне с рядовыми общинниками-земледельцами.

На островах не существовало обмена продуктами ремесленного труда. В пределах натурального хозяйства ремесленники выполняли работу на заказ. По мере надобности хозяйства нанимали того или иного ремесленника и содержали его, пока он не кончал работу.

Рост производительных сил и общественное разделение труда как следствие этого роста создавали условия для расслоения обществ на привилегированную верхушку и рядовых общинников. Стал возможным постепенный захват значительной части земли этой привилегированной верхушкой Каждый общинник мог занять любой участок необработанной земли, и после того как он ее обработал, данный участок становился его собственностью. Мелкие общины находились в зависимости от крупных и платили их вождям подать. Они регулярно отдавали часть урожая, изготовляли для них циновки и т. п. Практиковались и экстраординарные сборы по поводу приема вождем гостей, для различных праздников и т. п. Собранная рента шла на содержание семьи вождя, проведение различных обрядов в его семье, на религиозные церемонии, сопровождавшие общественные работы, содержание ремесленников-специалистов; часть продуктов

запасалась на случаи голода. За отказ платить ренту общинники наказывались. В некоторых случаях общинников за это даже убивали. Кроме принуждения вожди использовали свою традиционную и религиозную власть. Как на Гавайях и Таити, вожди выбирали нарушителей для жертвоприношений.

Владельческие права основной массы производителей на землю были еще сильны. В этом сказывалось влияние еще сохранявшейся структуры родо-племенного строя. Межобластные объединения в этот период лишь намечались. Повсеместно доминировала раздробленность, а на Маркизских островах сохранялись еще обособленные многочисленные племена, и тенденция к объединению была очень невелика.

Общественный строй на Маркизских островах, Туамоту и Гамбье к моменту появления там европейцев представлял собой по сравнению с другими полинезийскими обществами (гавайским, таитянским, тонганским, самоанским) более низкий этап общего для них процесса превращения первобытнообщинного строя в раннеклассовый.

3. НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ОКЕАНИИ

Океания оставалась вне поля зрения колониальных держав до второй половины XVIII. Несмотря на ряд испанских и голландских экспедиций XVI – XVII вв., ни Испания, ни Голландия не утвердились в Океании. Малонаселенные и неисследованные острова Тихого океана сулили первым колонизаторам мало выгод по сравнению с Индонезией, Филиппинами и Америкой. Пути через Тихий океан еще не имели для главных морских держав Европы — Англии и Франции — большого значения. После окончания Семилетней войны положение резко изменилось. Англия вышла из этой войны первой морской державой. Франция, потерявшая почти все свои колониальные владения в Северной Америке и Индии, не собиралась примириться с утратой своего прежнего положения. Англо-французская борьба велась теперь не только на Антильских островах, в Индостане, не только на старом португальском морском

пути в Индию, но и в Тихом океане, в районах, которые до этого времени находились вне сферы интересов колониальных государств.

Франция, стремясь компенсировать свои потери захватом островов Тихого океана, стала готовить планы новой колониальной экспансии. Англия, стараясь не допустить утверждения Франции на пути между Азией и Америкой, также развернула в Океании активную деятельность. Однако соперничество двух великих держав в этот период не носило форму открытой борьбы за захват островов Тихого океана, так как между ними только что закончилась война и был подписан мирный договор. Особую активность в разработке экспансионистских планов проявила богатая торговая буржуазия приморских городов севера и запада Франции (Гавра, Руана, Сен-Мало, Нанта), усиленно поддерживавшая колониальную политику французской феодальной монархии еще с XVII в. Тропические острова Тихого океана были удобным объектом для осуществления замыслов, связанных с возрождением колониального величия Франции. Просторы Тихого океана были почти не исследованы. Предполагалось, что там находится множество богатых, плодородных земель.

Палица из китовой кости. Новая Зеландия.

Первый французский мореплаватель, побывавший в Океании, Луи Антуан де Бугенвиль в 1763 г., еще до начала своего кругосветного плавания (1766 – 1769), разработал проект колонизации Малуэнских (Фолклендских) островов, лежащих на юге Атлантического океана, с помощью

французских поселенцев, изгнанных англичанами из Канады. Министр морского флота поручил Бугенвилю основать там французскую колонию. Заодно перед Бугенвилем ставилась задача предварительного исследования острова Тихого океана для последующего осуществления более широкой колониальной экспансии. Официально было заявлено, что цель французской экспедиции состоит в том, чтобы «обогатить географию знаниями, полезными человечеству».

Сам Бугенвиль не проводил открытой захватнической политики на вновь открытых островах. Однако истинные задачи экспедиции были связаны с подготовкой последующих колониальных захватов островов Океании Францией. Большинство английских и французских экспедиций второй половины XVIII в. проводилось под предлогом научных изысканий, так как мир между Англией и Францией не позволял открыто посылать военные экспедиции без угрозы создать конфликт между обеими державами. Официальной целью экспедиции Бугенвиля, как уже указывалось, было расширение географических знаний, а первого плавания Кука — наблюдение за прохождением Венеры через солнечный диск. Экспедиции в Океании в конце XVIII в. действительно имели определенную научную ценность. Такой же характер носили экспедиции де Сюрвиля (1770), М. Дюфранса (1772), Ж. Ф. Лаперуза (1785—1786) и С. Уоллиса (1767).

ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ НА ТАИТИ

Англия, победив Францию в Семилетней войне, не желала, чтобы французы взяли реванш на Тихом океане. В 1768 г. в Океанию была отправлена экспедиция Джеймса Кука, с которой обычно связывают начало английских исследований островов Тихого океана и их колонизации. Однако первым англичанином, появившимся на Таити, был капитан Сэмюэл Уоллис, который достиг острова в июне 1767 г. Уоллис привез в Европу сведения о забытом со времен испанца Кироса острове. Именно после этого английское Адмиралтейство решило избрать Таити местом астрономических исследований экспедиции Кука. Уоллису принадлежала и сомнительная честь первым ознакомить таитян с европейской «цивилизацией». Английский капитан организовал настоящую бойню, решив проучить островитян, ко-

торым было неизвестно европейское понятие собственности, за пропажу нескольких вещей с судна.

Именно с 1767 г. можно начать историю попыток колонизации Таити европейцами и историю борьбы населения архипелага за свою независимость. В апреле 1768 г. у берегов Таити появились корабли экспедиции Бугенвиля. Французы были приветливо встречены островитянами. Бугенвиль в своей книге изобразил Таити счастливым островом, где люди живут, не зная забот и огорчений. Несмотря на все меры предосторожности, принятые Бугенвилем, французские моряки начали бесчинствовать на острове и даже совершили несколько убийств. Бугенвиль пишет, что после убийства трех таитян французскими моряками «население охвачено тревогой, женщины и дети бегут в горы, унося с собой скарб и даже трупы своих близких». Лишь через несколько дней Бугенвилю удалось успокоить напуганных и возмущенных таитян, обещав наказать виновных моряков. Провозгласив Таити владением Франции, Бугенвиль покинул остров.

В апреле 1769 г. на остров Таити прибыла первая экспедиция Кука. Кук объявил Таити владением Англии, руководствуясь инструкцией Адмиралтейства от 30 июля 1768 г. На обратном пути с о-ва Таити Кук открыл о-ва Хуахине, Раиатеа, Тахаа и Борабора, расположенные к западу от Таити, назвав эту группу островами Общества. Кук еще трижды посещал Таити во время двух последующих плаваний. Дело не только в том, что на Таити Кука гостеприимно встречали вожди, и не в том, что на Таити Кук ремонтировал суда и пополнял запасы продовольствия. Значительную роль здесь играло англо-французское соперничество. Кук старался внедрить в сознание островитян мысль о превосходстве англичан над французами.

Союзница Франции по Семилетней войне, Испания и после окончания войны выступала на стороне Франции, полагая, что основная опасность для ее колониальных владений исходит от Англии. Испанская монархия не собиралась уступать свои позиции. Особый интерес Испания стала проявлять к островам Тихого океана после английских и французских экспедиций 60-х годов XVIII в., опасаясь, что этот район может стать базой для экспансии более сильных европейских держав в испанских владениях Центральной и Южной Америки. Именно испанцы выступили инициаторами миссионерской деятельности на Таити. Еще в начале 70-х годов на Таити побывал испанский корабль Фелипе Гон-

салеса, провозгласившего о-ва Таити и Пасхи владениями испанской короны. Более серьезная попытка закрепиться на Таити была сделана испанцами в 1774—1775 гг., в промежутке между третьим и четвертым посещениями Таити Куком. 27 ноября 1774 г. к берегам Таити подошел испанский корабль из Перу под командованием капитана Доминг Боначеа, который вскоре заболел и умер

Посетив некоторые острова архипелага Таити, испанцы в январе 1775 г. отправились к берегам Южной Америки, оставив на острове двух католических миссионеров. Проповедь христианства среди таитян успеха не имела. В том же 1775 г проповедники отбыли в Перу. Проект испанской колонизации и первая попытка христианизации Таити были безуспешны.

Четвертым посещением Кука Таити в 1777 г. закончился первый период начального этапа колониальной экспансии на Таити. В этот период (1767—1777) западные державы делали лишь первые разведывательные шаги на пути к более широкой экспансии на островах Тихого океана. Ни одна из соперничавших сторон не приступила к прямым захватам в Океании из боязни нарушить равновесие сил, сложившееся после Парижского мира 1763 г. На Таити обе стороны действовали косвенными методами, в первую очередь стремясь распространить свое влияние среди феодализирующейся верхушки острова, чтобы создать условия для последующего колониального захвата. Несмотря на поддержку Франции, Испании не удалось закрепиться на Таити, в первую очередь вследствие противодействия Англии, но и последняя не предпринимала попыток реализовать свои «права» на остров, главным образом из боязни ответных мер со стороны франко-испанской коалиции.

После 1777 г. и вплоть до 1788 г. ни одно европейское судно не посещало Таити. Прибытие в 1788 г. английского корабля «Леди Пенрин» под командованием капитана Севера открыло новый, заключительный период первого этапа европейской экспансии на Таити, закончившийся в 1797 г. В этот период Франция не могла принимать активного участия в событиях в районе Тихого океана вследствие начавшейся революции и последовавшего за ней периода европейских войн. За все это время Франция отправила в Тихий океан лишь одну экспедицию д'Антркасто (на поиски Лаперуза), которая обследовала главным образом район Меланезии Напротив, англичане все чаще стали появляться на островах Тихого океана, в частности на Таити.

Возросший интерес к Таити в 80—90-х годах объяснялся развитием мореплавания в Тихом океане и начавшейся колонизацией Нового Южного Уэльса. Джеймс Кук во время своего первого путешествия, проплывая вдоль Австралийского континента, назвал его юго-восточную часть Новым Южным Уэльсом и водрузил там английский флаг. Он провозгласил весь новый континент владением Великобритании, что несколько возместило потерю части колоний, понесенную в связи с американской революцией. Известия о колоссальном континенте, вне всякого сомнения более обширном, чем самые большие острова Южной Азии, возбудили много толков и живейший интерес в ученом и коммерческом мире Европы. Выгоднейший китобойный промысел, охота на котиков, охота на пушных зверей — вот что манило купцов в этот далекий край, где до Кука почти никто не бывал и о котором сам Кук мог мало что рассказать в своем путевом дневнике.

После подписания Версальского мира в 1783 г. Англия окончательно и безоговорочно признала свое поражение в Америке и согласилась рассматривать отныне восставшие против нее колонии как совершенно самостоятельные Соединенные Штаты. Англия начала колонизацию Австралии в 1788 г. посылкой туда первых 750 каторжников. Таити стал превращаться в пункт, куда более или менее регулярно заходили английские корабли, совершавшие плавание в Австралию и Южную Америку. С 1788 по 1797 г. Таити посетили Север, Блай, Эдуард, Ванкувер, Витерхид, Нью и другие английские капитаны.

Наиболее заметным последствием участившихся посещений острова было появление на Таити европейского населения, образовавшегося преимущественно из беглых матросов, и связанное с этим широкое знакомство островитян с огнестрельным оружием.

Английские путешественники на Таити в 80—90-х годах XVIII в. подготовили почву для более широкой экспансии Англии, связанной с деятельностью миссионеров. Осуществление этой экспансии облегчилось тем, что к концу XVIII в Англии на Таити не угрожали европейские соперники, как это было в 60—70-х годах.

Во второй половине XVIII в. на Таити происходил интенсивный процесс, свидетелями которого стали английские и французские путешественники . Своими истоками он восходил к более отдаленным временам, но данный период получил дополнительные стимулы вследствие воздействия

на таитянское общество контактов с европейцами Как уже говорилось выше, характерной чертой таитянского общества второй половины XVIII в. был переход от первобытно-общинного к раннеклассовому обществу с сохранением значительных черт родовых отношений, продолжавших оказывать очень большое воздействие на жизнь таитян. К моменту появления на Таити европейцев классовое расслоение и имущественная дифференциация приобрели здесь отчетливые формы Социальные изменения на острове проявлялись в форме борьбы вождей за верховную власть Лишь ко второму десятилетию XIX в здесь окончательно победила и утвердилась династия Помаре. Борьба вождей Таити за верховную власть была подстегнута появлением европейцев, которые снабжали вождей огнестрельным оружием и принимали непосредственное участие в междоусобных войнах. Таким образом, хотя не европейское вторжение послужило причиной бурных политических событий на Таити конца XVIII — начала XIX в., оно оказало большое влияние на ускорение процессов, происходивших в общественной жизни острова.

Во второй половине XVIII в. весь остров был разделен на ряд территорий, находившихся под властью того или иного вождя из слоя арии. Ни один из вождей не распространял свою власть на весь остров, хотя иногда некоторые из них временно, благодаря удачным войнам, подчиняли себе соседей. Но обычно такие действия вызывали к жизни коалицию соперничавших вождей, которые выступали против попыток объединения Таити. Точное число территориальных объединений — областей установить трудно, так как оно все время менялось. Весь п-ов Таити-ити находился во владении вождей из рода Тева, которые распространяли свою власть также на южные и центральные области п-ва Таитиуи Главными областями на Таити-ити были Таутира и Теахуноо, вождь которой Вехиатуа держал в руках весь полуостров. На Таити-нуи вожди из рода Тева правили областями Ваиари, Матаиеа, Атимаоно и Папара Из них наиболее значительную роль в истории Таити играла область Папара.

На Таити-нуи были расположены также следующие области (в направлении к северу от Папара). Аахуру, или Теоронеаа, Тефана, или Фаа, Пурионуу, Ахароа. Некоторые из них подразделялись на более мелкие территориальные единицы, каждая из которых находилась под властью отдельных вождей: так, в область Атахару входили районы

Паэа Пунаауиа, в Пурионуу — Паре и Аруэ, в Ахароа — Матаваи, Вапиано, Тиареи, Махаэна, Хитиаа.

Еще до прихода европейцев на Таити появился титул верховного вождя, который получал наиболее удачливый из областных вождей. С середины XVIII в. начали выдвигаться вожди области Папара, которые возглавили весь род Тева. В конце 60-х годов XVIII в областью Папара и другими, на которые распространялась власть рода Тева, управлял потомок вождей Папара — Амо и его жена Пуреа (или Обереа), дочь вождя области Тефана. Формально правителем южной части острова по таитянским обычаям был малолетний сын Амо и Пуреа — Теринрере (после рождения сына отец отказывался от своего титула в его пользу). Область Атахуру (западное побережье Таити-нуи) находилась во власти вождя Тутахи, который, будучи младшим отпрыском местного рода, не мог претендовать на титул верховного вождя.

Важную роль в междоусобной борьбе XVIII в. играли и вожди района Паре области Пурионуу, на северо-западном побережье Таити-нуи — Теу и его сын Ту, выступившие в союзе с Тутахой. Вскоре после отбытия Бугенвиля на Таити вспыхнула междоусобная война; соединенные силы Тутахи, Вехиатуа и Ту выступили против области Папара. В этой войне вожди Папара потерпели поражение и утратили первенствующее политическое значение. Хотя Теринрер остался вождем своих прежних областей, но на первое место выдвинулся вождь Тутаха, ставший после смерти Теу регентом при малолетнем Ту.

Во время первого посещения Таити Куком на Таити-нуи решающим влиянием пользовался Тутаха, который фактически стал верховным вождем всего полуострова. Стремясь объединить весь остров, он вступил в конфликт со своим бывшим союзником Вехиатуа, вождем Таити-ити Борьба началась еще в 1769 г., во время пребывания Кука на Таити. В 1770 г. произошла морская битва близ берегов Таити-ити, которая не принесла успеха ни одной из сторон В 1773 г. Тутаха и Ту, собрав значительные силы, двинулись по суше к перешейку, на котором произошло ожесточенное сражение (март 1773 г.). Вехиатуа одержал решительную победу. Тутаха был убит, Ту бежал в горы, армия Таити-нуи была рассеяна. Вехиатуа вторгся в области врага и разграбил их. Ту был вынужден принять мир на условиях, продиктованных ему Вехиатуа. Смерть Тутахи выдвинула на первый план на Таити-нуи Ту, который, оправившись от поражения, вы-

ступил в качестве претендента на верховную власть на острове. Кук, наблюдавший во время своего второго посещения острова в 1774 г. таитянский флот перед походом на о-в Эймео, расположенный по соседству, свидетельствует, что Ту располагал уже значительной силой и властью.

К 1774 г. обстановка на Таити разительно изменилась. В 1772—1773 гг. Ту был незначительным вождем, лавировавшим между правителями областей Тефана и Атахуру, которые вовлекали его в борьбу на о-ве Эймео. А в 1774 г. Кук писал о Ту как о верховном вожде острова, называя его королем.

Решающую роль в войне с Эймео играл один из вождей области Тефана — Тоуха, которого Кук называет адмиралом Ту, он отметил соперничество между Ту и Тоухой. В 1777 г. вражда между этими вождями едва не привела к открытому конфликту. В 1783 г. против Ту выступили вождь о-ва Эймео Махине и вожди Атахуру. В сражении, которое произошло в районе Паре, Ту потерпел поражение и бежал, а его области подверглись опустошению.

Когда в 1788 г. на Таити прибыл капитан Блай, он нашел Ту (он сменил свое имя на Помаре) в очень затруднительном положении. Район Паре, в котором жил Помаре, был опустошен, все соседние вожди выступали против Помаре, от флота которого осталось лишь три каноэ.

Бесконечные усобицы, опустошение и разорение целых областей возбудили резкое недовольство таитянских общинников, жаждавших установления мира. Наряду с этим важной причиной, ускорившей объединение Таити, было усиление европейской экспансии после 1788 г. Стремясь объединить Таити, Помаре и его союзники старались установить дружеские отношения с иностранцами Они охотно принимали беглых матросов, используя их знакомство с ремеслами и огнестрельным оружием, стремились закупать у капитанов иностраных судов как можно больше европейского оружия, делали попытки побудить европейцев принять непосредственное участие в борьбе за объединение Таити. В значительной мере им удалось добиться своих целей, хотя не следует забывать, что впоследствии политика династии Помаре в отношении европейцев была довольно умело использована английскими миссионерами для захвата власти на острове в свои руки.

Помаре и его сторонники искусно сочетали политику использования европейской помощи с маневрированием между группировками вождей. С помощью членов экипажа «Баунти»

Помаре в 1790 г. разбил вождя Эймео Махине, который потерпел поражение вместе со своими союзниками из Атахуру. Вожди области Атахуру вскоре покорились Помаре. После этого власть Помаре признал и по-в Таити-ити. К концу XVIII в единственным независимым вождем на острове оставался вождь области Папара. Область Папара перешла под власть Помаре лишь в XIX в.

Отношения с европейцами и влияние последних на политическую жизнь Таити были различны на протяжении двух периодов ранней европейской экспансии на острове. В 1767—1777 гг., т. е. во время посещения острова Уоллисом, Бугенвилем, Куком, Боначеа, воздействие европейцев на жизнь Таити было гораздо менее значительным, чем в 1788—1797 гг.

Первые контакты с европейской цивилизацией принесли таитянам смерть от огнестрельного оружия, сифилис, знакомство со спиртными напитками. С самого начала европейцы крайне жестоко обращались с таитянами. К жестоким расправам на Таити прибегал и капитан Кук. Его записи о пребывании на Таити во время трех путешествий пестрят упоминаниями о наказаниях таитян за те или иные «проступки». Матросы Кука стреляли в безоружных таитян, грабили их имущество. Сам Кук не останавливался перед захватом и сожжением каноэ и нанесением увечий островитянам. Дюмон-Дюрвиль, рассказывая о том, как Кук во время четвертого посещения Таити 1777 г. приказал отрезать уши таитянину, укравшему секстант, замечает: «Для европейцев, кажется, это значило слишком придерживаться турецкого уголовного уложения, но Кук всегда поступал таким образом. Это была постоянная система обхождения его с дикарями».

Влияние контактов с первыми европейскими путешественниками, посетившими Таити, на политическую жизнь острова было большим, но в основном оно носило косвенный характер. Таитянские вожди решили, что можно извлечь из знакомства с европейцами выгоду, а последние стремились упрочить свое влияние на острове, помогая различным вождям. Например, Уоллис поддерживал вождей Папара, а Кук установил тесные связи с вождем Тумахой, а затем с Ту. Наиболее дальновидные вожди видели опасность, которая угрожала Таити со стороны европейцев. Так, Ту, хотя Кук и уверял его в своей дружбе, отказался от его помощи в походе против Эймео, несмотря на настойчивые предложения. Мысль об использовании

европейев для объединения острова утвердилась в умах вождей Паре позже — уже в 80—90-х годах XVIII в., но и тогда они предпочитали иметь дело с отдельными европейцами, преимущественно с беглыми матросами, а не с военными экспедициями. Таким образом, первые контакты с европейцами заставили таитян настороженно отнестись к пришельцам, показавшим себя не в самом выгодном свете.

Знакомство с огнестрельным оружием и европейскими изделиями из железа имело для таитян огромное значение. Этот фактор сыграл большую роль в борьбе вождей Паре за верховную власть в конце XVIII в., когда они, стремясь опереться на помощь европейцев, одновременно пытались не допустить утверждения их господства над островом. Период 1788—1797 гг. характеризуется расширением контактов населения Таити с европейцами. Как уже указывалось, большое число различных экспедиций (преимущественно английских) посетило в эти годы о-в Таити, который начал превращаться для европейских судов в место отдыха и пополнения припасов. Значительно расширилась меновая торговля таитян с европейцами. Если во времена плаваний Бугенвиля и Кука таитяне принимали в обмен на съестные припасы различные блестящие безделушки и вещи, не имеющие практической ценности, то в 90-х годах XVIII в. положение резко изменилось: островитяне в первую очередь требовали изделия из железа и ткани.

Интерес к Таити со стороны английских торговцев по мере роста спроса на европейские товары возрастал. Тот же Ванкувер в 1792 г. подчеркивал, какие выгоды принесет организация регулярной торговли с Таити. В этой торговле английский капитан предлагал воспользоваться пристрастием вождей Таити к спиртным напиткам.

Помаре стремился сосредоточить торговлю с европейцами в своих руках, особенно такими предметами, как огнестрельное оружие и топоры. Понимая, какое значение приобретает вооружение таитян огнестрельным оружием, Помаре прилагал все усилия, чтобы получить его как можно больше. Матросы с мятежного «Баунти», оставшиеся на Таити в 1789 г., были использованы Помаре в борьбе за верховную власть. Они передали таитянам огнестрельное оружие, научили им пользоваться и построили для Помаре небольшое судно. В 1790 г. матросы корабля «Баунти» приняли непосредственное участие в покорении Атахуру. Использование европейцев было составной частью политики Помаре, направленной на объединение Таити под своей властью. Все попытки поселившихся на острове европейцев играть самостоятельную роль в политической жизни острова решительно пресекались. Так, когда в 1789 г. один из английских авантюристов пытался захватить власть на п-ве Таити-ити, он был убит таитянами. В 1791 г. Помаре избавился от матросов с «Баунти», выдав их капитану Эдуарду. К 1797 г. Помаре I и его сын Помаре II почти завершили объединение Таити. Их власти покорились почти все области Таити-нуи и Таити-ити, а также соседние мелкие острова Эймео, Мотеа, Тетуароа. Резиденция Помаре II находилась на Таити, а Помаре I жил на о-ве Эймео, который превратился наравне с районом Паре в своего рода домен семьи Помаре.

В начале 90-х годов XVIII в. верховную власть Помаре признали острова Хуахине и Тубуаману. Вождь о-вов Раиатеа и Тахаа провозгласил Помаре II своим наследником. Основным итогом политического развития Таити к концу XVIII в. было явное возобладание тенденций к объединению архипелага и превращению власти верховного вождя в королевскую власть. К началу XIX в. на Таити было создано сильное государство, с которым не могли не считаться европейцы и которое смогло противостоять первым попыткам колониальной экспансии. Тем не менее нельзя не заметить слабости этого государства. Процесс объединения архипелага Таити к концу XVIII в. не был завершен. О-ва Борабора, Маупити, Тупаи не подчинились власти Помаре, на самом Таити были еще сильны сепаратистские тенденции, особенно в областях Атахуру и Папара. Известную опасность таила в себе и политика семьи Помаре по отношению к европейцам. Пока последние не имели прочных позиций на острове, Помаре могли использовать их в своих целях, не поступаясь своей властью и суверенитетом архипелага. Но впоследствии, допустив на остров миссионеров, в которых они пытались найти союзников, Помаре сделали важный политический просчет, корни которого уходили в их политику в отношении европейцев еще в 70-х годах XVIII в.

НАЧАЛО БРИТАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Спустя 18 лет после посещения Дж. Куком восточных берегов Австралии английское правительство вспомнило об этом материке и решило приступить к его колонизации. В

80-х годах XVIII в. стали перенаселяться не только английские города, но и английские тюрьмы С конца XV в. в сельском хозяйстве страны начало быстро развиваться овцеводство за счет сокращения земледелия. Крупные землевладельцы во все более широких масштабах превращали свои поместья в пастбища. Они захватывали общинные земли, находившиеся в совместном владении с крестьянами-держателями, а также сгоняли этих крестьян с их наделов и обращали наделы в пастбища. При этом они сносились не только отдельные крестьянские дома, но и целые деревни. Согнанные с земли и не нашедшие работу крестьяне образовали огромную армию бродяг. Безработные и бездомные люди стояли перед дилеммой: украсть или умереть.

Уголовные законы того времени отличались необычайной жестокостью. Смертная казнь предусматривалась за 150 видов преступлений — от убийства до кражи из кармана носового платка. Разрешалось вешать детей, достигших семилетнего возраста. Чтобы разгрузить тюрьмы, британское правительство отправило каторжников в Северную Америку. Плантаторы охотно и щедро оплачивали транспортировку даровой рабочей силы. от 10 до 25 ф ст. за человека в зависимости от того, имел он квалификацию или нет. В период между 1717 и 1776 гг. примерно 30 тыс. заключенных из Англии и Шотландии и 10 тыс. из Ирландии были высланы в американские колонии. Когда же американские колонии добились независимости, британское правительство попыталось высылать заключенных в свои колонии в Западной Африке. Последствия оказались катастрофическими. Губительный климат приводил к колоссальной смертности. В 1775—1776 гг. в Западную Африку прибыло 746 человек. Из них 334 умерли, 270 пытались бежать и погибли, об остальных министерство внутренних дел сведений не имело В результате Англия отказалась от использования западноафриканских колоний как места ссылки. Прошло много лет, прежде чем британское правительство обратило свои взоры к Австралии. Этому немало способствовал ботаник Джозеф Бенкс, участник экспедиции Дж. Кука. В 1779 г он рекомендовал исследовать Ботани-бей, представляющий, по его утверждению, идеальное место для организации поселения. В 1783 г. Дж. Бенкса поддержал Джемс Матра, житель Нью-Йорка, также принимавший участие в плаваниях Дж. Кука и сохранивший лояльность по отношению к британскому правительству. Он предлагал раздать большие участки земли в районе Ботани-бей американцам выступавшим

на стороне англичан в период войны с восставшими американскими колониями, а коренных жителей тихоокеанских островов переселить в Австралию и раздать американским колонистам как рабочую силу. В 1785 г. за скорейшую колонизацию Австралии стал ратовать адмирал Джордж Юнг. Наконец правительство начало действовать.

В 1786 г. был подготовлен план создания колонии ссыльных в Австралии. В январе 1787 г. король Георг III сообщил о нем в своей речи в парламенте. Командовать транспортировкой первой партии ссыльных в Австралию министр внутренних дел лорд Сидней назначил капитана Артура Филлипа. При обсуждении вопроса о ссыльном поселении в южных морях не упускалась из виду и Новая Зеландия. Правда, в 1784 г. палата общин высказалась против организации там поселения. Объяснялось это весьма нелестной характеристикой, которую и сам Кук, и его спутники дали маори. Но уже Джеймс Матра подчеркивал целесообразность использования Новой Зеландии, находящейся относительно недалеко от Австралии, для снабжения австралийских колонистов льном и строительным и корабельным лесом. В распоряжении лорда Сиднея об отправке в Новый Южный Уэльс ссыльных говорилось, что корабли на обратном пути в Англию должны забрать в Новой Зеландии лен и лес. Однако Артур Филлип попал в Австралии в столь трудное положение, а заботы, связанные с организацией поселения, оказались так велики, что ему было не до Новой Зеландии.

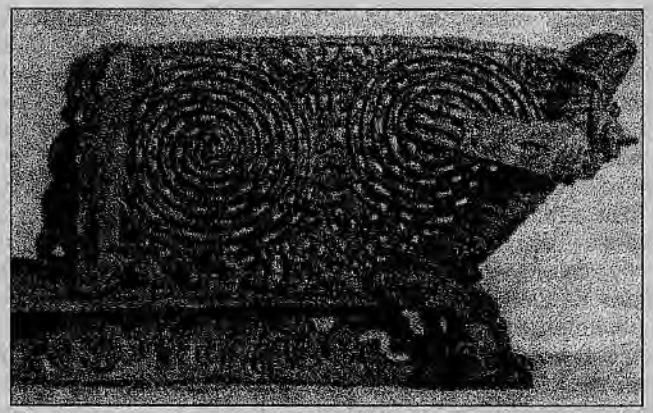
Первым из колониальной администрации Нового Южного Уэльса обратил внимание на Новую Зеландию Филипп Кинг, помощник Артура Филлипа по правлению ссыльным поселением на острове Норфолк. Убедившись в невозможности заставить заключенных заняться изготовлением льняного полотна, поскольку никто их них не знал, как это делать, Кинг решил привезти на остров нескольких маори, которые научили бы колонистов своему ремеслу. Он предложил 100 ф. ст. капитану китобойного судна «Вильям энд Энн» за доставку на Норфолк двух маори с новозеландских островов. Капитан обещал выполнить его просьбу, но обещания своего не сдержал. Тогда Кинг обратился за помощью к британскому правительству. Государственный секретарь Генри Дандес предписал адмиралтейству дать необходимые указания капитану Джорджу Ванкуверу. Но Ванкувер совершал в то время весьма ответственное плавание к Нутка-Саунд, за обладание которым разгорелся ожесто-

15 Зак 1368

ченный спор между Англией и Испанией. Он перепоручил выполнить приказ адмиралтейства лейтенанту Хансону, командиру корабля «Деделус». В апреле 1793 г. Хансон прибыл в залив Айлендс и украл двух маори, доверчиво поднявшихся по его приглашению на борт «Деделуса». Затем этих маори Кинг доставил в Сидней, а оттуда на остров Норфолк. Но оказалось, что украденные маори очень плохо разбирались в производстве льняного полотна, поскольку принадлежали к туземной аристократии: один был жрецом, а другой — военачальником. Тем не менее в течение шести месяцев они, находясь на острове, кое-чему научили здешних поселенцев.

В ноябре 1793 г. на Норфолк прибыл корабль «Британия». Кинг решил использовать представившуюся возможность и отправить маори на родину. Более того, он взялся сам сопровождать их в четырехтысячемильном плавании. Кинг собирался познакомиться с Новой Зеландией на предмет организации там британского поселения. Достигнув залива Айлендс, Кинг отпустил привезенных маори (Хуру и Туки) домой, щедро наградив их. На борту «Британии» Кинг принял маорийских вождей и подарил им нескольких свиней, которых предусмотрительно захватил из Норфолка, а также семенной картофель. Среди вождей находился Те Рахи, с которым Кингу предстояло еще раз встретиться в будущем. В свою очередь маори были приветливы и гостеприимны. Но недоверие к бледнолицым они не могли побороть в себе, несмотря на богатые подарки англичан и факт возвращения их соотечественников на родину живыми и невредимыми. В последующие годы в Новую Зеландию участились заходы китобойных судов. В начале 1775 г. в южной части Тихого океана был убит первый кашалот, и после этого китобойный промысел постепенно стал развиваться именно здесь. Южные моря привлекали к себе внимание и как место ловли котиков. Именно в связи с этим было создано первое, недолго существовавшее британское поселение в Новой Зеландии. В 1791 г. в Порт-Джексоне возникло предприятие «Эндерби и сыновья», которое задалось целью организовать систематическую ловлю котиков в морях, омывающих Новую Зеландию.

В октябре 1792 г. Эндерби послал корабль «Британия» под командованием капитана Вильяма Ревена в Даски-Саунд. 3 ноября корабль прибыл на место и на берег высадился 41 человек для создания базы и ловли котиков. Через восемь месяцев «Британия» в сопровождении «Френсиса», первого корабля, построенного в Порт-Джексоне, вернулась в Даски-Саунд, чтобы забрать оставленных там людей и шкурки котиков, которые они должны были к этому времени добыть. Коммерческие результаты деятельности британских промысловиков в Новой Зеландии оказались столь малыми, что фирме «Эндерби и сыновья» пришлось прекратить операции в этом районе. Однако ничто не могло



Часть военной пироги маори.
Новая Зеландия.

поколебать убежденности Кинга в больших потенциальных возможностях новозеландских островов. На свои средства он послал в 1795 г. судно «Френси» в Новую Зеландию для приобретения там леса и льна. Экспедиция прошла успешно. В марте 1795 г. «Френси» вернулось в Сидней с богатым грузом, который был выгодно продан. Успех Кинга поднял настроение сиднейских дельцов, и рейсы в Новую Зеландию из Австралии стали учащаться.

Новую Зеландию начали также посещать корабли, плывшие в Австралию из Индии. Доставив груз в Сидней, они на обратном пути заходили в воды Новой Зеландии и наполняли свои трюмы товарами, которые затем продавали в Китае и Индии. Одновременно увеличивалось количество заходов в новозеландские гавани китобойных судов и охотников за котиками. Кинг, получив должность генерал-губернатора Нового Южного Уэльса, не только не утратил интереса к Новой Зеландии, но, напротив, еще энергичнее пытался усилить там британское влияние. Пользуясь

оказиями, он все время посылал в Новую Зеландию, прежде всего Те Рахи, различные подарки, в том числе свиней и коз. Торговых экспедиций британцев в Новую Зеландию снаряжалось все больше.

Англичане не были монополистами в контактах с маори. С первых же шагов они встретили сильную конкуренцию американцев. Американские китобои начали свои операции в Тихом океане в 1791г. Активно действовали в тихоокеанских водах и французы. Общение маори с европейцами приобрело многосторонний характер. После 1800 г. британские, американские и французские китобойные суда приступили к регулярному промыслу у новозеландских берегов. Они заходили не только в залив Айлендс, но и практически во все удобные заливы на новозеландских островах, вступая в торговые отношения с маори. Нередко высадившиеся с кораблей команды для ловли котиков оставались на месяцы и даже годы в Новой Зеландии. На островах селились матросы и каторжники, которым удалось бежать из Нового Южного Уэльса. Маорийские племена, жившие на побережье, находились в постоянном контакте с европейскими и американскими моряками и торговцами. Маори помогали рубить и грузить на корабли вывозимый лес, их привлекали в качестве матросов на китобойные суда.

Большие последствия имело знакомство туземцев с огнестрельным оружием.Так, в 1821 г. вождь племени нгапухи — Хонги — совершил поездку в Англию. Там он получил различного рода подарки от английского правительства, которые на обратном пути в Сиднее обменял на ружья. После этого Хонги начал междоусобицу. В Окленде он убил тысячу человек, а в Вайкато — полторы тысячи. «Его соперник Те Ропарага, — писал известный французский ученый П. Леруа-Болье, — послал своего двоюродного брата в Англию, достал оттуда ружей и уничтожил почти всех маори на Южном острове. В этот период времени значительное число европейских авантюристов поселилось среди маори... Так как они умели обращаться с ружьями и чинить их, то они были хорошо приняты туземцами и играли значительную роль в войнах».

В междоусобную войну втягивались все новые и новые племена. Вследствие широкого применения огнестрельного оружия она была беспрецедентно кровавой. Результатом «контактов» аборигенов с колонизаторами явилось катастрофическое падение общей численности маори. Если во времена Кука их насчитывалось не менее 100 тыс. человек, то

в 1858 г. — всего лишь 56 тыс. Отношения маори с европейцами все более ухудшались. В ответ на нападения маори европейские капитаны проводили жестокие репрессии, кончавшиеся убийством десятков маори. Одна из таких «операций» была организована против Те Рахи и его людей. Европейские моряки стали так часто устраивать кровопролития, что генерал-губернатор Нового Южного Уэльса Маккуори вынужден был издать приказ, который требовал «от капитанов всех судов, отправляющихся из Порт-Джексона в Новую Зеландию или к любому другому острову в южной части Тихого океана, вносить в казну заклад в размере 1 тыс. ф. ст. как гарантию воздержания от дурных поступков в отношении туземцев». Первый историк Новой Зеландии военный врач А. Томсон в своей «Истории Новой Зеландии», вышедшей в 1859 г., определял отношения, сложившиеся между европейцами и маори, как «войну рас».

МИССИОНЕРЫ

Хотя первыми в контакт с маори вступили британские моряки и торговцы, создать первое постоянное поселение в Новой Зеландии, проложить дорогу для ее колонизации выпало на долю британских миссионеров. 17 ноября 1814 г. в залив Айлендс вошел корабль «Эктив», на борту которого находились представители Лондонского миссионерского общества в составе 21 человека во главе с Самуэлем Марсденом. С. Марсден родился в Англии за три года до того, как Дж. Кук отправился в свое первое плавание по Тихому океану. 28 лет от роду он был назначен помощником капеллана в Новый Южный Уэльс, куда выехал вместе с женой в июле 1793 г. Марсден поселился в Парраматте, в 15 милях от Порт-Джексона. Через год он получил должность старшего капеллана колонии и пребывал в ней почти 45 лет, до самой своей смерти. В начале 1794 г., спустя лишь два месяца после приезда в Австралию, Марсден, сопровождая губернатора колонии Петерсона, посетил остров Норфолк, где познакомился с Кингом, рассказавшим ему многое о маори.

В последующие года Марсден имел случай встречаться с маори, которых британские китобои частенько завозили в Сидней. Постепенно в нем зрела мысль о создании христианской миссии в Новой Зеландии. Поскольку колониальные власти не могли самостоятельно решить такой во-

прос, Марсден в феврале 1807 г. на корабле «Буффало» отправился в Лондон. Руководители Лондонского миссионерского общества одобрили его план. Трудность заключалась в наборе людей в состав мисии. Слишком страшна была европейская молва о маори как о «наиболее варварском среди диких племен». Наконец обществу удалось найти двух добровольцев, но, увы, не из среды духовенства: плотника Вильяма Холла и сапожника Джона Кинга. Сопровождаемый этими помощниками Марсден в августе 1809 г. покинул Англию. Лондонское миссионерское общество выхлопотало у британского правительства приказ генерал-губернатору Нового Южного Уэльса Маккуори об оказании необходимой помощи и об организации британской миссии в Новой Зеландии.

Во время обратного путешествия Марсден обнаружил среди команды корабля молодого маорийского вождя Руатара, с которым он познакомился несколько лет назад. Вернувшись в Сидней, Марсден начал с того, что принялся преподавать христианское вероучение Руатара и еще двум его соотечественникам. Одновременно Марсден пытался использовать пребывание этих маори в Австралии для обучения австралийских аборигенов искусству производства льняного полотна. Таким образом, первый миссионерский центр распространения христианского вероучения среди маори возник на австралийской почве — в Порт-Джексоне. Шли годы, а Марсден никак не мог добиться согласия генерал-губернатора Маккуори на поездку в Новую Зеландию. Тогда Марсден решил купить корабль для переправки миссии в Новую Зеландию за свой счет. В сентябре 1814 г. он стал владельцем брига «Эктив». Но и на этот раз Маккуори не разрешил Марсдену выехать из Нового Южного Уэльса, а распорядился, чтобы предварительно посетили Новую Зеландию сподвижники Марсдена.Капитаном брига «Эктив» был назначен Питер Диллон. Этот предприимчивый ирландец спустя 13 лет, в 1827 г., на корабле «Рисерч» совершил плавание с целью выяснить судьбу знаменитого французского мореплавателя Лаперуза и членов экипажей двух фрегатов, которыми тот командовал во время путешествия по Тихому океану в 1789 г. и которые бесследно пропали. Диллону удалось узнать об обстоятельствах гибели Лаперуза и его людей, за что французское правительство наградило его орденом Почетного легиона и присвоило графский титул.

Плавание в Новую Зеландию прошло благополучно. На «Эктиве» привезли в Сидней нескольких вождей маорийских племен, населявших северную часть Оклендского полуострова. Теперь уже у Маккуори не было оснований откладывать поездку Марсдена. 9 ноября Маккуори опубликовал приказ, где выражал намерение «предоставить туземцам Новой Зеландии и залива Айлендс все права и привилегии, которые распространяются на любую зависимую территорию Нового Южного Уэльса». Одновременно он назначил Кендалла судьей его величества «в заливе Айлендс в Новой Зеландии и повсюду на островах Новой Зеландии и всех сопредельных с ними островах».

28 ноября 1814 г. бриг «Эктив» вышел в открытый океан, направляясь к берегам Новой Зеландии. На его борту, кроме Марсдена, капитана брига Томаса Хансена с женой и сыном, четырех европейских и двух таитянских матросов, находились три миссионера с женами и шестью детьми, слуга, кузнец, два лесоруба, восемь маори, пятеро из которых были вождями племен, а также житель Сиднея Джон Николас, ехавший в качестве частного лица и впоследствии описавший это путешествие в книге «Рассказ о плавании в Новую Зеландию», опубликованной в Лондоне в 1817 г. Корабль вез многочисленные товары, а также скот для использования самими колонистами и для подарков вождям маорийских племен.

17 декабря «Эктив» бросил якорь у берегов Новой Зеландии, в заливе Айлендс. В течение трех дней маорийская знать наносила визиты Марсдену на борту брига. Наконец 20 декабря Марсден сошел на берег в Вангароа, где ему была устроена торжественная встреча. Марсден с помощью Руатара объяснил вождям свое намерение создать в заливе Айлендс постоянную христианскую миссию. Он прочитал приказ Маккуори от 9 ноября и заявил, что маори теперь не должны выступать самовольно против каких-либо притеснений со стороны экипажей европейских судов, посещающих Новую Зеландию, а должны направлять свои жалобы губернатору Нового Южного Уэльса, который призовет к ответу подданных «короля Георга и президента Джефферсона» за совершенные ими преступления на новозеландской земле, когда они прибудут в Порт-Джексон. Затем Марсден показал вождям проект договора на покупку земли для миссии, который он предусмотрительно заготовил еще в Сиднее. Сделка состоялась. Марсден приобрел у двух вождей 200 акров земли в Рангихоу в обмен на 12 топоров.

Основав в Рангихоу маленькую британскую колонию, Марсден 26 января 1815 г. покинул Новую Зеландию. В

Сидней он вернулся 23 марта. В своем отчете Маккуори о поездке Марсден писал, что было бы весьма полезно открыть в Сиднее специальное учебное заведение для коренных жителей тихоокеанских островов. С одобрения Лондонского миссионерского общества такая школа была организована в Параматте в 1815 г. В ней занималось всего четверо детей маори. За весь семилетний период существования школы число учащихся не превысило 16 человек. Однако и после формального ее закрытия Марсден продолжал уделять внимание вопросам образования молодых маори.

В это время оставленные в заливе Айлендс миссионеры в свою очередь пытались наладить обучение маори. Кендалл, овладев языком маори, пробовал создать маорийскую письменность, а профессор Кембриджского университета Самюэль Ли подготавливал маорийский словарь. В 1815 г. Кендалл с помощью прибывшего из Сиднея Вильяма Карлисла открыл первую в Новой Зеландии школу. В последующие годы Марсден продолжал расширять миссионерскую деятельность в Новой Зеландии. Во второй раз посетив страну, он совершил новую сделку — купил 13 тыс. акров земли в Кери-Кери, в заливе Айлендс, опять-таки за 12 топоров, и на приобретенном участке оставил новую миссию во главе с Джоном Батлером. Вернувшись в Сидней, Марсден стал настойчиво советовать представителю методистской церкви в Порт-Джексоне Самуэлю Лею побывать в Новой Зеландии с целью организации там методистской миссии.

В 1822 г. Лей отправился в Новую Зеландию и основал миссию в Касо, неподалеку от Вангароа. В следующем году уже сам Марсден создал в Паихиа, на расстоянии мили от впадения реки Ваитанги в залив Айлендс, еще одну миссию, во главе которой был поставлен Генри Вильямс. В 1827—1828 гг. христианские миссии появились в западной части Оклендского полуострова. Во время своего шестого приезда на Новую Зеландию, в марте 1830 г., Марсден основал новую миссию в Ваимате, в 12 милях от Паихиа, возглавляемую Девисом. Еще целый ряд миссий возник в 1835—1845 гг. Миссионеры, несмотря не свою малочисленность (в 1838 г., например, их насчитывалось всего 35 человек), действовали весьма энергично. К середине 40-х годов 60% коренного населения Новой Зеландии они обратили в христианство (40% — англиканская, 15% — методисткая, 5% — католическая церковь).

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БИЗНЕСА

Вместе с христианскими миссионерами Новую Зеландию «осваивали» и представители европейского бизнеса. Однако сначала их посещения носили эпизодический характер. По сообщениям миссионеров, за 1816—1819 гг. лишь 14 кораблей останавливались в заливе Айлендс. Со второй половины 20-х годов XIX в. англичане взялись за создание постоянных китобойных станций на новозеландской территории. В главный новозеландский порт — залив Айлендс все чаще и чаще заходили китобои. Так, число американских судов, посетивших залив Айлендс в 1835, 1837 и 1839 гг., составило соответственно 18, 44 и 62. Росло и количествоевропейских переселенцев, к середине 30-х годов их стало более 1 тыс. человек.

НОВАЯ ГВИНЕЯ

В 1511 г., возвращаясь из португальской Ост-Индии, потругалец капитан Антонио д'Абоу обратил внимание на какой-то остров продолговатой формы — возможно, это и была Новая Гвинея. Первым из европейцев высадился на ней португалец Менезиш. Это произошло в 1526. Он назвал увиденную им землю Папуа (от малайского «оранг папуа», что означает «курчавый черноголовый человек» — именно такими были жители острова).

С 20 г. годов XVI в. несколько испанских капитанов приближались к острову. Один из них, де Ретес, найдя сходство конфигурации берегов острова и очертаний побережья Гвинеи в Африке, дал ему название Новая Гвинея. В 1606 г. находившийся на испанской службе капитан Луис де Торрес обошел остров с востока и достиг его западных берегов, первым пройдя по проливу, отделяющему Новую Гвинею от Австралии. Де Торрес объявил остров собственностью испанской короны. Но эта его акция не была поддержана испанским правительством.

УКРЕПЛЕНИЕ ГОЛЛАНДИИ

В XVII в. господство в Тихом океане перешло к голландцам. К концу XVI — началу XVII в. голландцы и анг-

личане покончили с морским и колониальным превосходством Португалии и Испании. К началу 70-х годов XVI в. в руках Португалии из всех азиатских колоний остались Гоа, Даман и Диу в Индии и Макао в Китае. Власть Испании в Юго-Восточной Азии и Океании распространялась лишь на Филиппины и острова Микронезии. Быстрый взлет и падение, сила и слабость Португалии и Испании как крупнейших колониальных держав в значительной мере объясняются их социально-экономическим строем. Абсолютизм позволил королям, упрямо стремившимся к созданию мировых империй, быстро сконцентрировать силы и средства государства. Поначалу захват новых земель приносит ощутимые плоды — в метрополию ввозятся драгоценные металлы, дорогие пряности и ткани. Они создают видимость государственного могущества, позволяют делать «мировую политику». Так, Испания втягивается в продолжительные войны с Голландией, Италией, Грецией и Францией, крайне ее изматывающие. Опьяненная легкой добычей деспотическая власть стремится к новым и новым территориальным захватам в самых различных местах земного шара. Это заставляет ее постоянно содержать огромную армию и флот, вести непрерывные войны, отвлекать людей и средства на сохранение покоренных земель. Собственная промышленость и сельское хозяйство приходят в упадок.

Размеры и экономическое положение Португалии и Испании сразу оказались в противоречии с размерами и экономическим положением созданных ими колониальных империй. Маленькая Португалия, население которой составляло в то время не более 1 млн. человек, владела гигантскими колониями в Америке и Азии. Голландия также принадлежала к небольшим государствам Европы, но победа буржуазной революции в 1566—1609 гг. обусловила быстроту и глубину процесса капиталистического развития, что позволило Голландии на том этапе проводить колониальную политику достаточно основательно. Больше всего ее привлекали бывшие португальские азиатские колонии, ибо они были населены народами с высоким уровнем культурного и экономического развития. Поработив их, Голландия приобрела обширнейшие рынки для сбыта своих товаров. Одновременно она за счет колониальной эксплуатации получала в огромных количествах и за бесценок дорогостоящие восточные товары

Голландцы ненадолго вторглись в португальскую Бразилию, но вскоре покинули ее и с тех пор оставались лишь

в маленьком Суринаме и на крошечном острове Кюрасао. Сбросив в 1581 г. испанское иго на родине, голландцы начали вытеснять своих бывших господ из их южноазиатских владений. Первая голландская экспедиция в Индию организуется в 1595 г. Она заканчивается не совсем удачно. Голландцы теряют половину кораблей (два из четырех) и третью часть экипажа, правда, убеждаются в том, что могут плавать к берегам Индии. В 1598 г. в Индию посылается вторая экспедиция (семь судов). Она проходит с большим успехом. Ни один корабль не потеряли. Все возвращаются с богатым грузом пряностей.

В этом же году голландцы закрепляются на острове Ява, они создают там торговые фактории, опираясь на которые постепенно монополизируют торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Дальним Востоком. В 1601 г. уже 40 голландских кораблей направляются в Индию. Увидев доходность подобных предприятий, голландские купцы в марте 1602 г. объединились в общество по торговле с Индией — «Нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию». Компания получила такие права и привилегии, что стала своего рода государством в государстве.

С первых же шагов своей деятельности «Нидерландская Ост-Индская компания» энергично взялась за поиски новых земель. Теперь уже голландские корабли стали показываться в водах Новой Гвинеи. В 1606 г. Вильям Янц посетил южный берег острова. В 1616 г. Якоб Ле-Мер и Виллем Схаутен прошли вдоль северного берега. Капитаны Як Карстенс и Абель Тасман нанесли на карту часть новогвинейской береговой линии. Голландцы, обосновавшись на Молуккских островах, сделали попытку присоединить к своим владениями в Юго-Восточной Азии западную часть Новой Гвинеи, заключив с одним из местных владетелей договор, в котором признавались права последнего на эту территорию. Прямой же захват ее голландцы осуществили лишь в 1828 г. Но и голландцы не сохранили своего господствующего положения в бассейне Тихого океана.

АНГЛИЧАНИЕ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

В XVIII в. место голландцев заняли англичане, которых, в свою очередь, начали теснить американцы, весьма

активизировавшиеся на тихоокеанской сцене с конца XVIII столетия. Первым из английских мореплавателей, достигших новогвинейских берегов, был У.Дампир. В 1700 г. он открыл пролив, отделяющий этот остров от Новой Гвинеи. Спустя 70 лет капитан Дж. Кук зашел на Новую Гвинею, а до конца XVIII столетия там побывали Хантер, Маклар, Бемптон и Элт.

В XIX в. европейцы стали исследовать Новую Гвинею еще более усиленно. В течение века остров и омывающие его воды посетило около 800 экспедиций. Была изучена береговая линия Новой Гвинеи на всем ее протяжении. Некоторые ученые предприняли попытку исследовать особенности геологического строения острова, его флору и фауну. Но оставались они на Новой Гвинее, как правило, недолго. Лишь англичанин А. Уоллес, высадившийся на острове в 1858 г., провел там четыре месяца, изучая флору и фауну северо-западной части острова.

ДЯТЕЛЬНОСТЬ МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Огромный вклад в исследование Новой Гвинеи внес замечательный русский ученый Н.Н.Миклухо-Маклай. Никто из ученых до него не находился на острове столь продолжительное время. Никто из ученых до него не проводил столь высоконаучных изысканий в области антропологии, этнографии, лингвистики, социального строя, религиозных верований папуасов. Вместе с тем Н. Н. Миклухо-Маклай не относился к числу тех, кто бесстрастно созерцает объект своего исследования. Вся его научная деятельность высокогуманна. Н. Н. Миклухо-Маклай выступал как гневный обличитель преступлений западных колонизаторов в Океании, как друг коренных жителей Новой Гвинеи и других тихоокеанских островов, защитник их человеческих прав.

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

Новая Гвинея, открытая задолго до Австралии и Новой Зеландии, лежащая на перекрестке оживленных морских путей, оставалась, в сущности, неизвестной, несмотря на многочисленные посещения острова европейцами. Причина

тому — крайне тяжелые условия для исследования. Растительность Новой Гвинеи очень разнообразна (свыше 6800 видов). Флора острова, как и его фауна, весьма сходна с австралийской, поскольку Австралия, Тасмания и Новая Гвинея, возможно, представляли собой когда-то один материк. Растения и животные, естественно, могли тогда мигрировать. Крупных млекопитающих на острове очень мало. Зато много сумчатых: древесный кенгуру, валлаби, бандикут, опоссум. Сохранились яйцекладущие млекопитающие — ехидна и проехидна. В водах острова водится свыше 1400 видов рыб. Птиц насчитывается около 200 видов. Богатством оперения в птичьем мире выделяются райские птицы, являющиеся достопримечательностью именно Новой Гвинеи.

Новая Гвинея входит в состав Меланезии (от греческого слова «мелас» — черный). Время первого появления человека на Новой Гвинее установлено весьма приблизительно. Процесс заселения острова, по всей вероятности, растянулся на столетия и даже тысячелетия. Откуда шли волны миграции на Новую Гвинею, до сих пор точно не установлено. Очевидно, в основном из Юго-Восточной Азии. Попадая на Новую Гвинею, пришельцы оказывались в крайней изоляции от других народов.

Тем не менее ко времени появления на острове европейцев островитяне уже занимались сельским хозяйством, рыболовством, гончарным делом, сооружали прочные деревянные постройки. В прибрежных районах существовал налаженный обмен продуктами земледелия, рыболовства и ремесленными изделиями.

Население острова жило деревнями, в которых насчитывалось до 200—300 человек. Строения были разбросаны, часто далеко друг от друга. Контакты между деревенскими общинами сильно затруднялись гористым рельефом местности, непроходимыми джунглями. Не случайно у островитян не сложился единый язык, а до сих пор существуют многие сотни языков. Жители одной деревни не понимают языка жителей другой, расположенной нередко лишь в нескольких километрах. У аборигенов Новой Гвинеи не было ни начальников, ни вождей. Этого никак не могли понять пришедшие на остров европейские колонизаторы. Деревенских старшин, которые, как отмечал Миклухо-Маклай, не имели никаких привилегий и обладали лишь личными достоинствами, европейские пришельцы возводили в ранг вождей и даже королей, что, в свою очередь, было совершенно непонятно островитянам.

Вторжение на Новую Гвинею европейцев прервало традиционное течение жизни аборигенов.

КОЛОНИЗАТОРЫ

В авангарде европейского и североамериканского вторжения в Океанию находились купцы и христианские миссионеры. Главными торговыми соперниками в Тихом океане еще с конца XVIII в. выступали британские и северо-американские купцы. Появление американцев в водах Тихого океана относится к 70-м годам XVIII в., но активная их коммерческая деятельность начинается после установления торговых отношений с Китаем в 1789 г.

Первым пропагандистом в США «восточной» торговли стал Джон Ледьярд — американец, участвовавший в третьем плавании Дж. Кука. Хотя сам Кук был убит во время того плавания, его преемник довел корабль до берегов Китая и весьма прибыльно продал имевшиеся на корабле товары. Ледьярд правильно оценил открывающиеся перед Америкой возможности и по возвращении на родину начал действовать весьма энергично. В результате шесть купцов из Бостона и Салема в 1787 г., собрав 50 тыс. долл., снарядили экспедицию из двух судов для продажи мехов в Китае. После этого торговля Соединенных Штатов с Китаем быстро расширилась. В нее втянулся целый ряд крупных торговых домов Новой Англии (Дж. Астор, С. Жирар, Т. Перкинс, Форбесы, Торндайки и др.). Вскоре американские суда повезли в Китай сандаловое дерево и жемчуг, которые они приобретали на островах Океании. Большое развитие получил китобойный промысел. Уже к 1835 г. не осталось практически ни одного тихоокеанского острова, где бы не побывали американцы.

В 30-х годах XIX в. французское правительство послало ряд кораблей в Океанию для выяснения фактического положения дел и изучения возможностей развития китобойного промысла в этих водах. На Тихом океане в то время побывали известные французские мореплаватели Дюпти Туар, Лаплас, Дюмон-Дюрвиль. Их сообщения морскому министру были окрашены в весьма пессимистические тона. Они говорили о сильном оставании Франции от других держав в области китобойного промысла в Тихом океане и предлагали принять различные меры, направленные

на охрану интересов китобойного промысла Франции и его развитие.

В 40-х годах Франция ведет уже активную наступательную политику в Океании. Значительно расширяется в этот период и коммерческая деятельность французских предпринимателей. В 1845 г. в Гавре создается специальная компания с далеко идущими целями — вытеснение англичан из Океании.

МИССИОНЕРЫ

С европейскими и североамериканскими предпринимателями на тихоокеанских островах по размаху деятельности могли соперничать лишь христианские миссионеры. Однако они были не соперниками, а союзниками в подготовке почвы для осуществления западными державами прямых колониальных захватов в Тихом океане.

Раньше других в Океании появились миссионеры-англичане. Первые миссионеры, посланные Лондонским миссионерским обществом, прибыли в Океанию в 1797 г. Они высадились с корабля «Дафф» на острове Таити. Создание миссионерского центра на Таити ознаменовало собой начало 20-летнего полного господства английской церкви в Океании. Английское правительство не оказывало миссионерским обществом финансовой поддержки, не предоставляло своих кораблей для перевозки их представителей в Океанию, не обеспечивало постоянной охраны их безопасности на тихоокеанских островах. Несомненно, что интересы миссионеров и политические и коммерческие интересы их страны в Океании во многом совпадали. Это не скрывали и сами миссионеры. Так, Томас Хавейс — «отец миссионеров в Полинезии» и Джон Вильямс — «пионер миссионерской деятельности» часто говорили о той «национальной выгоде», которую получала страна в результате работы миссионеров. В качестве примеров указывалось на помощь в географическом изучении островов, создании морских баз, развитии торговли и т. д.

О тесной связи английских кругов и миссионерских обществ свидетельствует и сам состав миссионеров. Например, из 30 миссионеров, доставленных на Таити «Даффом», лишь 4 имели духовный сан, а остальные — весьма земные профессии. Руководители миссионерских организаций популя-

ризировали идею приобщения миссионеров к практическим делам: миссионерские организации в первый период не обеспечивали своих представителей в Океании сколько-нибудь регулярной финансовой поддержкой. Подготовка проповедников «слова божьего» была крайне низка. Они, в сущности, не имели понятия о тех народах, среди которых им предстояло жить и работать. Они лишь твердо усваивали, что перед ними дикари и идолопоклонники, коих необходимо как можно быстрее «обратить на путь истинный». Они не знали и не хотели знать истории островитян, они не понимали и не хотели понять достаточно сложный духовный мир «дикарей». Миссионеры верили в то, что история этих народов началась именно с их, миссионеров, прихода на острова. Пришельцы бесцеремонно и грубо вторгались в самые интимные стороны жизни островитян, разрушая и топча их веками сложившийся жизненный уклад. Это имело в высшей степени трагические последствия.

До 1820 г. английские миссионеры занимали монопольное положение в Океании. На тихоокеанских островах не было христианских миссий какого-либо другого государства. Но в 1820 г. на Гавайских островах появился первый американский миссионерский центр. Миссионерское движение в США зарождается к началу XIX в. Центром его становится Массачусетс. Там организуется несколько семинарий, учащиеся которых высказывают желание ехать миссионерами. В 1808 г. в городе Вильямсе Самуэль Миллс создает Орден собратьев для содействия отправке миссионеров к язычникам. Подобные организации появляются и в других городах Массачусетса. По их настоянию возникает Американский совет уполномоченных по делам иностранных миссий.

4. ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ НА ФИЛИППИНАХ

Первые испанские колонизаторы встретили на островах хорошо сложенных людей с лицами оливкового цвета, с приплюснутыми носами, большими круглыми глазами и длинными черными волосами. Они жили отдельными племенами, однако сходство в образе жизни, обычая, одежде доказывало общность их происхождения.

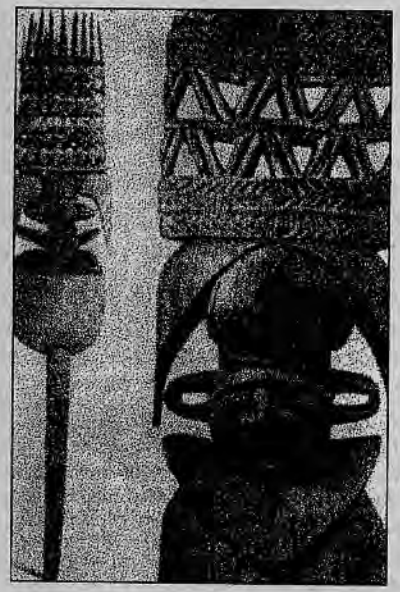
Филиппинцы не имели в то время писаных законов, за исключением, может быть, так называемого кодекса Калантиау (дошедшего до нас свода судебных законоположений, авторство которого приписывается одному из правителей Острова Паная в XV в.). Все гражданские дела решал раджа (местный вождь) с участием старейшин. Во время религиозных церемоний филиппинцы не пользовались ни идолами, ни постоянными культовыми сооружениями. Жертвоприношения совершались жрецами или, чаще, жрицами в специально построенных шалашах-жертвенниках. Языческие обряды отражали веру жителей островов в сверхъестественные силы, с которыми они связывали неурожай, эпидемии, личные неудачи, даже чередование солнечной и дождливой погоды.

Известно, что с X в., а может быть и раньше, начали развиваться дружеские отношения между филиппинским и китайским народами. У китайцев жители Филиппин заимствовали передовые методы земледелия, гончарного ремесла и обработки драгоценных металлов, переняли систему мер и весов, китайскую вежливость, китайский стиль одежды. Рано возникли культурные связи между этими двумя народами.

Индийское влияние особенно чувствовалось в общественной и религиозной жизни. Считают, что существовавший в древности культ всемогущего бога Батхала сложился под непосредственным влиянием индийского буддизма. В VIII—XI вв. Филиппинские острова переживали период бурного расцвета культуры, который явился результатом роста и развития суматранской империи Шривиджайя, бывшей в то время экономическим, политическим и культурным ядром Юго-Восточной Азии. Эта империя распространяла свою власть на большую часть Филиппинского архипелага. Острова Сулу, расположенные на перекрестке торговых дорог южных морей, стали в то время центром морской торговли. У их берегов бросали якоря суда Китая, Камбоджи, Суматры, Явы и т.д. Сюда заходили даже корабли из далекой Индии и Аравии.

В XIV—XVI вв. Филиппины входили в состав великой империи Маджапахит, которую основал яванский правитель Раден Виджайя. К концу XV в. народы Филиппинских островов были довольно развиты в политическом и экономическом отношениях, имели высокую самобытную культуру. В этот период страна была раздроблена на множество феодальных княжеств, называемых «балангай». Во

главе каждого балангая стоял раджа, или дату. Между феодальными вождями шла непрерывная борьба. К власти в княжестве мог прийти любой человек, наделенный силой и мужеством, будь то даже женщина. Например, в Пангасинане в 1344 г. власть захватила принцесса Урдуйя. Беседуя с арабским путешественником Ибн Батутой, посетившим Лусон, принцесса сказала: «Вам, несомненно, рассказывали обо мне. Вы должны знать, что я правлю этим портовым городом вместо своего брата, потому что со своим войском из свободных женщин, из женщин-рабынь и пленниц — все они дрались не хуже любого мужчины — я победила брата в решающей битве. Вы также слышали, конечно, что я до сих пор не замужем, потому что дала зарок выйти замуж только за того, кто возьмет надо мной верх, а все поклонники из здешних мест боятся испытать свой жребий, ибо опасаются быть посрамленными женщиной». Стараясь показать гостю, насколько неправильно представление о том, что на островах живут варвары, она сказала: «Я обратилась к вам со словами традиционного приветствия на турецком языке, теперь я послала за бумагой и чернилами, чтобы написать для вас по-арабски имя того, в ком вы почитаете вашего милостивого и всемогущего бога. Ожидали ли вы встретить у варваров такие признаки культуры?»



Резные украшения из дерева на доме. Новая Каледония.

Действительно, филиппинская культура того периода была на высоком уровне. Основные племена имели свою письменность, и, по утверждению Рейеса, почти все население страны было грамотным, создавались прекрасные произведения литературы и искусства. На бамбуковых «свитках», на твердой коре деревьев, на пальмовых листьях филиппинцы писали о труде и любви, о своих чаяниях и

надеждах, о горестях и печалях, о традициях и обычаях, о своей любви к миру и свободе. Натуры возвышенные и поэтические, они часто обращались к поэзии. Их песни и танцы всегда были преисполнены любви и достоинства, в них говорилось о радости труда и о счастье быть свободным. Великолепные образцы этого народного искусства можно видеть и в наши дни во внутренних районах страны и в небольших городах во время празднеств или каких-нибудь торжеств.

Природа наградила филиппинцев плодородной землей. Один писатель как-то сказал: «Стоит немного пошевелить ее плугом, и она улыбнется вам богатым урожаем». Перед приходом испанцев жители архипелага мирно трудились: «одни засевали свои поля, обрабатывали виноградники, делали вино, другие растили хлопок, разводили птицу и свиней, никто не сидел без дела». Вторжение испанцев нарушило мирную жизнь трудолюбивого филиппинского народа.

ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

В XV в. широкого развития достиг торговый обмен между Европой и Азией, а искусство мореплавания сделало большой шаг вперед благодаря изобретению компаса, астролябии, печатного станка. Португальские, испанские и итальянские мореплаватели шли на службу к королям Португалии и Испании, двух великих держав того времени, соперничавших за господство на море. Фернан Магеллан, португальский моряк и воин, не получив поддержки у своего короля, предложил услуги испанской короне. Он обещал найти новые торговые пути на Восток, открыть неизведанные земли и добыть пряности, которые в то время ценились в Европе на вес золота. На рассвете 20 сентября 1519 г. пять кораблей (флагманский «Тринидад», «Сан-Антонио», «Консепсьон», «Виктория», «Сантъяго») вышли из порта Сан-Лукар, провожаемые в дорогу залпами испанской артиллерии и молитвами жителей города. Им суждено было совершить первое в истории человечества кругосветное плавание.

На следующий год 16 марта Магеллан высадился на одном из южных островов Филиппинского архипелага (сейчас носит название Самар). Отсюда честолюбивый мореплаватель намеревался продвинуться на север, чтобы покорить большую

часть архипелага. Однако на острове Мактан жители, возглавляемые смелым, закаленным в боях вождем Лапулапу, оказали европейцам героическое сопротивление. Магеллан, надеясь отвлечь и деморализовать доблестных защитников Мактана, допустил роковую ошибку, которую и после него неоднократно повторяли другие завоеватели: он приказал поджечь окрестные деревни. Однако зрелище пожара лишь разожгло боевой пыл в сердцах воинов. Вооруженные короткими саблями, бамбуковыми копьями, луками, стрелами с отравленными наконечниками и деревянными щитами, защитники Мактана обрушились на закованных в сталь испанских мушкетеров и бились с необычайным мужеством. В этой схватке Магеллан был убит.

Итальянский летописец и путешественник Пигафетта, который находился рядом с Магелланом в момент его смерти, так описывает последние минуты жизни «победителя семи морей»: «Когда воины Лапулапу увидели, что их дома горят, они напали на нас и ранили капитана ядовитой стрелой в правое бедро. Он приказал нам медленно отступать... Один индеец бросил бамбуковый дротик, целясь в лицо капитана. Схватившись за меч, капитан успел вытащить его только наполовину, так как в этот момент дротик попал ему в руку. Когда туземцы увидели это, они бросились на него...»

Правительство автономных Филиппин, отдавая запоздалую дань благодарности первым филиппинским борцам за свободу и независимость, открыло мемориальную доску и поставило памятник Лапулапу и его доблестным воинам. Известный филиппинский историк доктор Грегорио Ф. Сайде рассказывает, ссылаясь на Пигафетту, что вечером того же дня, когда состоялась битва на Мактане, раджа острова Себу Хумабон послал жителям Мактана письмо, предлагая выкупить тело Магеллана «за любую цену». «Они ответили, что не отдадут тело ни за какие сокровища, так как намерены хранить его в качестве памятного трофея».

Смерть Магеллана от рук воинов доблестного вождя Лапулапу развеяла миф о могуществе и непобедимости Испании. Жители острова Себу обратили оружие против оставшихся спутников Магеллана. Раджа Хумабон сам повел воинов в наступление против застигнутых врасплох европейцев. Себуанцы сумели вернуть себе потерянную свободу. Оставшиеся в живых матросы Магеллана отправились на юг и, наконец, достигли Молуккских островов. Закупив у туземцев долгожданные пряности, они отплыли

на родину. Из 265 человек, начавших истрическое плавание, только 18 вернулись в Испанию.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЛЕГАСПИ

Возвращение «Виктории» было событием величайшей важности: это был первый корабль, совершивший путешествие вокруг Земли. Вскоре на Молуккские и Филиппинские острова были посланы еще четыре экспедиции: Лоаиса (1525 г.), Кабота (1526 г.), Сааведры (1527 г.) и Вильялобоса (1542 г.); ни одна из них не была успешной. Однако после того как испанский престол перешел в 1556 г. к королю Филиппу II, на острова отправилась новая экспедиция во главе с Легаспи. Используя методы религиозного воздействия и военную силу, он сумел утвердить испанское господство на южных островах архипелага. Большую роль в этом сыграла раздробленность Филиппин и вражда между отдельными княжествами, которой сумели воспользоваться европейцы. Именно таким путем Легаспи удалось основать в 1545 г. первое постоянное поселение испанцев на острове Себу, где он построил укрепленный форт.

Ободренный первыми успехами, Легаспи стал готовиться к покорению Манилы, богатого мусульманского княжества, во главе которого стоял раджа Солиман. Княжество занимало южный берег реки Пасиг. На другом берегу было расположено княжество Тундо (сейчас этот район называется Тондо), которым управлял дядя Солимана раджа Лакандула. Легаспи послал на Лусон сильное войско под командой Мартина де Гоити и капитана Хуана Сальседо. Поверив, что испанцы прибыли с дружескими намерениями, Солиман и Лаканду приняли их гостеприимно и совершили популярный в те времена обряд заключения договора, скрепленного кровью. Договаривающиеся стороны разрезали кожу на руке и смешали капли крови с вином и затем, поделив вино на две равные части, выпили за дружбу.

Вскоре Солиман был вынужден с горечью убедиться, что дружба с испанскими эмиссарами не несет ничего, кроме вассальной зависимости да поборов в пользу Испании. Утром 24 мая 1570 г. произошел эпизод, положивший начало военным действиям. Гонти отправил в Манильскую бухту шлюпку с каким-то поручением. Когда он выстрелил из пуш-

ки, давая сигнал к возвращению, Солиман, неправильно поняв этот выстрел, атаковал испанцев. Лучше вооруженные испанцы вынудили филиппинцев отступить. Солиман решил на время покинуть Манилу и отправиться в Тондо, предварительно спалив свои поселения, чтобы не оставлять их врагу. Тем временем Легаспи прибыл с острова Паная в Манилу, предполагая основать там столицу островов. Пока он был занят перестройкой города, Солиман собрал людей и боевые ладьи у прибрежной деревни Навотас, недалеко от Манилы. Сюда к нему прибыло посольство от новых манильских властей и предложило признать вассальную зависимость от Испании. На это Солиман ответил: «Солнце дало мне жизнь. И мне не пристало ронять себя в глазах моих женщин, которые стали бы презирать меня при мысли, что я могу завести дружбу с испанцами». Прыгнув в лодку, он бросил на ходу испанцам: «Я буду ждать вас в заливе Банкусай».

3 июня 1571 г. испанская флотилия под командой Гоити встретилась с морским отрядом Солимана в решающей битве в водах Банкусая. Солиман и его воины дрались с изумительным мужеством, но и на этот раз испанские войска одержали победу. Поражение Солимана в Банкусайской битве знаменовало конец независимости Филиппин и начало испанского господства на островах.

Утвердившись в Маниле после гибели Солимана, Легаспи получил возможность распространить колониальный режим на весь Лусон, самый важный остров архипелага. 24 июня 1572 г. он основал в Маниле городское управление и провозгласил город столицей островов. Установление испанского господства привело к укреплению на Филиппинах феодальной системы. Легаспи, действуя согласно королевским инструкциям, стал раздавать испанским солдатам, отличившимся при завоевании островов, энкомьенды (земельные пожалования). Крестьяне, оказавшиеся на территориии энкомьенд, вынуждены были платить тяжелые налоги и испанскому королю и своим владельцам — энкомендеро (разновидность феодального сеньора). Таким образом, система энкомьенд усилила феодальную эксплуатацию.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НАД ФИЛИППИНАМИ

Покуда испанское господство на островах было непрочным, другие колониальные державы неоднократно предпринимали попытки установить свою власть над архипелагом. Португалия (в то время злейший конкурент Испании) четырежды пыталась захватить острова, но безуспешно. С 1600 по 1647 г. Филиппины не раз подвергались атакам голландцев. 14 декабря 1600 г. значительные силы голландцев под командой адмирала Ван Ноорта встретились с испанцами в морском бою близ Маривелес и были вынуждены отступить к Борнео. В 1645 г. Голландия, воспользовавшись антииспанскими настроениями среди моро, напала на испанский гарнизон в г. Холо. Однако моро вскоре поняли, что голландцы пришли не за тем, чтобы помочь им сбросить испанское ярмо, а для того, чтобы самим утвердиться на островах Сулу и Минандао. Они согласились бы стать друзьями и союзниками голландцев, но не их рабами.

Японские феодалы (особенно Хидэеси) также вынашивали планы вторжения на Филиппины. Хидэеси был занят войной с Кореей, тем не менее честолюбивый японский военачальник стал готовиться к высадке на Филиппинах. В конце 1598 г. Хидэеси неожиданно умер, но и после его смерти японцы не оставляли попыток низвергнуть испанское владычество на Филиппинах. Англичане тоже не раз пытались захватить острова.

БОРЬБА ФИЛИППИНСКОГО НАРОДА

Испанцы чувствовали себя на Филиппинах очень неспокойно: филиппинский народ, невзирая на стальную броню и мощную артиллерию испанцев, не прекращал борьбы против колонизаторов. То и дело в разных районах страны вспыхивали народные восстания.

Первой попыткой восстания был так называемый бунт Лакандулы в 1574 г. Лакандула был последним раджой Манилы и первое время сотрудничал с испанцами. Он приветствовал появление Легаспи в Манильском заливе в 1571 г. Он же отказался присоединиться к Солиману в битве при Банкусае. За эти и подобные услуги Лакандуле были обещаны определенные привилегии (например, освобождение от дани). Позже, когда эти привилегии были отменены и Лакандула увидел, что его народ терпит все большие несправедливости от рук испанцев, престарелый вождь собрал своих воинов и приготовился к нападению на испанские гарни-

зоны. Только хитростью удалось капитану Хуану Сальседо сорвать выступление Лакандулы.

Хотя эти первые попытки сопротивления и не привели к открытому всеобщему выступлению, все же они знаменовали собой начало целой полосы восстаний против испанской тирании. Восстания вызывались самыми различными причинами, которые можно подразделить на три группы: экономические, политические и религиозные.

Упоминавшаяся ранее система энкомьенд была одной из главных причин народного недовольства. В 1585 г. восстание против энкомендеро (возможно, первое восстание такого рода) вспыхнуло в провинции Пампанга. Восставшие рассчитывали, получив помощь с острова Борнео, осадить ночью Манилу. К несчастью, их заговор был выдан испанцам одной филиппинкой — женой испанского солдата.

В 1589—1686 гг. крестьяне долины Кагайяна неоднократно выступали с оружием в руках за полную отмену системы энкомьенд. Важно отметить, что первые восстания (независимо от их характера) возглавлялись, как правило, местными феодальными вождями. Испанские короли, боясь потерять Филиппины, вскоре отменили систему энкомьенд, но ввели систему асьенд (поместий, находившихся в руках религиозных корпораций и отдельных лиц). Земли местных жителей стали переходить в собственность монастырей. Их отбирали под разными предлогами: «во искупление грехов», за те или иные провинности или просто конфисковали без всякого провода.

В 1745 г. провинции Лагуна, Кавите, Батангас, Булакан и Рисаль были охвачены восстанием крестьян, требовавших уничтожить асьенды и возвратить крестьянам отнятые у них земли. Восставшие нападали на церкви и монастыри, отбирали у них земли и распределяли между собой.

Некоторые выступления проходили под чисто политическими лозунгами. В Тондо в 1587—1588 гг. местные вожди, стремившиеся вернуть «свободу и достоинство своих отцов», организовали заговор против испанских властей. Они создали тайное общество, которое имело своих сторонников на Борнео и в Японии. Но заговорщикам не удалось добиться успеха.

В 1643 г. жители города Малолоса в провинции Булакан, руководимые уроженцем Борнео Педро Ладиа, готовили свержение местных испанских властей и провозглашение Малолоса независимым городом. Подобный же

заговор был организован в 1660 г. пампанго под руководством Франсиско Маниаго.

Первым успешным выступлением против испанского господства явилось восстание крестьян острова Бохоль (1744 г.) Во главе их встал прославленный вождь Франсиско Дагохой. Поводом послужил отказ местного священника похоронить должным образом брата Франсиско, который был известен своей ненавистью к испанским колонизаторам. Восставшие разгромили испанские войска и создали в горных районах острова свободное, независимое правительство, которое до 1828 г. сохраняло полный контроль над всей территорией острова. Описывая это победоносное восстание, Сайде подчеркивает: «Двадцать испанских генерал-губернаторов, начиная от Гаспара де ля Торро (1739—1745) и кончая Хуаном Антонию Мартинесом (1822—1825), пытались уничтожить непокорных повстанцев и всякий раз терпели провал. В 1825 г. генерал Мариано Рикафорт послал против последователей Дагохоя филиппинско-испанский отряд в 2 тыс. человек, но жители Бохоля оказали яростное сопротивление. Алькальд-майор Каиро выиграл несколько сражений, однако ему не удалось разбить основные силы восставших».

Моро всегда славились своим бесстрашием и свободолюбием. Испанцы на протяжении трех столетий пытались покорить их, но безуспешно. В 1637 г. в Ламитан, расположенный неподалеку от озера Ланао на острове Минданао, была отправлена объединенная филиппинско-испанская армада с заданием «поставить моро на колени». Армадой командовал губернатор Хуртадо де Корсуэра. Все население во главе с султаном Кударатом поднялось на защиту острова, и первый натиск нападавших был отбит. Испанцы повторили атаку, и снова все моро — мужчины, женщины и дети — вступили в битву с захватчиками. Окруженные противником, защитники острова дрались, как затравленные звери и умирали геройски за свою веру. Кударат, раненный пулей в руку, пробился сквозь ряды испанцев и бежал. Его жена, прижав к груди ребенка, бросилась со скалы, чтобы не попасть в руки врага. В 1640 г. испанцы предприняли еще одну попытку покорить моро, но снова были наголову разбиты. После этого они на протяжении 250 лет не решались предпринимать походов против этого мужественного народа.

Два важных исторических события в Европе — Семилетняя война (1756—1763) и Французская революция (1789—1794) нашли немедленный отклик на Филиппинах.

Англия и Франция, традиционные соперники в борьбе за колонии в середине XVIII в., развязали войну. Французский король Людовик XV Бурбон постарался заручиться помощью испанского короля Карла III Бурбона. 25 августа 1761 г. в Версале два монарха заключили династический союз. Испанский король обязался помогать Франции в войне против Англии при условии, что Людовик XV возратит Испании остров Менорку.

Таитяне на корабле Кука. Гравюра XVIII в.

Англия решила воспользоваться предоставившейся ей возможностью ниспровергнуть испанское владычество на Филиппинских островах. 2 января 1762 г. она объявила Испании войну. Утром 23 сентября английские экспедиционные силы под командованием генерала Вильяма Дрейпера и адмирала Самуэля Корниша появились в Манильском заливе и высадили десант.

Филиппинцы по-разному отнеслись к вторжению англичан. Некоторые из них временно сотрудничали с англичанами, стремясь с их помощью положить конец испанскому господству и в то же время не дать новым колонизаторам укрепиться на Филиппинах. Другие же рассматривали свою страну как жертву агресии и помогали испанцам. Филиппинцы сражались плечом к плечу с испанцами, защищая свою осажденную столицу. По существу они приняли на себя основную тяжесть обороны. О их доблести и самоотверженности можно судить по сводкам генерала Дрейпера, в которых английский командующий, отдавая должное высокому боевому духу филиппинцев, писал: «Если бы только их вооружение и их искусство были равны их

числу и ярости, это могло бы дорого нам стоить. Вооруженные только луками да копьями, они подступали к самым жерлам наших пушек, бросались в атаку за атакой и умирали, подобно диким зверям, впиваясь зубами в железо штыков». Но несмотря на отчаянное сопротивление защитников столицы, 5 октября 1762 г. Манила была взята англичанами и оставалась под их управлением в течение почти двух лет.

В эти дни филиппинские патриоты не прекращали героической борьбы против тиранического господства испанцев. Когда англичане напали на Манилу, в главных провинциях Центрального и Западного Лусона, Пангасинане и Илокос Сур вспыхнуло восстание. Во главе восстания в Илокосе стоял простой письмоносец Диего Силанг, который часто бывал с почтой в Маниле и был хорошо осведомлен о происходивших там событиях. На первых порах восставшие добились больших успехов и установили контроль над всей провинцией Илоко Сур. Прослышав о победах Силанга над испанцами, англичане попытались привлечь его на свою сторону и послали восставшим оружие и продовольствие. Силанг был склонен сотрудничать с англичанами при условии определенных уступок в пользу народа и соблюдения прав филиппинцев. Однако, прежде чем ему удалось установить с англичанами связь, он был убит предателем.

Со смертью Силанга не прекратилась борьба жителей Илокос Сур за свободу. Его жена Мария Хосефа Габриела, которую прозвали филиппинской Жанной д'Арк, продолжила дело, начатое Силагном. Она взяла в свои руки командование, набрала свежие войска и оставалась руководителем восстания вплоть до его печального конца. Восстание было разгромлено, по память о Силанге и его жене осталась жить как незабываемый пример доблести и героизма, проявленных во имя свободы.

Почти одновременно с восстанием Силанга произошло крупное выступление в провинциии Пангасинан, которое возглавил Хуан де ла Крус Паларис. Он объединил жителей девяти городов провинции Пангасинан, напал на испанские гарнизоны и разбил их. Больше года Паларис оставался полным хозяином провинции.

В то время как филиппинский народ искал путей избавления от испанского колониального ига и восстановления своей потерянной независимости и суверенитета, на европейском континенте произошло великое историческое событие — французская революция 1789 г. Пришедший в даль-

нейшем к власти Наполеон посадил на испанский престол своего брата Жозефа. Испанский народ отказался признать нового монарха, и по всей стране развернулось широкое движение, которое привело к созыву кортесов (собрание народных представителей) и принятию новой конституции. Филиппинцы получили право иметь одного представителя в испанских кортесах. Впоследствии, с возвращением к власти испанского абсолютного монарха Фердинанда VII, жители Филиппин были лишены этого права. Это вызвало взрыв негодования среди населения островов.

После смерти Фердинанда VII испанская монархия, стремясь смягчить недовольство филиппинцев, восстановила право представительства. Но теперь народ Филиппин уже не так легко было ввести в заблуждение; в стране началось революционное брожение. Еще в 1815 г. в г. Саррате (провинция Илокос Норте) вспыхнуло крестьянское восстание, вызванное отменой либеральной испанской конституции. Объединившись под лозунгом свободы и равенства, крестьяне под предводительством Симона Томаса нападали на монастыри, грабили дома городской знати и крупных землевладельцев, убивали священников и происпански настроенных жителей. Сарратское восстание явилось кульминационным пунктом борьбы крестьянства против растущей эксплуатации со стороны испанского монастырского духовенства и чиновничества, а также богатых филиппинцев. Это было движение за аграрные преобразования в стране. Захватывая правительственные здания, разъяренные крестьяне жгли кадастровые записи, чтобы уничтожить юридические документы, подтверждавшие право испанских монахов и филиппинских помещиков на отнятую у крестьян землю, рвали списки своих задолженностей церкви и землевладельцам

В 1840 г борьба в защиту свободы религии переросла в крупное вооруженное выступление в провинции Тайябас. Филиппинский священник Аполинариод де ла Крус поехал в Манилу, чтобы поступить в монашеский орден, но не был принят из-за филиппинского происхождения. Он вернулся в родную провинцию и решил организовать свой орден, который назвал «Братство священного Хосе». У молодого священника сразу же появилось много последователей. Встревоженное растущей популярностью местного монастырского ордена, испанское правительство послало против де ла Круса и его сторонников войска, но нападение было отбито с тяжелыми для испанцев потерями.

Собрав своих сторонников, де ла Крус нанес испанским войскам поражение при Илаян Исабанге. В течение десяти месяцев филиппинские патриоты успешно отражали все атаки испанцев. Однако в ноябре 1841 г. испанские власти бросили на Тайябас крупные соединения регулярных войск. В битве у г. Алитао филиппинские патриоты были разбиты, а де ла Крус захвачен в плен и казнен.

Немедленным ответом на казнь замечательного патриота явилось восстание солдат-тагалогов, начавшееся 20 января 1843 г. в Малате — одном из районов Манилы. Во главе восстания стоял сержант — тагалог Саманьего. Солдаты, желая отомстить за смерть их земляка и друга, захватили казармы и расправились с испанскими офицерами. Только после того, как против восставших были двинуты крупные силы испанцев и «лояльных» филиппинцев, выступление было подавлено. Саманьего был взят в плен и на следующий день казнен на площади Лунета.

Выступления филиппинцев, стремившихся вернуть себе свободу и независимость, были в тот период стихийными, разрозненными и плохо организованными. Но эти первые восстания помогли филиппинскому народу осознать необходимость объединения своих усилий в борьбе против своих угнетателей.

ГЛАВА 7

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ К КОНЦУ XVIII В. КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ УПРАВЛЕНИЯ В ОКЕАНИИ

Утвердившись в Океании, французские колонизаторы установили на островах колониальный режим управления, который во всех колониях Франции и во все времена был призван обеспечить одну главную цель — полное и безусловное подчинение порабощенных и эксплуатируемых народов колоний. Во французских колониях на островах Тихого океана система управления включала некоторые традиционные местные институты, которые колонизаторы оставили, чтобы использовать их под своим контролем в своих интересах. Местные вожди и родо-племенная знать были превращены в низовых агентов колониальной администрации.

Сохранение местных традиционных политических учреждений практически носило номинальный характер. Во главе тихоокеанских колоний Франции были поставлены губернаторы Новой Каледонии и Французской Полинезии. Деятельность губернаторов регулировалась издававшимися в метрополии актами, которые, как правило, служили расширению и увеличению власти агента метрополии. Максимальная концентрация власти в руках высшего чиновника, возглавлявшего колониальную администрацию и подчиненного непосредственно и исключительно правительству метрополии, является одной из характерных черт колониального режима управления. Характеризуя роль губернатора и его взаимоотношения с коренным населением колонии, французский исследователь А. Жиро пишет: «Он держит жителей в преданности и подчинении, выслушивает их жалобы и претензии и принимает меры к их устранению». «Успокоение туземцев» было одной из главных задач колониального управления. Насилие, репрессии и истребление непокорных — таковы основные приемы достижения этой задачи. Не случайно первые губернаторы подбирались исключительно из среды профессиональных военных.

При губернаторе функционировал административный совет, который был чисто консультативным органом и мнение которого не являлось обязательным. Но даже этот совет не был выборным. Он включал в свой состав высших чиновников колонии и нескольких представителей племенной верхушки, отбиравшихся колониальными властями. Административный совет ни в коей мере не ограничивал власти и произвола губернатора. На Таити функции этого органа выполняла законодательная ассамблея. Аппарат колониального управления комплектовался почти полностью из французских чиновников, кроме низовых агентов колониальной администрации: племенных или областных и деревенских вождей, назначавшихся и сменявшихся французской администрацией и оплачивавшихся ею.

Для подкупа местной аристократии французское правительство не жалело средств. Так, представители королевской семьи и крупные вожди на Таити получали значительные денежные субсидии. На практике колониальная администрация сама назначала в областные советы угодных ей лиц. В 1863 г. было введено новое укрупненное административное деление. Цель этого мероприятия состояла в усилении контроля над местным населением и облегчении его эксплуатации. Таким образом, значительная часть прежних наследственных областных вождей была отстранена от власти, а вновь созданные областные советы, состоявшие фактически из назначавшихся властями и ими оплачивавшихся местных чиновников, стали послушными орудиями колониальной администрации. Советы ведали сбором налогов, распределяли трудовые повинности и выполняли судебно-полицейские функции.

Но даже эту свою агентуру колонизаторы пытались лишить какой-либо самостоятельности, поставив ее под строжайший надзор представителей колониальной администрации. Решения областных советов на Таити имели силу лишь после одобрения и утверждения губернатора. Вожди со своей стороны пытались приспособиться к новым условиям. Они, смотря по обстоятельствам, или отказывались от старых обычаев, или изменяли их в свою пользу. Для сохранения иллюзии своего высокого положения вожди ревниво поддерживали некоторые традиции: соблюдали этикет, истово выполняли различные церемонии. Взимание податей обставлялось как прием подарков. Все это вполне соответствовало интересам колонизаторов. Поэтому во время публичных собраний и церемоний колониальные власти и миссионеры оказывали вождям традиционные почести.

Воины короля Макассара. Гравюра XVIII в.

Система колониального управления, созданная французскими колонизаторами, служила политике насилия, подавления и угнетения порабощенных народов. Полное отсутствие самых незначительных элементов самоуправления, устранение коренных жителей Океании от решения даже чисто местных дел, грубый произвол чиновников из административного аппарата — характерные черты французского колониального режима управления. Состав чиновничьего аппарата колониальной администрации оставлял желать лучшего. Тихоокеанские острова, подобно другим французским колониям, были пристанищем для разного рода авантюристов и неудачников из метрополии.

СИСТЕМА ЭКСПЛУАТАЦИИ

Внедрение новых товарных культур, втягивание островов Океании в систему мирового рынка привело к ломке местного натурального земледельческого хозяйства и к его перестройке на новый лад. Сложилось несколько систем производства сельскохозяйственного сырья, определявшихся различными методами колониальной эксплуатации человеческих и природных ресурсов. Наиболее распространенная из них — плантационная система, при которой владельцы плантаций извлекали доход как предприниматели, применяя труд наемных рабочих на земле, экспроприированной у коренного населения. В условиях другой системы общинник, оставаясь владельцем общинной земли, втягивался в производство экспортной культуры. В этом случае эксплуатация непосредственного производителя осуществлялась через сферу обращения. Колонизация сопровождалась сгоном коренного населения с лучших прибрежных земель, при этом многие общинники обезземеливались.

Перераспределение земель между европейскими колониями и островитянами строилось на откровенной дискриминации. Значительная часть лучших земель скупалась европейцами у местных вождей за бесценок, при помощи разного рода обманов, в условиях полной бесконтрольности. Колониальная администрация провела ряд мероприятий, направленных в конечном итоге на захват европейцами земель у местного населения. Была организована регистрация всех земель и ее владельцев. Поскольку при покупке и продаже земли никакие акты не составлялись, в сфере землевладения царил полный произвол. Это создавало дополнительные возможности для ограбления местного населения французскими колонизаторами.

Несмотря на поощрительные меры администрации, европейцы, проживавшие в рассматриваемых колониях, предпочитали сельскому хозяйству торговлю. Таким образом, европейский капитал действовал не в сфере производства, а лишь в сфере обращения, почти не способствуя экономическому развитию этих территорий. Условия труда на плантациях были настолько тяжелы, что местное население, особенно в начальный период колонизации, решительно восставало против попыток использовать его труд. Проблема рабочей силы встала очень остро. Тогда колонизаторы организовали охоту за людьми на соседних островах Океании, отставших по уровню развития. Рабочий день на

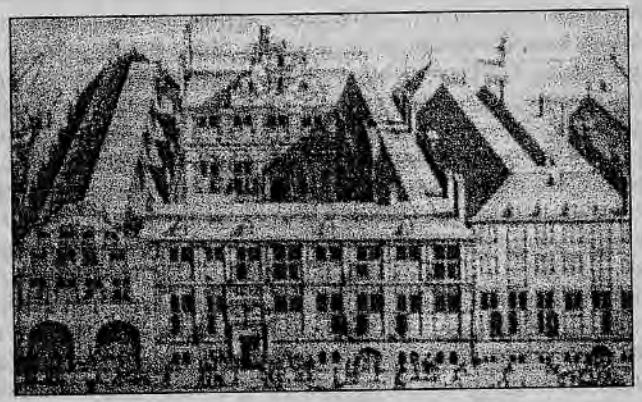
16 Зак. 1368

плантациях обычно продолжался 12 часов. На плантациях Стюарта на Таити рабочий получал 78 сантимов в день. При этом на руки ему выдавалась лишь треть заработка, остальные две трети хозяин имел право выплатить ему по окончании срока контракта. Фактически вся заработная плата возвращалась хозяину для погашения долга за взятые рабочим в кредит товары в лавке того же хозяина.

По существу, эта номинальная заработная плата только и отличала плантационного рабочего от раба. Плантационные рабочиебыли лишены элементарных человеческих прав. Они не могли даже пойти в соседнюю деревню. Им запрещалось устраивать традиционные пляски и другие развлечения в часы отдыха. Изнурительный труд, большая скученность и антисанитарные условия в бараках, отсутствие организованной медицинской помощи и медикаментов — все это вело к высокой смертности. По закону контракт действовал только в течение трех лет, однако на деле этот срок постоянно удлинялся, так как к нему добавлялись дни, которые рабочий должен был отрабатывать «за нарушение трудовой дисциплины». Кроме того, обычно у рабочего не было денег для оплаты обратной дороги и зачастую конракт кончался только с его смертью. Лишь 10% рабочих возвращались домой. Те островитяне, которые сохранили за собой общинную землю, были втянуты в производство экспортной продукции. Они стали основными поставщиками кокосового ореха и копры.

Хотя местные жители продолжали выращивать традиционные продовольственные культуры - таро, ямс, в их хозяйстве все большую роль играли новые товарные культуры — кофе, хлопок, сахарный тростник, ваниль и др. Распространение новых земледельческих культур требовало применения современной техники. Однако колонизаторы не были заинтересованы в широком применении более совершенных орудий труда, так как при наличии дешевой рабочей силы это было им экономически невыгодно. В этом отношении Океания не представляла исключения. Известно, что капитализм в осталых районах не использует и даже консервирует технику, которую он там застает. Это имело место и в Меланезии, и в Полинезии. Местные жители по-прежнему обрабатывали землю при помощи тех же деревянных кольев. Только топоры и некоторые другие каменные орудия уступили место железным. Местные производители были втянуты в рыночную стихию. Они никогда не знали, удастся ли им сбыть урожай, хотя бы по

ценам прошлого года. Поскольку островитяне, не привыкшие к товарному производству и изолированные от всего окружающего мира, не знали рыночных цен на производимое ими сырье, европейцам ничего не стоило их обманывать. Перламутр в Папеэте стоил в семь раз дороже, чем платили за него скупщики ныряльщикам на Туамоту. Так как колониальные торговые компании занимались одновре-



Дом Ост-Индской компании в Амстердаме.
Гравюра середины XVII в.

менно и экспортом и импортом, они извлекали немалые барыши и от продажи местному населению устаревших, залежавшихся товаров по завышенным ценам.

Таким образом, островитяне подвергались двойному ограблению — и как товаропроизводители и как покупатели промышленных товаров. Кофейные и шоколадные деревья и сахарный тростник широкого распространения на Таити не получили, несмотря на то, что все эти культуры в условиях Океании дают хорошие урожаи. Отсутствие рабочей силы, необходимой техники, коммуникаций делали продукцию слишком дорогостоящей, и она не выдерживала конкуренции на рынках. Одной из статей экспорта Полинезии стали фрукты: бананы, ананасы, апельсины и некоторые другие — все превосходного качества. Помимо сельскохозяйственной продукции Полинезия стала экспортером перламутра, жемчуга и в незначительном количестве фосфатов.

Для народов Океании, как и для других народов Азии и Африки, ставших объектами колониального грабежа, европейская экспансия означала нарушение самостоятельного

развития, насильственное вовлечение в сферу складывавшегося мирового рынка. Колониальное вторжение сопровождалось эксплуатацией, грабежом и политическим закабалением. Оно означало гибель самобытной культуры, массовое истребление населения. Сложившиеся в Океании общественные отношения приспосабливались к системе мирового капитализма, очень слабо трансформируясь в направлении собственного капиталистического развития.

Было бы неверно утверждать, что проникновение капитализма в океанийские колонии Франции привело только к консервации пережитков прошлого — его воздействие на колонии двойственно и противоречиво. Капитализм использует все средства для уничтожения натурального хозяйства. Захватываются земли, минеральные богатства, сырьевые ресурсы; прежде независимые непосредственные производители принуждаются к труду на капиталиста, взамен натурального внедряется товарное хозяйство. Французская колониальная политика, как и политика других колониальных держав в Азии и Африке, имела своим результатом лишение коренного населения земельной собственности, хищническое разграбление природных богатств, обезлюдение захваченных территорий. Естественно, что замена старых форм экономической и общественной жизни капиталистическими в отсталых обществах Океании вылилась в сложный длительный процесс. Капиталистический сектор, охватывая вначале лишь незначительную часть экономики, оставлял большинство населения в рамках традиционного хозяйства. Но с усилением капиталистического проникновения сфера традиционной экономики постепенно видоизменялась. Переход от натурального хозяйства к денежным отношениям неизбежно усиливал степень эксплуатации. Происходила мучительная ломка старых, веками складывавшихся отношений, общественных норм, обычаев, религиозных воззрений. Все это порождало острые противоречия нового типа и еще более усиливало противоречия, свойственные прежнему социальноу строю.

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НА ЖИЗНЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ломка традиционного хозяйства островитян привела к изменению всего образа жизни. С проникновением европейских товаров в Океанию местные ремесла постепенно стали терять свое значение, а некоторые виды совсем исчезли. В прошлом прекрасные судостроители, островитяне почти полностью забросили это некогда прославившее их ремесло. Уже в первой четверти XIX в. большие морские каноэ стали редкостью. Ради заработков островитяне стали заниматься плетением на продажу циновок, корзин, шляп и изготовлением различных безделушек из раковин и дерева. Все эти изделия по качеству уступают предметам, которые так тщательно и любовно выделывали когда-то местные жители для собственного потребления. Скупаемые за бесценок скупщиками изделия местных жителей сбывались многочисленным европейским и американским туристам. Едва ли не во всех странах, где хозяйничали колонизаторы, они упрекали туземцев в «лени», «нежелании трудиться» и т. п. Однако факты показывают, что везде, где островитяне Полинезии могли трудиться не из-под палки, а свободно, в привычных для них условиях и формах, они проявляли большое трудолюбие, энергию и изобретательность.

ИЗМЕНЕНИЯ В БЫТУ

С приходом французских колонизаторов перестроился и быт островитян. Правда, сами поселения и жилища туземцев изменились мало. Только плантационные рабочие, оторванные от своих домов, были вынуждены жить в темных бараках с толевой крышей, душных днем и не укрывающих от холода ночью. Обстановка жилищ в деревнях осталась традиционной — мебель фабричного производства и прочие предметы обстановки местным жителям покупать было не на что. Одежда населения изменилась прежде всего вблизи европейских поселений и особенно в миссионерских поселках. Именно христианские миссионеры ввели впервые европейскую одежду на островах Океании. Красивая, приспособленная к климату Океании и быту жителей местная, традиционная одежда и украшения были объявлены греховными и запрещены. Обязательным стало для мужчин носить брюки, а для женщин — прикрывать также и верхнюю часть тела. Католические миссионеры проявили в этом особое усердие. По длинному, делающему фигуру неуклюжей платью с длинными рукавами сразу можно было узнать женщину, принадлежащую к римско-католической церкви.

Насильственно вводя подобную одежду, миссионеры наносили вред здоровью островитян. Имея обычно одну лишь смену одежды, местные жители принуждены были носить ее, не снимая, круглый год. Постоянно влажное в дождливый период европейское платье стало источником столь опасных для жителей тропиков простудных заболеваний. Лишь вдали от европейских поселений и миссий, в глубине островов аборигены сохранили свой простой, хорошо приспособленный к климатическим условиям наряд.

Не меньший вред здоровью островитян принесло знакомство с новой пищей, появившейся на островах после колонизации. Привыкшие к легкой, богатой витаминами, свежей еде, они были вынуждены переходить на низкосортные консервированные продукты, зачастую сбывавшиеся торговцами в испорченном виде. Лишенные колонизаторами своих прежних плодородных участков, местные жители были не в состоянии прокормиться со своих скудных огородов и вынуждены были покупать дополнительно продукты в лавках. Товары среди населения распространялись через сеть мелких лавочек, принадлежащих крупным торговым компаниям. Хозяевами лавочек чаще всего были европейцы, а позднее китайцы. Лавку содержал также каждый владелец плантации, для которого торговля была средством выжать дополнительную прибыль из рабочих. Торговцы беззастенчиво эксплуатировали легковерное и непривычное к товарному хозяйству население, назначая самые высокие цены на низкопробные продукты.

Одним из самых значительных результатов проникновения европейской «цивилизации» на острова Океании явилось знакомство коренного населения с алкогольными напитками, табаком, наркотиками. До прихода колонизаторов островитяне знали только каву — одурманивающий напиток, обладавший сравнительно слабо выраженными токсическими свойствами. Европейцы же наводнили острова самыми низкосортными алкогольными напитками. Пьянство на многих островах приняло катастрофические размеры. Непривычные к столь крепким напиткам, островитяне очень быстро заболевали и часто погибали. За счет привозимого европейцами алкоголя смертность коренного населения значительно увеличилась. Одной из немногочисленных заслуг христианских миссионеров была их борьба против ввоза спиртных напитков. Однако они были бессильны. Торговцев, наводнявших острова алкоголем, меньше всего волновало, что их товар представлял величайшую опасность для местного населения. Единственной их целью было лучше поживиться за счет неопытных и доверчивых островитян.

Как уже отмечалось, различные инфекционные болезни, завезенные в Океанию европейцами, стали ужасным бедствием для островитян. Отсутствие иммунитета и лекарственных средств, антисанитарные условия, невежество местных жителей — все это способствовало очень быстрому распространению болезней и возникновению опустошительных эпидемий. Венерические болезни, особенно сифилис, калечили и убивали тысячи островитян, бессильных в борьбе с этими страшными и новыми для них недугами. Спекулируя на традиционных обычаях островитян, европейцы способствовали широкому развитию проституции на островах, что также имело пагубные последствия для их населения. Миссионеры впервые ввели письменность на островах Тихого океана, они основали там первые школы, они стали обучать островитян грамоте. Однако христианские миссионеры вовсе не ставили перед собой цель открыть местному населению доступ к образованию и подлинным благам современной культуры. Единственная идея, руководящая действиями, как правило, фанатичных миссионеров, — научить островитян грамоте для чтения Библии и «приобщить язычников» к «истинной вере». Взамен культуры, связанной с местными традициями, местными условиями и всем образом жизни народов Полинезии, христианские «цивилизаторы» принесли им поверхностную европеизацию, ничего общего не имеющую с подлинным содружеством различных культур, основанном на взаимном обогащении.

С приходом европейцев многое изменилось и в духовной жизни островитян. К концу XIX в. почти все население французских колоний было христианизировано. Однако эта христианизация в сущности носила поверхностный характер. Местные жители сохраняли старые представления — веру в магическую силу вождей и святость тотема — покровителя рода, колдовство, магическое врачевание, вызывание дождя и пр. Как встарь, были популярны колдуны, скрывавшиеся от французов, в силу которых их соплеменники по-прежнему верили. В христианской религии для народов неевропейского образа жизни было много непонятного и неприемлемого. Крайнее недоумение местных народов вызывал раскол христиан на протестантов и католиков, постоянная борьба между ними за паству, их нетерпимость друг к другу. Миссионеры разных толков постоянно натравливали свою паству на приверженцев другой церкви

и разжигали междоусобную вражду. «Зацивилизованные до смерти» — так очень метко сказал о жителях Маркизских островов известный шведский этнограф Б. Даниэльсон. Это в большей или меньшей степени можно отнести ко всем коренным жителям французских колоний в Океании. И если впоследствии условия существования местных жителей отдельных островов (в особенности это относится к бо-

Хлопковые плантации в колонии.
Гравюра из «Энциклопедии» Дидро.

гатой минеральными ресурсами Новой Каледонии) несколько улучшились, то в первоначальный период французской колонизации положение и меланезийского, и полинезийского населения французских колоний было крайне тяжелым. Значительная его часть была обречена на вымирание.

Ужасающая картина предстает перед нами на о-вах Таити. Если к приходу европейцев население Таити составляло примерно 80 – 100 тыс. человек, то в 20-х годах XIX столетия в живых осталось всего 8 тыс. таитян. И это — в результате 50-летнего общения с европейцами. Но самую мрачную картину являют Маркизские острова. В конце XVIII в. численность их населения составляла примерно 100 тыс. человек. В 1834 г., к моменту прибытия на о-в Мангарева первой группы католических миссионеров там насчитывалось около 5 тыс. полинезийцев. В результате жестокого режима, установленного миссионерами, к началу 70-х годов численность населения упала до 1,27 тыс человек.

Успехи в развитии капитализма Голландии, Англии, Франции в XVII – XVIII вв. стали предпосылкой широкой колониальной экспансии названных государств. Колонии служили одним из средств первоначального накопления, были источниками многих видов сырья, служили выгодным внешним рынком. Развитие судоходства и торговли стало предпосылкой роста торгового и военно-морского флота.

Европейские купцы-колонизаторы объединялись в крупные монопольные компании. Торговые компании занимали привилегированное положение и пользовались особым покровительством государства. Монопольные компании обычно наделялись широкими правами. Основанные в начале XVII в. голландская, английская и французская Ост-Индские компании имели право содержать на Востоке свои военные и военно-морские силы, объявлять войну и заключать мир, строить крепости и арсеналы, творить суд и расправу над своими служащими.

ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙЦЕВ ДЛЯ СТРАН ВОСТОКА

В XVII – XVIII вв. главным объектом колониальной политики европейских государств стали страны Востока. Господствующим общественным строем в это время в Азии оставался феодализм на различных стадиях его развития. Колониальная экспансия европейцев нарушила самостоятельное развитие многих стран Востока. Они лишились политической независимости — основной предпосылки нормального экономического и культурного роста, их хозяйство было обескровлено колониальной эксплуатацией и грабежом, их производительные силы были подорваны, а культурная жизнь в большинстве случаев пришла в упадок. Такова была судьба народов Филиппин под властью испанцев, народов Индонезии и Цейлона под пятой голландской Ост-Индской компании, народов значительной части Индии, где в конце XVIII в. утвердились английские колонизаторы. Исторически прогрессивный процесс создания мирового рынка, хозяйственного сближения народов и роста их культурных связей происходил в форме насильственного подавления самостоятельного развития порабощенных народов, обрекая их на экономическую и культурную отсталость.

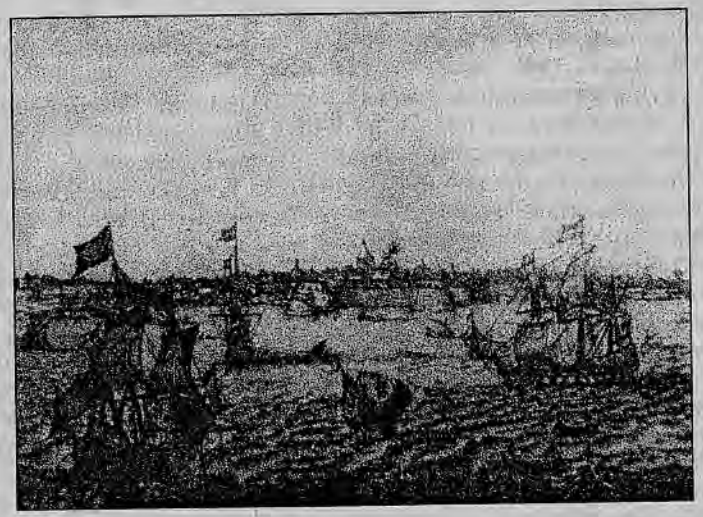
Огромные ценности и сокровища, награбленные европейскими колонизаторами в порабощенных ими странах Азии, вывозились в метрополию и только там получали применение в производстве. Для ограбленных народов это приводило к обескровливанию их хозяйства. Англичане только за первые 100 лет своего господства в Индии выкачали оттуда ценностей на общую сумму 12 млрд. золотых рублей. Захват сокровищ, накопленных индийскими феодалами, усиление феодальной эксплуатации индийских крестьян и крепостническая эксплуатация ремесленников, прикрепленных к факториям Ост-Индской компании; введение монополий на торговлю товарами широкого потребления; обложение вассальных князей тяжелой данью и навязывание им кабальных займов с ростовщическими процентами — таковы были методы первоначального накопления английских колонизаторов в Индии, прежде всего в Бенгалии, захваченной Ост-Индской компанией в 1757 г.

Присвоив себе права верховного собственника на землю и усилив ранее существовавшие формы феодально-налоговой эксплуатации крестьян, английская Ост-Индская компания за короткий срок довела народные массы Индии до полного разорения. Англичане не уделяли внимания поддержанию в порядке оросительных сооружений, что всегда было предметом особых забот со стороны феодальных государств Индии. Это вызвало упадок земледелия в самых плодородных областях Индии, в особенности на восточном побережье Деканского полуострова. Здесь, как и в Бенгалии, джунгли наступали на людей, культурные земли надолго забрасывались.

Голландские колонизаторы впервые появились на Яве в 1596 г. В 1602 г. в целях расширения колониальной экспансии на Востоке шесть нидерландских торговых компаний были слиты в крупную объединенную Ост-Индскую компанию с постоянным акционерным капиталом. Эта компания захватила в течение XVII—XVIII вв. всю Яву, включая Матарам и Бантам, Молуккские острова (острова Пряностей), и создала ряд опорных пунктов и баз на других островах архипелага. Основой голландской колониальной системы на Яве была крепостническая эксплуатация крестьянства. Компания принуждала крестьян возделывать на лучших землях нужные колонизаторам экспортные культуры (кофе, тростниковый сахар, пряности) и доставлять урожай на склады компании. Голландская Ост-Индская компания могла продавать на Амстердамской бирже, куда съезжались купцы

почти всех европейских стран, пряности Индонезии по баснословно высоким ценам. Вся Индонезия была превращена голландскими колонизаторами в поставщика товаров для монопольной торговли Ост-Индской компании с Европой и странами Востока.

Населению Индонезии эта политика принесла огромные бедствия. Своими агентами по ограблению индонезийских



Сурат.
Гравюра XVII в.

крестьян голландцы сделали местных феодалов, которые выколачивали у крестьян в виде налога шедшие на экспорт продукты. Голландцы сохранили за феодалами судебные и административные функции. Всех тех, кто выступал против грабительской политики Ост-Индской компании, голландские колонизаторы беспощадно уничтожали. В дальнейшем голландская и английская Ост-Индские компании превратились в настоящие территориальные державы. Первая еще в начале XVII в. утвердилась в Индонезии, вторая после Семилетней войны 1756—1763 гг. овладела обширными землями в Индии.

Французская Ост-Индская компания выросла на почве феодально-абсолютистских порядков, что наложило свой отпечаток на ее характер и организацию. Целиком зависевшая в финансовом отношении от правительства, фран-

цузская Ост-Индская компания была связана по рукам и ногам бюрократической опекой и мелочным контролем королевских чиновников. Не получая от государства для своих колониальных предприятий достаточной поддержки и испытывая постоянный недостаток в средствах, она была значительно слабее своих английских и голландских конкурентов.

Деятельность монопольных компаний ускоряла развитие капитализма в странах-метрополиях, но тем самым подрывались основы существования самих компаний. Процесс развития капиталистической — мануфактурной — промышленности и формирования промышленной буржуазии приходил в противоречие с монопольными правами Ост-Индских компаний, закрывавших постороннему купечеству непосредственный доступ на колониальные рынки. Широкие круги буржуазии, не связанные с этой монополией, все решительнее требовали ее отмены или ограничения. С другой стороны, методы первоначального накопления, практиковавшиеся Ост-Индскими компаниями в Индии и Индонезии, привели экономику этих стран в такое состояние, что поставили под угрозу самую возможность дальнейшей успешной эксплуатации их богатств. Жадность кучки богачей, заправлявших этими компаниями (общее число пайщиков английской Ост-Индской компании не превышало 2 тыс., голландской — 500 человек), привела монопольные компании на край банкротства. Когда после потери Францией ее владений в Индии в 1769 г. была ликвидирована французская Ост-Индская компания, то выяснилось, что ее убытки за 1725—1769 гг. равнялись 170 млн. франков.

Дефицит голландской Ост-Индской компании достиг в 1791 г. 96 млн. гульденов. Что касается английской Ост-Индской компании, то она долго скрывала свое плачевное финансовое положение, но в конце концов была вынуждена во второй половине XVIII в. также обратиться к правительству за займом для покрытия дефицита. К концу XVIII в. монопольные компании уже отживали свой век.

НАРОДЫ ИНДИИ И ИНДОНЕЗИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЕВРОПЕЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ

Английская Ост-Индская компания в течение почти ста лет (1757—1849) вела непрерывные войны за расширение

своих колониальных владений в Индии, завершив в 1849 г. аннексией Пенджаба утверждение своего господства над всем Индостаном. Колонизаторы могли поддерживать свое господство только постоянным применением военной силы.

Наиболее серьезный отпор английские завоеватели получали со стороны южноиндийского государства Майсур и конфедерации маратхских княжеств. Против англичан в Индии неоднократно поднимались народные восстания. В XVIII в. самым крупным было восстание санияси в Бенгалии.

В Индонезии против голландцев также поднимались народные восстания. Крупное восстание в 1764 г. под руководством Трунджайя охватило Яву и Мадуру. Основную массу восставших составили крестьяне. Главной их целью было изгнание голландских колонизаторов из страны. Голландцам потребовались годы, чтобы задушить это восстание. Еще более крупное восстание произошло под предводительством бывшего раба Сурапатти в конце XVII и начале XVIII в. В этом восстании, как и в восстании Трунджайя, участвовали в основном крестьяне. Только к 1719 г. последние очаги восстания были ликвидированы.

В 1740 г. колониальные власти начали преследования китайских купцов и ремесленников, издавна селившихся на Яве. В ответ китайцы создали вооруженные отряды и совместно с коренным населением поднялись против голландцев и их союзников среди яванских феодалов. Сопротивление повстанцев было сломлено только после длительной и упорной борьбы. В 1750 г. началось новое крупное восстание, возглавленное родственником феодального властителя Матарама — Мангку-Негоро, который собрал под своим знаменем множество бойцов и добился значительных успехов. Это восстание окончилось лишь в 1757 г., когда Мангку-Негоро, удовлетворившись обещаниями и кое-какими уступками, пошел на соглашение с голландцами.

Феодальная раздробленность Индии и Индонезии, искусное разжигание колонизаторами вражды между соперничающими государствами; проведение ими политики «разделяй и властвуй», направленной на использование религиозной и национальной розни и классовых противоречий; склонность местных феодалов, нередко принимавших участие и даже игравших руководящую роль в народных выступлениях, к сговору с колонизаторами ради своих корыстных интересов; стихийный и разрозненный характер борьбы крестьян и ремесленников; наконец, огромное превосходство военной организации и вооружения англичан и голландцев —

все это объясняет, почему колонизаторам удалось не только подавлять сопротивление народов Индии и Индонезии, но и все более расширять свои владения в этих странах. Как английской компании в Индии, так и голландской в Индонезии удалось создать крупные наемные армии, состоявшие главным образом из пауперизированных крестьян и деклассированных элементов коренного населения. Хотя в отдельных случаях солдаты этих армий поднимали бунты и даже переходили на сторону восставшего народа, но в целом они являлись военной опорой колониальной власти и орудием ее дальнейших территориальных захватов. В Индии число таких наемников, именовавшихся сипаями, в 3—4 раза превосходило контингенты европейских войск Ост-Индской компании.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛ В НЕЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ ВОСТОКА

Колониальное проникновение европейцев на Восток оказывало возрастающее влияние и на судьбы тех азиатских стран, которые в XVII—XVIII вв. продолжали сохранять свою независимость. Крупную роль в первоначальном накоплении за счет народов Востока сыграло господство европейцев на морях, омывающих южное побережье азиатского материка. Установив свое преобладание на новооткрытом морском пути из Европы в Индию вокруг Африки и далее на Восток, создав на этих путях многочисленные базы для снабжения и стоянки своих кораблей, европейские колонизаторы фактически монополизировали прибыльную торговлю между Индией и Европой. Именно ко второй половине XVII в. относится окончательное торжество более быстрого, дешевого и безопасного пути вокруг Африки над старыми путями морской и караванной торговли, соединявшими Индию через Персидский залив и Иран с бассейном Черного и Средиземного морей или через Красное море и Египет с бассейном Средиземного моря. Это нанесло сильный удар по многолюдным и богатым городам Азии и Африки, издавна связанным с посреднической торговлей между Западом и Востоком. Упадок таких городов, как Каир в Египте, Дамаск в Сирии, Измир в Турции, Тебриз в Иране, Кабул и Кандагар в Афганистане, Лахор в Индии, был непосредственно обусловлен этим изменением мировых торговых путей.

Европейские пришельцы захватили в свои руки важнейшие отрасли морской торговли между странами Южной и Юго-Восточной Азии, в значительной мере вытеснив индийских, китайских, яванских и арабских купцов из судоходства и морской торговли Индийского океана и Южных морей. Огромные прибыли от этой посреднической торговли доставались теперь европейцам, в первую очередь голландцам

Прием европейцев королем Тернате. Гравюра конца XVII в.

и англичанам. Голландцы, кроме того, практиковали морские набеги на побережья Индии и Китая для захвата рабов.

Проникновение европейских колонизаторов в Японию, Китай, Корею и Вьетнам вызвало ограничительные мероприятия со стороны этих государств. Еще в 1636 г. правительство Токугава воспретило японцам покидать родину и строить корабли, пригодные для дальнего плавания. Было начато гонение на христианских миссионеров, служивших одним из орудий колониального проникновения европейцев. Проповедь христианства была запрещена. Иностранным купцам разрешалось торговать только на острове Дэсима. Эта торговля регулировалась многочисленными ограничениями и могла производиться исключительно через посредство чиновников Токугава. В 1638 г. было издано распоряжение о высылке всех иностранцев и о недопус-

ке их впредь в страну. Исключение было сделано для голландцев, чей флот оказал существенную помощь правительству Токугава в подавлении крестьянского восстания в Симабара в 1637 г. Голландской Ост-Индской компании разрешалось ежегодно присылать один корабль для торговли на остров Дэсиму.

На путь «закрытия» страны стали и маньчжурские правители Китая. В первых же столкновениях с европейскими колонизаторами Китай оказался не в состоянии отстоять свои многочисленные и процветавшие до этого колонии-поселения в странах Южных морей. Это обстоятельство, наряду с разрушительными последствиями маньчжурского завоевания, сыграло немаловажную роль в упадке многолюдных и богатых китайских портовых городов, которые раньше снабжали своими изделиями многие страны Юго-Восточной Азии. В период завоевания Китая и некоторое время после окончательного утверждения своего господства маньчжуры мирились с деятельностью европейских миссионеров, поскольку последние были им нужны в качестве астрономов, математиков, специалистов военного дела. Но с конца XVII в., опасаясь вмешательства миссионеров во внутренние дела страны, маньчжуры стали на путь серьезных ограничений их деятельности. Были закрыты христианские церкви, а миссионеры в большей своей части высланы из страны. В 1757 г. богдыхан объявил закрытыми все порты Китая для иностранной торговли, кроме Кантона; приезд иностранцев был строго ограничен. Но и в Кантоне европейцы могли торговать только с монопольным объединением крупнейших китайских купцов (так называемый кохонг). Однако даже для борьбы против растущего ввоза опиума из владений английской Ост-Индской компании эти мероприятия оказались несостоятельными. Произведенный принудительным трудом бенгальских крестьян опиум поступал на склады Ост-Индской компании и затем контрабандой перебрасывался в Китай. Продавая его, англичане выкачивали из Китая громадное количество серебра и ценных продуктов китайского экспорта.

Корея провела ряд ограничительных мероприятий против иностранцев и превратилась, подобно Китаю и Японии, в «закрытую» страну. Искусственная изоляция этих стран от внешнего мира на время преградила пути колониальному проникновению европейцев. Но это было достигнуто ценой насильственного сохранения замкнутости обширных стран древней и высокой культуры. Таким образом, закрытие Китая

и Кореи в конечном счете не вооружало, а, наоборот, разоружало народы Дальнего Востока перед лицом усилившегося в XIX в. натиска европейской буржуазии.

Быстрее и шире, чем в страны Дальнего Востока, происходило колониальное проникновение европейцев в Османскую империю. Экономические связи многих областей Османской империи, в особенности Египта, Сирии, прибрежных районов Малой Азии и турецких владений на Балканском полуострове, с европейскими рынками существовали с давних времен. Растущая политическая заинтересованность некоторых европейских держав в использовании турецкого союзника в своих военных и дипломатических целях играла также немалую роль в усилении западно-европейского влияния в Османской империи. Наконец, феодальная раздробленность Турции и рост национально-освободительных движений угнетенных народов Османской империи создавали здесь благоприятные условия для быстрого усиления экономических позиций и политического влияния европейских держав, уже в XVIII в. возник так называемый Восточный вопрос — проблема раздела «османского наследства» между европейскими державами.

Капитуляции, в XVI в. представлявшие собою льготы, добровольно жалуемые турецкими султанами подданным некоторых европейских государств, приобретают в XVIII в. характер вынужденных обязательств, облеченных в форму международных договоров, обеспечивающих привилегированное положение европейских купцов в Османской империи. Вся внешняя торговля этого обширного государства, раскинувшегося на трех материках, перешла фактически в руки европейцев, установивших тесные связи с пестрой по своему национальному составу компрадорской буржуазией, которая включала греков, армян, евреев, левантийцев, постепенно превращавшихся в агентов и маклеров европейских торговых фирм.

Усиливается и влияние европейских держав, особенно Франции и Англии, на внешнюю политику Османской империи. Значительных привилегий удалось добиться английской Ост-Индской компании в Иране. В этом отношении наиболее ярким примером могут служить льготы, полученные англичанами в 1763 г. согласно жалованной грамоте тогдашнего правителя Ирана — Керим-хана Зенда. Им предоставлялась экстерриториальность, право беспошлинного ввоза своих товаров, монополия на импорт сукон и ряд других привилегий. Но самым важным ограничением суверените-

та Ирана было разрешение английской Ост-Индской компании сооружать в Бушире и некоторых других портах Персидского залива укрепленные фактории и содержать в них свои военные силы.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ПОРТУГАЛИИ И ИСПАНИИ

Значительные колониальные владения продолжали сохранять Испания и Португалия, сошедшие к этому времени на положение второстепенных держав, все больше теснимых более сильными европейскими государствами. Испанская колониальная империя охватывала большую часть Америки, включая часть Вест-Индии (Куба, восточная половина Сан-Доминго), почти всю Южную (кроме португальской Бразилии) и Центральную (кроме Москитного берега и Гондураса) Америку. В Северной Америке власть испанцев распространялась на Мексику, Флориду и Западную Луизиану. В Юго-Восточной Азии Испании принадлежали Филиппины. К концу XVIII в. в испанских владениях в Новом Свете насчитывалось около 12—13 млн. населения, в том числе 7—8 млн. индейцев, 500—600 тыс. рабов-негров, 1—1,5 млн. креолов (потомков натурализовавшихся в Америке испанских переселенцев) и 3—4 млн. метисов и мулатов.

Португалии принадлежала в Южной Америке огромная Бразилия. В Азии португальцы сохранили отдельные опорные пункты на Тихоокеанском и Индийском побережьях (Макао — в Китае, Гоа — в Индии), но лишились своих наиболее важных владений — Цейлона, Молуккских островов и порта Ормуза в Персидском заливе. В общем португальцы утратили свое былое господство в бассейне Индийского океана, составлявшее до конца XVI в. основу португальской монополии в морской торговле между Азией и Европой.

Основой колониальной системы в испанских и португальских владениях в Новом Свете были захват земли и крепостническая эксплуатация индейского населения, находившегося в полной зависимости от европейских светских и духовных феодалов. Точно так же действовали испанцы на Филиппинах, где огромные массивы земли сосредоточились у католических орденов и монастырей. В Мексике половина земли принадлежала католическому духовенству. В Мексике, как и на Филиппинах, местное население платило многочисленные налоги и выполняло ничем не ограниченные барщинные повинности в пользу государства.

Огромную роль в жестокой эксплуатации рабочей силы местного населения играла добыча драгоценных металлов. За три века испанского господства (XVI—XVIII вв.) из Америки было вывезено золота и серебра на общую сумму 28 млрд. франков. Эти огромные сокровища были добыты путем безжалостной эксплуатации коренного индейского населения.

Внешняя торговля испанских колоний в Америке была крайне ограничена, поставлена под строгий контроль колониальных властей и осуществлялась на началах монополии привилегированными купеческими компаниями метрополии. При посредстве этих монопольных компаний производился вывоз местной продукции и снабжение колоний европейскими промышленными товарами. В интересах кучки монополистов, с одной стороны, запрещалась торговля колоний с другии европейскими государствами, а с другой — ограничивалось развитие местной промышленности и даже отдельных отраслей сельского хозяйства (например, виноградарства и табаководства в Южной Америке), что крайне тормозило рост производительных сил в испанских и португальских владениях. При слабости промышленности самой феодально-абсолютистской Испании по сравнению с передовыми странами Европы вывоз промышленных изделий из метрополии в ее колонии в Новом Свете в XVIII в. сводился главным образом к перепродаже товаров английского, французского и голландского происхождения.

Одновременно огромное распространение получила контрабанда. При посредстве контрабанды, в XVIII в. нередко превышавшей размеры легальной торговли, Голландия и в особенности Англия все больше вытесняли Испанию и Португалию с рынков их собственных колоний в Америке. В начале XVIII в. из 7 млн. ф. ст. всего английского экспорта 3 млн. приходилось на шерстяные ткани, проданные в Испанию и ее колониальные владения. Контрабандная торговля англичан с испанскими колониями в Америке, захват и ограбление английскими корсарами испанских и португальских галеонов, возвращавшихся из Нового Света с грузом золота и серебра, и, наконец, приобретение Англией в 1713 г. по Утрехтскому миру выгодного контракта (асиенто) на ежегодную поставку в Латинскую Америку крупного контингента рабов-негров — все это сыграло важную роль в истории первоначального накопления в Англии, создав вместе с тем

предпосылки к вытеснению Испании и Португалии из американских колоний.

ТРУД РАБОВ И РАБОТОРГОВЛЯ

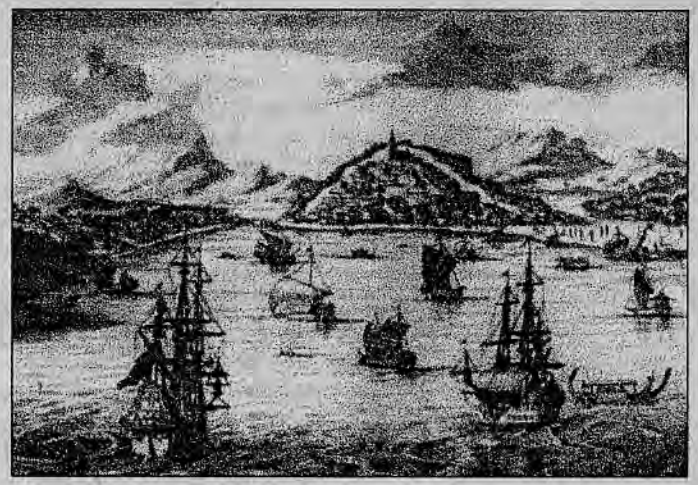
В Новом Свете, испанских и португальских владениях широко применялся рабский труд, главным образом на серебряных рудниках и в плантационном хозяйстве. Поскольку местное индейское население упорно сопротивлялось обращению его в рабство, основной контингент рабов в Америке составляли насильственно захваченные в Африке негры. Особенно крупное значение приобрело плантационное хозяйство в Вест-Индии, где англичане, голландцы и французы устроили свои рабовладельческие колонии на отнятых у испанцев Антильских островах (Сан-Доминго, Ямайка, Барбадос и др.). Здесь коренное индейское население было полностью истреблено и основным эксплуатируемым классом являлись рабы-негры. Число их в 8—10 раз превышало количество белых плантаторов и всего свободного населения. На Ямайке в 1775 г. из общего числа 210 тыс. жителей 192 тыс. составляли негры-рабы; на Сан-Доминго (французская часть) в 1783 г. на 68 тыс. свободных приходилось 452 тыс. рабов. В течение всего периода развития работорговли европейцами было продано в Америку около 8 млн. африканцев, причем в процессе охоты за неграми и во время перевозки их на рынки Нового Света погибло по крайней мере еще 40 млн.

Главные пункты торговли рабами находились на западном берегу африканского континента: район реки Гамбия, Садра-Леки, район дельты Нигера, который получил название Невольничьего рынка и с середины XVIII в. стал объектом упорной борьбы между англичанами, французами и португальцам.

Европейцы сами не предпринимали сложных и опасных экспедиций в глубь континента, а получали рабов у племенных вождей в прибрежных районах в обмен на порох, табак, спирт и другие товары. За 100 лет, с 1680 по 1780 г., из Африки на Антильские острова и в английские североамериканские колонии было вывезено около 2 млн. невольников. К концу XVIII в. ежегодный ввоз составлял до 80 тыс. душ. Половина этой высокоприбыльной торговли живыми людьми приходилась на долю Англии. Ливерпуль, а затем Бристоль

и Лондон богатели на работорговле. Если в 1630 г. к ливерпульскому порту было приписано 15 невольничьих кораблей, то к 1692 г. их уже насчитывалось 132. Работорговлей занимались и голландцы.

Захват африканцев и продажа их в рабство сделались прибыльным занятием и на восточном берегу Африки. Здесь главную роль в работорговле играли арабские купцы. Их



Малакка.
Гравюра XVII в.

наиболее значительными торговыми центрами были Могадишо, Ламу, Малинди, Момбаса, Кильва, Офала. Отсюда рабы вывозились главным образом в страны Азии — в Аравию, Индию, Иран. Однако только в Новом Свете развилась система эксплуатации рабов-негров, являвшаяся даже более жестокой и интенсивной, чем при античном рабстве. По переписи 1783 г., в США на 2,9 млн. всего населения приходилось 400 тыс. рабов. Рабы-негры почти целиком сосредоточивались в южных штатах. Плантатор за несколько лет выжимал из раба все силы и доводил его до смерти. В этих условиях продолжение производства зависело не от естественного прироста рабов, а от постоянного и притом возрастающего привоза новых партий «черного товара» из Африки.

ИСТРЕБЛЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

В переселенческих колониях, куда направлялись не только представители эксплуататорских классов Европы, но и трудовой люд, стремившийся избавиться от нужды, развивались и притом относительно быстро и свободно капиталистические отношения. Этому развитию — прежде всего в Северной Америке, а позже и в Австралии — предшествовало «очищение» земли от местного населения, т. е. фактически его систематическое и беспощадное истребление. Индейцев спаивали алкоголем, индейские племена натравливались друг на друга; их использовали в качестве «союзников» в войнах между английскими и французскими колонизаторами за господство в Северной Америке; у индейцев силой отнимались их земли, и они все более оттеснялись дальше в глубь материка. Законодательные собрания колоний Новой Англии назначали высокую цену — от 50 до 100 ф. ст. за каждый доставленный скальп, в том числе за скальпы индейских женщин и детей.

В течение XVIII и XIX вв. индейское население было почти полностью истреблено. Если ко времени появления англичан в Северной Америке насчитывалось более 2 млн. индейцев, то к началу XX в. их оставалось не более 200 тыс.

НАРОДЫ АМЕРИКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

Борьба народов Нового Света против колониального гнета и эксплуатации выражалась в многочисленных восстаниях рабов и индейцев, в освободительной войне индейских племен Северной Америки против английских и французских захватчиков, в стремлении феодалов испанского происхождения (креолов) и нарождавшейся буржуазии отделиться от Испании и Португалии и создать в Южной Америке свои независимые государства. Все эти формы борьбы были различны по своему классовому содержанию, характеру, целям и задачам. Индейские племена Северной Америки, жившие в условиях общинно-родового строя, стремились отстоять свое независимое существование, свои пастбища и охотничьи угодья от европейских

колонизаторов. Общинно-родовой строй воспитал в индейцах свободолюбие и высокие моральные качества, которые проявились в героической и длительной борьбе с англичанами, французами и с европейскими колонистами, осевшими на американском материке.

Крайне медленные темпы развития производительных сил, примитивность орудий труда и вооружения (лук и копье), невозможность объединения за пределами племени и образования прочного союза племен — все это препятствовало успешной борьбе с колонизаторами. Создавшиеся в ходе борьбы союзы или федерации племен быстро распадались, как это произошло во время большого восстания индейцев во главе с Филиппом против колонистов Новой Англии в 1674—1676 гг. Талантливому вождю Филиппу удалось временно объединить ряд племен, выставивших до 10 тыс. воинов, нанести англичанам ряд чувствительных поражений и даже захватить город Мидлфилдс. Однако огромное военное превосходство колонистов и разногласия, начавшиеся среди племен, поддерживавших Филиппа, дали англичанам возможность в этом, как и в других подобных случаях, одержать победу над индейцами.

Иной характер носила борьба индейцев Южной Америки, превращенных в класс крепостного крестьянства и обрабатывавших земли феодалов и католического духовенства. Восстания индейского населения в ряде случаев, особенно в XVIII в., имели не только освободительный характер (против испанского господства), но и антифеодальную направленность. В 1780—1781 гг. повстанцы в Перу под руководством Тупака-Амару изгнали испанские власти и помещиков из значительной части страны, установили вместо испанской администрации власть своих выборных начальников и сделали попытку создать независимое индейское государство.

Беглые рабы в Бразилии в XVII в. основали республику (Палмарис), в течение десятилетий отстаивавшую в упорной борьбе свою независимость. Но эти разрозненные и стихийные выступления индейского крестьянства оказались неспособными противостоять совместным действиям испанских карательных войск и вооруженных отрядов землевладельцев-креолов.

Длительный и упорный характер приняла во второй половине XVIII в. борьба рабов против рабовладельцев-плантаторов в Вест-Индии. Все более учащавшиеся восстания рабов, массовое бегство их с плантаций, действия воору-

женных партизанских отрядов, создававших свои более или менее устойчивые базы в малодоступных горных и лесных районах архипелага, куда не могли проникнуть карательные отряды, — таковы были главные формы этой борьбы, а ее основные тенденции заключались в ликвидации рабовладения, превращении земельной собственности плантаторов в свободную крестьянскую собственность бывших рабов, в образовании самостоятельных негритянских республик на островах Вест-Индии. Восстания индейцев и рабов-негров подрывали устои господства Испании и Португалии в Новом Свете, а неполноправное положение, в которое были поставлены, несмотря на свое европейское происхождение, феодалы-креолы, растущие экономические связи южноамериканских стран с Англией и препятствия, которые чинили этому колониальные власти, чья стеснительная регламентация распространялась буквально на все стороны экономической деятельности, вызвали появление креольской оппозиции. В дальнейшем эта оппозиция успешно возглавила национально-освободительное движение в Южной Америке.

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ

Торговые войны XVII и XVIII вв. велись европейскими государствами за колониальное и торговое преобладание. Эти войны сопровождались грабительскими нападениями на чужие колониальные владения, развитием пиратства. Торговые войны охватили весь мир. Они велись не только в Европе, но и в лесах Канады, на Антильских островах, на побережье Африки и в Индии. Они способствовали вовлечению новых заокеанских стран и народов в сферу европейских колониальных захватов. Упорство и ожесточение, с которым велись торговые войны, объясняются, с одной стороны, стремлением каждой из соперничавших европейских держав монополизировать в своих руках ограбление стран Азии, Америки и Африки, с другой — тем исключительным значением, которое в мануфактурный период капитализма приобретали внешние, в первую очередь монополизированные колониальные рынки, обычно закрытые для иностранной конкуренции.

Причины исключительной выгодности торговли с колониальными странами заключались не только в ее колониальном характере. Для колоний эта торговля была всегда

неэквивалентной, причем по мере технического прогресса европейской промышленности и растущего применения машин эта неэквивалентность неуклонно увеличивалась. Кроме того, колонизаторы зачастую приобретали продукты колониальных стран даром, путем прямого насилия и грабежа. У индейцев Северной Америки они в обмен на спиртные напитки получали драгоценные меха, а в Африке — слоновую кость и рабов. В странах Дальнего Востока цена золота была значительно ниже по отношению к серебру, чем в Европе, и вывоз золота из Китая, Японии и стран Южных морей приносил добавочные прибыли европейским купцам.

В этой борьбе европейских государств, собственно, и решался вопрос, какое из них завоюет торговую, морскую и колониальную гегемонию и тем самым обеспечит наиболее благоприятные условия для развития собственной промышленности. С морским и колониальным преобладанием Испании и Португалии голландцы и англичане покончили еще в конце XVI — начале XVII вв.

В качестве образцового капиталистического государства этого времени Голландия в области торговли и мореплавания, а также по числу и важности своих колониальных приобретений превосходила любое другое европейское государство. Голландская Ост-Индская компания стала монопольным поставщиком пряностей для Европы. Голландцы утвердились в Индонезии и на Цейлоне, они основали свои «переселенческие» колонии на мысе Доброй Надежды и на побережье Северной Америки. Голландцам удалось временно вытеснить португальцев из значительной части Бразилии, но в дальнейшем им пришлось очистить эту территорию. Зато они прочно овладели Суринамом на восточном побережье Южной Америки и островом Кюрасао в Вест-Индии.

Буржуазная революция 40-х годов XVII в. вывела Англию на широкую арену борьбы за торговую, морскую и колониальную гегемонию. В этой борьбе Англия прежде всего столкнулась с Голландией. В трех кровопролитных морских войнах второй половины XVII в. (165 —1654 гг., 1665—1667 гг., 1672—1674 гг.) голландское колониальное преобладание было сломлено. В последней из этих войн маленькой Голландии пришлось одновременно сражаться с английским флотом на море и с лучшей в Европе французской армией Людовика IV на суше. Из великой торговой и морской державы XVII в., мирового фрахтовщика и банкира Голландия превратилась к началу XVIII в. во второстепенное государство, хотя она благодаря длительным торговым войнам

между Англией и Францией и сохранила почти полностью свои колониальные владения (кроме североамериканских).

Англо-французские войны, начавшиеся еще в конце XVII в., продолжались с нарастающей силой в XVIII в. вплоть до Французской буржуазной революции. Колониальные интересы Англии и Франции сталкивались во всем мире: в Вест-Индии, где англичанам принадлежала Ямайка, Барбадос и ряд других островов, а французам — западная часть Сан-Доминго, Мартиника и Гваделупа; в Северной Америке, где в английских руках было восточное побережье Атлантического океана до Аллеганских гор, а Канада и Луизиана были колониями королевской Франции; в Индии, где английскими опорными пунктами были Мадрас, Бомбей и Калькутта, а французы располагали такими укрепленными базами на Коромандельском побережье и в Бенгалии, как Пондишери и Чандернагор.

Не меньшие противоречия возникли между Англией и Францией на Леванте, где развивалось их соперничество за торговое и политическое влияние. Наконец, как англичане, так и французы принимали самое деятельное участие в работорговле, стремясь монополизировать это прибыльное дело в своих руках.

В торговых войнах с Францией Англия обладала рядом преимуществ. Главнейшим из них было то, что Англия уже совершила свою буржуазную революцию, а Франция только шла к ней. Отсталость социально-экономического и политического строя Франции, засилье дворян, произвол чиновников, деспотизм королевской власти, бесправное положение буржуазии были основными причинами конечного поражения феодально-абсолютистской Франции в ее соперничестве с буржуазной Англией. Одновременная война на море (против Англии) и на суше (против континентальных государств, блокировавшихся с Англией) истощила силы Франции и ускорила приближение кризиса феодально-абсолютистской монархии. Что же касается англичан, то, пользуясь преимуществом своего островного положения, они по существу ограничивались ведением морской и колониальной войны. Участвуя в войнах на европейском континенте, Англия использовала попеременно то Австрию, то Пруссию в качестве своих союзников, которых она снабжала деньгами и оружием. Основная задача, которую ставила себе при этом Англия, заключалась в том, чтобы, во-первых, не допустить захвата Голландии сильной континентальной державой и, во-вторых, используя систему своих европейских

союзов, нанести удар Франции, претендовавшей на гегемонию в Европе, а если удастся, то и захватить все или часть французских заокеанских владений.

В войне за Испанское наследство (1701—1713) Англия не допустила соединения испанских и французских колоний под фактическим верховенством Франции. Тогда же Англия овладела Гибралтаром и некоторыми территориями в Северной Америке (Акадия) В войне за Австрийское наследство (1740—1748) ни та, ни другая сторона не одержала решающего успеха. В Индии французы овладели Мадрасом и на короткий срок распространили свое влияние на значительную часть Декана, но по мирному договору 1748 г. они не смогли удержать Мадрас Его пришлось вернуть англичанам в обмен на крепость Луисбург, захваченную последними в Канаде.

Мир 1748 г. положил конец военным действиям только в Европе. В северо-американских колониях и в Индии война фактически продолжалась. Война за Австрийское наследство окончательно подорвала морское могущество Франции К концу этой войны большинство французских фрегатов и линейных кораблей покоилось на морском дне. После заключения мира Франция располагала всего 67 линейными кораблями против 140 английских. Семилетняя война закончилась разгромом Франции на море и в колониях. В Северной Америке Франция навсегда потеряла Канаду, в Вест-Индии она лишилась нескольких островов. Все, что потеряла побежденная феодально-абсолютистская Франция, приобрела капиталистическая Англия. Она стала господствующей силой в Индии, а после завоевания Канады — и в Северной Америке, и на долгий срок завоевала положение самой сильной морской державы

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. НАЧАЛО РАСПАДА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. БАЛКАНСКИЕ И АРАБСКИЕ НАРОДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII В. 5

Расцвет могущества Турции в XVI—XVII вв. — 5. Сулейман II — 7. Внутренняя политика. Янычары — 7. Военно-ленное землевладение — 9. Внешняя политика — 11. Начало упадка Турции — 12. Турция и Москва — 13. Борьба с Венецией — 13. Ухудшение экономического положения Турции — 14. Внешняя политика Турции в XVII в. — 15. Русско-турецкие отношения в XVII в. — 16. Политика Турции по отношению к Австрии, Польше и Венеции в XVII в. — 18. **1. Упадок турецкого государства — 19.** Снижение военной мощи. Поражение под Веной — 23. Восстание Патрона-Халила — 27. Усиление влияния западных держав на Турцию. Восточный вопрос — 31. **2. Столкновение геополитических интересов. Русско-турецкие войны — 35.** Русско-турецкая война 1763—1774 гг. — 46. Русско-турецкая война 1787—1791 гг. — 52. **3.Хозяйственный и политический кризис Османской империи в конце XVIII в. — 60.** Упадок культуры — 67. Турецкая литература — 69. **4. Балканские народы под властью Турции — 74.** Освободительная борьба балканских народов против турецкого ига — 77. Начало национального возрождения балканских народов — 83. Литература Молдавии и Валахии — 85. Болгарская литература — 89. Сербская литература — 92. Греческая литература — 95. **5. Арабские страны под турецким господством — 98.** Египет — 98. Сирия и Ливан — 101. Ирак — 104. Аравия — 106. Арабская культура в XVII—XVIII вв. — 109. Литература Египта, Сирии и Ирака — 110.

Глава 2. ИРАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII В. 119

Экономическое положение — 119. Упадок государства — 124. Иран под властью афганских завоевателей — 127. Надир-шах — 128. Завоевательные походы Надира — 129. Аграрная политика Надир-шаха — 131. Народные восстания — 132. Народно-освободительные движения народов Кавказа и Средней Азии — 134. Распад державы Надир-шаха — 144. Иран к концу XVIII в. — 148. Культура — 151. Персидская литература — 152.

Глава 3. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН 156

Хозяйство — 157. Политические изменения в Средней Азии — 159. Бухара и Хива. Кокандское ханство — 160. Хива — 163. Фергана — 169. Культурная жизнь народов Средней Азии в XVIII в. — 173. Образование — 174. Искусство — 176. Казахские ханства в XVI—XVII вв. — 178. Казахские ханства в конце XVII — начале XVIII в. Жеты-Жаргы — 182. Верования и религия — 187. Архитектура и декоративная роспись — 189. Связи казахских ханств с Россией — 192. Внешнеполитическое положение казахских ханств в XVIII в. — 200. Освободительная борьба казахского народа против джунгарского нашествия — 203. Начало присоединения Казахстана к России — 206. Принятие российского подданства Младшим жузом — 208. Принятие российского подданства Средним жузом — 211. Социально-экономическое развитие Казахстана во второй половине XVIII в. — 215. Строительство укрепленных линий и городов — 217. Рост земледелия и ремесла — 221. Внешнеполитическое положение Казахстана — 223. **Литература Средней Азии и Казахстана — 228.** Таджикская литература — 230. Узбекская литература — 233. Туркменская литература — 234. Казахская литература — 237.

Глава 4. РАСПАД ИМПЕРИИ ВЕЛИКОГО МОГОЛА И ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ АНГЛИЧАНАМИ ... 240

Экономика державы Моголов — 240. Земледелие и ремесло — 241. Новые явления в экономике — 242. Разложение деревенской общины — 244. Аграрная политика — 246. Ослабление державы Моголов — 248. Распад Могольской империи — 249. Европейские торговые компании в Индии — 254. Русско-индийские отношения — 258. **Правление Аурангзеба — 260.** Ремесло и торговля — 261. Религиозная политика — 262. Народное движение маратхов — 263. Народные восстания во второй половине XVII в. — 266. Завоевание Биджапура и Голконды — 268. Развитие феодализма у маратхов — 268 **Сикхи — 270.** Образование государства сикхов — 280. Объединение страны — 286. Выступления против власти Моголов. Сикхи и джаты — 289. Восстание маратхов — 291 Шиваджи — 292. Возвышение маратхов — 293. **Завоевание Индии англичанами — 295.** Англо-французская борьба за Индию — 300. Завоевание Бенгалии английской Ост-Индской компанией — 303. Разграбление Бенгалии — 307. Ограбление вассальных княжеств — 310. Восстания против английских колонизаторов в Бенгалии — 311. «Двойственное управление» — 313. Парламентский акт 1774 г. Уор-

рен Гастингс — 314. Война Ост-Индской компании с маратхами и Майсуром — 316. Парламентский акт 1784 г. — 317. Индийская культура — 318. Индийская литература — 318.

Глава 5. КИТАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ 325

1. Борьба китайского народа против маньчжурских завоевателей — 325. Война в Центральном и Южном Китае — 327. Борьба в юго-восточных и южных провинциях — 330. Подъем освободительной борьбы в конце 40-х — начале 50-х годов XVII в. — 333. Окончательное покорение Китая маньчжурами — 336. **2. Экономическое положение Китая в конце XVII и в XVIII в. — 339.** Аграрный строй — 339. Города — 343. **3. Государственный строй и внешняя политика империи Цин — 346.** Центральное и местное управление — 346. Сословный строй — 347. Государственный аппарат Цинской империи — 349. Политика Цинов в области идеологии — 364. Внешняя политика — 371. Войны династии Цин — 376. **4. Китайский народ в борьбе против маньчжурского владычества — 377.** Антиманьчжурское движение в Китае под руководством тайных обществ — 378. Народные восстания в XVIII в. — 388. **5. Культура — 390.** Философия — 392. Филология — 393. Историография — 394. Художественная литература — 395.

Глава 6. НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ К НАЧАЛУ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ .. 402

1. Народы Австралии — 403. Хозяйство австралийцев — 403. Общественный строй — 404. Верования и духовная культура — 405. Тасманийцы — 406. **2. Народы Океании — 406.** Техника и хозяйство жителей Океании — 406. Меланезийцы — 407. Полинезийцы — 409. Заселение Полинезии — 409. Микронезийцы — 415. Таити, Туамоту, Гамбье и Маркизские острова. Экономическое и культурное развитие. — 416. Архипелаг Таити — 433. Маркизские острова, Туамоту, Гамбье. — 433. **3. Начало европейской экспансии в Океании — 436.** Первые европейцы на Таити — 438. Начало британской колонизации — 447. Проникновение европейского бизнеса — 457. Новая Гвинея — 457. Укрепление Голландии — 457. Англичане на Новой Гвинее — 459. Дятельность Миклухо-Маклая — 460. Природные богатства — 460. Колонизаторы — 462. Миссионеры — 463. **4. Первые европейские завоеватели на Филиппинах — 464.** Путешествие Магеллана — 467. Экспедиция Легаспи — 469. Борьба за власть над Филиппинами — 470. Борьба Филиппинского народа — 471.

Глава 7. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ К КОНЦУ XVIII В. КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ УПРАВЛЕНИЯ В ОКЕАНИИ 478

Система эксплуатации — 481. Влияние европейской колонизации на жизнь коренного населения — 484. Изменения в быту — 485. Последствия колониальной политики европейцев для стран Востока — 489. Народы Индии и Индонезии в борьбе против европейских колонизаторов — 492. Европейский капитал в независимых странах Востока — 494. Колониальные владения Португалии и Испании — 498. Труд рабов и работорговля — 500. Истребление коренного населения в колониях Северной Америки — 502. Народы Америки в борьбе против колониального гнета — 502. Торговые войны — 504.